VISIT…

ИСТОРИЯ КАЗАЧЕСТВА

В.Н. КОРОЛЕВ

БОСФОРСКАЯ ВОЙНА

МОСКВА
«ВЕЧЕ»
2007

Королёв В.Н.
К68 Босфорская война/Владимир Королёв. - М.: Вече, 2007. — 608 с.: ил. — (История казачества).

ISBN 978-5-9533-2099-3

Книга историка В.Н. Королёва является первым серьезным исследованием морской войны, которую в XVII веке вело казачество против Османской империи в ее центральном регионе, охватывавшем Босфор и Стамбул. Многие события этой войны освещаются впервые. В книге использованы разнообразные, в том числе редчайшие, отечественные и зарубежные источники.

© Королёв В.Н., наследники, 2007
© ООО «Издательский дом «Вече», 2007

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга «Босфорская война», раскрывающая до сих пор малоизвестные страницы героической борьбы донских и запорожских казаков на море с турецкой экспансией в XVI—XVII вв. и роль этой борьбы в судьбах России и Европы, принадлежит перу советского и российского историка, доктора исторических наук, донского казака Владимира Николаевича Королёва. Морские походы казаков против мощнейшего государства Евразии того времени — Турецкой империи (Османской империи, или Оттоманской Порты, как ее было принято называть на Западе) поражали европейских современников необычайным мужеством и воинским и мореходным искусством, с какими казачество в одиночку вело успешную партизанскую войну — войну с врагом, против которого сами «европейцы» не осмеливались поднять оружие. Московская Русь того времени также практически ни в чем не оказывала помощи казакам — хотя именно они этой своей борьбой препятствовали грабительским набегам турок и их вассалов — крымских татар на окраины России и Украины. Войну с врагом, ежегодно угонявшим на рынки Средиземноморья десятки тысяч взятых в рабство русских, украинцев, поляков, молдаван, венгров и представителей многих других

народов, «христианские казачьи республики» Дона и Днепра вели на собственный страх и риск, своими силами и умом, мужеством и умением — и война эта не была проиграна казаками.

Не известные не только широкому читателю, но и многим исследователям подвиги казаков на море и на суше, разгром турецких эскадр и взятие штурмом городов, партизанские рейды на Стамбул и беспрецендентная оборона отбитого у турок Азова против двухсоттысячной армии султана изложены донским историком в популярной — и в то же время глубоко научной форме. В.Н. Королёв всесторонне анализирует ход «Босфорской войны», приводя уникальные документальные свидетельства: отчеты и донесения европейских посольств и разведчиков в Стамбуле, выдержки из хроник турецких историков того времени, из грамот Посольского и других приказов Москвы, а также точки зрения отечественных и зарубежных историков по вопросам, касающимся всех аспектов этих событий.

Изложение событий морского похода запорожцев и донцов на Трапезунд под флагом претендента на турецкий престол — крещеного «царевича» Яхьи; технологии абордажа вооруженных тяжелой артиллерией судов казаками в открытом море при посредстве одних только легких гребных челнов — и внезапных нападений на укрепленные поселения противника; богатейшая добыча, достававшаяся победителям в результате морских схваток и вылазок на побережья Крыма и Босфора; истории восстаний закованных в цепи гребцов на турецких галерах, их захвата — и возвращения освободившихся из плена атаманов и казаков на родину через страны Европы и Азии, не оставит равнодушным ни одного любителя исторических приключений.

Интересующийся историей и культурой средневекового Востока читатель найдет на страницах этой книги подробности жизни Стамбула и других турецких городов и селений XVI—XVII веков, секреты внешней и внутренней политики турецких султанов, их взаимоотношений с приближенными, вассалами и правителями соседних держав, тонкости «карьерного роста» турецких военачальников, адмиралов и визирей, конфликтов между армией и мирным населением Турецкой империи и многое другое. Автор этой книги много и плодотворно работал в государственных архивах Стамбула, до сих пор недоступных большинству отечественных исследователей, и некоторые из приводимых им сведений публикуются на русском языке впервые.

В нашем издании мы приводим «Босфорскую войну» В. Н. Королёва без сокращений — за исключением «Введения», написанного слишком сложно для популярной книги. В нем В.Н.Королёв освещает историю научных исследований этой темы в целом, приводит перечень авторов, касавшихся вопроса боевых действий казаков с турками в описываемый период, излагает их точки зрения и делает общий вывод о недостаточной изученности темы в целом в мировой науке. Следует особо подчеркнуть позицию автора, изложенную во «Введении», о распространенных в мировой и отечественной науке оценках походов казаков на Босфор — как прежде всего «грабительских». Донской ученый утверждает — и доказывает каждой страницей этой книги, — что борьба казаков с Османской империей на суше и на море имела характер активного противодействия растущей турецкой агрессии, была войной за вольные «божьи пути» по Днепру и Дону в Черное и Азовское моря, которые турецкие султаны стремились наглухо закупорить для христианских народов. В этой борьбе рядом с казаками можно было поставить разве что Мальтийский орден рыцарей Святого Иоанна, который вел непрерывную войну на море с турками и берберийскими пиратами (однако отважные мальтийцы, несмотря на то что были христианами, удерживали захваченных турками в рабство православных, которых им удавалось отбить, и сами использовали их как рабов. Казаки же освобождали отбитых христиан — и православных, и католиков — и таким образом «давали фору» в рыцарстве самому благородному из духовно-воинских орденов тогдашнего мира).

Читая книгу В.Н.Королёва «Босфорская война», вы лишний раз убедитесь в том, что нам нечего стыдиться своих предков. Напротив — нам должно быть стыдно за то, что мы так мало знаем о их беспримерной доблести и дарованиях, приложенных к борьбе за Божью правду — мировую справедливость и собственную независимость. Надеемся, что данным изданием мы в определенной мере восполняем этот недопустимый пробел.

Б. Петухов

Глава I

ПРЕЛЮДИЯ БОСФОРА

1. Причины и цепи войны

Становление и ранняя история запорожского и донского казачества пришлись на эпоху непрерывного расширения Османского государства и вытекавшей отсюда страшной уфозы, которая имела общеевропейский характер. Казаки оказались на острие борьбы стран и народов Юго-Восточной Европы против турецкой экспансии, за самостоятельное существование.

Современные тюркологи и специалисты по европейской истории признают, что все войны, которые в рассматриваемое время вела Турция, были афессивны. Если говорить только о XVI в., то в его первой трети Османская империя покорила Курдистан, Северную Месопотамию, Сирию, Хиджаз со священными для мусульман городами Меккой и Мединой, Египет, Родос и часть Венфии; во второй трети — Аден, Йемен, Ирак и Западную Армению; в последней трети — Кипр, Тунис и Валахию. В том же столетии турецкими владениями стали большинство островов Эгейского моря и часть Далмации. Затем территориальные приобретения османы сделали в результате войн с Венецией 1645—1669 гг., Австрией 1663—1664 гг., Польшей 1666-1672 гг. и Россией 1677-1681 гг.

Регулярные же крымские набеги за «полоном», которые, по выражению М.А. Андриевского, вылились в «людоловлю посредством аркана и чембура», тем более не подпадают под определение оборонительных войн. Можно отослать читателя к весьма впечатляющему перечню татарских походов на Русь во второй половине XVI в. и подробному рассказу о таких же набегах первой половины XVII в. у А.А. Новосельского. Согласно подсчетам Алана У. Фишера, между 1475 г. и концом XVII в. из украинских и польских земель было угнано в Крым свыше 1 млн человек. А.А. Новосельский подсчитал, что в первой половине XVII в. татары увели в плен из Московского государства как минимум 150—200 тыс. человек, в том числе за десятилетие 1607— 1617 гг., по самым скромным оценкам, 100 тыс. человек[1].

О турецкой экспансии в Причерноморье скажем подробнее. Еще в первой половине 1210-х гг. тюрки захватили Восточную Пафлагонию в Трапезундской империи и вышли к Черному морю. Вскоре начались пиратские нападения тюркских судов из Синопа на прибрежные населенные пункты Причерноморья, в частности Крымского полуострова. В первой половине XIV в. отмечены набеги мусульманских пиратов на Азовское море. Это пиратство не прекращалось и далее, а разбойничьи нападения на венецианские суда, шедшие из Трапезунда, послужили поводом для объявления Венецией в 1416 г. войны османам. К этому времени уже более полувека, с 1360 г., турецким владением являлась и Западная Пафлагония, отторгнутая у Византии.

В 1361 г. турки овладели Адрианополем, который превратили в свою столицу Эдирне, после чего началось планомерное завоевание Балкан и, соответственно, побережья Румелии. В 1385—1397 гг. были подчинены все болгарские земли вместе с их черноморскими берегами. Правда, в 1402 г., после монгольского вторжения в Малую Азию, Византии удалось вернуть себе побережье от Босфора до Варны, но в 1422 г. турки снова захватили эту территорию.

В 1453 г. пал Константинополь и прекратило свое существование Византийское государство — остаток некогда великой и грозной державы. Все Южное Причерноморье и Босфор с обоими берегами стали важнейшей частью создававшейся Османской империи. Буквально наследующий год после падения Константинополя турецкая эскадра приходила к Кафе (Феодосии), обстреляла Монкастро (будущий Аккерман) и разфомила С-бастополис (будущий Сухум), продемонстрировав таким образом появление на Черном море новой ведущей силы и ее готовность к экспансии в Северном, Западном и Восточном Причерноморье. Тогда же Крымское ханство получило от Турции обещание помочь в изгнании генуэзцев из Кафы.

Османский флот усиливал свою активность на Черном море вплоть до начала 1470-х гг., когда Мехмед II Фатих (Завоеватель) «развернул» внешнюю политику империи в сторону Юго-Восточной Европы. Результаты не замедлили сказаться: в 1475 г. турки, действуя флотом из 300 кораблей, захватили итальянские колонии Кафу и Воспор (Керчь) в Крыму, Тану (Азов) в дельте Дона, Матрегу (Тамань), Мапу (Анапу) и Копу на Кубани, ликвидировали крымское Мангупское княжество, затем завоевали крымские итальянские колонии Чембало (Балаклаву) и Солдайю (Судак), овладев тем самым всеми стратегическими пунктами побережья Крыма и Таманского полуострова.

С 1475 г. Крымское ханство стало вассальным образованием в составе Османского государства. Все черноморские порты Крыма в 1478 г. отошли непосредственно Турции; ханству оставили лишь один Гёзлев (Евпаторию). Азов, закрывавший выход из Дона, был превращен в

«самый северный форпост Османской империи». Сразу после установления османского господства в Крыму Литовское государство потеряло черноморское побережье между устьями Днепра и Днестра — район современных Херсона, Очакова и Одессы, имевший славянское население, — он перешел к татарам и, следовательно, к Турции. В 1492 г. была возведена Очаковская крепость, сторожившая выход из Днепра.

В 1456 г. османы заставили платить дань Молдавское княжество, которое в 1473 г. сумело от нее освободиться, а в 1484 г. оккупировали принадлежавшие Молдавии Килию и Аккерман — главнейшие в стратегическом и торговом отношении пункты в устьях Дуная и Днестра. Последний пункт затем превратился в центр Буджакской орды, возникшей из крымских переселенцев. Молдавия долго сопротивлялась турецкой агрессии, пока не была в 1538 г. оккупирована османско-татарской армией и окончательно не попала в вассальную зависимость от Стамбула.

По взятии турками в 1461 г. Трапезунда и падении Трапе-зундской империи в состав Османского государства попало и юго-восточное побережье Черного моря. С того времени усилился натиск Стамбула на грузинские земли. В соответствии с турецко-персидским договором 1555г. Османской империи доставались Гурия и Мегрелия с их черноморскими берегами. В 1570-х гг. турки построили прибрежные крепости Сухум, Баладаг (Гагру) и укрепление в устье Риони. Грузинские государственные образования, лавируя между Стамбулом и Тегераном, пытались отстоять свой суверенитет, но в конце концов оказались на положении турецких и персидских вассалов, что подтвердил османско-персидский договор 1639 г.

Султанскому правительству на протяжении XVI— XVII вв. не удалось полностью покорить все адыгские и абхазские племена между Керченским проливом и Мегрелией, но прибрежная полоса и этой территории юридически являлась турецкой.

В 1568 г. была образована Кафинская лива (провинция), в которую вошли северо-причерноморские владения османов, а в следующем году, опираясь на Кафу и Азов, Турция совместно с Крымским ханством предприняла неудавшуюся попытку завоевания Нижнего Поволжья, уже принадлежавшего тогда России (османский флот прошел вверх по Дону до волжско-донской Переволоки). Неудача «астраханской экспедиции» и поражение татарского войска в 1572 г. под Москвой, которую годом раньше крымцам удалось сжечь дотла, остановили турецко-татарскую экспансию на российском направлении. Планы ее развития, однако, существовали и позже, как и идея занять Украину «по Киев»[2]. Характерно, что в Турции, согласно мусульманской традиции, разделяли все соседние немусульманские страны на две категории: территории мира (дар ас-сульх) в случае, если они выплачивали дань, и территории войны (дар аль-харб) в противном случае. Соответственно отношения исламского мира с немусульманскими государствами теоретически могли быть либо отношениями покровительства, либо отношениями войны.

После завоевания обширных европейских территорий и захвата черноморских и азовских берегов османские монархи стали считать себя «султанами двух континентов и двух морей» (Средиземного и Черного), что и нашло отражение в падишахском титуле. Овладев Константинополем, турки, по замечанию С. Дестуниса, «присвоили себе исключительное обладание над тем (Черным. — В.К.) морем и в продолжение трех веков не позволяли плавать на нем никакому европейскому народу. Это было легко исполнить, потому что они владели Фракийским Босфором». Однако реального монопольного обладания Черным морем Турция добилась не сразу после 1453 г. Хотя османы по взятии Константинополя закрыли Босфор для прохода судов большинства европейских стран, до 1475 г. Генуя с трудом еще сохраняла право судоходства через пролив для сообщения со своими колониями, и такое же, хотя и ограниченное, право до 1520-х или 1530-х гг. имела Венеция. Кроме того, до покорения всего черноморского побережья местные государственные образования пользовались морем без турецкого ведома и разрешения.

Полный контроль над Азово-Черноморским бассейном Османская империя установила только после покорения Восточного Причерноморья, и о фактическом османском владении всем Черным морем можно говорить применительно к периоду, начинающемуся с 1570-х гг. В этот период доступ в море для иностранных судов был совершенно закрыт, и плавать можно было только под турецким флагом; местное, «туземное» судоходство разрешалось лишь на основе признания соответствующими территориями османского сюзеренитета и под контролем турецких властей.

Азово-Черноморский бассейн надолго превратился в османское «внутреннее озеро». Даже в 1699 г., когда Азов и Азовское море уже перешли «под московскую руку», представитель правительства Турции, «тайных государственных дел секретарь» Александр Маврокордато, соглашаясь на мореплавание России до Керчи и отказывая в свободе черноморского судоходства, заявлял, что Османское государство рассматривает два моря — Черное и Красное — «яко чистую и непорочную девицу и не токмо иметь на них кому плавание, но и прикоснуться никого никогда не допустит»[3], что поскольку французским, английским, голландским и венецианским судам по Черному морю ходить не дозволено, то и русским это позволить решительно невозможно, и что «по Черному морю оных государств кораблям ходить будет свободно тогда, когда Турское государство падет и вверх ногами обратится»[4].

Из этой генеральной позиции безусловно вытекало, что одно только появление на Азовском и Черном морях любого казачьего судна турки рассматривали в качестве враждебного акта, а всякая запорожская чайка или любой донской струг, попав в воды этих морей, оказывались вне закона и должны были быть потоплены или по крайней мере задержаны. Появление же казачьих судов у Анатолии и на Босфоре, которое никто в Стамбуле поначалу не допускал, расценивалось как крайне возмутительное деяние, едва ли не потрясение основ миропорядка и личное оскорбление «султана двух морей».

Между тем точность обязывает сказать, что упомянутые ранее полный турецкий контроль над Азово-Черноморским бассейном и османское владение Черным морем не следует понимать буквально и безоговорочно: из-за казаков это были не совсем полный контроль и не совсем полное владение. Как отмечает С. Дестунис, «султаны никогда не были полными обладателями всех берегов морей Черного и Азовского. Запорожские и донские казаки свободно плавали по тому и другому на своих ладьях и простирали свои грабежи до берегов Анатолии и до самого Константинополя...»

Вопрос о предпосылках, причинах и целях босфорских походов Войска Запорожского и Войска Донского, по существу, совсем не разрабатывался в исторической литературе, которая до сих пор еще четко не определилась и в причинах казачьей войны на море вообще. Последние рассматривались бегло и поверхностно, и дело зачастую сводилось к жизненной необходимости для казаков получения добычи, к неудержимой жажде «зипуна», к стихии «разбоев» и т.п., хотя иногда, напротив, встречались слова о казачьем отпоре турецкой агрессии и мщении за поруганную родную землю.

Выявление предварительных условий и обстоятельств, из-за которых началась морская война, затруднялось среди прочего «варшавско-центристскими» или «московско-центристскими», «государственными» позициями ряда авторов, смотревших на действия казаков с точки зрения интересов польской или российской внешней политики. Отсюда появлялись упреки в адрес казаков, которые-де не могли «широко взглянуть надело и отрешиться от своих местных интересов», причем эти упреки не сопровождались объяснением причин, по которым казачество должно было приносить свои интересы в жертву интересам «высоких покровителей», воспринимать международные отношения только их глазами и непосредственно действовать обязательно так, как считали нужным в далеких столицах.

Н.А. Мининков объясняет расхождения между Москвой и Войском Донским, касавшиеся военных действий против татар и турок, еще и тем, что «донским казакам была гораздо понятнее, чем крепостническому правительству, ненависть народных масс (России. — В.К.) ктурецко-крымским захватчикам, почти ежегодно уводившим большие массы населения южных окраин. На борьбу с Турцией и Крымским ханством казаки смотрели не глазами правительства, а народа, считавшего полезным и оправданным всякое мероприятие против Азова и Крыма».

От этого замечания остается, собственно, один шаг к констатации того факта, что Войско Донское (как и Войско Запорожское) длительное время было субъектом международного права и что военные действия казаков в первую очередь обеспечивали их собственные интересы, политику казачьего Войска, а уже во вторую очередь — интересы и политику московского правительства. Вообще эту мысль в несколько более «мягкой» форме уже высказывал С.И. Тхоржевский: «Войско самостоятельно вело войну и заключало всякие договоры, признавая одно ограничение, чтобы в общем их действия служили "дому Пречистой Богородицы" и московскому государю, интересы которых они сами определяли, не забывая, конечно, о своих собственных»[5]. Эти интересы часто совпадали, но случалось, что не во всем, а иногда и вовсе расходились, и в последнем случае Войско Донское, разумеется, действовало в собственных, а не в «посторонних»

интересах, что и приводило к известным конфликтам. То же самое относится и к Войску Запорожскому и Речи Посполитой.

Мы не собираемся обстоятельно рассматривать предпосылки и причины казачье-турецкой войны и затронули их, только имея в виду, что причины появления казаков у Босфора невозможно объяснить с «зипунной» или «государственной» (польской или московской) точекзрения, поскольку эти причины будут тогда выглядеть в первом случае просто как проявление казачьей стихии, аво втором — как выражение казачьего «злодейства». Вряд ли серьезный исследователь согласится с таким «глубоким» объяснением, обратив внимание на то, что «стихийность» и «злодейство» проявлялись на далеком Босфоре в течение долгого времени, упорно и систематически. Без сомнения, причины Босфорской войны следует искать не в разгуле стихии и не далеко за пределами казачьих сообществ, а в них самих, в их «местных» интересах и политике.

С этой точки зрения набеги на Босфор являлись логическим продолжением и следствием многолетней и упорной войны на море, которую, по имеющимся на сегодня данным, днепровское казачество вело с конца XV в. и донское — с первой половины XVI в. Но можно полагать, что и в море вообще, вначале в воды Северного Причерноморья, запорожцев и донцов «вытянула» логика событий.

Водные промыслы занимали весьма значительное место в занятиях предшественников и предков казаков, равно как и их самих[6], и оба казачьих сообщества не случайно образовались на двух великих водных артериях. Первыми известными видами хозяйственной деятельности раннего казачества являлись рыболовство и охота, дававшие ему основные средства пропитания. Источники очень рано фиксируют у казаков речные суда, а к концу XV в. днепровцы уже занимались рыбной ловлей в низовьях своей реки, выходили за рыбой в Черное море и ходили на судах за солью в Хаджибейский (Днепровско-Бугский) лиман.

Низовья Днепра и Дона в силу природных особенностей этих артерий и биологии их животного мира представляли особую ценность и наибольшие возможности для рыболовства, и нетрудно представить реакцию местных жителей, не покорившихся туркам и татарам, на произведенное впервые в истории этих мест перекрытие устьев рек османскими крепостями, армейскими подразделениями и кораблями[7]. Турки, закрывая «низовцам» выход в море, пытались взять под контроль их жизнь и хозяйственно-торговые занятия, что не могло не вызвать ответные действия.

Вообще говоря, господство над устьями рек любой силы, которая была враждебна населению, проживавшему выше по течению этих же рек, очень часто провоцировало борьбу за речные устья и, следовательно, за выход в море, и еще сугубый материалист Карл Маркс считал ее «естественным следствием» такого положения дел[8]. В сущности, замечал И.Е. Забелин, казачьи морские набеги — эта «борьба за «божью дорогу», за свободный выход на море» — являлись «нескончаемою народною войною с турками и татарами за обладание морскими и береговыми угодьями, без которых приморскому населению невозможно было существовать». Приведем здесь и мнение более позднего историка, который, говоря о турецком наступлении на Дону, начавшемся в XV в., характеризует антиосманскую борьбу казаков как «вынужденный ответ» и «акт защиты родной земли»[9].

Османские черноморско-азовские опорные пункты, располагавшиеся на морском побережье или в непосредственной близости от него и являвшиеся важными политико-экономическими центрами новой властной системы, выступали в качестве организаторов набегов на казачьи поселения. И даже когда эти нападения осуществляли татары, наиболее мобильные в налетах, казаки знали, что за спинами нападавших стояла Турция. Крымцы, впрочем, это никогда и не скрывали. Наше государство, писал хан Девлет-Гирей I польскому королю Стефану Ба-торию в связи с казачьими действиями, «входит в состав империи его турецкого величества, и империя его турецкого величества — все равно, что наше государство; вред, причиненный его турецкому величеству, — все равно, что нам причиненный вред, и обратно»[10]. Для того чтобы «достать» упомянутые опорные пункты, приходилось выходить в море, обеспечивая себе «явочным порядком», или, иными словами, силой, свободу мореплавания: казаки «Черное море... отпирали своими саблями».

У крепостей и позади них был османский флот, защищавший и связывавший их с Анатолией и Стамбулом. Именно там, за морем, находились жизненные центры империи, и для нане- сения наибольшего урона врагу и осуществления наиболее эффективных ударов, которые давали возможность захватывать ценные трофеи, казаки должны были действовать на неприятельской территории. Чтобы ее достичь, надо было отрываться от северо-причерноморских берегов и быть

готовым встретиться и сразиться с кораблями турецкого флота. Так начиналась морская война казачества с Османской империей.

Имея свою логику развития, именно она, эта война, сформировала предпосылки босфорских кампаний. Ее ход, возрастание ее накала, все большая активизация на Черном море казачьего военного флота, обладавшего всеми возможностями для успешных набегов на черноморские города и селения, военно-морское искусство казаков и их наступательная тактика, исходившая из принципа «лучшая оборона — наступление» (по выражению В.Д. Сухорукова, «системой их охранения были набеги»)[11], — все это не могло не привести к перенесению военных действий от северо-причерноморского побережья к берегам Ру-мелии, а затем и к Малой Азии и собственно Босфору. Можно сказать, что сами обстоятельства войны породили у казаков смелый стратегический замысел нанесения ударов прямо в «сердце» враждебной империи.

Если Д.И. Багалей отмечал, что с образованием казачества «борьба с татарами была перенесена в самую степь», то мы можем констатировать, что с развертыванием морской войны казаков их борьба против татар и османов была перенесена «за море» — в самый Крым и в самую Турцию, а затем и прямо к их столицам. Османы и их вассалы, нападавшие на казачью территорию, сжигавшие казачьи поселения, пытавшиеся изничтожить казаков или по крайней мере закрыть им выходы из Днепра и Дона и опустошавшие украинские и русские земли, должны были увидеть запорожские и донские флотилии в водах Босфора, развалины и пожарища на его берегах.

Именно Босфор и Стамбул рассматривались в Сечи и на Дону как дьявольский молох и средоточие «тьмы», важнейший и крайне чувствительный объект для нанесения ответных ударов, «идеальное ристалище» для мщения и проявления казачьего удальства. Стамбул был резиденцией «сына сатаны» — султана, военных и гражданских властей империи, главнейшим центром имперских вооруженных сил, в том числе командным пунктом и крупнейшей верфью военно-морского флота, и экономическим «пупом» государства. В Золотом Роге и на Босфоре формировались турецкие эскадры, действовавшие против казаков на Черном и Азовском морях, из Стамбула и его окрестностей на Днепр и Дон прибывали османские войска и поступали военные припасы. В Стамбуле разрабатывались опаснейшие операции против Запорожской Сечи и Донского Войска, и оттуда же управлялись турецкие крепости в днепровских и донских низовьях и по всему азово-черноморскому побережью.

«В Азове рука, а во Царегороде голова», — говорили донцы и, как и турки, совершенно справедливо связывали оба города и боевые действия здесь и там. Даже и в 1641 г., обороняя завоеванный Азов, казаки заявляли османам, что если «отсидятся» в осажденной крепости, то побывают затем под Стамбулом и посмотрят его «красоты».

Наконец, казачьим сообществам было прекрасно известно, что Стамбул являлся самым крупным работорговым центром Османской империи и вообще всего Средиземноморья и Ближнего Востока и что большинство казаков, попавших в плен, оказывалось на Босфоре и в турецкой столице. Если Михаил Литвин называл работорговую Кафу «не городом, а скорее ненасытною и мерзкою пучиною, поглощающею нашу кровь», то кровопийственный Стамбул, куда и направлялся преимущественно «живой товар» из Кафы, а также из Азова и многих других мест, вызывал еще большую ненависть.

С.Н. Плохий в одной из своих работ замечает, что османская столица была «главным объектом казацких нападений». Определение «главный» в русском языке имеет двоякое значение: самый важный и основной. Второе значение здесь неприменимо, поскольку в морской войне помимо Стамбула и Босфора у казаков было много и других объектов атак, но первое значение вполне соответствует реалиям: Стамбул действительно был и не мог не быть по своему положению самым важным из всех пунктов, которые подвергались казачьим нападениям.

Так выглядят причины набегов казаков в этот район, и из них, в общем, видны и цели походов. Удары по Босфору, показывая силу казачества, должны были наносить заметный и весьма болезненный урон Турции в самом ее центре, непосредственно у имперской столицы. Османскую мощь здесь можно было весомо подорвать не только опустошениями и грабежами района, который был богатейшей провинцией государства, но и дезорганизацией военного и гражданского управления, морских сообщений и торговли, снабжения столицы, а из нее и через нее также других городов. Результатом должно было явиться ослабление турецко-татарского натиска на казачьи земли.

Разгром Босфора мог хотя бы отчасти и на время парализовать османские военно-морские силы, отвлечь их с других участков морского театра. Набеговые морские действия, заключающиеся во внезапных стремительных ударах по береговым объектам противника, во все времена

имели целью способствовать завоеванию инициативы на море, и операции казаков здесь не являлись исключением: удары по проливу, имевшему такое большое значение, должны были чувствительно сказаться на положении в Черном и Азовском морях вообще, а следовательно, в Запорожье и на Дону.

Вне всякого сомнения, казаки учитывачи и морально-психологическое воздействие ударов по центру империи на ее правящие круги, вооруженные силы и население. Еще в первой половине XVII в. Якуб Собеский, маршал польского сейма и белз-ский воевода, замечал, что запорожцы своими нападениями «доводили султанов до бешенства» и, «желая навести ужас на столицу, жгли ближайшие к ней села». Современник казачьих набегов, довольно хорошо знакомый с казаками, как видим, был убежден именно в такой цели пожаров, устраивавшихся сечевиками на Босфоре [12]. Из истории казаков мы вообще знаем о случаях их военных действий, специально задумывавшихся для того, чтобы нагнать страху на неприятеля, подорвать его моральный дух, и не видим причин, по которым подобные цели не могли преследоваться казаками в окрестностях Стамбула.

Обратим внимание и на другое обстоятельство морально-психологического плана. В.В. Макушев отмечает, что казаки «невероятными подвигами храбрости приводили в трепет турок, поддерживали в наших единоверцах и единоплеменниках (на Балканах. — В.К.) веру в православную Русь и снискали себе уважение даже у расчетливой и дальновидной синьории Венециянской». Казаки догадывались, какой эффект будут иметь их набеги на Босфор, и поэтому очевидно, что одной из целей ударов по столичному району было воздействие на антиосманские силы как в самой империи, так и за ее пределами, а также упрочение казачьего престижа в Европе. Во всяком случае, еще в 1580-х гг. запорожский гетман заявлял представителю Ватикана, что казаки воюют с Турцией «во славу божию и на вечную память казацкого имени» и что они уверены в поддержке балканских народов.

Наконец, казаки в ходе своих набегов освобождали пленников и получали добычу, и цели такого рода, несомненно, преследовались и в походах на Босфор.

О роли добычи скажем особо, поскольку отдельные современники из «антиказачьего лагеря», а впоследствии и историки воспринимали ее получение как «генеральный мотив» казачьих действий, в частности и у Стамбула. У Я. Собеского, высказывание которого мы только что приводили, можно встретить и замечание, что запорожцы считали грабеж «главной целью войны и победы». А.И. Ригельман объяснял набег казаков на Босфор 1624 г. и другие их военно-морские акции «паче как бы врожденной уже издавна ненавистью и злобой на турок и татар», но также и «жадностью к грабительству и к воеванию». Из историков в «грабительском» подходе особенно заметен П.А. Кулиш, который утверждает, что набеги казаков на Малую Азию[13] вызывались «необходимостью заработков на стороне» и что именно добыча являлась «побудительной причиной геройства казацкого» на Босфоре.

Но П.А. Кулиш не одинок. Согласно К. Головизнину, «жажда добычи доводила их (казаков. — В. К.) храбрость до того, что... в июне 1624 года они, явясь... в самый Босфор... грабили и жгли окрестности столицы». Б.В. Лунин один из походов донцов к Босфору 1650-х гг., неверно датируемый, относит к числу «разбойничьих походов». По лорду Кинроссу, «промышлявшие мародерством казаки совершали набеги на черноморское побережье, проникая в Босфор и угрожая непосредственно пригородам столицы». Этот автор не говорит ни о каких других действиях и целях казаков, кроме мародерства, которое словари определяют как грабеж населения в районах военных действий, а также убитых и раненых на поле сражения.

Конечно, если считать, что пиратство и жалованье монархов являлись «основным источником существования» казачества, причем первое было «иногда и основной статьей дохода», и полагать, что между войной, которую казачьи сообщества вели на Черном море, и разбойными действиями отдельных групп казаков против русских и персидских купцов на Волге и Каспии «не было по существу никакой разницы», то, действительно, иной цели, кроме приобретения добычи, в походах на Босфор усмотреть невозможно.

Однако разница между упомянутыми явлениями видна невооруженным глазом, что, собственно, и отмечали уже историки, более или менее серьезно касавшиеся казачьих действий в Причерноморье. А.А. Новосельский, например, писал о действиях середины 1630-х гг.: «Этот перечень операций Донского Войска не оставляет никакого сомнения в том, что они не были случай- ными эпизодами казачьей предприимчивости, походами за «зипунами», а были систематическими и планомерными боевыми действиями...»[14] Планомерность же означает следование плану, или, иными словами, заранее намеченной системе мер, предусматривающей

порядок, последовательность и сроки выполнения действий. Именно такими планомерными и были босфорские кампании, и они совершенно не похожи на обычные разбои, целью которых являлся исключительно захват добычи.

Вместе с тем невозможно и игнорировать получение казаками добычи на Босфоре, причем богатой. Как же определить ее место? Н.А. Мининков считает, что московское правительство вообще было недалеко от истины, когда в грамоте на Дон в 1622 г. заявляло, что казаки выходят в море «для того, чтобы... зипуны переменить», и далее замечает, что целью походов являлись далеко не только «зипуны», хотя и «зипунные» мотивы играли очень важную роль при организации этих походов. С последним утверждением, очевидно, следует согласиться, добавив, что в таком случае вопрос заключается в сочетании «зипунных» и «незипунных» целей в черноморских и босфорских кампаниях казаков.

Что касается босфорских походов, то целый ряд существенных обстоятельств — стратегическое значение Босфора и Стамбула, многосторонний реальный эффект от ударов по Босфору, дальность босфорских экспедиций и слишком большой риск появления в проливе только из-за добычи, конкретные детали набегов, которые далее будут изложены (например, сожжение маяка при входе в Босфор, не имевшее никакого касательства к добыче), — позволяет быть твердо уверенным в том, что «зипуны» занимали в этих походах отнюдь не первое место. Собственно, нигде в «объективных» источниках и не встречается указание на то, что добыча являлась единственной или даже главной целью появления казаков на Босфоре[15].

При этом одновременно следует иметь в виду, что резкое вычленение добычи из перечня целей можно рассматривать и как не слишком правомерный подход. Опустошение и разграбление Босфорского района подрывало мощь Османского государства, и, следовательно, захват этой самой добычи в результате упомянутого разграбления был лишь одной гранью весьма многогранного явления.

В этой связи напомним, что казаки, и далеко не только они, рассматривали получение военной добычи, захват трофеев как естественное деяние, необходимое и полезное не только для самообеспечения, но и для подрыва позиций неприятеля, нанесения ему максимального ущерба. «Никакие воины от Ахилла до Наполеона включительно, — замечал в XIX в. донской генерал И.С. Ульянов, — не отказывались от военной добычи и вообще расположения поживиться на счет неприятеля. Древние на этот раз были честнее нас: они вещи называли своим именем и затем вечную подобную добычу признавали подвигом, военною доблестью. У прежних казаков было то же. Они ходили за моря воевать врагов христианства и "зипуны доставать"»[16].

Особого рассмотрения заслуживает идея освобождения Царь-града в казачьем преломлении. Со второй половины XV в. она была популярна во всем христианском мире. Ватикан и политические круги западноевропейских стран, враждебные Турции, неоднократно пытались составить антиосманские коалиции для последующего сокрушения Османской империи и взятия («освобождения») Стамбула. С этой целью разрабатывались многочисленные проекты, в выполнении которых, как увидим далее, активную и часто ударную роль должны были играть казаки, способные нанести удар непосредственно по бывшей византийской столице.

Московское правительство, заинтересованное в мирных, стабильных отношениях с Турцией, подобные планы не строило, но сама мысль об освобождении Царьграда от «поганых» была распространена и на Руси. Этому способствовала официальная трактовка Московского государства как преемника Византии, нового мирового центра православия, «третьего Рима».

Донское и запорожское сообщества хотя бы из-за связи с православной Россией и католической Польшей не могли не попасть в орбиту распространения «царьградской идеи». Образованные казаки хорошо знали и историю Византии и падения Константинополя, и историю христианства, и историю турецкой экспансии в христианских странах. Казачество вело многолетнюю постоянную и упорную борьбу против Османской империи, причем находилось в эпицентре этой борьбы, на ее передовом фронте. Противостояние казаков Турции и Крымскому ханству освящалось знаменем священной борьбы за православную веру, против «басурман», и именно Стамбул воспринимался казаками как исходный пункт всех антихристианских, в том числе антиказачьих, походов и действий.

По этим причинам идея сокрушения столицы османов должна была восприниматься и осознаваться на Дону и Днепре не в виде отвлеченной или книжной теории, а «наиболее реально и живо», должна была быть гораздо ближе и понятнее, чем в отдаленных от «турецко-татарского фронта» районах Московского государства и Речи Посполитой.

В былинном творчестве есть сюжет, в котором Илья Муромец отправляется в Царьград и Иерусалим, где вера «не по-прежнему», и побеждает «поганое Идолище». По-видимому, в среде казаков родился тот вариант былины, в котором Муромец предстает казачьим богатырем и намеревается уничтожить всех турок в Царьграде: « Как издалеча, из чиста поля, / Из раздольи-ца из широкого, / Выезжает тут старый казак, / Стар-старой казак Илья Муромец / На своем он на добром коне. / На левой бедре сабля острая, / Во правой руке тупо копье. / Он тупым копьем подпирается, / Своей храбростью похваляется: / "Что велит ли Бог в Царе граде быть, / Я старых турков всех повырублю, / Молодых турчат во полон возьму"». Далее былина рассказывает, как съехался казак Муромец с турецким богатырем: «Он поддел турка на тупо копье, /Он понес турка во чисто поле, / Во чисто поле ко синю морю; / Он бросал турка во сине море».

Наиболее ярким письменным памятником, свидетельствующим об отношении казачества к идее освобождения Царьгра-да, является «Поэтическая» повесть об Азове. Она подробно излагает ответ донцов турецкому парламентеру, янычарскому «голове», предлагавшему сдать крепость во время знаменитого «осадного сидения» 1641 г. Из ответа видно, что автор повести, предположительно войсковой дьяк Федор Порошин, хорошо знал о существовавшей прежде Византии («то государьство было християнское») и ее сокрушении османами: «... предки ваши, бусорманы поганые, учинили над Царемградом, взяли взятьем его, убили они государя царя крестьянского Констянтина благоверного, побили в нем крестьян многия тмы — тысящи, обагрили кровию нашею крестьянскою все пороги церковный, искоренили до конца всю веру крестьянскую...»[17]

«А мы, — заявляют казаки янычарскому голове, — сели в Азове... для опыту... посмотрим мы турецких умов и промыслов! А все то применяемся к Еросалиму и Царюгороду. Хочетца нам також взяти Царьград...» Иными словами, взятие Азова повесть трактует как репетицию перед освобождением бывшей византийской столицы. Казаки готовы осуществить это собственными силами, но считают, что будет вернее, если московский царь двинет на султана свои войска: «Не защитило бы (тогда. — В. К.) ево, царя турсково, от руки ево государевы и от ево десницы высокия и море Черное. Не удержало бы людей ево государевых! И был бы за ним, великим государем, однем летом Ерусалим и Царьград по-прежнему, а в городех турецких во всех не стоял бы камень на камени от промыслу руского».

Касаясь предложения султанских властей Войску Донскому перейти на турецкую службу, казаки с иронией говорят: «Будем впрямь мы ему, царю турскому, в слуги надобны, и как мы отсидимся от вас в Азове-городе, побываем мы у него, царя, за морем под ево Царемградом, посмотрим мы Царяграда строение и красоты ево. Там с ним, царем турским, переговорим речь всякую, — лише бы ему, царю, наша казачья речь полюбилась! Станем мы служить ему, царю, пищалми казачими да своими сабелки вострыми». Как ваши предки расправились с Царьградом, императором Константином и христианами, продолжают казаки, «тако бы и нам учинить над вами, бусорманы погаными, взять бы ныне нам Царьград взятьем из рук ваших бусорманских, убить бы против того вашего Ибрагима, царя турского, и со всеми его бусорманы погаными, пролита бы ваша кровь бусорманская нечистая. Тогда у нас с вами в том месте мир поставитца, а тепере нам с вами и говорить болши того нечего».

Автор повести, отмечает А.Н. Робинсон, «рисовал... перед московскими читателями широкие, как ему казалось, горизонты, которые будто бы уже обозначились успехом первого "опыта" — победоносной борьбой казаков за Азов. Он пытался даже развернуть эту перспективу в плане конкретных военных возможностей и устами казаков говорил, что если бы только царь захотел, то... русские люди... разгромили бы Турцию и были бы "за ним... Ерусалим и Царьград по-прежнему"». «Предполагаемые автором повести успешные результаты такого " крестового похода" осмысляются им в плане возвращения под "руку государеву" "по-прежнему" будто бы собственных земель русского царя» [18].

Таким образом, А.Н. Робинсон полагает, что царьградская тема «Поэтической» повести была пассажем, обращенным казаками к московским читателям в пропагандистских целях. Само же намерение донцов посмотреть «строение и красоты» Царь-града исследователь считает отнюдь «не фантастичным», ссылаясь при этом на постоянное разорение казаками турецких и татарских городов и селений. Из-за слабого знакомства с историей казачьих морских походов он утверждает, что «еще на живой памяти участников "азовского сидения" был смелый набег в 1623 г. на окраины самого Царьграда», хотя в действительности эти люди могли участвовать и в более близких по времени походах к Босфору.

Нам представляется неправомерным рассматривать идею освобождения Царьграда в «Поэтической» повести только как пропагандистский пассаж, причем обращенный исключительно за пределы Дона. Вовсе не исключено, что в Войске Донском в 1637—1641 гг., не говоря уже о принципиальных сторонниках этой идеи, таких как сам Ф. Порошин, находились люди, которые под влиянием азовского успеха и при удачном стечении обстоятельств надеялись «прибавить к себе» ряд турецких городов и даже захватить Стамбул [19].

Имеются подтверждения казачьих «царьградских мечтаний» и в других источниках, помимо устного народного творчества и «Поэтической» повести. Итальянский путешественник Пьетро делла Балле, рассказав в своих записках 1618 г. о казачьих действиях на море и о том, как он в 1616 г. был очевидцем отправки из Стамбула против казаков султанского кузена Махмуд-паши с 10 лучшими галерами и множеством меньших судов, обращенных затем ими в бегство, замечал: «После стольких побед и таких хороших успехов, которые не могут не вселить в победителей храбрость и гордость, я вынужден призадуматься, не имеют ли казаки право претендовать однажды на что-то более возвышенное. Я слышал от них, что они надеются со временем стать хозяевами Константинополя, что освобождение этой местности предназначено их мужеству, что предсказания, которые они имеют, это ясно предвещают»[20].

По мнению Д.С. Наливайко, П. делла Балле приписал казакам провиденциальную веру в то, что они возьмут Константинополь и сокрушат Турецкую империю. Но у нас нет сомнений в том, что этот современник, известный внимательным изучением казаков, в самом деле беседовал с некоторыми из них и что они вполне могли высказывать подобные суждения[21]. Более того, в той реальной обстановке казакам легче всего было «достать» до Стамбула, — венецианцам это сделать было труднее. Что же касается славянского мира, то здесь следует согласиться с П.А. Кулишом: «Одни только козаки смели мечтать об убиении гидры, засевшей в Цареграде, на развалинах древнего мира, среди христианских народов».

Сказанное, впрочем, не означает, что казаки непосредственно ставили перед собой цель овладения Стамбулом. Отмечая заблуждение некоторых историков, полагающих, что «казаки были далеки от мысли уничтожить турецкое владычество», в то же время нельзя не видеть, что между идеями, мечтами и помыслами, с одной стороны, и реальными планами и выбором целей — с другой, была дистанция большого размера, и это мы увидим при рассмотрении деятельности самозванца Яхьи и казачьего похода 1625 г.

Идея же освобождения Царьграда продолжала витать в воздухе на Днепре и Дону и после Азовской эпопеи. В самый разгар тяжелейшей войны украинцев, в 1649 г., русские послы Григорий Неронов и Григорий Богданов слышали на Украине разговоры о том, что по окончании войны с поляками Войско Запорожское вместе с союзным Крымом пойдет на Турцию, «и греки... им, казакам, вспоможенье чинить будут, а грек... православных християн много; и Турская земля без бусурман пуста не будет, и будут жить все православные християне против прежнего, как преж сего благочестивая вера была при царе Костянтине».

Между прочим, сами османы, во всяком случае некоторые из них, допускали возможность взятия казаками Стамбула. Турки, отмечали современники, «не считают невозможным, что они (казаки. — В.К.), будь у них побольше счастья, могли бы овладеть городом». В первой половине и середине столетия среди христианского населения Османской империи распространялся слух, что будто бы у самих турок существует пророчество, согласно которому владычество мусульман подходит к концу, а Стамбул будет отнят у них русскими. В 1645 г. грек Иван Петров, советуя царю Алексею Михайловичу направить против Турции донских казаков и ратных людей, говорил, что если это случится, то в результате «султану турскому будет большое посрамление, и он смирится, потому что в книгах своих обретают, что царство их будет взято от русского народа». Через два года митрополит Силистрийский Иеремия заявлял в Посольском приказе в Москве, что «опасение у турчан большое от донских казаков, а от немцев (западноевропейцев. — В.К.) такого опасения нет, потому что...у них (турок. — В. К.) описует взяту быть Царь-граду с сея государские стороны».

По вопросу, могли ли казаки взять Стамбул и если могли, то при каких условиях, из историков высказались Н.И. Краснов и П.А. Кулиш. Первый считал, что если бы Россия вовремя поддержала донцов, то «и Синоп, и Трапезунд, а пожалуй, и Царь-град давно были бы наши». По мнению Н.И. Краснова, казаки при поддержке Московского государства могли «легко... еще при царе Алексее сделаться владыками Понта и, овладев Керченским проливом, Синопом и Трапезунтом, подготовить овладение Царьградом. Если последовательное занятие анатолийских приморских городов потребовало бы полстолетия, то первенство на Черном море могло

совершиться еще до вступления на престол великого преобразователя России (Петра I. — В.К.)». Если бы казаки «остались распорядителями Азовского и Черного морей, то по логике исторических событий, наверно, ранее самой России, но, разумеется, с ее поддержкою сделались бы обладателями Анатолии, Румелии, а затем и самого Константинополя». Для всего этого требовался коренной поворот российской внешней политики. Его, однако, не произошло, и Н.И. Краснов философски замечал, что «выше логики событий есть еще Провидение, поворачивающее судьбы народов и царств по неведомому нам плану».

П.А. Кулиш полагал, что казаки могли бы реально взять Стамбул в случае одновременного антиосманского восстания столичных христиан. Говоря об одном из сильнейших христи-анско-мусульманских столкновений в Стамбуле, произошедшем в 1590-х гг. и сопровождавшемся гибелью нескольких десятков тысяч человек, историк замечал: «Недоставало в этот критический момент явиться в Босфоре разбойникам-козакам, и християнский мир давно бы освободил из рук азиятских варваров колыбель своего просвещения (Константинополь — В.К.). Но козакам в это время предстояла борьба с усердными слугами Христова наместника (католиками-поляками. — В.К)... им предстояла Солоница (поражение 1596 г. — В.К.)...»[22]

В 1590-х гг. казаки находились еще на подступах к начавшейся позже морской войне у анатолийского побережья и на Босфоре. В период же мощных казачьих набегов, угрожавших непосредственно Стамбулу, восстания христиан в османской столице не произошло.

Как бы то ни было, идея сокрушения турецкого господства и освобождения Царьграда, разделявшаяся казаками, была полезна «казачьему делу». Она приподнимала босфорские и прочие набеги на качественно новый уровень, соединяла казачью войну с европейской антиосманской борьбой и обеспечивала Войску Донскому и Войску Запорожскому широкую международную поддержку.

2. Воюющие стороны

Османская империя была невероятно грозным и опасным противником. В XVI в. она как раз достигла наибольшего могущества и являлась великой мировой державой. Ее огромная армия, обладавшая громадным опытом ведения боевых действий, имела закаленных, стойких, выносливых и храбрых солдат и, как полагали современники, «самое совершенное в мире» вооружение. «Пионеры военного искусства своего времени, первые, кто освоил тяжелую артиллерию, непобедимые в открытом поле в кавалерийском напоре орды, неуязвимые за своими "палисадами" пехотинцы — янычары, турки великого века, — по характеристике Л. Кинросса, — были беззаветно преданными своему делу бойцами, прекрасно обученными и высокодисциплинированными, ведомыми и вдохновляемыми трезвомысля-щими и компетентными командирами, какими очень часто не были их противники того периода».

Османский военно-морской флот еще в XV в. превратился в грозную мировую силу, а к середине следующего столетия, своего «золотого века», господствовал на Средиземном море и до битвы при Лепанто 1571 г. считался непобедимым. Он был огромен по количеству кораблей. Уже в осаде и взятии Константинополя в 1453 г. участвовали 16 турецких трирем и бирем, около 15 обычных галер, приблизительно 75 фуст, 20 парандарий и множество шлюпок и парусных лодок, — всего источники называют от 250 до 480 судов.

Согласно подсчетам венецианского байло в Стамбуле Даниэле Барбариго, в 1564 г. в турецкой столице находились на плаву, в доках и на верфях 153 галеры, 4 галиота и 10 маон, на Родосе — 10 галер, в Александрии — 6, на Лесбосе — 2 и на Эвбее — 1 галера; кроме того, в состав имперского флота входили североафриканские корсарские галеры и галиоты, из которых 56 находились в Алжире и Боне, 21 — в Триполи и 11 — в непосредственных действиях на море. В сражении при Лепанто у турок имелось около 300 галер и галиотов, большинство которых, правда, было потеряно, но уже в 1573 г. османский флот насчитывал 280 галер, 12 маон, 12 фуст и значительное число транспортных судов.

Военно-морские силы Турции обладали кораблями и судами разных типов и назначения, от огромных баштард до малых лодок (подробно см.: 627), с хорошими экипажами. В них было много опытных моряков, в частности греков, и морских офицеров, в числе которых видное место занимали ренегаты из всех морских стран Европы. Этот флот постоянно воевал, и война, обучая экипажи, давала им несравненный военный опыт. Турецкие морские солдаты, отличавшиеся фанатичной личной храбростью, являлись превосходными абордажными бойцами.

Абордаж же был излюбленным приемом османской морской тактики: турки, как пишет Иоганн Вильгельм Цинкайзен, «врывались со страшным криком на вражескую палубу и, сражаясь там человек против человека как львы, подвергали мечу все, что они могли найти и настигнуть. Смелая, стремительная атака при этой тактике, которую они, вероятно, позаимствовали у корсаров... обеспечивала часто победу османам».

Лучшими военными моряками Турецкой империи как раз и являлись североафриканские корсары — закаленные, дерзкие и не знавшие страха воины, действовавшие на Средиземном и Черном морях и выходившие в Атлантику и Индийский океан. Это были в основном «турки по профессии», как их назвал испанский современник, бенедиктинец Д. Хаэдо. Две трети корсарских капитанов Алжира в 1588 г. составляли европейцы — итальянцы, ирландцы, шотландцы, датчане и проч. Именно корсары дали Турции наиболее известных и выдающихся флотоводцев[23].

Как несравнимы были силы небольших казачьих сообществ и великой Османской империи ни в отношении численности населения (один Стамбул во много раз превосходил все казачьи поселения, вместе взятые)[24] и вооруженных сил, ни в отношении материальных ресурсов, так несравнимы были и флоты противоборствующих сторон. Если по числу судов запорожские и донские флотилии, действовавшие на Черном море, еще могли потягаться с турецкими эскадрами и даже нередко превосходили их, то сами эти суда в основном относились к совершенно разным типам. Османские галеры в сравнении с чайками запорожцев и стругами донцов имели много преимуществ: гораздо более крупные и сложно устроенные, лучше защищенные, несшие значительно большие экипажи и обладавшие несравнимой огневой мощью, они представляли собой страшную угрозу и, казалось, непреоборимую силу. Борьба казачьих судов с ними могла показаться столь же неравной, как поединок юного Давида с великаном Голиафом.

Но у чаек и стругов были особенности, обеспечивавшие успех казачьих морских предприятий и доставлявшие большие неприятности противнику. Эти суда, внешне неказистые, на самом деле имели, по выражению И. В. Цинкайзена, «целесообразную постройку» и были отлично приспособлены к условиям плавания по рекам и морю: они обладали малой осадкой, легкостью, прочностью, устойчивостью и высокой быстроходностью. Тяжелым, неповоротливым турецким галерам, плохо маневрировавшим, особенно в действиях против множества неприятельских кораблей, в боевом столкновении приходилось иметь дело с юркими, маневренными и скоростными казачьими судами.

Мореходные суда запорожцев и донцов, похожие друг на друга, были парусно-гребными, с веслами как главным движителем и одной мачтой, несшей прямой парус, который применялся по преимуществу при попутном ветре. По описанию Гийома Левассёра де Боплана, относящемуся к 1650 г., чайка имела в длину 60 парижских футов (около 19,5 м), в ширину 10—12 футов, в высоту 12 футов, в глубину 8 футов, возвышаясь над поверхностью воды не более чем на 2,5 фута. У судна было два руля, на носу и корме, ипо 10—15 весел с каждого борта, всего, следовательно, 20—30 весел. Струг, согласно сведениям адмирала Кор-нелиуса Крюйса 1695—1696 гг., был длиной от 50 до 70 футов и более (неясно, какие футы имелись в виду; в рейнских футах это 14,8—20,7 м, в английских 15,2—21,3м, в парижских 16,25— 22,75 м и в амстердамских 16,6—23,2 м с возможным превышением максимума в каждом случае). Весел насчитывалось от 16 до 40. На чайке, как сообщал Г. де Боплан, помещалось 50—70 человек. О донских стругах известно, что они разделялись на большие, средние и малые. В 1655 г. атаман Кузьма Дмитриев, рассказывая в Москве об очередном походе донцов, говорил, что в море вышли большие струги «по осьмидесят человек», средние «по семидесят и по штидесят человек» и малые «по пятидесят человек»[25].

Чайки и струги могли нести небольшие пушки-фальконеты: согласно Г. де Боплану, по четыре-шесть, согласно К. Крюйсу, по одному орудию на судно[26], — но главная сила этих судов заключалась в самих казаках — великолепных, умелых и храбрых профессионалах войны, которые превосходили турок в искусстве мореплавания и оказывались еще более замечательными морскими пехотинцами, чем османские морские солдаты.

Тактика казаков на море вытекала из условий войны и особенностей своих и вражеских судов, флотилий и эскадр. В чужом враждебном море, побережье которого принадлежало неприятелю, не обладая на этом побережье постоянными базами, имея в тылу у себя вражеские крепости, используя преимущества чаек и стругов и качества их экипажей, запорожские и донские «адмиралы» вели по сути дела партизанскую, корсарскую войну. Ее характерными действиями были неожиданные, внезапные, стремительные и дерзкие налеты на территорию противника — приморские торгово-ремесленные центры, военно- морские базы и крепости, их сокрушительный

разгром и быстрый отход в море. Предусмотреть место казачьих ударов было невозможно, как и обеспечить надежной защитой тысячи миль побережья и множество населенных пунктов.

В сражениях с турецкими кораблями и эскадрами казаки прибегали к стремительной, по возможности неожиданной, мощной атаке по несколько судов на галеру и к чрезвычайно смелому, всесокрушающему абордажу, вследствие чего, как выражался французский современник, турки «часто были биты». Завоевав Черное море, османы «расслабились». Их непоколебимая и абсолютная уверенность в превосходстве своих войск и флота над любым возможным в этом регионе противником, в недостижимости для него Малой Азии, в полном прикрытии Стамбула крепостями Румелихисары и Анадолухисары оказалась роковым заблуждением. В тылу империи появился хотя и незначительный по численности, но сильный и отважный враг — «проклятые казаки» (по излюбленному выражению турецких современников), и оказалось, что слабые крепости старинной, ещедоосманской постройки с недостаточными по составу и не готовыми к ожесточенной войне гарнизонами не в состоянии удержать выходы «вероломных гяуров» в море и что для успешной борьбы с ними остро не хватает сил и средств.

По мнению Ю.М. Ефремова, лишь во втором десятилетии XVII в. «громоздкий и неуклюжий управленческий аппарат восточной деспотии наконец-то осознал, какую опасность для ее земель представляли морские экспедиции запорожцев. Началось поспешное восстановление старых укреплений и строительство новых. На все это требовалось много времени и большие деньги. Однако время не ждало. За предыдущие десятилетия казаки хорошо освоились на Черном море...»

И.В. Цинкайзен, говоря о «казачьем бедствии», принявшем для турок «рискованный и опасный характер», замечает: «Ничто... не было более раздражительным и обескураживающим, как то, что приходилось держать наготове чуть ли не всю османскую морскую мощь против этого незначительного пиратского флота, чья главная сила состояла разве только в легкости и быстроте судов и ловкости и отваге их экипажей». На самом деле выявилось и еще более обескураживающее обстоятельство: вся эта турецкая мощь оказалась не в состоянии ни разгромить казаков, ни остановить их, ни защитить собственное население. Ничтожные стратегические результаты давали и турецко-татарские нападения на казачьи поселения и опорные пункты: сжигаемые, они возрождались вновь, трофеи оказывались незначительными, вместо убитых и захваченных врагов появлялись новые.

Дерзость казаков возрастала, а решимость к отпору и моральное состояние экипажей османских кораблей падали. «На море, — констатировал в 1634 г. Эмиддио Дортелли д'Асколи, — они (казаки. — В.К.) завладевали сначала маленькими судами , и, поощряемые удачей в своих предприятиях, с каждым годом стали забирать все большие суда и в большем количестве... ни один корабль, как бы он ни был велик и хорошо вооружен, не находится в безопасности, если, к несчастью, встретится с ними, особенно в тихую погоду. Козаки стали так отважны, что не только при равных силах, но и 20 чаек не побоятся 30-ти галер падишаха, как это видно ежегодно на деле...» Наконец дело дошло до того, что отпор казакам осмеливались давать лишь самые сильные корабли имперского военно-морского флота, а османские порты, находясь в постоянном страхе перед казачьими нападениями, оказались «как бы в блокаде».

Польский коронный канцлер Станислав Жолкевский в 1617 г. рекомендовал королю Сигизмунду III Вазе дать аудиенцию одному очевидцу, который побывал в Трабзоне как раз тогда, когда его захватили казаки, «нагляделся и наслушался» об их действиях и, в частности, мог бы рассказать монарху, «как потом (турки. — В.К.) из Трапезунта в Константинополь от порта до порта прокрадывались... и вещи свои с судов сгружали, а узнавши, что казаков нет, снова на суда грузили. В каждом порту так сильно страх охватил жителей, как на европейском, так и на азиатском берегу, что цесарю (султану. — В.К.) подали прошение: если их не оборонят, то хотят казакам преклониться». Иными словами, население ряда местностей Румелии и Анатолии едва ли не готово было признать казачью власть. Возможно, иногда дело доходило и до взимания казаками своеобразной дани: во всяком случае, Э. Дортелли писал об окрестностях Судака, что «это самое прелестное место Татарии, но в настоящее время там нельзя сбирать виноград, потому что козаки ходят туда грабитьдесятину».

У этого же современника читаем: «...если Черное море было всегда сердитым, с древних времен, то теперь оно несравненно чернее и страшнее по причине многочисленных чаек, все лето опустошающих море и сушу... опасаюсь даже, как бы поэтому не пришлось в скором времени совсем прекратить плавание...»

В 1618 г. П. делла Балле замечал, что «больше нет мест, подчиненных туркам, в окрестностях Черного моря, которые бы они(казаки. — В.К.) не захватывали, которые не грабили

и не разоряли полностью... они сегодня очень сильны на Черном море, и очевидно, что как бы мало их ни было, никто никогда не осмелится оспаривать их владычество». Французский посол в Стамбуле Филипп де Арле де Сези в 1625 г. называл казаков «хозяевами Черного моря», а тайный советник шведского короля и его посол в Польше Жак Руссель в 1631 г. обращался к ним как к «властелинам Днепра и Черного моря». Запорожцы, замечал тогда же французский автор Мишель Бодье, говоря о противостоянии Стамбулу 1620-х гг., явились «бичом для... Турецкой великой державы», которую они терзали, «как мухи терзают и самых больших животных», и «показали туркам, что в каком бы положении они (казаки. — В.К.) ни бьши на этом море, они тут всегда хозяева и что оно не столько море, сколько арена их побед над ними (турками. — В.К.)».

На основании подобных свидетельств современников многие историки XVIII—XIX вв. не сомневались, что казаки временами захватывали господство на море. Французская «Всеобщая история о мореходстве» указывает, что в 1614и 1625 гг.они «учинялись» «обладателями» и «совершенными обладателями» Черного моря и прекращали там свободу плавания для турецких судов. О том, что казаки «господствовали на опаснейшем из всех морей, Черном море», пишет И.В. Цинкайзен. «Уже турки, можно сказать, не владели Черным морем, — говорит о первой четверти XVII в. П.А. Кулиш, — и навигация между Лиманом (Днепровско-Бугским. — В.К.) и Босфором перешла в руки новых варягов»[27].

Сходные оценки нередко дают и историки XX в. Д.С. Нали-вайко считает, что «в период с 1614 по 1634 г. казаки фактически господствовали на Черном море», что в 1610—1620-х гг. они «почти полностью завладели... морем, и турки бьши бессильны защитить от них свои владения». Я.Р. Дашкевич характеризует второе и третье десятилетия XVII в. как «период почти безраздельного господства запорожских казаков на Черном море».

«В XVII в., — пишет Ю.П. Тушин, — турецкий флот на Черном море вынужден был перейти к оборонительным действиям. Он уже не был в состоянии полностью контролировать мореходство и часто с трудом защищал собственные торговые суда и прибрежные города. Подчас хозяевами моря становились донские и запорожские казаки». Ю.М. Ефремов, называя первую четверть XVII в. «золотым веком» казачьих черноморских походов, говорит, что османский военный флот был вынужден временами уступать инициативу казакам, которые, «бывало... становились господами моря». Наконец, В.П. Загоровский полагает, что на протяжении 1650-х гг. донской казачий флот «был в полном смысле слова хозяином в Азовском море и в северной части Черного моря»[28].

Приведенные суждения во многом справедливы и в целом отвечают реалиям рассматриваемого времени, но нуждаются в некоторых уточнениях. С точки зрения современного военно-морского искусства господство на море означает создание одним из противоборствующих флотов нужного ему режима в части контроля за судоходством, свободы развертывания своих сил, в выборе времени, направлений и характера наступательных действий (иногда даже слабых группировок своих сил). Неприятельский флот при этом лишается возможности осуществлять организованные наступательные действия и оказывать решительное противодействие противнику. Вследствие всего этого флот, завоевавший господство на море, может пресекать морские перевозки неприятеля с помощью блокады его портов и беспрепятственно наносить удары по берегу.

Стратегическое господство предполагает такое соотношение сил, при котором противник на всем морском театре не в состоянии сорвать операции, проводимые господствующим флотом. Оперативное же господство означает превосходство в силах и средствах на направлении главного удара и достигается путем широкого и смелого маневра силами, умелым использованием географических особенностей театра и его оборудования.

Исходя из этих положений, о стратегическом господстве казаков можно говорить применительно к 1637— 1641 гг. и Азовскому морю, которое тогда оказалось под полным контролем Войска Донского и его флота. Что же касается Черного моря, то там запорожцы и донцы достигали оперативного господства на направлениях своих ударов во многих кампаниях 1610— 1630-х и 1650-х гг. Это нельзя расценить иначе как выдающийся успех казачьих флотилий, их командиров и рядовых участников экспедиций, особенно с учетом того, что казакам противостояли один из крупнейших военно-морских флотов тогдашнего мира и, видимо, самая большая его армия и что Черное море было «внутренним озером» Турции.

Имеющиеся в литературе обзоры морских походов казаков позволяют не освещать здесь конкретный ход морской войны. Отметим лишь, что запорожцы, выходя из Днепра, первоначально атаковали близлежащие порты и крепости Северо-Западного Причерноморья, а затем города Крыма. Донцам было сложнее добраться до Черного моря, поскольку выход в него закрывали еще

крепости, располагавшиеся по обоим берегам Керченского пролива, и поначалу донские удары падали на поселения азовского побережья, затем на Керчь и Тамань. В дальнейшем флотилии запорожского и донского сообществ совершали набеги на северо-западные и северо-восточные берега Черного моря, Крым, Румелию, побережье Кавказа и Анатолию. Мощным казачьим ударам подвергались укрепления в устьях Днепра и Дона, Очаков, Аккерман, Темрюк, Арбаток, Керчь, Тамань, Кафа, Судак, Балаклава, Гёзлев, внутренние города Крымского полуострова (включая столицу ханства — Бахчисарай), Килия, Измаил, Балчик, Варна, Гонио, Трабзон, Самсун, Синоп, Инеболу и многие иные центры Азово-Черноморского бассейна. В ходе экспедиций 1600—1650-х гг. казаки не раз добивались побед в сражениях с эскадрами и отрядами кораблей османского военно-морского флота.

Начав с небольших и близких морских походов, запорожцы и донцы с течением времени уходили все дальше от устьев Днепра и Дона, охватывая своими операциями все более дальние берега, пока наконец не достигли Прибосфорского района и самого Босфора. Набеги в «сердце» империи были подготовлены многими предшествовавшими экспедициями, на которые ушел весь XVI в. и первые годы XVII в. и которые дали казакам огромную практику и колоссальный опыт[29].

Расширению казачьего театра военно-морских действий и успехам казаков много способствовали кризис и упадок Османского государства, признаки которых стали заметны со второй половины XVI в. и в последующем нарастали. По замечанию П.А. Кулиша, слава казаков «возрастала быстро с упадком Оттоманской империи после блистательного... царствования... Солимана Великолепного (Сулеймана I Кануни (Законодателя). — В. К.). Неспособность его преемников и начавшееся еще при нем владычество Сераля (Дворца султана, т.е. его Двора, приближенных. — Прим. ред.) над войском и флотом благоприятствовали развитию в Турции анархического элемента на счет правительственного полновластия».

В первой четверти XVII в., как говорят турецкие историки, падишахский трон «был занят молодыми людьми, еще не вышедшими из младенческого возраста (лучше бы сказать: юношеского. — В.К.), вроде Ахмеда I и Османа II», и психически больным Мустафой I, а затем мальчиком вступил на престол Мурад IV. Его место занял «распутный, полоумный и кровавый» Ибрахим I Дели (Отважный), «в конце концов удушенный», после которого на троне оказался семилетний Мехмед IV Авджи (Охотник). Отсюда, указывают те же авторы, и проистекали безначалие, внутренние беспорядки, анархия в Стамбуле и во всех областях Османского государства. Разумеется, причины кризиса имели более глубокие корни, а нарисованная картина, равно как и часто описываемое в литературе всевластие янычар и господство «всех пороков, страшного пьянства, открытого разврата, роскоши, лихоимства невероятного, лицемерия, открытого предательства», лишь отражали социально-экономические и политические основы начавшегося застоя и затем упадка империи.

Но как бы то ни было, ослаблением Турции умело и активно воспользовались казаки для развертывания наступления на саму Анатолию и Босфор. «Внутренний кризис Турции, восстания провинций, разложение всей военной системы, — пишет Н.А. Смирнов, — безусловно, служили удобным мотивом для безнаказанных и смелых морских рейдов... казаков». Неслучайно первая четверть и первая треть XVII в. дают хронологическое совпадение крайне отрицательных оценок состояния Османского государства и большого числа источников о начале, активизации и апогее казачьих набегов на Босфор. Следует еще иметь в виду, что в первой половине XVII в., в то время как Турецкая империя вступила в период застоя и упадка, казачьи сообщества достигли расцвета вольностей и, несомненно, связанных с этим мощи и влияния. Пересекшиеся «кривые» развития Турции и казачества были направлены в разные стороны.

Состояние вооруженных сил Османского государства эпохи казачьих босфорских набегов современные наблюдатели и последующие авторы, как правило, характеризуют весьма негативно.

«Какие же это воины янычары? — писал в 1624 г. князь Кшиштоф Збараский о лучших и когда-то непобедимых солдатах Турции. —... Имеют янычарки (мушкеты. — В.К.), которые дают очень сильную отдачу, нельзя стрелять, приблизив к лицу, надо с плеча снять. Порох очень плохой, прицельная стрельба очень затруднена. Одиночным выстрелом не убьют, хотя при залпе нанесут большой ущерб. Молодые воины мало упражняются в стрельбе. Это настоящий сброд... Парни молодые избалованные. Управляют ими люди без всякого опыта. Есть еще немного старых янычар, среди них попадаются совсем дряхлые».

«Все приморские крепости, — продолжал князь, — плохо укреплены. Устроиться служить в них стремятся либо старые воины, либо трусы, сердце которых слишком боязливо для битвы в поле, но таковым оно остается и в крепости».

Турецкие историки констатируют, что в период после Сулеймана I, когда «военное искусство в Европе постепенно прогрессировало», у османов оно «оставалось в своем прежнем состоянии», а «военная промышленность не только не развивалась, но даже некоторые ее виды, как, например, литье пушек, выделка ружей и сабель, пришли в упадок». В то время как в Европе возникли специальная военная наука и военное образование для офицеров и генералов, в Турции «все еще продолжали применять старые приемы», а «высшее командование османской армией подчас находилось в руках министров, чрезвычайно мало осведомленных в военном деле».

Как подчеркивает Н.А. Смирнов, «турецким войскам нельзя было отказать в храбрости, выносливости, фанатичном пренебрежении к смерти, в стойкости. Но все эти ценнейшие качества могли бы дать гораздо больший эффект, если бы высшее командование стояло на должной высоте». Султанские войска становились все более «тяжелыми на подъем», и Богдан Хмельницкий недаром иронически говорил, что «турки нежные, без провианта никогда не ходят». Армию, ее соединения и части сопровождали большие обозы, но интендантская служба, система снабжения и финансовое обеспечение за счет грабежа неприятеля перестали соответствовать требованиям времени. Стало не хватать оружия, боеприпасов и предметов снаряжения, да, собственно, и самих войск и особенно военных специалистов.

Маневренность османских войск была чрезвычайно слабой, они избегали воевать безучастия стремительной крымской кавалерии и старались по возможности не вступать во встречный бой. Особенностями этой армии и ее тактики историки объясняют, «почему турецким войскам и даже флоту было крайне трудно вести борьбу с малочисленными, но обладавшими исключительной маневренностью» казаками, которые были способны очень успешно сражаться против неприятеля, иногда превосходившего их по численности в десятки раз. Объяснение, конечно, неполное, но оно верно подмечает некоторые кардинальные минусы османской армии[30].

Правители Турции, всегда больше рассчитывавшие на свои сухопутные силы, чем на флот, именно им и отдавали предпочтение. Неудивительно, что кризис в еще большей степени коснулся военно-морских сил. Некогда великий османский флот, подчеркивают турецкие историки, в течение XVII и затем XVIII в. постепенно слабел и к концу последнего столетия «дошел до такого состояния, что был не в силах защищать гавани и Черного, и Эгейского морей».

Приведем конкретную оценку имперского флота, данную в 24 г. К. Збараским: «На Белом море (турки. — В.К.) вот уже несколько лет не могут снарядить более 56 галер. В этом году станет еще меньше, надеются снарядить немногим более 40. Не ошибусь, если скажу, что на Черном море — при самом большом преувеличении — их будет не больше 20. Галеры плохие, оснащены очень скверно. Ни на одной из них, кроме галеры капудан-паши (главнокомандующего военно-морским флотом Империи. — В. К.), нет даже 100 воинов, в основном 70—60, да и тех насильно завербовали, либо они отбывают повинности. На вооружении [галеры] не более 50—60 ружей. Таково [положение] на Белом море, на Черном еще хуже. Военному делу не обучают уже около 100 лет. На побережье воины столь "мужественны", что едва не умирают [от страха], когда должны идти против казаков, которых полно на Черном море. Те же, что на Белом море, такую "храбрость" обнаружили, что их 50 галер не решились сражаться с флорентийскими и едва спаслись от них бегством».

«Происходит это все, — считал К. Збараский, — оттого, что во флоте полно всякого отребья... Невозможно и денег достать на столь обременительные расходы, [как строительство галер], из-за всеобщего разорения».

Действительно, по сравнению с XVI в. число галер в османском флоте резко уменьшилось, и в то же время ухудшилось качество их постройки; сделанные из сырого леса, спешно и небрежно, они недолго оставались на плаву. Корабли плохо снаряжались и снабжались: стало не хватать моряков, морских солдат, гребцов, оружия, боеприпасов и продовольствия.

«Бомбандиры (пушкари. — В.К.), которые служат во флоте турецком, — констатировал Пол Рикоут, — суть зело неискусны, оные обыкновенно суть христиане, французы, агличаны, галанцы и других народов, понеже турки верят, что довольно ежели христианин, то доброй бомбандир и бутто знает употреблять добре всякого оружия огненного... капитаны обыкновенно суть ренегаты — италианцы или дети ренегатов... Командуют сии офицеры их подчиненными людьми на италианском смешенном языке, которой турки называют франк».

Османские моряки, согласно этому современнику, были неискусны на море, не имели морской практики, и в стране недоставало людей, достойных командовать флотом. Большинство высоких флотских должностей покупалось, и лица, их приобретавшие, были «того ради принуждены красть колико могут, чтоб получить те деньги, которые издержали на покупку оного

чина. Чинят тож капитаны галерные, и не обретается ни един офицер, которой бы не крал у своего государя, когда ему подается к тому случай». Упоминаемый далее «борец с казаками» капудан-паша Эрмени Халил-паша, по словам И.В. Цинкайзена, «один из немногих, находившихся на своем месте... был смещен, поскольку его преемник изъявил желание внести 50 000 пиастров, необходимых, чтобы снарядить две галеры, которые должны были выйти в Черное море».

Ядро османских морских войск, все больше терявших боеспособность и дисциплину, составляли сипахи и янычары, и в состав морских солдат входил и также азабы и левенды. О янычарах уже говорилось выше. Сипахи по своим воинским качествам, как свидетельствуют современники, были хуже янычар. Азабов («холостяков») на галерах насчитывалось немного, причем треть из них оказывалась неспособной к настоящей службе. Левенды же, согласно И.В. Цинкайзену, хотя и были старейшими, «но самыми худшими османскими морскими солдатами». Само слово «левенд» со временем стало у турок синонимом грабителя и бездельника. «Они, — указывает цитированный тюрколог, —оставались, однако, еще долгое время в качестве мародеров бичом страны и совершали, особенно в азиатских провинциях, вплоть до 18-го века ужасающие бесчинства, пока, наконец, лишь в 1737 году не удалось... полностью искоренить их и рассеять».

Североафриканские корсары, способные успешно бороться с казаками, являлись на султанскую службу все реже. Галеры, находившиеся в собственности беев Архипелага, «были лучше удовольствованы людми и прочими вещми, нежели константинопольские», но владельцы берегли свои корабли, стараясь во время боя избежать «опасных мест», чтобы сохранить «лучшую часть своего имения».

Команды турецких кораблей состояли из трех разнородных элементов: свободно навербованных людей, согнанных со всей империи рекрутов и галерных рабов. Значительная часть команды, по выражению Бернардо, несла оковы вместо оружия и потому вовсе не употреблялась в бою. Более того, эти невольники являлись постоянными и непримиримыми «внутренними врагами», от которых в любой момент можно было ожидать «удара в Галину». Так, собственно, было и в предшествующих столетиях. Однако теперь, в связи с упадком флота, разнородность экипажей приобретала для османского командования все более зловещий характер[31].

В литературе при очень невысоких в большинстве случаев оценках турецкого флота XVII в. встречаются и иные, подчас диаметрально противоположные характеристики. Хотя флот империи, пишет Ю.М. Ефремов, теперь уже не знал столь громких имен победителей-флотоводцев, как раньше, «все же на протяжении всего этого века и по своей численности, и по выучке экипажей, уровню их боеспособности, и по оснащению и вооружению кораблей он оставался грозной боевой силой, с честью поддерживавшей на морях былую славу своих знамен».

«Среди матросов, — продолжает историк, — было много греков с Архипелага и левантийцев... Морскую пехоту комплектовали из турок и мусульман-албанцев — хороших, стойких солдат... Много было в турецком флоте... офицеров из европейцев-ренегатов, бывших офицеров венецианского, французского, испанского флотов... недостающие... знания современной навигации турецкий флот восполнял за счет притока опытных моряков-навигаторов из европейских стран. Каждый из них прекрасно знал, что попадись он в руки своих бывших единоверцев, и его вздернут на рее без всякого суда и следствия. Поэтому они верно служили султану, на их преданность он вполне мог рассчитывать. Таким образом, турецкий флот располагал кадрами опытных матросов и знающих свое дело офицеров, вполне современными, мощными кораблями, вооруженными многопушечными батареями».

В чем причина такого расхождения оценок? На наш взгляд, процитированный автор рассматривает состояние османского флота словно с точки зрения тогдашних казаков, а европейские современники и большинство нынешних авторов, в том числе турецких, сравнивают этот флот с флотами ведущих морских держав Западной Европы. При этом у историков обнаруживаются разногласия относительно того, когда именно началось отставание турецкого флота и когда европейские военно-морские силы стали решительно его превосходить, а также отмечаются периоды усиления османской морской мощи путем строительства десятков новых галер даже в течение XVII в.

Далее следует иметь в виду, что многие европейские современники, в частности и К. Збараский, из-за своих антиосманских взглядов волей-неволей преуменьшали силы Турции, в том числе и ее флота, и преувеличивали признаки ее упадка. И.В. Цинкайзен, приведя тогдашние свидетельства об уменьшении числа османских галер в первой половине XVII в. до 40—56, тем не

менее больше доверяет утверждению П. Рикоута о том, что в этот период турки снаряжали, правда, с трудом, до 100 галер.

Мы увидим, что в 1624 г. на Черном море против мятежных крымских правителей и казаков действовали не 20 галер, как полагал К. Збараский, а в полтора раза больше. Согласно Эвлии Челеби, в султанской армаде, отправленной в 1641 г.отбиратьу казаков Азов, насчитывалось 150 галер, калит и баштард, 150 фыркат, 200 шаик и карамюрселей, всего, таким образом, 500 кораблей и судов разных типов[32]. В ходе кампании 1645 г. на Средиземном море турецкий флот состоял из 81 галеры, 2 галеасов, 1 большого галиона, 12 малых александрийских и тунисских судов, около 360 шаик и карамюрселей, а также 10 союзных англо-голландских транспортных судов, имея всего около 470 единиц.

Как видим, в османском флоте были не одни только галеры, игравшие ведущую роль в крупных морских сражениях и особенно интересовавшие европейцев, но и корабли других классов, причем борьбу с казаками подчас эффективнее могли вести как раз средние и малые корабли, и в первой четверти XVII в. в семи морских арсеналах на Черном море турки наладили новую систему «антиказачьего» судостроения[33]. На протяжении всего столетия османский флот постепенно совершенствовался, и, как отмечал, несколько преувеличивая, современник, в Турции видели «каждой день что-нибудь новое, касающееся к совершенству и к преимуществу мореплавания».

В обычное время, полагает Ю.М. Ефремов, состав этого флота «колебался где-то в пределах 180—200 боевых кораблей» и, следовательно, «не уступал в численности таким крупнейшим флотам того времени, как английский и голландский, и превосходил флоты таких мощных государств, как Испания (90—100 кораблей) и Франция (75—80)», а в военное время благодаря мобилизации торговых судов доходил до 400 боевых единиц. Конкретные подсчеты могут быть разными, но нет сомнения в том, что и в XVII в. у Турции все еще был огромный флот, равно как и великая армия, посредством которых империя и продолжала удерживать завоеванные территории и захватывать новые.

Возможности воссоздания флота, терявшего корабли в результате поражений, и даже значительного его усиления были далеко не исчерпаны. Государство обладало гигантскими неиспользованными ресурсами и резервами, и заявление одного из его сановников: империя «настолько сильна и богата, что... может соорудить флот, заменяя железо серебром, пеньковые канаты шелковыми, а льняные паруса атласными», — не кажется слишком фантастическим и для эпохи расцвета казачьего мореплавания.

«Трудно домыслится причины, для которой турки суть так слабы на море, — писал П. Рикоут, — понеже у них обретается довольство всяких вещей, которые потребны для строения кораблей и для вооружения флота с добрым экипажем: из великих лесов в длину по Черному морю и даже до гольфы Никомидской (Никомидийского, ныне Измитского залива Мраморного моря. — В.К.) во Азию могут довольствовати на строение бастиментов (судов. — В.К.) деревья болши, нежели им потребно, смола густая и житкая, сало — сие приходит из Албании и из Валахии, пенка и полотна парусные из Каира, сухари из всех стран их империи; большая часть их портов способнейшии на строение кораблей, а в арсенале константинопольском есть трит-цать камар, или сводов (доков. — Прим. ред.), определенных на оное строение, того ради могут строитися во едино время без помешания другому».

Английский дипломат считал, что «ежели все вещи соединились бы вкупе», то Стамбул стал бы «господином всего Окиана», и что «надлежит всякому молить Бога для общей пользы христианству, чтоб они (турки. — В.К.) никогда не проснулись от сего глубокого сна, понеже ежели когда им придет в мысль, чтоб быть сильным на море, и ежели будут о том прилежать как подобает, то произошли бы оные страшны всему свету». Тем не менее, как замечает Карл Макс Кортепетер, именно невероятные богатства Черноморского региона, «балканского и анатолийского глубоких тылов», доступность ресурсов и относительная легкость их контроля «позволили Оттоманской империи выдержать очень серьезные внутренние и внешние угрозы своей жизнеспособности в период между концом шестнадцатого века и Кючюк-Кайнарджийским договором 1774 года».

Что же касается приведенного выше недоумения П. Рикоута, почему турки не могут в полную силу воспользоваться своими ресурсами для увеличения флота, то «Всеобщая история о мореходстве», пересказав слова этого современника, отвечала ему так: «Они не умеют в пользу свою употреблять выгод, природою столь щедро им доставляемых...» И в самом деле, мы поз- же увидим, как наведение порядка в империи при великих везирах Кёпрюлю, их сильная власть и

концентрация усилий государства для решения жизненно важных задач повлияют на военно-морскую активность казачества, в частности в районе Босфора.

В эпоху Босфорской казачьей войны Турция хотя и стала отставать от ведущих военных и морских держав мира, но вовсе не находилась на краю гибели. Для небольших в сравнении с гигантской мировой империей сообществ казаков это был чрезвычайно сильный враг, имевший множество сухопутных частей, крепостей, кораблей и пушек.

Сделаем выводы:

1. Османское государство с XIII в. непрерывно расширяло свои границы и в XVI в. установило контроль над всем Азово-Черноморским бассейном. Оба его моря превратились во «внутренние озера» империи, в которых не допускалось никакое постороннее мореплавание.

2. Казачьи сообщества — Войско Запорожское и Войско Донское, хозяйство которых первоначально основывалось на водных промыслах, оказавшись отрезанными от устьев Днепра и Дона и прилегающих морей, не могли смириться с османским господством и начали борьбу за низовья своих рек и свободный выход в море.

3. Логика развития казачье-турецкой войны и казачья тактика активной обороны привели к осуществлению босфорских морских походов. Казаки рассчитывали нанести Турции весьма ощутимый урон в ее центральном районе и тем ослабить турецко-татарский натиск на свои земли. Среди целей набегов к Босфору было и получение добычи, но оно занимало далеко не первое место. Популярная в христианском мире идея освобождения Царьграда воспринималась на Запорожье и Дону вполне реально и была полезна «казачьему делу».

4. Османская империя являлась для казаков чрезвычайно опасным и сильным противником, обладавшим несравнимыми по мощи материальными ресурсами, армией и флотом.

5. Казачьи суда, уступавшие турецким в'части размеров и оснащения, имели ряд особенностей, обеспечивавших казакам успех в сражениях. В сочетании с военным искусством и воинским мастерством казаков это позволяло казачеству добиваться оперативного господства на направлениях своих черноморских ударов.

6. Расширению театра казачьей войны способствовали кризис и упадок Османского государства, вследствие которых турецкие вооруженные силы в XVII в. оказались слабее, чем в предшествующее время. Однако они по-прежнему многократно превосходили силы казачьих сообществ, и у Турции еще были громадные неиспользованные резервы.

Примечания

1«Неудивительно поэтому, — писал Михалон Литвин, — что один еврей, занимающийся сбором пошлин у... единственных ворот, ведущих в . Таврику (на Перекопском перешейке. — В.К.), и видевший постоянно бесчисленное множество наших людей, угоняемых туда, спрашивал у нас: осталось ли еще сколько-нибудь людей в нашей стране или их уже совсем нет? А также откуда берегся такое их множество?» П.А. Кулиш прав, замечая, что казаки жили «у самой пасти чудовища, пожиравшего их братии ежегодно, ежемесячно, даже, можно сказать, ежедневно».

2 О турецких завоеваниях см.: 632, ч. 1-2; 460; 298; 478; 326; 472; 338; 355; 598; 337; 517; 554; 409 и др. Карту расширения Османского государства см.: 338. Любопытно, что автор карты Халил Иналджык неправомерно показывает под 1590 г. всю территорию Дона вплоть до Переволоки частью Крымского ханства.

3 У Т.К. Крыловой сказано: «Ь'пе ПНе 1гто1ее йе8 8и11ап$», — так в шутку называют его (Черное море. — В.К.) французские историки». Похоже, авторство принадлежит вовсе не шутникам-французам.

4 А. Маврокордато также заявлял, что «Черным морем и кругом его всеми берегами владеет один салтан, а иного государя к тому морю никакого владения, ни места нигде не бывало и ныне нет. И того ради и ныне, и никогда плавания по Черному морю московским кораблям и никаким судам для торговли поволено не будет, понеже от веков никто из иных народов при владении турском не имел на том море плавания». По словам турецкого представителя, исстари и доныне много раз просили и теперь просят о том французы, англичане, голландцы и венецианцы, но Турция издревле им отказывала и ныне отказывает, «говоря, чтобы они никакой в том надежды не имели».

В этих заявлениях содержатся некоторые «дипломатические» передержки относительно того, что бывало и не бывало прежде. Но Б.А. Дранов обвиняет А. Маврокордато в «ретроспективной исторической фальсификации», утверждая, в частности, что договоры («капитуляции») Англии и Голландии с Турцией 1604(1607) и 1612гг., равно как и их подтверждения последней трети XVII в., предоставляли судам названных стран право прохода через Босфор и судоходства на Черном море. В самом деле, «капитуляции» формально разрешали ведение черноморской торговли под английским и голландским флагами, в том числе и с Московией через реку Дон, а суда Англии и Голландии при заходе в Кафу или иные черноморские порты должны были пользоваться покровительством османских властей. В действительности же все это осталось на бумаге, и турки не пропускали упомянутые суда в Черное море. По имеющимся источникам, казаки никогда не встречали их ни на Черном, ни тем более на Азовском море. Б.А. Дранов делает свои заключения

на основе материалов В.А. Уляницкого (постоянно называя его Ульяницким), но тот, сказав, что англичане и голландцы имели доступ в Черное море, далее замечает, что «капитуляции» «разрешали доступ туда лишь купцам, а не кораблям». Добавим, что и Польша по договорам с Турцией XV—XVI вв. и двум договорам XVII в. (1607 и 1619гг.) формально получала свободу плавания и торговли на Черном море, но из-за противодействия Стамбула не могла воспользоваться этим правом. Россия добилась для себя свободы черноморского судоходства только по Кю-чюк-Кайнарджийскому договору 1774 г.

[5] См. повторение этой мысли.

[6] Польские послы в Стамбуле, открещиваясь от казачьих «разбоев», тем не менее твердо заявляли, что казаки на Днепре живут «от веку», существуют там в большем или меньшем числе, но «вечно», что турки Днепром никогда не владели, а татары пришли туда позже казаков. В 1640 г. Войцех Мясковский доносил королю о своей беседе с великим везиром: «О Запорожье я сказал, что еще ни татар *в* Крыму, ни вас тут в Адрианополе и Константинополе не было, когда казаки от веку на Днепре на земле польских королей начали жить, так что и человеческая память не запомнила их начало».

[7] Очаковский замок и две крепости у острова Тавани должны были закрыть выход казакам из Днепра, а Азовская крепость и разрушенное затем донцами укрепление на Мертвом Донце — из Дона.

8 Автор имел в виду конкретно борьбу Петра 1 за устья Невы, Дона, Днепра и Буга, а также Керченский пролив.

9 См. еше позже у Ю.П. Тушина: «Военные походы казаков были вынужденным ответом на турецко-татарское наступление, актом самозащиты».

[10] Ср. с замечанием одного из иностранных дипломатов в Польше: «Уничтожить их (татар. — *В.К.)* значит потрясти до основания всю Оттоманскую империю, ибо для турок тартары то же, что крылья для птицы, и потому лишним будет стараться доказывать, какая обоюдная польза заключается в союзе сих двух народов». Определение татар как «крыльев и как бы правого плеча» Порты принадлежит римскому папе.

" Согласно этому историку, в 1650-х гг. и Москва считала, что для отвращения вражеского вторжения в свою землю казакам «надлежало занять врагов в собственной их земле».

[12] Н.И. Краснов пишет о набеге атамана Ивана Богатого: «Дело не в том, что несколько сот удальцов высадились у берегов Золотого Рога и зажгли загородное царьградское селение с роскошными дворцами султана и турецких пашей, а в том впечатлении, которое подобный набег произвел на могущественную державу, первостепенное в то время государство в Европе». Обстоятельства набега здесь указаны неточно, но интересно преимущество, которое автор отдает «впечатлению».

[13] Автор говорит о «морских набегах на берега Анатолии и Малой Азии», не указывая, как он разделяет эти географические понятия.

[14] А.А. Новосельского поддержал Б.В. Лунин. О «тщательнейшей подготовке и организации походов», исключающей стихийность, позже писал Ю.П. Тушин.

[13] Далее мы увидим, что в 1630 г. запорожцы, прибывшие на Дон с призывом идти на море «для добычи», инициировали совместный поход в Прибосфорский район. Но, во-первых, это все-таки был не Босфор, во-вторых, в запорожском призыве не говорилось о походе именно к Босфору, и в-третьих, в Прибосфорский район казаки пошли не сразу, а после обширных действий в Керченском проливе, у Крыма и Анатолии.

[16] В ответ на негодующее заявление П.А. Кулиша: «Добыча и слава... воспеты в казацких песнях как одинаково нравственные», — Н.И. Костомаров спрашивал: «Отчего это г. Кулишу понятие о славе кажется нравственным, а понятие о добыче безнравственным? Разве потому, что громкое слово "слава" более пригодно для красноречия, чем слово "добыча"? Но как бы то ни было, нельзя ставить в вину козакам и признавать за ними как бы исключительно им одним принадлежащий порок — склонность к приобретению добычи: это свойство всех военных людей во все времена и во всех странах, начиная от полудиких шаек до армий цивилизованных народов. Разве в наше время на войнах не берут у неприятелей добычи и разве не поставляют себе в особую доблесть отнятие добычи?»

Слава и добыча естественным образом сочетались и во взглядах обычных казаков XVII в. Это подметил Т. Г. Шевченко, в стихотворении которого «Гамалия» запорожцы идут к Стамбулу, по их словам, «не дукаты считать», а «славы добиваться», выручать пленников-христиан, «за свободу... братьев с турками сражаться», и, действительно, ломают в Скутари тюремные стены, но одновременно «ссыпают золото в челны» полными доверху шапками, а по возвращении домой, «хлебнув славы», намереваются покрыть свои курени захваченным «рытым бархатом».

[17] В «Исторической» повести об Азове сказано: «И за наше великое пред господом Богом согрешение в прежние лета прародительства нашего бысть гонение на истинную нашу православную християнскую веру от тех злохитренных, ока[я]нных и свирепых, и немилостивых волков поганского языка бусурманской веры, от агарянского изчадия: первие же паче на вос-точне стране на святый град Иерусалим и при царе Костянтине на Царь-град. И во Ерусалиме и во Цареграде, и во всех окрестных градех от тех окаянных и немилостивых волков поганского языка около Бедово (Средиземного. — *В.К.)* и Черного моря, и Синего (Азовского. — *В.К.)* моря же православная християнская вера разорена и попленена до основания».

Московские цари виделись автору, по-видимому, в качестве преемников византийских императоров. А.Н. Робинсон утверждает, что и в «Исторической» азовской повести взятие Азова изображается как «богоугодное» предприятие, «имеющее в своей перспективе движение на Царьград и даже Иерусалим».

Однако «Историческая» повесть прямо не говорит о такой перспективе, и она может быть только «дорисована» воображением читателя.

[19] В апреле 1638 г. донцы заявляли крымскому послу, что хотят «прибавить к себе город Темрюк да и Табань (Тамань. — *В.К.),* да и Керчь, да, либо... нам даст Бог, и Кафу вашу».

[20] Ср. у В.И. Ламанского. В итальянском оригинале, согласно М. Левченко: «Я слышал от них, что они надеются захватить однажды и Константинополь, — говорят, что освободить ту землю судила им доля и что у них есть пророчества, которые ясно предвещают это...»

[21] Кстати заметим, что П. делла Балле, кроме итальянского, французского, турецкого, персидского и армянского языков, немного знал и «язык московитов», среди которых прожил два года, сопровождая представителя персидского шаха.

[22] Из логики П.А. Кулиша, считавшего казачество разрушительной антигосударственной силой, враждебной порядку и устоям феодального государства, вытекал следующий вывод: «Если бы казаки и разрушили Оттоманскую империю, то радости в этом для людей порядка и благоустройства было бы мало. Победоносная вольница сделалась бы, пожалуй, опаснее самих мусульман для русского мира...»

[23] Подробнее о корсарах Северной Африки см.: 601; 329; о турецком флоте XVI в.: 207; 601; 632, ч. 3 (здесь же и характеристика флота в XVII в.); 627 и др.

[24] Впервой четверти XVII в. численность населения Войска Запорожского и Войска Донского вместе взятых определялась десятками тысяч человек (конкретные цифры см. в главе X), в то время как в Османской империи проживало приблизительно 22— 25 млн человек (хотя Омер Лютфи Баркан даже для конца XVI в. называет цифру в 30—35 млн). Площадь империи составляла почти 6 млн кв. км. Для сравнения укажем, что ныне площадь Турции составляет 0,78 млн, Украины — 0,6 млн, Франции — 0,55 млн, Испании — 0,5 млн, Ирана — 0,43 млн и Италии — 0,3 млн кв. км. Площадь Средиземного моря — 2,5 млн и Черного моря — 0,4 млн кв. км.

[25] В отдельных случаях команда струга могла превышать и 80 человек. В экспедициях на Азовском море использовались меньшие суда. О скорости казачьих судов и галер см. главу III.

[26] Жан Шарлей говорит, что на судах Степана Разина в Каспийском походе было по две пушки.

[27] См. также мнения С. Боброва. В.И. Ламанского, Н.И. Краснова.

[28] По мнению В.В. Мавродина, казаки «фактически становятся хозяевами Черного моря» «на определенном промежутке времени» еще в XVI в. См. также утверждение О.И. Прицака о том, что запорожцы «перекрыли дыхание османскому правительству» морскими походами 1594—1625 гг.

[29] По мнению А.И. Латуна, «вырабатывая собственную морскую тактику и стратегию, «морские волки» степей использовали богатый опыт своих исторических предшественников — воинов и моряков Киевской Руси, а позже — воинственных людей Северного Причерноморья, известных историкам под именем "бродников" и "берладников"». Вопрос этот чрезвычайно интересен, но не разработан из-за нехватки источников и по другим причинам. Берладники действительно являлись искусными мореходами и совершали плавания по Черному морю (их экспедиция 1159 г., согласно В.В. Мавродину, «очень напоминает черноморские походы казаков»), и вполне возможно, что мореходством занимались и бродники. Эвлия Челеби, источники которого неизвестны, утверждает, что около 1291 г. Херсонес принадлежал неким польским казакам, и сообщает о последующих морских походах казаков, вплоть до их большого сражения с турками в 1481 — 1482 гг. у Адахуна, на Тамани. В журнале русского посла в Стамбуле Я.И. Булгакова под 1781 г. есть запись, сделанная, по-видимому, на основании рассказов местных жителей, о «сильном сражении» казаков с генуэзцами на Босфоре у Стении (Истинье).

Что касается походов Киевской Руси на Босфор и к Константинополю IX—X вв., то некоторые старые авторы, в том числе и украинские казацкие летописцы, проводили прямую преемственную связь между ними и набегами казаков и ставили знак равенства между древнерусскими и казачьими судами. Киевский митрополит Иов, имевший тесные контакты с запорожцами, писал о них в 1621 г.: «Это войско того поколения, которое при русском монархе Олеге в своих моноксилах (однодеревых судах. — *В.К.)* по морю и по суше (приделав колеса к челнам) плавало и Константинополь штурмовало. Ведь это они (казаки. — *В.К.)* при Владимире Великом, святом русском монархе, воевали Грецию, Македонию и Иллирик».

Многие позднейшие историки проводили параллель между древнерусскими и казачьими походами. «Характер морских экспедиций руссов, как они описаны у Масъуди и византийцев X века, — пишет тюрколог П.С. Савельев, — находим в турецких описаниях походов, совершенных днепровскими и донскими казаками на малоазийские берега и к Константинополю в XVI и XVII веке». Согласно Н.П. Загоскину, память о древнерусском влиянии на Черном море продолжает жить «в удалых морских набегах днепровских казаков... от времени до времени напоминавших побережьям Анатолии и Босфора ужасы русских морских нашествий IX и X веков». «Очень близкие черты характера нашествия на половецкие "вежи" и на Царьград первых Рюриковичей и позднейших казацких действий, — отмечает Ф. Ра-вита-Гавроньский. — дали импульс Владимиру Антоновичу связать происхождение казачества и казаков с княжением первых Рюриковичей в Киеве... остатки местного населения, жившего над Днепром, в той мере, насколько уцелели от монгольского погрома, не могли стереть в себе традиции прошлого, от которого отделяло их едва лишь два века, и Днепр оживил их, когда начались татарские походы и начали подниматься богатые турецкие города».

Приведем, наконец, мнение В.В. Мавродина: «Мореходство украинцев и русских восходит к единому источнику — к мореплаванию восточных славян во времена Киевской Руси, во времена антов, к мореплаванию древних славян. Походы запорожских казаков, как и суда их, во многом напоминают и продолжают традиции русских времен Олега и Игоря». Для полноты картины добавим, что казачьи суда имеют некоторое сходство также с судами черкесов и новгородцев, которые принимали участие в становлении казачества.

[30] См. характеристику сухопутных сил Турции первой четверти XVII в. у Луи Деэ де Курменена.

[31] О турецком флоте первой четверти XVII в. см. также: 200.

[32] Подробнее о составе флота у Азова см.: 366.

[33] Об использовании турками против казаков разных типов судов см. также мнение П. делла Балле.

Глава II

БОСФОР И СТАМБУЛ

1. Знаменитый пролив

Босфор (Боспор) по-гречески означает «коровий проход» или «коровий брод». Истоки этого названия уходят в древнегреческую мифологию. Могущественнейший из богов Зевс некогда полюбил дочь царя Арголиды прекрасную Ио и, чтобы скрыть ее от гнева своей жены Геры, превратил любимую в корову. Гера завладела ею, но сын Зевса Гермес по поручению отца похитил необыкновенное животное. Тогда Гера наслала на корову чудовищного овода, который своим ужасным жалом гнал ее, обезумевшую от мучений, из страны в страну. В этом страшном беге Ио и переправилась через пролив, разделяющий два континента.

Он имел еще уточняющее определение Фракийский в отличие от другого Босфора — Киммерийского, который сейчас называется Керченским проливом. Турки именуют первый пролив просто Богазичи (Пролив) или Караденiз богазы (Черноморский пролив), или Истанбул богазы (Стамбульский пролив).

В Средние века и в Новое время европейские мореплаватели разделяли Босфор на две части: северную, от черноморского устья до залива Бююкдере, называли Каналом Черного моря, или Черноморским каналом, а южную, от упомянутого залива до мыса Сарайбурну («оконечности Сераля»), — Константинопольским проливом, или собственно Босфором. Впоследствии Босфор делили на «колена». Первая российская лоция Черного моря (1851) указывала на три колена: от названного моря до Бююкдере, от него до мыса Еникёйбурну и от последнего до Стамбула. Описание Прибосфорского района, составленное российским Генеральным штабом перед Первой мировой войной, делит пролив на четыре колена: от маяка Румели-фенери до Бююкдере (Верхний Босфор), от Бююкдере до Еникёя, от него до параллели Бейлербея (на азиатском берегу) и от мыса Дефтердарадо Золотого Рога. Все эти деления, конечно, условны.

Босфор всегда поражал и сейчас поражает путешественников своей яркой живописностью и несравненной красотой. Без сомнения, ее замечали и казаки во время набегов, но не оставили эмоциональные описания: это была чужая красота, которая, быть может, воспринималась даже враждебно. «Нейтральные» и более поздние путешественники не сдерживали свои чувства. Инок Серапион, упоминая босфорские «изряднии города и села, дивние вертограды, благовоннии кипариси и инии древеса пре-чудние, зелие благоухающее», заключал: «... словом сказать, места онии красоты несказанной».

Многие десятки наблюдателей будут писать о непрерывно меняющихся, новых и разнообразных картинах, которые открываются при движении судна по Босфору, особенно если оно несется вместе с течением: «каждую секунду встречаете какую-нибудь новую прелесть». Заманчивые рощи, заросли кустарников, сады и виноградники, красивые «романтические» холмы и прелестные равнины с бесчисленными речками и ручьями, множество чаек и стаи резвящихся дельфинов, волны, которые донец А.Н. Краснов определял как «индиговые с белыми гребнями», не похожие «ни на лазурь Средиземного моря, ни на тона наших черноморских вод», с глухим рокотом и брызгами разбивающиеся о берег, внушительные замки, живописные развалины, белые дворцы, виллы и беседки в изумрудной зелени и ярких цветах, селения с мечетями — все это вместе составляет «сплошную цепь очарований».

«Ничего не может быть равного по красоте и разнообразию тем картинам, которые проходят здесь перед глазами», — замечает А. Барт. «Босфор — чудо, — утверждает С.Н. Филиппов. — Это не преувеличение и не увлечение. Его нужно видеть, нужно вглядеться в него, чтобы понять и оценить его красоту, эту прелесть природы...»

Пролив с севера на юг становится все краше, и от Бююкдере уже «начинается удивительная красота». «Когда с устьев Черного моря опускаешься к Константинополю, — пишет Пьер Лоти, — волшебная панорама Босфора развертывается постепенно с возрастающим великолепием, достигая полного апофеоза там, где открывается Мраморное море: тогда слева, в Азии, красуется Скутари, а справа, над мраморными набережными и дворцами султанов, поднимается величественный профиль Стамбула, увенчанный массой минаретов и куполов».

Длину пролива определяли и доныне определяют по-разному. Ф. де Сези в 1625 г. указывал, что от Стамбула до «устья канала» всего лишь 4 лье, т.е. 17,8 км, если имелись в виду сухопутные лье, или 22,2 км, если речь шла о морских. Э. Дортелли в 1634 г. называл длину в 18 миль. По сведениям Ж. Шардена, относящимся к 1672 г., длина Босфора исчислялась в 15 миль, или 27,8 км. «А всего... гирла от Черного моря до Царырада, — писал в 1699 г. Емельян Украинцев, — 18 миль итальянских...» Ту же длину называл в 1703 г. П.А. Толстой, добавляя, что это будет «московских мерных 15 верст 750 сажен». Несколькими годами позже паломник Иоанн Лукьянов утверждал, что «от гирла (устья пролива. — В. К.) до Царягорода узким морем осьмнадцать верст», т.е. 19,4 км, хотя, может быть, наблюдатель просто заменил мили верстами.

В первой половине XIX в. в России считали, что длина пролива по фарватеру составляет 27 верст 473 сажени, или 29,8 км. В первой отечественной лоции Черного моря все колена Босфора вместе взятые определялись в 16,5 мили, т.е. 30,6 км. Эта цифра фактически равняется современной: турецкие географы считают, что пролив имеет в длину 31 км, что составляет 16,7 мили[2].

Многим наблюдателям Босфор напоминает реку, и неслучайно один из русских паломников замечал, что «пошол тот богаз (пролив. — В.К.) як бы якая превеликая река». «Сильное течение воды, — говорит капитан новейшего времени, — заставляет забывать о том, что Босфор — морской пролив. Он скорее напоминает быструю короткую реку». Но, разумеется, речь идет о весьма своеобразной артерии: «Босфор, — по выражению А.Н. Краснова, — это и не река, и не море... Он течет как река, но на поверхности его кипит жизнь, достойная первостепенного морского порта».

В источниках илитературе встречаются сравнения пролива с конкретными реками. Э. Дортелли считал, что он «по ширине и глубине не превышает» Дунай или Днепр, а иеромонахи Ма-карий и Селиверст характеризовали Босфор как неширокое «море», «как вдвое ширше бы от Днепра». Согласно наблюдениям П.П. Гнедича, пролив «куда уже, чем Волга в нижней части, только горы с двух сторон»; по С.Н. Филиппову, Босфор «не шире Волги у Нижнего (Новгорода. — В.К.)».

У Ж. Шардена есть сообщение, что пролив имеет в ширину около двух миль. Е. Украинцев писал, что Босфор от черноморских маяков до Стамбула шириной «только с милю немецкую». Но это были «прикидки» приблизительной средней ширины. На самом же деле она крайне неравномерна и, по современным данным, колеблется от 0,7—0,75 до 3,6—3,8 км, или от 0,4 до 1,9—2,0 миль. Наибольшую ширину пролив имеет при черноморском устье, между маяками Румелифенери и Анадолуфенери. Издавна считается, что самое узкое место Босфора расположено между замками Румелихисары и Анадолухисары, и это отражено в многочисленных старых и новых работах. Полагают, однако, что максимальная узкость находится южнее названных замков — за мысом Шейтанбурну, у Арнавуткёя[3].

В самой южной части пролива от него к северо-западу отходит залив Золотой Рог, называемый турками Халич («Залив») и служащий гаванью Стамбулу. Длина залива составляет свыше 10 км (более 5,4 мили), а средняя ширина около 450 м (около 0,2 мили). Наибольшую ширину Золотой Рог имеет при входе — приблизительно 1 км (свыше 0,5 мили).

Современники подчеркивали, что весь османский флот мог выходить в Черное море, так как Босфор очень глубок. «А глубина в том гирле в самой середке, — по определению Е. Украинцева, —сажень по 20 и по30, и по 40...» — от 43,2 до 86,4м. Ныне глуби ну судоходной части Босфора определяют в 20— 102 м[4]. По фарватеру пролив чист, но у берегов в разных местах встречаются отмели, банки, камни и мелководные места.

В описании Черного моря Э. Дортелли можно прочитать, что по обеим сторонам черноморского устья Босфора «есть 2 ложных прохода», которые затрудняют попадание судов в

пролив, особенно ночью, и вызывают кораблекрушения. Оба «фальшивых Босфора» отмечают и позднейшие лоции. Один из них расположен на азиатской стороне возле мыса Шиле, адругой — на европейской у мыса Карабурну. «Эти места таковы, — пишет А.Л. Бертье-Делагард, — что действительно дают представление с моря, очень похожее на настоящий пролив. Теперь это все хорошо обставлено огнями и знаками, но во дни д'Асколи грозило морякам очень большими опасностями».

«Грустно подумать, — читаем в записках морского офицера 1850 г., — какое множество купеческих судов, бежавших попутным ветром из Керчи и Одессы, разбилось в фальшивом проливе на берегу Румелии, и Бог знает, сколько их еще разобьется! Без сомнения, каждое из них видит опасность, но уже в такое время, когда нужно отлавировываться от берега; надобно видеть и испытать зыбь в этом угле (Черного моря. — В. К.) при устоявшемся N0 (норд-осте. — В.К.), чтобы судить, чего стоит малому судну лавировать против нее»[5].

Непрост был и вход в настоящий Босфор. Когда в 1699 г. корабль российского регулярного флота «Крепость» впервые появился в проливе, находившийся на борту посол Е. Украинцев с гордостью извещал Петра I, что корабль вошел в Босфор «в целости самою середкою, без указывания и без вожей (лоцманов. — В. К.) турецких», и замечал, что не только ночью, но «и в день то гирло с моря несамознатно».

Действительно, как писал впоследствии русский военный агент в Стамбуле В. П. Филиппов, оба берега Черного моря, европейский и азиатский, перед Босфором «сближаются между собой не постепенно, а встречаются вдруг, пролегая в одном и том же направлении. При подобном очертании берега найти из моря такой узкий выход, как Босфор... весьма затруднительно, тем более что берега обоих материков сходны между собой и очень однообразны. Трудность эта увеличивается до крайней степени ночью, в пасмурную погоду, а особенно в туман».

Полагают, что древнегреческий миф о страшных Симплегадах («Сталкивающихся скалах»), находившихся, по представлениям древних, при выходе из Босфора в Черное море, отразил реальные трудности и опасности плавания по проливу[6], особенно в его черноморском устье. Фредерик Дюбуа де Монперё считает, что и древнегреческие Сцилла и Харибда, чудовища, обитавшие на прибрежных скалах по обе стороны некоего морского пролива, — это те же Симплегады, «морские рифы, так хорошо известные в древности неопытным мореплавателям; эти скалы торчат у входа Босфора Фракийского, по направлению к Черному морю».

«Я слышал от старых турецких капитанов, — записал в 1672 г. Ж. Шарден, — что на Черном море плавает 1500 судов и что из них ежегодно гибнет сотня. Всего более следует опасаться кораблекрушения при входе в Босфор. Вход этот очень тесен. Часто там дует противный ветер; из пролива почта постоянно дует такой ветер, отгоняющий суда, а когда он крепчает, то выбрасывает суда на берег, усеянный крутыми скалами. Там разбилось столько галер и кораблей, что и не сосчитать... Следующее обстоятельство ясно показывает большое число кораблекрушений при входе в Черное море: все ближайшие селения построены из обломков судов, и жители не употребляют иных строительных материалов». Ж. Шарден приводил и примеры кораблекрушений: «Недавно семнадцать галер погибло там в один день, а в прошлом году там погибло, тоже в один день, посвященный у греков памяти св. Димитрия (у турок это день Касыма — 26 октября 1671 г. — В.К.), тридцать шесть саик (шаик. — В.К.)».

Поздние путешественники рассказывают, что при приближении к Босфору сначала смутно вдали «темнеет линия гор», затем «через полчаса они уже видны отчетливо и ясно, так что без труда можно разглядеть их контуры и формы отдельных вершин», а потом «сплошная линия гор сразу разрывается на две части, открывается вход в знаменитый Босфор. Направо — Европа, налево — Азия». Пролив открывается неожиданно: «Темные воротца, случайные — так кажется сперва — в холмистой гряде, может быть, бухточка, устье реки. И вдруг понимаешь: это Босфор!»

«Сильное впечатление, — пишет морской офицер, — произвел на меня юго-западный угол Черного моря; я вполне понял, как важен вход в подветренный пролив Босфорский и как опасно спускаться в него, надеясь лишь на счисление. Норд-ост несет с собою густую мрачность, особенно у поверхности моря, берег бывает занесен (мглой. — В.К.) и низменности видны только в самом близком расстоянии, так что маяки открываются не далее как в расстоянии семи или восьми миль (13,0—14,8 км. — В.К.)...»

До сих пор у моряков существует целая «наука», как распознать вход в Босфор. «В ясную погоду, — читаем в лоции, — пролив распознается днем за 30 миль (55,6 км. — В.К.); он начинает обозначаться интервалом, когда судно, приближаясь от запада, придет на NN0 (норд-норд-ост. — В.К.) от него. С более дальнего расстояния Босфор определяется по находящимся восточнее его

горам Мал-Тепеси, Двух Братьев и третьей (близ берега Мраморного моря), часто видимой около первых двух, на заднем их плане, и потому называемой Дальнею. Когда верхние части берегов занесены мглою, то лучшим признаком к опознанию пролива служат семь красноватых россыпей (песков. — В. К.), находящихся к западу от него, и одна белая — к востоку...»[7]

Течение в Босфоре направлено из Черного моря в Мраморное, причем, как писал Е. Украинцев, «течет вода тем гирлом... быстро». Позже специалисты будут отмечать, что пролив, «служа протоком избытка вод Черного моря в Мраморное, отличается чрезвычайной для такой массы воды быстротой течения, а также изменчивостью его, периодической или случайной, разнообразием в его направлении, нередко на незначительном пространстве».

Скорость течения зависит от ветров, ширины и глубины тех или иных участков Босфора, конфигурации берегов и времени года. Весной течение сильнее из-за половодья на Дунае, Днепре, Днестре и других реках, впадающих в Черное море. И. И. Стебницкий приводит сведения русского капитана Юговича, «отличного знатока Босфора», прожившего в Стамбуле 30 лет, о том, что течение «ослабевает к закату солнца, наименьшую скорость имеет к восходу солнца, а затем усиливается к полудню»[8].

Одна из лоций указывает скорость босфорского течения около 2 узлов (3,7 км в час) у северного, широкого конца пролива и 4—5 узлов (7,4—9,3 км в час) в узкости между Румелихисары и Анадолухисары, где оно называется Шейтан акынты («Чертов поток», «Чертово течение», «Дьявольское течение»). Другая лоция говорит, что скорость там иногда превышает и 5 узлов. Более позднее описание Босфора утверждает, что в этом течении у мыса Акиндизибурну (Шейтанбурну) при нормальных условиях вода может идти со скоростью до 3,75 узла (6,9 км в час). Наблюдения капитана Юговича свидетельствуют, что при особых условиях в определенных местах Босфора возникает бешеный поток: «Часто, особенно осенью и весною, при ветрах ВСВ (с востока-северо-востока. — В.К.) скорость течения, ударяющего на оконечность Сераля, доходит до 6 миль в час(11,1 км. — В.К.)...» Современный «Морской энциклопедический словарь» определяет скорость течения в Босфоре в 2,9—3,9 узла (5,4—7,2 км в час). При этом для сравнения следует иметь в виду, что течение со скоростью около 2,2 узла (4 км в час) — это сильнейшее течение, бурная река.

Во время навигации в Босфоре господствует ветер с Черного моря. Летом в нормальную погоду, которая начинается в конце весны и заканчивается в начале осени (бурная погода обыкновенно наблюдается с октября до мая), в проливе ежедневно дует северо-восточный ветер, разгоняющий обычное течение. Он случается также и ранней весной, приблизительно с двадцатых чисел марта, и вообще часто не прекращается до начала двадцатых чисел октября[9]. Весной и зимой в проливе отмечается преимущественно юго-юго-западный ветер, и тагда течение изменяет свое направление на противоположное, вследствие чего вода движется из Мраморного моря в Черное. Но после свежих южных ветров вода, «подвинутая» к северу, вновь устремляется на юг с усиленной скоростью.

«Главная струя воды, попадающая из Черного моря в пролив, — говорит описание Босфора 1912 г., —беспрепятственно течет почти до Тэрапии (Тарабьи. — В.К.) посреди русла, но, встретив у мыса Киречбурну выдающийся материк, отражается от него и направляется в противоположную сторону (к другому берегу. — В.К.) пролива к Инжиркей (Инджиркёю. — В.К.), следуя потом около 5-ти верст около азиатского берега; потом снова переходит на европейский берег и, встретя (у с. Арнауткей) мыс Шайтанбурну, отражается от него и следует далее с особенной быстротой посреди фарватера».

Затем, читаем в том же описании, струя воды, «встретив с одной стороны Мраморное море, а с другой Золотой Рог... разделяется: большая ее часть поворачивает на юг и стремится в море, но у мыса Сарайбурну часть этой струи, задев материк, не попадает в море, а следует в Золотой Рог по южной его стороне и в верховье залива возвращается срединной струей. Меньшая часть по инерции сохраняет прежнее направление и следует в Золотой Рог вдоль северного берега. Встретившись в верховье с упомянутой струей южного берега залива, возвращается одной с ней струей по срединному фарватеру и протекает в Мраморное море». Кроме того, слабый береговой поток проникает мимо Топхане вверх по Босфору и исчезает у Ортакёя. Капитан Югович говорит о большом обратном течении в черноморскую сторону, что оно направляется преимущественно по европейскому берегу и заметно от стамбульского порта до Арнавуткёя, от Бебека к Румелихисары, где при встрече с северным течением образуется водоворот, а потом от Балталимана к Еникёю, где это течение уже теряет свою силу.

По словам моряков, поверхность воды в проливе неспокойная, с быстринами, завихрениями, водоворотами, опасными для лодок и мелких судов. Во время же шторма босфорские волны, «стесненные... в узкой своей раме, несравненно сильнее волн открытого моря».

Названные особенности Босфора и делали плавание по нему, в том числе, конечно, и казачьих судов, чрезвычайно непростым делом. «С таким бешеным течением, — пишет болгарский капитан Асен Дремджиев, — даже при нормальном ветре груженному товарами паруснику трудно было справиться. А о маневрах при встречном ветре и говорить не приходится». Отсюда понятно, почему суда шли из Черного моря к Стамбулу при северном ветре, а в обратном направлении — при южном; последний ветер использовали для прихода в столичный порт суда, шедшие из Мраморного и Эгейского морей. Наблюдатели отмечали особую трудность плавания к Черному морю, «если тому не способствует довольно свежий ветер, да и при помощи попутного ветра суда едва могут преодолевать напор волн».

В источниках сохранилось немало случаев подобных затруднений. Во второй половине мая 1614 г. более 100 судов, в частности и «товарное судно», на котором находился иезуитский миссионер Луи Гранжье, по его словам, в течение восьми дней ожидали в Босфоре благоприятного ветра, будучи не в состоянии «преодолеть силу течения», чтобы выйти в Черное море; только когда подул сильный ветер, суда смогли это сделать. В 1641 г. турецкий флот, направленный на отвоевание у казаков Азова, 13 дней ожидал попутного ветра у замков Румеликавагы и Анадолукавагы. В 1660-х гг. русский посол Афанасий Нестеров, возвращаясь из Стамбула на родину, был вынужден простоять в проливе за противным ветром шесть дней.

В XIX в. от Стамбула до Бююкдере поднимались только при попутном ветре, а на участке от Бююкдере до черноморского устья летом можно было «лавировать с выгодою», используя по возможности местные обратные течения у берегов (струя воды, ударяя на мысы, иногда принимает обратное направление, чтобы потом снова смешаться с общим течением). Большие сложности возникают на Босфоре у парусников и парусно-моторных судов и в наши дни. Летом 1975 г. яхта «Вега», направлявшаяся от Долмабахче к Бююкдере, даже запустив аварийный двигатель, не смогла преодолеть встречное течение.

Все эти трудности должны были испытывать и казаки при возвращении из набегов на Босфор. Особенно сложно было преодолевать «Чертов поток». Эвлия Челеби говорит, что у скалистого мыса Акиндибуруна (Акиндизибурну) гибнет много судов, и турецкие судовщики вынуждены тянуть свои суда на канатах выше этого места. В лоции сказано, что были случаи, «хотя весьма редкие», когда «хорошие яхты вылавировывали против течения в этом месте. Это, конечно, могло случиться только в такое время, когда течение было весьма слабое».

При движении воды с юга складывалась обратная ситуация: течение набирало такую силу, что парусники с большим трудом продвигались по направлению от черноморского устья к Золотому Рогу, а иногда должны были ожидать появления северного ветра. Е. Украинцев 3 сентября 1699 г. у Еникёя пересел со своего корабля на турецкие быстроходные каюки, на которых и прибыл в Стамбул, а корабль и суда сопровождения «за противным ветром притти не могли и стали на якорях... за милю от Царь-града».

Первая российская лоция Черного моря рекомендовала мореплавателям на участке пролива от черноморского устья до Бююкдере остерегаться при лавировке неровной глубины около замка Караджи и батареи Бююклиман, рифа и отдельного камня севернее Румеликавагы, банки (подводная отмель. — Прим. ред.) севернее мыса Маджарбурну на азиатской стороне и отмели около мыса Мезарбурну у начала селения Бююкдере, а также двух каменных банок против Бююкдере, у противоположного берега пролива.

Далее к югу рекомендовалось идти «в умеренном расстоянии» от европейского берега, отдалиться от него на два с лишним кабельтова (более 370 м) у Еникёя, потому что «тут идет отмель», и опасаться отмели, выступающей от азиатского берега у селения Инджиркёя. На участке от мыса Еникёйбурну до Золотого Рога при движении как попутным ветром, так и лавиров-кой следовало держаться середины пролива и учитывать, что во многих местах вдоль европейской стороны имеются небольшие мели или камни, впрочем, в незначительном расстоянии от берега.

Лоция рекомендовала при движении в направлении Черного моря пользоваться попутным течением, идущим от стамбульской гавани к Ортакёю, и обратным течением между последним селением и Арнавуткёем; идти вдоль европейского берега и не углубляться в мелководные заливы южнее и севернее Румелихи-сары, особенно в залив Бебек. Можно было использовать обратное течение в заливе между Маджарбурну и Анадолукавагы и севернее последнего в заливе Гооклимане, а также между Филь-бурну и замком Пойразом. Вообще, говорилось в лоции, в ука-

занных местах по азиатской стороне вблизи берега глубина весьма велика, за исключением банки севернее Маджарбурну и полукабельтового (около 95 м) мелководья с южной стороны мыса Анадолукавагы. У западного берега можно было воспользоваться обратным течением в небольшом заливе севернее Бююкдере, у Румеликавагы и еще севернее вдоль берега Караташа, а также у замка Караджи.

При движении к северу заштилевшие суда должны были выжидать благоприятной погоды южнее и севернее Ортакёя, южнее Румелихисары, у Тарабьи или в северной части залива Бейкоза (против Еникёя) и на азиатском берегу по юго-восточную сторону мыса Сельвибурну; наконец, в первом колене пролива у Бююкдере, южнее Анадолукавагы, вдоль Караташа и на рейде Бююклимана.

Плавание по Босфору без лоцманов опасно и ныне для всех современных судов, даже для океанских лайнеров, снабженных локаторами и эхолотами: чтобы избежать аварии, необходимы отличное знание особенностей пролива и «ювелирная» проводка. Но при соблюдении названных условий, попутном течении и благоприятной погоде на прохождение Босфора не требуется много времени. Полагаем, что казаки могли доходить от устья проливало Золотого Рога за полтора часа, т.е. за такое же время, какое затрачивало на прохождение пролива паровое судно в первой четверти XX в. Разумеется, при неблагоприятных условиях ни о каких полутора часах не могло быть и речи.

Наблюдатели XVII в. характеризовали берега Босфора как гористые и крутые. Действительно, его узкое извилистое русло идет между высокими (20—25 м), крутыми, обрывистыми, скалистыми берегами, причем от черноморского устья до залива Бююкдере они гораздо круче, чем далее до Золотого Рога.

Для высадки десантов казакам не требовались, как военным морякам последующего времени, специальные десантно-выса-дочные плавучие средства, поскольку сравнительно мелкосидящие чайки и струги могли вплотную подходить к берегу и при этом сразу «выбрасывать» на сушу массу воинов. В принципе казаки были способны высадиться и в совершенно не подходивших для десантирования местах, даже и на скалистое побережье. Однако для удобства высадки и дальнейшего быстрого и успешного развития атаки побережье должно было быть пологим, чего не наблюдается на значительном пространстве Босфора.

Представление о возможности высадки дают материалы российского Генштаба 1912 г., хотя у казачьих флотилий эта возможность, естественно, была гораздо большей, чем у флота начала XX в. Европейский берег перед черноморским устьем пролива скалист и неприступен, а береговая линия недоступна даже для пешеходов. Побережье имеет много бухт, но они неудобны для якорных стоянок, так как открыты для господствующих се верных ветров. Более удобна бухта к западу от мыса Вузуна, гдеможно высадить около двух рот.

На протяжении первых трех верст (3,2 км) Верхнего Босфора от Румелифенери и ниже берег состоит из голых, скалистых и недоступных обрывов; скалы с высоты 60—80 м «падают отвесно в глубину моря, не оставляя около воды даже узкой тропы». Часто случается, что морские волны «ударяются о крутой скалистый берег со страшной силой, поднимающей на несколько сажен (1 сажень равна 2,13 м. — В.К.) массы воды, производя сокрушительный прибой», который отмечается до Бююклимана. Здесь не только невозможна высадка, но и во время прибоя опасно приближение судна к берегу. При отсутствии северо-восточного ветра можно высадиться лишь в устье ручья Бехчевандереси у мыса Карибдже, на песчаном низменном месте длиной в один кабельтов (185 м). Далее берег допускает высадку в небольшом заливе Бююклимане (вброд) и ниже залива на незначительном протяжении, затем у Румеликавагы.

Азиатский берег перед устьем Босфора от мыса Карабурну до Ривы неудобен для высадки. В тихую погоду можно высадиться между мысом Ривабурну и ручьем Куатдереси на протяжении около мили (1,85 км), но «при ветре от N0 до XV (от норд-оста до веста, т.е. от северо-востока до запада. — В.К.) или зыби буруны делают высадку невозможной». Далее высадиться можно с 50—60 шлюпок на низменном песчаном берегу длиной около 80 саженей (171 м) у устья ручья Каушандереси в заливе Ка-бакозе, но при отсутствии «ветров от NO через N до NNW» (от северо-востока через север до северо-запада); с 10 шлюпок у пристани возле мыса Анадолуфенери при отсутствии ветров из северозападной четверти; со 100 шлюпок в заливе между мысами Пойразом и Фильбурну на берегу протяжением около 120 саженей (256 м) и в трех бухточках залива между Фильбурну и Анадолу-кавагы, на песчаном берегу протяженностью в 60, около 30 и около 25 саженей (128, 64 и 53 м).

Европейский берег от Енимагале не благоприятствует десанту, но кое-где все-таки можно высадиться. Скаты от Бююкдере до Еникёя «сравнительно не круты и нигде не имеют скалистого характера», за исключением мыса Киречбурну. Тарабья и Еникёй расположены на узкой равнинной полосе берега. От Еникёя же до мыса Дефтердара (параллели Бейлербея на азиатской стороне) берег окаймляет довольно широкую равнинную полосу, занятую непрерывной линией селений. От Дефтердара до мыса Каракёя, где уже начинается Золотой Рог, тянется отлогий берег. Оба берега Золотого Рога «низменны и без обрывов»[10].

2. Босфорские селения

В современной Турции считается, что все поселения Босфора представляют собой если не районы, то предместья громадного Стамбула. «В наши дни, — отмечают Ю.А. Петросян и А.Р. Юсупов, — Стамбул с его пригородами простирается от Мраморного моря по берегам Босфора почти до самого Черного моря». Особенно это относится к европейскому берегу пролива, где «на протяжении почти 30 км от Мраморного до Черного моря тянутся живописные предместья Стамбула, переходящие затем в многочисленные курортные места».

Нынешний вилайет Стамбул включает в себя все побережье Босфора и значительную часть территории полуостровов Пашаэли и Коджаэли, в том числе черноморское побережье по обе стороны от устья пролива.

Однако и в XVII в. босфорские поселения, не входя формально в состав столицы, представляли вместе с ней некий единый комплекс экономического, военного и духовно-судебного характера, цепь очень близко расположенных звеньев.

Эвлия Челеби свидетельствовал, что на европейской стороне Босфора по сути дела не было пустых пространств, а располагались сплошные населенные пункты, сады и виноградники. «От Галаты до Неохори (Еникёя. — В.К.), — писал прошедший в 1655 г. по проливу Павел Алеппский, — справа и слева, видны хутора и дома, дворцы и серали, принадлежащие султану, а также сады, виноградники, гульбища, купальни и т.п.». Почти такая же картина наблюдалась и на пространстве от Еникёя до черноморского устья Босфора. Направлявшийся в Стамбул Е. Украинцев сообщал в 1699 г., что после Румеликавагы и Анадолукавагы «по обеим сторонам того гирла многие живут жители и многие стоят их бусурманские мечети».

Достаточно свидетельств подобного рода встречаем в записках русских путешественников первых десятилетий XVIII в. От Румеликавагы и Анадолукавагы до Стамбула, замечал прошедший по Босфору в 1711 г. И. Лукьянов, «по обе стороны селы турецкие и греческие». «Тамо, — говорится о проливе в описании путешествия Матвея Нечаева 1719 г., —...многожила, и все ряды и лавки, и слободы до села, Арнауз (Арнавуткёй. — В. К.) именуемого. Есть то село от Царягорода верст близ десяти, — все идти жилом, подле моря (Босфора. — В. К.)».

Наблюдатели XVII—XVIII вв. отмечали богатство босфорских селений и свидетельствовали, что «все сёла очень хороши, розмантими фарбами (красками. — В.К.) малиованно камени-цы», «все каменное строение».

Для казаков это были неприятельские селения, обеспечивавшие прохождение по Босфору османских эскадр, которые воевали с ними, запорожцами и донцами, и транспортных судов, которые занимались снабжением Стамбула, Очакова, Азова и других городов. Гавани пролива служили пунктами, где вражеские эскадры собирались, пополнялись людьми и припасами и отстаивались от непогоды и в ожидании попутного ветра. Там, в босфорских селениях, производилось много припасов для турецкого военно-морского флота, ремонтировались его корабли, рекрутировались его матросы и морские солдаты. На берегах пролива было много ценнейшей недвижимой и движимой собственности, принадлежавшей лично султану и столичной знати, и содержались в непрерывных работах пленные «товарищи». Более того, вместе со Стамбулом это было самое «логово врага», центр враждебной империи.

Назовем важнейшие селения Босфора XVII в., начиная с черноморского устья, но не характеризуя здесь крепости, охранявшие пролив, которые будут описаны ниже.

При начале Босфора стояли два маяка — Румелифенери (Румелийский, или Европейский, маяк) и напротив него, к юго-востоку, Анадолуфенери (Анатолийский, или Азиатский, маяк), называвшиеся в литературе также Фанараки и Фанал и указывавшие вход в пролив. Каждую ночь на маяках зажигался огонь, «чтоб удобно кораблям в ночи... ходити, и тот огонь виден здалеку, на которой смотрючи, корабельники входят суднами в богаз и Царьград»; без этого огня «ночью не попадешь в устье», а «море здесь (спаси нас, Боже) весьма опасно».

Световой маяк Румелифенери был сооружен еще византийцами в местности, называвшейся тогда Панеион, и представлял собой восьмигранную башню с внутренней лестницей в 120 ступеней, которая вела наверх, к большому, диаметром около 2 м, фонарю из стекол со свинцовыми окантовками, прикрывавших большую бронзовую чашу с 20 фитилями и маслом[12]. Эту башню использовали затем турки. «На верхушке ее, — писал Павел Алеппский, — устроены три фонаря, каждый побольше факела; их зажигают ночью, заправляя смолой, дегтем, маслом и т.п...» Согласно Эвлии Челеби, применялась ворвань.

Румелифенери и Анадолуфенери описывают многие современники: «А по конец гирла от моря по обеим сторонам на горах стоят 2 башни высокие, а с них по ночам выставливаются фонари с большими свечами...» Подойдя с моря к горам, «усмотрели два столба высокие, сильные и мудрованные, а на тех столбах каждой ночи горят свечи в фонарях». На столбах «сделаны по три высокия фонаря, и в тех фонарях всякую ночь огонь горит»[13].

При Румелифенери был небольшой поселок, который упоминал Павел Алеппский, указывавший, что жили в этой «деревне» христиане и что название свое Фанар она получила от маяка. Часть жителей как раз и обслуживала маяк[14].

Днем суда узнавали вход в Босфор, среди прочего, и по белой «колонне Помпея», описанной в 1672 г. Ж. Шарденом. Это была «колонна из белого мрамора, стоящая на той же стороне канала (на европейском берегу пролива. — В.К.), на высокой скале, образующей островок». «Ее называют колонной Помпея, — замечал путешественник, — и уверяют, что она воздвигнута в память побед великого римского консула над Митрида-том, который был царем в этой части Черного моря[15]. Построена она, должно быть, удивительно прочно, так как бури и вихри, непрерывно бьющие ее в течение стольких веков, не тронули ее, и это в ней всего замечательнее, потому что, с другой стороны, она не очень высока, и ширина подножья не соответствует, по-видимому, требованиям искусства».

При крепости Румеликавагы существовал небольшой поселок, состоявший во времена Эвлии Челеби из 60 домов, которые располагались снаружи замка и являлись жилищами офицеров и солдат его гарнизона. Военный характер поселения подчеркивает указание Эвлии, согласно которому там не было ни хана (караван-сарая), ни бани, ни рыночной площади. Впрочем, тот же автор заметил при поселке много виноградников, в которых воины трудились, несомненно, в свободное от службы время. В этническом отношении они являлись турками.

Далее по европейскому берегу Босфора располагались мирные поселения. Первым из них был Сарыер, имевший, по Эвлии Челеби, 1 тыс. домов, которые группировались в девять кварталов. Семь из них принадлежали грекам, два туркам. Основные занятия местных турок — садоводство (были знамениты сарыерские вишни) и виноградарство, а «неверных» — судоходство, рыболовство и содержание «винныхдомов». В селении проживало много моряков, служивших на торговых судах. Был там небольшой рынок, а в окрестностях известный золотой рудник и карьер, в котором добывалась чистая желтая^глина, использовавшаяся для изготовления форм при литье пушек в артиллерийском арсенале Топхане. Само название поселения возникло от этой глины (Сарыер — «Желтая земля»).

В укромном уголке местной долины, говорит Эвлия, располагался розовый сад Челеби Солака, которым наслаждался высоко ценивший его Мурад IV, а «кроме этого похожего на рай сада» там были и «семь тысяч других». Великолепная природа и свежий ветер с Черного моря превратили Сарыер в загородную зону отдыха для богатых стамбульцев, которые, согласно Эвлии, проводили там три месяца в году.

Следующим было селение Бююкдере (Буюкдере), расположенное на берегу одноименного залива и вблизи впадения в Босфор одноименной речки (название Бююкдере можно перевести как «Большой ручей» или «Большой овраг»). Залив служил «пристанищем» судам, шедшим в Черное море и обратно. В бухте Бююкдере имеется удобная якорная стоянка, почти закрытая от черноморских ветров, вместимостью около 15 квадратных кабельтовых, с глубиной в 7—10 саженей (14,9—21,3 м) и песчаным грунтом. Селение окружал густой лес, «недоступный для солнца». Эвлия Челеби отмечал маленькие улицы Бююкдере с большим числом небольших домов, которых он насчитал 1 тыс. Селение имело семь кварталов греков и квартал турок. «Неверные» были рыбаками, судовщиками и садоводами.

Наблюдатели относили «очаровательное селение Бююкдере»[16] к самым живописным по расположению предместьям Стамбула на европейском берегу пролива. Это обстоятельство, прекрасный климат и богатство рыбных угодий рано привлекли внимание нескольких турецких султанов. В XVI в. Бююкдере было местом отдыха Селима I Явуза (Грозного) и Селима II Места

(Пьяницы), которые развлекались там рыбной ловлей, а луг Бююкдере был устроен великим османским архитектором Мимаром Коджой Синаном для Сулеймана I. С XVII в. в этот район на лето приезжали отдыхать некоторые европейские послы[17]. Постепенно он превратился в излюбленное место отдыха стамбульцев.

Последнее относится и к лежащему ниже по ходу пролива, на мысу селению Тарабье (оно же с византийского времени Терапия, илиТарапия, а также Фармакия — по бывшему там климатологическому курорту). Как и Бююкдере, это одно из живописнейших мест европейского берега Босфора. У бухты Тарабьи также есть удобная якорная стоянка, закрытая от всех ветров, вместимостью около 20 квадратных кабельтовых, с глубиной в 7—10 саженей. По сообщению Эвлии Челеби, Тарабья имела 40 небольших улиц, 800 домов, семь кварталов греков и квартал мусульман (турок)[18]. Эвлия же отметил в селении мечеть, много судов и дворец инспектора таможенных пошлин и указал, что Селим 11 и здесь развлекался ловлей рыбы, которую жарили под тенью высоких кипарисов.

Далее располагалось селение Еникёй (в переводе «Новое село», по-гречески Неохор, Неохорис, в литературе также Неохори, Неокорис), основанное по указу Сулеймана 1 и заселенное преимущественно переселенцами из Трабзона. Вместе с двумя предыдущими селениями оно имело самое живописное расположение и было красивым населенным пунктом. Уже в 1624 г. Ф. де Сези называл Еникёй большим селением. При Эвлии Челеби там было 3 тыс. домов, три мечети, три турецких и семь греческих кварталов[19]. Важнейшее по значению место среди жителей занимали моряки, особенно капитаны и владельцы торговых судов. «Они, — утверждал Эвлия, — богатые капитаны... поэтому имеют отличные дома». Робер Мантран же отмечает, что Еникёй и район Топ-хане, близ Галаты, в XVII в. были главнейшими местами жительства членов особой «касты» босфорских судовладельцев и капитанов, занимавшихся контрабандой, имевших связи с торговцами и чиновниками в столице и провинции и сосредоточивших в своих руках большие богатства.

Еникёй получил известность производством припасов для турецких судов и их экипажей, в первую очередь морских сухарей. Согласно Эвлии, все эти сухари изготовлялись только в Га-лате и в данном селении, где на берегу пролива располагались 100 домов «сухарных пекарей». Впрочем, как увидим, сухари производились и в Арнавуткёе. Жители Еникёя занимались также рыболовством, садоводством и виноградарством. Тамошнее вино, расхваливавшееся «распутниками», Эвлии, однако, не понравилось. Наконец, в селении имелся специальный рынок дичи, которую янычары били в горах Истранджи и привозили оттуда для продажи. Надо полагать, дичь поступала и с озера Теркоза, которое Эвлия называл прибежищем водяных птиц и местом охоты (гарнизон Еникёя в течение лета пребывал на лугах Теркоза и Оскокары).

Следующее селение Истинье (часто Стения, иногда Состе-ний, Сосфений)[20] располагалось в глубине небольшого залива, носившего в византийское время название Состенион (Леостенион, Леостенос), при впадении в Босфор речки Истинье. Эвлия Челеби насчитывал там 1 тыс. домов. Население составляли примерно поровну турки и греки. Истинье являлось отличным портом, поскольку, согласно Эвлии, тамошняя хорошая бухта была способна вместить тысячу судов. В позднейшее время якорная стоянка в местном заливе характеризовалась как удобная, закрытая от всех ветров, вместимостью в 6 квадратных кабельтовых, с глубиной в 5,5—12,0 саженей (11,7—25,6 м).

В Истинье строились и ремонтировались суда. Другими занятиями жителей являлись садоводство, рыболовство и торговля. Эвлия указывает, что в селении было много садов и 20 лавок. Имелся прекрасный кёшк (вилла, павильон) для приема гостей. Зимой в заливе безопасно прогуливались 200—300 судов. В Истинье, писал один из авторов, «в древности были великолепные языческие и христианские памятники, разрушенные гуннами, болгарами и русами, которые много раз гуляли здесь с огнем и мечом (в течение двух веков), выбирая эту бухту этапом для своих пиратских набегов»[21].

Большое селение размещалось при крепости Румелихисары. По Эвлии Челеби, вне ее пределов на берегу пролива в линию выстроились 1060 домов, все принадлежавшие туркам, за исключением только пяти греческих (путешественник заметил там отсутствие «домов вина и пива», так как «жители все очень хорошие мусульмане»). Население поселка составляли большей частью рыбаки, солдаты крепостного гарнизона и ремесленники. Хотя в селении не было рыночной площади, но насчитывалось 200 лавок. Имелись также семь школ и много прибрежных дворцов и кёшков. Хозяева последних, богатые и знатные люди, жили там летом, а на зиму перебирались в столицу.

Селение Арнавуткёй (Арнауткёй, в переводе «Албанское село», поскольку когда-то населялось албанцами) располагалось на остром мысу Акынтыбурну, в бухте с таким же названием. Теперь это район Стамбула, а при Эвлии Челеби там насчитывалось около 1 тыс. домов, в большинстве греческих и еврейских, которых было приблизительно поровну, и так немного турецких, что даже не имелось мечети. Место это, согласно Эвлии, было известно своим белым хлебом и сухарями. Арнавуткёй являлся одним из центров производства припасов для флота, особенно морских сухарей. Тамошняя бухта использовалась под зимнюю стоянку множества судов. Жители занимались, кроме того, садоводством и рыболовством. Эвлия еще сообщал о популярности в регионе местных женщин-гречанок и известности евреев-музыкантов, игравших на разных инструментах, в частности на тамбуре.

В Арнавуткёе в XVII в. славились султанские сады Бебег и Делихюсейнпаша. Первый из них был создан в 1510-х гг. Селимом I, который построил там же красивый кёшк. В селении были и летние резиденции стамбульской знати.

Далее по Босфору лежало Куручешме (по-турецки «Сухой колодец», «Сухой источник»). Дома селения размещались в об- ширной долине, адома знатныхлюдей — на берегу пролива. По информации Эвлии Челеби, там был квартал мусульман, два общества евреев с тремя синагогами и три квартала греков с двумя церквами. Р. Мантран же утверждает, что Куручешме населяли евреи, которых в селении было больше, чем представителей других этносов, а также славяне и греки. Можно еще добавить, что селение около 100 лет являлось местопребыванием молдавских господарей из греков-фанариотов, их родственников и потомков, вообще светских и духовных фанариотов. Жители занимались торговлей, имея 200 лавок, и, несомненно, садоводством и рыбной ловлей. Впоследствии Куручешме было известно в регионе лучшими устрицами. По легенде, в этом месте останавливались аргонавты, возвращавшиеся из Колхиды.

Следующим селением был Ортакёй (по-турецки «Среднее село»), ныне один из районов Стамбула. Севернее и южнее этого места отстаивались суда, застигнутые «маловетрием». При Эвлии Челеби в Ортакёе насчитывалось 2—3 тыс. домов, возвышавшихся один над другим на обеих сторонах долины, посредине которой протекала небольшая, но стремительная речка, и проживало много «неверных» и евреев. Р. Мантран указывает, что больше всего было евреев, а кроме них жили турки, армяне и греки. Поселение это древнее, до османского завоевания называлось Архиве и имело когда-то знаменитый византийский монастырь Св. Фоки. Турки стали там селиться со времен Сулеймана I, с первой половины — середины XVI в.

В XVII столетии в Ортакёе насчитывали 200 торговых заведений, многие из которых являлись закусочными (тавернами), большое число великолепных садов и прибрежных дворцов. Более поздняя информация говорит о тамошних «очень плодоносных огородах, снабжающих столицу лучшею огородною зеленью и овощами».

Вслед за Ортакёем располагалось большое селение Бешик-таш (название составлено из слов «бешик» — колыбель или люлька и «таш» — камень), входящее сейчас в состав Стамбула как один из его районов. Эвлия Челеби писал, что в Бешикташе было 6 тыс. домов и что в нем в подавляющем большинстве жили мусульмане, за исключением трех кварталов — армянского, греческого и еврейского. По Р. Мантрану, там проживали турки и евреи (примерно поровну), а также армяне и греки; все местные конфессии имели свои храмы. Эвлия упоминал в Бешикташе хан, размещавшийся на берегу пролива, и 70 лавок и указывал, что в течение лета многие тысячи судов доставляли оттуда в Галату не хватавшую ей пресную воду. Согласно тому же современнику, все селение утопало в садах, «подобных раю», и их там имелось не меньше 160; большая часть жителей занималась именно садоводством.

В Бешикташе жил и был похоронен знаменитый турецкий корсар XVI в., завоеватель Северной Африки адмирал Хайрад-дин-паша (Барбаросса). Эвлия особо упоминал еготюрбе (гробницу) в этом селении[22]. Для Хайраддин-паши Синан основал сад Бешикташ, являвшийся в XVII в. уже владением султана. За рассматриваемым селением, по направлению к Стамбулу, повелением Османа II был создан роскошный и огромный султанский кипарисовый сад Долмабахче. По Эвлии, для его создания этот падишах приказал всем военным и торговым судам, находившимся тогда в стамбульской гавани, загружаться камнями, возить их вверх по проливу и сбрасывать в воду перед Долмабахче.

При Эвлии в Бешикташе уже было много дворцов столичной знати, самыми большими из которых являлись дворцы капудан-пашей (адмиралов. — Прим. ред.), Джафер-паши и Касым-паши, имевшие по 200—300 покоев. Упоминает путешественник и тамошний дворец Мелеки Кадин, где не один раз пиршествовал султан. Постепенно Бешикташ из-за его красивого

местоположения и открывавшейся прекрасной перспективы, особенно с высоты, которая поднималась позади прибрежных дворцов, превратился в излюбленную летнюю резиденцию падишахов. Сооружение там первых султанских дворцов принадлежит Мехмеду IV и относится к 1679 г.[23]

Селение Фундуклу (Фундуклы, Фундукли), располагавшееся непосредственно перед Галатой и рано вошедшее в состав Стамбула, получило название по имени богатейшего откупщика Хюсейн-аги Фундуклу, прозвище которого можно перевести как «Золотой флорин». Этот богач в свое время еженедельно принимал у себя Мехмеда IV и преподносил ему ценные подарки. Согласно преданию, на месте будущего Фундуклу святой апостол Андрей Первозванный основал церковь и рукоположил первого византийского епископа, от которого пошел ряд епископов Константинополя. По этой причине селение являлось священным местом тамошних христиан.

Населенные пункты азиатского берега Босфора в XVII в. начинались с небольшого поселка при маяке Анадолуфенери. Далее размещалось поселение при замке Юрусе с 200 мусульманскими домами. Эвлия Челеби указывал, что все местные жители занимались деревообработкой и имели во множестве крупный рогатый скот.

С южной стороны крепости Анадолукавагы находилось селение Кавак. По свидетельству Эвлии, оно располагалось ниже замка Юруса на 5 тыс. шагов и имело 800 домов, окружавших большую гавань, в которой 200—300 судов постоянно ожидали попутного ветра, чтобы идти в Черное море или вниз по проливу. Е. Украинцеву, напротив, гавань показалась небольшой, и он замечал, что под Юрусом «жители... между гор в садах и в кипарисах живут многие, и... в небольшом лиманце, а знатно, что от волнения в тишине, стоят чаек (шаик. — В. К.) и галеасов морских с 15». Среди прочего известно, что в 1639 г. эскадра адмирала Узуна (Гюрджю) Пиялеаги стояла на якоре в порту Кавака перед выходом в экспедицию против казаков. Кавак населяли анатолийские турки — торговцы, матросы и садоводы. В селении имелось 200 лавок, много садов, и славились местные каштаны. С Анадолукавагы связаны многие мифы и сказания; дервиши утверждали, что там похоронен сподвижник Моисея Иисус Навин.

Селение Бейкоз (Бегкос), ныне предместье Стамбула, размещалось недалеко от одной из самых примечательных долин Босфорского района — тенистой долины Хункяр Искелеси напротив Тарабьи. В заливе Бейкозе имеется удобная якорная стоянка, закрытая от всех ветров, вместимостью в 45 квадратных кабельтовых, с глубиной от 7 до 25 саженей (14,9—53,3 м) и илистым грунтом[24]. По Эвлии Челеби, Бейкоз имел широкую гавань, маленькие улицы и 800 домов, окруженных садами. Жители были турками и существовали рыболовством, садоводством и обработкой дерева. Судьей Бейкоза являлся султанский придворный астроном, и население ежегодно вносило ему 150 аспров налога.

Эта местность была любима падишахами. В XV в. Мехмед II построил там кёшк Токат, от названия которого получил наименование и султанский сад Токат, устроенный в следующем столетии Синаном для Сулеймана I. Последний правитель там же построил богатый дворец, реконструированный впоследствии Махмудом I, но затем разрушившийся. Мехмед II охотился у Токата с загоном зверей в парк. В Бейкозе наслаждался в первой половине XVII в. и Мурад IV.

Далее по проливу, согласно Эвлии Челеби, в тысяче шагов от Бейкоза, следовало селение Канлыджа (Ханлиджа), размещавшееся вдоль берега и имевшее около 2 тыс. домов с садами и прекрасные прибрежные дворцы. Население было турецким.

В пригороде крепости Анадолухисары насчитывалось 1080 домов жителей-турок, 20 лавок и множество садов и виноградников. Там же были большие дворцы, в том числе прибрежные.

Следующее селение называлось Кандилы (от «кандил» — лампада, светильник) и имело одноименный сад, устроенный Синаном для Сулеймана I, и кёшк, построенный Мурадом III[25].

Название селения Ченгелькёй (нынешний район Стамбула) можно перевести как «Якорное, или Крюковое, село». Предполагают, что топоним возник или от найденного там при Мехмеде II какого-то особого якоря, или от населявших селение кузнецов, ковавших якоря и рыболовные крюки. По Эвлии Челеби, оно было очень хорошо построено, состояло из 3060 каменных домов и населялось преимущественно греками. Жили там также евреи и турки. Ченгелькёй славился прекрасными дворцами, многие из которых принадлежали султану и его везирам. Самыми красивыми Эвлия считал дворцы Моаноглы и Беглербеги.

Далее, наконец, располагались селения Иставроз, или Став-рос (по-турецки «ыставроз» — крест), с исключительно каменными домами и за ним Кускунчюк (Кускунджик), в переводе «Становище воронов» или «Становище птиц», прилегавшее с севера к Ускюдару. Последнее

селение населялось евреями (преимущественно) и греками и имело великолепные дворцы, среди них и прибрежные.

Что касается черноморского Прибосфорского района, то первым заметным европейским поселением от пролива было Мидье (Мидия, древний Салмидес), размещавшееся на плоском утесе со впадиной посредине, с обеих сторон которого протекали речки. В XVII в. там существовал морской арсенал, где строились суда. «Мидийский порт» хотя впоследствии и считался моряками весьма дурным убежищем, тем не менее использовался в качестве стоянки военных судов, среди задач которых была и охрана устья пролива. С моря Мидье защищали неприступные обрывы, а с берега оно было обнесено стеной, остатки которой виднелись и в XIX в. Жители помимо работы на верфи занимались садоводством, земледелием и рыболовством[26].

Игнеада (Инада), именовавшаяся также Искелеси («Пристань»), располагалась далее к северу в одноименном заливе (Игнеада) и у одноименного мыса, в местности, защищенной возвышенностями от северных ветров. Игнеаду было легко определить с моря по соседней конической горе Св. Павла, одной из самых приметных гор на западно-черноморском побережье.

Следующим заметным населенным пунктом был Ахтеболы (Ахтеболу, Агафополь, Агатополь, ныне Ахтопол), размешавшийся на невысоком утесистом мысу. Среди жителей последних двух селений (в XIX в. это были греки) находилось много рыбаков и крестьян. В окрестностях селений рубили лес для столицы.

Город Сизеболы (Сизополь, ныне Созопол), как говорит лоция, располагался «на небольшом утесистом полуострове, примыкающем к материку низменным песчаным перешейком шириною около 100 сажен» (около 213 м). Дома поэтому стояли тесно. Мореходы включали Сизеболы в число лучших портов Черного моря и лучших убежищ на западном побережье. Основанный еще в VII в. до н.э. греками-милетинцами и называвшийся Аполлонией по храму Аполлона на одном из тамошних прибрежных островов, город издревле широко занимался судоходством и рыболовством. В окрестностях поселения при османах добывали соль[27].

Упомянутых небольших островов вблизи города насчитывалось три, и один из них, остров Манастыр (Мегало-Ниси, ныне Свети-Иван, т.е. остров Св. Иоанна) с монастырем Иоанна Предтечи, как увидим далее, вошел в историю казачьих морских походов на Турцию. Он лежит к западу от «городского полуострова». Между последним и Манастыром расположены рифы, но приставать к острову рекомендовалось со стороны города, поскольку южный берег «обтянут камнями», мешающими подходу шлюпок.

Крупнейшим торгово-ремесленным и судоходным центром европейской части района являлся Бургас, размещавшийся в глубине Бургасского залива, на белом утесистом мысу. Имеющийся там порт обслуживал значительную сельскохозяйственную округу. В XVI—XVII вв. и позже он был важным пунктом вывоза болгарских кож, которым в рассматриваемое время особенно активно занимались купцы Дубровника, и хлеба. Через Бургас и Варну, тесно связанные с Босфором и Стамбулом, ввозились разнообразные товары из Малой Азии и средиземноморских стран[28].

На азиатской стороне от устья пролива первым заметным селением было Шиле (Шили, Хили) — портцвый городок с окрестным сельскохозяйственным населением[29]. Согласно поздней лоции, с моря он открывался старинной четырехугольной башней, воздвигнутой на горе, и имел живописное расположение на возвышенной местности.

Поблизости находился один из «фальшивых входов» в Босфор. Как явствует из записок Э. Дортелли, у казаков там были невольные «союзники» по борьбе с османскими кораблями. «Весьма нередко...случается, —писал этот современник, —что бывающие на высотах пастухи разводят в темные ночи огонь по необходимости или из хитрости, а моряки, принимая этот огонь за маяк, правят прямо на него, но оказываются вскоре обманутыми; тогда пастухи спускаются и грабят». «Страшно сказать, — подтверждал Ж. Шарден, — но уверяют, что эти варвары (местные жители. — В. К.) зажигают во время бури огни на более опасных скалах на берегу для того, чтобы суда, обманутые этими мнимыми маяками, доходили к ним и терпели крушение»[30].

Далее располагалась Кандыра (Кандра, Кондра) — большое селение, насчитывавшее, по свидетельству русских послов начала 1620-х гг., «дворов с 500 и больши». Жители занимались сельским хозяйством. Прилегающая местность в XVII в. славилась своими дубовыми и буковыми лесами, и лес, в том числе строевой, поставлялся в Стамбул. Находящаяся поблизости гора Кандыра-дагы (Кандрадагы) видна с моря от всех румбов за 36 миль (66,7 км), и по ней мореходы поверяли свою близость к Босфору. Акчашар (Акчешары, Акчешеир), по словам Эвлии Челеби, до сожжения его казаками был «прекрасным городом», а в 1640 г. насчитывал «только шестьсот

турецких домов, некоторые из них кирпичные, другие деревянные», имел на рыночной площади мечеть, 40 лавок, баню и три хана. Он размещался восточнее устья одноименной реки на возвышении, был портом санджака (округа) Болу и насчитывал на берегу 70 складов, наполненных лесоматериалами — главным предметом вывоза[31]. В окрестностях было развито сельское хозяйство.

Главным же портом упомянутого санджака являлся Эрегли — знаменитая древняя Гераклея и богатая торговая средневековая Ираклия Понтийская, Понтираклия (в русских источниках название передавалось с искажениями: Пендерекли, Пендарак-лий, Пондоираклия и др.), завоеванная турками в 1360 г. Город имел маяк и хорошую бухту. До сих пор Эрегли и Синоп считаются главными гаванями турецкого Западного Причерноморья, защищенными от бурь. Суда из Крыма, направляясь в Турцию, обычно пересекали море по направлению к Синопу, а затем шли вдоль анатолийского побережья к Стамбулу и при этом обыкновенно останавливались в Эрегли. В XV—XVI вв. там с русских купцов взимали таможенные сборы. В Эрегли дорога «гостей» раздваивалась: некоторые из них сходили на берег и далее следовали сушей в Бруссу, а остальные продолжали путь морем в столицу.

«Расположенный на возвышающейся над морем скале... город, — по словам С.П. Карпова, — никогда не отличался большими размерами. У него была плодородная округа. Город торговал скотом и сельскохозяйственными продуктами... Укрепления состояли из внешнего пояса стен и цитадели — небольшого замка с мощными угловыми башнями». Еще в XIX в. лоция отмечала, что город был обнесен старинной высокой стеной с северной, западной и южной сторон, а с восточной защищен неприступным обрывом[32]. В интересующее нас время и позже Эрегли служил крупным поставщиком строевого леса в Стамбул.

3. «Порог Благоденствия»

Перед экипажами судов, шедших из Черного моря, в конце Босфорского пролива представал, по выражению Эвлии Челеби, «бесподобный город, центр великого халифата и обитель счастья Стамбул» — великая имперская столица в окружении сказочной природы.

Знаменитый путешественник Ж. Шарден, побывавший в XVII в. в разных странах Европы, в Индии, Персии и на Кавказе, поражался очаровывавшей картиной: «Вид Константинополя, когда смотришь на него из пролива, на расстоянии двух миль, ни с чем не сравним, и, на мой взгляд, также как и по всеобщему мнению, это самый прелестный вид, какой только можно встретить». «Вряд ли можно увидеть или даже представить себе что-либо более очаровательное, — вторил Ж. Шардену его соотечественник конца того же столетия, — чем этот подход к Константинополю со стороны моря. Находишься посреди трех огромных морских рукавов, один из которых течет с северо-востока, другой направляется на северо-запад, а третий, образованный двумя другими, вливается на юге в огромный бассейн Пропонтиды... эти три огромных канала, или морских рукава, подходят к городу, и открывается вид огромного количества домов...»

К сожалению, источники не доносят до нас впечатления тогдашних казаков от открывавшегося перед ними грандиозного вида, но некоторые поздние казачьи описания известны. Донской казак А.Н. Краснов, первый в России профессор географии и выдающийся естествоиспытатель, так передает увиденное: «...взглянете ли вы на город со стороны Мраморного моря, будете ли вы любоваться им, плывя на лодке по Золотому Рогу, везде первое, что кидается в глаза, — это возвышающиеся над красными черепичными кровлями домов... громадные купола и тонкие, как свечки, белоснежные минареты магометанских мечетей. Это они причиною, почему вид на Константинополь с моря — вид единственный в своем роде как по красоте, так и оригинальности производимого впечатления».

«Только побывавши в Константинополе, вы поймете его красу, — утверждает казак-географ. — С моря ли будете вы на него смотреть — вы по величию назовете его Царьградом; будете ли вы, поднявшись на одну из загородных высот, смотреть вниз на берега Босфора с его черно-зелено-синими водами, обрамленными дворцами, рощами стройных кипарисов и развесистых пиний, — вы преисполнитесь восхищения».

Из сотен записок наблюдателей, побывавших в Стамбуле, приведем еще описание путешественника начала XX в., беллетриста С.Н. Филиппова. «Нельзя выдумать, ни представить себе, — пишет он, — более грандиозно прекрасной картины, нежели та, которую вы тут (с судна между собственно Стамбулом, Галатой и Ускюдаром. — В. К.) увидите. Конечно, прежде всего вам бросается в глаза громада Стамбула, увенчанная Старым Сералем, потонувшим в садах, св.

Софией, мечетями Ахмедиэ и Султанши-валиде, с башней Сераскерата в центре и бесконечной путаницей домов, утопающих в зелени. Влево будет Скутари, тоже зеленое, с красивым зданием новых казарм на вершине и чудным лесом из кипарисов, где знаменитое кладбище турок. Против — Галата с ее круглой башней, и над нею ультрасовременная Пера».

«И все это, — по С.Н. Филиппову, — залитое горячим солнцем, все в раме красавца Босфора и бирюзового Мраморного моря, на фоне которого лиловые горы Малой Азии и смутные силуэты Принцевых островов. Нельзя описать впечатление красоты, которое тут получаешь, так же как невозможно передать ни словами, ни кистью самой картины... Не оторвешься от этой боговдохновенной картины, где природа и многовековая история гения человека соперничают в хитроумии»[33].

Эта картина, достаточно только убрать из текста указания на некоторые новые постройки, открывалась и перед запорожскими и донскими казаками XVII в., и они, несомненно, тоже оказывались на какое-то время завороженными ею, несмотря на свои «огрубевшие сердца». Но казаки, очевидно, взирая на «Порог Благоденствия», или «Врата Счастья», — так турки обозначали резиденцию «славнейшего правителя и султана всех султанов», «императора Востока и Запада», — испытывали и другие чувства: в сказочно прекрасном городе они видели главное зло. «Как из Царяграда плывут злые турки...» — так начинается одна из старинных донских песен.

Однако что говорить о казаках, если и у совершенно мирных русских паломников наряду с восхищением открывавшейся картиной возникали чувства сожаления и горечи. «Мы, — писал И. Лукьянов, обозревавший Стамбул со стороны Галаты, — стояхом на карабли и дивихомся такому преславному граду, како Бог такую красоту да предал в руки басурманом». «И пребых в Цареграде 32 дни, — замечал через несколько лет М. Нечаев, — и походил тамо, елико возмогох... красоте и месту граду зело почудихся... Со удивлением кто не позавидит такому месту прекрасному в руце неприятелей?»

Константинополь, свыше тысячи лет являвшийся столицей Восточной Римской (Византийской) империи, взятый турками в 1453 г. и ставший Истанбулом (в европейской транскрипции Стамбул)[34], с 1457—1458 гг. был уже столичным городом Османского государства. Имея необыкновенно выгодное стратегическое и экономическое положение, располагаясь у выхода Босфора в Мраморное море, при соединении Черного и Средиземного морей, на перекрестке важнейших черноморско-средиземноморс-кого и европейско-азиатского путей, он быстро превратился в огромный «город-монстр» с необычайно большим для того времени «множеством» населения.

Р. Мантран авторитетно полагает, что уже в середине XVI в. в Стамбуле проживало от 400 до 500 тыс. человек, во второй половине XVII в. 600—700 тыс., а к концу этого столетия 700—800 тыс.[35] В XVI—XVII вв. город являлся самым крупным населенным пунктом во всей Европе и на всем Ближнем Востоке.

По выражению Р. Мантрана, османская столица была «воплощением империи... благодаря тому, что она представляла собой синтез этой империи в виде ее административного и военного, экономического и культурного центра». Там пребывали султан и все высшие учреждения, было сосредоточено «великое тленное богатство» — огромный капитал и невообразимая роскошь; К. Збараский называл этот город «отцоде роскоши».

К концу XVII в. в столице насчитывалось 485 соборных и 4495 приходских мечетей, свыше 500 дервишских обителей и 515 медресе. Бывшая соборная церковь Св. Софии — великое творение византийской эпохи — сразу после взятия города была переделана в мечеть Айя-Софья; позже по углам храма соорудили четыре минарета, а во дворе разместили гробницы нескольких султанов XVI—XVII вв. Мечетями стали и многие другие христианские церкви Константинополя, а церковь Св. Ирины, оказавшаяся в ограде султанского дворца Топкапы, долгое время использовалась как арсенал. В числе наиболее известных мечетей Стамбула называли великолепные Мехмед Фатих Джами, Баезид Джами, Султан Селим Джами и Султан Сулейман Джами, построенные в XV—XVI вв., и Султан Ахмед Джами, сооруженную уже в период первых казачьих набегов на Босфор, в 1610-1617 гг.

В Стамбуле находились высшее командование вооруженных сил и гигантские склады предназначавшихся для них оружия, боеприпасов и продовольствия. Шимон Старовольский замечал, что в Палате турки имели «многое множество» «порохов и всякого иного припасу воинского», а в Стамбуле и особенно в той же Галате в нескольких сотнях амбаров — хлебные запасы, переменявшиеся один раз в три года.

В столице базировалось управление корпусов пушкарей (топчи) и бомбардиров (хумбараджи), военизированной хозяйственной организации (джебеджи), транспортно-артиллерийских частей (топ арабаджи) и др., размещались различные соединения и подразделения капу-кулу (воинов регулярного войска), в частности придворной конницы (улу-фели сипахилер).

Стамбул был штаб-квартирой знаменитого привилегированного корпуса янычар (ени чери), являвшихся основой регулярного пехотного войска империи. Корпус состоял из трех соединений: ага бёлюклери («главные бёлюки»[36]) в числе 61 роты (орты), джемаат («община») из 101 роты и секбан бёлюклери («бёлюки ловчих, псарей») из 34 рот («белюк» — воинское подразделение. — Прим. ред.). В начале XVII в. общее число янычар вместе с аджеми огланами (мальчиками, обучавшимися военному делу) составляло более 48 тыс. человек, и из них 10— 15 тыс., т.е. от четверти до трети, постоянно находились в столице. Часть янычар размещалась в крепостях Босфора.

«Константинополь, — пишет Г.Ф. Герцберг, — соединял в себе притягательную силу красоты, действовавшей чарующим образом как на варварские, так и цивилизованные народы, и страшную силу крепчайшего стратегического пункта, равного которому нигде не было во все средние века». Турки сохранили и долго поддерживали мощные столичные укрепления, созданные в византийское время. В Стамбуле, отмечал во второй половине XVII в. один из побывавших там русских пленников, «подле моря две стены градные: перьвая, южная стена градная, стоит она подле моря, а вторая, восточная градная стена, стоит она подле заводи марьской, а третия градная стена, стоит она с поля, от северные и западные страны... А той Царьград стоит каменей, а крепостию он тверд и крепок, а пушак в нем великих и малых зело многа есть...» Галата — «град малай... а крепостию он крепок».

Собственно Стамбул, прежний Константинополь, был целиком опоясан мощными крепостными стенами — сухопутными, которые тянулись от Мраморного моря до Золотого Рога, и береговыми («морскими»), защищавшими город со стороны Золотого Рога, Босфора и Мраморного моря. Преодоление этого оборонительного пояса, по замечанию Ю.А. Петросяна, являлось необычайно трудным делом даже при использовании самой сильной осадной техники. «Общая протяженность стен Константинополя составляла 16 км. По всему периметру стен насчитывалось 400 мощных башен. Со стороны суши город защищали стены Феодосия, пересекавшие весь Босфорский мыс, на котором был расположен город; их длина достигала 5,5 км. Стены эти были построены в три ряда. Первый ряд, высотой 5 м, был защищен глубоким рвом. Затем шел второй ряд стен, имевших 2—3 м в ширину и 10 м в высоту; они были укреплены 15-метровыми оборонительными башнями. Наконец, в 25—30 м от второго ряда возвышались самые мощные стены — толщиной 6—7 м. Этот ряд стен был защищен башнями высотой от 20 до 40м. Основания оборонительных сооружений находились в 10—12м ниже уровня земли, а потому попытка прорыть подкоп была делом практически безнадежным».

Византийцы опасались неприятеля прежде всего с суши, считая почти нереальным штурм с моря, и вследствие этого береговые стены были сооружены в один ряд, но все-таки отличались мощью и имели крепкие башни. Поскольку неприятель очень длительное время у Стамбула с суши не появлялся, поддержание оборонительных сооружений становилось неактуальным, и они постепенно приходили в упадок. Упомянутый ров имел 19—21 м ширины и каменную облицовку и в&вое время наполнялся водой посредством системы шлюзов, но во второй половине XVII в. уже был «местами осыпан».

Галата также располагала крепостными стенами, защищавшими ее преимущественно с суши. Одной из достопримечательностей нынешнего Стамбула является сохранившаяся Галатская башня (бывшая башня Христа), которая расположена на высоком берегу Золотого Рога (около 100 м от уровня воды), имеет в высоту 68 м и служила для наблюдения за движением судов в Босфоре и пожарами в городе.

Стамбул изнутри представлял собой поразительный и неприятный контраст с его прекрасным внешним видом. Если исключить дворцы сановников и центральную улицу старого Стамбула Диван Иолу, то в XVII в. город поражал европейцев сумбурной застройкой жилых кварталов, невзрачными жилыми домами, грязными и кривыми улицами. «А живут по всему Царюграду весьма тесно, — свидетельствовал М. Нечаев, —улицы узкие... во иных улицах так тесно, что невозможно на телеге проехать, разве верхом».

Полагают, что в средневековом Стамбуле насчитывалось 30—40 тыс. зданий, и в подавляющем большинстве это были деревянные одноэтажные дома, которые легко становились добычей пламени. С 1633 по 1698 г. город 21 раз подвергался опустошительным пожарам; только

за два весенних месяца 1683 г. шесть пожаров уничтожили более 3 тыс. зданий. Власти пытались бороться с этой опасностью: с 1572 г. каждый домохозяин обязан был иметь лестницу, равную высоте своего дома, и бочку с водой, а в первой половине XVII в. предписывалось строить в столице дома и лавки только из камня и глины с минимальным использованием дерева. Однако и на протяжении всего следующего столетия стамбульские дома были большей частью деревянными.

Руководство полицейской охраной столицы было разделено между высшими военачальниками: ага (командующий янычарским корпусом) ведал полицейской службой в собственно Стамбуле, капудан-паша — в Галате и районе Касымпаши, топ-чубаши (командующий артиллерией) — в Пере и квартале Топ-хане. Специальные полицейские чины асесбаши, которым подчинялись ночные сторожа кварталов, отвечали за безопасность в городе в темное время суток. Передвигаться по ночным улицам разрешалось только с фонарем в руке.

В Стамбул стекалась вся информация о действиях казаков и положении на Запорожье и Дону. Османская столица, естественно, руководила борьбой с казачеством, разрабатывала ее стратегические планы, предпринимала регулярные попытки поссорить с казаками Варшаву и Москву и т.д. Из Стамбула в Очаков и Азов направлялись для гарнизонной службы янычары из секбан бёлюклери и другие воины, поступали оружие, боеприпасы, провиант и жалованье. Из столицы же для участия в значительных операциях против казаков прибывали военачальники и дополнительные войска. Например, в 1643 г. «пришел... от турского Ибрагим-салтана из Царягорода на Дон в Роздоры Режеп-ага, а с ним пришли кафимской Ислам-паша да азовской Мустафа-бей, да Али-ага с турскими з большими и с крымскими, и со всеми нагайскими и черкаскими, и с азовскими с воинскими людьми, конные полем, а катаржные (служившие на каторгах — гребных судах. — Прим. ред.) яныченя и городовые Доном-рекою судами з большим и с.мелким нарядом». Стамбул координировал антиказачьи действия нижнеднепровских, нижнедонских, крымских и кубанских крепостей и укреплений, эскадр и отрядов войск.

В столицу доставляли пленных казаков, и некоторые из них подвергались там казни, адругие обращались в рабов. Иногда в Стамбуле устраивали «торжественные шествия» пленников перед султаном: прогоняли скованных атаманов и казаков, несли отсеченные казачьи головы, языки и ноги, «атаманские знамена, повернутые вниз», казачьи музыкальные инструменты и пр. В этот город в подарок Мехмеду IV в 1656 г. была доставлена голова донского атамана Павла Федорова (Чесночихина), попавшего в плен при неудачном штурме Азова и подвергшегося смертной казни. В Золотой Рог с триумфом вводились захваченные запорожские и донские суда, как выражался Эвлия Челеби, «с опущенными крестами их флагов».

В 1638 г. для Мурада IV на Босфоре было устроено показательное «победоносное сражение» турецких судов с казачьими. Составленное тогда же описание передает следующую картину: «Эти лодочники и матросы (речь идет о турецких моряках. — В.К.), все аккуратно одетые, появляются с шайками[37] и кара-мюрселями (типы судов. — Прим. ред.), которые наполнены вооруженными войсками и которые они тянут на длинных канатах, и с семьюдесятью-восемьюдесятью чайками, взятыми у казаков на Черном море. Когда они прибывают к Алайкёшку (где находится ставка султана. — В. К.), они представляют сражение между своими шайками и карамюрселями и чайками казаков. Они захватывают казачьи лодки, переворачивают их кресты и захватывают в плен людей, в то время как музыка неверных печально играет на трубах и органах[38] отступление. Мусульманские шайки тянут тогда на буксире чайки неверных и стреляют из своих больших мушкетов... Они (мусульмане. — В.К.) украшают свои суда множеством флагов, флажков и вымпелов и, проплывая, стреляют из пушек своих лодок».

Каравеллы, галеоны и другие богато украшенные корабли, продолжает описание, тянут за собой 100 малых судов и, подходя кАлайкёшку, встречают там 5—10 судов «неверных», против которых вступают в «большой бой» с ревом пушек и дымом, застилающим небо. В конце концовтурки, конечно, оказываются победителями, захватывают суда, пленных и добычу и тянут взятые чайки под всеобщие крики мусульман «Аллах! Аллах!».

В столице базировались основные силы турецкого военно-морского флота, значительная часть которого с весны до осени действовала против казаков на Черном и Азовском морях. Поэтому запорожцы и донцы вполне правомерно связывали со Стамбулом любую османскую галеру, пришедшую в устья Днепра и Дона или встретившуюся в море[39].

Главное адмиралтейство Османской империи (Терсане-иамире), известное как морской арсенал Касымпаша, занимавшееся строительством и оснащением кораблей, организацией судоходства и береговой службы и руководившее военно-морским флотом, располагалось на

весьма значительном пространстве северного побережья Золотого Рога, между Палатой и Хаскёем. Глубина залива, в частности и у берега, укрытость от ветров и неприятеля, близость громадного города с его инфраструктурой и торгового порта обеспечивали едва ли не идеальные условия для работы адмиралтейства. Оно включало в себя огромную верфь, самую большую не только в Турции, но и во всем мире[40], и собственно штаб (командование) военно-морских сил.

Арсенал Касымпаша был учрежден во второй половине XV в. по указу Мехмеда II, завоевателя Константинополя, и затем расширен в 1510-х гг. при Селиме I и особенно при Сулеймане I, правившем в 1520— 1566 гг. Мехмед II разместил на берегу Золотого Рога много площадок («форм») для строительства судов, а в окрестностях — мастеров-судостроителей и специалистов по смежным ремеслам. Сулейман I увеличил «население» арсенала, водворив туда судостроителей из греков, армян и грузин, построил несколько зданий, зал совета для капудан-паши и мечеть[41].

«Состоит оной (арсенал. — В.К.), — писал Луиджи Ферди-нандо Марсильи, основывавшийся на собственных наблюдениях и сочинении Хюсейна Хезарфена 1669 г., — в одной долгой галерии, покрытой шатром, вдоль по каналу (заливу. — В.К.), где мастеровые люди находятся в прикрытии, также и корабли, которые на доках, откуда их весьма лехко можно спускать на воду... В арсенале находятся всякие припасы и материалы, потребные как к строению морских судов, так и к починке оных». Согласно Эвлии Челеби, арсенал имел 70 складов капудан-паши, пороховой склад и иные хранилища, «здание весел» (кюрекхане)[42]. Там же были морские казармы, «множество покоев для офицеров, караульных и мастеровых людей».

В арсенале работали турецкие и отчасти зарубежные мастера-судостроители. Специалистами по железу были генуэзцы, по веслам — греки. В случае необходимости дополнительно призывались местные ремесленники. Арсенал обслуживали также рабы и заключенные. По Л.Ф. Марсильи, штат арсенала предусматривал 1364 человека для работы на верфи и вспомогательных судах и для караульной службы. Ш. Старовольский же указывал, что в Касымпаше не бывает меньше 4 тыс. узников, а число мастеров, «мастерских людей», приставов и воинских людей, «что караулят всех», определял в 36 тыс. человек. Для невольников арсенал держал «ужасную темницу» — тюрьму.

Большинство военных судов османского флота создавалось и спускалось на воду именно в Касымпаше. Современники-наблюдатели насчитывали там от 120 до 150 площадок для строи - тельства судов[43]. После поражения, которое турецкий флот потерпел в 1571 г. в сражении с объединенным европейским флотом при Лепанто, османы построили за одну зиму около 200 кораблей. В XVII в. размах кораблестроения упал: до середины столетия, согласно закону, строилось ежегодно 40 галер, а затем этот закон был забыт, и в отдельные годы в связи с нехваткой строительных материалов и даже рабочей силы с трудом удавалось спускать на воду больше 10 судов. Тем не менее стамбульский арсенал продолжал оставаться крупнейшей верфью империи. Оба столетия он использовался и для зимней стоянки части военного флота. В зимние месяцы корабли приводились там в порядок, а экипажи проходили обучение.

Арсенал являлся одной из резиденций главнокомандующего флотом, капудан-паши, которого европейцы нередко называли капитан-пашой и которого старая французская энциклопедия характеризовала как «главного адмирала Турции», начальствовавшего также «над всеми приморскими Землями, городами, замками и крепостьми», а во время пребывания в Стамбуле имевшего еще и «смотрение» за «благочинием в селах, по ту сторону порта и Канала Черного моря лежащих».

«При входе в... галерию, — говорится у Л.Ф. Марсильи, — построен некоторой род светлиц, которые гораздо уски, но весьма долги по турецкому обыкновению. В сих пребывает морской генерал (капудан-паша. — В.К.). В сия-то светлицы за пять или за шесть недель до корабельного похода приходит оной ежедневно с главными своими офицерами для присмотру починки кораблей и для совета о всем, что касается до военного дела, также и для учинения росправы подчиненным, а напоследок для того, чтоб армея (морская. — В. К.) была вся всем запасена и имела бы все военные припасы».

В арсенале пребывали второй и третий адмиралы османского военно-морского флота — терсане кетхудасы (кет-худа адмиралтейства, морского арсенала), занимавшийся «предуготовлением» кораблей и «всяких потребных вещей» для флота, и терсане агасы, являвшийся «наместником» капудан-паши при его отсутствии в столице.

К северу от Галаты, на европейском берегу Босфора, располагался огромный артиллерийский арсенал Топхане («Пушечный двор») — главный литейный двор империи,

отливавший со времен Сулеймана I основную часть орудий турецкой армии и флота. Русский современник замечал, что «места то пушашная: пушки тут выливают, а на плащаде тут, у моря, лежит пушак великих и малых многа есть». Кроме собственно «фабрики пушек», там работали оружейные, столярные и другие мастерские. Пушечные мастера и иные работники были многих национальностей, в том числе греки, грузины, абаза (абхазы и абазины). Большинство занятых в Топхане и проживало рядом с арсеналом, в квартале, тоже называвшемся Топхане[44].

Обладая превосходной естественной гаванью, Стамбул, как и сейчас, имел замечательный порт в заливе Золотой Рог. Это было «совершенно безопасное пристанище», укрытое от северных и южных ветров и защищенное от неприятелей двумя укрепленными проливами — Босфором и Дарданеллами. Гавань простиралась от востока-юго-востока к западу-северо-западу и была характерна обширной акваторией. Длина гавани определялось в 4,2 мили (7,8 км), наибольшая ширина — в 5,3 кабельтова (около 1 км). Столь значительное пространство, по словам современника, могло в первой четверти XVII в. принимать сразу тысячу кораблей — свыше 500 больших судов и 500 галер. Русский путешественник позже дивился этому «пристанищу корабельному», собиравшему «со обоих морь (Черного и Средиземного. — В.К.) кораблей и каторг множество, каюков морских, больших и малых премногое множество».

Гавань имеет глубину до 45 м и у причалов 11 м, что до сих пор позволяет швартоваться крупным судам. Жорж Фурнье замечал, что суда водоизмещением в 1,0— 1,5 тыс. тонн могли там «втыкать нос в землю» и что когда за несколько лет до 1643 г. одно из судов, имевшее водоизмещение в 700—800 тонн, затонуло в стамбульской гавани у берега, место погибшего немедленно заняло другое судно[45]. Пологие берега гавани облегчали выгрузку и погрузку судов.

Торговый порт Стамбула занимал оба берега Золотого Рога. На южном берегу от Бахче Капысы, поблизости от входа в залив, до Балата размещались причалы, принимавшие главным образом турецкие суда, которые занимались навигацией на Средиземном, Черном и Азовском морях и каботажем на Мраморном море и доставляли съестные припасы и товары из разных районов Османской империи. Черноморские суда разгружались в основном в Бахче Капысы, Эминёню и Ун Капани. Северный берег занимался портом Галаты (морские кварталы Каракёй и Топхане). С XIII в. это был центр международной торговли, активно посещавшийся европейцами. В соответствии с получением так называемых капитуляционных прав там под своими флагами торговали в 1535—1619 гг. и с 1673 г. купцы Франции, с 1581 г. — Англии, с 1612 г. — Голландии и с 1617 г. — Австрии[46]. На обоих берегах гавани содержались громадные производственные склады, жили и имели свои мастерские ремесленники, производившие всевозможные предметы и материалы, которые были необходимы для обслуживания и ремонта судов: мачты и реи, паруса, такелаж, конопать и т.д., проживали мастера и работные люди, специализировавшиеся на судовых работах[47].

Стамбул вообще являлся крупнейшим мировым центром торговли, где, как замечал путешественник, было «всяких товаров и овощей бесчисленно», а «лавки и ряды зело дивно устроены». Город «перерезали» длинные и широкие торговые зоны, имевшие тысячи разнообразных заведений. Главными такими зонами выступали Галата, район южного порта (первая половина от Босфора), затем зона, перпендикулярно расположенная от упомянутого района до Гедикпаши, а далее «полосы» до Са-рахане и Хасеки.

В число важнейших городских рынков в XVII в. входили в районе южного порта Валиде Джами, Кючюкмустафа-паша, Айя Калы и Фетхийе Джами (Чаршамба Пазар), в Галате на побережье — Салы Пазары, Галата и Касымпаша и в глубине — Кулаксиз, в центре Стамбула ближе к Сералю — Тавук Пазары и затем в глубь города — Бит Пазары, Бююк Караман, Алипаша, Карагюмрюк и Эдирне Калы, ближе к мраморноморскому побережью — Эзир Пазары, Аврет Пазары, Мачунчу и Сулу Монастир, на краю Стамбула — топкапы, на азиатском берегу Босфора — рынок Ускюдар. Главными местами торговли были кварталы Махмуд-паша и Баезид и два бедестана — крытых рынка дорогих вещей.

Из портовых районов наибольшая торговая активность наблюдалась на южном берегу Золотого Рога, примыкавшем к султанскому дворцу и названным четырем главным торговым местам. Весь этот берег был занят лавками и складами торговцев, перекупщиков и посредников. Таких заведений было немало и на северном берегу, где, кроме того, работали многочисленные кабачки (таверны), доставлявшие Галате «неприятную известность» (их содержали для судовых экипажей местные греки и евреи). В Стамбуле функционировали два главных рыбных рынка — в основной части города и в Галате. Перепись 1638 г. зафиксировала в столице 3 бедестана и 997 караван-сараев. По сведениям Эвлии Челеби, в середине XVII в. в городе насчитывалось более 15

тыс. крупных торговцев, владевших почти 32 тыс. магазинов, лавок и торговых складов, и 65 корпораций мелких торговцев, которым принадлежало более 14 тыс. лавок.

Конкретное представление о содержании и размахе стамбульской торговли дают описания бедестанов, сделанные современниками. «Надо иметь тысячу глаз, — замечал львовский армянин Симеон Лехаци о Новом бедестане конца 1600-х гг., — чтобы смотреть и наслаждаться красотой тканей, золотыми и серебряными сокровищами, драгоценной парчой, разнообразным оружием, бесценными щитами и стальными мечами, каменьями, вправленными в кинжалы, превосходными луками, ножами с рукоятками чистого золота или усыпанными драгоценными каменьями, не говоря уже о златотканых материях — атласе, бархате, камке, плюше, разнообразной пестрой тафте, шерстяных тканях, плащах, а также драгоценных камнях, крупных жемчужинах, благородных каменьях и еще многих невиданных и редкостных вещах, которых в мире не найдешь, а здесь их полным-полно, и продаются [они] во множестве и изобилии, и какого товара ни пожелают — там найдут».

Бедестан разделялся на отделы. В одном из них «были золотых дел мастера, ювелиры и другие искусные и сведущие ремесленники, каких в других странах вовсе не встретить, ибо о чем бы ни помыслил человек, чего бы ни пожелало его сердце, он там у них найдет. И изумруды и рубины величиной с яйцо, алмазные перстни и чаши, и не знает человек, что ему купить или на что смотреть». Другой отдел составляли лавки «одеяльщиков, книгопродавцев, золотопрядов и другие различные лавки», еще в одном находились «шапочники и мастера финджанов (бокалов, чаш. — В.К.)», а «немного дальше каменные магазины, где продают дорогие благородные сукна, франкский кармазин, семьдесят либо сто мотков ниток, бархат, разнообразные сукна и прочее».

Симеон Лехаци упоминал и Старый бедестан, где «также были разнообразные шелковые ткани, материи и сосуды, лошадиные седла, удила, уздечки, стремена — все из позолоченного серебра, украшенные резьбой и золотыми нитями, оправленные каменьями и жемчугами, дорогие и редкостные, каких нигде не сыщешь. В другом месте сидят шатерники, и [у них] много дорогих шатров и сундуков из дерева кипариса».

Стамбул представлял собой самый большой невольничий рынок Средиземноморья и Европы. «Есть зело трудно позна-ти, — писал наблюдатель начала 1670-х гг., — число совершенное неводников, которые продаются по вся годы, понеже иногда болшее, иногда меншее по щастию татар, которого имеют иногда болше, иногда менше в их войне; но толко по выписям таможни константинополской может знатися, что бывают приведены по всякой год болши дватцати тысящь, из которых бол-шая часть жен и младенцев...»

Главнейшим торжищем рабов был Ясыр Пазар — один из важнейших отделов Нового бедестана. Там, свидетельствовал Симеон Лехаци, продавались многочисленные и разноплеменные христианские пленники. «Старики и старухи сидят; девочек и мальчиков, юношей и красивых женщин глашатаи, взяв за руки, показывали и продавали как лошадей либо мулов, а других собирали в каком-нибудь месте или на площади подобно отаре овец. Покупатели открывали лица и грудь молодых девушек и ощупывали с ног до головы все их тело, чтобы у них не оказалось чесотки, язвы либо других ран. А они стояли тихо и безмолвно; которые приглянутся, их и покупали и, отняв у отца с матерью и разлучив с сестрами и братьями, увозили к себе йомой. При виде всей этой причиняющей боль скорби, какой я никогда не видал, у меня разболелась голова, затрепетало мое сердце, возмутилась душа моя, и все существо мое содрогнулось».

Вторым важным местом продажи и покупки невольников был специализированный женский рынок Аврет Пазары, располагавшийся на бывшем византийском форуме Аркадия.

Столица являлась не только крупнейшим торговым, но и производящим, ремесленным центром империи. В середине XVII в. в городе насчитывалось более 23 тыс.мастерскихсВОтыс. трудившихся там ремесленников. Галата специализировалась на производстве снастей, парусов и многих других разнообразных материалов и припасов, необходимых для ремонта и содержания судов. На южном берегу Золотого Рога свои многочисленные мастерские имели плотники, конопатчики, производители пеньковых канатов, такелажа и парусов. В 1630-х гг. в Стамбуле работали 45 компасных мастеров с их 10 мастерскими, 15 мастеров и 8 мастерских по изготовлению географических карт и множество других мастеров, связанных с морем и флотом.

Стамбул был главным производителем отличного оружия и военного снаряжения — ружей, копий, ятаганов, кинжалов, щитов, шлемов и др. В империи и за ее пределами, кроме того, славились великолепные изделия стамбульских ювелиров, граверов, чеканщиков и кожевников, высококачественные ускю-дарские шелковые, бархатные и парчовые материи. В XVII в. в столице

действовали 36 цеховых организаций оружейного производства, 35 — кожевенного, 19 — швейного, 44 —строительного, 29 — булочного и кондитерского.

Делами города постоянно занимались великий везир и Диван (государственный совет), но непосредственно городскую администрацию возглавлял каймакам (наместник. — Прим. ред.), имевший помощников и других чиновников. Префект столицы шехир-эмини ведал строительством и ремонтом зданий, благоустройством и снабжением города водой; префекту подчинялся главный архитектор мимарбаши. Кади (судьи. — Прим. ред.), первым из которых являлся судья собственно Стамбула, занимались судопроизводством, руководили инспекторами торговых и ремесленных корпораций и нахибами — главами административных единиц, на которые разделялись Галата и Ускюдар, а также пригород Эйюб.

В рассматриваемое время Стамбул представлял собой гигантскую агломерацию и разделялся водным пространством на три части: собственно Стамбул, на обширном мысу между Золотым Рогом и Мраморным морем, Галату и Перу на северном берегу Золотого Рога и Ускюдар на азиатской стороне, при соединении Босфора с Мраморным морем[48].

Самой населенной частью с подавляющим большинством жителей-турок была первая — исторический Константинополь.

«Именно здесь, в старой части города, — отмечает Ю.А. Петросян, — сложился политический, религиозный и административный центр империи. Здесь находились резиденция султана, все правительственные учреждения и ведомства, важнейшие культовые сооружения... в этой части города по традиции, сохранившейся с византийских времен, располагались крупнейшие торговые фирмы и ремесленные мастерские... В эпоху Средневековья, да и позже, в XIX в., турки считали настоящей столицей империи не весь огромный городской комплекс, а только этот район...»

Резиденцией османских монархов был дворец Топкапы (в переводе «Пушечные ворота»), или, как его называли в Европе, Сераль (от турецкого «сарай» — дворец), расположенный на высоком холме на оконечности стамбульского мыса и буквально нависающий над водами Мраморного моря, с прекрасным видом на все основные части города, пролив и море.

В Топкапы, пишет Эдмондо Де Амичис, жили 25 султанов, а династия Османов достигла апогея своего величия. «Там была голова империи и сердце ислама; это был город в городе, величественная цитадель с многочисленным населением под защитой целой армии... здесь потрясали в воздухе огромным мечом, сверкавшим над головами ста народов, сюда в продолжение трех веков встревоженная Европа, недоверчивая Азия и испуганная Африка обращали свои взоры, как на дымящийся вулкан, угрожающий целому свету».

Топкапы составлял комплекс дворцов, культовых, жилых, административных и хозяйственных помещений, утопавший в садах и окруженный крепостной стеной с башнями, на которые были водружены пушки. Сооружение комплекса началось в 1466 г. и продолжалось до первой четверти XIX в. После построения первых зданий, главным из которых являлся дворец Чини-ликёшк, в Топкапы переехал Мехмед II, а с правления Сулеймана I там размещался и весь двор падишаха. В 1635 г. был воздвигнут Ереванский дворец и через несколько лет — Багдадский дворец, названные так в ознаменование взятия османами соответствующих городов, в 1660-х гг. — здание гарема и ряд служебных помещений[49]. Султанский дворцовый сад, которому особенное внимание уделял Сулейман I и который во времена Эвлии Челеби обслуживали 8 тыс. садовников, по уверению названного современника, не имел себе равных в мире.

Все государственные дела, указывает Ю.А. Петросян, решались на территории Топкапы, в этом «подлинном средоточии светской и духовной власти империи». «В первом дворе Топкапы расположены были управление финансами и архивами, монетный двор, управление вакуфами (землями и имуществом, доходы от которых шли на религиозные или благотворительные цели), арсенал. Во втором дворе находилось помещение Дивана... здесь же помещались султанская канцелярия и государственная казна. В третьем дворе находились личная резиденция султана, его гарем и казна». До середины XVII в. в Топкапы размещалась также канцелярия великого везира (с этого времени его местопребыванием стал дворец, сооруженный рядом с Топкапы). В непосредственной близости от комплекса находились казармы янычарского корпуса.

Палата, бывшая генуэзская колония, включенная в состав османской столицы, впоследствии значительно расширилась за счет возникновения арсеналов Касымпаши и Топхане с их кварталами и являлась крупнейшим и богатейшим торговым районом, центром морской торговли и производства всего необходимого флоту. К северу от Галаты, подальше от Золотого Рога, размещалась Пера (название означает «по ту сторону»), также бывшее итальянское владение и

богатый купеческий район. С середины XVII в. там находились резиденции иностранных посольств. Впоследствии торговая Галата и аристократическая Пера образовали стамбульский район Бейоглу.

Азиатскую часть города, возникшую на месте византийского Хрисополя и располагавшуюся амфитеатром на склоне горы Булгурлу, европейцы называли Скутари, атурки Ускюдаром (от персидского слова, означающего «вестник, посол»). Русский пленник XVII в. именует ее «селом Великая Шкутарь», которое стоит «за морем против царьского дворца», и, предположительно, такое название поселение имело и у казаков. Это был начальный и конечный пункт торговых караванов, ходивших в Малую Азию, Персию и Индию, со множеством постоялых дворов, базаров, лавок и складов. Там размещались летний дворец султана, дворцы сановников, роскошные сады и мечети, самой крупной из которых являлась Михримах Джами, или Бююк Джами (Большая мечеть), построенная в XVI в. по желанию Михримах, дочери Сулеймана I и султанши Роксоланы. В Ускюдаре находилось огромное мусульманское кладбище: все знатные турки хотели быть похоронены на азиатской земле, на которой стоят Мекка и Медина.

С северо-западной стороны собственно Стамбула, в конце Золотого Рога, выходя на его побережье, росло предместье Эйюб.

При Эвлии Челеби это был «густонаселенный и процветающий район города с садами и виноградниками», имевший около 9800 зданий и рынок, где насчитывалось 1085 лавок и можно было «приобрести бесчисленное множество различных товаров» и «восхитительные на вкус йогурт и каймак». Район получил название в честь знаменосца пророка Эйюба Ансари, похороненного, как считают мусульмане, в этом месте. Тамошняя мечеть Эйюб Джами стала первой мечетью, построенной османами после взятия Константинополя и превратившейся затем в место коронования султанов. «Каждую пятницу, — отмечал Эвлия, — многие тысячи людей приходят на могилу святого Абу Эйюба, а рынок при этом приобретает море покупателей».

Наконец, упомянем мраморноморское предместье Стамбула, возникшее у древнего замка Едикуле (Семибашенного) и известное своими скотобойнями и сотнями кожевенных мастерских. Сам замок при взятии Константинополя был разрушен, но затем восстановлен, правда, только с четырьмя башнями, самая большая из которых имела в высоту 63 м. В XVI—XVII вв. это была «стамбульская Бастилия» — одна из самых страшных тюрем Османской империи, предназначавшаяся для государственных преступников и врагов ислама; в Едикуле задушили семь свергнутых султанов[50]. Одна из башен, ближе к бывшим Золотым воротам Константинополя, служила местом пыток и казней, а в замковый «Колодец смерти» бросали головы казненных51.

Сделаем выводы:

1. Босфор, знаменитый в истории, уникальный по красоте и сравнительно небольшой пролив, имел природные особенности, чрезвычайно усложнявшие его прохождение. Вместе с тем при досконального знании пролива, попутном течении и благоприятной погоде казаки вполне могли его преодолевать.

2. Гористые и крутые берега Босфора не благоприятствовали высадке неприятельских десантов, но для казаков, которым не требовались специальные высадочные средства, и это не являлось серьезным препятствием.

3. Населенные пункты Босфора составляли единый комплекс со Стамбулом и входили ъ богатейший центральный район Османского государства. Они играли важную роль в обслуживании турецкого флота и обеспечении мореплавания, имели много дворцов султана и столичной знати и прочие ценности и рассматривались казаками как неприятельские селения.

4. Стамбул, с 1457—1458 гг. являвшийся столицей империи, обладал необыкновенно выгодным стратегическим и экономическим положением и быстро превратился в огромный «город-монстр», крупнейший политический, религиозный, военный и торгово-ремесленный центр. Там пребывали султан, высшие правительственные учреждения и верховное командование вооруженных сил, располагались главное адмиралтейство, крупнейшая верфь и самый большой артиллерийский арсенал, базировались основные силы флота. Стамбул был организатором и руководителем борьбы с казачеством. Вполне понятно поэтому, что казаки рассматривали османскую столицу как средоточие зла.

Примечания

[1] По мнению А.Л. Бертье-Делагарда, это явно не итальянские, а греческие (турецкие) мили.

[2] В литературе, впрочем, фигурируют и другие цифры, нередко 28,5 км. В «Морском энциклопедическом словаре» указаны 30 км. В старых работах царит разнобой и встречаются грубые ошибки, например, указывается, что пролив имеет в длину до 7 морских миль или «от 30 до 35 верст».

[3] В книге Ю.А. Петросяна и А.Р. Юсупова о Стамбуле соавторы не смогли устранить разнобой с определением самого узкого места пролива: первый придерживается традиционной точки зрения, а второй говорит о Шейтанбурну. Ср. старые сведения: самое узкое место — между Дели-Та-льяном и Юхой (281 сажень, или 599,5 м), тогда как между Румелихисары и Анадолухисары пролив шире (402 сажени, или 856 м). Упомянем мнение И.И. Стебницкого о том, что наибольшая ширина у Босфора против бухты Бюкждере: 3 версты 50 саженей, или 3307 м.

[4] Максимальные глубины в литературе называют разные, вплоть до 121 м. УЮ.И. Сорокина- 92м.

[5]К.Г. Паустовский упоминает, что советский пароход «Днепр» «принял в тумане за вход в Босфор залив около мыса Кара-Бурну, вошел в него и сел на мель. Это предательское место хорошо знакомо морякам. В пасмурную погоду оно приобретает поразительное сходство с Босфором и обманывает многих капитанов. Среди моряков оно носит имя "Фальшивого входа"».

В работе о черноморских лиманах говорится, что название Фальшивого Босфора носит открытый лиман Теркоз (Теркос, Илан-джи, Карадениз богазы), в который впадают три реки с сильно изрезанными берегами. Вход в лиман находится на 40 км (21,6 мили) западнее входа в Босфор, но очертания берегов Теркоза очень напоминают очертания босфорского входа. «Это сходство иногда вводило в заблуждение даже опытных капитанов». См. о Фальшивом Босфоре: 173.

[6] Эти скалы расходились и снова сходились среди клокочущего моря, порождая неистовый водоворот и не пропуская никого живого. Кораблю аргонавтов удалось пройти между скалами, пустив голубя и воспользовавшись помощью богини Афины Паллады, которая удержала одну из скал и одновременно подтолкнула «Арго». Тем не менее сомкнувшиеся скалы раздробили корабельный руль, после чего разошлись и уже навеки остались недвижимыми.

[7] См. также: 27. Ср. у капитан-командора П.Я. Гамалеи: «Видимый в левой стороне азиатской берег покрыт горами до самого канала (пролива. — *В.К.)',* правой же, т.е. европейской, берег имеет среднюю и ровную высоту, и на нем отличаются семь красноватого цвета песков, из них на крайнем, весьма близком к каналу, стоит старая развалившаяся батарея. Из азиатских гор особенно примечательны три: лежащая против средины пролива гора Исполинов, вершина которой увенчана высокими деревьями и на которой видна старая стена; гора в Мраморном море, далеко из Черного моря видимая и похожая на стог сена, и, наконец, восточнее сих два холма, Двумя Вратами зовомые».

«Последний раз, — говорится в записках одного из моряков, — входили мы в пролив при свежем N0; штурман наш, одаренный прекрасным зрением и навыком, увидел за 25 миль (46,3 км. — *В.К.)* от берега вершины Мал-Тепеси и Двух Братьев, когда меньшие возвышенности едва-едва отличались в мрачности и приметных точек не было; но как вершины эти открылись под ветром, то смело можно было спуститься и идти на вид маяков».

[8] Лоция указывает, что к ночи ветер с севера штилеет.

[9] Напоминаем, что в книге принят старый стиль. По И. Гурьянову, северные ветры дуют на Босфоре более двух третей года.

[1(1] Азиатский берег Босфора от Анадолукавагы до Ускюдара в приводимых материалах не характеризуется, поскольку в планах Генштаба не было намерений высаживать там десанты.

" К примеру, наиб, т.е. заместитель кади (судьи), Румеликавагы подчинялся мулле Галаты.

[12] Автор почему-то говорит, что маяк действовал еще в XVI столетии, тогда как он функционировал и в гораздо более поздние времена.

[13] По В.П. Филиппову, фонари европейского и азиатского маяков светили с высоты 57 и 76 м над водой, а огонь был виден соответственно за 18 и 20 миль, или 33 и 37 **км.** См. о маяках также: 202; 179. В 1770 г. турки возвели при входе в Босфор на европейском и азиатском берегах замки Фанараки, располагавшиеся на высоте соответственно 21,6 и 23,5м над уровнем моря.

[14] В XIX в. жители этого селения, греки, занимались преимущественно рыболовством и частично садоводством.

[15] Гней Помпеи Магнус (Великий) с 66 г. до н.э. командовал римскими войсками в победоносной войне с царем Понта Митридатом VI Евпатором, покончившим жизнь самоубийством в 63 г. до н.э.

[16] Выражение Альфонса де Ламартина, который характеризовал его также как «роскошную летнюю резиденцию оттоманов и греков».

[17] Секретарь французского посла Антуан Галлан5-например, отметил, что его патрон летом 1672 г. на судне отправился в Бююкдере, а оттуда верхом в Бахчекёй, чтобы отдохнуть несколько дней среди лесов, окружавших это прекрасное место. В XVIII в. иностранные послы летом жили в Тарабье и Бююкдере. За Бююкдере, на берегу Босфора, располагалась и до сих пор размещается летняя дача российского посольства. «Густой лесопарк, — пишет о названном месте Ю.А. Петросян, — террасами поднимается от берега к вершине холма. Постоянно дующий с севера ветер, приносящий с собой сухой воздух Черноморья, умеряет жару и влажность климата Босфора». В Бююкдере находятся также дачи посольств Англии, Франции и Италии.

[18] Павел Алеппский, надо полагать, ошибался, когда писал, что между жителями Тарабьи «нет ни одного турка», все христиане.

" Е. Украинцев называл Еникёй «селом греческим, именуемым Новым».

[20] У Йозефа фон Хаммера оно именуется Сдегной.

[21] Мы уже упоминали запись Я.И. Булгакова о казачье-генуэзском сражении у Стении.

[22] В 1944г. в Бешикташе, на берегу Босфора, сооружен современный памятник адмиралу.

[23] «Великолепный дворец Чараган (Чераган, ныне находящийся в руинах. — *В.К.),* несколько не менее красивых киосков (кёшков. — *В.К.),* а также 19 джамий (мечетей. — *В.Л.),* — замечал в XIX в. П.А. Сырку, — придают этой местности очаровательный вид, с моря в особенности».

[24] В заливе в 1854 г. стояла англо-французская эскадра, начавшая затем военные действия против России на Черном море.

[25] Между Анадолухисары и Кандилы, в местности, где в Босфор вливаются речки Гёксу и Кючкжсу, в XVIII в. находились «Азиатские сладкие воды» — одно из любимых мест отдыха султанов и придворных; «Европейские сладкие воды» располагались в начале Золотого Рога.

[2(1] В XIX в. в Мидье жили в основном греки и болгары.

[27] Лоция 1880-х гг. отмечает, что население Сизополя, исключительно греческое, занималось главным образом торговлей и отчасти виноделием и скотоводством; к югу от города были огороды, а на высотах к юго-западу много виноградников.

[28] Ныне Бургас — второй по величине черноморский город Болгарии. От него исчисляется наибольшая длина Черного моря до кавказского побережья по параллели 42 градуса 30 минут, составляющая 621 милю (1149 км). О болгарских портах региона см.: 467; о побережье Румелии: 223.

[м] В XIX в. его жители занимались преимущественно рыболовством и заготовкой дров и древесного угля для Стамбула и имели много садов.

[30] Этот «промысел» продолжался и в XVIII в. П.Я. Гамалея писал, правда, о другой, европейской местности у входа в Босфор, имеющей сходство с настоящим входом, что «нередко, а особливо ночью», мореплаватели, «будучи привлечены к самому бере!у огнями, которые турки нарочно... наподобие маяков зажигают, и не находя тут мест, способных для положения якоря, попадают на каменья и разбиваются на оных».

[31] В XIX в. Акчашар — главный склад леса, отправлявшегося в стамбульский морской арсенал.

[32] Та же лоция говорит, что Эрегли, раскинувшийся по приморскому скату возвышенности, имел с моря весьма живописный вид. Там, как и в Акчашаре, строились мелкие суда.

[33] Автор поясняет причину, по которой невозможно передать картину: «Только здесь, на месте, вы понимаете, почему ни одно из виденных вами изображений Константинополя не похоже на эту действительность. Да потому, что не в силах передать этого краски, потому, что здесь все в колорите, тенях и свете, в тех нежных полутонах, которые неуловимы, изменчивы, непостоянны, капризны. Каждое изображение будет только бледною схемой, но того, что есть в действительности, оно передать не в состоянии». См. также замечание Н.Г. Попова о босфорских видах В.Д. Поленова: 134.

[34] Истанбул — это, вероятно, трансформация слова «Константинополь» в рамках фонетических норм турецкого языка. Но наиболее популярная в литературе версия утверждает, что речь будто бы идет об искажении греческой фразы «к 1т роН» («в город», «к городу»).

[31] Современники называли и более высокие цифры: для начала XVII в. 700 тыс. человек, в 1640г. свыше 1 млн (последняя оценка принадлежала тогдашнему венецианскому представителю в Стамбуле Альвизе Контари-ни). Но см. совершенно неверную цифру у М.А. Алекберли: около 100 тыс. в первой четверти XVII в., — тогда как население города превысило 200 тыс. уже к концу XV в.

[36] Бёлюк — подразделение.

[37] В тексте турецкие и казачьи суда одинаково обозначаются как С1шка Мы же разграничиваем турецкие шайки и казачьи чайки.

[38] Тштре18 апс! Ог§ап5. В данном случае под органом надо понимать не известный клавишный инструмент из набора труб, а музыкальный инструмент вообще.

[39] Приведем описание выхода османского флота из Стамбула в поход на казаков, сохранившееся в бумагах В. Мясковского. 23 (13) апреля 1640г. посол вместе с австрийским резидентом Рудольфом Шмитом с позволения великого везира Кеманкеша Кары Мустафа-паши на четырехвесельной шайке инкогнито осматривал этот флот и наблюдал всю церемонию прощания. С утренней зарей между собственно Стамбулом и Галатой, напротив мечети султана Сулеймана, было стянуто 30 галер, 2 галеона и 30 бывших казачьих судов. Впереди находилась галера великого везира, лично присутствовавшего на борту. «Все снизу черные, а кверху разными красками раскрашены были эти пауех (суда. — *В.К.),* даже весла...» На мачтах развевались «великолепные флаги дорогой работы, большие о двух хвостах длиной в 20 локтей», по шесть флагов на галеонах и некоторых галерах. Корабли были хорошо снаряжены янычарами, левендами, пушками и ружьями (правда, потом выяснилось, что людей специально согнали туда «для апаренции» — увеличения числа). «Звучала везде военная музыка, трубы, барабаны и турецкие дудки. Слышно было и сурмачей (сурма — труба, духовой инструмент. — *Прим. ред.),* наших пленников и потурнаков (выходцев из других народов, натурализованных турок. — *Прим. ред.) с* галер. В девять часов на полчаса сам цесарь вышел из Сарая (Сераля. — *В.К.)* вниз, на самый берег моря». К нему поочередно стали подходить корабли, и первым попрощался с султаном капудан-паша Дели Хюсейн-паша, получивший при сем почетный кафтан (в 1641 г. этот военачальник будет главнокомандующим при осаде Азова). «Потом и другие. Ударили затем из всех пушек и из всех ружей. Потом в четком порядке отошли от берега на два выстрела из лука от цесаря, снова дан салют изо всей артиллерии, а третий и четвертый раз — минуя Галату в полумиле от нее, минуя дворец и сад Насуфф-паши (Насух-паши. — *В.К.),* где уже и остановились на ночь».

28 (18) апреля 10 галер из этого флота вышли в Черное море: 5 — под Азов и 5 — под Очаков, позже отправились и остальные.

[40] В XVII в. в Турции существовали также следующие морские арсеналы: 1) самый старый по времени основания — в Гелиболу (Галлиполи) в Дарданелльском проливе, строивший галеры и другие суда; 2) в Суэце, основанный около 1532 г. и строивший суда для Красного моря; 3) на Дунае, после 1699 г. переведенный в Рущук, центр Дунайской флотилии; 4) в Би-реджике, в районе Басры, созданный в конце XVI в. и строивший малые суда для навигации на Евфрате, а также арсеналы, занимавшиеся большей ' частью ремонтом судов: в Синопе на Черном море, в Измите на Мраморном море и в Инебахты (Лепанто) в Греции. В сравнении с Касымпашой все эти верфи имели гораздо меньшее значение. Мелкие суда строились и в некоторых иных местах. Сеид М. Тральич утверждает, что главной и наибольшей верфью Турции было Гелиболу.

[41] Некоторые турецкие и европейские авторы приписывают основание арсенала Селиму I.

[42] См. у Эвлии Челеби раздел «Описание имперского арсенала». В Ка-сымпащу поступали лес с Черного моря и из района Измита, смола, канифоль и деготь из Албании, с Мидиллю и из Измира, железо из Салоник и придунайских районов, медь из Анатолии, пенька из Синопа и Трабзона, жир из Кафы, Варны и с Хиоса, а также иностранные материалы, в частности железо и олово из Англии.

[43] Во «Всеобщей истории о мореходстве» ошибочно сказано, что «Константинопольская оружейная состоит из 10 комнат»; ошибка исправлена П.Г. Орловским: «из 130 мастерских». В XVIII в. морской арсенал на русском языке обозначали словом «оружейная».

[44] См. описание Топхане у Эвлии Челеби: 202, т. 1.

[45] Глубина гавани, писал французский наблюдатель начала XIX в., «позволяет самым большим линейным кораблям приближаться к берегам столь близко, что могут реями касаться кровли домов».

[46] В 1663 г. Юрий Крижанич писал о французах, англичанах и брабан-тцах (голландцах): «Держат Цариград своими торговными ладиями, будто густым лесом окружен».

[47] В настоящее время главным портом Стамбула считается тот, что расположен у входа в Золотой Рог на его северном берегу. В порту на противоположном берегу швартуются преимущественно грузовые суда.

[48] Р. Мантран эти части также называет агломерациями.

[49] Нынешний дворец Топкапы, являющийся музеем, построен в 1709— 1817гг.

[50] Там же в 1710—1712 гг. содержался посол Петра I П.А. Толстой, автор интересующего нас описания Османской империи.

[51] Множество дополнительных сведений о Стамбуле первой половины И середины XVII в. можно найти у Эвлии Челеби. Точное и наглядное изображение города первой половины XVI в. с системой укреплений, отдельными выдающимися зданиями и т.д. см. у Гезы Фехера: 175; стамбульские виды конца XVI — начала XVII в. приложены к краткому описанию города Вильгельма Дилиха: 201.

Глава III

НАЧАЛО БОСФОРСКОЙ ВОЙНЫ

1. Дорога через море

Перед тем как рассмотреть первые известия о появлении казаков у Босфора, бросим взгляд на пути плавания по Черному морю. Это поможет нам конкретнее представить, каким образом запорожцы и донцы оказались в названном месте и регулярно приходили туда в продолжение нескольких десятилетий.

Тогдашние, да и более поздние мореходы не могли не учитывать направления и силу морских течений. Основное течение Черного моря опоясывает всю его акваторию кольцом параллельно побережью, отличается большой устойчивостью и направлено против часовой стрелки. Оно отмечается на расстоянии 1,6—4,8 мили (3—9 км) от берега, имеет ширину в 30—50 миль (56—93 км) и значительную скорость — от 0,6 до 1 узла (1,1—1,8 км в час), а иногда и гораздо больше, до 3 узлов. Струя, идущая вдоль северного побережья моря, становится сильнее летом и осенью, а южночерноморская струя — зимой и весной.

Кроме того, в центральных областях моря, в его восточной и западной части, имеются два обширных круговорота, так называемые «очки Книповича» (по фамилии морского исследователя Н.М. Книповича), в которых течение также идет против часовой стрелки, но имеет меньшую скорость — от 0,1 до 0,3 узла (0,2—0,5 км в час), иногда до 0,5 узла. Восточный круговорот отделяется от основного потока юго-восточнее Крымского полуострова, на долготе Судака и Феодосии (бывшей Кафы), идет на юг и сливается с основным течением у побережья Анатолии, в районе Синопа. Западный круговорот отходит от основного потока у берегов Анатолии, у мыса Керемпе (приблизительно на меридиане Ялты), идет на север и соединяется с основным течением западнее южной оконечности Крымского полуострова. Таким образом, от Крыма к Анатолии и обратно существуют встречные течения.

Наконец, течение от Крымского полуострова на запад разделяется на два: северо-западное направляется к Одессе, а юго-западное к Варне.

В зависимости от плавания по течению или против него ход судна ускорялся либо замедлялся. Основное течение Черного моря давало суточное прибавление (убавление) до 23 миль (43 км), что за неделю плавания могло составлять 161 милю, или приблизительно 300 км. Следовательно, для экономии времени суда должны были ходить вокруг Черного моря так же, как и основное течение, против часовой стрелки: от Керченского пролива мимо Крымского полуострова и вдоль берегов Румелии к Босфору, а обратно — вдоль побережья Анатолии и Кавказа.

Но еще в глубокой древности был открыт кратчайший путь поперек Черного моря от мыса Карамбия (ныне Керемпе) в Паф-лагонии до мыса Криу Метопона («Бараньего лба», — ныне Аю-Даг, Ай-Тодор или Сарыч) в Крыму, дававший громадную экономию расстояния и времени. Между Керемпе и Сарычом 142 мили (263 км), которые древние суда проходили за 1—3 суток. Этот путь активно использовался и в дальнейшем.

Ш. Старовольский в 1628 г. утверждал, что запорожцы будто бы «не решаются идти в открытое море, но плывут у правого (румелийского. — В. К.) берета, опустошают Бессарабию, а также земли Фракии». Утверждения о почти исключительно прибрежном плавании казаков можно встретить и в новейшей литературе. Так, Л.Г. Шолохов пишет, что донцы и запорожцы плавали «почти всегда в виду берегов», хотя через несколько строк сообщает, что казакам «приходилось пересекать открытую часть Черного моря» от Крыма к Анатолии. Ошибочное мнение Ш. Старовольского, очевидно, проистекало из сведений о постоянных нападениях казаков на прибрежные пункты, а также из недостаточного знания морского дела вообще и казачьего в

частности: только глубоко сухопутный человек, каким являлся польский современник, мог полагать, что в море пускались лишь те казаки, которые были готовы «переносить его зловоние».

Маршруты казачьих плаваний пока еще никто специально не изучал. Материалы же источников заставляют напрочь отвергнуть всякие рассуждения о «нерешительности» казаков, их «боязни» или «неспособности» оторваться от берега и т.п. Запорожцы и донцы использовали наиболее целесообразные пути достижения цели. Что касается ударов по Босфору, то сечевикам удобнее всего было идти по течению вдоль побережья Руме-лии. Так, собственно, постепенно и приближались к проливу казачьи нападения: сначала на более близкие пункты этого побережья, затем на все более дальние. Из последующего рассмотрения набегов мы увидим, что казаки шли в сторону Прибос-форского района и к Босфору вдоль берегов Румелии в 1612,1620, 1621 гг., перед первым и третьим нападениями на пролив 1624 г., в походе 1629 г.

Протяженность современных рейсов Херсон — Стамбул (с заходом в Одессу) в 428 миль (792 км) и Одесса — Стамбул (без захода в другие порты) в 342 мили (633 км)[1] дает примерное представление о расстоянии, которое приходилось покрывать казакам, вышедшим из Сечи, прежде чем напасть на Босфор[2]. По свидетельству Г. де Боплана, запорожцы достигали Анатолии «в 36 или 40 часов». Это единственный на сегодня источник, по которому можно приблизительно определить скорость казачьих судов. Расчет, исходящий из названного времени и упомянутого расстояния от Херсона до Стамбула (оно, правда, предусматривает заход в Одессу, но и Сечь располагалась не на морском побережье, а Анатолия у Г. де Боплана — это скорее всего не само ее начало на азиатском берегу босфорского устья), дает скорость в 10,7—11,9 узла (19,2—22 км в час), или в среднем 11,3 узла (20,6 км в час)[3], что намного превышало скорость тогдашних турецких военных и торговых судов[4].

Донским казакам при осуществлении набегов к Босфору вместе с запорожцами, но на своих собственных судах, еще надо было проделать очень значительный путь из устьев Дона к Днепровскому лиману или какой-либо точке, расположенной в северо-западном «углу» моря. Современный рейс от Ростова-на-Дону до Керчи, затем вокруг Крымского полуострова в Евпаторию (бывший Гёзлев) и далее до Одессы имеет протяженность в 566 миль (1047 км). Если исходить из «бопланов-ской» скорости, то этот путь донцы могли преодолеть за 48—53 часа, которые и следует прибавить к 36—40 «запорожским» часам. В результате получается, что донцам для нападения на Босфор северо-черноморско-румелийским путем требовалось от 3,5 до 4 суток непрерывного хода. Действительное же время, в течение которого донские казаки могли подойти к Босфору, несомненно, было больше хотя бы потому, что после продолжительных переходов экипажам требовался отдых, подчас мешала неблагоприятная погода и пр.[5]

Путь к Босфору от Керченского пролива вдоль кавказского и затем малоазийского побережья шел против основного черноморского течения и был почти в два раза длиннее: протяженность современного рейса Ростов — Керчь — Трабзон — Стамбул (без захода в другие порты) составляет 1102 мили (2039 км). Из-за больших расстояний и практических потребностей казакам, отправлявшимся к Босфору, часто приходилось избирать более короткие маршруты плавания, пренебрегая выгодами, возникавшими от использования попутных течений. В этом не было ничего необычного, поскольку против течения требовалось ходить, например, во время плаваний запорожцев на Дон вдоль Крымского полуострова, донцов и запорожцев по Керченскому проливу в Азовское море, донцов к кавказскому побережью, а также при возвращении домой вверх по течению Днепра и Дона. Впрочем, так поступали и все другие мореходы: еще в древности суда ходили из Дуная к Керченскому проливу, а турки плавали не только от Босфора к Трабзону и кавказскому побережью, но, естественно, и обратно.

Маршруты казачьих походов поэтому были самые разные. Мы увидим, что казаки использовали кратчайший путь поперек Черного моря: в 1630 г. они явились к берегам Анатолии из района Кафы, а в 1659 г. действовали под Кафой и Балаклавой и потом оказались близ Синопа. Запорожцы и донцы ходили вдоль малоазийского побережья не только по течению на восток (например, в 1616 г. от Самсуна к Трабзону), но и против течения на запад: в 1630 г., напав на Инеболу, затем действовали близ «Легра» (скорее всего — Эрегли), в 1651 и 1659 гг. совершали нападения, плывя вдоль Анатолии в западном направлении. В 1625 г. казаки от Трабзона пришли к Кафе (или Гёзлеву), а в 1622 г., похоже, напротив — от Балаклавы явились к Трабзону. В.Д. Сухорукое предполагает, что в 1652 г. донцы от Крыма направились прямо к Босфору, а ЮзефТретяк считает, что в 1615 г. запорожцы пошли к Малой Азии напрямую, по середине моря. Если верить Раффаэле Левакович, то в 1625 г. казаки от Керченского пролива двигались к Синопу, «огибая Малую Азию». Запорожцы и донцы, таким образом, не «абсолютизируя» роль

течений, могли подходить к Босфору с любых направлений и точно так же имели возможность уходить от него в разных направлениях. Сечевики после набегов в сторону Босфора обычно возвращались домой вдоль побережья Румелии, т.е. против основной струи течения, как было, в частности, в 1615 и 1625 гг. Без сомнения, использовался и короткий путь через Черное море к Крыму с последующим движением запорожцев на запад к устью Днепра, а донцов — на восток к Керченскому проливу и Азовскому морю (так было, очевидно, в 1651 г.).

Некоторое «вспоможение» казакам в их плавании против течения оказывала циркуляция воздушных масс: летом на Черном море преобладают северо-западные, западные и юго-западные ветры, у побережья Анатолии северо-западные. Но поскольку главным движителем чаек и стругов являлись весла, а парус играл вспомогательную роль, основную надежду казаки возлагали на собственные силы, выносливость, решимость и мореходные навыки.

Мы уже говорили о том, как исторически запорожцы приближались к Прибосфорскому району, однако украинские казацкие летописи утверждают, что сечевики впервые подошли туда не со стороны Румелии. Эти летописи приписывают запорожскому гетману Богданко (Федору Богдану, князю Богдану Михайловичу Ружинскому), одному из знаменитых казачьих вождей XVI в., грандиозный поход вокруг всего Черного моря, успешные нападения на Трабзон, Синоп и даже район Стамбула.

В приложенной к «Летописи Самовидца» «малороссийской хронике», которая носит название «Собрание историческое», говорится о времени правления короля Стефана Батория: «Многие войни они (запорожцы. — В.К.) с татарами на земли, а с турками на Чорном море имели; и в то же время Азию, напад-ши, на тисячу миль своевали и город Трапезонт достали и ви-секли, а Синопе из основания разорили, и под Константинополем немалие взяли користи». В помещенной там же еще одной хронике, составленной в XVIII в. и называющейся «Краткое описание Малороссии», между событиями 1574 и 1577 гг. есть запись: «В то время козаки, напавши в Азию, на 1000 миль повоевали, Трапезонт взяли и изсекли, Синоп до фундаменту опровергли и под Константинополем користи побрали».

Почти дословно такая же информация, как в «Собрании историческом», содержится в летописи Григория Грабянки, «Летописце, или Описании кратком знатнейших действ и случаев», но с указанием на 1576 г., в «Краткой летописи Малые России с 1506 по 1776 год» и других сочинениях XVIII в. Очевидно, этот же поход имеет в виду А. И. Ригельман, кратко указывающий, что в последней четверти XVI в. запорожцы «на лодках своих... так далеко по Черному морю заезжали, что и близ Царягорода были».

В трудах некоторых старых украинских историков встречаем и более подробные описания интересующей нас экспедиции. Согласно автору второй половины XVIII в. Г.А. Полетике, в 1577 г. 5 тыс. запорожцев действовали на лодках у берегов Крыма, а затем предали огню и мечу Синоп, Трабзон и «многие местечки» турецкие. Далее (по контексту — в конце 1570-х гг.) украинские казаки совершили сухопутный поход через Дон и Кавказ в Анатолию, а через нее к Босфору, где разорили предместья Стамбула, затем прошли в Болгарию, Молдавию и на Украину. В описанных действиях участвовали и запорожские лодки; на них, а также на захваченных у турок судах казачье войско переправилось через Босфорский пролив. Во время похода донские казаки «приняли гетмана и войско его дружелюбно и сделали им все походные вспоможения, а паче переправою войск на судах за реку Дон, а после за реку Кубань». «Всевозможное пособие» запорожцам оказали в походе и болгары.

Известный украинский историк XIX в. Н.А. Маркович излагал события следующим образом. В середине 1570-х гг. упомянутые 5 тыс. запорожцев под начальством войскового есаула Нечая вышли в лодках в море, пристали к Гёзлеву и Кафе и в ожидании подхода сухопутного войска Б. Ружинского, шедшего в Крым и потом через этот полуостров, заперли обе гавани. Подойдя, гетман с суши, а Нечай с моря осадили Кафу, взяли ее в короткое время штурмом, разграбили город и вырезали жителей, кроме 500 пленников обоего пола. Затем, по заключении мира с крымцами, гетман вернулся на Украину, приказав своим «морским войскам» «навестить те города турецкие, где производилась торговля русскими пленниками, напасть на Синоп и на Трапезонт и освободить оттуда своих единоверцев».

В это время дунайские христиане, которых беспрестанно тревожили турки, обратились к польскому королю с просьбой о помощи, и он «дал гетману повеление сделать сильный набег на земли турецкие, от Польши отдаленные». Гетман направил на море Нечая с 3 тыс. запорожцев, а сам с войском пошел через северопричерноморские степи к Земле донских казаков. Последние, как уже указывалось, оказали дружественному походному войску всевозможную помощь.

Проходя далее земли черкесов, гетман не предпринимал против них никаких враждебных действий и был пропущен удивленным местным населением не только мирно, но даже с дружелюбной продажей войску скота и съестных припасов.

«За Кубанью, — говорит Н.А. Маркович, — гетман открыл военные действия против народов, туркам подвластных, и начал предавать огню и мечу всю страну. Запорожцы между тем, крейсируя близ ее берегов, разоряли прибережные селения. Не ожидая этих нападений и не приготовясь к обороне, народ разбегался. Таким образом гетман, проходя всю Анатолию, пришел к Синопу и Трапезонту, выжег и ограбил их предместия; потом двинулся к Царь-граду и подошел к проливу Константинопольскому. Турки спасались в город чрез пролив; разграбив берег азиатский у Черного моря, козаки переправились в Европейскую Турцию и вступили в Булгарию, уверив болгар, что как единоверцы они им вредить не станут. Гетман воспользовался всеми возможными пособиями от жителей, был ими провожаем до Дуная и тут же получил от них известие, что турки, нападавшие на Сербию и другие христианские банатства (владения. — В. К.), возвратились скоропостижно и направили путь свой к Адрианополю».

Далее гетман, переправившись через Дунай между Варной и Силистрой, вступил в Молдавию, неожиданно на рассвете напал на Килию и взял ее приступом, вырезал турок и армян и, мстя за погибшего от османских рук своего предшественника гетмана Григория Свирговского, разграбил город, сжег его до основания и «возвратился в отечество».

У некоторых других историков упоминаются дополнительные детали, связанные с этим походом. В частности, в составе казачьей добычи называются 100 медных пушек или сообщается о смерти Б. Ружинского: в устье Днепра он взял Аслан-городок (Ислам-Кермен), применив подкоп под крепостную стену, но сам погиб при взрыве мины.

Большинство авторов датирует экспедицию несколько неопределенно, однако в согласии с казацкими летописями — временем правления Стефана Батория. Авторы XX в. почему-то предпочитают 1575 г., хотя это был период польского междуцарствия — между Генрихом Валуа (1574) и Стефаном Баторием (правил в 1576—1586 гг.). В.В. Мавродин относит поход к осени 1575 г., невзирая на то что осеннее время было не самым благоприятным для «черноморской кругосветки».

Польский историк Михал Глищиньский утверждает, что, «обойдя вокруг Черное и Азовское моря и наведя ужас на все живущее по тем берегам, храбрый Богданко возвратился на родину, исполненный почти гомерической славы». В самом деле, слава должна была быть громадной, поскольку, как отмечает один из авторов, казаки в этом походе поставили «целый ряд рекордов»: впервые обошли большую часть черноморского побережья, впервые пересекли поперек Черное море и достигли его южных берегов, впервые появились у стен Трабзона и Синопа. Добавим, что в первый раз казаки совершили и набег на Босфор, район, непосредственно примыкавший к столице Османской империи, «почти до ворот Константинополя».

Но был ли в действительности этот поход, столь грандиозный по протяженности маршрута и продолжительности времени, по численности участников и совершенно ошеломительному успеху, состоявшийся в столь раннее время, имеющий большой хронологический разрыв с последующими казачьими набегами на Анатолию и ни разу не повторенный казаками в таком масштабе даже в период апогея морской войны?

Большинство современных историков отвечает на этот вопрос отрицательно, однако многие украинские, польские и русские авторы признавали, а некоторые и до сих пор признают поход реальным событием. Среди них можно назвать таких известных ученых, как Д.И. Эварницкий и В.В. Мавродин. Последний, впрочем, полагает, что поход был не вокруг Черного моря, а из Днепра к Синопу и оттуда к Трабзону и Босфору. Один из морских историков утверждает, что в 1576 г. запорожцы совершили свой первый морской поход — «ходили от Днепра по всему Черному морю — к Дунаю, Евпатории, Кафе (Феодосии), Синопу и Трапезунду», но почему-то не упоминает район Босфора и не замечает, что первый поход вряд ли мог охватить столь огромную акваторию. Ю.П. Тушин пишет, что казаки в 1575 г. захватили Трабзон и Синоп и дошли до Стамбула, но вслед за тем отчего-то соглашается с польским известием о том, что до 1614 г. Синоп не подвергался никакой опасности[6].

У Ю.М. Ефремова, отметившего, что «невольно возникает сомнение в подлинности столь успешного и грандиозного по масштабам похода» и «недоумение перед фактом, что все это сошло казакам с рук, не вызвало ответных действий могучей Османской империи», имеются на этот счет некоторые соображения. «Если все же эти события подлинные», то причины, почему не ответил Стамбул, надо искать «во внешнеполитической ситуации, сложившейся в... Средиземном море.

Там после сокрушительного поражения турецкого флота в битве у Лепанто... Османская империя напрягала все свои силы в беспощадной войне с Испанией, Венецией, Генуей и Папским государством... Момент для казацкого набега был выбран исключительно удачно. Все наличные военные корабли Турции были задействованы на средиземноморском театре военных действий... Послать в Черное море было Турции попросту нечего. Да и удар был слишком неожиданным».

Сюжете экспедицией 1570-х гг. еще не подвергался в литературе основательному изучению. Первое, что обращает на себя внимание, это отсутствие упоминаний о походе в известных документальных источниках, современных или хотя бы относительно близких по времени к рассматриваемому событию.

Правда, литовский великий канцлер князь Альбрыхт Станислав Радзивилл в одной из записей своего дневника в 1635 г. заметил, что казаки в прошлом «к турецким городкам ходили, грабили, жгли и чайками под самый Стамбул подходили, до такой степени, что как бывший турецкий цесарь Солиман, так и нынешний безопасно в Константинополе сидеть не могли». Однако ближайшим предшественником тогдашнего султана Мурада IV, который носил бы имя Сулейман (Солиман), был знаменитый Сулейман 1, правивший, как указывалось, в 1520— 1566 гг., т.е. значительно раньше экспедиции 1570-х гг., а за ним царствовали Селим II (1566—1574) и в эпоху Стефана Батория Мурад Ш (1574—1595). Таким образом, информация А.С. Радзивилла «повисает в воздухе». Если же предположить, что канцлер ошибочно вместо «Селим» написал «Солиман», то и тогда придется отнести поход в добаториевские времена, что делает его маловероятным.

Д.И. Эварницкий, говоря о походе, среди прочего ссылается на «Гвагнина», но этот итальянский современник, граф Алессандро Гваньини, служивший и умерший в Польше, в своей хронике, которая увидела свет в 1578 г., напротив, рассуждал о том, что казаки, будь они больше по численности, могли бы повторить древнерусские походы на Царьград: «Да и сегодня едва ли то же не делали бы казаки, если бы их было так много».

В 1597 г. Иоаким Бельский, переделав и дополнив хронику своего отца Мартина Бельского, издал собственную «Хронику польскую» и в ее главе «О казаках»[7] повторил мысль А. Гваньини, не изменив ее никакой фактической поправкой: «Кажется, что и теперь козаки отважились бы на это, если бы их было побольше».

Материалы, связанные с венецианскими планами удара по Стамбулу в конце XVI в., в которых главная роль отводилась казакам и которые будут рассмотрены в конце нашей книги, не упоминают уже имевший место казачий набег на Босфор. Письмо и речи С. Жолкевского 1610-х гг., связанные со знаменитым синопским разгромом, о котором пойдет речь вслед за данным сюжетом, утверждают, что до 1614 г. берега Синопа и Трабзона не тревожились никаким неприятелем со времен турецкого завоевания. Мустафа Найма говорил о том же набеге на Синоп как о первой казачьей акции в этом районе: «Казаки, которые до сих пор, спускаясь в небольших лодках на Черное море, привычны были грабить приморские и расположенные на берегах Дуная селения, в этом году... неожиданно напали на крепость Синоп, лежащую на анатолийском берегу...»

Наконец, письмо кошевого атамана Ивана Сирко упоминает казачий поход 1575г., однако объектом набега называет только Крымский полуостров:«... року (года. — В.К.) 1575 Богданко з козаками Крим воевал и плюндровал (опустошал. — В.К.)...» Не добавляет уверенности в реальности «черноморской кругосветки» и то обстоятельство, что ее маршрут был постоянно противоположен направлению морских течений, хотя и возможен в принципе.

Сказанное заставляет с недоверием относиться к сообщениям летописей о масштабной экспедиции 1570-х гг., затронувшей и район Босфора.

Через несколько десятков лет, в 1614 г., произошло событие, получившее известность в Европе, произведшее ошеломляющее впечатление в Стамбуле и вызвавшее ужас в окружении султана: казаки взяли приступом, разгромили и сожгли Синоп. М.Н. Тихомиров называет это нападение «крупнейшим событием начала XVII в. в истории казацких походов»[8].

Приблизительно 10—21 августа названного года (в конце августа по новому стилю) 2 тыс. казаков вышли из Днепра в Черное море[9]. По мнению ряда польских, украинских и российских авторов, возглавлял их прославленный запорожский военачальник, гетман Петр Конашевич Сагайдачный. Число судов этой флотилии неизвестно, но скорее всего их было около 40, если исходить из расчета примерно по 50 человек на чайке (называлась и цифра в 100 лодок, но она менее вероятна, поскольку вряд ли для большого морского похода использовались малые суда).

Первоначально флотилия двинулась к устьям Дуная. Мустафа Найма сообщает, что казаки «разграбили сперва по обыкновению деревни, лежащие по берегам реки Дуная и при море».

Оказалось, однако, что командование флотилии имело куда более грандиозный, небывалый и дерзкий по замыслу план нанесения удара по Малой Азии, для чего требовалось пересечь Черное море. Казакам очень пригодились взятые на борт, согласно Найме, в качестве проводников «рабы-отступники». Речь идет о пленниках, насильно принявших ислам, из страха смерти служивших туркам и сумевших вырваться из неволи. Именно эти бывшие рабы могли указать морской путь, подходы к приморским городам Турции, топографию местности, рассказать об укреплениях и т.п.

Флотилия пересекла море поперек (как выражался С. Жолкевский на латыни — «per diametrum») и вышла, по-видимому, в район Трабзона, где казаки и начали опустошать побережье. Но главным объектом нападения был избран Синоп, по характеристике С. Жолкевского, «город очень богатый, живший в покое и не тревожимый с тех пор, как захвачена была Амуратом Первым (Мурадом I, правившим в 1359—1389 гг. — В.К.) та часть Малой Азии». Население этого побережья жило не зная страха, «ибо ни от тех казаков, ни от кого другого перед тем, с тех пор, как турки Азией завладели, никогда там не было тревоги и опасности». Синоп славился прекрасным местоположением, прелестными окрестностями, великолепным климатом и на цветистом восточном языке прозывался «Городом любовников» («Мединет альушшак»).

Запорожцев, разумеется, привлекали не красоты города и окрестностей. Это была мощная военно-морская база Турции, крупнейшая черноморская верфь империи, «морское оружейное хранилище великого султана». Синопскую крепость Эвлия Челеби характеризовал как «неприступную и очень прочную», построенную из камня, с железными двустворчатами воротами, располагавшуюся тремя ярусами на высоком холме, имевшую по окружности 6100 бойниц и внутри цитадель с несколькими башнями. Гавань Синопа, по этому же описанию, считалась превосходной, дававшей убежище судам «от всех четвертей ветра», едва ли не лучшей в Причерноморье, если не считать Балаклаву.

Флотилия подошла к Синопу. Нападение на город, по мнению историков, «было осуществлено мастерски». Оно произошло ночью и оказалось совершенно неожиданным. Солдат местного гарнизона, экипажи судов и население охватила невероятная паника. С помощью приставных лестниц казаки ворвались в крепость, захватили цитадель, верфь, галеры и целый город. «Вступив в эту древнюю крепость, они, — сообщает Мустафа Найма, — умертвили в ней всех правоверных, ограбили ихдомы, увели жен и дочерей...» В других переводах Наймы, правда, говорится не о поголовном истреблении мусульман, а о том, что казаки «вырезали гарнизон» и убивали «каждого мусульманина, попадавшегося им на пути», но крови, конечно, пролилось много. Все христианские невольники получили свободу, и их радость не поддавалась описанию.

Согласно Мустафе Найме, запорожцы, зажегши Синоп «со всех концов», «обратили этот прекрасный город в пустыню». Польский автор пишет, что Синоп превратился «в груду щебня и пепла», а С. Жолкевский в отчете сейму говорил, что султанский арсенал, талионы, галеры — «все то пошло с дымом» и что казаки «учинили убытка туркам на 40 миллионов (злотых. — В.К.), не считая людей». Погрузив на чайки громадную добычу, «полон» и часть освобожденных рабов, запорожцы спокойно вышли из синопской гавани и, как показалось туркам, «рассеялись по морю».

Половина дела была сделана: в самом центре турецкого ма-лоазийского побережья нанесен громадный урон османской военной и морской мощи и большой, оскорбительный удар по престижу империи. Оставалось благополучно вернуться домой. Посообщению, присланному в том же 1614 г. Сигизмунду III от турецкого везира, казакам это не удалось. Имперский флот, находившийся в Аккермане, перехватил их под Очаковом, «и там с божьей помощью одни были порублены саблями, другие в море потоплены, а некоторые... бежали».

Есть и более подробные известия источников, хотя и противоречивые. Обобщив их, Д.И. Эварницкий один из вариантов окончания экспедиции представляет следующим образом. Румелийский бейлербей (наместник) Ахмед-паша, собрав 4 тыс. янычар и «множество другого народа», посадил свое воинство на многие галеры и сандалы, бросился к устью Днепра, стал поджидать возвращения казаков в урочище Хазилер Херемих (Переправа Воинов) и велел доставить к Очакову пушки из Аккермана. Казаки, пытаясь пробиться мимо упомянутого урочища, мужественно сражались, но под конец потерпели поражение, были убиты и потоплены, и лишь незначительное их число смогло прорваться.

Другая версия, содержащаяся в отчете С. Жолкевского, говорит, что по приказу султана бейлербей выступил с войском сушей, а Али-паша с флотом — морем. Последний «в Очаковском порту стал в засаду», на которую и наткнулись не ведавшие о ней казаки. 18 чайкам удалось уйти из-под пушечного огня и прорваться. Экипажам прочих судов пришлось «выскочить» на берег и рассеяться. В руки турок попали брошенные чайки и часть синопской добычи. «Али-паша возвратился с триумфом».

Третья версия изложена по источникам М.С. Грушевским. Ахмед-паша, двинувшийся к Поднепровью, решил захватить казачью флотилию врасплох в Очакове и направил туда корабли из Аккермана. В Очаков была послана из Стамбула эскадра под начальством Али-паши. «Но казаки вовремя получили об этом предостережение и разделились на две партии. Одни отправились в обход: высадившись к северу от устья Днепра, задумали перетянуть свои лодки сухим путем и обойти засаду; но здесь напали на них татары, и казаки потеряли много людей и добычи. Другие пошли напролом через Очаковский лиман и тоже потеряли много добычи, так как принуждены были для облегчения чаек бросать добычувлиман; порядком потеряли илюдей, но в конце концов все-таки пробрались на Низ (в Сечь. — В.К.)».

Добавим, что Мустафа Найма отводит главную роль Шакшаки Ибрахим-паше, который, «узнав о... набеге, на шестидесяти мелких судах отправился для защиты берегов черноморских. Вошед в реку, через которую должны были переправляться эти собаки, он остался сторожить их; но проклятые, проведав об этом, в одном месте на берегу Черного моря сошли, поставили судна свои на санки (кызак) и вздумали встащить их по суше до вершины реки. Но шайка татар напала на них; завязалось сражение; имения и семейства, похищенные из Синопа, были оставлены на месте; из казаков же кто достался в плен, а кто погиб в битве. Ибрагим-паша переменил маршрут и наблюдал, где выйдут остатки разбойников. Он пошел против тех, которые избегли меча, и из них также кто попал в плен, а кто был убит. В первых днях рамазана (25—29 сентября. — В.К.) Ибрагимовы воины привели к Порогу (в Стамбул. — В. К.) двадцать человек кяфиров-казаков скованными».

Из других переводов Наймы видно, что Шакшаки Ибрахим-паша охранял устье Дуная, откуда пошел на перехват казаков к устью Днепра, что татары напали на них, когда те, перетащив свои суда на катках, уже спускали их в реку, ито некоторым из чаек удалось уйти до татарского нападения, но их преследовал, потопил или захватил названный паша, что 20 пленных казаков были выданы великим везиром в руки «гонцов, прибывших из Синопа с жалобой на допущенное казаками беззаконие».

К сожалению, казачьи источники о походе 1614 г. неизвестны. Турецкие же известия, как правило, во много раз преувеличивали потери противника. Похоже, что и в данном случае о полном поражении запорожцев говорить не приходится. Обычно хорошо информированный С. Жолкевский в уведомлении поветовому сеймику 1615г. сообщал, что при возвращении из Синопа казачья флотилия потеряла убитыми и ранеными отнюдь не большинство участников похода, а около 200 человек. Да и 20 пленников, привезенных в «столицу мира», маловато для подтверждения подлинного триумфа.

В Стамбуле в связи с разгромом Синопа разворачивались любопытные события. «Говорят, — читаем у Мустафы Наймы, — что один посланец за другим прибывал... с сообщением, касающимся нападения, которое Синоп перенес от казаков, и что когда император (султан. — В.К.) спросил у великого везира Насух-паши относительно правды об этом деле, тот заявил, хотя и ложно, что ничего не знает об этом. Император, однако, не был удовлетворен этим ответом и обратился за сведениями к ученому муфтию (богослову-правоведу, выдававшему фетвы —- письменные заключения по важным юридическим вопросам. — В.К.), который без колебаний сказал ему правду. Император был чрезвычайно сердит на великого везира за неправду, которую тот ему сказал».

С. Жолкевский 20 октября 1614 г. извещал короля, что султан «так был взбешен, что хотел было приказать повесить везира», и тот спасся только благодаря просьбам жены, дочери и других «белых голов» (женщин), однако падишах бил его бузды-ганом (чеканом), о чем разнеслась молва по всей столице. От гнева султанского, продолжал канцлер, Насух-паша отвелся еще и тем, что спешно послал на казаков бейлербея и иных пашей с войском. Позже оказалось, что С. Жолкевский ошибался: до него просто не успела дойти весть о том, что 17 октября великий везир был казнен[10].

Венсан Миньо передавал, что в Стамбул пригнали захваченное казачье судно и 15 пленников (видимо, тех, которых у Наймы было 20), но везир присоединил «к сему кораблю» еще

15 та-кихже, вооруженных пушками из столичного арсенала, а к 15 казакам добавил 400 невольников, «и все сие как бы плененное ополчение с великим торжеством» ввел в Золотой Рог перед глазами падишаха. Капудан-паша, хотя ему «не меньше было нужно выдавать оное за правду», «не отважился молчать». Об этой инсценировке, как и о финансовых махинациях везира при строительстве галер, узнал муфтий, а сын алеппского паши обратился к султану с жалобой на взяточничество Насуха и сокрытие им от его величества мятежа в Грузии. По приказу Ахмеда 1 великого везира задушили петлей в собственном доме.

Через четверть века, в 1640 г., в Синопе побывал Эвлия Челеби. «Жители города, — записал он, — имеют хатт-и хумаюн (султанский рескрипт, равный по силе государственному закону. — В.К.) на то, чтобы убить коменданта, если он удалится от крепости на расстояние пушечного выстрела. И потому комендант не смеет отойти от крепости ни на шаг. [А причина вот в чем]. Во времена султана Ахмед-хана казаки захватили эту крепость в результате внезапного налета ночью... Позднее крепость была освобождена, в ее Нижнем укреплении было размещено 50 капукулу, [привезено] много кантаров (мера веса, равная 56,4 кг. — В.К.) пороха, [установлены] большие и малые пушки. Начиная с того времени каждую ночь вплоть до наступления утра по 200 воинов со своими бёлюкбаши и чавушами (командирами подразделений. — В.К.) несут дозорную и караульную службу. И эта стража, оснащенная барабанами и рожками, постоянно выкрикивает [слова]: "Не дремлет стража внутри крепости", и от бойниц провозглашает: "Аллах един!" Таким образом еженощно стража показывает, что крепость готова к бою». «И хотя кяфиры неоднократно устраивали осаду, — завершал рассказ Эвлия, — но каждый раз были отбиты залпами пушек. Слава всевышнему, со времени [воцарения] Мурада IV (т.е. с 1623 г. — В.К.) они не приходили». Последняя информация неверна: казаки приходили к Синопу и в 1620-х, и в 1630-х гг.

Освещая историю казачьего набега 1614 г., И. фон Хаммер в результате неправильного прочтения турецкого источника утверждал, что Шакшаки Ибрахим-паша перехватил казаков «большей частью в устье Дона при помощи напавших на них татар». Сказанное ученым потом повторили Н.А. Смирнов и Ю.П. Тушин. Это была ошибка, но весьма характерная: вскоре придет время для активных действий османского флота и против донских казаков в Азовском море, для турецких попыток блокады дельты Дона и затем Керченского пролива.

Что же касается первого синопского набега, то он был организован и осуществлен Войском Запорожским, однако в экспедиции, несомненно, принимали участие те донцы, что находились тогда в Сечи [11]. Как раз в 1614—1615 гг. Войско Донское возобновило морскую войну с Османской империей и Крымским ханством, прерванную событиями русской Смуты. В смутное время основные силы донского казачества были отвлечены российскими делами, но казаки, остававшиеся на Дону, выдержали наскоки азовцев и татар и проводили небольшие операции на суше и иногда «судовой ратью». Донцам вообще повезло: Турция не могла тогда вести здесь большое наступление, поскольку в 1603—1613 гг. была занята тяжелой и неудачной персидской войной, стоившей ей потери Азербайджана, Восточной Грузии, Северной Армении, Дагестана, Луристана и части Курдистана. Но уже в 1613 г. в Стамбуле и Крыму обсуждался план, согласно которому предполагалось «казаков с Дону збить».

Взаимный спад военной активности донцов и турок, таким образом, оказался вынужденным и временным, и неудивительно, что после Смуты Войско Донское, значительно пополнив свои ряды, возобновило действия на море. Однако поначалу донцы действовали из Сечи, вместе с сечевиками и под командованием их атаманов. Запорожцы, игравшие тогда главную роль на море, выступали в некотором роде учителями своих донских «корабельных товарищей».

По окончании синопского похода С. Жолкевский отмечал большое значение того, что казачество «проведало дорогу» через Черное море: турки отныне на своей собственной территории будут в непрестанном страхе перед казачьими набегами. Предвидение канцлера полностью сбылось, и не только в отношении запорожцев. Донские казаки уже в 1615 г. вышли из Дона и сначала отдельно, а потом соединившись на Черном море с сечевиками, громили неприятельские прибрежные селения. Затем последовали громкие победы запорожцев и донцов над целыми турецкими эскадрами, захват множества судов, пленение османских адмиралов, нападения на порты Крыма, тот же Синоп, Трабзон, Самсун, многие другие города, на Босфор и сам Стамбул.

Казаков назовут «обладателями моря», и при одном только слухе об их появлении паника будет охватывать все малоазийское побережье, османские суда будут бояться выходить из портов, а солдат придется загонять палками на корабли, предназначавшиеся для действий против казачьих флотилий. Кажется, даже провидец С. Жолкевский не предвидел всего того, что последовало за казачьим открытием дороги за море.

Поскольку Босфорская война до сих пор оставалась неизученной, совершенно не разработана и ее периодизация. Из работ различных авторов XIX—XX вв. можно «выудить» лишь замечания вроде того, что запорожские казаки «с 1620 по 1625 год беспрерывно держали в страхе население Константинополя, разоряли его окрестности» или что запорожцы «в 1620—25 годах без перерыва держались перед Босфором». События 1614 г. при этом предстают преддверием грядущих босфорских атак.

«Проведанье дороги» через Черное море действительно сыграло весомую роль в последующих казачьих набегах на Анатолию и Босфор, но это была только одна сторона «босфорского предисловия»: перед началом босфорских кампаний казаки как бы открывали «двустворчатую дверь». Другая сторона характеризовалась тем, что запорожцы, выходя Днепром в море и следуя вдоль его западного побережья, атакуя тамошние турецкие укрепления и поселения, все дальше и дальше продвигались к югу, пока наконец не приблизились в своих военных действиях непосредственно к европейской части Прибосфорского района, от которой — в отличие от далекого Синопа — оставался лишь один шаг до самого пролива. И произошло это, как увидим, несколько раньше синопского разгрома.

2. Первые босфорские походы

Первое известное в настоящее время нападение казаков на район, прилегающий к черноморскому устью Босфора, можно отнести к 1613 г. В заметке иеромонаха Митрофана из монастыря Иоанна Предтечи близ Сизеболы, сделанной в 1616 г., говорится, что казаки «в год 7120 (1612 г. — В.К.) в месяце апреле дошли до Месимврии (обычно Месемврия, турецкая Мисиври, ныне болгарский порт Несебыр. — В.К.) и ограбили и погубили. А на следующий год дошли до Агафополя и его ограбили, а напоследок его сожгли». Ахтеболы (Агафополь, Ахтопол) располагался сравнительно недалеко от Босфора.

Предшествующие строки заметки Митрофана, где отмечены более ранние казачьи набеги на болгарское побережье, свидетельствуют о том, что речь идет о казаках «из Малой России», т.е. о запорожцах, и что приходили они «на так называемых фустах». Фустами назывались распространенные на Средиземном море малые галеры, быстроходные гребные суда длиной около 27 м, легкие и маневренные парусно-гребные суда ускоков, вмещавшие до 50 человек, и небольшие турецкие суда, являвшиеся длинными лодками, но в заметке, конечно, имеются в виду чайки.

В целом из текста Митрофана видно, что казаки действовали успешно и нигде, в том числе в Ахтеболы, не встречали никакого существенного сопротивления, за исключением набега на Варну, в ходе которого «были убиты многие из них ромеями» (греками). Нападение на Ахтеболы, хотя и происходило в относительной близости к Босфору, не было, однако, набегом на поселения самого пролива.

По сути, единственными источниками, повествующими о первом походе казаков именно на Босфор, являются отчеты С. Жолкевского, с которыми он выступал на сеймах в Варшаве в 1618 и 1619 гг. Этот крупный государственный деятель Польши был старым врагом днепровских казаков, считая их «озверевшим хлопством», «сволочью» и «злодеями», но по своей деятельности имел к ним тесное отношение и был хорошо информирован об их делах.

Согласно первому упомянутому отчету, в 1615 г. казаки отправились в море флотилией, насчитывавшей до 80 судов, добрались до турецкого побережья, «ударили близ Константинополя между Мизевной и Архиокой» и «те два порта спалили». Султан Ахмед I «был там вблизи на охоте, видел из своих покоев дымы» и, «ушедши, очень разгневанный», отправил флот против казаков. Однако те, не опасаясь неприятеля, «не уходили, но грабили», и удалились только по завершении дела.

В отчете на сейме 1619 г. С. Жолкевский снова упомянул об этом набеге. «Я, — говорил канцлер, — уже на прошлом сейме показал убедительно, какие шкоды чинят (казаки. — В.К.), когда на море наезжают, грабя селения турецкого цесаря, показал и по карте, какими местами заступают сторону турецкого цесаря, который в Константинополе, из окна глядя, видел дымы, — от чего имели горе. И как же это мог принять за благо турецкий цесарь, который ни от кого не охоч получать оскорбление? Несколько десятков стародавних главных городов ему funditus (латинское: до основания, совершенно. — В.К.) разорили, не считая мелких, которых очень много пожгли, опустошили».

Здесь, как видим, есть небольшое расхождение с предыдущей, более близкой к событию информацией: султан наблюдал дымы пожарищ из Стамбула. Но эта фраза, которую надо понимать в обобщенном смысле, внятно показывает, что казачьи погромы происходили в непосредственной близости от османской столицы. И, конечно, такой набег был прямым «оскорблением величества».

Историки датируют поход весенним периодом 1615г.: согласно П.А. Кулишу и Д.И. Эварницкому, экспедиция началась «на провесни», по М.С. Грушевскому, тотчас с наступлением весны, у многих авторов — весной. У В.А. Сэрчика, который пишет, что в начале 1615 г. казаки вторглись в пределы Литвы, а несколькими неделями позже совершили набег до Стамбула, видимо, также получается весна. Хотя С. Жолкевский вопреки твердым указаниям первых названных историков, даже «цитирующих» источник, прямо не упоминал весну, но он говорил: «Пришел год 1615, тотчас казаки собрались...» и т.д. Поскольку вряд ли поход начался еще зимой, скорее всего, действительно имелось в виду начало весны.

Говоря о набеге 1615г., нельзя не сказать о тогдашнем руководителе Запорожской Сечи П. Сагайдачном. «Не осталося почти турецкого и татарского города во всей окружности Черного моря, который не почувствовал его посещения, — пишет Г.Ф. Миллер. — Пришед иногда и под Константинополь, окололежащие места разграбил и опустошил». «С избрания в гетманы Петра Конашевича, прозванного Сагайдачным, — замечает Ф. Устрялов, — ни Крым, ни цветущие малоазиатские города, ни самые окрестности Константинополя не имели покоя от казаков...» «Смелость, быстрота и разрушительность... набегов (на Малую Азию в 1610-х гг. —В.К.), — читаем еще у одного автора, —превосходят всякие описания; такой силы они не имели ни до, ни после Сагайдачного и должны быть приписаны его военному гению. Они подняли всю Турцию на ноги».

В последних утверждениях, может быть, содержатся некоторые преувеличения, но в целом выдающаяся роль П. Сагайдачного в казачьей морской войне, в том числе его роль в организации босфорского похода 1615 г., кажется, не вызывает сомнений. Имя руководителя набега неизвестно, но не исключено, что его возглавлял сам гетман, в чем убежден Д.И. Эварницкий. Источники не сообщают число участников похода, однако некоторые авторы называют конкретные цифры: 5 тыс. или 4 тыс. казаков. В принципе указанные числадопустимы, так как в первом случае на одну чайку приходилось бы 62—63 человека, во втором — 50, и такой состав экипажей приемлем[12].

Мы не знаем и конкретный маршрут похода. Ю. Третяк полагает, что запорожцы шли к малоазийским берегам «серединой моря», как в предшествовавшем году к Синопу. Но если путь «серединой» к Синопу или Трабзону вполне разумен, то для нападения на Босфор (о казачьих атаках других пунктов в Мачой Азии в ходе данной экспедиции С. Жолкевский не упоминает) сечевикам, видимо, удобнее было бы идти западной частью Черного моря, в соответствии с направлением течения. Впрочем, если верно сообщение Иоганна-Иоахима Мёллера о том, что запорожцы в 1615 г. «опустошили Фракию, Вифинию (область на северо-западе Малой Азии, примыкавшую к азиатской части Прибосфорского района. — В. К.) и Пафлагонию, разорили Трапезунт с портом, арсеналом и триремами», то фронт действий был очень широк и охватывал побережье Румелии и Анатолии.

Относительно указанных С. Жолковским непосредственных объектов казачьей атаки на Босфоре — Мизевны и Архиоки[13] — в литературе существует полная неопределенность. Предлагаются следующие варианты:

1. П.А. Кулиш и Н.И. Костомаров определяют эти объекты как пристани невдалеке от Стамбула или в его окрестностях. Эти же окрестности фигурируют у Д.И. Эварницкого, деревни в близких окрестностях Стамбула — у Адама Валяшека, предместья столицы, бывшие одновременно и ее портами, — у Збигнева Вуйцика, стамбульские предместья — у Н.С. Рашбы, Лешека Подхородецкого, Адама Пшибося, Ю.А. Мыцыка, местность «у самой турецкой столицы» — у В.А. Голобуцкого.

2. Ряд авторов полагает, что казаки атаковали сам Стамбул, были под его стенами[14]. Мизевна и Архиока определяются М.С. Грушевским и М.А. Алекберли как порты Стамбула, Ю.П. Тушиным — как порты «непосредственно в районе Стамбула»[15], Я.Р. Дашкевичем — как пристани столицы, В.А. Голобуцким и Д.С. Наливайко — как портовые сооружения или причалы Стамбула.

3. У некоторых авторов встречается утверждение, что казаки в 1615 г. «сожгли гавани Мизевны и Архиоки» или гавани на Босфоре.

4. В.А. Голобуцкий, первоначально считавший, что в Мизевне и Архиоке располагались портовые сооружения столицы, в более поздней работе определил их как портовые сооружения Босфора. В упомянутой выше работе фигурируют гавани именно Босфора, но этот пролив почему-то назван заливом.

Третий вариант должен быть без колебаний отвергнут, поскольку «сжечь гавани» в действительности было невозможно: гаванью называется прибрежная часть водного пространства, служащая местом стоянки судов, или часть портовой акватории, которая прилегает к причалам и служит для производства грузовых операций. Полагаем, что верным является определение Мизевны и Архиоки как портов, селений на Босфоре: это полностью соответствует источнику, где они упоминаются как порты близ Константинополя. Называть же Мизевну и Архи-оку портами Стамбула можно только в расширительном толковании.

До сих пор никто из историков не пытался выяснить по карте, о каких же конкретно пунктах говорится в отчете С. Жолкев-ского. Мизевна и Архиока в доступных нам источниках XVII в. не встречаются, и на этом основании мы считаем, что следует обратиться к босфорской топонимике предшествующего, византийского времени. К сожалению, Мизевну и при таком обращении идентифицировать не удается, но Архиока С. Жолкев-ского — это, несомненно, византийский Архиве, т.е. позднейший Ортакёй. В XVII в. он действительно располагался в самой непосредственной близости к Стамбулу, а ныне является его частью. Надо полагать, что Мизевна находилась где-то недалеко от Ортакёя[16].

Что именно подверглось казачьему разгрому и разграблению в Мизевне и Архиоке, источник не сообщает, а историки, помимо «сожжения гаваней», скупы на предположения. По М.А. Алекберли, запорожцы захватили много портового имущества, согласно Г.А. Василенко, сожгли портовые сооружения и потопили несколько кораблей. А. Кузьмин считает, что казаки «разграбили по берегам Босфора... множество богатейших загородных дворцов и домов турецких сановников», захватив «богатейшую добычу». В отличие от этих умозрительных предположений, определив Архиоку и имея общее представлен ие о тогдашнем Ортакёе (напомним, что, по Эвлии Челеби, там насчитывалось большое число прибрежных дворцов и 200 торговых заведений), мы можем быть уверены, что объектом грабежа как раз и стали дворцы османских сановников, торговые лавки и склады и что добыча в самом деле оказалась очень богатой.

Отметим здесь некоторые неточности в литературе и авторские «додумывания», связанные с походом. В.А. Голобуцкий, а за ним и еще ряд историков превращают охоту Ахмеда I в рыбную ловлю. Группа авторов заставляет султана видеть не только дымы, как в источнике, но и огонь, пламя, «большие языки пламени» пожаров, хотя нам неизвестно, сколь близко от Мизевны и Архиоки находился падишах. «Поэтическим» преувеличением следует считать утверждение В.А. Голобуцкого, что турецкая столица собственными глазами увидела казаков, если, конечно, в ходе операции чайки не спускались по Босфору непосредственно к Галате и Золотому Рогу (вообще это было возможно даже нечаянно для казаков).

Наконец, некоторые авторы эмоционально пишут об испуге султана, страхе и смятении его и населения Стамбула, о поспешном бегстве властителя в столицу. Гнев и досада султана на запорожцев, появившихся в Босфорском проливе, неподалеку от Стамбула, да еще у места высочайших личных развлечений, вполне объяснимы и понятны, как и вероятны тревожные толки в столице, но для акцентирования личного испуга и страха султана пока нет прямых указаний источников[17].

О втором этапе экспедиции 1615 г. С. Жолкевский рассказывает следующим образом. Посланные против казаков турецкие «корабли и галеры» «догнали их лишь против устья Дуная; казаки бросились на них и побили турок, самого их вождя пленили раненого, который за себя давал 30 000 (злотых. — В.К.) выкупу, но умер». Часть галер запорожцы захватили, прочим удалось бежать. «Казаки, оные (взятые. — В.К.) галеры в лиман (Днепровский. — В.К.) приведя, сожгли под Очаковом».

Отдельные авторы представляют себе «драматическую погоню османских кораблей за казацкими чайками» как непосредственное преследование: турецкий флот погнал казаков к Дунаю; гонимые этим флотом казаки оказались у Дуная. Однако, скорее всего, такого прямого преследования, при котором противники находились в пределах видимости друг друга, вовсе не было, и османская эскадра шла вдогонку, представляя примерно маршрут движения отходившей запорожской флотилии.

«После многих усилий, — пишет З. Вуйцик, — турки догнали казаков при впадении Дуная в Черное море. Произошло событие не менее изумительное, чем нападение на Царьград. Казаки,

находившиеся, казалось бы, в гибельном положении, атаковали турецкие корабли, толпы молодцов ринулись на галеры. Дошло до ожесточенного и кровавого рукопашного боя с османскими моряками. С момента, когда казаки ворвались на палубы мусульманских судов, беспримерное поражение турок было предрешено».

С такой предполагаемой картиной сражения, пожалуй, можно согласиться, за исключением начального гибельного положения запорожцев, или, как еще можно перевести автора, их гибельных позиций. Об этом не имеет смысла говорить, поскольку мы не знаем ни состава столкнувшихся отрядов, ни обстоятельств их встречи, ни конкретных условий боя. Предполагать же априори, что в любом столкновении турецких галер с казачьими судами последние оказывались в гибельном положении, было бы неверно.

Некоторые историки считают, что казаки совершили нападение на османские корабли, дождавшись темноты, и что, следовательно, бой был ночным. Очевидно, такое мнение основывается на описанной Г. де Бопланом казачьей тактике нападения на вражеские суда. Этот наблюдатель говорит, что, «заметив неприятельское судно, казаки тотчас убирают мачты, справляются о направлении ветра и стараются держаться за солнцем до вечера. Затем, за час до захождения солнца, они начинают быстро идти на веслах к кораблю или галере, пока не подойдут на расстояние одной мили, чтобы не потерять судна из вида, и так наблюдают за ними почти до полуночи. Тогда, по данному сигналу, казаки изо всех сил налегают на весла, чтобы скорее достичь неприятельских кораблей, между тем как половина казаков держится готовой к битве и только ожидает абордажа, чтобы проникнуть на корабль, экипаж которого бывает сильно поражен недоумением, видя себя атакованным 80 или 100 судов, с которых валит на корабль масса вооруженных людей и в один миг овладевает им (число казачьих судов, атакующих один неприятельский корабль, конечно, безмерно преувеличено. — В.К.)».

Так ли произошло в данном случае, мы не знаем, и из сообщения С. Жолковского не видно, кто первым заметил неприятеля — казаки нагонявших их турок или последние казаков.

По информации источника, сражение происходило близ устья Дуная, однако В.А. Голобуцкий переносит это событие на десятки миль к северо-востоку, к Днепровскому лиману. Турецкий флот, утверждает автор, догнал казаков вблизи Очакова, и бой состоялся у Очакова[18]. Если здесь не случайное отступление от источника, то можно предположить, что причиной переноса места сражения послужило неверие В.А. Голобуцкого в способность казаков управлять захваченными галерами и привести их от дунайского устья к Очакову.

В такой способности не сомневается А. Кузьмин, который утверждает: «Довезя на захваченных судах богатейшую добычу до Днепровского лимана, казаки пересели на челны и чайки (два типа судов? — В.К.), перегрузили добычу, а суда сожгли». Вряд ли можно предположить двукратную полную перегрузку добычи — сначала с чаек на галеры, а затем обратно. Скорее всего, определенное число казаков было выделено для управления талерами, а перед их сожжением ценные и необходимые предметы сняты на чайки. М.С. Грушевский полагает, что приведенные под Очаков галеры казаки сожгли на глазах тамошнего турецкого гарнизона «в насмешку». Подобная цель доставления трофейных кораблей к лиману соответствовала бы характеру запорожцев.

Впрочем, и сражение у Днепровского лимана могло бы иметь место, но только если именно к этому походу отнести французское сообщение из Стамбула 1620 г. о недатированном захвате казаками пяти галер «в устье Борисфена» (Днепра). В таком случае можно было бы допустить прямое преследование казачьей флотилии от дунайского гирла до лимана с соответствующими боевыми столкновениями, но это, очевидно, слишком вольное допущение, явно расходящееся со сведениями С. Жолковского. Конец операции оказался для запорожцев таким же успешным, как и ее начало. Мы не можем согласиться с утверждениями Н. Вахнянина, что в сражении у Дуная вся турецкая эскадра была уничтожена, и Д.И. Эварницкого, что турки потеряли в бою все свои суда, но и заявление османского везира о победе турок в этом сражении — несомненная «восточная» выдумка. Слишком очевидны были разгром османской эскадры и потеря ее кораблей, в том числе и флагманского: пленение адмирала не могло произойти без взятия на абордаж адмиральской галеры.

Не к этому ли сражению относится сообщение Джана Сагредо о том, что в 1615 г. казаки взяли и сожгли несколько турецких галер? Казаки, говорит данный автор, «совершили новое вторжение в страну турок, их флот (казачий. — В.К.) состоял из 1 трех тысяч человек, они ограбили несколько селений; нагруженные добычей, они напали на эскадру галер, охранявших побережье, захватили две и сожгли четыре, что вызвало огромный позор, урон и ужас у неверных

(турок. — В.К.)». Приведенная информация в целом как будто бы подходит к босфорскому походу 1615 г., за исключением, может быть, числа участников, которое предполагает не слишком большие экипажи чаек — из 37—38 человек, но и такие экипажи были вполне возможны. Упомянем еще, что, по И.-И. Мёллеру, всего в 1615 г. запорожцы сожгли на Черном море 24 турецкие триремы [19].

Польские «паргамины» 1619 г. свидетельствуют, что паша, «побежденный со своим флотом» и плененный, был «с триумфом показывай на Сечи». Кто командовал османской эскадрой, неизвестно. Встречающееся же в литературе утверждение, что это был сам капудан-паша, который и попал в руки казаков, а затем у них в плену умер, неверно. В 1613—1616 гг. главнокомандующим имперским флотом являлся Эрмени Халил-паша, занимавший этот пост еще дважды, в 1620—1621 и 1622—1626 гг., бывший в 1617—1619 и 1627—1628 гг. великим везиром и умерший в 1629 г.[20]

Блестящий успех казаков в морском сражении подчеркивается и их дальнейшими действиями: большими силами они напали на окрестности Очакова, увели стада скота и приступали к городскому замку, после чего благополучно вернулись домой.

Неслыханную смелость запорожцев, «попутавших мусульман близ самого главного гнезда их», отмечают многие историки. Экспедиция 1615 г., повыражению Л. Подхородецкого, граничила «попросту с дерзостью», но, «что самое удивительное», казакам удалось одержать победу над мощным османским флотом. Хотя этот поход был, «как в пословице, вкладыванием головы в пасть льва»[21], замечает З. Вуйцик, счастье оказалось на стороне храбрых, и они «не только засветили заревом пожаришц в очи самому султану», но и нанесли поражение его флоту, и в целом экспедиция к Стамбулу оказалась «деянием поистине необыкновенным»: «Со времени, когда турки стали господами этого города, т.е. уже полтора века (если точно, то 162 года. — В.К.), никакой враг не появлялся под стенами султанской столицы...»

В самом деле, набег 1615 г. — первая экспедиция казаков на Босфор, твердо и точно устанавливаемая по источникам[22], и отсюда вытекает ее принципиальное значение. Проведав дорогу в центр Османской империи, к окрестностям ее столицы и поняв всю важность сделанного «открытия», казаки, без сомнения, не должны были ограничиться единичным набегом. К тому же не увенчалась успехом и попытка Турции наказать запорожцев за вторжение на Босфор.

По мнению М.С. Грушевского, в отместку именно за рассматриваемый босфорский поход султан в 1616 г. послал против сечевиков эскадру под командованием адмиралаАли-паши. Однако эта «посылка», пишет историк, «кончилась совсем плачевно. Али-паша отправился к Днепровскому лиману, но козаки не испугались, вышли навстречу и, ударив на турецкий флот, уничтожили его без остатка. Взяли около двадцати галер и до сотни мелких судов. Самому Али-паше едва удалось спастись бегством. Затем козаки направились к крымскому побережью, опустошили его, взяли и сожгли Кафу, захватив и выпустив на свободу массу пленных. Это было громкое дело, прославленное в посмертном панегирике Петру Сагайдачному... В Константинополе поднялся страшный переполох. Пособирали находившихся в плену Козаков, призвали их на военный совет и допрашивал и, каким путем можно было бы на будущее предотвратить повторение подобных случаев и выгнать Козаков из их поселений».

Совещания по борьбе с казачеством собирались еще не раз, Ю казачьи набеги продолжались с нараставшей силой, в том Пеле в сторону Босфора. У В.А. Голобуцкого встречается утврждение, что в 1615 г. состоялся еще один поход казаков к сманской столице, а Г.А. Василенко также пишет, что осенью эго года запорожцы снова появились близ Стамбула. Источниками подобные заявления не подтверждаются, зато известно, что на сейме 1618 г. С. Жолкевский, ссылаясь на рассказ очевидца, польского шляхтича Квилиньского, поведал о следующем реальном казачьем походе.

По словам канцлера, в 1616 г. 2 тыс. запорожцев пошли на Самсун, но ветер отнес их к неким Минерам[23], откуда они «шли берегом до самого Трапезонта». Здесь к участникам экспедиции и бежал Квилиньский, находившийся в Трабзоне в заключении. Казаки взяли несколько судов и, узнав, что Ибрахим-паша преградил им путь, ударили под Босфором и через Азовское море вошли в Дон, откуда «пошли пешком домой».

Такова краткая информация источника о набеге 1616 г. М.С. Грушевский относит этот поход косени, а Д.И. Эварницкий датирует его началом года (хотя зимой поход был невозможен), связывает набеге известным нападением на Кафу, после которого казачья флотилия и направилась к Малой Азии, а также с непосредственным командованием П. Сагайдачного[24]. У Ю. Третяка

связь между разгромом Кафы и походом к Анатолии подана осторожнее: казаки разграбили и сожгли Кафу «и еще в том же году собрались на азиатский берег Турции».

По русским источникам, нападение на Трабзон было предпринято летом и до взятия казаками Кафы, хотя В.Д. Сухорукое, работавший с этими источниками, говорит об осени. Согласно данным из Азова, весной 1616 г. в устье Миуса сосредоточилась казачья флотилия, состоявшая из 40 запорожских чаек и 17, а затем 25 донских стругов, которая и вышла в Азовское море и далее пошла в Черное. При этом движении[25] в Керченском проливе, между Керчью и Таманью, произошло знаменательное сражение с участием паши Измита[26] — города, который будет нас интересовать в связи с казачьими действиями за Босфором. Русский пленник-ряшенин, «холоп» назначенного правителем Азова Мустафа-паши Семен Иванов рассказал 25 июля указанного года российским послам, направлявшимся в Стамбул, Петру Мансурову и Семейке Самсонову, подробности этого сражения. Мустафа-паша имел поручение «под Азовом пересыпать Мертвый Донец», чтобы закрыть один из путей выхода донцов в море. Азовский «воевода», кафинский Мехмед-паша и «измецкий паша», не названный пленником по имени, отправились к донскому устью с «ратными людьми на 10 катаргах, а на катаргах по 100 человек, опричь гребцов», т.е. всего 1 тыс. воинов. В то же время пришло известие, что донские казаки в 25 стругах погромили торговых людей на устье Миуса, взяли два корабля с дорогими товарами и «идут на тех кораблях и на малых стругах» к Кафе. Три паши со своей эскадрой двинулись «на черкас и казаков».

Близ Керчи («ниже Керчи и Тамани») паши увидели на двух кораблях «донских казаков с 500 человек», «пошли на казаков скорым делом, а стрелять не велели, чтобы корабля не потопить и для того, чтобы казаков поймать живыми». Когда галеры приблизились, казаки неожиданно ударили по ним «изо всего наряду» — пушек и ружей. Сражение закончилось совершенным разгромом турецкой эскадры, а именно «пашей кафинского и азовского убили, а измецкого взяли живого, и взяли 4 катарги, а ратных людей на них побили, и на 6 катаргах многих ратных людей перестреляли, а иных побили, а остальные отошли прочь».

Н.А. Мининков, отмечая проявленное в бою мужество и воинское мастерство казаков, а также гибельную самонадеянность пашей, и рассуждая о численности казаков (500 человек на двух судах), считает, что на двух стругах не могло разместиться столько людей, а галеры они едва ли использовали, и потому предполагает, что полную победу над 1 тыс. турок на 10 галерах одержали менее 200 казаков. И.Ф. Быкадоровже пишет: «Вероятно, донские казаки вооружили купеческий корабль пушками, снятыми со стругов, что оказалось полной неожиданностью для турок». Однако источник прямо говорит о действиях казаков на захваченных кораблях, которые, вероятно, имели и некоторое количество собственных орудий.

По И.Ф. Быкадорову, захваченный в бою «измецкий» паша потом был у казаков «на окупу» за 30 300 или 30 400 червонцев (золотых). Источник же сообщает, что 30 400 золотых донцы требовали за пашу, плененного в следующем, 1617 г. при разбитии османской эскадры из 7 галер[27].

Оказавшись в Черном море, донцы и запорожцы направились к Анатолии. 10 июля, будучи еще в Кафе, П. Мансуров и С. Самсонов узнали о том, что казаки взяли Трабзон и Синоп и захватили большой полон.

М.С. Грушевский, приводящий дополнительные материалы, рассказывает о том, что произошло после взятия и разграбления казаками Трабзона: «Здесь ударил на них турецкий флот, состоявший из 6 больших галер и множества меньших судов, под начальством генуэзского адмирала Цикали-паши, но коза-ки разбили его и потопили три галеры. После этой победы они узнали, что султан выслал под Очаков другую флотилию под начальством Ибрагим-паши, чтоб преградить им возвратный путь. Тогда они обратились к Босфору, произвели здесь жестокие опустошения, а потом, минуя Очаков, прошли в Азовское море и оттуда — должно быть, через реки Молочную и Конку — переправили свои чайки в Днепр и таким образом вернулись на Украину».

Историк допускает ошибку в отношении «генуэзского адмирала» (конечно, адмирала турецкого флота, но генуэзца по происхождению), командовавшего эскадрой при Трабзоне, и эту ошибку повторяют некоторые другие авторы. Согласно И. фон Хаммеру, знаменитый Джигале-оглу (Джигале-заде) Синан-паша (Цикаде), капудан-паша в конце XVI — начале XVII в., умер еще в 1604 г. Примерно в одно время с ним действовал, по-видимому, его брат Джигале-заде Юсуф-паша. Эскадру же у Трабзона возглавлял сын Цикале Мехмед-паша.

Очевидцем отправления этого военачальника в 1616 г. против казаков был П. делла Балле, который называет османского флотоводца генералом Махуд-пашой, сыном Цикале и кузеном султана. Мехмед-паша, по П. делла Балле, «повел туда, кроме большого числа небольших судов, десять галер из числа самых больших и лучших, что были в Константинополе. Несмотря на все это, его судьба не стала счастливее других. Напротив, он испытал самые большие невзгоды, так как казаки, обратив его войско в бегство, захватили две большие галеры среди многих других, пустились за ним в погоню, побив его и оконфузив»[28].

Никаких подробностей о действиях казаков на Босфоре в 1616 г. не имеется. В.А. Голобуцкий утверждает, что они снова напали на предместья Стамбула, но, явно говоря о рассматриваемом набеге, ошибочно относит его к 1615 г. (когда якобы состоялись два казачьих похода к османской столице). Неясно, почему М.С. Грушевский вопреки прямому указанию С. Жолковского о сухопутном возвращении запорожцев с Дона домой отправляет их туда на чайках, которые вполне могли остаться зимовать у донских казаков, причем выбирает сложный путь[29].

Ю.П. Тушин пишет, что казаки последовательно овладели Кафой, Синопом и Трабзоном, где сожгли 26 турецких судов, и что о взятии Синопа в 1616 г. будто бы свидетельствует Эвлия Челеби, сообщающий и о казни великого везира за попытку скрыть от султана захват города. На самом деле речь идет об известном набеге 1614 г. и о казни Насух-паши, о чем уже рассказывалось. Ю.П.Тушин, кроме того, противореча сообщению С. Жолкевского, направляет казаков сначала к Синопу, потом к Трабзону, затем снова к Синопу и уже далее к Босфору. Идя от Трабзона к проливу, они должны были миновать Синоп, однако об их движении мимо этого порта к Самсуну канцлер ничего не говорит, хотя такой путь был вполне возможен, как и другой — от Крыма к Синопу и далее на юго-восток[30].

Ошибочное мнение о том, что Эвлия Челеби говорит о взятии Синопа именно в 1616 г., пошло в послереволюционной литературе от Н.А. Смирнова. По его словам, Эвлия «сообщает, что казаки в 1616 г. подожгли г. Ак-Чешар, неудачно пытались овладеть г. Амассией, а в темную ночь взяли г. Синоп». Н.А. Смирнова повторяют Н.А. Мининков, а еще раньше, ктому же неудачно конструируя фразу, Б.В. Лунин: «Крупный морской поход донских казаков был осуществлен в 1616— 1617 гг. (один поход? — В.К.), когда они подожгли город Ак-Чешар и совершили набег на большие портовые города Черного моря — Самсун, Трапезунд, Синоп, причем особенно сильно пострадал Синоп».

Н.А. Смирнов неточно трактовал пересказ английского перевода Эвлии Челеби, сделанный Ф.К. Вруном: «Сказав, между прочим... что они (казаки. — В.К.) при Ахмеде I предали пламени город Акчешар и пытались, хотя тщетно, овладеть Амастрисом, Эвлия передает известие... что они в 1616 году взяли Синоп в одну темную ночь...» Нам не удалось обнаружить указание на упомянутый год в английском переводе, а фактология взятия Синопа у Эвлии явно относится к известному разгрому города в 1614г. Амастрис Ф.К. Бруна — это, конечно, черноморская Амасра, а вовсе не Амасья, хотя и более известная, нерасположенная довольно далеко от моря. Об Акчашаре же, который входит в черноморский Прибосфорский район и в котором Эвлия побывал в 1640 г., у путешественника есть следующая запись: «Это был некогда прекрасный город, но сожжен проклятыми казаками в правление Ахмеда I». Ахмед I правил в 1603—1617 гг., и, видимо, нападение на Акчашар можно датировать 1615—1617 гг., но не обязательно (хотя и возможно) 1616-м.

Сказанное вовсе не означает отрицания казачьего набега на Синоп в 1616 г. О тогдашнем взятии города, как уже отмечалось, сообщали по кафинским сведениям П. Мансуров и С. Самсонов. В 1617 г. везир Ахмед-паша выговаривал послам, что «ныне д[онские] казаки на Черном море государя нашего взяли двагороды Синап да Требозан (Синоп иТрабзон. — В.К.) и горо-ды выжгли, и людей многих побили, и иные поморские горо-ды и волости повоевали и запустошили; и вы приходите к вел[икому] государю нашему с оманою (обманом. — В.К.) а не с прямою правдою, и ныне мне, про то казачье воровство слыша, велик[ому] государю своему и сказати неведомо как». Прибывший от послов гонец извещал Посольский приказ, что дипломаты были «засажены в Цареграде многое время» зато, что донцы в 1616—1617 гг. повоевал и Самсун, Трабзон, Синоп немногие волости» и захватили на море много судов.

М.С. Грушевский, характеризуя поход 1616 г. в общем как «сказочную козацкую авантюру», полагает, что он «удался еще эффектнее предшествующего, хотя участников в нем было не более 2000». Что же касается обманутого Ибрахим-паши, то он, не дождавшись возвращения казаков и «желая выйти из такого глупого положения, прошел Днепром до Сечи. Застал ее почти пустою. Была уже поздняя осень, козаки, не ушедшие в море, вышли "на волость". Оставался только

незначительный гарнизон, несколько сотен Козаков; они отступили перед турецким войском, и паша мог отпраздновать свой триумф в пустом гнезде ненавистного врага. Захватив несколько маленьких козацких пушек и около двух десятков лодок, он с этими трофеями своего фиктивного триумфа направился в Константинополь — утешить султана этою мифическою победою в перенесенных унижениях». С. Жолкевский говорит, что турецкий адмирал «снес им (запорожцам. — В.К.) домишки... взял пару пушек и несколько лодок»[31].

При рассмотрении казачьего похода 1616 г. нельзя не сказать о существующем разногласии историков относительно Босфора как объекта нападения. В отличие от М.С. Грушевского и других авторов, уверенных в том, что запорожцы в 1616 г. доходили до пролива, есть и историки, которые полагают, что казаки на этот раз к Босфору не приближались[32].

Это разногласие появилось в связи с ранней публикацией отчета С. Жолковского, где текст, относящийся к походу, был передан следующим образом: казаки, узнав, что Ибрахим-паша заступил дорогу, «обратились под Biforum in Paludem Meotidem (Бифорум на Азовском море. — В. К.), пока не вошли в Дон»[33]. В последующей публикации С. Жолкевского издатель Август Белёвский прямо в тексте исправил Бифорум на Босфор и тем самым аннулировал предыдущий вариант.

Никакой Бифорум на Азовском море или рядом с ним неизвестен[34], и, вероятно, читать здесь в самом деле следует Босфорум, Босфор. Вместе с тем несколько смущает скороговорка в канцлерском изложении событий и прямое соседство в тексте Босфора и Азовского моря: сразу за упоминанием удара под Босфор, без каких-либо подробностей, следует упоминание Меотиды, а Босфором в конце концов мог быть назван и Керченский пролив — Боспор Киммерийский. Кроме того, закрыть запорожцам путь домой турецкий адмирал мог только у Днепровского лимана, и именно в таких случаях казаки возвращались через Азовское море. Однако текст, посвященный экспедиции, весь вообще краткий, и в нем говорится просто о преграждении пути, а не пути домой, и где Ибрахим-паша пытался заступить сечевикам дорогу, мы не знаем. Если бы упомянутое выше сожжение Акчашара можно было датировать 1616 г., то это свидетельствовало бы о том, что казаки тогда по крайней мере были недалеко от Босфора, однако оснований для такой точной датировки пока нет.

Мы видели, что документы говорят об участии в рассматриваемой экспедиции донских казаков. Можно еще добавить, что в царской памяти от 10 марта 1618г. Юрию Богданову, русскому представителю, посланному на Дон склонить казаков к отправке своих сил против Польши, говорилось, что вместе «с черкасы запорозкими» под Трабзоном были и донцы. Правда, В.А. Брехуненко сомневается в донском участии на том основании, что будто бы неизвестен источник памяти, а С. Жолкевский не упоминает донских казаков. По мнению историка, именно возвращение запорожцев в Сечь через Дон, «очевидно, склонило Москву полагать об участии донцов в походе». Думаем, что приведенного основания совершенно недостаточно для отрицания донского участия. И дело здесь не в том, что донцы постоянно присутствовали в Сечи, не обязательно в виде специально пришедшего отряда, и должны были участвовать в запорожских экспедициях. О нападениях донских казаков осен!1ю 1616 г. на многие черноморские селения, приступе к Трабзону, истреблении его посада и благополучном возвращении с добычей на Дон говорят уже приведенные материалы и расспросные речи в Москве донского атамана Андрея Репчукова.

Полагаем, что участие донцов в походе на Анатолию 1616 г. не подлежит сомнению, если, конечно, не считать, что запорожские и донские казаки нападали на Трабзон дважды по отдельности на протяжении одной кампании. И если в этой экспедиции казаки действительно доходили до Босфора, то это первый известный случай, когда, согласно источникам, можно не только вполне основательно предполагать, но и прямо говорить о действиях в названном районе не одних запорожцев, но и донцов. Как увидим, в следующем совместном походе представителей двух казачьих сообществ к Босфору, состоявшемся в 1618 г., ведущую роль будут играть донцы. Логика же заставляет думать, что в первой совместной экспедиции в упомянутый район такая роль должна была принадлежать запорожцам — инициаторам и зачинателям Босфорской войны, как это было в 1616 г.

Поход 1615 г. или набег 1616 г., или оба вместе, а может быть, и еще какие-то походы имеются в виду в «паргаминах» 1619 г., где сказано: «Со многими судами (казаки. — В.К.) на Черное море вышли, приводя в ужас турок, татар, Тегин, Козлов (Гёзлев. — В.К.), Очаков, Белгород (Аккерман. — В.К.), Феодосию, Трапезунд, Синоп, некогда столицу королей Понта, много других магометанских в Европе и Азии замков и городов взяли, ограбили, разрушили...

Придвинувшись, наконец, вплоть до предместья Царь-града, султана, Сераль, столицу целую преисполнили тревогой».

Действиями казаков на Босфоре возмущался главнокомандующий турецкими войсками, стоявшими против Польши, Скиндер-паша, который вел переговоры с польским послом Петром Озгой 6 сентября 1617 г. Согласно посольской реляции, паша был «очень красноречив» и долго выговаривал, что казаки «жгут, разоряют землю цесарскую (султанскую. — В.К.) и так близко от Константинополя, что из окна цесаря видны дымы». Скиндер-паша заявлял, что это «очень обидно» и что падишах никому не прощал так много, как королю.

Посол отвечал, что «казаки от веку с Днепра на Черном море буянят. Делали это во времена греков, во времена римлян, делали и во времена предков турецкого цесаря...» Но, утверждал дипломат, последние не считали казачьи наезды нарушением заключенных пактов, поскольку знали, как трудно польским королям сдерживать казаков.

Процитированные выражения Скиндер-паши не только не производят впечатление однократности действий казаков вблизи Стамбула, но, безусловно, свидетельствуют о том, что до сентября 1617г. поход на Босфор был явно не один, и это косвенно подтверждает сообщение об ударе 1616 г.

О набегах казаков следующих, 1617 и 1618 гг., М.С. Грушевский говорит так: «Кажется, еще осенью 1617г. имел место какой-то козацкий поход на море: козаки причинили туркам много убытков и разбили турецкий флот, причем погиб и сам адмирал, какой-то большой паша, родственник султана»[35]. Историк ссылается на С. Жолкевского, который сообщает, что дело было после заключения польско-турецкого соглашения под Подби-лым (Бушей-Яругой) 13 сентября 1617 г., когда Речь Посполи-тая обязалась утихомирить казаков и не выпускать их в море. А от весны 1618 г. «имеем известие о крупной экспедиции донских Козаков; враги Польши говорили, что эту экспедицию подстроила Польша, и в ней принимали участие козаки из Польши — последнее вполне вероятно».

Д.И. Эварницкий полагает, что первый из этих походов быгл направлен на Босфор. Не указывая даты (из контекста, однако, следует 1617 г.) и не ссылаясь на источник, историк замечает, что запорожцы, «выплыв в море, добрались до самого Константинополя и «тут замигали своими походными огнями в окна самого султана». Увидя это, султан дошел до самых крайних пределов гнева против Козаков...» То же со ссылкой на Д.И. Эвар-ницкого повторяет Ю.П. Тушин, добавляя от себя, что при этом у Стамбула будто бы состоялось сражение с турецкой эскадрой. Поход же 1618 г. в самом деле имел направление к Босфору. Ю. Третяк, основываясь на письме польского посла Хоронима Отвиновского из Стамбула от 2 июня (23 мая) этого года, указывает, что весной казаки снова пустились к южному побережью Черного моря и сожгли Мидлию, лежавшую «на полпути от Константинополя». По всей вероятности, речь идет о Мидье, расположенном на турецком европейском берегу, который прилегает к устью Босфора. С учетом приведенных сведений М.С. Грушевского надо полагать, что это был совместный поход донских и запорожских казаков с ведущей ролью донцов.

Сделаем выводы:

1. Казаки, как и другие мореплаватели, учитывали черноморские течения, но использовали наиболее целесообразные пути достижения цели, в случае необходимости пренебрегая выгодами попутных течений и основываясь на быстроходности своих судов.

2. Украинские казацкие летописи утверждают, что еще в 1570-х гг. состоялся поход запорожцев вокруг Черного моря с действиями на Босфоре. Однако время и масштабность экспедиции, отсутствие упоминаний о ней в документальных источниках и другие обстоятельства заставляют с недоверием отнестись к ее реальности.

3. В 1614г. запорожцы, игравшие главную роль в казачьих морских походах, пересекли Черное море и взяли штурмом Си-ноп, тем самым нанеся сильный удар по Турции, «проведав дорогу» через море и положив начало военным действиям на побережье Анатолии.

4. Разгром Синопабыл неким преддверием Босфорской войны, но к Прибосфорскому району казаки приблизились несколько раньше, расширяя свои набеги вдоль побережья Румелии. Первое известное нападение на этот район относится к 1613 г., когда запорожцы дошли до Ахтеболы.

5. В 1615 г. состоялся первый известный поход непосредственно на Босфор. Казаки сожгли два порта в проливе, вызвав смятение в Стамбуле, а на обратном пути разгромили преследовавшую их турецкую эскадру.

6. Проложив путь в центр Османской империи, к окрестностям ее столицы, и поняв всю важность таких операций, казаки стали развивать успех. В 1616 г., очевидно, был нанесен удар под Босфором. В набеге на Анатолию в этом году участвовали дон -ские казаки, и, похоже, это первый известный случай их действий в районе Босфора.

7. В 1618г. казаки сожгли Мидлию — по всей вероятности, Мидье в европейской части Прибосфорского района. По-видимому, в походе принимали участие донцы и запорожцы, а главная роль на этот раз принадлежала донским казакам.

8. Казачьи набеги 1610-х гг. к Босфору и на Босфор означали, что началась Босфорская война.

Примечания

' Здесь и далее расстояния даются по: 83; 173; 99; 100 и атласам. См. также: 54.

[2] В.А. Голобуцкий полагает, что от днепровского устья до побережья Анатолии около 600 км.

[3] Владислав А. Сэрчик, исходя из того же бопланов ского времени и, видимо, полагаясь на расстояние, указываемое В.А. Голобуцким, определяет скорость чаек около 15—16 км в час, или 8,1—8,6 узла.

[4] Казачьи суда по быстроходности могут быть соотнесены с норманнскими дракарами XI в. и даже поставлены выше их: полагают, что скорость дракаров доходила до 10 узлов. Расчет скорости галеры, основанный на числе ударов весел (до 22, в исключительных случаях до 26 в минугу), дает до 8 узлов, но, как считают специалисты, такая скорость была возможна только на коротких расстояниях (в ходе сражения). Крейсерская же скорость галеры при спокойном море определяется в 4,5 узла в первый час хода и в 2,0—1,5 ума в последующем. Казачьи суда ходили быстрее и тогдашних парусников даже под полным ветром. В 1711 г. судно, на котором находился И. Лукьянов, при сильном попутном ветре преодолело путь от устья Дуная до Босфора за «полторы дни да ночь».

Как говорит С.Н. Филиппов, в первой четверти XX в. паровое судно затрачивало на переход от Одессы до Стамбула обычно 36 часов, но судно автора, пользуясь попутным ветром, пришло в турецкую столицу раньше срока, так что мы имеем примерное соответствие скорости тогдашних пароходов и казачьих судов XVII в. Н.Н. Рейхельт в 1892 г. замечает, что от Одессы до Стамбула 352 мили и что пароход проходит это расстояние в 38—39 часов, — следовательно, скорость судна определяется в 9—9,3 узла. Ср., однако, со сведениями Томилова: от Севастополя до Инеболу 270 верст, или около 20 часов пароходного хода, т.е. скорость парохода принимается за 7,8узла. Современные транспортные суда делают в среднем 14—^узлов.

[5] Для сравнения вообще продолжительности тогдашних рейсов по Черному морю укажем, что, как полагает М.В. Фехнер, русские купцы XVI в. от Азова до Кафы добирались за 6—10 дней, от Кафы через Синоп до Стамбула за 10—14 дней. Посол Илья Милославский в 1643 г. шел от Азова до Кафы 5 дней, от нее до Балаклавы — 3 дня и от последней к устью Босфора— 4дня. В XVI—XVII вв. турецкие суда из Стамбула приходили в порты Северного Причерноморья обычно за 2—5 суток. Русские послы тратили на дорогу из Стамбула в Кафу обыкновенно 7 дней, из Кафы в Керчь — один — полтора дня, из Керчи в Азов — около Юдней, но из-за штормов и противных ветров случались большие задержки: А. Нестеров в 1667 г. добирался из Азова в Стамбул 9 дней, а обратно 6 недель, в том числе от Амасры до Кафы шел 12 дней и от Кафы до Азова 6 дней; И. Милославский затратил на дорогу из Стамбула на Дон 10 недель. Согласно П. делла Балле, для рейса из Восточного Причерноморья в Северо-Западное требовалось 10-20 дней.

[6] Возможность похода к Стамбулу в 70-х гг. XVI в. допускал и Т.Г. Шевченко. Герой его стихотворения «Иван Подкова», реальный казачий атаман, сумевший в 1577 г. захватить престол господаря Молдавии, но в следующем году казненный, призывает запорожцев идти «в Царьград... в гости / К самому султану» и получает согласие товарищей. О ходе набега поэт не рассказывает.

[7] Главный источник главы — труд Сеннинского (Сарницкого) «Описание старой и новой Польши» 1585 г., дополненный последующей информацией Орышовского.

[8] Автор, правда, ошибочно относит событие к 1616 г.

[9] М.С. Грушевский датирует начало похода концом июля старого стиля.

[10] По А.Д. Желтякову, казнь произошла 16 октября.

[11] В этом уверен Б.В. Лунин, а Ю.П. Тушин даже говорит об участвовавших в синопском походе «2 тыс. запорожских и донских казаков», хотя доля донцов при этом вряд ли была слишком большой.

[12] Непонятно, откуда у И.И. Яковлева взялись 70 судов, участвовавших в походе.

[13] Н.И. Костомаров, а вслед за ним А. Кузьмин и Д.И. Эварницкий почему-то называют Архиоку в именительном падеже Архиоки, а Е.М. Апанович даже Архиолоки. Водной из работ М.А. Алекберли фигурируют «порты Мизевни и Архиоки. Мизевна у Н. Вахнянина — Мисовия.

[14] См. то же у З. Вуйцика. По Альберту Ситону, казаки в 1615 г. атаковали «материк Турции» в Трабзоне, Синопе и Константинополе. В одной из работ Д.И. Эварницкого П. Сагайдачный «подходил к самому Константинополю и сжег возле него две пристани». У И.С. Стороженко казачий флот «подошел к Босфору и атаковал Константинополь. Запылали предместья и портовые сооружения»,

[15] По Ю.П. Тушину, султан «охотился поблизости от столицы и сам видел дым и огонь горящего города».

[16] Топоним Мизевна формально похож на название порта Месемврии, и авторы французской истории мореходства утверждают, что при Мураде IV казаки, «даже подошел к самому Царюграду, разграбили и сожгли город Мезембрию, отстоящую на три мили от столицы». Однако здесь содержится грубая ошибка: Месемврия располагалась далеко от Стамбула и более чем в 100 милях от устья Босфора по прямой.

[17] Вообще же говоря, «султанам всех султанов» были не чужды и обычные человеческие свойства, в том числе страх. В 1699 г., после того как капитан первого русского корабля, привезшего в Стамбул посла Е. Украинцева, голландец Питер Памбург «пил целый день... с французами и голландцами и подпил изрядно... и стрелял с корабля в полночь изо всех пушек и не по одиножды», наутро к послу прибыл секретарь «визиря тайных государственных дел» «с великими пенями и выговором, что сулганово... величество (Мустафа II. — *В.К.)* ночесь

испужался и из покоев своих выбежал... и некоторые жены... беременные от того страху и пушечной пальбы младенцев повывергли».

[18] За В.А. Голобуиким то же повторяют и другие авторы.

[19] Этот тип судов нам уже встречался. Поясним здесь, что триремы, или триеры, — это галеры с тремя рядами весел.

[20] М.А. Алекберли в свое время писал, что плененный адмирал умер от раны, полученной в ногу, но затем снял это утверждение, возникшее из-за неверного прочтения польского текста: w nogi — бежать

[21] Насколько известно, впервые казачьи действия сравнил с «залеза-нием» в пасть льва польский геральдик XVI в. Бартош Папроцкий. В стихотворном обращении «К полякам», адресованном шляхте и напечатанном в Кракове в 1575г., он писал: «Не думайте, что я льщу русским (украинцам. — *В.К.); я* недавно еще живу между ними и не с ними воспитывался; но я тотчас оценил их славные дела, которые заслуживают вечной памяти в потомстве. Не один раз в году эти достойные люди преследуют татар и подвергаются опасностям войны. Как мужественные львы охраняют они все християнство: почти каждый из них может назваться Гектором. Не имея от вас никакой помощи, они доставляют вам такое спокойствие, как откармливаемым волам... Не носят они пестрых одежд; они покрыты славою, которая дороже ваших нарядов. Слава этого народа распространена всюду и останется за ними во веки вечные, хотя бы Польша и погибла. Что делал Геркулес, который побивал гидр и не щадил земных богов, то на Руси сумеет сделать каждый. Сампсон разодрал челюсть льву; подобные подвиги в наше время русаку заобычай. Могущественный турок разинул на нас пасть, и храбрые русаки не раз совали в нее руку. Устремился бы он с многочисленным войском в Польшу, но останавливает его русская сила... Будьте же довольны славою, которую они (вам. — *В.К.)* добывают, хотя и нет вас между ними в походах; не посягайте на русские имущества, если всякий раз, когда надобно сражаться, вы сидите где-то в лесу».

Наш подстрочный перевод фразы о пасти льва: «Разинул могущественный турчин на нас свою пасть, / Не раз благородные русаки всовывали ему в нее руку».

[22] Многие авторы, однако, опасаются прямо называть ее первым походом на Босфор из-за неизученности Босфорской войны и еще, может быть, из-за неопределенности «черноморской кругосветки» 1570-х гг. Д. Дорошенко и И. Рыпка утверждают, что перед набегом 1615г., упоминаемым ими по С. Жолкевскому и М.С. Грушевскому, было еше казачье нападение на окрестности Стамбула в 1613 г., но не приводят ни источник этого известия, ни какие-либо подробности. И.П. Крипьякевич говорит, что набеги казаков на Трабзон, Синоп и Стамбул начались с началом XVII в., вероятно, имея в виду 1610-е гг.

[23] У П.А. Кулиша и Д. И. Эварницкого фигурирует Минера, у ряда авторов — Минер.

[24] Этого же гетмана называют руководителем похода и в других работах. См., напр.: 316 (здесь приводится подтверждение взятия Трабзона из армянской хроники).

[25] Н.А. Мининков считает, что на обратном пути от Анатолии.

[26] По Н.А. Мининкову, Измира на Эгейском море.

[27] В этом сражении один паша был убит, а второй попал в руки казаков. В сентябре 1617г. прибывший в Москву из Казыева улуса толмач Гаврила Есипов рассказывал, что знатный турецкий паша «сидит на Дону у казаков скован и ждет по себе окупу, а для окупу послали казаки в Царьгород того ж паши двух человек, а окупу за него да за двух его человек сговорили взяти 30 400 золотых; и паша... о том от себя к жене своей и ко племени с людми своими писал, а велел окуп привести в Азов к осени».

В литературе вообще существует путаница со сражениями 1616 и 1617 гг. И.Ф. Быкадоров и В.А. Брехуненко датируют разгром 10 галер у Керчи 1617 г. (вначале у первого автора фигурировал 1615 г.), однако С. Иванов говорил с послами «в 124-м [году] июля в 25 день», т.е. в 1616 г. В.А. Бреху-ненко под 1617г. упоминает и взятие Минер: в апреле этого года на Черном море соединились казаки на 150 запорожских чайках и 50 донских стругах, после чего взяли упомянутый город. Но Н.А. Мининков говорит, что 22 августа П. Мансуров и С. Самсонов узнали о нападении 150 чаек и 50 стругов на побережье Румелии и взятии Месеврии, а не Минер. Сюжет этот требует отдельной разработки, выходящей за рамки нашей темы.

[28] Любопытно, что М.А. Алекберли, цитируя по В.И. Ламанскому текст П. делла Балле с упоминанием сына Цикале и исправляя «ошибочное» Цикале на Соколлу (поскольку это-де был христианин Соколов), тем не менее утверждает, что в 1616г. турецким флотом командовал сам Цикале. Что касается Соколлу Мехмед-паши, великого везира второй половины XVI в., завоевателя Кипра, Туниса и Йемена и инициатора попытки проведения Волго-Донского канала в 1569г., то он происходил из известного сербского рода Соколовичей и был убит в 1579 г.

[29] М.С. Грушевского повторяет Ю.П. Тушин. Об использовании казаками речного пути из Азовского моря в Днепр вообще рассказывает Г. де Боплан, сообщающий о следующем маршруте: Азовское море — Миус (видимо, в действительности Кальмиус) — путь волоком — река Тачавода (Волчья) — река Самара — Днепр. По Н.П. Загоскину, кроме боплановского варианта могли использоваться маршруты: 1) Азовское море — Кальмиус — волок— река Водяная или Лозовая, или Осиноватая — Волчья — Самара — Днепр; 2) Азовское море — река Молочная — волок — река Конская (Конка) — река Кошугум — Днепр. Последний маршрут выходил на Днепр ниже порогов, что должно было быть удобно для запорожцев.

[30] У Ю.П. Тушина же читаем, что казачий отряд «захватил Трабзон, Синои и порт Минер, где сжег 26 турецких судов». У Н. Вахнянина, напротив, казаки берут в Трабзоне только два судна.

[31] Употребленное в тексте слово кПкапазЫе может означать несколько, более 10, от И до 19.

[32] Ю.П. Тушин приписывает Д.И. Эварницкому босфорский вариант. Ю. Третяк при рассказе о походе вовсе не упоминает Босфор.

[33] Ср. перевод П.А. Кулиша: «... повернули под Бифорум, в Ра1ис1ет Ме01Ыет и очутились на Дону».

[34] Слово «бифорум» может быть переведено с латыни как двустворчатое, сквозное, двуствольное, двойное.

[35] Согласно польскому источнику 1619 г., это был «сын паши Киликии».

Глава IV

УСИЛЕНИЕ БОСФОРСКОЙ ВОЙНЫ

1. Действия 1620—1621 гг.

В начале 1620 г. гетманом Войска Запорожского вместо П. Сагайдачного был избран Яков Бородавка, который приступил к подготовке массированных вторжений на турецкое побережье. В феврале уже сообщали о будто бы подготовленных к походу почти 300 чайках. С ранней весны начались интенсивные казачьи военно-морские действия, которым не смогли помешать османские попытки перекрыть выход из Днепра.

М.С. Грушевский полагает, что запорожская флотилия, ходившая в этом году к Босфору, отправилась в море в июле. По мнению Ю. Третяка, казаки появились недалеко от Стамбула в конце июля или начале августа нового стиля, т.е. между 10 и 31 июля старого стиля. Эти датировки подтверждаются одним из писем, адресованных Томашу Замойскому, от 14 (4) августа 1620 г., где говорится, что в конце июля (между 10 и 21 июля старого стиля) казаки под начальством Я. Бородавки двинулись в 100 челнах на турецкие владения, и цитируемой ниже дипломатической депешей[1].

О казачьем набеге или набегах 1620 г. сообщали в депеше и письме из Стамбула французский посол Ф. де Сези и анонимный сотрудник его посольства. «Казаки, — говорилось в донесении посла королю Людовику XIII от 9 августа (30 июля), — бывают каждый раз поблизости отсюда на Черном море, где они захватывают невероятную добычу несмотря на свои слабые силы и имеют такую славу, что нужны палочные удары, чтобы заставить турецких солдат выступить на войну против них на нескольких галерах, которые великий сеньор (великим сеньором, или синьором, в романоязычной Европе часто называли султана. — В. К.) посылает туда с большим трудом».

Письмо приближенного к послу лица, адресованное в 1620 г. в Париж Дени Ланглуа, сообщает, что «казаки на ста пятидесяти оружейных лодках опустошают все Черное море... захватив пять турецких галер в устье Борисфена, они взяли и сожгли Варну[2], где находилось не менее пятнадцати или шестнадцати тысяч человек, их коих лишь немногие спаслись и смогли рассказать о случившемся. То же самое они проделали в Касополи, расположенном очень близко от нас, и показались у колонны Помпея, которая находится в устье Фракийского Босфора, и это так поразило и испугало здешний двор, что и представить себе невозможно».

Рассматриваемые события упоминаются и в более поздних сведениях, датируемых, однако, первой половиной того же XVII в. В 1643 г. Иоганн Филипп Абелин, повествуя о событиях 1620 г., писал, что «польские казаки отправились в устье Черного моря и, дождавшись там турецкие суда, захватили несколько из них с пушками и боеприпасами, ограбили и сожгли город Мороку и рыскали на расстоянии всего 16 миль от Константинополя»[3].

Касополи французской депеши — это, несомненно, Сазополи, т.е. Сизеболы. Мороку, к сожалению, идентифицировать не удается. Что же касается 16 миль И.Ф. Абелина, то они могут указывать на акваторию перед входом в Босфор или даже на его черноморское начало: как отмечалос ь, в XVII в. нередко считали, что длина пролива составляет 18 итальянских миль, а турецкие географы определяют ее в 16,7 морской мили.

М.С. Грушевский понимает депешу посла как сообщение о казачьих действиях в окрестностях османской столицы. «Козаки, — пишет историк, — проникли в окрестности Стамбула и грабили их с неслыханною отвагою, а страх перед ними был настолько велик, что приходилось палками сгонять турецких матросов[4] на те несколько галер, которые снарядили, чтобы выслать против Козаков. Конечно, в таких условиях эта импровизированная эскадра не могла нисколько сдержать Козаков, и последние, разорив окрестности Царьграда, отправились в другие края. Взяли и сожгли до основания Варну... Бушевали свободно по всему побережью...»

Строго говоря, французские документы и немецкие сведения, как мы видели, не дают оснований говорить о действиях казаков в окрестностях Стамбула, если, конечно, не рассматривать в их качестве ту часть Босфора, которая прилегает к Черному морю (что в принципе возможно). Но в поздних материалах можно найти прямые сообщения о том, что казаки в 1620 г. подходили к самим стенам древнего Константинополя. Далее, излагая события 1621 г., мы скажем о таком сообщении П.И. Симоновского.

Кроме того, Н.С. Рашба и Л. Подхородецкий, уверенные в пребывании казаков в 1620 г. у самого Стамбула, указывают на судьбу посольства Х. Отвиновского. Польский посол прибыл в османскую столицу весной этого года с торжественным заверением, что запорожцы укрощены и

теперь никогда не последует их нападений, а Речь Посполитая строго соблюдает условия заключенного в 1619 г. польско-турецкого договора. Его основой было обеспечение безопасности османских владений от «разбойников» и недопущение ущерба подданным султана; во исполнение условий договора С. Жолкевский приказал запорожцам сжечь свои «челны». Однако посол был принят крайне холодно в связи с полным противоречием его деклараций действительности.

В мае великий везир Али-паша требовал через дипломата, чтобы Польша в течение четырех месяцев уничтожила казачество. Затем, как утверждает Н.С. Рашба, лично султан Осман II из своего дворца Топкапы увидел «огонь пылавших предместий Константинополя, которые грабили казаки». Л. Подхородецкий также замечает, что Х. Отвиновский как раз во время своих заявлений об укрощении казаков узнал, что они грабят окрестности Стамбула. У Маурыци Х. Дзедушицкого читаем: «Из Сераля, охваченного ужасом из-за их (казаков. — В.К.) приближения, убегает султан Ахмед I, а когда даже близкий его замок Кассим Ваши (морской арсенал Касымпашу. — В. К.) окурили, турки с огромным раздражением показали с одной высокой башни трактовавшему именно в то время о мире Отвиновскому зарево, поднимавшееся отовсюду над Босфором от казацкой руки». Опасаясь за свою личную безопасность, посол тайно покинул дом. где пребывал полуарестованным под турецкой охраной, и бежал из Стамбула, а затем и вообще из Турции. «Его (Х. Отвиновского. — В. К.), — говорится в "Каменецкой хронике", — встретили (в османской столице. — В.К.) весьма пренебрежительно: паши гнали его с глаз долой и не позволяли увидеться с султаном. Видя такое обхождение и необходимость бежать, он отправился по морю до самой Венеции и лишь через год после этого вернулся к королю».

Л. Подхородецкий считает, что в Босфор вошли 150 казачьих судов, но, похоже, эта цифра сильно преувеличена и совпадает с числом чаек, которые, согласно цитированному французскому источнику, вообще действовали в 1620 г. на море, или, как выражается Ю. Третяк, «сновали по Черному морю». Насколько известно, французы, находившиеся в Стамбуле, не говорят о действиях казаков в Б'осфоре, и вместе с тем создается впечатление, что запорожцы в 1620 г. все-таки входили в пролив.

Оно усиливается сообщениями, которые исходили из Ватикана и от английского посла в Стамбуле. В инструкции кардинала Л одовикоЛудовизио, племянника папы Григория XV, данной 30 (20) мая 1621 г. нунцию в Польше и со следующего года кардиналу Камило ди Торресу, отмечаются «постоянные набеги казаков на берега Черного моря, даже под самые стены Константинополя, куда спускаются [они] на небольших судах опустошать все огнем и мечом с такой быстротой, что турки ни настичь их, ни отрезать им путь к отходу не могут». Томас Роу же в донесении королю Якову I от 9 марта 1621 г. приводит слова османского везира, согласно которым казаки грабили «даже в порту Константинополя». Это нападение на Золотой Рог случилось до приезда Т. Роу в Стамбул, произошедшего в том же 1621 г. Упомянем и замечание современника событий Симеона Лехаци, который, характеризуя дела казаков перед указанным годом, утверждал, что «они постоянно вторгаются в Турцию и морем, и сушею, разоряют, разрушают, сжигают, как [поступили с] Кафой, Синопом, Понтом, Варной, Балчхом, иногда они достигают Енгикёйя (Еникёя. — В.К.) около Стамбула»[5].

Имея в виду известные нам казачьи набеги, эти сообщения о босфорских действиях можно отнести к 1620 г. (действия в стамбульском порту.и к 1615 г.?). Но, очевидно, некоторые походы к Босфору и на сам Босфор (вполне возможно, и под стены столицы) не отложились в разысканных источниках: контекст ряда современных известий, по-видимому, говорит о неоднократных к 1620 г. заходах казаков в пролив, а имеющиеся документы конкретно эту неоднократность не показывают. По этой же причине, к сожалению, нет возможности точно датировать первый проход казачьих судов через весь Босфор, до Золотого Рога и мыса Сарайбурну.

Согласно Н.П. Ковальскому и Ю.А. Мыцыку, босфорская экспедиция 1620 г. «явилась еще одним доказательством могущества морских сил казаков», и Осман II, приготовлявшийся к нападению на Польшу и весьма опасавшийся казачьих морских акций, стал усиленно готовиться к войне не только на суше, но и на море.

«Турецкий император, — писал И.Ф. Абелин, — был этим (приходом казаков к Босфору. — В.К.) сильно озлоблен, основательно приготовился к войне на воде и на суше, по этому случаю все морские разбойники и вассалы из Барбарии (североафриканские корсары. — В. К.)[6] также были призваны на помощь против казаков; последние же не дали себя запугать, но продолжали постоянно грабить и жечь в турецкой земле; захватили также город Хелул».

1621 г. был примечателен скоротечной, однако важной по своим последствиям турецко-польской войной, остановившей агрессию Турции в одном из направлений и усилившей ее внут-

ренний кризис. Казаки сыграли очень важную роль и в преддверии войны, и в самом ее ходе, что, в общем, предвидели в Стамбуле. Османская дипломатия и затем историография пытались представить вторжение турецких войск на территорию Речи Посполитой как ответную акцию на запорожские набеги. С подачи турок аналогичную позицию занимали и французские дипломаты. Л. де Курменен, например, утверждал, что поход Османа II был попыткой радикально покончить с казачьими набегами. На самом деле причины войны были многообразными, и «казачий вопрос» являлся лишь одной из проблем[7].

В связи с подготовкой вторжения в Польшу и вполне очевидными, ожидавшимися морскими контратаками казаков турецкую столицу с начала 1621 г. стали охватывать панические настроения, далее бурно развивавшиеся. Уже 2 января в Рим поступило сообщение из Стамбула, что казаки обладают достаточным числом судов для того, чтобы 2 тыс. человек достигли главного города Османской империи, а 3 марта из Венеции со ссылкой на стамбульские вести сообщалось, что будто бы свыше 1800 казаков уже находятся в устье Дуная и готовы идти на османскую столицу.

9 февраля Т. Роувдепеше государственному секретарю Джорджу Кэлверту и в посольских «известиях» доносил, что Осман II желал лично возглавить поход на восставшего эмира Сайды в тогдашней Сирии (ныне Ливане), «но, учитывая неопределенность польских дел и что пришлось бы оставить на казаков свой имперский город, и по другим имевшимся здесь соображениям он изменил свое намерение и приказал [идти] сухопутному войску и морскому флоту». Одновременно «для предотвращения самого худшего приведены в порядок 12 небольших галер и обыкновенное множество фрегатов (имеются в виду фыркаты, небольшие гребные суда. — В.К.), чтобы охранять Черное море от вторжения казаков».

Сановная «партия мира», как выражался М.С. Грушевский, смущала султана перспективами казачьего нападения на Стамбул, которое могло поднять тамошнее христианское население. 23 (13) марта Ф.де Сези доносил Людовику ХШо предупреждении некоторых османских министров, сделанном Осману II, что в случае отправления его в поход на Польшу морские нападения казаков могут вызвать восстание христиан Стамбула. Увлеченный идеей разгрома польских войск, султан резко отвечал, что тогда перед выступлением из столицы надо вырезать всех местных христиан. Ему покорнейше заметили, что подобное действие навлекло бы на государство войну со многими странами Европы. Падишах умолк и, разгневанный, вышел из Дивана. О том, что везиры советовали султану остаться в Стамбуле «из-за самих казаков», сообщал и польский агент Иштван Радагий[8].

Вскоре после разговора в Диване было решено направить на Черное море флот из 40 галер под личным начальством капудан-паши Эрмени Халил-паши, отчего он, как утверждал Ф. де Сези в депеше своему королю 21 (11) апреля, «едва не умер от огорчения, не считая это путешествие достойным себя». М.С. Грушевский подозревает, что дело было в страхе главнокомандующего перед казаками. М.А. Алекберли также считает, что капу-дан-паша, «боясь казаков, всеми силами пытался отказаться от командования».

Об испуге первого адмирала говорит и Ю. Третяк. «Хотя и решено выслать на Черное море против казаков флот, — пишет историк, —...но как можно было надеяться на этот флот, если сам адмирал испугался похода и всяческими способами, и даже угрозами, старался отклонить честь командования и если турецкие солдаты так боялись встречи с казаками на море, что иногда надо их было... палками загонять на галеры, отправлявшиеся против казаков. Вообще нежелание воевать с Польшей было таким глубоким и таким всеобщим в турецком народе, что, как доносил де Сези, сделали предложение султану с готовностью возместить понесенные уже военные издержки и вознаграждение убытков, причиненных уже ранее казаками, лишь бы султан отказался от этой войны».

Полагаем, что дело заключалось не в простом испуге адмирала и что причины его нежеления лично возглавить черноморскую кампанию проясняются из приведенных Ю. Третяком соображений. Опытный воин, давний недруг казаков и великий везир конца 1610-х гг., Халил-паша понимал состояние государства и его вооруженных сил, весьма малую перспективность борьбы с казаками и невозможность предотвратить их набеги на побережье, которые могли усилиться с началом войны, и действительно боялся, но — потери своего авторитета и вследствие этого высокого положения в случае возможных и даже несомненных казачьих успехов на тех или иных участках военно-морского театра, а тем более на Босфоре.

«Еще никогда не было такого страха, какой я вижу в К.П. (Константинополе. — В. К.), — доносил Ф.де Сези 21 (11) апреля, — многие люди приготовились выехать прочь отсюда, когда

отправится великий сеньор, и думают, что казаки придут все разрушить». Эти опасения сохранялись затем на протяжении всей войны, и уже в ходе кампании везиры и улемы (представители высшего сословия богословов и законоведов) советовали султану вернуться в столицу, которой угрожали казаки.

Как доносил гетману Яну Каролю Ходкевичу польский агент в Турции, 23 (13) апреля в Черное море против казаков, «могущих напасть на города», вышли 35 галер во главе с капудан-пашой, а через две недели флот должен был пополниться еще 15 галерами, а также 500 малыми судами. Уход флота отнюдь не уменьшил беспокойство в Стамбуле. В венецианских известиях из этого города от 19 (9) мая сообщалось, что казаки совершают нападения на приморские владения Турции и, располагая якобы 300 чайками, угрожают османской столице. Такие же известия от 6 июня (27 мая) вновь были полны свидетельствами страха турок перед казаками.

В.А. Сэрчик считает, что в 1621 г. запорожцы не проявили активность на море: они отказались от похода на Стамбул, решив поддержать польскую армию на суше; некоторый переполох в османской столице, правда, вызвала небольшая морская диверсионная экспедиция, но она после первых успехов потерпела поражение в битве с превосходящим турецким флотом. Вопреки этому мнению дело обстояло по-другому.

Запорожцы и донцы в течение всей навигации 1621 г. действовали на море несколькими флотилиями, выводившими из Днепра и Дона[9]. Известно о неудачной экспедиции 1300 донцов и 400 запорожцев под начальством донского атамана Василия Шалыгина и «больших атаманов» запорожцев Ивана Сулимы, Шила и Яцкого, начавшейся за три дня до Пасхи, отбитой от Ризе и затем потерпевшей поражение в сражении с 27 турецкими галерами[10], о взятии казаками Трабзона и разгроме многих мест на «царегородской стороне», о действиях казаков у Бессарабии, о крупном сражении казаков с флотом Эрмени Халил-паши, шедшим из Босфора, 5 рамадана (14 июля)[11] и потере казаками при этом, по турецким данным, 5 потопленных и 18 захваченных судов, о нападении казаков на дунайский мост и захвате османских судов, шедших в Валахию, о других нападениях на неприятельские суда и на берега Крыма.

Казаки в продолжение весны, лета и осени 1621 г. «висели» на морских коммуникациях, всячески мешая транспортировке турецких войск, боеприпасов, снаряжения и продовольствия. Хотя Ю. Третяк, М.С. Грушевский и В.А. Сэрчик полагают, что в эту войну сухопутные операции помешали запорожцам появиться на море в более или менее значительных силах, в военно-морских действиях кампании участвовало значительное число казаков[12].

К сожалению, все сведения об этих операциях разрозненны, посвященные им собственно казачьи источники отсутствуют, и связный рассказ имеется лишь об экспедиции В. Шалыгина, но в этом рассказе не фигурируют ни Босфор, ни Прибосфорский район. Ниже мы изложим информацию Ф. де Сези о появлении казаков у колонны Помпея, однако крайне трудно связать эти конкретные действия с казачьими же операциями в других районах моря и проследить до- и послебосфорский путь флотилии.

Тем не менее некоторые авторы пытались это сделать. В.М. Пудавов посчитал, что у Босфора появилась донская флотилия В. Шалыгина и что в упомянутом сражении 14 июля потерпела поражение именно она. У польских и украинских историков набег к Босфору совершает запорожская флотилия. По Ю. Третяку, это она сражалась с эскадрой капудан-паши в названном морском бою. Так же представлено дело у М.С. Грушевского. Л. Подхородецкий полагает, что с Эрмени Халил-пашой сражалась флотилия, побывавшая у Босфора, но она одержала победу. Н.С. Рашба думает, что в том сражении потерпела поражение флотилия В. Шалыгина.

Для таких «привязок» недостает «хронологической собранности», конкретных сведений и совпадений в деталях, а иные из них даже противоречат отдельным «привязкам»: не совпадает число судов флотилии у Босфора и судов, потопленных и захваченных капудан-пашой в сражении 14 июля, хотя, конечно, турки могли и преувеличить потери противника. Не имея более или менее приемлемых оснований и не желая излагать необоснованные предположения, мы вынуждены отказаться от подоб- ных попыток, за исключением кажущейся вполне правдоподобной и отмеченной С.Н. Плохием связи нападения казаков на дунайский мост и Ахиоли с последующим появлением казачьей флотилии у Босфора. Действия в Ахиоли и у пролива ранее связывал Ю. Третяк.

В реляции, пришедшей в Рим из Стамбула и датированной 17 (7) июня, сообщалось, что после попытки казаков разрушить мост, который построили турки через Дунай, казачья флотилия разделилась на два отряда. Один из них совершил нападение на Варну, а другой, состоявший из 15 чаек, двинулся к Босфорскому каналу в 18 милях от Стамбула. Как говорит Мустафа Найма, «в

первых днях месяца шаабан», т.е. 11—14 июня[13], султану донесли «о сожжении и разграблении казаками городка Ахиолу, лежащего ниже Мисиври». Ахиоли (Ахиолу), старый Анхиал (Анхиалос)[14], был центром добычи соли из морской воды и располагался недалеко от Бургаса и, как считалось, в 12 часах пути от Варны и 7 днях пути от Стамбула.

Ю. Третяк правомерно датирует взятие Ахиоли началом июня нового стиля, т.е. 22—26 мая старого стиля, и полагает, что именно казаки, разгромившие городок, затем в 16 лодках дошли до Босфора, сжигая и грабя прибрежные села. Однако, с учетом итальянского сообщения о разделении флотилии на отряды, видимо, приходится считать, что к проливу пошел отряд, не действовавший у Варны. Вполне возможно, со взятием Ахиоли связаны стамбульские известия, датированные 6 июня (27 мая), поступившие в Рим из Венеции и вновь рассказывавшие о страхе в турецкой столице перед казаками.

О появлении казаков у Босфора, панике в Стамбуле и лихорадочных мерах османских властей по защите пролива и столицы подробно говорится в депеше Ф. де Сези Людовику XIII от 17 (7) июня.

«Ужас в этом городе, — сообщал посол, — был так велик, что невозможно описать. Шестнадцать лодок с казаками достигли в эти дни колонны Помпея поблизости от устья Канала Черного моря, чтобы захватить карамуссоли, сжечь и разрушить селения, и переполох был такой, что множество людей из Перы и Кассомбаши (Касымпаши. — В.К.) бросилось к Арсеналу спасать свое имущество в Константине] поле[15], что поставило в затруднительное положение каймакана (каймакам исполнял обязанности великого везира, когда тот отсутствовал в столице. — В. К.) и бостанджибасси (бостанджибаши — начальник охраны султанских дворцов и садов. — В. К.); великий сеньор и его совет оставили такую малую охрану в этом городе, что без трех галер, которые находились здесь, не было бы никакой возможности послать защищать устье названного канала, хотя день и ночь каймакан и бостанджи хватали на улицах людей, которые никогда не предполагали воевать, а что касается оружия, то его взяли с христианских судов, которые стояли в порту[16]; эти люди не имели ни одного мушкета в запасе».

«Наконец, — продолжал Ф. де Сези, — после двух дней смятения эти три галеры и сорок лодок и фрегатов вышли из устья, чтобы искать казаков, которые в то время грабили одно селение; они (турки. — В.К.) не рискнули ни приблизиться, ни сразиться с шестнадцатью лодками, хотя половина людей (казаков. — В. К.) находилась еще на берегу; и под покровом ночи три галеры и остатки мобилизованного войска вернулись обратно к замкам, которые называют здесь Башнями Черного моря, к стыду паши, на которого было возложено это поручение. Каймакан и бостанджи сообщили великому сеньору об этом малодушии, чтобы он (паша. — В.К.) был наказан».

В депеше от 1 июля (21 июня) посол называет имя адмирала — Фазли-паша[17], а также добавляет, что этот бежавший от казаков военачальник, представив себе бурю, которая могла стоить ему головы, послал в султанский лагерь своего человека с 20 тыс. цехинов, в том числе 15 тыс. для падишаха и 5 тыс. для великого везира[18].

Те же события — появление казачьей флотилии у Босфора, отправка против нее 3 галер и еще 40 судов и их бесславное возвращение — описаны, хотя несколько короче и с упоминанием не 16, а 15 казачьих судов, в итальянской реляции из Стамбула от того же, что у Ф. де Сези, 17 (7) июня и в одном из писем, отправленном в Рим из Венеции 31 (21) июля. Согласно этим документам, появление неприятельской флотилии у «канала» вызвало такой страх, что многие жители Перы бежали в Стамбул, захватив с собой лишь самые дорогие вещи. С.Н. Плохий, отмечая совпадение информации, полагает, что все упомянутые послания основывались на одном источнике.

Хотелось бы отметить некоторые довольно существенные ошибки, которые встречаются в работах историков при упоминании набега 1621 г.

А.В. Висковатов, переводя депешу Ф. де Сези и имея слабые представления о турецких и босфорских реалиях, не понял, что за «карамуссоли» захватили казаки, достигнув колонны Помпея, и превратил их в населенный пункт Карамуссал [19]. За А.В. Висковатовым последовали М.С. Грушевский, переводивший депешу самостоятельно, но лишь поправивший название ближе к оригиналу (Карамусол), и Ю.П. Тушин, цитировавший без замечаний висковатовский перевод. Между тем посол говорил о карамюрселях — одном из типов турецких судов того времени. Карамюрсель представлял собой ходкое, узкое, однопалубное, с высокой кормой парус но-гребное судно, использовавшееся на Черном и Средиземном морях для транспортировки грузов и несения службы в прибрежных водах[20].

У А.В. Висковатова возник и еще один мифический объект: казаки будто бы подходили к «колоннам Помпеи». Этот же автор именует Касымпашу — район, примыкавший к морскому арсеналу, который носил такое же название, — Кассомбашем. Не понял, о каких местах идет речь, В.М. Пудавов, у которого «многие жители Персы и Каюмбаша прятали свои пожитки в Арсенале». Н.С. Рашба, почему-то игнорируя дату, указанную в депеше Ф. де Сези, относит рассматриваемые события к 1620 г. М.А. Алекберли определяет состав казачьей флотилии то в 12, то в 16 судов, причем делает это в двух работах, и оба раза в одном и том же абзаце. Ю.П. Тушин пишет, что османская эскадра «вышла в Босфор (подразумевается, из Золотого Рога. — В.К.) на поиски казаков, опустошавших в это время окрестности турецкой столицы», и таким образом переносит действия из устья Босфора в сам пролив.

Вопреки прямому указанию источников о беззащитности Стамбула, а также мнению старых авторов о том, что Осман II, свыше года затративший, чтобы собрать армию против Польши, страшно оголил «не только страну, но и столицу», Л. Подхородецкий утверждает, что опасения перед морскими ударами казаков побудили османские власти оставить в Стамбуле и других приморских городах «сильные команды янычар» и что их отсутствие в армии затем чувствительно сказалось под Хотином. Именно нехваткой воинов объяснялось «хватание» людей прямо на столичных улицах. «Собрали в конце концов несколько десятков малых и больших судов, — пишет Ю. Третяк, — но не было кем их укомплектовать, и были вынуждены с улицы брать людей в экипажи для этой флотилии...»[21]

Как выражался польский автор, «импровизированная экспедиция» оказалась «позорной», поскольку «турки несмотря на свое огромное численное превосходство не смели задевать казаков и целый день только смотрели на них издалека»[22]. Замечательный казачий успех в противостоянии у входа в Босфор и, напротив, провал похода против «разбойников», «трусливый поступок» и «малодушие» Фазли-паши отмечены рядом историков. «Было их (казаков. — В.К.), кажется, немного, — пишет М.С. Грушевский, — но переполоха они наделали достаточно и в беззащитном Стамбуле, и на остальном побережье».

Сведения о другом босфорском набеге казаков, на этот раз в сам пролив, и даже о выходе их в Мраморное море содержатся в показаниях шляхтича Ежи Вороцкого. После Цецорской битвы 1620 г. он находился в турецкой неволе, затем бежал, 16 (6) июля 1621 г. добрался до польского лагеря и сообщил, что ушел из Стамбула четыре недели тому назад, т.е. около 18 (8) июня. «Рассказал, что недавно посылал турецкий цесарь в Белгород морем на каторгах большие штурмовые пушки, порох, ядра и всякого продовольствия немало... Но то все наши казаки-запорожцы разгромили. А разгромивши, наезжали под Царырад. Казаки и вежи те, где князь Корецкий сидел, разрушили...»[23] Известно, что польский аристократ православного вероисповедания Самуэль Корецкий, взятый в плен также под Цецорой, содержался в Семибашенном замке, Едикуле, на побережье Мраморного моря, и там в 1622 г. был задушен.

«Далее наехав на Галату, брали, били, секли казаки, — показал Е. Вороцкий, — а когда за ними погнались турки, утопили их, двух и отослали (неясность в оригинале[24]. — В. К.) к турецкому цесарю в обоз, который стоял под Адрианополем, которых казаков клеймили, били и на кол посажали. И это было недель 7 тому назад»[25]. Подсчет показывает, что набег на Едикуле и Галату беглец относил ко времени около 28 (18) мая[26].

Сведения Е. Вороцкого чрезвычайно важны. Во время казачьего набега, судя по всему, он находился в Стамбуле и мог иметь свежую, непосредственную информацию. Однако о набеге, совершенном около 28 (18) мая да еще на сам Стамбул, молчит Ф. де Сези. Касаясь известия о нападении на Едикуле, Л. Подхородецкий замечает, что «это был только слух», а сообщение о налете на Галату оставляет без комментариев. М.С. Грушевский, говоря о том походе казаков, в котором они оказались у колонны Помпея, пишет о «шуме слухов и преувеличенных вестях... пускавшихся (врагами Турции. — В.К.) даже умышленно по разным соображениям»[27]. Правда, следует отметить, что именно об этом набеге неизвестны какие-либо слухи, а упоминание о них у историка появилось потому, что он присоединил к босфорскому походу действия казаков в других районах моря. Но, может быть, сведения, сообщенные Е. Вороцким, как раз и относились к подобным слухам? Или все-таки французский посол по каким-то причинам не зафиксировал майский набег на Босфор? Пропуски, связанные с казачьими действиями в этом районе, у Ф.де Сези, как и у Т. Роу, случались, и мы это увидим по их сообщениям о событиях следующего, 1622 г.

Любопытно, что Н.С. Рашба, соавтор Л. Подхородецкого по книге о Хотинской войне, за 20 страниц до замечания последнего о неверии в реальность набега на Едикуле, напротив, вы-

сказывает доверие рассказу шляхтича, допуская, впрочем, ошибку в определении объекта нападения. Казаки, согласно Н.С. Рашбе, «уничтожили суда, везшие в Белгород тяжелые осадные орудия, военное снаряжение, порох и продовольствие... также башню при входе в столичный порт Галату».

Сообщению Е. Вороцкого доверяет и В.А. Голобуцкий, который пишет, что в начале июня, когда султан с армией выступил из Стамбула против Польши, запорожцы захватили суда, перевозившие в Аккерман пушки, боеприпасы и провизию, а затем, продолжая свой путь, «появились у турецкой столицы, разрушили один из ее фортов и вступили в Галату, после чего повернули назад»; турки гнались за ними, но безуспешно, сумев захватить только двух казаков[28]. Так же относится к названному сообщению И.С. Стороженко, который, однако, неверно датирует события первой половиной июля. Казаки, замечает историк, «сожгли в Стамбуле башню замка Едикуле, где сидел когда-то (почему когда-то? — В.К.) в темнице... Корецкий, опустошили побережье под Галатой». Согласно болгарскому историку В. Гюзелеву, запорожская флотилия в 1621 г. вновь появилась под стенами Стамбула и даже взяла Галату[29].

Как бы то ни было, характерно, что современник отмеченных событий, знаменитый дубровницкий поэт Иван Гундулич в эпической поэме «Осман», написанной еще до известия о смерти С. Корецкого, выражал полную уверенность в способности казаков во главе с гетманом П. Сагайдачным пройти Босфор, дойти до Едикуле и взять этот замок. Когда поэма описывает марш турецких войск на поляков в ходе Хотинской войны, «птица сизая» советует королевичу Владиславу:«... направь ты вскоре / Сагайдачного на воду: / Корабли разбить на море / У врага тебе в угоду. / С казаками побеждая, / Он, начальник их, пробьется / До Царьграда, все пленяя, / Что в пути ни попадется. / Он и дальше сможет даже / Силой воинов пробиться / И Корецкого у стражи / Вырвать сможет из темницы».

Имеются известия и еще об одном, более позднем казачьем набеге этого года на Босфор. Приведем их.

1. В «Летописи событий в Юго-Западной России в XVII-м веке» Самийла Величко сообщаются записи из дневника участника Хотинской войны Матфея Титлевского (Титловского). Одна из них, сделанная 6 сентября (27 августа) 1621 г., говорит, что из турецких обозов бежал казак, который «седм лет в сарацинской пребывал неволе» и сказал, что «во обозе своем турки проговоруют: дванадесять(12. — В.К.) суден, узброенных арматою (вооруженных пушками. — В.К.), на море Евксинском козаки емша пото-пиша, избывший же в Константинополь убежаша; их же даже до самих стен града козаки гоняще, всех царигородцов устрашиша; сея новини первого провозвестителя гневом неистовящийся отоманин (султан. — В.К.) повелел удавити; в день же грядущий заповеда ко обозу поляков силное готовити приступление. Тое ж самое и турки многий, на стражи ятии (стоявшие. — В.К.) единодушним согласием глаголюще, утверждаху». Под 14 (4) сентября замечено: «Знову проносилося в обозах турецких, яко неколико суден флота отоманского козаки в море Евксинском затопили. Тою новиною на ярость возбуждений, турчин крепкому приступу до обозов в день грядущий заповедал быти».

2. В записках М. Титлевского, посвященных этой войне, есть сообщение, которое по контексту относится к августу нового стиля, кануну решающего столкновения польской и турецкой армий: «А тим часом Козаков десять тисящей чрез Евксенское море, абы руиновали панства (владения. — В.К.) турецкие и запаси их переймали, виправляет (польский король. — В.К.)». Там же содержится и обобщающее замечание о том, что в Хотинскую войну «под предводительством Богдана Зеновия Хмелниц-кого было на Черъном море Козаков 10 000, кои суден турецких, пушками и разними припасами наполнених, болше 20 на том же море потопили».

3. Летопись С. Величко приводит письмо кошевого атамана И. Сирко крымскому хану от 23 сентября 1675 г., где среди прочего сказано, что «року 1621... Богдан Хмелницкий, на мору Чорном воюючи, в своих моноксилах многие корабле и катарги турецкие опановал (захватил. — В.К.) и благополучно до Сечи повернулся».

4. С. Величко же воспроизводит хронику войны, написанную Самуэлем Твардовским, который, как указывалось, в 1621 г. был секретарем при польском посольстве в Стамбуле. В хронике есть фраза, относимая С. Величко к этой войне и Б. Хмельницкому: «[Вократце припоминается], иж (что. — В.К.) болш тисячи миль в самую Азию (казаки. — В.К.) заежджали, висти-нали (вырезали. — В.К.) Трапезунт, Синоп з кгрунту (до основания. — В.К.) знесли и под Константинополь не раз з неслихан-ною своею скоростию, мури (стены. — В. К.) оного [стрелбою] окуруючи (окуривая. — В.К.), подходили; [що все водою справовали (делали. — В.К.)]»[30].

5. Ссылаясь на М. Титлевского и С. Твардовского, сам С. Величко уверенно утверждает, что в 1621 г. по королевскому указу на Черном море действовали 10 тыс. казаков под командованием Б. Хмельницкого и что они после потопления 12 судов, преследуя турок, «самому Цариграду превеликое смятение и страх учинили, отвсюду оного порохом оружейним окуривши».

Кажется, приведены весомые свидетельства о набеге на Стамбул перед 27 августа, по-видимому, в том же месяце. Но проблема заключается в том, что в летописи С. Величко есть сфальси-фицированные, сочиненные акты, и ею в целом можно пользоваться лишь с крайней осторожностью. Письмо И. Сирко рассматривается историками как апокриф, и его сведениям также нельзя безоговорочно доверять. Что же касается Б. Хмельницкого, то он в 1620 г. попал в турецкий плен и был выкуплен через два года, а следовательно, не мог в 1621 г. возглавлять морской набег.

Нет ничего удивительного в том, что многие авторы отрицают реальность рассматриваемого похода Б. Хмельницкого. Но немало историков, в частности Д.И. Эварницкий[31], предпочитают верить С. Величко и М. Титлевскому. У М.А. Максимовича читаем, что о черноморском «промысле», ставшем известным 6 сентября (27 августа), «говорится и в королевском листе Сагайдачному 1622, генв[аря] 12, и в диаруше Титлевского, и у Твардовского. И так напрасно пишут, что Богдан Хмельницкий, взятый под Цецорою в полон, оставался в нем два года». «Есть полное основание предполагать, — замечает Н.С. Рашба, — что часть запорожцев действовала на море под руководством бежавшего из турецкой неволи Богдана Хмельницкого... Повел он казацкую флотилию в августе 1621 года прямо под Стамбул, где казаки разбили неприятельскую эскадру...»[32]

М.А. Алекберли, Ю.П. Тушин и И.С. Стороженко считают, что поход на Стамбул имел место, но без Б. Хмельницкого[33]. Б. В. Лунин говорит, что в 1621 г. казаки доходили до Стамбула, но неясно, имеется ли в виду последний поход, набег на Галату или они оба.

Следует еще сказать, что бунчуковый товарищ П.И. Симоновский в своем «Кратком описании о козацком малороссийском народе и вое иных его делах» 1765 г. рассказывает, что запорожцы, отправленные на море для разорения турецких владений, взяли 12 османских военных судов «и глубине их предали, а кои от них убежали, то они гналися за ними даже под самые цариградские стены, где всех привели в страх», но относит знакомые нам события к 1620 г.

Этим же годом датируют поход Н. Йорга, М.А. Алекберли и Н.С. Рашба. Второй автор ссылается на Иоганна Христиана фон Энгеля и Н. Йоргу и указывает, что казаки продолжали погоню до самой столичной гавани и, взяв восемь галер, вернулись обратно. Согласно Н.С. Рашбе, на обратном пути от предместий Стамбула запорожцы разбили преследовавшую их турецкую эскадру, причем Скиндер-паша, возмущаясь, утверждал, что сечевики действовали вместе с донцами и с ведома польского короля. Поскольку оба историка описывают и набег на Стамбул перед 6 сентября (27 августа) 1621 г., получается, что они раздваивают единый поход.

Для выявления реального хода событий необходимы какие-то новые источники, а пока набег, о котором рассказывает М. Титлевский, как и нападение на Едикуле и Галату, остается под вопросом. Можно, правда, добавить, что некоторые известия западноевропейских современников позволяют довольно уверенно предполагать, что казаки в 1621 г. заходили в Босфор дальше его устья.

«В 1621 г., —утверждает П. делла Балле, — козаки польские вошли в устье Черного моря и проникли до самой Тюремной башни и предместий Константинополя, где они захватили огромное количество рабов, так что вельможи турецкие не смели с этой стороны ходить для прогулок в свои сады при виде Козаков, бегавших повсюду с саблями в руках и нигде не встречавших сопротивления»[34].

Французский дипломат Л. де Курменен, приезжавший в 1621 г. в Стамбул со специальной миссией от Людовика XIII, в своей книге 1624 г. писал, что турецкие власти в страхе перед казаками и из-за нехватки сил даже вынуждены были привлечь к караульной службе французских купцов, а появление нескольких казачьих лодок, разоривших на черноморских берегах два или три селения, наполнило столицу таким замешательством, что османские сановники умоляли посла Франции[35] предоставить им убежище, если город попадет во власть казаков. По Л. де Курменену, казаки порой грабят даже в 5—6 лье от Стамбула[36]. «И не будь двух замков, которые охраняют пролив, они дошли бы до порта Константинополя, чтобы поджечь Арсенал и его галеры. И если бы им немного повезло, они взяли бы город: турки не считают это невозможным, пребывая в страхе все последние годы».

В целом казачьи военно-морские действия внесли заметный вклад в победу Польши в Хотинской войне, что и отметил Сигизмунд III, наградив по ее окончании не только казаков, сражавшихся на суше, но и казаков-моряков. Тем не менее по мирному договору Речь Посполитая, не в полной мере воспользовавшаяся плодами победы и решившая и после войны придерживаться старого курса в отношениях с Турцией, в очередной раз обязалась не допускать впредь запорожских морских походов.

2. Операции 1622—1623 гг.

Завершение Хотинской войны никоим образом не остановило казачьи действия на море. Мурад IV в 1630 г. писал польскому королю, что со времени Хотинского похода морские набеги казаков повторялись беспрерывно. Об этом свидетельствовали события первого же «послевоенного» года.

К осуществлению крупных операций против Турции, проведенных в 1622 г., казаки приступили с апреля. Согласно архивным разысканиям В.М. Пудавова, донская флотилия, действовавшая затем на Босфоре, вышла из Монастырского городка за две недели до Пасхи. Поскольку в том году «светлое воскресенье» приходилось на 21 апреля, выход казаков в море можно датировать около 7 апреля.

Другие данные, однако, относят начало экспедиции, по-видимому, на первые числа мая. Воронежский казак Григорий Титов рассказывал, что «как он был на Дону, и при нем... пошли (казаки. — В.К.) на море перед Николиным днем», т.е. перед 9 мая. По расспросным речам в Москве царицынского стрельца Алексея Васильева, бывшего на Дону после Пасхи, «о Николине дни», экспедиция началась до его приезда, т.е. также перед 9 мая. Есть и еще одна дата начала похода, но, похоже, ошибочная: в полученной в Москве 23 августа 1622 г. отписке Ивана Кондырева, российского посла, направленного в Стамбул, говорится, что казаки отправились на море после Николинадня. С учетом развития событий у Босфора в 1622 г. приходится полагать, что речь идет о разных выходах. «Майскую» флотилию возглавлял запорожец атаман Шило.

Сведения о численности последней экспедиции расходятся между собой. А. Васильев утверждал, что в составе флотилии было 1500 донцов и 300 запорожцев, всего 1800 человек. Шедший по Дону И. Кондырев узнал, что на море отправились «казаков и черкас человек с тысячю и болши», но что после нападения на Трабзон и другие населенные пункты Анатолии из этой экспедиции в Войско Донское вернулись с добычей запорожцы «человек з двести и болши»[37]. Атаман Клецкого городка Торовой Иванов сказал послу, что когда он, атаман, «был на низу в нижних в казачьих юртех... пришли с моря запорожских черкас человек с триста»[38].

В.Д. Сухоруков полагает, что в походе было 1000 донцов и 300 запорожцев и что вернулись 200 запорожцев; следовательно, вначале участников набега насчитывалось 1300 человек, а затем осталось на море 1100. Цифры, близкие к этой, фигурируют далее у того же посла и в расспросных речах воронежского атамана Лариона Чернышева и Михайловского казака Козьмы Ильина. В цитированной выше отписке И. Кондырева сказано: «А ныне. ..донских казаков наморе, что пошли с весны... 1000 человек». В речахже Л. Чернышева и К. Ильина 1622 г. передается известие, слышанное ими в Войске от приезжавшего «мировщика», азовского татарина Мустафы Картавого, что «ходило... на море казаков под Царьград 40 стругов, а в них 1150 человек».

Как увидим, по окончании всего похода на Дон вернутся 25 стругов с более чем 700 казаками, а потери будут исчисляться цифрой свыше 400 человек, и, значит, флотилия насчитывала всего более 1100 казаков, что полностью совпадает с цифрой Л. Чернышева и К. Ильина. Правда, экипажи стругов в этой экспедиции оказываются небольшими для казачьих черноморских походов, а именно 1150:40 =28,7 человека. При численности походного войска в 1800 человек получалась бы более приемлемая, хотя также не слишком высокая цифра — 45 казаков на судно, но вернувшиеся суда насчитывали каждое свыше 28, а потерянные — около 27 человек, так что получается, что изначальная цифра — средний экипаж около 29 человек — верна. Это подтверждается и сообщением А. Васильева о том, что донцы и запорожцы «в том походе позамешкались, и к ним... навстречу для обереганья ходили черкасы ж в пяти стругах, а в струге во всяком человек по 30».Не все обстоятельства похода 1622 г. известны и ясны, и в частности, непонятно, почему царская грамота на Дон от 10 марта 1623 г. говорит, что, как великому государю «ведомо... учинилось», под Трабзон ходили «атаманов... и казаков пятьсот человек в тритцати стругех, де с ними ж ходили семдесят человек запорожских черкас». Во флотилии из 570 человек на одно судно должно было приходиться по 19 казаков, что кажется приемлемым для

ближних походов по Азовскому морю, но совершенно недостаточным для трабзонского набега. По-видимому, цифра 570 ошибочна, хотя в принципе, поскольку в грамоте упоминаются не 40, а 30 стругов, можно было бы высказать предположение, что большая флотилия разделилась, и к Трабзону почему-то пошли полупустые суда, тогда как прочие оказались с усиленными экипажами, что, впрочем, маловероятно.

Есть неясности и с морской активностью Войска Запорожского в 1622 г. Первый сенатор короны князь Ежи Збараский в письме из Кракова от 8 мая (28 апреля) извещал короля: «Кажется, немало их (запорожцев. — В.К.) прокралось к донцам и ушло с ними на море — значит, турки сейчас будут сердиться». Сенатор советовал направить послание великому везиру, где сообщить, что казаки, отправившиеся в море, — это донцы, которых выслала Москва для нанесения вреда Польше в ее отношениях с Турцией, и посоветовать туркам не верить, если их будут уверять, что это запорожцы. Такое предупреждение было отправлено, о чем польский посол, брат первого сенатора К. Збараский напоминал в 1623 г. великому везиру Мере Хюсейн-паше: «Ведь давали вам знать еще год назад, что с Дона к вам идут несколько челнов. Почему же ваши друзья (татары. — В.К.) не остановили их?»

«Обещаниями и деньгами, — пишет о 1622 г. М.С. Грушевский, — удалось сдержать козачество (запорожское. — В.К.) в этот критический момент от морских походов... Только небольшая партия на пяти чайках прокралась в море, вместе с донцами, вероятно, и за ними вдогонку посылали на Дон, чтобы их вернули назад». Историк при этом ссылается йа письмо от 3 мая (23 апреля) и отмечает, что в письме Е. Збараского, датированном 8 мая (28 апреля), о сем же сказано: в мае ходили в море пять казацких чаек и захватили турецкий корабль. Видимо, это те пять черкасских стругов, которые фигурировали ранее[39].

Но, возможно, запорожцы не ограничились упомянутым участием. 6 мая (26 апреля) шляхтич Кшиштоф Бокжицкий писал из Умани брацлавскому хорунжему Стефану Хмелецкому, что все казаки вышли из Запорожья для морского похода и : даже послали на Дон за челнами. «По всей вероятности, — предполагает Ю.А. Мыцык, — запорожцы посылали на Дон не только за челнами, но и для согласования своих действий с донцами. Как известно, в мае — июне 1622 г. оба казацких Войска совершили совместный поход к южному берегу Крыма и к черноморскому побережью Турции на пространстве от Трапезунда до Стамбула».

Не исключено, что сечевики, помимо 300 человек флотилии Шила, предпринимали и какие-то отдельные действия, однако на этот раз главную роль в морской кампании, несомненно, играли донцы.

Источники отмечают двойной приход казаков в Прибосфор-ский район в 1622 г. Первое их появление там относится к апрелю. «Великий везир, — доносил Ф. де Сези королю Франции 1 мая (21 апреля), — был более занят, чем он желал: рыжие и казаки (т.е. донцы и запорожцы. — В.К.) пришли поблизости отсюда на Черном море, взяли несколько судов, что привело великого сеньора в такую ярость, что он угрожал ему (великому везиру. — В.К.) отрубить голову и великому казначею, которого они называют тефтедар (правильно: дефтердар. — В. К.), если на другой же день они не отправят галеры на Черное море».

Вероятнее всего, об этом набеге писал из Стамбула коронному подчашему и польному гетману Станиславу Л юбомирско-му польский гонец Станислав Сулишовский. В османской столице, говорилось в его письме, «стало известно, что казаки, выйдя в море, разбили несколько кораблей и разорили некоторые прибрежные селения. В результате везир, вызвав меня к себе три дня назад, перед смертью своей и султана, резко говорил со мной, подчеркивая, какие оскорбления нанесены султану тем, что мой государь, договорившись о мире (перемирии 1621 г. — В.К.),цо сих пор ни в чем не следует хотинским постановлениям: очень долго нет вестей о после (приезд польского посла для переговоров о мире задерживался Речью Посполитой. — В.К.), казаки по приказу его королевского величества по-прежнему воюют на море».

«Еслибы, — отвечал С. Сулишовский, — он (король. — В.К.) не хотел мира с вами, уже сейчас было бы полно в вашей земле войск моего государя. Если бы казаки выходили в море по приказу моего государя, большими были бы их численность и нанесенный вам ущерб». По словам гонца, везира «этот ответ несколько успокоил».

Письмо официально датировано 28 (18) мая, и «три дня назад» — это 25 (15) мая. Но С. Сулишовский говорил с великим везиром Дилавер-пашой, который, как и султан Осман II, погиб в результате государственного переворота — первый был изрублен толпой 19 (9) мая, а второй предан смерти 20 (10) мая. Следовательно, приведенный разговор произошел до 19 (9) числа, что хронологически приближает его к письму французского посла.

По словам В.Д. Сухорукова, в эту кампанию донцы «на легких стругах плавали по водам Азовского и Черного морей, внезапно нападали на корабли и каторги турецкие, теснили азовцев, жгли и опустошали селения крымские и турецкие: селения Балыклейское (Балаклава. — В.К.), Кафа, Трапезонт и другие приморские места были свидетелями отважности и мужества казаков».

К русскому послу в Крыму Андрею Усову 20 июня приехал Ибрахим-паша и по поручению хана Джанибек-Гирея II говорил «с великим гневом», что царь пишет хану о братской дружбе и любви, а «донских... казаков посылает морем крымских улусов воевать, тому... два дни под Кафою донские казаки взяли два корабля40, а ныне... пришли в Булыклы (Балаклаву. — В.К.) и многую... крымским людем шкоту поделали, людей в полон поймали». В.М. Пудавов отмечает, что дело не ограничилось Балаклавой, поскольку донцы «даже врывались в глубь Крыма и разорили деревню в 15 милях от Багчесарая» (Бахчисарая), и что за эти столь чувствительные для крымцев набеги хан через своих сановников неоднократно упрекал русских послов. Калга-султан (второй соправитель ханства) Девлет-Гирей говорил им, что к нему «приходят всякие люди с плачем», жалуясь на казачьи разорения. Кроме того, «хан и калга в это же время посылали грамоты к царю с объяснением разорений от донцов и настаивали, чтоб велел "укротить их саблею"».

С небольшим разрывом по времени от крымских действий флотилия ударила на Трабзон. Уже 2 июля клещкий атаман Т. Иванов знал и говорил московскому посольству о взятии и разорении казаками этого города и других приморских селений на царьградской стороне и о возвращении на Дон из похода отряда запорожцев. По словам Г. Титова, они вернулись «в петровы... говейна» (Петров пост заканчивался 29 июня) и «добыч всякой, золота и серебра и платья привезли с собою много». Оказалось, что после погрома Трабзона и иных «многих мест», по отходе в море, запорожцев и донцов разнесло погодой «врознь», и первые отправились на Дон, а вторые «остались на море со многою добычею»[41].

Нападение на Трабзон, но взятие не самого города, а его посадов, особо упоминается в царской грамоте Войску Донскому от 10 марта 1623 г. Дониы упрекались в ней в том, что вопреки государевым повелениям они «посылали на море н атурских людей под город под Трапизон атаманов... и казаков... И того... они турского царя города Трапизона мало не взяли, а посады Л выжгли и высекли и живота (имущества. — *В.К.)* всякого, и корабли, и наряд, и гостей турского царя поймали...»

«И мы, великий государь, — продолжала грамота, — тому подивились, какими обычаи вы, атаманы и казаки, так без нашего указа учинили: на турского царя городы ходите войною и городы ево зжете и воюете, и в полон гостей и всяких людей со всеми животы их емлете мимо наш указ, и тем меж нас, великого государя и турского Ахмет-салтана царя[42], нынешней нашей ссылке чините помешку, а на нашего недруга и разорителя великого нашего Российского государства, на польского Жигимонта-короля[43] и на его землю турского царя Ахмет-салтановым людем поход тем мешаете».

Хронология похода флотилии Шила в полной мере не выяснена. По В.М. Пудавову, набег на Трабзон состоялся еще до угрозы Османа II лишить головы великого везира. «До конца июля, — пишет историк, — плавали казаки по Азовскому и Черному морям; много навели разорений по берегам Крыма, Анатолии; много собрали добычи: "золота, серебра, платья и ясыря (пленников. — *В.К.) "...* От Крыма приплыв к Анатолии, казаки нападали на Трапезонт и другие города и селения. Пустившись отсюда с большою добычею, они разнесены были сильною бурею так, что флотилия их разделилась на части. После того, соединясь на море в значительном числе, приближались они к Царьграду и взяли несколько турецких судов. Это так встревожило и разгорячило султана, что он грозил великому визирю и великому казначею... Чрез несколько времени казаки, усиленные вновь выплывшими в море донскими и запорожскими стругами, опять приближались (в июле) кЦарьграду (в 40 стругах)...» Как сказано, Ф. де Сези сообщал об упомянутой угрозе падишаха в адрес великого везира и дефтердара 1 мая (21 апреля), и, следовательно, нападение на Трабзон В.М. Пудавов относит к апрелю. Но действия у Кафы и Балаклавы, согласно этому же автору, предшествовали трабзонскому набегу и, значит, также состоялись в апреле, чему противоречат приведенные крымские сведения о казачьей «шкоте» в июне. Если флотилия Шила отправилась в море в начале мая, то она не могла действовать в апреле, и, таким образом, надо говорить о действиях разных флотилий.

По В.М. Пудавову получается, что флотилия первоначально состояла из меньшего, чем 40, числа судов. Прибавление к ней новых стругов и чаек было возможно, как и разделение ее на части с отдельными действиями в разных районах побережья. Напомним о сообщении, в котором к Трабзону ходили 30 стругов, и о том, что ничего не известно о маршруте плавания пяти стругов,

выходивших навстречу флотилии «для обереганья»[44]. 30 лодок, согласно Ф. де Сези, действовали и у Кандыры, о чем речь пойдет ниже.

Набег казаков на Прибосфорский район и сам Босфор отражен в депешах из Стамбула английского и французского послов. Однако Т. Роу 1 июля сообщал о казачьих действиях непосредственно в проливе, а Ф. де Сези 12 (2) июля [45] писал о нападении на местность, хотя и расположенную сравнительно близко от Босфора, но не на его берегах, причем первый дипломат не упоминал операции, описанные вторым, и наоборот.

Непросто определить, какие действия произошли раньше, так как депеши написаны практически одновременно. Исходя из того что в действиях у Босфора, согласно французским данным, участвовали 30 казачьих судов, а на Дон после босфорских потерь вернулись 25, полагаем, что операции у Босфора предшествовали действиям в самом проливе.

В отписке И. Кондырева, пришедшей в Москву 23 августа, передаются сведения, ставшие известными в Войске, а именно, что «казаки на царегородской стороне многие места повоевали». В статейном же списке посольства, где зафиксировано возвращение флотилии на Дон, приводится более определенная информация: вернувшиеся казаки «сказывали, что они были за морем, от Царягорода за полтора днища, и повоевали в Царегородском уезде[46] села и деревни и многих людей посекли». Дальше мы увидим, что донцы скрыли от посла, направлявшегося в Стамбул, что были непосредственно у турецкой столицы.

Видимо, действия «за полтора днища» от Стамбула описаны 12 (2) июля Ф. де Сези. «Казаки, — говорится в его донесении королю, — появились в пятнадцати лье отсюда(в 83,3 км, если лье сухопутные. — В. К.) на тридцати лодках, чтобы взять один город, именуемый Кодриа, в пяти лье от Черного моря в

Анатолии; они оставили свои следы и увели более тысячи пленных на карамуссалах, взятых ими». Под Кодриа, несомненно, подразумевалась Кандыра, расположенная в азиатской части прилегающего к Босфору черноморского побережья, в некотором удалении от моря (впрочем, гораздо ближе, чем напять лье)[47].

Число и судьба уведенных карамюрселей неизвестны. С учетом множества взятых пленников можно было бы предположить, что захваченных судов насчитывалось 10, и тогда флотилия увеличилась бы как раз с 30 до 40 судов, а первоначальные экипажи были бы больше указанных ранее (1150 : 30 = 38,3 человека). Однако это слишком вольное допущение, и к тому же все суда флотилии в источнике названы именно стругами («ходило... на море... 40 стругов»)[48].

Живые и яркие впечатления от последствий налета казаков на Кандыру и другие селения Прибосфорского района остались у И. Кондырева и второго посла дьяка Тихона Бормосова. Посольское судно по пересечении Черного моря неподалеку от Босфора попало в шторм и долго носилось по волнам, пока с трудом не пристало у «городка Легры» (по-видимому, Эрегли). Селение оказалось пустым, поскольку все его жители разбежались от казачьих наездов. Подождав там ослабления ветра пять дней, судно снова отправилось в путь, но опять попало в шторм. 28 сентября пришлось выйти на берег в лимане, расположенном у Кандыры[49].

В этом лимане укрывалось «от погоды кораблей с десять; а которые турские люди были на тех кораблех, и те, увидя их (послов. — В.К.), учали с кораблей метаться на берег и корабли покинули, и побежали по селом и по деревням для того — почаяли приходу донских казаков, что преже сего... в июле приходили на те места донские казаки и село Кандру и иные села и деревни пожгли, и людей в полон поймали».

«А как пришли (послы. — В.К.) в село в Кандру, — рассказывает статейный список, — и то село вызжено все, а в селе было дворов с 500 и больши; и к ним (послам. — В.К.) в село в Кандру приходили кадый (кади, обычно глава казы, административно-судебного округа. — В. К.) и тутошные торговые жилецкие и уездные люди челов[ек] с 300 и больши и говорили, что село Кандру и иные села и деревни нынешнего лета повоевали и пожгли государя вашего донские казаки и людей многих побили, а иных живых поймали, и мы де зато ныне хотим учинить над вами то же, что донские казаки над нами учинили»[50].

Состоялся жаркий разговор: «И Иван и Тихон им говорили, чтобы они над ними никоторого дурна не учинили: идут они от великого государя царя и в[еликого] князя Михаила Федоровича веса Русии к в[еликому] государю их к Мустафе, салтанову величеству, о их государских великих делех[51]. А донским казаком от в[еликого] государя нашего заказ о том крепкой, что на море им ходить не ведено, а ходят на море и корабли и каторги громят литовского короля запорожские черкасы, а не донские казаки.

И села Кандры всякие люди говорили, что они донских казаков с черкасы знают (т.е. различают. — В.К.). Нынешнего де лета приходили к ним в село в Кандру и выжгли донские казаки, а не черкасы; и будет де донским казаком вперед на море ходить не ведено, и мы де за то над вами никоторого дурна не учиним». По всей вероятности, в перепалке на стороне московских послов выступал и возвращавшийся с ними из Москвы султанский посол Фома Кантакузин. В конце концов, поддавшись на уговоры, жители перестали прямо препятствовать продолжению пути.

«И Иван и Тихон, — говорится далее в списке, — и турские посланники греченин Фома и чеуши (чавуши — слуги для особых поручений. — В.К.), дождавшись ночи, из села из Кандры пошли к Царюгороду сухим путем и шли дорогою до морские протоки (до Босфора. — В.К.) четыре дни с великою боязнию, чтоб над ними в дороге уездные люди за казачьи погромы которого дурна не учинили; а которыми месты ехали, и в тех местех по селом и по деревням всякие люди розбежались от казаков и живут по лесом».

Вот такую поразительную картину увидели московские послы под боком у великой столицы. Результат казачьего набега, по их наблюдениям, был весьма значительным: нападение, произведенное в середине лета, еще живо ощущалось в середине осени, причем на большом пространстве Прибосфорского района.

«А на морскую протоку, — заключает список, — пришли октября в 12 день и стали, не доходя Царягорода за 10 верст, в селе в Бейкусе (Бейкозе. — В.К.); а корабль их пришел к ним на завтрея их приходу, октября в 13 день». В тот же день посольство прибыло в Стамбул. Везир, естественно, делал И. Кондыреву упреки за набеги донцов и требовал их унять. Посол в ответ заявлял, что они «воры» и на море ходят самовольством, и в свою очередь требовал запретить азовцам грабить русские украины.

Согласно Т. Роу, казаки не ограничились нападением на Морское побережье, но действовали и в самом Босфоре. В письме сэру Фрэнсису Нэзерсейлу в Гейдельберг, отправленном после 1 июля 1622 г.[52], говорилось что казаки «тревожили нас в "нашем порту (т.е. в Золотом Роге. — В.К.)[53] в течение нескольких дней». «Каково же мужество нашего города, — восклицал Т. Роу, — если страшатся толпы безоружных приграничных жителей?» Это была, конечно, неверная характеристика казачьей «вооруженности», но вполне понятная при сравнении сил «кучки» казаков с формальными возможностями Османской империи. «Они (турки. — В.К.), — продолжал посол, — теперь готовятся выслать против них несколько фрегатов (фыркат. — В.К.), причем с большим трудом, и они так плохо снаряжены, что едва годятся лишь для демонстрации. У них (турок. — В.К.) нет припасов на складах, и заставили послать ко мне за двумя бочонками пороха, в которых я отказал; и они оставались на нашем корабле (британском, стоявшем в порту. — В.К.) под разными предлогами до тех пор, пока я не был вынужден сделать такой неподходящий подарок».

В тот же день Т. Роу отправил депешу в Лондон Д. Кэлверту, где без подробностей сообщал о вторжении татар в Польшу, а казаков на Черное море и захвате ими «большой добычи». Некоторые меры Турции по улучшению ее отношений с Польшей, указывал посол, «я думаю, не обеспечат спокойствия... И вот в чем трудность: турки и поляки в любом случае заключили бы мир, но они не знают, что делать с этими разбойниками, которые теперь никого не боятся».

Казачье «тревоженье» турок в столичном порту, по Т. Роу, следует понимать не в расширительном смысле, а в самом прямом: порт находился в тревоге не потому, что казаки находились относительно недалеко, а потому, что они были буквально рядом, плавая у входа в Золотой Рог. Более того, на этот раз казаки выходили и в Мраморное море, о чем повествуют два современника.

В 1622 г. азовский татарин, взятый в плен донцами, «сказывал, что казаки на Белом море повоевали многие места и з Белове... моря перешли на Чорное море». «Трудно сказать, — комментирует это известие Н. А. Мининков, — в самом ли деле выходили казаки за пределы Черного моря, поскольку сообщивший об этом язык — азовский татарин не был в то время в Царьграде и не мог точно знать обстоятельств этого казачьего похода. Характерно, однако, то, что в Азове вполне допускали такую возможность».

Историк рассматривает данное сообщение как отражение слухов, ходивших среди азовских татар, и в одной и той же работе относит эти слухи к походу 1621 г., затем к набегу 1622 г. (под командованием Шила), замечая, что слухи возникли неслучайно, так как в последнем упомянутом году казаки «воевали» за полднища от Стамбула, но что по возвращении на Дон сами участники экспедиции не говорили о своем выходе в Белое море. Думается, что причины такого умолчания

перед московскими представителями понятны, как и то, что вряд ли в Азове морским набегом казаков на Босфор интересовались в первую очередь татары: азовец, попавший в казачьи руки и оказавшийся татарином, очевидно, пересказал известие, ходившее вообще по городу. Оно относится совершенно точно к походу 1622 г., поскольку источник, рассказав о возвращении на Дон из этой экспедиции отряда запорожцев, далее сообщает, что когда основная ее часть с моря еще не вернулась, «из Войска посылали для языков под Азов и под Азовом... взяли татарина и роспрашивали про казаков, которые на море». Пленник, сказав о выходе донцов в Белое море и их возвращении в Черное, добавил, что казаки «на Дону будут вскоре».

Сообщение азовца о казачьем заходе в Мраморное море находит подтверждение и в материалах английского посольства в Стамбуле. Еще И.В. Цинкайзен со ссылкой на депеши Т. Роу писал о том, что в 1622 г. казаки «своим появлением в устье Геллеспонта даже столицу наполнили страхом и ужасом». Но это замечание оставалось для нас несколько неопределенным до непосредственного изучения бумаг посла, которое показало, что британский дипломат прямо и недвусмысленно говорит о крейсировании казаков в Мраморном море и при входе в Дарданеллы. Через две недели после упоминавшегося письма Ф. Нэзерсейлу от 1 июля, где сообщалось о действиях казаков у столичного порта, в депеше от 14 июля посол доносил Д. Кэлверту, что трудность в развитии мирных отношений Турции и Польши будет заключаться в обуздании татар и казаков и что последние продолжают свои набеги и «на прошлой неделе были в устье Геллеспонта». «Мы, — добавлял Т. Роу, — еще не слишком уверены в своем спокойствии здесь, так что я был бы очень рад получить распоряжение его величества, что делать в случае необходимости». Донесения посла показывают, что, используя древнегреческое название Дарданелл, он имел в виду именно этот пролив, а не Босфор; в других сообщениях Т. Роу упоминал и второе устье Геллеспонта — эгейское.

14 июля 1622 г. приходилось на воскресенье, и следовательно, «эта» неделя была с 8 по 14, а «прошлая» с 1 по 7 июля, что вполне соотносится с действиями казаков у Золотого Рога.

Таким образом, по данным двух независимых друг от друга источников, получается, что казаки в ходе этой экспедиции прошли весь Босфор, в частности мимо входа в Золотой Рог и султанского Сераля, обитатели которого могли прямо под своими окнами лицезреть донские струги, вышли в Мраморное море, пересекли его и появились в устье Дарданелл, а затем проделали обратный путь. Это первый известный случай такого рода, и приходится только сожалеть, что Т. Роу не описал его подробно и что не обнаружены другие источники, которые бы рассказывали о деталях знаменательного плавания.

Пребывание донцов на Босфоре, наделавшее столько паники, завершилось, однако, их неудачей. Турецкому военно-морскому командованию все-таки удалось собрать в Стамбуле эскадру и направить ее против казаков. Сражение произошло в половине дня пути от столицы, у какой-то босфорской «жидовской деревни», которую трудно идентифицировать. В принципе это могли быть Арнавуткёй, Куручешме, Ортакёй или Бешикташ, все имевшие значительное еврейское население, но являвшиеся фактическими пригородами Стамбула. Может быть, речь шла об Арнавучкёе, расположенном дальше от столицы, чем остальные.

Большой полон, захваченный казаками, и отсюда попытка продать его «на месте» сыграли для них отрицательную роль, а турки прибегли к коварству и обману, в целом не характерным при обычном «окупе»- пленников.

О ходе сражения мы знаем из расспросных речей Л. Чернышева и К. Ильина, слышавших на Дону от азовца Мустафы Картавого, что казаки «взяли было деревню жидовскую, в которые жили жиды, атаде деревня от Царягорода всего полднища; и на техде казаков под ту деревню ходило турских людей 16 катарг, и тое деревню взяли у них назад и казаков побили с половину; а побили де их Оманом: заслали к ним наперед о том, чтоб казаки дали им полон, что оне поймали, на окуп, и будто их (пленников. — В.К.) хотели окупать дорогою ценою, и манили им окупом три дни, и, собрався в те дни, пришед на них безвестно, и их побили, и полон свой отгромили, а половина де казаков ушли на море в стругех и полону с собою увезли немало ж».

В.М. Пудавов справедливо замечает, что «казаки потерпели большую потерю в собратах чрез лукавый обман неприятелей», которые во время переговоров, «улучив минуты расплоха казацкого, напали нечаянно на струги». По Н.А. Мининкову, турки произвели нападение на казаков, когда те привели пленных. Ю. П. Тушин считает, что казаки после предложения выкупа «причалили к берегу и три дня вели переговоры», хотя источник говорит, что донцы сначала взяли селение, а потом уже к нему прибыли турецкие корабли и последовало предложение о выкупе.

Что касается казачьих потерь, то половина [54] от 1150 человек должна была составлять 575. Но есть и другие данные — и больше, и меньше названной цифры. Те же Л. Чернышев и К. Ильин передавали, что на Дону еще до возвращения флотилии ходили слухи о полной ее гибели: «А... донские атаманы и казаки говорили при них в розговорех и ясыри многие сказывали, что де тех атаманов и казаков побили на море турские люди всех». Ниже мы увидим, что, по турецким сведениям, Реджеб-паша, вероятно, после босфорского боя привел в Стамбул 18 захваченных казачьих судов и 500 пленников. Однако К. Збараский, ведя в конце 1622 или начале 1623 г. переговоры с великим везиром Хедимом Гюрджю Мехмед-пашой, может быть, с иронией, так оценивал результаты османской антиказачьей борьбы 1622 г.: «... возмездие по отношению к казакам вы осуществили, поймав три челна с разбойниками...»

Верные цифры казачьих потерь сохранил статейный список И. Кондырева и Т. Бормосова, при которых флотилия вернулась на родину: на казаков «из Царягорода приходили каторги и убили у них казаков челов[ек] с 400 и больши». Поскольку же из 40 стругов домой возвратились 25, значит, 15 было потеряно[55]. С.З. Щелкунов считает, что набег едва не кончился для донцов «таким же разгромом, как в прошлый раз под Ризою» — в 1621 г. во время похода на Ризе. Но это набеги, несравнимые по результатам. В экспедиции к Ризе потери казаков составляли несколько более четырех пятых от числа участников, в босфорском походе — несколько более четверти; первый закончился полной неудачей, а второй, несмотря на значительный казачий урон, в целом оказался успешным и имел большое морально-политическое воздействие на воинов и население Стамбула и Босфора, равно как и сугубо экономический результат в виде разоренных селений, добычи и пленных. Уже по возвращении флотилии, 18 (8) сентября, Ф.деСези писал Людовику XIII, что «слух о четырех казачьих лодках на Черном море их (турок. — В.К.) здесь больше волнует, чем чума из Морей или Барбарии (Берберии. — А К.), так они перепуганы в этом отношении».

В отписке И. Кондырева в Москву сообщалось, что казаки флотилии «с моря... со многою добычею идут назад, а в Войско... еще августа по 5 число не бывали; а казаки... нам говорят, что у товарищей их срок положен с моря быть в Войско после Семеня дни (после 1 сентября. — В.К.)[56], как морской ход учнет миноваться; а вам де до тех мест в Азове не бывать (т.е. мира с I Азовом не будет и послов не передадут туркам, пока не вернется флотилия. — В.К.)».

Возвращение состоялось через два дня, задолго до ожидавшегося срока. «Августа в 8 день, — сказано в статейном списке того же посольства, — пришли на Дон с моря донских атаманов и казаков и черкас 25 стругов, атаман черкаской Шило с товарищи, челов[ек] их с 700 и больши...»

Полтора месяца спустя, 21 сентября, в Стамбул с Черного моря прибыл имперский флот под командованием султанского зятя адмирала Реджеб-паши [57]. Триумфально, под гром орудий и ружей он вошел в Золотой Рог с 18 захваченными казачьими судами и 500 пленными казаками. Еще Д.И. Эварницкий полагал, что этот успех адмирала, вероятно, относился к упомянутому сражению на Босфоре[58]. Присоединяемся к данному мнению, поскольку не знаем для 1622 г. других случаев, когда бы османы на море захватили у казаков столь значительные трофеи и большое число пленников. В Турции Реджеб-паша получил прозвание «Победитель казаков», и И. фон Хаммер пишет, что к 1622 г. казаки уже 10 лет беспокоили побережье Черного моря, но никто не добился в борьбе с ними такого успеха, как этот флотоводец[59], с чем нельзя согласиться ни в отношении хронологии, ни по части, результатов (мы только что говорили о неудачном казачьем походе к Ризе). Реджеб-паша был допущен к целованию руки у султана, пожалован богатым почетным платьем и вскоре же должностью капудан-паши, а впоследствии являлся и великим везиром.

Войско Донское в царской грамоте от 20 сентября 1622 г. получило выговор: «А которые гонцы приезжают к Москве и в наши украинные городы с Дону, и те все сказывают, что вы на море товарищей своих посылали после нашего государского указу и неодинова... и то есте учинили негораздо, мимо нашего царского повеленья, а наш указ послан к вам и не один. Да с вашими ж... товарищи ходили вместе запорожские черкасы, которые к вам пришли из Литвы, из Запорог, и ныне у вас на Дону черкасы многие и, будучи у вас на Дону, с турскими и с крымскими людьми чинят задоры многие; а по нашему указу запорожских черкас принимать вам к себе не велено, потому что они приходят к вам по наученью польского короля для того, чем бы меж нас и турского салтана и крымского царя ссору учинити и война всчать».

Понимая, что казаки, как и раньше, будут совершать морские набеги и что союз донцов и запорожцев не разорвать, поскольку для них собственные интересы были важнее политических замыслов Москвы и Варшавы, царское правительство тем не менее выступало с очередным предупреждением: «А учнете делать против нашего указу и под турского и под крымского (госу-

дарей. — В. К.) городы и улусы учнете ходити войною, и корабли и каторги громить, и черкас запорожских учнете к себе прини-мати, а что в том учинится меж нас и турского и крымского (государей. — В.К.) ссора и война, и то все будет от вас, и вы б в том на себя нашего государского гнева не наводили и нашие к себе милости не теряли...»

Г.П. Пингирян говорит и о нападении запорожцев на Босфор, произошедшем осенью 1622 г., т.е. уже после рассмотренного нами похода. По словам историка, «близко подъехавшие к Стамбулу по сухопутной дороге участники посольства К. Збаражского (Збараского. — В.К.) не решились въехать в столицу, ибо наблюдали полыхавшие на горизонте вдоль черноморского побережья Турции зарева пожаров — результат нападения украинских казаков, дошедших вплоть до Еникёя». Эти обстоятельства в совокупности с волнениями в Стамбуле, не связанными с казачьими действиями, привели к тому, что посольство долго отсиживалось вне столицы. Г.П. Пингирян ссылается на поэму-хронику С. Твардовского, участника этой миссии, и одну из работ на армянском языке.

Согласно отчету о посольстве, К. Збараский со свитой въехал в Стамбул 9 ноября (30 октября), а в Молдавию, по пути к османской столице, прибыл после 21 (11) сентября, и следовательно, казачий набег должен был состояться в октябре или в крайнем случае в сентябре по старому стилю. Однако в упомянутом отчете не говорится ни о зареве пожаров, ни о слишком длительной задержке перед Стамбулом, хотя и сказано, что великий везир держал К. Збараского «пять дней за 2 мили от Константинополя». С учетом того, что и нападение 30 казачьих судов на Кандыру Г.П. Пингирян относит к осени, полагаем осенний набег на Босфор 1622 г. нереальным.

Но как бы то ни было, события этого и предшествующих лет показали, что Босфорская война казачества разгоралась, и Ватикан был прав, когда в инструкции от 14 (4) декабря 1622 г. для епископа Джана Ланцелотти, назначенного нунцием в Польшу, констатировал, что к этому времени «горстка казаков на небольших судах не раз могла... грабить или стращать» турецкую столицу.

«Следует отметить, — пишет Ю.П. Тушин, — что походы казаков на Азовское и Черное моря в 1623 г. до настоящего времени остаются наименее изученными». Это замечание вообще справедливо и особенно в отношении казачьих действий у Босфора. Далее мы увидим, что Эвлия Челеби, В.М. Истрин, Д.И. Эварницкий, Б.В. Лунин, М.А. Алекберли и другие ошибочно относят к указанному году операции, осуществленные казаками в следующем 1624 г. При этом отечественные авторы ничего не говорят о подлинных казачьих действиях, относящихся именно к 1623 г. «Сопоставление различных источников позволяет восстановить картину событий», — утверждает Ю.П. Тушин, нотутже повторяет ошибку своих предшественников[60]. В зиму 1622—1623 гг. османские власти были уверены, что с началом навигации последуют новые набеги казаков, в том числе на Босфор. «И теперь я знаю, — заявлял Хедим Гюрджю Мехмед-паша К. Збараскому, — казаки готовятся и будут здесь (беседа происходила в Стамбуле. — В.К.). У нас прекрасные места, и они не задержатся (прийти. — В.К.)». «Если вскоре появятся, — отвечал посол, разыгрывая "казачью карту", —... мой государь предпримет по отношению к ним справедливые меры, смотря по тому, чего они заслуживают. Сделайте и вы так, как обещали (относительно прекращения татарских набегов на Польшу. — В.К.). А им (казакам. — В.К.) готовиться и не нужно, они готовы. Если меня так долго будешь держать... безусловно, дождешься их».

Переговоры о заключении мирного договора затягивались. «Везиры, — по словам К. Збараского, — опасались за свою участь: если бы оформили со мной договор, а потом вторглись бы [к ним] казаки, то гнев войска обратился бы на них, отпустивших меня».

После мюшавере — совещания у великого везира с участием крупных феодалов — создалась невыносимая обстановка для посольства, и речь шла уже о жизни посла. «Зачем пугаешь меня толпами разъяренных янычар? — спрашивал К. Збараский у аги. — Если погибну... то каким это будет... позором для вас! Повсюду разнесется весть, что убили посла. Весть о том дойдет до Польши, стократно усилит жажду мести шляхетской молоде- жи. Она двинется на вас по суше, поплывет по Черному морю на тысяче вооруженных чаек к берегам Азии, к Босфору, к самим стенам Сераля принесет смерть и опустошение». Разумеется, эта угроза была мифической: Польша не имела возможности начать широкое наступление на Турцию, а попасть на Босфор шляхтичи могли лишь вместе с запорожцами и на их судах61, но характерна сама форма заявления, которая могла возникнуть только в связи с казачьими набегами к проливу.

На новом мюшавере под председательством нового великого везира Мере Хюсейн-паши все-таки было решено подписать мирный договор с условием удержания татарских и казачьих

вторжений. «Чтобы от короля польского, от его старост и капитанов, от разбойников-казаков, от находящихся в его подданстве своевольных людей, — говорилось в первом пункте договора 1623 г., — нашим (турецким. — В.К.) державам, пограничным замкам, селам, местечкам и всем другим моим (султана. — В. К.) владениям никоим образом не причиняли никаких беспокойств и ущерба, чтобы на Черном море и слова «казак» слышно не было. К тому же, если от разбойников-казаков будут какие-либо потери, чтобы не было отговорок, будто нанесли их московские казаки. Не следует позволять казакам московским с казаками польскими соединяться, помогать друг другу. Следует силой их сдерживать, а непослушных тотчас карать».

Обе стороны, польская и турецкая, договаривались, игнорируя интересы и мнение казачества и будучи не в силах контролировать его поведение. Впрочем, в действенность договора в Стамбуле мало кто верил. 19 (9) марта Ф. де Сези сообщал, что турки продолжают готовить «на Дунае и вдоль берегов Черного моря» корабли, «чтобы противостоять казакам, ибо эти люди, как здесь полагают, должны прийти в этом году с войной несмотря на мир с поляками».

Запорожцы в самом деле готовились с наступлением весны продолжить военные действия, хотя старшина под давлением Варшавы пыталась сдерживать казаков.

Первое сообщение о выходе сечевиков В4море мы имеем в депеше Т. Роу Д. Кэлверту от 5 апреля. Гетман Войска Запорожского Михаиле Дорошенко 20 мая (стиль неясен) писал киевскому воеводе Т. Замойскому, что часть казаков, воспользовавшись смертью прежнего гетмана Богдана Конши, самовольно отправилась в морской поход. Воевода выразил недовольство этим обстоятельством, и М. Дорошенко послал гонцов вдогонку за ослушниками, но те категорически отказались подчиниться королевскому приказу: «позабыв, видимо, о каре господней, вышли в море, не пожелав вернуться». Гетман выражал сожаление в связи с этим «проступком» запорожцев. Под 10 июня (31 мая) выход казачьих судов в море отметил и шляхтич Кра-совский, ведший «Дневник значительных событий, произошедших в Крыму в 1623 году». Трудно сказать, о нескольких-ли выходах идет речь или о запаздывавшей информации, связанной с одним выходом.

Флотилия, которая нас интересует, была небольшой: Е. Зба-раскому сначала донесли о 22 ее чайках, а потом о 13. И хотя казаки ходили только на 13 судах, замечал этот сановник, но натворили они «столько, словно было их гораздо больше». К сожалению, сведения о действиях флотилии неконкретны и отрывочны. И.В. Цинкайзен говорит, что в 1623 г. казаки дерзнули распространить свои действия до устьев Босфора[62] и угрожали отрезать столицу от подвоза со стороны Черного моря. «Экспедиция, — пишет М.С.Грушевский, — не отличалась значительными размерами, но турецкий флот стоял тогда в Кафе, занятый водворением на ханстве Мехмет-Гирея, и козацкие чайки, появившись вблизи беззащитного Стамбула, нагнали здесь большого страху».

Однако, кажется, поход к Босфору состоялся раньше, чем думает М.С. Грушевский, или же набег в этом году был не один. Новый крымский хан Мухаммед-Гирей III прибыл в Кафу из Стамбула с турецкой эскадрой, состоявшей из 12 галер, 9 мая, а Т. Роу еще 5 апреля сообщал Д. Кэлверту: «Чтобы отомстить им (татарам. — *В.К.),* казаки вышли в Черное море и захватили трофеи, и атаковали город...» По словам посла, «в этот день Совет пришел в ярость» и поспешил разослать повеления для предотвращения дальнейших казачьих вторжений. «Не знаю, — замечал Т. Роу, — будет ли разорван мир с Польшей или, если ни одна из сторон не перейдет к открытой войне, они будут кивать на своих вольных вассалов, чтобы вредить друг другу, что со временем навлечет на обоих еще большие неприятности».

Неясно, какой именно атакованный город имел в виду английский посол, но обычно просто «городом» он называл Стамбул. Но даже если в данном случае подразумевались не османская столица и ее босфорские пригороды, то все равно весной 1623 г. казаки действовали где-то неподалеку[63]. Только по этой причине могло быть ограничено судоходство в Золотом Роге, о чем докладывал дипломат. В его сообщении, отправленном Д. Кэлверту 3 мая, отмечалось, что закрытие «дальнего порта» в целях предосторожности от казаков принесло «много убытков» и что турки не могут отомстить этому народу, который «разъединяет их морское войско», вынужденное «отправить часть галер на защиту торговли»[64].

В конце мая Стамбул охватила новая волна тревоги и страха перед казаками. 30 мая Т. Роу писал своему коллеге, послу в Гааге лорду Дадли Карлтону: «Казаки вторглись в Черное море, и тревога в городе была огромной...» Не исключено, что казачьи суда и в этом случае появлялись поблизости от Босфора[65].

В. Гюзелев, ссылаясь на неопубликованную надпись на стене монастыря «Христос Акрополит», пишет, что в 1623 г. казаки на 17 чайках напали на Несебыр (Мисиври) и захватили много церковной утвари. С этим известием перекликается сообщение прессы, согласно которому

болгарские ученые нашли запись на полях богослужебной книги, сделанную иноком из монастыря Св. Анастасия и повествующую об интересующих нас событиях. Согласно этой записи, в июне того же 1623 г. казаки на 17 чайках опустошили город Агатополь (Ахтеболы), а затем поплыли к Сизеболы, высадились на близлежащем острове и взяли располагавшийся там монастырь. Речь идет об уже упоминавшихся острове Манастыре напротив Сизеболы и обители Иоанна Предтечи. Взяв в плен монахов, нападавшие увезли их с собой в Сизеболы, где также собрали добычу. Наконец они пустились в плавание к Мисиври, но были застигнуты сильным штормом. Все суда перевернулись, казаки утонули, и спасся только их атаман, который сумел добраться вплавь до мыса Емоны (сейчас Емине), к северу от Мисиври.

Не имея полных текстов ни надписи на стене, ни книжной записи и располагая в отношении последней лишь газетной публикацией, мы, к сожалению, не имеем возможности обстоятельно проанализировать эти сообщения, противоречия между которыми бросаются в глаза. Разумеется, удивляет нападение казаков на православный монастырь. Хотя журналист уверен, что «казаки-разбойники» «подчас не старались отличать христиан от мусульман» и что отсюда и проистекали «нападения на болгарские монастыри», в действительности дело обстояло по-другому. Источники, рассказывающие о казачьих морских походах, практически не знают даже конкретных случаев разгрома мечетей, а здесь набегу подверглась православная обитель[66].

Обращает на себя внимание, что информация записи похожа на заявление турецкой дипломатии о другом, более позднем и сомнительном казачьем разгроме того же самого монастыря, о чем мы поговорим в главе X. Непонятно, зачем нападавшим понадобилось увозить монахов в Сизеболы — разве в качестве проводников? Наконец, география набега говорит о том, что флотилия двигалась не с севера на юг, а наоборот, с юга на север, и, следовательно, дело происходило при возвращении из набега, первоначальный объект которого неизвестен, но им вполне мог быть Босфор.

Как увидим далее, П.А. Кулиш считал некоторые походы запорожцев «безначальными», т.е. проводившимися казачьей «разбойной» молодежью «без старших». Может быть, в данном случае, если запись о нападении на монастырь имеет реальную основу, мы встречаемся с таким походом молодежи? Возможно, она имела и какой-то конкретный повод для действий в обители, не упомянутый информатором? Быть может, в таком случае одной из причин гибели казачьей флотилии, что случилось первый и единственный раз в истории Босфорской войны, могли стать отсутствие или недостаток на судах опытных мореходов? Но все это одни «голые» догадки.

По газетному сообщению, болгарский историк Божидар Димитров пытался организовать поиски затонувшей флотилии и находившейся на ней добычи. Пресса цитировала его слова: «Когда я прочитал сообщение монаха о погибших "чайках", сразу же родилась идея поиска этих сокровищ с помощью водолазов. Точное место вычислить довольно просто. Это недалеко от берега. Если удастся открыть на дне даже часть затонувших вещей, находки обогатили бы болгарские музеи». Результаты нам неизвестны.

В связи с сообщениями о вторжении казаков в Черное море в Стамбуле было решено наскоро снарядить и двинуть на них 45 различных и плохо вооруженных галер с воинами, которые не желали повиноваться. Согласно И.В. Цинкайзену, это были всевластные тогда и недисциплинированные янычары, по М.С. Грушевскому — спешно набранный «всякий сброд». Вместо похода на казаков «защитники» в течение двух недель перед отплытием так бесчинствовали и грабили имперскую столицу, что пришлось закрыть все магазины и лавки. Воины разбойничали на улицах, врывались в дома, требовали денег от своих начальников. Никто не решался дать им отпор, опасаясь, как бы они не сожгли город. Когда их наконец принудили подняться на корабли, солдаты хотели продолжить мятеж в Гелиболу, где эскадра должна была собираться. Там, однако, жители сумели организовать самооборону: все население поднялось и после кровавой стычки, положив на месте 60 солдат, отбросило их на галеры. «Пока эти галеры вышли в море, — замечает М.С. Грушевский, — Козаков и след простыл».

Казаки, писал Т. Роу в упомянутом послании Д. Карлтону, причиняют туркам «больше оскорблений и страха, чем самый большой враг», казаков нельзя схватить, они убегают, от них не получишь «ни чести, ни выгоды». И, разумеется, трудно было ожидать побед от османских соединений и воинов, подобных описанным выше. Победа к ним приходила только в случае круп - ного казачьего «расплоха» и счастливо сложившихся обстоятельств.

В «Дневнике» Красовского под 20 (10) июня есть запись о нападении казаков на судно, которое везло из Стамбула вещи Мухаммед-Гирея III и которое едва сумело укрыться в гавани

Балаклавы. По М.С. Грушевскому, к концу лета запорожцы снова собрались на море в числе 30 чаек, но район их действий неизвестен[67].

Сделаем выводы:

1. В первой половине 1620-х гг. военные действия казаков у Босфора и на Босфоре заметно усилились. После операций 1620 г., включавших нападения на Сизеболы и устье пролива с вероятным вторжением в Босфор, последовало активное участие казачества в польско-турецкой Хотинской войне 1621 г.

2. В течение весны, лета и осени этого года казачьи флотилии действовали на морских коммуникациях Турции, совершали набеги на устье Босфора и, очевидно, на поселения самого пролива. Есть свидетельство и о выходе казаков в Мраморное море к Едикуле. Их операции держали Стамбул в постоянной тревоге, несколько раз вызывали настоящую панику и в целом внесли существенный вклад в победу Польши.

3. Окончание Хотинской войны не остановило боевые действия, нов 1622 г. на первый план в Босфорской войне выдвинулись донцы. В ходе кампании этого года многие селения азиатской части Прибосфорского района подверглись разгрому. Казаки тревожили турок в столичном порту, выходили в Мраморное море, пересекли его и появились в устье Дарданелльского пролива. Хотя сражение с турецкой эскадрой на Босфоре завершилось для казаков неудачей, в итоге набег оказался успешным.

4. В 1623 г. казаки совершили новый поход к Босфору, действовали неподалеку от Стамбула и, по-видимому, в европейской части Прибосфорского района.

Примечания

[1] В июле нового стиля сообщалось и о выходе 200 судов.

[2] О разгроме Варны Ф. де Сези сообщал королю 25 (15) августа 1620 г..

[3] Н.П. Ковальский и Ю.А. Мыцык перевели последнюю фразу следующим образом: «...и наконец остановились всего в 16 милях от Константинополя».

[4] В депеше все же говорится о солдатах, и, очевидно, именно они, а не моряки имелись в виду. Солдаты превращаются в матросов еще раньше у В.М. Пудавова.

[5] У публикаторов после Балчха стоит знак вопроса, Понт и Енгикёй не поясняются. Балчх — это явно Балчик. Что подразумевалось под Понтом, сказать затрудняемся (может быть, Трабзон?).

[6] «Войска помощные, которых турки употребляют в отпуск морской, — писал современник, — приходят из Триполя, из Тунезя, из Алджира (Триполи, Туниса и Алжира. — ВЛ».)...»

[7] О войне в целом см.: 628; 263; 616.

[8] Н.С. Рашба пишет, что предостережения сановников высказывались под впечатлением уже происходивших казачьих морских набегов 1621 г., но в марте их еще не было.

[9] По Ю.П. Тушину, в продолжение нескольких месяцев лета 1621 г. «действовала крупная флотилия запорожцев, которая делилась на несколько отрядов, чтобы расширить рамки своих набегов».

[10] В публикации документов о воссоединении Украины с Россией В. Ша-лыгин ошибочно назван Малыгиным. Н.С. Рашба неверно говорит о 1300 запорожцах и 400 донцах.

[11] У Ю. (О.И.) Сенковского пересчет дал 13 июля.

[12] Н.С. Рашба, не указывая, правда, основания, пишет, что в Хотин-скую войну на водные пути вышло до 5 тыс. запорожцев.

[13] По пересчету Ю. (О.И.) Сенковского, 10—13 июня.

[14] У М.А. Алекберли почему-то Ахиоль.

[15] М.С. Грушевский перевел так: «... множество людей от Перы и Ка-сомбаши до Арсенала уже начали перевозить свое имущество в Константинополь». По Ю. Третяку, жителей Стамбула «охватил великий страх; некоторые уже укладывали вещи и хотели удаляться из города», но последнее утверждение не вытекает из источника.

[16] Согласно М.С. Грушевскому, снимали орудия, однако далее у Ф. де Сези упоминаются мушкеты, и, похоже, речь все-таки должна идти об оружии.

[17] У В.М. Пудавова Топа Фазли-паша. И. фон Хаммер упоминает Фаз-ли-пашу, который был капудан-пашой в 1647 г.

[18] Ю. Третяк заменяет цехины на дукаты. О монетах, обращавшихся тогда в Турции, скажем в главе VI.

" См. далее у того же автора к другое написание — Карамюсаль.

[20] Турецкие весельные суда имели общее название «чакдыры», и кара-мюрсель являлся наименьшей чакдырой. В европейских языках название «карамюрсель» варьировалось. У Жоржа Фурнье это «карамуссат». О происхождении названия см. в главе IX.

[21] У Г.А. Василенко читаем, что чайки вошли в пролив и что «на защиту столицы Осман II послал морские и сухопутные силы, которые вскоре туда прибыли». Автор превращает названия должностей каймакама и бостанджибаши в имена — соответственно Каймакан-пашу и Бостанчи-пашу.

[22] Определение «импровизированная» понравилось М.С. Грушевскому (его «импровизированная эскадра» уже упоминалась при рассказе о событиях 1620г.), и он с иронией пишет, что в 1621 г. «импровизированные моряки чувствовали такое почтение к козачеству, что, подъехав к козацкой флотилии... не отважились напасть... Посмотрели на разведенный козаками пожар и тихонько... вернулись к себе обратно в Константинополь». Позже у М.С. Грушевского будет фигурировать и «импровизированная армада». Н.С. Рашба также упоминает «сымпровизированную флотилию».

[23] В польском оригинале zburzyli; в украинском заглавии публикуемого документа «спалили».

[24] Л. Подхородецкий понимает как «двух их (казаков) отослали».

[28] Шляхтич, кроме того, сообщил, что на Дунае несут охранную службу против казаков 500 шаик с небольшими пушками и что он, беглец, видел эти суда под Рушуком.

[26] Ю.П. Тушин неверно датирует эти события периодом после 11 июля. Автор совершенно не понял польский текст, заставив Е. Вороцкого бежать с галеры 16 июля и превратив Галату в Галац — город, расположенный в глубине современной Румынии. По Ю.П. Тушину, не казаки потопили погнавшихся за ними турок, а турки казаков, и в таком случае непонятно, почему упоминается столь мизерное число казаков-пленников.

[27] Л. Подхородецкий также говорит, что слухи о вооруженном выступлении против турок Персии и Испании, больших походах казаков, военных приготовлениях Англии и Голландии распространяли на территории неприятеля польские агенты, старавшиеся вызвать панику среди населения или морально ослабить турецкую армию, шедшую на север. По автору, результаты этой работы оказались значительными: в армии было сильное беспокойство о судьбе родственников и имущества, оставшихся в родных местах.

[28] В другом месте у того же автора: напали на один из стамбульских фортов, разрушили его и повернули назад.

[29] Ю.А. Мыцык замечает, что после 14 мая казаки сумели совершить успешный поход под Стамбул, но, возможно, имеет в виду набег, описанный Ф. де Сези.

Добавим здесь, что в стихотворении Т.Г. Шевченко «Гамалия» упоминается казачья атака Галаты: Турция «боится, чтоб Монах (видимо, имеется в виду П. Сагайдачный. — *В.К.)* / Не подпалил Галату снова, / Не вызвал чтоб Иван Подкова / На поединок на волнах». Само стихотворение посвящено походу на Скутари, как уже отмечалось, для освобождения казаков-невольников: «— Режьте! Бейте! — Над Скутари / Голос Гг4малии. / Ревет Скутари, воет яро, / Все яростнее пушек рев; / Но страха нет у казаков, / И покатились янычары. / Гамалия на Скутари / В пламени гуляет, / Сам темницу разбивает, / Сам цепи сбивает. /— Птицы серые, слетайтесь / В родимую стаю!.. — / Пылает Скутари... / Как птиц разбуженная стая, / В дыму казачество летает: / Никто от хлопцев не уйдет, / Их даже пламя не печет!/Ломают стены». В поэме Т.Г. Шевченко «Гайдамаки» атаманы «вспоминают, / Как Сечь собирали, / Как через пороги к морю / Лихо проплывали. / Как гуляли в Черном море, / Грелися в Скутари». Литературными источниками стихотворений поэта «Гамалия» и «Иван Подкова» служили повести Михала Чайковского (Мехмеда Садык-паши) «Поход на Царьград» и «Скалозуб в Замке семи башен».

[30] Перевод прозаический (1718 г.). Слова, взятые в квадратные скобки, в оригинале отсутствуют и добавлены переводчиком С. Савецким.

[31] См. его критику А.Л. Бертье-Делагардом: 54.

[32] Н.С. Рашба вопреки М. Титлевскому думает, что 12 судов были потоплены под Стамбулом. Поход Б. Хмельницкого фигурирует и в других работах, но с указанием на разгром эскадры в открытом море.

[13] Ю.П. Тушин относит набег к осени — следовательно, к началу сентября.

[34] Приводим перевод В.И. Ламанского: 411.

[35] Д.С. Наливайко, отмечая, что им был Ф. де Сези, говорит, что рассказы последнего послужили важным источником для Л. де Курменена.

[36] Те же цифры повторят затем Ж. Фурнье и П. Линаж де Вансьен, причем последний осторожно напишет, что «несколько раз они грабили почти в пяти-шести лье от Константинополя».

[37] В.А. Брехуненко неверно понял сообщение и полагает, что «тысяча» относится только к запорожцам.

[38] 300 запорожцев фигурируют и в сообщении московских информаторов, которые слышали на Дону «в розговорех от казаков, что ходят черка-сы... под Царемгородом человек с триста».

[39] Ю.П. Тушин в одной из своих работ замечает, что это, вероятно, те же суда, а в другой снимает слово «вероятно».

[40] Т. Роу сообщал, что сама Кафа находилась тогда «под угрозой». О том же пишет М.С. Грушевский.

[41] В.А. Брехуненко ошибочно утверждает, что на обратном пути буря разнесла по морю только донцов. У этого же автора неверно датирован рассказ Т. Иванова — 29 июня, хотя в этот день русское посольство было еще далеко от Клейкого городка, за днище от впадения Хопра в Дон.

[42] Имя султана названо ошибочно. В 1622—1623 гг. правил Мустафа I. Царствование Ахмеда I, как мы указывали, приходилось на 1603—1617 гг.

[43] Имеется в виду Сигизмунд III, по-польски Зыгмунт (откуда и Жигимонт).

[44] Увеличение флотилии за счет донцов могло произойти только до начала июля. И. Кондырев сообщал о казачьих выходах в море, но не в Черное, а в Азовское, состоявшихся 7, 13 и 21 июля.

[45] А.В. Висковатов ошибочно датирует депешу посла 12 июня, что затем повторяет и Ю.П. Тушин.

[46] Д.И. Эварницкий переделывает «уезд» в Царьградский вилайет.

[47] По В.М, Пудавову. от Стамбула до Кандыры 100 верст. Мы насчитали по прямой приблизительно 96 км. В переводе А.В. Висковатова откуда-то появляются шесть миль от Кандыры до моря и карамюрсели снова становятся населенным пунктом, на этот раз это Карамюсаль; то же и у Ю.П. Тушина, только поселение — Карамуссал. У Г.П. Пингиряна дело происходит осенью.

[48] Предположению противоречило бы и то обстоятельство, что Ж. Фурнье насчитывал тогда у турок всего 40—50 карамюрселей, но, очевидно, он значительно преуменьшил их число.

[49] У В.М. Пудавова: в Лиманы при Кондре.

[50] Ср. переложение источника В.Д. Су хору ков ым: «Испуганные жители сначала поверили сим вестовщикам (с кораблей. — *В.К.),* но, усомнившись в справедливости разглашений их, собрались из окрестных деревень до 300 человек с кадием, пришли к посланникам в село Кандру и с великим азартом им говорили: "Видите ли ужасные следы опустошения и еще дымящиеся развалины жилищ наших, произведенные вашего государя донскими казаками? Ведайте, что за разорение наше, за плен, за кровь и смерть собратий наших вы заплатите нам вашею жизнию"».

[51]То же переложение: «Послы отвечали, что они посланы от царя к султану по делам важным государственным и потому не оскорбления и обиды, но защиты и безопасности ожидают, ибо они находятся во владениях государя союзного и России доброжелательного...»

[52] В публикации опечатка: 1662 г.

[53] В.И. Ламанский перевел: «даже в самой Порте была тревога», т.е. в Оттоманской Порте. Вслед за ним это повторяет М.А. Алекберли.

[54] Половину принимает и В.М. Пудавов: «около половины казаков побили».

[55] Но, похоже, не уничтожено, как утверждает Ю.П. Тушин, а захвачено.

[56] У В.М. Пудавова ошибочно: около Самсонова дня (1 сентября).

[37] К. Збараский называл его «злейшим врагом своим и мира» с Польшей. Реджеб-паша был вторым мужем сестры Мурада IV Гевхерхан.

[58] Ю.П. Тушин связывает эти события уже безусловно.

[я] П.А. Кулиш повторяет вслед за И. фон Хаммером, что Реджеб-паша «в 1622 году одержал первую в течение десяти лет победу над казаками-пиратами и привел в Золотой Рог 18 казацких чаек».

[№] Подробно об этой ошибке см. в главе V.

[''] Вообще, как отмечает Я.Р. Дашкевич, «о каких-либо морских походах польских войск на Черном море, даже при использовании казацких чаек, ничего неизвестно».

[62] По ошибочному мнению автора, вторично (первый раз будто бы в 1622г.).

[63] Филип Лонвёс считает, что в 1623 г. (в тексте опечатка: 1633) казаки были в пригородах Константинополя.

[64] В том же документе говорится, что восемь дней назад Мухаммед-Гирей отправился с 13 галерами захватить власть в Крыму. О том же Т. Роу сообщал королю Якову I в донесении от 2 мая с добавлением, что, как известил везир, отправка в Крым 13 галер была необходима еще и для удержания казаков.

[65] Ю.А. Мыцык считает, что речь идет о нападении на Стамбул: в мае — июле, говорит историк, донцы и запорожцы предприняли крупные морские походы на Стамбул, Трапезунд, Кафу и другие города Турции и Крыма. Н.П. Ковальский и Ю.А. Мыцык, комментируя сообщение И.Ф. Абелина о мести татар за нападение казаков «на Турцию и [ее земли] около Черного моря», полагают, что имеется в виду майский поход казаков, когда они, — и далее приводится свидетельство Т. Роу, — «подошли к Стамбулу и нагнали большого страху на турок». Однако здесь авторы, обычно точные, допускают недосмотр: у Т. Роу нет прямого сообщения о подходе казаков к Стамбулу. Перевод английской фразы приведен нами выше. В польском же переводе «выжимок» из Т. Роу, на котором основываются авторы, сказано:

«Снова казаки вышли на Черное море и большого страху нагнали на Царь-град...» О причинах, вызвавших в 1623 г. вторжение 15 тыс. татар в Польшу, см.: 462.

[66] Правда, П.А. Кулиш и за ним Д.И. Эварницкий думают, что в 1614г. в Синопе запорожцы сожгли несколько мечетей, но не подкрепляют это мнение источниками. Эвлия Челеби рассказывает, что однажды казаки взяли «блюда, кастрюли и другую посуду» из мусульманского монастыря Салтык-бая в Бабадаге, но «когда потом, в течение одного дня и одной ночи вокруг блуждая, не могли найти свои лодки, все эти медные сосуды опять в монастырь отнесли. Когда же оттуда возвращались, были схвачены местными жителями в ясырь, и затем суда их, стоявшие в море, сильная волна выбросила на берег и полностью разбила, так что всю их добычу тамошние люди разделили между собой. С того времени гяуры уже никак в Бабадаг не попадают». В сообщении явно присутствует мотив наказания за святотатство, и неясно, является ли эта история реальной.

По словам кубанского историка И.Д. Попко, его дед, старый сечевик, говорил ему, что паникадило запорожской сечевой церкви попало в Сечь из какого-то армянского монастыря в Турции, а И.П. Попов на основании того, что в донских церквах было много старинных икон, допускал, что во время набегов на Турцию казаки могли «добывать в числе различных вещей и иконы православные». Полагаем, что вряд ли речь может идти о прямом, вооруженном захвате, который, видимо, должен был восприниматься как святотатство с соответствующими последствиями, но — о спасении икон при разрушениях и пожарах, сопровождавших набеги, о получении икон в дар от местных христиан и т.п.

Войсковая отписка 1662 г. сообщает об одном случае приобретения иконы на войне и о том, что за этим последовало. В 1656 г., во время военных действий с поляками, донцы взяли под Вильной икону Пречистой Богородицы Одигитрии, животворящий крест, Евангелие и церковные книги, привезли их на Дон и поместили в специально построенную церковь. Через несколько лет «от тое чудотворные иконы многим людем явление было, чтоб образ ее... поставить по-прежнему в Вильне». В Войске тем людям «многожды не веровали», пока в 1662 г., когда казаки «шли с моря и сидели... в окопе в осаде на степи на Тузлове-речьке от крымского царевича-калги и от многих воинских людей», «та чудотворная икона, пречистая Богородица Одигитрие» снова не явилась многом же донцам, чтобы «поставить ее... на старом месте... в Вильне», иначе «милости божией и помощи нигде не будет». Дав обет вернуть икону, казаки освободились от осады и благополучно вернулись в Черкасск, где икона снова явилась одному из донцов с предупреждением, что если обет окажется неисполненным, то будет еще «нужнее», чем было в осаде. После этого особой станицей, в сопровождении священника и дьякона для ежедневного служения, Войско отправило икону в Москву для последующей доставки в Вильну, что и было сделано по окончании войны.

Впрочем, Павел Алеппский в 1653 г. в Яссах видел, как вступившие в город казаки Тимофея Хмельницкого «разграбляли церкви и монастыри», но потому, что «в них укрывались неприятели». При этом сам патриарх Антиохийский Макарий, отец автора, находившийся в городе, и его свита спрятали в монастыре некоторых турок. С одним из укрытых янычар, продолжает Павел, находился «маленький невольник-казак, и то, что этот по- следний сделал с самого начала с вещами и деньгами своего хозяина, не имело себе примера: он указал их поодиночке казакам, которые и разграбили все вместе с имуществом товарищей янычара». Не можем разделить с автором удивления по поводу «предательства» раба и обратим внимание на то, что под заявлением о разграблении церквей и монастырей, кажется, скрывается только захват спрятанного там турецкого имущества.

[67] В одной из бумаг Т. Роу («Рассуждение о смешении императора Му-стафы») от 20 сентября говорится, что галеры привезли с Черного моря «несколько пленных казаков живьем и несколько голов мертвых», и молодой султан «внимательно лицезрел всех их привезенных перед собой — странный обычай». О том же в другом сообщении посла: Мурад IV «повелел положить перед собой рядом несколько

снятых голов, что безмерно нравилось туркам». М.С. Грушевский замечает, что «это произвело на турок очень приятное впечатление».

Глава V

БОСФОР В ОГНЕ

1. Первый набег 1624г.

Отнюдь не все представители правящих кругов Речи Поспо-литой выступали за безоговорочную дружбу с Турцией и унизительное терпение в отношении «непредсказуемости» крымских татар. Среди польских магнатов и еще больше рядовой шляхты были и сторонники решительной борьбы с османско-татарской угрозой, вплоть до ведения наступательных действий. Не совсем забылась прежняя великая Польша «от моря до моря», имевшая выход не только на Балтику, но и на Черное море, и даже претензии на владение Константинополем (в начале 1470-х гг. король Казимир IV и султан Узун Хасан, правитель малоазийского государства Ак-Коюнлу, вели переговоры о заключении антиосманского союза, причем со стороны Польши выдвигался проект передачи ей в случае победы всего Причерноморья, Стамбула и даже Греции)[1].

В 1620-х гг. о необходимости активного противодействия Турции и возможности приобрести Стамбул напомнил полякам один из высших представителей шляхетства, коронный конюший князь Кшиштоф Збараский. По завершении своего «великого посольства» в османскую столицу, в 1624 г., он представил сейму отчет «О состоянии Оттоманской империи и ее войска», произведший сильное впечатление на польское общество.

К. Збараский не верил в действенность только что заключенного польско-турецкого договора 1623 г. и не сомневался в том, что татарские набеги на Польшу и взаимосвязанные с ними запорожские походы на османские владения будут продолжены. Удерживать казаков «без войска и с таким малым жалованьем сможет разве что Господь Бог», писал князь, а их новые морские экспедиции приведут к тому, что турки предпочтут «смерть в открытом бою безвестной гибели со своими семьями», т.е. новую войну. Казаков можно было бы держать в повиновении лишь при условии прекращения крымских набегов, но для этого Польше необходимо не нынешнее ополчение, а регулярное войско.

Князь высказывался не только против «ликвидации» казачества, сумбурные планы которой витали и в Стамбуле, и в Варшаве, но и за мощное, решительное использование запорожцев в государственных, стратегических интересах Речи Посполи-той — в сокрушении Османской империи. В отчете говорилось, что его автор хотел бы, «чтобы казаки были остановлены», дабы «не раздражали турецкого султана» своими действиями, от которых Польше «нет никакой выгоды, а только... установленный мир — желанный для всех — нарушается», но вовсе «не согнаны» с Днепра. К. Збараский считал, что запорожцы должны готовиться и ждать «решения Речи Посполитой, когда всей своей могучей силой им ударить» по Турции. Решение же это следовало принять, «когда наступит время новых смут у турок и когда укоренившееся своеволие у них возобладает, из-за чего наверняка они пойдут на другие народы».

При сказанном решении казакам следовало «действовать не так, как обычно (чем только возбуждают турок против нас), но, взяв в помощь Господа Бога, уничтожить... слабую армаду (османский флот. — В.К.) на Черном море (что является делом возможным...), после чего взять Константинополь — гнездотурец-кого могущества. Издалека кажется могущественным, вблизи же он слабый и без труда попал бы в их руки, а если бы дал Господь Бог, и к нам бы перешел».

Краткое изложение своего плана и весь отчет К. Збараский завершал таким пассажем: «... ясно понимаю и вижу, что ни одному народу не дал Господь Бог больших возможностей для овладения жизненными силами этого государства (Турции. — В. К.), кроме Речи Посполитой. И есть надежда на окончательную их (турок. — В.К.) гибель, если будем просить Бога высочайшего и если будем не гордостью возноситься, не надменностью, а смиренно, но с мужественным сердцем захотим использовать подходящие возможности. Речи Посполитой Господь Бог те земли обещал, и я бы обосновал это подробнее, но сейчас закончу этим пожеланием».

К. Збараский рассматривал Османское государство как крайне ослабленный и раатожившийся организм, едва не находившийся в предсмертной агонии. Эти представления, как отмечают публикаторы документа, «перекликаются с высказываниями Роу, который считал, что

Османская империя настолько ослаблена, что 30 тыс. воинов, даже не прибегая к оружию, могли бы дойти до стен Константинополя». По мнению Н.С. Рашбы, князь пошел даже дальше Т. Роу, когда утверждал, что и без коалиции европейских держав Речь Посполитая, опираясь на казачество, была способна разгромить Османское государство. Отметим, что хотя непосредственно коалицию К. Збараский не упоминал, но из контекста отчета вытекает, что автор и в самом деле предполагал обойтись без ее создания и участия[2].

Х.М. Ибрагимбейли замечает, что князь старался «представить врага слабее, чем он был в действительности», и таким образом «надеялся склонить правящую верхушку Речи Посполитой к активной борьбе против Османской империи». Но автора «нельзя заподозрить в политическом авантюризме», поскольку он «не рекомендовал немедленных военных действий...считая необходимым выждать, когда там наступит новый период социально-политических и военных потрясений, подобных тем, которые он наблюдал ранее». Перед его приездом в Стамбул был низложен Осман II, а вскоре после отъезда, ускоренного опасностью нового мятежа, и Мустафа I. Можно добавить, что, согласно плану, решительный удар по Турции следовало нанести при наличии еще одного условия — после того, как она втянется в какую-либо новую войну.

Публикаторы документа неточно комментируют некоторые его положения. «Понимая недостаточность сил Речи Посполитой, он (К. Збараский. — В.К.), — пишет Х.М. Ибрагимбейли, — предлагал использовать для этой цели украинское казачье войско... Для этого он советовал беречь силы казачества, не распыляя их на набеги на османские владения. В подходящий момент совместное выступление казачества и польского войска, которое он предлагал реформировать, обеспечило бы выполнение задачи». У Н.С. Рашбы читаем, что князь предлагал реформировать польское войско с целью нанесения решительного удара по Турции и даже овладения ее столицей, «но не сбрасывал со счетов казачество. Напротив, по его мнению, следовало беречь силы казачества до времени, когда империя снова вступит в полосу потрясений, в чем он не сомневался».

Читатель, надеемся, заметил, что К. Збараский предлагал реформировать польскую армию не для удара по Турции, а всего лишь для сдерживания татар, ничего не говорил о совместных боевых действиях польского войска и казаков против Османской империи и Стамбула — все это, по плану, доставалось на долю одного казачества, плодами победы которого уже затем должна была воспользоваться Польша (может быть, тогда пустив в дело свою армию?). Следовательно, автор не просто не сбрасывал казачество со счетов, но отводил ему первенствующую роль. Вместе с тем гордый шляхтич вовсе не опускался до призыва «беречь» казаков, а ограничивался замечанием о том, что их не следует сгонять с Днепра, видимо, полагая, что они сберегут себя сами.

Отчет К. Збараского был написан в форме яркого памфлета и получил в списках широкое распространение по всей стране. Многие разделяли соображения автора, но они были отвергнуты сеймом, желавшим продолжения мирных сношений с Турцией. Н.С. Рашба пишет, что планы князя «не были осуществлены при его жизни» и впоследствии заинтересовали Владислава IV, «предполагавшего привлечь казачество к борьбе против Османской империи», однако «магнаты сорвали замыслы короля». Мы должны здесь указать, что не имеем сведений о знакомстве Владислава с отчетом К. Збараского, что план последнего не осуществился вообще никогда и что, говоря о привлечении казаков к борьбе с Турцией, Н.С. Рашба допускает небрежное выражение: их, постоянно воевавших с османами, совершенно не требовалось к этому привлекать.

Можно еще добавить, что когда выявилось «особое отношение» к турецкой власти крымского хана Мухаммед-Гирея III и особенно его калги и брата, друга Персии Шахин-Гирея, которые стали проявлять излишнюю самостоятельность и даже демонстрировать враждебность к «Порогу Благоденствия», К. Збараский предложил «задействовать» казаков. Смысл его идеи сводился к тому, чтобы послать на помощь Шахин-Гирею запорожцев и лисовчиков (польская легкая конница. — Прим. ред.), по согласованию с калгой дать тайно Войску Запорожскому деньги на строительство чаек и отправить казаков в числе 10—15 тыс. человек морем на Стамбул в надежде, что им, возможно, удастся овладеть султанской столицей. Но и этот план не встретил поддержки у правящих кругов Речи Посполитой.

Как и К. Збараский, османские власти не строили иллюзий о влиянии договора 1623 г. на прекращение или хотя бы сокращение казачьих морских походов. Еще зимой 1624 г., оказавшегося, напротив, необычным по «босфорской» активности казаков, Турция начала готовиться к их приходу в пролив и соответствующему противостоянию. 21 февраля Т. Роу писал сэру Эдварду Конвею, что против казаков капудан-паша «готовит армаду на Черное море». В письме тому же

адресату от 12 марта посол сообщал, что «огромный флот уже подготовлен на Черном море», но что ходят слухи и о готовности казаков к нападению: у них будто бы приготовлено более 300 лодок. В результате, отмечал Т. Роу, «все жители Босфора бегут ежедневно в город (Стамбул. — В. К.). Страх всеобщи и, — что достаточно говорит о слабости (Турции. — В. К.), и прошедший год показал, что можно сделать с небольшими, но решительными силами».

Босфорское население, имея печальный опыт общения с казаками и зная их дерзость, смелость и силу натиска, таким образом, не слишком надеялось на защиту османского флота и, как показали последующие события, было право. К тому же с 1623 г. велась изнурительная и пока неудачная война Турции с , Персией, оттянувшая из Стамбула значительные силы, и требовались войска и корабли для других районов империи и против других ее неприятелей. Еще не закончились гражданские раздоры, в связи с которыми от государства отложились паши Эрзурума и Багдада.

В «Сообщении из Константинополя», составленном английским посольством 15 мая, констатировалось, что вообще турки крайне редко ввязываются в военные действия одновременно с двумя противниками, но сейчас создалась такая ситуация, что пришлось отправить сразу три войска: одно под командованием Байрам-паши к границам Польши и Татарии, «другое к Черному морю для защиты от нашествия казаков» и третье, самое многочисленное, против персов. Кроме того, готовят еще два: для Средиземного моря и против венгерского короля Бетлена Габора, не говоря уже о войске, отправленном в прошлом году под начальством Джигале-паши против Персии, о войске Хафиз-паши в Диярбакыре и войске Элиас-паши в Анатолии; «в результате город (Стамбул. — В.К.) выглядит так безлюдно, как будто перенес 3-летнюю войну». Это само по себе, и помимо сведений и слухов о казаках, оказывало гнетущее психологическое воздействие на население.

А двумя неделями ранее, 1 мая, извещая британское правительство о том, что отправка армии в Азию откладывается, видимо, из-за неопределенного положения на Черном море, посольство сообщало о прибытии в Стамбул специальной делегации из Кафы во главе с тамошним муфтием. Делегация была уполномочена уведомить султана, что «400 казачьих лодок находятся в море (дословно: вне дома. — В.К.)», что они уже «захватили большую добычу на побережье Татарии и этой империи и взяли много судов, груженных провизией для порта (Стамбула. — В.К.)», и что еще 40 тыс. казаков, вооруженных и обеспеченных лошадьми, «готовы на новые покушения». Кафа просила о ее защите.

На следующий день, 12 (2) мая, французский посол Ф. де Сези доносил своему королю: «Казаки на 80 лодках спустились по Борисфену и высадились довольно близко от Кафы на полуострове, и разгромили крымский город, где убили много татар». По информации посла, в этом нападении участвовали «поляки казаки и рыжие» (запорожцы и донцы), «порядочное число вооруженных лодок держалось у берегов, чтобы никто не мог спастись в море», а само известие о нападении поразило Стамбул больше, «чем все успехи короля Персии» (шаха).

В связи с просьбой делегации Кафы состоялось заседание Дивана, и Ибрахим-паша, как говорилось в английском посольском сообщении, поспешил с 13 галерами, чтобы обеспечить охрану, пока не пришлют больше сил. Впрочем, из более позднего, от 15 мая, сообщения посольства Т. Роу видно, что «поспешить» паша смог весьма относительно: «При... отправлении... галер, какголько они вошли в Черное море, они встретились с небольшим кармиссалом (карамюрселем. — В.К.), сообщившим, что впереди них было только 40 лодок казаков; янычары взбунтовались и заставили генерала (адмирала. — В. К.) вернуться в канал и требовать больше сил...» Ибрахим-паша «получил выговор и был снабжен большим числом людей, и таким образом отправился вновь».

Очевидно, об этих же событиях писал и М. Бодье. По его словам, «казаки и русские (т.е. запорожцы и донцы. — В. К.) прибыли из устья Дуная (Днепра? — В.К.) и на побережье напали на большой крымский город, который им (татарам. — В.К.) принадлежит, овладели им, ограбили, вывезли из него богатства, увели в качестве рабов тех татар, что там жили, затем подожгли и из большого города сделали большой костер. Турки были вынуждены послать пятнадцать галер на это'"Черное море, чтобы остановить успехи тех казаков; но нашлось так мало людей, желающих идти сражаться, что министры велели силой взять лодочников канала, носильщиков и грузчиков-армян, чтобы снарядить эти суда командами».

«Султан Амурат (Мурад IV. — В. К.), рассерженный этими беспорядками, — согласно М. Бодье, — пригрозил своему великому везиру и главнокомандующему, что отрубит им головы, если они не найдут военного люда в достаточном числе, чтобы снарядить галеры». Министры

доказывали своему повелителю, что янычары и сипахи «не умеют больше подчиняться и не хотят больше выходить из Константинополя»[3].

В такой обстановке Мурад IV принял решение о смещении крымских правителей Мухаммед-Гирея и Шахин-Гирея. Это решение, оказавшееся крайне несвоевременным, вскоре «аукнулось» активным казачьим натиском на Босфор.

В английском посольском сообщении от 15 мая говорилось, что к 13 галерам, посланным охранять Черное море, добавлено еще 10, которые первым делом перевезут в Крым Джанибек-Гирея, чтобы сделать его ханом. Далее предполагалось использовать и эти корабли против казаков. Операцию по смещению старого хана и водворению нового и борьбу с казаками поручили возглавить самому капудан-паше, «Победителю казаков» Реджеб-паше [4].

Согласно русским источникам, 21 мая Джанибек-Гирей с янычарами на 12 галерах высадился в Кафе и укрепился там, после чего началось долгое противостояние двух ханов. По русским же сведениям, в июне к Джанибек-Гирею подошло турецкое подкрепление на 16 галерах, и, таким образом, в крымской операции и последующей борьбе с казаками на Черном море 1 участвовало около 30 галер. Эта цифра подтверждается и другими сообщениями [5].

В начале августа Джанибек-Гирей с войском, главным образом турецким, выступил из Кафы на Мухаммед-Гирея и Шахин-Гирея и был разбит наголову. Кафа сдалась победителям, а капудан-паша вместе с флотом, уцелевшими янычарами и претендентом на престол удалился в море. Шахин-Гирей в критический момент сумел договориться о помощи со стороны Войска Запорожского, и запорожцы сыграли важную роль в одержанной крымской победе [6].

Как отмечалось в английских посольских известиях от 7 ав густа, целый месяц от капудан-паши не было отчета, и в Стамбуле ходили слухи, что татары схватили его вместе с флотом, насчитывавшим около 30 галер. Наконец 21 августа Т. Роу смог сообщить в Лондон, что с Черного моря прибыли две галеры, привезли тела двух убитых везиров и точные сведения о поражении османского войска в Крыму. Оказалось, что адмирал, потерявший часть кораблей и около 5 тыс. воинов, убитых и взятых в плен, остановился у Варны. Султану ничего не оставалось делать, как отправить галеру к Мухаммед-Гирею III с утверждением его на троне и возложить всю вину за случившееся на Реджеб-пашу. О том же день спустя сообщал в Париж и Ф. де Сези [7].

Турция находилась в сложном положении, о чем читаем у И.В. Цинкайзена: «Непостижимым образом — и ничто не показывает лучше тогдашнее неутешительное состояние импери и и правительства — даже не заботились... о стойкой защите притеснявшегося побережья и подвергавшейся угрозе столицы». «Несмотря на то, что угрожающие слухи о козацком походе, даже в преувеличенных размерах, заранее ходили в Стамбуле, — указывает другой историк, М.С. Грушевский, — капитан-паша оставил столицу безо всякой зашиты, и козацкие чайки беспрепятственно появились у Босфора».

На наш взгляд, ничего непостижимого здесь не было: туркам просто не хватало сил для обеспечения всех направлений борьбы с противниками, а крымская авантюра отвлекла значительную часть османского флота и армии. Видимо, предполагалось, что после водворения на крымский престол другого хана флот под личным руководством Реджеб-паши сумеет обеспечить оборону Стамбула и побережья на дальних рубежах, в особенности у Днепра и Керченского пролива, но все планы пошли прахом.

Казаки, разумеется, не могли не учесть отвлечение имперского флота, о чем они знали непосредственно как участники разгрома Джанибек-Гирея и Реджеб-паши в Крыму, а вовсе не «от своих многочисленных языков и всякого рода перебежчиков», как полагает А.Л. Бертье-Делагард8. Взаимосвязь между отправлением флота в Кафу и набегом казаков на Босфор отмечали Мустафа Найма, Т. Роу, П. Рикоут и другие современники, а также последующие историки. Франсуа де ла Круа писал, что это отправление «послужило как бы сигналом к опустошениям, предпринятым казаками на Черном море». По всей вероятности, казаки действительно воспользовались вовлечением османского флота и его главнокомандующего в крщмские дела для совершения большого нападения на Босфор.

П.А. Кулиш утверждал, что в 1624 г. запорожцы «несколько раз ходили на море, и это делалось без позволения старших, наперекор оседлой части Запорожского Войска». Однако огромная численность казачьих флотилий, участвовавших в кампании этого года, заставляла сомневаться в верности последнего утверждения. Вряд ли «стихийные» выходы, без участия старшины и Войска в целом в их организации и проведении, могли собрать многие десятки судов и тысячи участников, зато старшина могла изображать перед властями Речи Посполитой свое неучастие в походах и даже противодействие им. Обнаруженное Ю.А. Мыцыком в польском

архиве письмо городских властей Киева — войта, бурмистра и райц — киевскому воеводе Т. Замойскому от 5 сентября 1624 г. расставляет все на свои места.

Со слов непосредственных участников босфорского набега в ркументе называется имя руководителя казачьей флотилии: поход возглавлял сам гетман Войска Запорожского, один из выдающихся деятелей казачестваXVII в. Олефир Голуб. В письме упоминается и руководитель другого морского набега того же года — Грицько Черный, также гетман. Столь высокий уровень руководства вполне соответствует масштабу рассматриваемых действий на Босфоре.

Первый босфорский поход запорожцев 1624 г. вообще был их вторым выходом в море во время кампании (первый имел результатом нападение на Крым). Это видно из письма киевского митрополита Иова литовскому гетману князю Кшиштофу Радзивиллу от 24 августа. Согласно названному документу, интересующий нас поход начался с большого, продолжавшегося несколько дней сражения казаков в устье Днепра с турецкими кораблями, в числе которых было 25 больших галер и 300 малых ушколов (легких одномачтовых парусно-гребных судов, использовавшихся для охраны торговых караванов и перевозки грузов)[9]. По словам Иова, казаки, разбив турок, пошли под Царьград. М.С. Грушевский правомерно полагает, что османы пытались не пропустить казаков из Днепра в море и что упомянутые галеры и ушколы, очевидно, были эскадрой капудан-паши[10].

Замечание Иова о разбитии казаками галер и ушколов необязательно понимать в прямом смысле как разгром турецкого соединения. Скорее всего, здесь прав П.А. Кулиш, который считает, что запорожцы «отбросили их в море», после чего «невозбранно проникли... в Босфор». Иными словами, речь идет об успешном прорыве казачьей флотилии сквозь преграждавшую путь неприятельскую эскадру. Возможно, указание на это сражение содержится в общей оценке Ф. де Сези первого набега казаков на Босфор 1624 г.: «Это предприятие столь отважно, что заслуживает уважения, так как чтобы его совершить, нужно было решиться сразиться с тридцатью галерами, которые есть на Черном море и которые были отправлены ранее на поиски казаков и для покорения короля (хана. — В. К.) Татарии».

Согласно М. Бодье, запорожцы не сразу направились к Босфору, а идя вдоль побережья Румелии, предварительно напали на Мисиври. «Город Месемврия, — пишет этот современник, — ...расположен втреднях пути от Константинополя, казаки и русские (запорожцы и донцы. — В.К.) захватили его силой, ограбили и подожгли...» После этого, «немного позже», они по явились на Босфоре. Вслед за М. Бодье о сожжении Мисиври говорит и «Всеобщая история о мореходстве»[11].

Не только М. Бодье, но и многие последующие историки убеждены в том, что в набеге на Босфор участвовали помимо запорожцев и донские казаки. Среди таких авторов А.И. Ригель ман, А.В. Висковатов, В.А. Голобуцкий и др. Собственно говоря, Мустафа Наймадаже утверждает, что этот поход совершили одни донцы, и такой же точки зрения придерживаются Г.З. Байер, С. Жигарев, Н.А. Смирнов, В.К. Быкадоров, но ей противоречат показания иных источников. Присоединение же к запорожской флотилии донских судов было вполне вероятно, однако в какой момент и в каком месте оно произошло (если произошло), мы не знаем. В.М. Пудавов полагает, что часть донской флотилии, состоявшей из 55 стругов и около 1,5 тыс. человек и находившейся под командованием походного атамана Демьяна Черкашенина, после весеннего разгрома бывшей столицы Крымского ханства Эски-Крыма, недалеко от Кафы, осталась на море для продолжения военных действий, и именно эти оставшиеся струги затем принимали участие в босфорском набеге[12].

Многие авторы касались казачьих военно-морских операций 1624г., несомненно, по причине их громкого эффекта, но, к сожалению, все это были довольно беглые упоминания либо поверхностные характеристики, сопровождавшиеся разнобоем в изложении конкретных фактов. Начать с того, что некоторые историки допускают путаницу даже в определении года рассматриваемых действий на Босфоре. Х. Иналджык относит сожжение Еникёя не к 1624, а к 1625 г. Д.И. Эварницкий разделяет первый июльский поход 1624 г. на два набега, совершенно не замечая совпадения ряда приводимых деталей этих «двух» набегов, и оба датирует неверно: один из них — июнем — 21 июля 1623 г., а другой — 21 июня 1624 г. Такую же ошибку допускает М.А. Алекберли, тоже разделяющий один набег на два и датирующий их неправильно — 9 июля 1623 г. и концом сентября 1624 г.

Путаницу усугубляет А.Л. Бертье-Делагард: критикуя Д.И. Эварницкого, он ошибочно указывает, что тот вслед за Н.И. Костомаровым путает 1624 и 1625 гг., тогда как в действительности путаница происходит с 1623 и 1624 гг. Н.И. Костомаров же, не путая годы, неверно датирует третий босфорский набег 1624 г., о чем скажем ниже.

Не лучше обстоит дело с точной датировкой первого июльского нападения на Босфор и у историков, правомерно относящих набег к 1624 г. К. Головизнин и З. Вуйцик датируют напа-шие июнем, Д.С. Наливайко — 9 июня, Н.А. Смирнов — 20 июня с добавлением, что у И. фон Хаммера будто бы фигурирует дата 27 июля[13], М.С. Грушевский — 9 июля нового стиля, а значит — 29 июня по юлианскому календарю.

Июль без указания числа называют как дату первого в 1624г. набега на Босфор Витторио Катуальди, В.М. Пудавов, А.П. Григорьев и А.Д. Желтяков[14], начало июля — И.В. Цинкайзен. Вслед за Й. фон Хаммером, датировавшим появление казаков в проливе 21 июля[15], ту же дату упоминают Н.И. Костомаров, В.А. Голобуцкий, Ю.П. Тушин, причем остается не совсем понятным, какой стиль имеется в виду.

Ян-Фома Юзефович и И.Х. фон Энгель относят набег к сентябрю, Ф. де ла Круа — к началу сентября, а Ю. (О.И.) Сенковский и за ним С. Голэмбёвский — даже к 7 октября.

Если не считать упоминаний об июле вообще и в некоторой степени о начале июля у И.В. Цинкайзена (однако полагая это начало по старому стилю), то ни одна приведенная дата не соответствует действительности, что и показывает весьма низкую степень изученности обстоятельств знаменитого набега.

В 1898 г. В.М. Истрин и в 1902 г. А.Л. Бертье-Делагард попытались разобраться с частью существующих в литературе хронологических несуразиц, но безуспешно. Первый ученый, отметив «полнейшую путаницу» в работах и раскритиковав построения Д.И. Эварницкого и Н.И. Костомарова, не смог разрешить противоречия и предложить верную дату набега. Второй не только не оказался более удачлив, но и еще больше запутал вопрос: обвиняя Д.И. Эварницкого, как мы отметили, не в той путанице, историк перенес из 1625 в 1624г. Карахарманское сражение (о котором речь впереди) и предложил опять-таки ошибочную дату первого набега на Босфор 1624 г. — 11 (21) июля.

Между тем более полное, чем ранее, использование источников при непременном учете употреблявшихся в XVII в. юлианского и григорианского стилей летосчисления позволяет довольно точно датировать босфорские набеги указанного года.

О времени первого появления казаков на Босфоре в 1624 г. сообщают пять известных нам источников, из которых первые два принадлежат очевидцам:

1. В «Известиях из Константинополя», составленных посольством Т. Роу 10 (20) июля 1624 г.[16], сказано: «9 этого месяцм от 70 до 80 лодок казаков, по 50 человек на каждой, гребцов и воинов, воспользовавшись удобным случаем, когда капитан -паша отправился в Татарию, вошли в Босфор приблизительно на рассвете...»

2. В донесении Ф. де Сези королю Франции из Стамбула от 21 июля 1624г. говорится: «В день пасхи турок, который был вчера, казаки пришли на ста лодках...»

3. В хронике Мустафы Наймы, согласно переводу тюрколога П.С. Савельева, сказано: «Покахан занимался в Кафе приготовлением флота, донские казаки, находя море свободным, вышли на 150 чайках, 4-го шавваля (1033 г. хиджры. — В.К.), подходили к Босфору...»[17]. Приведем и более ранний польский перевод этого места, сделанный Ю. (О. И.) Сенковским (разумеется, уже в переводе на русский): «Когда императорский флот находился в Кафе, занятый делом татарских ханов, казаки на 150 чайках, спустившись на Черное море, ударили в день 4 луны шеваль...»

4. В «Книге путешествия» Эвлии Челеби говорится, что казаки пришли в Еникёй в правление Мурада IV во время праздника Байрама[18].

5. В греческой приписке к греческой же рукописи хронографа Псевдодорофея XVII в., обнаруженной В.М. Истриным в Иверском монастыре на Афоне, читаем: «В лето 7131 в июле месяце в 9-й день пришли (на Босфор. — В. К.) из белокурого рода так называемые казаки на моноксилах числом около ста...»

Из первого, английского сообщения видно, что казаки появились в проливе 9 июля старого стиля, по которому тогда жила Англия, или 19 июля нового стиля. Второе, французское сообщение, датированное новым стилем, который был принят в католическом мире, смещает событие на один день и относит его к 20 июля по новому стилю, или 10 июля по старому.

«Пасху турок», упомянутую Ф. де Сези, В.М. Пудавов определил как Рамадан-байрам, или Рамазан-байрам (дословно у автора: «ромазан бейром»), т.е. «праздник Рамадана (рамазана)». Действительно, христиане приравнивали к Пасхе, которая завершает Великий пост, окончание поста (уразы), соблюдаемого мусульманами в течение Рамадана — девятого месяца мусульманского лунного календаря[19]. Праздник окончания Рамадана, Ураза-байрам, приходится

на первый день следующего месяца — шаввала. Именно этот праздник имел в виду Ф. де Сези, и о нем же вообще говорил Эвлия Челеби. 1 шавваля тогдашнего 1033 г. хиджры соответствует, по нашему пересчету, 9 (19) июля 1624 г.

4 шаввала указанного 1033 г. Мустафы Наймы Ю. (О.И.) Сенковский пересчитал на христианское летосчисление как 7 октября 1624 г., однако это было грубой ошибкой. Ее затем неоднократно исправляли, но каждый раз называли разные даты. У П.С. Савельева в 1846 г. получилось 4 июля, у В.Д. Смирнова в 1887 г. — 20 июля, у С. Рудницкого в 1897 г. — 21 июля григорианского стиля, т.е. 11 июля старого стиля. Наш собственный пересчет дает дату 12 июля[20].

Наконец, пятое, греческое сообщение утверждает, что набег случился в 1623 г. (к нему относится июль 7131 г. от «сотворения мира»), но далее говорит: «В то время патриаршествовал блаженнейший и святейший Кирилл-критянин, а царствовал тогда агарянин султан Мурад, сын султана Ахмеда, брат султана Османа. Последнего убили янычары, и не только своего султана они убили, но и визиря и своего главнокомандующего, и всех пашей и знатных. И была среди них в то время большая резня. И посадили они вместо него (Османа II. — В.К.) на царский престол султана Мустафу, человека не в полном рассудке».

Разбирая текст записи и заметив, что казачий набег на Босфор 1623 г. историкам неизвестен, В.М. Истрин обращает внимание на хронологическую несообразность, связанную с упоминанием патриарха Константинопольского Кирилла Лукари-са и султана Мурада IV. Первый занимал патриарший престол до 17 мая 1623 г. и, естественно, не являлся патриархом в названный записью день набега — 9 июля 1623 г., а второй, став султаном 10 сентября 1623 г., 9 июля был лишь одним из принцев дома Османов, престол же тогда занимал, до указанного 10 сентября, Мустафа I (Османа II убили в результате государственного переворота 20 мая 1622 г.).

«По-видимому, — рассуждает В.М. Истрин, — все говорит против достоверности записи. С другой стороны, запись передает довольно много подробностей (мы приведем их ниже. — В.К.), чтобы она могла считаться сделанной без всякого осно- вания. Она сделана на чистом листе рукописи, рукою XVII века и по аналогии с другими подобными записями должна считаться принадлежащей непременно современнику или жившему немного позже записанного события. На то, что событие, указанное в записи, хорошо было известно ее автору, указывает то, что приводится не только год, но и месяц и число. На этом основании я думаю, что запись не может считаться передающей несуществовавший факт, но что где-нибудь кроется только ошибка».

В.М. Истрин сообщает, что профессор В.Г. Васильевский (известный византинист) в письме к нему предположил, что автор записи ошибся в годе и что надо было указать не 7131, а 7132 (1624) г., и тогда патриарх и султан оказались бы названными правильно: Кирилл в 1624 г. вторично занимал патриарший престол, а на падишахском троне тогда действительно сидел Мурад IV. Но В.М. Истрин отвечал, что, по И. фон Хамме-ру, набег казаков на Босфор в 1624 г. произошел не 9, а 21 июля. В свою очередь, В.Г. Васильевский в ответ предположил, что, может быть, дело заключается в разнице в стиле, которая в XVII в. составляла 11 дней. Однако и при этом получалось 20, а не 21 июля (фактически «недотягивание» до 21 июля было еще большим, поскольку византинист ошибся в определении упомянутой разницы: она составляла 10 дней).

В конце концов В.М. Истрин готов был бы согласиться с предложенным В.Г. Васильевским 1624 г., но публикатора остановило то обстоятельство, что набег в 1624 г. оказался очень удачным для казаков, а набег в греческой записи, напротив, был решительно неудачным: «... до шестого часа осталось из них только до 60 человек; половина же их была изрублена, а остальные взяты в плен»[21].1622 г., по рассуждению В.М. Истрина, тоже не подходил, так как хотя Кирилл и был тогда патриархом, но на султанском престоле находился Мустафа, а не Мурад.

Поколебавшись, публикатор пришел к следующему выводу: запись все-таки повествует о неизвестном набеге 1623 г., но поскольку она сделана позже набега, может быть, через несколько лет, ее автор допустил двойную ошибку — с упоминанием имен патриарха, невольно продлив патриаршество Кирилла на полтора месяца (на самом деле получается месяц и три недели), и султана, сократив правление Мустафы на два месяца [22].

Нам этот вывод представляется совершенно ошибочным, и одну из причин его появления, помимо неизученности вопроса, мы видим в «зацикленности» В.М. Истрина на хаммеровскком 21 июля — дате даже не набега, а депеши Ф. де Сези по новому стилю. В греческой записи речь явно идет о первом набеге 1624 г. Имена патриарха (второе патриаршество Кирилла) и султана, число и месяц прихода казаков на Босфор и даже время дня (по Т. Роу), район, подвергшийся разгрому (о нем скажем ниже), — все это вполне соответствует нападению 1624 г. Примерное соответствие этому же набегу мы увидим и в упомянутом записью числе казачьих судов и казаков,

находившихся на их борту. Напротив, известные нам сведения о действиях караков в 1623 г. (В.М. Истрину они были неведомы) не имеют корреляции с фактологией греческой записи. Ее автор в самом деле допустил ошибку, но одну — с указанием года набега, что, очевидно, свидетельствует о большей, чем полагает публикатор, хронологической отдаленности записи от самого события.

Кроме того, автор несомненно не находился на Босфоре в 1624 г., иначе знал бы реальный конец казачьей экспедиции. Описание же разгрома казаков, сделанное в записи и дезориентировавшее В.М. Истрина, совершенно недостоверно: такого исхода нападения на Босфор в действительности не было не только в 1624 г., но и вообще никогда. Возможно, автор соединил какую-то реальную информацию о набеге с пропагандистскими утверждениями османских властей — ведь и Мустафа Найма, как увидим, неверно изображает окончание экспедиции.

В итоге хронологических изысканий мы получаем три даты первого казачьего набега 1624 г.: 9 (19) июля в известиях английского посольства, в ссылке французского посла на «пасху турок» и в греческой записи, 10 (20) июля у того же Ф. де Сези и 12 (22) июля у Мустафы Наймы. Две первые принадлежат очевидцам, но имеют довольно странное расхождение в один день. Верной датой является 9(19) июля, и не только по большинству указаний. Английское сообщение составлено надень раньше французского, а кроме того, Т. Роу дал гораздо больше информации, чем Ф. де Сези, и о первом, и о втором казачьих набегах 1624 г. и, видимо, гораздо больше интересовался военно-морскими действиями казаков. Полагаем, что расхождение в датах набега у Т. Роу и французского посла возникло в силу технических причин: Ф. де Сези и его аппарат, очевидно, начали составление депеши 20 июля (откуда и появился вчерашний «день пасхи турок») и закончили 21 числа. У Мустафы Наймы же дата явно сдвинута по времени, если не произошло простой ошибки при ее чтении в турецком тексте, написанном арабской графикой[23].

Уже указывалось, что состав флотилии, произведшей нападение на Босфор, Т. Роу определяет в 70—80 судов, греческая запись дает около 100 судов, у Ф. де Сези фигурирует 100 судов и у Мустафы Наймы — 150. Последнюю цифру находим также у П. Рикоута. К этим сообщениям можно добавить известие, содержащееся в письме пыркалаба (правителя) молдавского города Сороки Чолганского, которое датируется около 1624 г. и, по-видимому, говорит о рассматриваемом набеге: запорожцы ходили на Стамбул в 80 чайках[24], и сообщение Иова, который писал, что по разбитии турок в устье Днепра запорожцы вышли в море в 102 чайках и направились к Царьграду.

Кроме того, Эвлия Челеби утверждает, что «в год вступления на престол султана Мурада IV днепровские казаки на трехстах чайках совершили нападение». Здесь явно идет речь о Босфоре как объекте атаки, поскольку с этим нападением автор связывает строительство новых крепостей в проливе, но, можетбыть, обобщены известия не только о первом набеге 1624 г., но и о втором, большем по составу казачьей флотилии. Впрочем, в другом месте Эвлия говорит о приходе 300 казачьих чаек в Еникёй, т.е. имеет в виду все же первый набег.

О численности казаков флотилии мы узнаем от Т. Роу, по сведениям которого получается 3,5—4 тыс. человек, и из греческой записи, в которой сказано, что на судах «было до шести тысяч русов», следовательно, не по 50 казаков на судне, как у Т. Роу, а по 60, что вполне могло быть.

В литературе, как и в источниках, царит разнобой в определении числа судов флотилии. 70—80 судов называют И.В. Цинкайзен, М.С. Грушевский, М.А. Алекберли (но 1623 г.) и Ю.П. Тушин. Минимальную цифру в 70 судов предпочитает С. Рудницкий. 100 судов фигурируют у Я.-Ф. Юзефовича[25], во «Всеобщей истории о мореходстве», у К. Головизнина, Д.И. Эварницкого (но 1623 г.), В.М. Пудавоваи Н.П. Загоскина. По П.А. Кулишу, в море вышли 150 судов, но до Стамбула дошли 102, а по Н.И. Костомарову, наоборот, вышли 100 чаек, а к Стамбулу флотилия пришла в числе 150 судов. Последнюю цифру найдем у В. Миньо, И. фон Хаммера, С. Голэмбёвского, А. де Ламартина, Д.И. Эварницкого (для 1624 г.), А.Л. Бертье-Делагарда, А.П. Григорьева и АД. Жел-тякова, В.А. Голобуцкого.

Численность участников набега также не совпадает в разных работах. Если не считать общих оценок вроде «громадного числа» казаков, напавших на Босфор, у В. Катуальди, то она возрастает от 4 тыс. у К. Осипова до 6 тыс.у А. де Ламартина, который читает по 40 казаков (20 гребцов и 20 воинов) на судно, и до 10,5 тыс. у Н.И. Костомарова, у которого на чайках размещается по 70 человек[26]. Д.И. Эварницкий для «похода 1623 г.» отводит на чайку также 70 казаков, а для «похода 1624 г.» 90 человек[27], ак что получается соответственно 7 тыс. и 13,5 тыс. участников.

Последняя цифра определяется согласно И. фон Хаммеру, у которого описываются казачьи суда «с десятью веслами на каждом борту, на каждом весле по два гребца (всего, следовательно,

140. — В.К.), и имеющие, кроме последних, по пятьдесят хорошо вооруженных ружьями и саблями воинов», итого получается по 90 человек. Приведенная выше численность экипажа в 70 казаков, собственно, тоже взята у И. фон Хаммера, но с ошибочным подсчетом числа гребцов[28].

В свою очередь, тюрколог позаимствовал сведения о составе казачьих экипажей у П. Рикоута, у которого говорится: «Их суда длинные и легкие, имеют по десять весел на каждом борту и по два человека на каждом весле. Нос и корма построены почти одинаково, таким образом, чтобы они могли привязывать руль то к носу, то к корме, не разворачивая судно, что избавляет их от большой потери времени. На каждом судне по пятьдесят отборных человек, вооруженных огнестрельным оружием и широкими саблями, которыми они прекрасно владеют». Сообщение П. Рикоута можно понимать двояко: к 40 гребцам прибавлять 50 воинов, как это делает И. фон Хаммер, или полагать, что из 50 человек 40 находились на веслах. Как уже указывалось, Г. де Боплан определял число весел чайки по 10— 15 с каждого борта, а численность ее экипажа в 50—70 человек.

Историки определяли состав казачьей флотилии в первом набеге на Босфор 1624 г. в тесной зависимости от использованного ими источника или предшествующего сочинения. Однако, даже располагая более широким кругом источников, трудно установить реальный состав флотилии. Видимо, все-таки судов было не 150 и тем более не 300, а скорее всего 70—80, как у Т. Роу. Хотя большие казачьи суда могли вмещать по 90 и даже более человек, наверное, следует поверить информированности англичан, находившихся в Стамбуле. Во всяком случае, казачья флотилия, насчитывавшая 70—80 судов и около 4 тыс. воинов, была весьма значительным и сильным соединением, и ее неожиданное появление в проливе потрясло весьма слабую турецкую оборону.

2. Страшный разгром

Войдя в Босфор перед восходом солнца («приблизительно на рассвете») и «разделившись по группам», казаки, согласно английским «Известиям из Константинополя», «разграбили и сожгли почти все селения и увеселительные дома по обе стороны реки (так назван пролив. — В.К.), до Замков (Румелихисары и Анадолухисары. — В. К.), в пределах 4 миль от этого города (Стамбула. — В.К.). Главные места суть Бююкдере и Еникёй на греческом и Стения на азиатском берегу (ошибка: Истинье тоже расположено на европейском берегу. — В.К.), где, захватив большую и богатую добычу, они остановились не ранее 9 часов утра...»[29]

Ф. де Сези в депеше Людовику XIII от 21 (11) июля сообщал, что казаки пришли, «чтобы разгромить одно большое местечко[30], называемое Неокорис (Еникёй. — В.К.), которое соприкасается с Башнями Черного моря[31] (Румелихисары и Анадолухисары. — В.К.) на виду у Сераля великого сеньора и ближе отсюда (из столицы. — В.К.), чем многие увеселительные дома, где он иногда проводит время». Далее посол писал, что казаки оставили «после более чем десятичасового пребывания на земле множество сожженных и опустошенных красивых домов на берегу канала». В другом донесении посла королю от 4 августа (25 июля) снова сказано, что «казаки разгромили Неокорис и другие места на виду у Сераля».

Иов замечал, что запорожцы пошли на предместья Стамбула и, миновав замки, башни и сторожевые вышки, вторглись в Новую деревню (Еникёй) и взяли ее с большой добычей. В послании киевских городских властей также говорится, что казакам удалось занять «какое-то село близ самого Царьграда, захватив богатую добычу». В письме Чолганского подчеркивается, что добыча, взятая во время похода на Стамбул, «Пелагию, Пазарджик», была столь велика, что не только 80, но и 800 челнов не смогли бы ее всю увезти.

Сведения о набеге имеются в трактате^лриближенного Му-рада IV Кучибея, написанном в начале 1630-х гг. «С Черного моря, — читаем там, — появились... мятежные казаки, которые ежегодно грабили и разоряли прибрежные села и местечки, а жителей делали узниками оков и мучений. Так как не было никого, кто бы противустал им, то они пришли в места близ Руми-ли-Хысара (Румелихисары. — В. К.); сожгли две деревни и множество садов; разграбили и расхитили пожитки правоверных»[32].

Мустафа Найма упоминает разгром лишь одного селения. Казаки, по словам хрониста, «напали на Еникьой, где сожгли несколько лавок и нанесли большой вред» (в другом переводе: «ударили... на одно из селений, над цареградской тесниной лежащих, Еникёй называемое, которое ограбили и частично сожгли»). «Нападение их на Босфор, —сказано далее, —учинено было с таким ожесточением, которому подобного не слыхано было в истории».

У Эвлии Челеби находим упоминания о разгроме четырех селений. Автор утверждает, что жители Тарабьи пытались оказать казакам сопротивление, но понесли за это жестокое наказание: «Во время султана Мурада I (описка или опечатка, следует: Мурада IV. — В.К.), когда русы захватили Еникёй, жители Тарабьи дали сражение казакам и отказались дать им даже зернышко горчицы. Неверные, взбешенные таким поведением, подожгли место и сожгли его дотла. Оно восстанавливалось вплоть до наших дней». О сопротивлении в Еникёе не сказано ни слова, но отмечено, что там казаки захватили 1 тыс. пленников и пять полностью нагруженных судов. Далее, касаясь причин сооружения новых босфорских крепостей и явно имея в виду рассматриваемый набег, Эвлия снова говорит о том, что в правление Мурада IV неверные пробирались со своим флотом вверх до Тарабьи и Еникёя, и упоминает еще грабежи и пожары Бююкдере и Сарыера.

В греческой записи очерчен обширный район нападения казаков: «Они ограбили весь Босфорский пролив от Гиерона (местности, где вскоре будут сооружены крепости Анадолука-вагы и Румеликавагы. — В.К.)ао Неохора и Сообения (Еникёя и Истинье. — В.К.) и все окрестности пролива и произвели там большой захват пленных». «Пришли они на рассвете» и действовали «до шестого часа», к которому якобы были разгромлены.

У М. Бодье читаем, что казаки «спустились к Замкам Константинополя, которые... Черное море омывает своими волна-. ми; после обычного грабежа и опустошения большого селения рядом с Константинополем они его сожгли, причем пламя было видно из павильонов Сераля». По словам этого современника, в 1624 г. казаки «плавали по Черному морю так смело, что доходили до самых ворот Константинополя, грабили и сжигали красивые дома, которые турки наслаждения ради построили вдоль побережья вблизи Замков и которые часто принимали среди развлечений и удовольствий султанов — правителей государства». Далее М. Бодье замечал, что «казаки посмели появиться в двух лье от Константинополя, у двух крепостей, или замков, находящихся на обоих берегах Босфора, которые и были единственными преградами от их набегов и не дали им пройти дальше».

По-видимому, набег 1624 г. имел в виду хронист Павел Пя-сецкий, когда писал, что запорожцы, «наконецдобравшисьдаже до константинопольского предместья, нафуженные добычей в виду Константинополя, отошли на своих чайках без ущерба». Возможно, о рассматриваемом набеге говорил и Жан ле Лабурёр де Блеранваль. Упомянув о разгроме казаками Трабзона и Си-нопа, он замечал, что его «еще больше восхищает их (казаков. — В. К.) смелость, когда они разфабили предместья Константинополя на глазах у города, великого сеньора и двора».

Приведем также сообщения о первом нападении на Босфор 1624 г., исходящие от современников казачьей морской активности, но второй половины XVII в. Казаки, отмечал П. Рикоут (почему-то в разделе о 1626 г.), «действуют с такой скоростью, что их набеги совершаются прежде, чем о них доходят вести. Таким образом они дошли вплоть до Канала Черного моря, сжигая и фабя села и деревенские дома, встречавшиеся на их пути, Бюкждере, Еникёй, Стения были обращены в пепел: два первых на греческом берегу, а последняя на азиатском». Очевидно, автор пользовался материалами посольства Т. Роу, поскольку повторил его ошибку с Истинье[33], но, как увидим позже, привел и оригинальные сведения о набеге 1624 г., касающиеся закрытия Золотого Рога.

Ф. дела Круа пишет, что днепровские казаки соединили все свои суда и сообща высадили многие десанты на берега Турции. «Большое число городков и селений стало добычей этих пиратов, обративших их в пепел. Они имели дерзость приблизиться на четверть лье к Константинополю и предали огню на глазах жителей этого великого города множество их увеселительных домов». Наконец, у И.-И. Мёллера говорится, что запорожцы прибыли по Черному морю к предместью Константинополя, высадились на берег в Еникёе, опустошили его и подожгли[34].

В целом источники создают впечатление ошеломляющего разфома казаками обоих берегов почти всего Босфорского пролива от его черноморского устья до замков Румелихисары и Анадолухисары, расположенных перед Стамбулом. Упомянутые Т. Роу четыре английские морские мили, которые отделяли столицу от разграбленной и сожженной местности, составляют 7,4 км, и это расстояние вполне соотносится с расположением Румелихисары приблизительно в 7,5 км по прямой от Топхане[35]. Два лье М. Бодье — это 8,9 км, если имелись в виду сухопутные лье, что скорее всего и было, поскольку два морских лье составили бы 11,1 км. Видимо, от двух лье М. Бодье происходят две мили Пьера Шевалье: казаки, по его словам, «несколько раз даже осмеливались подойти на две мили под Константинополь и взять там пленников и добычу»[36].

Но вполне вероятно, что во время набега казачьи суда заходили и гораздо дальше в пролив или, иными словами, ближе к собственно Стамбулу. Иов указывал, что казаки прошли замки, что предполагает продвижение мимо Румелихисары и Анадолухисары, ибо других замков на Босфоре тогда не было. Д. Сафедо (правда, с ошибочным указанием 1626 г.), а за ним и И.Х. фон Энгель утверждали, что казаки высадились в миле от Стамбула[37] и приблизились к нему до четверти мили. Здесь, очевидно, подразумевалось лье, которое переводят и как милю. Поскольку морское лье равно 5,556 км, а сухопутное 4,444 км, высадка должна была произойти ближе к столице, чем расположен Румелихисары, где-то приблизительно в районе Арнавуткёя — Куручешме. Но при этом, конечно, не может быть речи о первой казачьей высадке в проливе: если казаки громили Босфор начиная от Гиерона, то первый раз они должны были высадиться вскоре после захода в пролив.

О дерзком приближении казаков к столице на четверть лье говорит и Ф. де ла Круа. Последнее расстояние составляет всего 1,4 или даже 1,1 км в зависимости от того, какое лье имелось в виду, и это практически уже был район Топхане. Кроме того, перекрытие турками входа в стамбульскую гавань, о чем будет рассказано ниже, могло быть вызвано появлением казачьих судов не только у замков, но и непосредственно перед входом в Золотой Рог.

Разгром босфорских селений был сокрушительным, но по-казачьи стремительным и недолговременным: согласно И.В. Цин-кайзену, казаки офабили «все побережье вверх от Константинополя за несколько часов». В литературе называется и конкретное количество этих часов. «Всеобщая история о мореходстве» утверждает, что казаки «целые шесть часов употребили на разграбление того края, украшенного великолепными и пышными зданиями, куда сам султан иногда приезжал для увеселительной прогулки»[38]. У Я.-Ф. Юзефовича встречаем указание на то, что турки в Стамбуле в течение шести часов не осмеливались подать помощь жителям Еникёя, а М.С. Грушевский пишет, что запорожцы в продолжение тех же шести часов уничтожили «целый ряд роскошных вилл и богатых усадеб» и забрали «массу добычи».

Но обратимся к источникам, которые дают возможность представить, какое конкретно время потратили казаки на разгром Босфора. По Т. Роу получается, что флотилия вошла в пролив около 5 часов утра современного счета времени («приблизительно на рассвете»), а погром был прекращен «не ранее 9 часов утра». Следовательно, казаки действовали на берегу чуть более четырех часов, что, учитывая район разгрома, представляется, пожалуй, слишком коротким сроком даже для стремительных запорожцев и донцов. Может быть, «9 часов» Т. Роу следует пересчитать с лондонского (гринвичского) времени на местное, т.е. прибавить три часа, и тогда получится 12 часов дня? Если это так, то разгром продолжался более семи часов. Последний срок ближе к данным Ф. де Сези, согласно которым казаки находились на суше свыше 10 часов, т.е. приблизительно начиная с нынешних 5 часов утра до 3—4 часов дня современного счета времени. И этого срока было вполне достаточно для рассматриваемого разгрома.

Греческая запись утверждает, что все действия казаков от начала до мнимого поражения заняли время от рассвета до 6-го часа. Здесь используется так называемый «древний» счет, и согласно ему, если бы имелся в виду 6-й час дня, то на казачьи действия приходилось бы примерно 2,5 часа, что невозможно. Остается полагать, что запись говорит о 6-м часе ночи, и тогда получается, что на казачий разгром Босфора, турецкий отпор и якобы поражение казаков автор отводит свыше 18 часов, иными словами, от восхода солнца до ночи.

В ходе набега, сопровождавшегося, по Мустафе Найме, невиданным ожесточением, особенно пострадал более населенный и более богатый европейский берег пролива. Согласно итальянским источникам, приводимым И. фон Хаммером, опустошению подвергся «правый берег Босфора», — полагаем, что преимущественно. Казакам, как говорят многие указания, досталась богатейшая добыча, в том числе значительное число пленников. Первоочередному разгрому, надо думать, подверглись великолепные дворцы и виллы, т.е., вполне возможно, загородные дома стамбульцев в Сарыере, усадьбы Бююкдере и Истинье, прибрежные дворцы и кёшки у Румелихисары, султанский дворец в Бейкозе, дворцы в Канлыдже и у Анадолухисары. В литературе встречаются утверждения о разрушении казаками военных укреплений на Босфоре, но источники об этом не сообщают[39].

Мы видели, что у современников среди погромленных мест особо выделяется Еникёй, и, очевидно, это селение подверглось особенно ожесточенному и сокрушительному разгрому, Сопровождавшемуся сожжением. Там было что грабить, поскольку, как мы уже говорили, в Еникёе находилось много отличных ромов, которые принадлежали богатым судовладельцам и капитанам, и это был крупный центр производства припасов для османского флота. Не исключено,

что казаки могли выбрать Еникёй и как своеобразную базу, опорный пункт для развертывания своих действий.

Ю. (О.И.)Сенковский, опровергая слова одного из польских авторов о том, что султан глядел из садов (окон) Сераля на подожженные казаками и дымившиеся села[40], утверждал, что казаки разгромили будто бы только один Еникёй и что даже его «из Стамбула из садов Сераля не видно». Отметим здесь известную подмену понятий, поскольку обсуждать надо вопрос о том, мог ли быть виден из Сераля дым от горевших селений, а не сами эти селения. Как явствует из приведенных материалов, Ф. де Сези дважды говорит, что Еникёй располагался «на виду у Сераля» (второй раз: «Неокорис и другие места»); у М. Бодье пламя горевшего большого селения рядом со Стамбулом было видно из павильонов Сераля; по Ф. де ла Круа, казаки сожгли увеселительные дома на глазах жителей Стамбула. Ранее цитировались заявление Скиндер-паши о том, что еще в 1610-х гг. из окон султана были видны дымы зажженных казаками пожаров, и замечание Ж. де Блеранваля о разграблении казаками столичных предместий на глазах у Стамбула и двора.

Конечно, некоторые из этих фраз надо понимать не в прямом, а в переносном смысле, но и в самом деле клубы дыма от горевших пригородных селений наверняка видели в столице: от Топхане по прямой до Еникёя лишь около 12 км, до Истинье около 11, до Румелихисары, как сказано, примерно 7,5, не говоря уже о том, что ветер мог смещать дым к Стамбулу[41].

Ошибка Т. Роу и П. Рикоута с азиатским расположением Истинье невольно заставляет предположить, что имелся в виду какой-то другой пункт, действительно размещенный на азиатском берегу Босфора, тогда как Истинье попало в текст в результате оговорки. Если это так, то, вероятнее всего, английский посол мог иметь в виду Бейкоз. Во всяком случае, И. фон Хам- мер в одном месте ссылается на турецкую рукопись «Рауфатул-эбрар», где сказано, что казаки вместе с Истинье опустошили и Бейкоз на азиатском берегу.

В общем же разгрому подверглись Сарыер, Бююкдере, Та-рабья, Еникёй и Истинье на европейском побережье Босфора, видимо, Бейкоз на азиатском берегу и, может быть, поселок при Румелифенери и селение при Румелихисары на европейской стороне пролива и поселок при Анадолуфенери, Канлыджа и пригород Анадолухисары на азиатской стороне или большинство из этих селений. Только втаком случае список разгромленных пунктов будет соответствовать «почти всем селениям», которые были разграблены и сожжены, согласно английским «Известиям из Константинополя». Мы не исключаем, что приведенный список следует пополнить и некоторыми селениями, располагавшимися ниже замков[42].

Названные известия сообщали, что «в то время весь город (Стамбул. — В.К.) и предместья были охвачены тревогой... никогда не видели большего страха и смятения». Позже в письме одному из князей Збараских от 10 сентября Т. Роу снова вспоминал о казачьем «дерзком покушении внутри канала, которое привело всех в смятение». По словам М. Бодье, «одно имя казаков вызывало страх и ужас в Константинополе», а османские «министры были в таком испуге, что трусливо плакали какжен-щины вместо того, чтобы помогать своей стране как подобает мужчинам».

Паника в городе усилилась, когда пополз слух, что местные христиане хотят восстать против мусульманского господства и присоединиться к казакам. По сообщению Ф. де Сези королю, вследствие казачьего разгрома босфорских селений «турки были так раздражены, что предлагалось и обсуждалось, не убить ли всех христиан-франков (западноевропейцев. — В. К.), но Бог отвел это жестокое намерение, и было решено только, что их разоружат и посетят все дома, чего и ожидали с часу на час с благодарственным молебствием, если дешево отделаются, так что в течение двух дней бедные христиане не осмеливались выходить из своих домов»[43].

Каймакам, по словам французского посла, хотел при сем бросить в Башни Черного моря посла Польши (речь идет о находившемся тогда в Стамбуле польском дипломатическом агенте), но он, Ф. де Сези, ходатайствовал за него, хотя это и было рискованно. Стамбульское население, «охваченное ужасом и пришедшее в ярость», говорит Ф. де ла Круа, «хотело истребить всех христиан города и особенно поляков и их посла», и жителей едва успокоили. Английское посольство в известиях от 10 июля констатировало, что турецко-польский договор о мире полностью разрушен.

Из сочинения М. Бодье узнаем, что дома некоторых европейцев в османской столице все-таки пострадали. «У турок, — сообщал этот современник, — не было другого лекарства, кроме отчаяния, порождаемого в таких случаях малодушием, и они пометили крестами двери франков (как они зовут христиан Запада), а ночью, разбивая их окна камнями, кричали и угрожали, что будут их грабить и убивать, если они не воспрепятствуют набегам и опустошениям, чинимым у

них (турок. — В. К.) казаками». Под угрозой оказалась жизнь духовного главы местных православных христиан, упоминавшегося патриарха Кирилла.

Один из историков утверждает, что тогда в Стамбуле «все спешило к оружию» против казаков[44]. Но дело было вовсе не так, и, напротив, понадобились личные усилия падишаха для организации элементарной обороны. Английские посольские известия говорят, что во время набега Мурад IV «отправился вниз к берегу, каймакам в порт», а Эрмени Халил-паша «объявил себя вождем (дословно: СепегаП. — В.К.) в этой сумятице». «Во время этой тревоги, — сообщал Людовику XIII Ф. де Сези, — великий сеньор был верхом на лошади на берегу моря перед своим Сералем, где навел несколько орудий[45] и торопил отправку лодок (против казаков. — В. К.), показывая столько же решимости, сколько его люди растерянности и страха»[46].

Дальнейшее развитие событий подробнее всего отражено в английских известиях. Турецкие военачальники, «не имея ни одной галеры, готовой к обороне... снабдили людьми и вооружили все корабельные шлюпки, барки и прочие небольшие лодки, числом от 4 до 500[47], таким народом, который они надеялись заставить грести или сражаться, и послали всех конных и пеших в городе, числом в 10 000, для защиты берега от дальнейшего грабежа».

«Мы, — говорилось в известиях, — надеялись тогда, что эти несчастные (казаки. — В.К.) тотчас же удалятся, но они, увидев приближающиеся к себе турецкие лодки, сами стянулись в середину канала, несколько выше Замков[48], и, укрепив весла к бою, стояли в форме полукруга в ожидании атаки; ветер и течение были против них. Халил-паша велел несколько преждевременно открыть огонь издали, но они не отвечали ни единым мушкетом, только перебирались от одного берега к другому, без малейшего признака отступления. Вследствие этого вождь, видя их готовность и решимость, положил не атаковать их такими лодками, какие имел, но счел за благо хотя бы удержать их от дальнейших покушений, опасаясь, что если они разобьют его лодочный флот, что они легко могли сделать, то рискнут пойти к Константинополю, который сейчас полностью лишен защиты»[49].

«И таким образом, — завершали рассказ известия, — эти немногие лодки (казаков. — В. К.), захвати в вначале богатую добычу, стояли целый день до заката солнца, дерзко глядя в лицо и угрожая великой, но испуганной столице света и всему ее могуществу, и наконец ушли со своей добычей, с развевающимися флагами, не вступив в бой и почти не встретив сопротивления»[50]. Уход казачьей флотилии произошел, видимо, вскоре после 10 часов вечера современного счета времени, поскольку солнце на Босфоре заходило в те дни около этих 10 часов.

В депеше Ф. де Сези события освещены гораздо короче: «И затем (после погрома Босфора. — В.К.)... они (казаки. — В.К.) удалились без потери единого человека; так как здесь в порту не было вовсе галер, они (турки. — В.К.) такдолго снаряжали лодки, что казаки имели полную возможность погрузить и увезти свою добычу». П. Рикоут, вкратце повторяя информацию английских известий, указывает типы мобилизованных турецких судов: «шайки, чимберсы и другие мелкие суда»[51].

Мустафа Найма замалчивает «стояние» двух флотилий и неприятный для османов результат преподносит в качестве успеха. «Как только известие о такой неслыханной дерзости (раз-Фоме Еникёя. — В. ЛГ.,) доставили в Стамбул, — читаем в переводе Ю. (О.И.) Сенковского, — личную охрану падишаха немедленно бросили на суда, спеша на место сказанного своеволия, но проклятые (казаки. — В.К.) моментально в открытое сбежали море». В переводе П.С. Савельева этот текст передан мягче: «Узнав об этом (разгроме Еникёя. — В.К.), начальник бостанд-жей и сейменов, сев на корабли, отправился против них; но про-клятники-казаки, пробыв немного, пустились обратно в море». Упомянутые здесь бостанджи («огородники») являлись придворными слугами, которые несли наружную охрану султанского дворца и выполняли полицейские функции, а сейменами, или секбанами («псарями, ловчими»), назывались свита султана и его охрана на охоте и одна из трех основных частей янычарского корпуса[52]. Собственно, важное добавление Наймы к имеющейся картине состоит в том, что придворный хронист сообщает о присутствиии в экипажах флотилии, наскоро направленной против казаков, даже чинов султанской охраны.

Греческая же запись, обнаруженная В.М. Истриным, уходит гораздо дальше Мустафы Наймы в фальсификации окончания казачьего набега. Его итог оказывается совершенно фантастическим и как таковой не фигурирует ни в одном из других источников. Согласно записи, «до шестого часа осталось из них {казаков. — В.К.) только до 60 человек; половина же их была изрублена, а остальные взяты в плен. Но они успели бросить огонь и сожгли два квартала»[53]. При этом, после того как автор записи сказал об ограблении всего пролива и его окрестностей, а другие

источники говорят о сожжении многих босфорских селений и домов, остается непонятным, что за кварталы имеются в виду. Уж не два ли квартала Галаты? Или очень сильно пострадавшего Еникёя?

Некоторые наблюдатели второй половины XVII в., аза ними и последующие историки, не имевшие сведений о флотилии из 400—500 «разнокалиберных» малых судов, утверждают, что против казаков будто бы были направлены галеры, на самом деле отсутствовавшие в порту Стамбула. «Десять галер, которые выслали из порта с намерением их (казаков. — В. К.) отбить, — пишет Ф. де ла Круа, — оставались зрителями этих опустошений, не осмеливаясь пойти на риск боя». У И.-И. Мёллера и Я.-Ф. Юзефовича находим, что флот трирем, даже когда он был подготовлен, не осмелился напасть на отплывавших казаков, которые счастливо вернулись домой[54].

Что касается ветра и течения, которые, по Т. Роу, были против казаков, то здесь явно имелись в виду ветер и течение со стороны Мраморного моря по направлению к Черному, затруднявшие казакам атаковать приближавшуюся к ним неприятельскую флотилию[55]. Уже отмечалось, что вообще в проливе главное течение идет от Черного моря к Мраморному и наибольшей скорости достигает как раз между Румелихисары и Анадолухи-сары, рядом с которыми происходило «стояние» флотилий. Однако имеется и встречное течение, направляющееся преимущественно вдоль европейского берега и заметное, в частности, от Бебека к Румелихисары, где при встрече с северным течением образуется водоворот, и от Балталимана к Еникёю, где оно уже теряет свою силу. Попутный ветер может заметно усиливать южное течение (зимой и весной, когда дуют главным образом юго-юго-западные ветры, оно становится таким сильным, что парусные суда с трудом могут проходить из Черного моря к Стамбулу, а иногда даже вынуждены ожидать северного ветра). Несомненно, в ходе набега сложилась подобная обстановка.

П. Рикоутутверждает, что казачьи суда «стояли под парусами» против турецкой флотилии, и, надо полагать, это ошибка, так как паруса можно было использовать для «стояния» лишь в случае разнонаправленности ветра и течения. В свою очередь, слова английских известий об укреплении казаками весел к бою не следует понимать буквально, поскольку казачьи суда, потому же источнику, находились в движении от берега к берегу, а это удобнее было делать на веслах.

Не согласимся и с мнением А. де Ламартина о том, что казаки «гордо ждали захода солнца и ветра с суши, который поднимается ночью, чтобы вернуться в Черное море». Со сменой дня и ночи ветер в самом деле нередко меняет направление, но в данном случае, если ветер и течение направлялись с юга, это было как раз то, что требовалось для быстрого отхода в море. Очевидно, совершенно иные соображения заставляли командование казачьей флотилии не трогаться с места при виде «армады» Эрмени Халил-паши.

В одной немецкой работе можно прочитать, что флотилия казаков «неожиданно исчезла» из Босфора. Представляется сомнительным, чтобы упомянутая «армада», стоявшая непосредственно против казачьих судов, вовсе не заметила их ухода, даже несмотря на вечернее или ночное время и растерянность, хотя именно то, что казаки вдруг стали уходить, вполне могло быть неожиданностью для турок, ожидавших худшего.

В литературе при освещении этого этапа набега встречаются и другие существенные ошибки и неточности. По изложению В.М. Пудавова, турки «столь медленно вооружали суда, что казаки свободно нагрузили добычу и увезли ее», и таким образом у автора исчезает «стояние» флотилий[56]. Напротив, согласно И. фон Хаммеру, суда османской флотилии «вышли немедленно из гавани Константинополя» на казаков, а по Д.И. Эварницкому, против них даже «выскочило... до 500 больших и малых судов», тогда как сообщения английского и французского посольств и соображения о времени, которое могло понадобиться для сбора такого огромного числа судов, их вооружения и снабжения экипажами, вовсе не позволяют вести речь о каком-то быстром отправлении флотилии.

«Пламя Бююкдере, — утверждает А. де Ламартин, — призвало шестьсот парусов из порта Константинополя, чтобы отбросить варваров из Босфора... Казаки выстроили свою эскадру полумесяцем посреди широкого пространства, которое образу-ет Босфор между Бююкдере и берегом Азии...» Здесь неверно . показаны и число судов турецкой флотилии, которые врядли в большинстве своем состояли из настоящих парусников, и место «стояния» двух флотилий, которое случилось отнюдь не у Бююкдере, а гораздо ближе к Стамбулу. В. Миньо, наоборот, уверяет, что «стояние» произошло прямо у входа в Золотой Рог: собранные «пятьсот сайков (так зовется у турков особый род легких судов)... развернулись противу лодок козачьих, остановившихся полукружием» перед «входом в гавань».

«Турки, — читаем у М.А. Алекберли, — мобилизовали... морской флот... открыли по ним (казакам. — В.К.) ураганный артиллерийский огонь. Положение казаков было крайне тяжелое, и ветер не сопутствовал им. Турки имели большое количество войска, превосходящее казаков в несколько раз...» Полагаем, что автор преувеличивает тяжесть положения казаков. Хотя османских судов и людей на них было во много раз больше, чем у проти вной стороны, но турецкая флотилия, эта, как выражается М.С. Грушевский, «импровизированная армада», состояла из разнотипных и не предназначавшихся для боевых действий судов, с самым разнообразным, наспех собранным вооружением, в числе которого вряд ли было много артиллерии, со случайно и поспешно укомплектованными командами, в значительной степени набранными, по выражению упомянутого же историка, из «всякого сброда». Такая «армада» не могла представлять для казаков слишком большую опасность, что и выявилось в ходе «стояния».

Подробности о действиях десятитысячного войска, направленного для защиты босфорского побережья, нам неизвестны. Поэтому трудно сказать, шло ли оно «вровень с флотом, чтобы защитить землю и море от этих поджигателей», как утверждает А. де Ламартин, либо же имела место несинхронная спешная отправка различных отрядов к прибрежным селениям, но, во всяком случае, это войско не составляли одни янычары, как считает названный автор. Равным образом неизвестно, правы ли В. Миньо, согласно которому воины были «размещены оберегать Перу, Галату, Скутари и прочие окрестности столицы», и следующий за этим историком Н.А. Смирнов, по которому «до 10 тыс. хорошо вооруженных людей заняли берега Босфора, а также Перу, Галату, Скутари в ожидании высадки казаков»[57]. Можно только предполагать, что поскольку во время набега закрывался вход в Золотой Рог, должны были быть приняты меры и по обороне собственно Стамбула, Галаты и Ускюдара.

Наконец, скажем и о неточностях в литературе, связанных с определением общего времени пребывания казаков на Босфоре. Согласно А.Л. Бертье-Делагарду, они простояли в проливе «на виду у Царьграда целые сутки», что не соответствует действительности, хотя автор и ссылается на И. фон Хамме-ра, В.Д. Смирнова и Д.И. Эварницкого, у которых нет таких утверждений[58]. Невнятно относительно времени выражается М.С. Грушевский: в его истории казаки, разгромив за шесть часов виллы и усадьбы и забрав добычу, «около 9 часов» уходят в море; затем рассказывается о тревоге в Стамбуле, организации импровизированной флотилии, «стоянии» в проливе, продолжавшемся до вечера, и беспрепятственном уходе казаков домой. Получается, что под «морем», куда казаки ушли около 9 часов, следует понимать пролив (уход с берега на суда, находившиеся в проливе)? 9 часов вечера здесь не могут иметься в виду, так как от рассвета до вечера было гораздо больше шести часов, да и в 9 часов вечера солнце еще не заходило[59].

Для защиты от набега турецкие власти были вынуждены применить знаменитую византийскую цепь, о чем расскажем особо. Эта цепь, имевшая очень долгую историю, уже существовала в начале VIII в. и, перегораживая начало Золотого Рога, закрывала вход в акваторию константинопольского порта. Она протягивалась от мыса Акрополя, который ныне называется Сарай-бурну (мыс Сераля)[60], до весьма укрепленной Галатской башни морской стены Перы. Направление цепи почти совпадало с направлением Галатского моста, связывающего с 1845 г. оба берега залива [61].

Собственно говоря, это была не цепь в прямом смысле, а боновое заграждение, состоявшее из деревянных колод-поплавков, которые соединялись кусками железа и железной цепью, и имевшее длину почти 700 м. В целом бон являлся мощной, массивной преградой, для прорыва которой требовались корабли с особым приспособлением — гигантскими .«ножницами» или прочным тараном. «Механизм, регулировавший положение цепи, — по характеристике специалиста, — был устроен таким образом, что ее натягивали и отпускали со стороны города, а в Пере она была наглухо присоединена к башне».

Историки-византинисты считают, что цепь использовалась по крайнем мере пять раз: в 717—718 гг. против арабского флота, в 821 г. против повстанцев Фомы Славянина, пытавшихся в союзе с арабами захватить столицу, в 969 г. против русов, в 1203 г. против крестоносцев, сумевших прорвать бон, и в 1453 г. во время осады и взятия Константинополя османами. В этот последний раз установкой заграждения руководил генуэзский инженер Бартоломее Солиго, цепь охраняла эскадра христианских кораблей, а район заграждения еще дополнительно обстреливался с зубцов крепостных стен города[62].

В XII в. император Мануил I Комнин прибавил к этой цепи еще одну длиной свыше 1 км — от мыса Акрополя, от Манган-ской башни, до сооруженной им же на подводных камнях у побережья Скутари башни Леандра (Кызкулессы, Девичьей башни)[63]. Некоторые авторы говорят, что

цепь протягивалась от этой башни также до Галаты. Боновое заграждение Мануила Комни-на препятствовало подходу к Золотому Рогу из Мраморного моря и первоначально предназначалось против венецианцев.

После взятия Константинополя турки сохраняли цепь в морском арсенале Касымпаше64. И теперь, в июле 1624 г., она понадобилась, чтобы помешать расширению казачьих действий вплоть до собственно Стамбула. О применении цепи против казаков мы знаем от авторов XVII в. «Босфор, — писал П. Рикоут, — был закрыт большой железной цепью, как это делали греческие императоры при осаде Константинополя». Историки Турции подчеркивают, что в 1624 г. цепь использовалась впервые за все время османского владычества, первый раз после покорения византийской столицы, т.е. бон не применялся 171 год. В отношении конкретного использования цепи, места перекрытия морской акватории и, следовательно, района, который защищала эта цепь, существует разноголосица мнений. По П. Рикоуту, как уже сказано, турки перекрыли Босфорский пролив. И. фон Хаммер согласен с этим утверждением и, более того, называет точное место перекрытия. «Большая, с завоевания Константинополя еще не применявшаяся цепь, которая тогда запирала гавань, — говорит тюрколог, — была доставлена к Замкам Босфора, чтобы последний запереть...» Иначе говоря, по мнению И. фон Хаммера, турки перекрыли пролив между замками Румелихисары и Анадолухисары.

Скажем здесь же, что В.Б. Антонович и М.П. Драгоманов из-за созвучия во множественном числе немецких слов Schloss (замок) и Schlosser (слесарь) неверно перевели хаммеровскую фразу «nach ren Schlossern des Bospores» и «закрыли» не пролив, как у И. фон Хаммера, а гавань, и этот перевод затем сбил столку некоторых историков. «Большая цепь, сохранявшаяся со времени взятия Константинополя, когда она запирала гавань, — читаем у В.Б. Антоновича и М.П. Драгоманова, — была послана к слесарям Босфора, чтоб заперли гавань...» Приведенную фразу воспроизводит в кавычках и с изменением одного слова В.А. Голобуцкий, правда, приписывая ее некоему современнику[65]. Слесарей находим и у Д.И. Эварницкого, который, однако, предпочитает закрытие пролива: «Для защиты столицы от страшных хищников велено было отправить к слесарям Босфора большую железную цепь, некогда запиравшую Босфор... и ею запереть пролив от одного берега к другому».

У А. де Ламартина османское командование применяет цепь уже по завершении первого набега казаков для перекрытия Босфора, впрочем, в другом месте, чем у И. фон Хаммера: «Турки, чтобы не допустить их возвращения, протянули с одного берега пролива на другой, в устье Черного моря, знаменитую железную цепь, которая закрывала до Магомета II (Мехмеда II. — В.К.) вход из Золотого Рога в Константинополь». Согласно И.В. Цинкайзену, цепь притащили «в исток Босфора» и тем загородили по мере возможности вход. В литературе встречаются и прямые указания на то, что при Мураде IV «протягивали цепи, чтобы остановить нашествие русских», между Румеликавагы и Анадо-лукавагы.

Другая группа историков полагает, что в 1624 г. использовался «классический вариант», т.е. закрытие входа в Золотой Рог. Все в Стамбуле было приведено в такой ужас, утверждают Д. Сагредо и И.Х. фон Энгель, что гавань турецкой столицы впервые при турках была закрыта цепью[66]. «Вход в гавань заперт железной цепью», — пишет В. Миньо. Перекрытие гавани упоминается вслед за И.Х. фон Энгелем у Ф. Устрялова, а впоследствии у Н.А. Смирнова. С. Бобров считает, что 500 турецких судов пресловутой «армады» употреблялись «к охранению цепи». Собственно говоря, также получается и по В. Миньо.

К сожалению, из-за нехватки источников трудно отдать предпочтение какой-либо одной версии, тем белее;.что турки в принципе могли перекрыть как Золотой Рог, так и Босфор. А. В. Вис-коватов высказывает предположение, что казаки, которые «с 1620 по 1625 год беспрерывно держали в страхе население Константинополя... вероятно, пробились бы до султанского Сераля, если бы турки не заградили цепью вход в стамбульскую гавань». Мы не уверены в том, что казаки ставили перед собой именно такую цель — прорваться в Золотой Рог и уж тем более приблизиться к Сералю со стороны входа в эту гавань (мимо Сераля по проливу, как помним, казачьи суда уже проходили) и что полученного результата для казаков было недостаточно. Видимо, византийская цепь сыграла определенную роль если не в остановке разгрома босфорских селений, то в известном поднятии морального духа деморализованных османских воинов и испуганных жителей южной части Босфора и самой столицы.

Впрочем, есть историки, которые уверены в том, что казакам удалось прорваться в гавань Стамбула. Первый, П.А. Кулиш, утверждает, что запорожцы в 1624г. «невозбранно (т.е. беспрепятственно? — В. К.) проникли не только в Босфор, но и в Золотой Рог, где разграбили

цареградское предместье, называвшееся Новым селом». И далее: казаки «проникли было в Босфор, а из Босфора в Золотой Рог, мимо Ключа, мимо Черной Башни, мимо страшных для всякого другого войскаСтражниц, в Новое село и привезли домой богатую добычу»[67]. Второй историк, В.А. Голобуцкий, пишет, что, несмотря на применение турками цепи и десятитысячную охрану берегов Босфора, «казаки высадились в гавани, сожгли маяк и другие сооружения». Затем это утверждение повторяется и в другой работе, где высадка происходит несмотря на «500 галер и других судов» и 10 тыс. воинов, а сжигаются «маяк и другие портовые сооружения».

Оба автора делают неправомерные ссылки — соответственно на Иова и И. фон Хаммера — и имеют путанное представление о географии Босфора и Золотого Рога: Еникёй, или Новое село, не имеет отношения к стамбульской гавани, маяк, который казаки сожгут во втором набеге 1624 г., располагался при входе в пролив, а не в гавань, и др.[68]

Прорыва казаков через цепь в Золотой Рог в 1624 г., судя по имеющимся источникам, не произошло, и, как выражается И.В. Цинкайзен, турки «на этот раз отделались только страхом». Но, очевидно, правы и другие историки, согласно которым «сам Сераль находился в состоянии обороны» и приходилось фактически защищать его стены[69].

Кроме того, интересные и, вполне возможно, реальные события, связанные с Золотым Рогом, могли найти отражение у В. Миньо. Этот автор, считающий, что казачьи лодки остановились «пред помянутой цепью», в другом месте своего сочинения говорит о том, что Мурад IV старался быть строгим к сановникам, и сообщает, что он «даже единожды ударил капитан-пашу, зятя своего, который допустил Козаков ненаказанно насильствовать в самой гавани константинопольской: увести два судна и одно затопить под пушками подзорных крепостей». Имеется в виду, несомненно, Реджеб-паша, а учитывая время его пребывания на посту главнокомандующего флотом, указанный эпизод можно отнести только к набегу 1624 г. Если захват и потопление судов произошли в действительности, то остается предположить, что дело было еще перед закрытием гавани и как раз могло подтолкнуть османские власти к использованию знаменитой цепи.

3. Другие набеги 1624 г.

Ю. (О.И.) Сенковский и следующий за ним А.Л. Бертье-Делагард относят второй казачий набег на Босфор 1624 г. к 7 октября, однако в литературе чаще встречается утверждение, что казаки вернулись к проливу через 14 дней (или через две недели) после первого нападения. При этом М.С. Грушевский ошибочно предполагает, что сведения о первом набеге, изложенные Иовом, относятся ко второму приходу казаков, и неверно датирует сам этот приход: «Второе нападение имело место 20/VII: в депеше французского посла от 21/VII говорится о "вчерашнем" нападении». Тем самым историк принимает информацию Ф. де Сези о первом набеге за сообщение о втором. Две недели фигурируют и у Ю.П. Тушина, но он относит появление казаков у Босфора к июлю, а на Босфоре — к 4 августа.

И. фон Хаммер и Н.И. Костомаров поступают осторожнее, говоря о возвращении казаков в пролив через несколько дней. У Д.И. Эварницкого оно происходит «через несколько времени», однако после неверно определенной даты 21 июня.

О втором набеге рассказано в «Известиях из Константинополя», подготовленных посольством Т. Роу 24 июля[70], т.е. в самом деле спустя 14 дней после составления известий о первом набеге. Но эти две недели — отнюдь не промежуток времени между двумя приходами казаков на Босфор. В документе от 24 июля указано, что казаки находились в устьв-пролива три дня и что там все еще остаются турецкие суда, отправленные в связи с их появлением, и еще какое-то время требовалось посольству для получения информации о случившихся событиях. В письме Т. Роу от 25 июля упоминается несколько дней, прошедших после смятения, которое было вызвано набегом. К тому же, согласно П. Рикоуту, «пираты» снова появились в рассматриваемом районе «немного дней спустя».

В результате можно утверждать, что казаки возвратились к Босфору перед 20 июля, иными словами, приблизительно через 10, а может быть, и меньше дней после известного «стояния» флотилий и ухода нападавших от Румелихисары и Анадолухисары.

«Казаки, — говорится в известиях от 24 июля, — после их первого прихода снова вернулись к устью Босфора с удвоенным числом своего первоначального флота, состоявшего теперь по крайней мере из 150 лодок; подкрепление было спрятано позади в засаде или для оказания помощи в случае необходимости, или для какой-то другой выгоды. Они оставались неподалеку от

берега и на берегу еще 3 дня, сожгли Фарос[71] (маяк. — В.К.) и 2 или 3 селения. Они угрожали прийти к Арсеналу, повергнув весь город в большое смятение».

«Караулы, — по английским сведениям, — находились и были усилены во всех частях суши[72], и наконец две галеры, наполненные грузчиками и рабочими, которых взяли на улицах[73], и около 20 лодок были высланы для наблюдения, где все еще остаются у входа в канал; но казаки со своей большой добычей и двумя или тремя захваченными кармиссалами (карамюрселями. — В.К.) отступили, и страх прошел».

«За капитан-пашой, — продолжает документ, — послали в спешке, но встреча его, похоже, будет очень холодной за то, что город оставил так плохо охраняемым и так мало имел сведений о неприятеле».

На этот раз у нападавших были потери, хотя и минимальные: туркам удалось взять в плен нескольких казаков, которые на берегу оторвались от своих. «Несколько из этих несчастных грабителей, которых схватили отставшими слишком далеко на суше[74], — сказано в известиях, — признались на допросе, что Мехмет (Мухаммед-Гирей IV. — В.К,), князь татарский, является их союзником в этом покушении, мстя за попытку его сместить. Если верно, а это вполне возможно, что есть какая-то связь между этими двумя непоседливыми народами, то они станут очень беспокойными для столицы и государства».

«Это признание, —читаем дальше, — ускорило смерть Хюсейн-паши, который во время своего правления сделал Мехмета из заключенного князем и освободил лордов Польши[75] (польских сановников. — В.К.), бывших здесь пленниками, и внезапно отправил князя Збараского, которые, если бы сейчас здесь находились, боюсь, стали бы заложниками. В этом смятении агент Польши был в определенной опасности, но мудростью везира он, однако, спасен».

Из письма Т. Роу Д. Кэлверту от 25 июля (к этому посланию приложены цитированные известия) узнаем, что и у английского посла были неприятные часы, связанные с казачьим набегом, и что послу пришлось поволноваться и предпринять меры, доказывавшие его дипломатическую порядочность.

«Я, — говорилось в письме, — вынужден прибегнуть здесь в некоторых местах к шифру, потому что в момент последнего смятения, когда прибыли наши обычные пакеты, они неожиданно вызвали подозрение беспокойного чиновника и были доставлены к каймакаму; было широко распространено лживое обвинение в том, что некоторые из них будто бы обнаруживают сведения касательно казаков, и сиюминутная оскорбительная ярость подталкивала вскрыть их в Государственном Диване, или Совете, который обещал успокоить толки; но через несколько дней мудростью везира они доставлены нам невредимыми».

«Следующей почтой, — писал Т. Роу, — я пошлю копии вашей чести и дам его величеству отчет о деле пиратов, в коем сделано что возможно (к сожалению, этот документ неизвестен. — В.К.); новый паша послан с новыми и горячими приказами, каковые, я уверен, выполнит, чтобы мы могли торговать в будущем без опасения от них (казаков. — В.К.)».

Не исключено, что о тех же событиях, хотя, возможно, и о последовавших за ними, рассказано в сообщении Ф. де Сези из Стамбула от 18 (8) августа: «Морские силы (турок. — В.К.)чрез-вычайно слабы, и если бы и были галеры, то нет здесь людей ни чтобы ими командовать, ни чтобы их снарядить. В течение прошедших дней были отправлены три (галеры. — В.К.)тут поблизости от устья Черного моря[76] с несколькими фрегатами (фыркатами. — В.К.), чтобы охранять и воспрепятствовать возвращению казаков; но после того как они пробыли два дня в порту без сухарей, без пороха и других боеприпасов, все, кто был наверху (т.е. исключая рабов-гребцов. — В.К.), их покинули и вернулись сюда, оставив галеры на произвол судьбы. А на другой день старик Халил-паша прислал мне просьбу одолжить[78] ему три бочонка пороху...»

О втором приходе казаков говорит П. Рикоут, согласно которому «тревога Константинополя выросла вдвое из-за возвращения тех же пиратов, более сильных, чем в первый раз. Они плавали три или четыре дня у устья Черного моря и, сжегши маяки с близлежащими селами и захватив значительную добычу, ушли».

Обстоятельства нового прихода позволяют предположить, «что к Босфору, может быть, вернулась уже действовавшая там флотилия. Но поскольку она оказалась в значительно увеличенном составе, даже гораздо большем, чем указанные Иовом 102 судна, и равном «небывалому» составу следующей запорожской флотилии, о которой мы скажем ниже, можно полагать, что к прежнему соединению примкнула донская флотилия, а также, возможно, суда, вышедшие дополнительно из Днепра[79].

Ю.П. Тушин определяет число донских стругов, отнимая от 150 судов всей флотилии 80 чаек, в результате чего получается 70: «В июле 80 запорожских чаек появились у Босфора. Соединившись с донцами, подошедшими на 70 стругах... они вошли в Босфор...» Однако эти подсчеты весьма относительны, так как чаек в конечном счете могло быть и больше 80. К тому же нам совершенно неизвестен состав казачьего подкрепления, которое, по Т. Роу, было спрятано в засаде. М.С. Грушевский понимает сообщение об этом как указание на то, что за 150 судами «следовали резервы»[80].

О числе участников набега, насколько известно, высказался только К. Осипов, у которого оно составило 7—8 тыс. человек. Эта цифра вообще приемлема (на одно судно, если судов насчитывалось 150, приходилось бы по 47—53 казака), но также весьма приблизительна: на самом деле с резервами число казаков могло быть и больше. По утверждению немецкого историка, флотилия вернулась к Босфору ночью. Хотя источники на этот счет молчат, возможно, это так и было, если учесть большую склонность казаков именно к ночным нападениям. Вместе с тем не исключено, что упоминание о ночи появилось у автора по ассоциации с последующим сожжением маяка, которое вполне могло произойти и днем.

Флотилия на этот раз не углублялась в Босфор, селения которого только что подверглись разгрому, и ограничила свои действия устьем пролива. Упомянутый маяк, по И. фон Хаммеру, это тот, «где уже семьюстами годами ранее стояли на якоре суда Игоря»[81], и, видимо, Румелифенери, хотя П. Рикоут утверждает, что были сожжены оба маяка, т.е. и Анадолуфенери. Сожженные маяки фигурируют и у В. Миньо, а также у С. Боброва. В. Катуальди называет пострадавший объект «Фанаром», что может запутать читателя, поскольку так называли селение при Румелифенери[82].

Разгромленные казаками в данный приход селения могли быть поселками при маяках и, кроме того, поселениями, при- легавшими к устью Босфора с европейской и азиатской сторон, — Акпынаром, Кюмюрчюкёем, Кысыркаей, Килиосом, Ривой и др.

В работах некоторых авторов, как ни странно, три дня действий флотилии у входа в пролив превращаются в три дня пути от Стамбула. Казачьи суда, по С. Боброву, «идут у берегов Черного моря, опустошают приморские султанские области, достигают даже до Босфорского пролива, приводят турков в трепет в самой столице их империи, до которой оставалось им только три дни пути». То же находим и у И.В. Цинкайзена, согласно которому казачья флотилия «пришла... на Босфор, беспрепятственно произвела высадку в трех днях пути в некоторых пунктах побережья». Эти утверждения совершенно неверны, так как три дня пути уводят казаков далеко от босфорского устья.

В свою очередь другие историки приближают казаков к Стамбулу на слишком короткое расстояние. Немецкий автор пишет, что часть казаков «высадилась по соседству с городом». По М.С. Грушевскому, казачий флот снова явился у Константинополя». У К. Осипова вслед за названным автором «Константинополь снова увидел Козаков». Согласно Л. Подхородецкому же, казаки действовали едва ли не в Золотом Роге: «Смелость казаков дошла до такой степени, что в 1624 году флотилия, состоявшая из 150 лодок, направилась прямо к порту в Константинополе и уничтожила маяк (получается, что он располагался при входе в залив. — В.К.), а стоявшие на якоре в порту корабли не смели выйти за ней в открытое море». Все эти ошибки имеют в основе пренебрежение к географии, которую, без сомнения, нельзя игнорировать, если речь идет о плаваниях и походах.

Совершенная путаница со вторым набегом 1624 г. получилась у Ю.П. Тушина. 102 чайки, упоминаемые Иовом, он относит ко второму приходу казаков и объединяет сведения о первом и втором босфорских набегах, в результате чего заставляет казаков во время второго прихода громить Бююкдере, Еникёй (раздваивающийся у автора на Неокорис и собственно Еникёй) и Истинье, сжигать маяк и грозить нападением на морской арсенал, а перед приходом еще выдержать сражение с турецкой эскадрой по выходе из Днепровского лимана. Все это, по Ю.П. Тушину, происходило в течение июля — начала августа (вплоть до 4 числа). В конце книги этого же автора 102 чайки Иова участвуют уже в босфорском набеге, который Ю.П. Тушин датирует началом октября. В целом получается редкостное смешение первого, второго и третьего набегов.

Галеры и фыркаты, отправленные для наблюдения, у И.В. Цинкайзена оказываются посланными в погоню за казаками. Только после ухода казачьей флотилии, пишет тюрколог, «послали вслед за ней две плохо укомплектованные галеры и около 20 лодок, которые ее, конечно же, вовсе не настигли»[83]. Учитывая огромный состав казачьей флотилии, трудно предполагать, что данные суда вообще предназначались для погони.

Что касается показаний взятых в плен казаков о союзе с крымским ханом, то добавим, что С. Рудницкий, неточно излагая эти показания (будто бы сам хан подговаривал казаков к походу), отмечает предложение, сделанное Шахин-Гиреем в августовском письме польскому королю о создании крымско-польско-запорожского союза с антитурецкой и антироссийской направленностью. Т. Роу не раз сообщал из Стамбула, что там боялись такого развития событий, и особенно «союзничества» татар и казаков. В «известиях обоим секретарям» в Лондон от 21 августа посол писал, что неожиданная уступчивость Мурада IV с утверждением мятежного хана на престоле подчеркивает большой страх перед опасным врагом, что еще неизвестно, как «татарин» примет подарок, уже взятый собственной силой, что в случае османско-крымской войны все дороги на Турцию оказываются открытыми для татар, а Адрианополь и прилегающие к нему территории уже находятся в страхе перед ними, и добавлял, что, как уже сообщалось, некоторые казаки присоединились к «татарину». Но мне кажется, заключал Т. Роу, что Татария и Турция все-таки помирятся.

По мнению М.С. Грушевского, первый и второй казачьи набеги на Босфор 1624 г. «таким образом, кроме добычничества, послужили диверсиею в интересах союзников — Гиреев. Может быть, они и имели такую цель». Оставляя здесь без комментариев «добычничество», заметим, что Войско Запорожское (уже не говоря о Войске Донском, не вступавшем в союз с Мухаммед-Гиреем и Шахин-Гиреем) в первую очередь обеспечивало свои интересы и преследовало собственные цели. Босфорские походы просто не могли состояться исходя преимущественно из интересов Гиреев, и речь может идти о совпадении интересов, а также о восприятии этих походов как диверсий в пользу тогдашнего крымского режима.

Попутно отметим и мелькнувшую в литературе совершенно нелепую версию об убийстве татарами в августе 1624 г. в Карасубазаре московского посла Ивана Бегичева, направлявшегося в Стамбул, якобы в отместку за первый набег казаков на Босфор.

Против этой версии выступил Н.А. Смирнов, а обстоятельства убийства осветил А.А. Новосельский. По русским источникам, Шахин-Гирей, допрашивая И. Бегичева, «лаял матерно» османского султана и заявлял, что скоро возьмет Стамбул. Помимо русского посла, были убиты и возвращавшиеся с ним из Москвы турецкие послы. Шахин-Гирей не только не мстил за босфорский набег, но был недоволен как раз дружественными сношениями Москвы со Стамбулом.

М.С. Грушевский замечает, что казаки «простояли у берегов Босфора три дня, как бы насмехаясь над бессилием падишаха», а И. фон Хаммер подчеркивает, что участники набега «возвратились назад к своим берегам с добычей и сознанием, что потревожили Османскую империю в ее столице». Если у Иова, как мы думаем, первый и второй босфорские набеги совмещены в одном походе, то к 24 августа (дата письма митрополита) запорожцы вернулись от Босфора в Сечь. Более точное время и обстоятельства возвращения запорожцев и Донцов неизвестны[84]. По всей вероятности, оно было вполне благополучным: источники не говорят ни о каких-либо сложностях или казачьих потерях на обратном пути, ни об османских победах. Письма Иова и киевских городских властей свидетельствуют о большой добыче, захваченной запорожцами. В этих условиях сложение О. Голубом своих полномочий по возвращении в Сечь, надо полагать, не было связано с неудачами в походе.

На протяжении месяца с лишним после первого набега босфорское население все еще не отошло от связанных с ним переживаний, и когда во второй половине августа Мурад IV выезжал из Стамбула, это происходило «под вопли жителей правого берега Босфора», опасавшихся нового прихода казаков и знавших о весьма невысоком моральном духе своих моряков и солдат.

С датировкой третьего за 1624 г. появления казаков у Босфора в литературе наблюдается такой же разнобой, как и с датировкой первых двух. Н.И. Костомаров и П.Н. Жукович к третьей экспедиции относят известие Мустафы Наймы о приходе казаков в пролив 7 октября. По Н.И. Костомарову, в сентябре запорожцы на 100 чайках вышли в море; турецкий флот стоял тогда в Кафе, занятый укрощением крымских междоусобий, и казаки дошли до окрестностей Константинополя, 7 октября ограбили и частично сожгли Еникёй, а потом благополучно ушли, избежав погони.

На самом деле все это неверно: османская эскадра к тому времени давно уже ушла из Кафы, а 7 октября, как мы видели, — ошибочный пересчет Ю. (О.И.) Сенковским 4 шаввала, которым турецкий хронист датировал первый казачий набег.

Мнение о том, что капудан-паша с флотом в сентябре был в Крыму, возможно, возникло из-за неверного сообщения Ф. де Круа, который утверждал, что в начале сентября нового стиля (12—26 августа старого) «великий адмирал» Турции отправился в Крым ставить нового хана, а казаки

совершили нападение на Босфор. Тот же сентябрь находим у Д. Сагредо и И.Х. фон Энгеля (который исправляет 1626 г. Д. Сагредо на 1624 г. Ф. де ла Круа), а за И.Х. фон Энгелем все это повторяет М.А. Алекберли. 7 октября как дату набега видим и у Д.И. Эварницкого, правда, с переносом событий в 1623 г.; историк при этом делает ссылку на В.Д. Смирнова, но тот четко говорит об июле 1624 г.[85] Согласно Д.И. Эварницкому, 7 октября казаки «опять явились в виду Константинополя... ворвались в самый Босфор, разгромили на берегу его селение Еникёй и после этого благополучно возвратились домой», — получается, что историк описывает события первого набега 1624 г.

Ю.П. Тушин искусственно объединяет сведения Иова о первом набеге казаков с рассказом М.С. Грушевского о третьем их приходе к проливу: в конце августа 102 чайки с боем вышли из Днепровского лимана, часть их, дождавшись благоприятной погоды, в начале октября достигла окрестностей Стамбула и, разгромив его предместья, благополучно ушла с добычей.

Добавим еще, что у Н.А. Марковича запорожцы выходят в море после 1 октября. В этот день, пишет историк, казаки убили гетмана Максима Григорьевича «за то, что он удерживал их от морских экспедиций на турков; потом пустились в ладьях в Черное море, вышли на берег за одну милю от Константинополя, сожгли несколько селений и навели ужас не только на десять галер, но и на столицу Турции». То же встречаем у Н. Маркови-на: «В 1624 г., убив преданного королю гетмана Григорьевича за то, что он удерживал от морских экспедиций, казаки доезжали морем "почти и до Царяграда", делали великие грабежи у живущих там на берегах, в селах и местечках, и навели ужас на столицу Турции». Не вникая во внутреннюю историю Запорожской Сечи, укажем только, что и в приведенных высказываниях видны факты, относящиеся к первому набегу.

В действительности третий в ходе кампании 1624 г. приход казаков к Босфору состоялся в конце сентября, поскольку о нем сообщается в известиях английского посольства из Стамбула от 1 октября. Очевидно, сентябрь у Ф. де ла Круа появился не случайно, а был связан с реальными событиями казачьей военно-морской деятельности и ассоциативно совместился с отсутстви ем капудан-паши в столице и на Босфоре.

Вероятно, третий набег возглавлял запорожский гетман Г. Черный. В письме киевских городских властей от 5 сентября отмечено, что на место О. Голуба был избран «некий Гришко Черный из Черкасс, который, взявши на себя старшинство, пошел на море, имея с собой 130 челнов». О третьем походе запорожцев говорит и Иов в письме от 24 августа. По сведениям митрополита, Войско Запорожское в третий раз в течение года отправило в море 150 челнов, «чего никогда не бывало».

Основываясь на последнем документе и одном письме из «лаврского сборника», датированном 3 октября, М.С. Грушевский пишет, что запорожцы, ободренные предыдущими успехами, 16 (6) августа «собрались в третью экспедицию на Константинополь. Такое количество больших экспедиций в один сезон было вещью неслыханной. На этот раз было также около 150 чаек. Но противные ветры задержали их под Очаковом более месяца; козаки истратили здесь много припасов, и несколько десятков чаек поэтому возвратились обратно, а сто с лишним все-таки двинулись дальше, но никаких подробностей об этом походе не знаем».

Если сведения историка верны, то возобновление похода, таким образом, должно было последовать после 5 сентября. В этом случае киевские власти к указанному числу вряд ли могли узнать количество судов, отправившихся далее в море, и поэтому сведения о 130 челнах, может быть, следует рассматривать как искаженный вариант 150. Однако из депеш Т. Роу видно, что 4 сентября он знал о появлении казачьей флотилии у Варны, и, следовательно, не получается более чем месячная задержка под Очаковом. Тогда и в Киеве могли узнать о 130 чайках, продолживших экспедицию. Флотилия у Варны состояла из 150 судов, и, как мы увидим дальше, по английским данным, к Босфору придут также 150 судов. Если это не преувеличение турецких информаторов, то остается иметь в виду возможность нового присоединения к запорожцам доне кой флотилии.

Последующий ход набега можно представить в общих чертах. «Капитан-паша, — писал Т. Роу Д. Кэлверту 4 сентября, — пришел в устье канала, вынужденный покинуть море из-за мятежей солдат и потерявший свое оружие и снаряжение... Но из-за нового сообщения из Варны о 150 лодках казаков, которых видели и которые замышляли против этого города, ему (капудан-паше. — В.К.) велели снова выйти (в море. — В.К.), подкрепив его людьми и всем необходимым, не без опасности для его жизни; молодой император (Мурад IV. — В.К.) лично послал к нему курьера в небольшой барке».

И.В. Цинкайзен на основании приведенного сообщения отмечает, что казаки «показались... на высоте Варны, но, однако, не предприняли ничего значительного». Возможно, этому помешала

эскадра капудан-паши, хотя не исключен и вариант простого отсутствия сведений о казачьих высадках, которые могли затронуть не слишком крупные пункты побережья Румелии. Слухи о возможном появлении казаков продолжали будоражить османскую столицу. «Галерам, — отмечал английский посол в письме Збараскому от 10 сентября, — еще не позволили возвратиться (в Стамбул. — Б.К.). Император лично отправился к каналу, чтобы дать приказ об их усилении, из-за слухов, что опять видят казаков в море, где они караулят». «Об той разновидности войны, —- добавлял Т. Роу, — я и не знаю, то сказать, но если ее не предотвратить, то она породит еще большее неудобство... если этот ход (имеются в виду казачьи набеги на Турцию. — В.К.) продолжится, то это государство ойдет на все, лишь бы не переживать тревог по ночам в своем главном городе...»

В довершение к тревогам и слухам произошел бунт солдат, которые должны были охранять черноморский вход в пролив. Об этом мы узнаем из депеши того же Т. Роу принцу Уэльскому, датированной 18 сентября. «Солдаты на галерах в устье Босфора, — говорится в документе, — взбунтовались против своих начальников, забрасывая их камнями и отказываясь снова идти в море...» Властям удалось успокоить бунтовщиков, только согласившись «с условием, что они остаются там, где находятся, и несут стражу до тех пор, пока зимняя погода не прогонит казаков, и в этот день их (солдат. — В.К.) возвращают в город». Очевидно, речь шла о дне Касыма, считавшемся в Турции началом зимы и приходившемся, как мы указывали, на 26 октября[86]. Но задолго до этого дня казачьи суда снова подошли к проливу. «Казаки, — сообщало английское посольство в "Известиях из Константинополя" от 1 октября, — снова появились поблизости от устья Босфора со 150 фрегатами (на этот раз "фрегатами" — фыркатами названы чайки и, возможно, струги. — В.К.) и взяли много добычи на греческом берегу, настолько, что все берега Черного моря стали безлюдными». Полагаем, что разгрому могли подвергнуться уже перечислявшиеся селения европейского побережья, примыкавшего к Босфору, — Акпынар, Кюмюрчкжёй, Кысыркая, Килиос, а также Мидье, Игнеадаидр.

В связи с новым приходом казаков, говорится в тех же известиях, султан приказал капудан-паше «с его галерным флотом вновь выйти и опять идти в море». По словам англичан, «в двад цать четыре часа» было подготовлено к походу около 23 галер, но янычары не подчинились приказу направиться на корабли. Похоже, одним из аргументов нежелания произвести посадку было утверждение, что «море несудоходно для галер в это время года». Солдат пришлось уговаривать, и в конце концов «в результате убеждений их капитанов и ихлюбимого вождя, заместителя аги[87] в азиатских войнах, они отправились для несения охраны».

Казаки тем временем совершенно спокойно удалились, не предприняв на этот раз попытки войти в Босфор и, без сомнения, посчитав, что сделанного в предыдущих набегах было впол -не достаточно.

1624 г. был ужасен для Турции. Именно к этому году относится уже цитированное ранее замечание И.В. Цинкайзена о том, что «казачье бедствие» приняло для Османского государства чрезвычайно опасный характер. Английское посольство в Стамбуле расценивало действия казаков в кампанию 1624 г. как «самый большой, величайший» (greatest) выход в Черное море в сравнении с «обычными, обыкновенными» (usual) выходами, и это целиком согласуется с впечатлением митрополита Иова о том, что такого большого выхода никогда ранее не бывало.

Результат набегов вполне соответствовал выставленным казаками силам. И дело заключалось отнюдь не только в «технических» приобретениях — богатой добыче и взятых пленниках, но и в морально-политической победе. По справедливому замечанию П. Рикоута, казаки оставили Босфор, «стяжав славу безнаказанного оскорбления столицы могущественной империи оттоманов, грозы вселенной». Первый, самый грозный набег на Босфор, охарактеризованный английским посольством как «дерзкая попытка бросить вызов столь великой империи», сделал «удивительное открытие: как много у этого государства считалось страшной мощи и силы и как они (турки. — В.К.) слабы и неподготовлены!»

В английских и французских донесениях из Стамбула, в высказываниях современников не раз отмечалось кризисное положение в тогдашней Турции, резко усугубленное действиями казаков. В частности М. Бодье, говоря об угрозах в адрес европейцев в османской столице и о нападениях на их жилища. Считал, что это «явно показывает как беспорядок в их (турок. — В.К.) делах, так и слабость их государства».

Впоследствии «Всеобщая история о мореходстве» обобщила такие замечания следующим образом: «Устрашенный босфорским погромом 1624 г. — В.К.) Константинополь выдержал все сии поражения, не в силах будучи ответить. Амурат (Мурад IV. — В. К.) видел, что гавани его

пусты, арсеналы оскудели, а подданные в возмущении, что, с одной стороны, персидский государь (Аббас I. — В.К.)... вооружась, учинился победителем и овладел множеством завоеванных у него турками городов, а с другой стороны, козаки приводили в трепет даже в самых его палатах и притом еще никоим образом не могли быть ощены в неистовстве»[88].

Сделаем выводы:

1. В Речи Посполитой и Османской империи не верили в действенность польско-турецкого мирного договора 1623 г. Князь К. Збараский предложил план будущей войны с Турцией, отводя ведущую роль, вплоть до взятия Стамбула, запорожским казакам. Однако сейм, желавший продолжения мирных отношений с Османским государством, отверг этот план.

2. Независимо от него Войско Запорожское готовилось к расширению военных действий, и 1624 г. оказался необычным по «босфорской» активности казаков. Решение Мурада IV сместить крымского хана Мухаммед-Гирея III и его соправителя Шахин-Гирея отвлекло турецкий флот, чем умело воспользовались запорожцы.

3. Первый набег на Босфор 1624г. оказался чрезвычайно мощным по числу казачьих судов и участников (в походе, возможно, участвовали и донцы) и очень успешным по результатам. Стремительному и ошеломительному разгрому подвергся обширный район — почти все селения Босфора от его черноморского устья до замков Румелихисары и Анадолухисары. Вполне вероятно, казаки действовали и в пределах самого Стамбула, в частности в его гавани.

4. Для защиты от казаков турки были вынуждены впервые после взятия Константинополя применить византийскую цепь, перекрывавшую вход в Золотой Рог. Наспех собранная османская флотилия, формально более сильная, чем казачья, не решилась ее атаковать, в результате чего произошло «стояние» двух флотилий в проливе, которое закончилось моральной победой казаков.

5. Казачья флотилия в усиленном составе через 10 или меньше дней после первого набега возвратилась к Босфору, но огра -ничила свои действия его устьем — сожгла маяк и ряд селений, прилегавших к этому устью.

6. В ходе третьего казачьего набега 1624 г. нападению подверглись селения европейского побережья, примыкающего к Босфору.

7.1624 г. явился страшным временем для Турции. Успешные босфорские набеги казаков, совершенные 9 июля, перед 20 июля и в конце сентября и сопровождавшиеся волнами небывалой паники в имперской столице, показали, что Османское государство было не в состоянии справиться с «казачьим бедствием». Эти набеги усугубили кризисное положение Турции.

Примечания

[1] Расчеты строились на песке: в 1473 г. Узун Хасан потерпел сокрушительное поражение от Мехмеда II, в 1478 г. погиб, и территория Ак-Коюн-лу стала частью Османского государства.

[2] Согласно Х.М. Ибрагимбейли, К. Збараский считал, что разгрому Турции могли помочь покоренные ею народы. Однако в отчете не только ничего не говорится об этом, но, напротив, христиане Османской империи оцениваются крайне негативно.

[1] См. во «Всеобщей истории о мореходстве» текст, основанный на сообщении М. Бодье: «Сии козаки, выступя чрез устье Дуная в Черное море, начинали опустошать приморские области султана... Амурат с трудом мог найти в своих гаванях 15 галер для учинения над ними поисков, а еше больше имел труда их вооружить. Не нашел ни галерных работников, ни морских служителей и никого, кто бы хотел итти в поход, принужден был силою брать таких людей, которые никакого не имели понятия о мореходном деле. Сие толь худо снаряженное ополчение не весьма могло устрашить Козаков, которые всегда продолжали свои разбои с одинаким успехом».

[4] По И. фон Хаммеру, он занимал этот пост в 1623—1627 гг., по Эвлии Челеби — в 1623—1625 гг. Мустафа Найма называет Реджеб-пашу главнокомандующим флотом империи в 1625—1626 гг. Зыгмунт Абрахамович определяет время ухода Реджеб-паши с поста главнокомандующего «около 1628 г.». В том месте у И. фон Хаммера, где он говорит, что Реджеб-паша в 1623 г. стал великим везиром, допущена опечатка: этот пост занимался им с февраля до мая 1632 г. нового стиля, когда Реджеб-паша был убит по приказу Мурада IV. Утверждение публикаторов сборника «Османская империя в первой четверти XVII века» о том, что в 1624 г. капудан-пашой был Ха-лил-паша, является ошибочным.

[5] Мы увидим, что около 30 галер упоминает Т. Роу и ровно 30 галер Ф. де Сези. 30 галер фигурируют и у М. Бодье. «Всеобщая история о мореходстве», а за ней С. Бобров говорят, что к 15 галерам на Черном море добавили еще 10, и всего, следовательно, их было 25. УСеверына Голэмбёвского султанский флот в Кафе насчитывает 40 галер. Ю.П. Тушин с большим преувеличением утверждает, что «к Кафе отплыл весь турецкий флот»; ранее у этого же автора фигурировал «почти весь» флот.

6 А.А. Новосельский пишет, что русские наблюдатели приписывали казакам решающую роль. Однако то же отмечается в турецких и западноевропейских источниках. Ф. де Сези, например, извещал Людовика XIII 1 сентября (22 августа), что капудан-паша, сопровождаемый двумя везирами, с войсками и 26 орудиями попытался атаковать брата крымского хана, но был разбит внезапной атакой, что с татарами были казаки, вооруженные аркебузами, и что именно эти казаки «произвели наибольший эффект».

[1] О борьбе в Крыму в 1624—1628 гг. и участии в ней казачества см.: 54;

8 Та же ошибка и у Ю.П. Тушина, отягощенная еще и неверной датировкой. Попутно выразим здесь несогласие с мнением Н.И. Павлищева, что поход 1624 г. на Босфор был предпринят казаками «в отплату» за набег Кантемир-мурзы с татарами на Червоную Русь, случившийся в том же году и приведший к разорению «всего пространства от Снятына до Львова». Полагаем, что вряд ли стоит так прямо связывать эти два нападения.

[9] П.А. Кулиш указывает, что в ушколах было по 30—50 человек экипажа, М.С. Грушевский — что ушкол вмещал от 25 до 50 человек.

[10] По Ю.П. Тушину, это, видимо, была часть флота Реджеб-паши, направлявшегося к Кафе. Однако высадка Джанибек-Гирея в Кафе к тому емени, очевидно, уже состоялась, и флот капудан-паши, похоже, пытался выполнить вторую возложенную на него задачу — по борьбе с казаками. Д.И. Эварницкий, ошибочно относя события к 1623 г., совершенно неверно представляет дело так, что казаки, только взяв Кафу у капудан-паши и Джанибек-Гирея, пошли на Стамбул. Босфорский набег состоялся раньше падения Кафы.

11 Правда, она допускает грубую ошибку, превращая три дня пути от Стамбула до Мисиври в «три мили от столицы». С. Бобров, в свою очередь следующий за «Всеобщей историей о мореходстве», усугубляет ошибку, утверждая, что казаки в этом набеге «достигают даже до Босфорского пролива, приводят турков в трепет в самой столице их империи, до которой осталось им только три дни пути; между тем... разграбляют и предают огню Мезембрию», Получается, что казаки были на Босфоре в трех днях пути от Стамбула, тогда как пролив вовсе не имеет такой большой длины.

[12] Флотилия вышла из Монастырского городка в марте 1624г.; в ее составе находились и запорожцы, жившие на Дону. В нападении на Эски-Крым участвовала вышедшая из Днепра запорожская флотилия. После разгрома Эски-Крыма сечевики пошли к Днепру, а донцы к Дону. В конце мая, потеряв по пути от жестокого шторма 12 судов, донцы вернулись в Монастырский городок. По В.М. Пудавову, в набеге на Крым были большей частью «молодые» донские казаки, а на море из них остались «отважнейшие».

[13] Добавим, что в другом месте и также со ссылкой на И. фон. Хаммера *у* Н.А. Смирнова говорится о появлении казаков на Босфоре 27 августа.

[14] К сообщению Эвлии Челеби об этом набеге А.П. Григорьев и А.Д. Желтяков делают примечание с указанием на совершенно другой, трабзонский набег и с утверждением, что он будто бы случился «в конце 1622 г. или начале 1623 г.» (в разгар зимы?), а уже потом говорят о нападении на Босфор в июле 1624 г.

[15] По И. фон Хаммеру, казаки при этом «появились в первый раз на Босфоре, в виду Константинополя». Упомянув, что во время Византии ского императора Анастасия громадное войско гуннов и болгар проникло до залива Сосфениус (Истинье), что двумя столетиями позже болгары вторично дошли до того же места и рыскали до Золотых ворот, что еще через столетие русы с Аскольдом и Диром опустошили местность перед воротами Константинополя, а в следующем веке в правление императора Романа местность у залива Сосфениус опустошили болгары и через 20 лет русы во главе с Игорем, историк замечает: «Теперь пришли казаки первый раз по стопам скифов, болгар и русских...» Ему вторит А. де Ламартим, считающий, что казаки в 1624г. «впервые со времени захвата Босфора турками появились в виду Константинополя». Мы уже видели, что это совсем не так.

[16] Обратим здесь внимание на то, что В.И. Ламанский, приведя отрывки из предыдущих сообщений Т. Роу (от 1 июля 1622 г., 30 мая 1623 г., 12 марта 1624г.) с датами по старому стилю, далее почему-то датирует интересующее нас сообщение 20 июля, т.е. по новому стилю, не замечая и, естественно, не объясняя получающийся разнобой.

[17] Запятые, окружающие дату, так неудачно расставлены у П.С. Савельева. Она относится не к выходу казаков в море, а к их приходу на Босфор

[18] Конкретно год не назван, однако из сообщения видно, что Еникёй при этом претерпел наибольший разгром за все время казачьих набегов и что нападению подверглась также Тарабья. Названные обстоятельства вместе с числом упомянутых автором чаек свидетельствуют о том, что речь идет о первом босфорском набеге 1624г.

" Консультацией по поводу «пасхи турок» мы обязаны председателю Духовного управления мусульман Ростовской области и Юга России муф тию Д.З. Бикмаеву. Попутно заметим, что нам попалась современная газетная статья, которая уверенно, но тем не менее ошибочно определяет «мусульманскую Пасху» как Курбан-байрам.

[20] С. Рудницкий нашел у Н.И. Костомарова еще дату 18 ребиул-еввеля и говорит, что, кажется, она взята из старшего издания И. фон Хаммера, но эта дата здесь совершенно не к месту. По пересчету С. Рудницкого, это 9 января 1624г. нового стиля. По нашему пересчету, 18 рабиаль-аввеля 1033 г. хиджры действительно соответствует 30 декабря 1623 г. старого стиля, или 9 января 1624 г. нового стиля.

[21] Кстати сказать, у Ю.П. Тушина при пересказе записи допущены неточности: осталось около 70 казаков вместо «до 60», и в набеге участвовало 100 казачьих судов вместо «около ста».

[22] В рецензии на работу В.М. Истрина без какой-либо оценки излагается его вывод. Он принят «Историей Дона», где говорится, что в 1623 г. казаки «захватили окрестности» Стамбула, и Н.А. Г^ининковым.

[23] Добавим, что с одним источником, вероятно, ценным, нам, к сожалению, не удалось познакомиться. И. Борщак сообщает, что в 12-м томе периодического сборника «Historisch verhad alder ghendenck – verrdischte geschiedenissen, die hier en daer in Europa....», являвшегося историческим обзором событий в Европе и издававшегося К. Вассенаэром в Амстердаме в 1621 — 1632 гг. (всего вышло 20 томов), имеется статья «Казаки атакуют Кон стантинополь, 24 июля 1624 года». Надо полагать, что здесь указана дата не нападения, а сообщения.

[24] В письме сказано о походе запорожцев на Стамбул, взятии ими «Пелагии**,** Пазарджика — очень большого города», где они пробыли шесть дней**.** Известный Пазарджик— это город в Болгарии, в значительном удалении от моря, но есть и одноименное селение на черноморском побережье Турции, впрочем, далеко от Стамбула и Босфора — между Орду и Гиресуном.

[23] У автора 100 myoparonibus. Греческий миопарон — легкое каперское судно..

[26] Каждое судно «управлялось (надо бы сказать: приводилось в движение. — *В.К.)* двадцатью гребцами и пятидесятые воинами».

[27] В первом случае по 50 воинов и 20 гребцов, во втором — по 40 гребцов и 50 воинов.

[28] Н.А. Смирнов утверждает, что, по И. фон Хаммеру, на каждой «барке» будто бы было «по 20 весел и по 50 казаков, вооруженных ружьями, шашками, кинжалами».

[29] В польском переводе казаки вошли в пролив «у самого рассвета» и «в 9 перед полуднем успокоились».

[50] У А. В. Висковатова «большой город», что неточно. То же у К. Головизнина. а у Ф.Ф. Веселаго «целый город».

[31] А. В. Висковатов совершенно неверно перевел: «с фортом на Черном море».

[32] В.Д. Смирнов, кажется, полагает, что речь идет о набеге 1628 г., однако Кучибей вслед за приведенным сообщением говорит о строительстве новых укреплений на Босфоре, что последовало вследствие набега 1624г.

[33] И. фон Хаммер, называя Истинье Сдегной (Sdegna), укоряет П. Ри-Коута: «...для тогдашнего консула в Смирне сильная погрешность, что он Сдегну помещает на азиатском берегу Босфора». Но это еще большая погрешность для Т. Роу: от Истинье до Измира (Смирны) весьма далеко, тогда как до Стамбула, где пребывал посол, совсем близко. У М.С. Грушевского Истинье также расположено на азиатском берегу.

[34] Один из авторов уверяет еще, что о набеге на Босфор 1624 г. писал И. Сирко, хотя в приписываемом ему письме, если принимать упомянутые там даты, об этом походе не сказано ни слова.

[35] По Г. де Боплану, вообще запорожцы «даже достигали устья Черного моря в трех милях от Константинополя, где все предавши огню и мечу, возвращались затем домой с большой добычей». Автор явно имел в виду район Румелихисары и Анадолухисары, так как в другом месте у него говорится, что в трех милях от Константинополя расположены черноморские башни. В анонимном французском описании казаков, составленном в 1663 г. на основе текста Г. де Боплана, три мили убраны и сказано, что запорожцы «имели даже смелость заходить на вид Константинополя и захватывать там пленников и добычу».

[36] Впоследствии то же повторит и Жан-Бенуа Шерер: «Иногда даже хватало у них дерзости продвигаться так далеко, что до Константинополя оставалось два лье, и угонять пленных на виду у города».

[37] Карл Хаммердёрфер, вероятно, знал о более близком продвижении казаков к османской столице, чем указывал Ж.-Б. Шерер, и, перерабатывая текст последнего, поставил следующую фразу: «...и даже часто имели смелость проникать на расстояние мили от Константинополя и перед лицом этого города захватывать пленных». Источником для Ж.-Б. Шерера вообще служило сочинение С.И. Мышецкого, но у него нет указания на конкретное расстояние, а сказано только, что казаки действовали «близ Царяграда».

[38] Переводчик книги С. Бобров уже в своем собственном сочинении переделал этот текст, написав, что казаки «употребили целые шесть часов *на* расхищение сего пригородка (имеется в виду Еникёй. — *В.К.),* который но великолепию вида, пышности зданий и изящности домов служил украшени ем страны и увеселительным иногда местом для государя оттоманского».

[39] В.А. Голобуцкий пишет: «Казаки сожгли приморские укрепления в Буюкдере, Иенике (Еникёе. — *В.К.)* и Сденгу (ошибочное написание хам меровской Сдегны. — *В.К.)».* М.А. Алекберли, переводя текст И.Х. фон Энгеля, указывает, что казаки сожгли много домов и «передовых укреплений». У И.Х. фон Энгеля фигурируют Landhauser и Vorwerke. Первое слово можно перевести как загородные дома, дачи, второе — как мызы, фольварки и, действительно, передовые укрепления, но вряд ли автор в данном случае имел в виду именно укрепления. Ф. Устрялов переводит это место так: «опустошили загородные домы и мызы». Любопытно, что у АМ. Сахарова казачья флотилия в 1624г. сжигает «Коланчи у Стамбула», словно речь идет об устье Дона с известными турецкими Каланчами (башнями. — *Прим. ред.).*

[40] Подобный оборот не раз появлялся и в последующей литературе. См., например, у А.Н. Пивоварова: «Зарево сжигаемых (казаками. — *В.К.)* сел стало видно в самом Константинополе». «Жители того города часто видали зарево от селений, зажженных казаками». У того же автора: «Недаром султан начинает опасаться за себя, видя из Константинополя зарево горевших сел, разоренных казаками».

[41] Во «Всеобщей истории о мореходстве» говорится, что казаки «выжгли знатное местечко, примыкающееся к цареградским окрестностям, так что с серальских теремов (здесь следует примечание С. Боброва: «РауШопз — кровель, крышек или верхнего жилья». — *В.К.)* легко можно было видеть дым и пламя». В своей книге С. Бобров, почти дословно повторяя сказанное, уже сам пишет: «... так что легко можно было с серальских верхов видеть разливающийся в той стране дым и пламень». Вряд ли под павильонами Сераля следует понимать дворцовые верхи.

[42] Попутно отметим ошибки ряда авторов, связанные с разгромленными пунктами. А.И. Ригельман уверяет, что казаки «подъезжали к самому Константинополю, где многие селения турецкие и татарские ограбили и разорили», хотя на Босфоре не было татарских селений. Д.И. Эварницкий, раздваивая набег, и из Еникёя образует два населенных пункта: Еникёй для 1623г. и Зенике для 1624г., на что обратил внимание В.М. Истрин. Ю.П. Тушин из того же Еникёя также делает два поселения: казаки «разгромили г. Неокорнис (Неокорис. — *В.К.)...* сожгли... приморские укрепления Бююкдере, Еникёй и Истинье»; казаки «разрушили 'Неокорис, Бююк-дере, Еникёй и Истинье». В другой работе Ю.П. Тушина вместо Истинье стоит: «и город Сденгу».

[43] У В. Миньо в описании набега 1624 г. говорится: «Люди в последней крайности нередко поступают на самые зверские лютости. Многие паши хотят, чтоб все христиане в Константинополе до единого были побиты, упреждая присоединение их к козакам. Но благоразумнейшие из членов Дивана до того не допускают».

[44] Это замечание проистекает из более осторожных слов И.В. Цинкайзена, которые относятся к несколько другому времени, к зиме 1624—1625 гг., и будут приведены ниже.

[45] У А.В. Висковатова: «где было выставлено несколько пушек»; у В.М. Пудавова: «приказывал наводить орудия».

46 В литературе, особенно популярной, иногда особо подчеркивается трусость, которую проявляли султаны, в частности и Мурад IV, в ходе казачьих нападений. Например, «Всеобщая история о мореходстве», рассказав о набеге 1624 г., утверждает, что казаки «приводили в трепет» Мурада «даже в самых его палатах». Согласно Д.И. Эварницкому, запорожцы «залетали» в Стамбул, «окуривали его порохом своих мушкетов и в пламени закуривали свои люльки», и «самому турецкому султану подносили под нос «такой пынхвы», от которой он «чмыхал», как от крепкого хрену, и не раз поспешно бежал из столицы в далекие от нее турецкие города». Не имеем сведений о с лучаях такого бегства. Приведенные же выше посольские сообщениярисуют вовсе не трепетавшего Мурада.

Другое дело — замечание, сделанное в дневнике князя А.С. Радзивилла, о том, что Мурад IV, как и его предшественник, не чувствовал себя безопасно в Стамбуле: опасность в самом деле была реальной. И, разумеется, набеги казаков вызывали гнев и ярость считавших себя униженными падишахов. Я. Собеский писал, что запорожцы «доводили султанов до бешенства нападениями на их приморские города, опустошением и грабежом самых богатых турецких провинций в Европе и Азии. Много раз султаны, наслаждаясь прогулкою в роскошных садах, бывали поражены печальным и унизительным для них зрелищем пожаров, истреблявших соседние села, ибо казаки, желая навести ужас на столицу, жгли ближайшие к ней села».

47 В.И. Ламанский дает неверный перевод: Халил-паша «собрал все наличные суда, лодки и барки, вооружил их и поместил в них от 400 до 500 человек, которые могли быть воинами или гребцами».

[48] В польском переводе: «поблизости от Замков».

[49] В польском переводе: «могли бы тогда зайти вглубь Стамбула, полностью лишенного защиты». У В.И. Ламанского: «так как боялись тогда, что они проникнут внутрь Стамбула, лишенного всякой защиты».

[50] В польском переводе: «Вот таким образом несколько десятков лодок, учинив большие грабежи, отдыхали целый день, вплоть до захода солнца». У В.И. Ламанского неверно и с перестановкой смыслового акцента: «удалились козаки, правда, без потерь, но и без сопротивления».

[51] И.В. Цинкайзен говорит о «малых судах, каиках, барках и рыбачьих судах».

[52] П.С. Савельев после «сейменов» поставил пояснение: «отряда янычар».

[53] Не менее фантастические сведения о казачьих потерях приведены уже в наши дни Ф. Лонвёсом. Казаки, говорит он, сожгли сооружения на Босфоре, но заплатили в тот год «высокую цену», потеряв более 100 чаек, свыше 2 тыс. человек убитыми и почти 1 тыс. пленными.

[54] У И.Х. фон Энгеля против казаков послано также 10 галер. С. Бобров колеблется между галерами и шайками, смешивая к тому же действия турок до и во время казачьего набега: Мурад IV «с великим трудом мог найти в гаванях своих 15 галер (по уверению других, 500 сайков...)». Удивительное утверждение находим у В.А. Голобуцкого: «Турецкие власти выслали из стамбульской гавани навстречу казакам целый флот в 500 галер (!) и других судов». 500 галер фигурируют и у Ф. Лонвёса.

[55] В польском переводе английских известий: «имея противный ветер, сами нападать не могли». В переводе В.И. Ламанского: «ветер был противный, и сами они напасть не могли».

[56] Водной работе нам встретилось еще утверждение, что казаки, раз грабив Босфор, спокойно отплыли, а «турецкая флотилия кружилась возле них, обстреливала издали, но напасть не рискнула». Думаем, что нельзя говорить ни о каком «кружении» в проливе.

[57] В. Миньо, увеличивая вдвое численность этих войск, говорит о 20 тыс. А. Кузьмин же 10 тыс. турецких воинов превращает в 10 тыс. казаков.

[58] А.Л. Бертье-Делагарда, может быть, могло смутить употребление в XVII в. слова «день» и в значении «сутки», но в данном случае речь идет о «целом дне» с рассвета до захода солнца.

[и] По Ю.П. Тушину, «казаки простояли (в проливе.— *В.К.)* в течение 10 часов до вечера на виду у всего населения столицы Османской империи и только ночью удалились в море». «На виду» у столичного населения — это, конечно, фигуральный оборот, однако стояние в самом деле могло продолжаться 10 часов, если 9 часов утра английских известий пересчитать по «древнему» счету времени. Согласно Ф. де Сези, как помним, стояние должно было начаться с 3—4 часов дня и, следовательно, продолжаться шесть-семь часов.

[60] От Красивых ворот, башни Кентенарий, башни Евгения, Манганской башни.

[61] Первоначально мост был деревянным понтонным. В 1875 г. на его месте построили железный, замененный в 1912 г. новым. Длина первого железного моста составляла 480 м, второго — 467 м.

[62] Как известно, это не помогло защитникам Константинополя: турки сумели перетащить несколько десятков своих кораблей по суше во внутреннюю верхнюю часть Золотого Рога.

[63] Русский современник XVII в. писал, что эта «башня каменая, великая» стоит на море на расстоянии полета стрелы от Скутари. Позже упомянутое расстояние исчисляли в 500 шагов и отмечали, что между башней и Скутари находится мель, не проходимая ни для каких судов. О происхождении назвали башни см.: 480. Водном из источников указано, что от угла Сераля и Топхане до башни соответственно 657,5 и 840 русских саженей, что составляет 1403 и 1792 м.

[64] Ее кусок выставлен ныне в Военном музее в Стамбуле.

[65] У В.А. Голобуцкого: «Большая цепь, — рассказывает современник, — сохранявшаяся со времени взятия Константинополя...» и т.д. Измененное слово: «отправлена» вместо «послана». См. также: 347.

[66] И.Х. фон Энгель ссылаясь на Д. Сагредо и исправляя его ошибочный 1626 г., говорит, что дело происходило будто бы в сентябре, но добавляет — когда флот ушел в Крым менять хана.

67 В одной из поздних работ П.А. Кулиш повторит эти утверждения: казаки «прошли безоборонный Босфор, проникнули мимо Ключа в Золотой Рог, миновали безнаказанно сторожевую Черную Башню, в которой недавно еще сидел коронный гетман (Станислав Конецпольский. — *В.К.).* ограбили предместья турецкой столицы и вывезли богатую добычу». В связи со сказанным историк характеризует запорожцев как «завзятых варягов, разбивших турецкий флот, отважных аргонавтов, похитивших золотое руно у самой пасти мусульманского дракона», и уверяет, что будто бы «вывезенная из Золотого Рога добыча давала казакам возможность увеличить свою флотилию вдвое» в следующем 1625 г.

[68] Не догадываемся, что П.А. Кулиш подразумевал под Ключом. Может быть, один из замков — предшественников Румеликавагы и Анадолукавагы? Не Юрус ли? «Ключ» по-турецки — «анахтар» (от замка), «кургу» (для завода) или «чешме», «пынар» (источник, родник), возможно и «дере» (ручей). Босфорские топонимы с этими словами — Бююкдере (до Румелихиса-ры и Анадолухисары) и Куручешме (после этих крепостей). С греческими словами, обозначающими «ключ» («клейс» и др.), босфорские топонимы связать не можем. Черная Башня — это Анадолухисары или Румелихисары, но Стражницы — видимо, те же самые крепости. Еникёй расположен не после них, а не доходя их.

Добавим еще, что у Ива Бреере без указания дат утверждается, что казачьи «флоты перерезали цепи Босфора перед Стамбулом».

[69] «Однажды (казаки. — *В.К.),* — читаем в газетной статье, — обстреляли султанский дворец в Стамбуле, вызвав там страшную панику, о чем с восторгом и завистью доносили в свои столицы европейские дипломаты...» Неясно, относится ли это утверждение к 1624 г., равно как не знаем и источники, повествующие о таком обстреле. В принципе казачьи суда, проходя мимо дворца, могли сделать несколько демонстративных выстрелов из Фальконетов по его стенам.

[70] В польском переводе 24 июля дано без указания на старый стиль, и поскольку ряд других документов в публикации датирован новым стилем, можно подумать, что и здесь приведена григорианская дата.

[71] У В.И. Ламанского «Фар».

[72] В польском переводе: «Караулы были непрестанные и всюду на суше удвоенные...»

[73] Там же: «наполненные грузчиками и наемниками, согнанными с улиц». В.И. Ламанский перевел: «галеры были вооружены бродягами и наемниками, взятыми с улиц».

[74] У В.И. Ламанского: «Поймано несколько заблудившихся этих разбойников...» И.В. Цинкайзен полагает, что эти «мародеры» «осмелились зайти слишком далеко на берег».

[75] В польском переводе: «господ поляков».

[76] В переводе А.В. Висковатова: «в устье реки к Черному морю».

[77] В том же переводе: «все, кто там были».

[78] В сборнике «Османская империя в первой четверти XVII века»: «продать».

[79] У С. Боброва почему-то 150 казачьих судов выступают «обыкновенным путем устьем Дуная».

[80] В.И. Ламанский переводит это место известий так: «а в тылу за собою ведя подкрепления».

[81] По А. де Ламартину, казаки «сожгли маяк пролива, в который вошли их предки семь веков назад, сея ужас среди греков», но, согласно автору, сожжение произошло при отходе из первого набега, что не соответствует сообщениям источников.

[82] Известен Фанар, ныне Фенер, — квартал на собственно стамбульском (у Ю.А. Петросяна — «европейском») берегу Золотого Рога, в его цен- тре, населенный греками-фанариотами, находившимися на государственной службе, преимущественно в должностях драгоманов (переводчиков); там разместили свою резиденцию константинопольские (вселенские) патриархи православной церкви. Румелифенери, как указывалось, называли и Фаналом, и Фанараки.

[83] По В.М. Пудавову получается, что три галеры с несколькими «фрегатами» были поставлены в устье пролива после первого прихода казаков.

[84] Правда, С.А. Холмский пишет: «В 1624 году донские казаки совершили отважный наезд на окрестности самого Константинополя, причем захватили богатую добычу, а возвращаясь на Дон, по пути потопили немало встречных турецких кораблей». Но в части потопления кораблей это просто выдумка автора.

[85] А.Л. Бертье-Делагард ошибочно пишет, что у Д.И. Эварницкого казаки появляются под Константинополем в октябре 1624г.

[8]* Комментируя Эвлию Челеби и говоря о XVII в., А.П. Григорьев и А.Д. Желтяков тем не менее дают пересчет стилей для XX в., в результате чего 26 октября старого стиля оказывается 8 ноября нового стиля, тогда как для XVII в. должно было получиться 5 ноября. У названных тюркологов то же получается и с определением дня Хызырильяса.

[87] Заместитель аги носил титул кетхуда-бей.

[88] Эти выражения повторяет С. Бобров, добавляя, что казаки приводили султана в «крайний трепет» и что он «с отчаянием духа сокрушался, что ни гордости первого (персидского шаха. — *В.К.),* ниже (тем более. — *В.К.)* бурной отважности последних укротить не находил возможности. В таком-то унылом положении брат солнца и луны находился».

Глава VI

БОСФОРСКАЯ «ТЕХНОЛОГИЯ»

1. Оборона и наступление

Казачьи походы к анатолийскому побережью, в первую очередь на Босфор, вызывали чрезвычайную личную обеспокоенность османских султанов XVII в.

«Запорожские казаки, — пишет Ж.-Б. Шерер, — стали столь грозными для турок, что Амурат, их султан, имел обыкновение говорить, что если бы кто-нибудь вел с ним войну, то он не стал бы от этого спать менее спокойно, но что если бы на него напали запорожские казаки, то это бы его разбудило и нарушило все его планы. Поэтому император Осман и он всегда обусловливали в договорах, заключенных с Польшей, как первый пункт наивысшей важности, что казакам запретят плавание по Борисфену и Понту Эвксинскому». В украинской летописи в уста султана оказалась вложенной фраза:

«Когда окрестние панства (государства. — В.К.) на мя восстают, я на обидве уши (на оба уха. — В.К.) сплю, а о козаках мушу (принужден. — В. К.) единым ухом слухати».

С легкой же руки Ж.-Б. Шерера султанское изречение стало «кочевать» по литературе. «Частые походы, и почти всегда удачные, — читаем у М. Лезюра, — сделали их (казаков. — В. К.) для оттоманской державы настоящим бичом: так, грозный Амурат II, который угрожал всей Европе, говорил, что казаки мешают ему спать». По С. Дестунису, «султан говаривал, что он спал спокойно, когда воевал с христианскими государями, но что одни казаки мешали ему спать спокойно». У Ф.Н. Глинки эта фраза выглядит так: «Если все мои соседи на меня восстают, я сплю, но когда подымутся казаки — просыпаюсь!»

Ю.А. Мыцык и А.Л. Сокульский полагают, что изречение падишаха находится в связи с казачьими набегами под Стамбул 1615 и 1624 гг., т.е. могло принадлежать либо Ахмеду I, либо Мураду IV. Первый из этих правителей, хотя и вступил на престол мальчиком, в 1615 г. был вполне взрослым, двадцатипятилетним человеком. Однако Ж.-Б. Шерер говорит о Мураде IV, что явно вытекает из упоминания одного из его предшественников Османа II и что, в общем, вполне логично: именно на время Мурада, ставшего султаном в 1623 г., приходился апогей Босфорской войны казачества. М. Лезюр, очевидно, также подразумевает Мурада IV, поскольку названный историком Мурад II, занимавший трон перед взятием Константинополя, еще не мог угрожать всей Европе. У С. Дестуниса это хотя и султан «начала XVII столетия», но «Амурат IV».

Однако вряд ли речь может идти о 1624 г.: Мураду IV в этом году было, по разным данным, 12—15 лет, и до начала 1630-х гг. бразды правления находились в руках его матери. Правда, молодой султан в первой половине 1620-х гг. не мог не интересоваться «проклятыми казаками», о которых ходило много разговоров при дворе, но высочайший интерес был своеобразным (вроде разглядывания пленных казаков и снятых казачьих голов), и едва ли этому мальчику могла прийти в голову приведенная выше «умная» фраза.

Впрочем, по мере взросления Мурад, как говорят историки, обостренно впитывал знания и жадно наблюдал заходом событий, так что впоследствии, уже после босфорского погрома 1624 г., конечно, мог высказать подобное изречение. Уже указывалось, что в 1635 г. А.С. Радзивилл специально отметил в дневнике, что казаки до того беспокоили турок, доходя под самый Стамбул, что и бывший турецкий правитель, и нынешний (Мурад IV) «безопасно в Константинополе сидеть не могли». Преемник Мурада Мехмед IV ъ 1654 г. поручил крымскому хану заявить русским послам, что донские казаки своими набегами на турецкие владения наносят «такие... ему обиды», каких «ни от которые земли не бывает».

Вообще говоря, знаменитое изречение впАлне может иметь литературное происхождение, но даже если оно и приписано султану, то, без сомнения, с точным учетом тогдашних реалий, весьма грозных для османской столицы и падишахского двора. Казачьи диверсии на Босфоре 1610—1620-х гг. застали Турцию почти совершенно не готовой к эффективной защите пролива, его поселений да и самого имперского города. Ссылаясь на донесения Т. Роу от 27 июня, 1 и 14 июля 1622 г., И.В. Цинкайзен справедливо замечает: «Мы узнаем отсюда, что Константинополь находился тогда в жалком состоянии обороны и едва был в состоянии успешно оказывать сопротивление дерзким нападениям казаков». Крайне невысоко оценивал британский дипломат оборону Босфора и Стамбула и в последующем.

Маяки Румелифенери и Анадолуфенери в XVII в., помимо основной своей задачи обеспечения нормального судоходства, могли выполнять только функции наблюдения и были безоружны: Е. Украинцев в 1699 г. констатировал, что «пушек при них нет». Но даже сооруженные там впоследствии замки из-за больной ширины устья пролива весьма мало соответствовали цели их возведения. Надежда турок была только на крепости Анадолухисары и Румелихисары.

Старейшей крепостью, предназначавшейся для противодействия казакам, которые приходили на Босфор, являлся замок Анадолухисары (Анадолухисар, Анатолихисар), или в переводе I «Анатолийская крепость (Анатолийский замок)»[1]. Крепость первоначально называлась Гюзельхисары (Гюзельхисар) — «Прекрасной крепостью»; именовали ее и Гюзелъчехисары (Гюзель-чехисар) — «Красивенькой крепостью», как полагают, из-за изящества ее архитектуры.

Укрепление было возведено султаном Баезидом I Йилдырымом (Молниеносным) для наблюдения за Босфором в 1396 г. при подготовке к первой осаде Константинополя, на развалинах греческого храма Юпитера, и обновлено Мехмедом II в 1452 г.[2] Замок размещался на азиатском берегу пролива, в устье речки Гёкдере, на прибрежных скалах мыса. Это место Босфора считалось самым узким[3], и там, по преданию, переправлялись через пролив армия персидского царя Дария, готы, печенеги, крестоносцы и турецкие войска.

Эвлия Челеби описывал Анадолухисары как очень небольшую крепость, однако имевшую в окружности 1 тыс. шагов, с воротами, открывавшимися к западу, и гарнизоном, состоявшим из 200 тимариотов[4]. У крепости имелось пять башен: средняя большая четырехугольная и по бокам четыре малые круглые. Большую называли Каракуле (Черной башней) и использовали для содержания в жестоких условиях военнопленных и политических преступников, многие из которых там и погибали. От этой башни и весь замок иногда именовали «Черным замком». В нем, как сказано в описании Османской империи 1703 г., «было... 9 пушек, ныне прибавлено 13». Они обстреливали пролив и были направлены против того места, где потом соорудили Румелихисары.

Чтобы перекрыть Босфор и тем самым блокировать Константинополь с севера, Мехмед II в 1451 г. принял решение построить вторую крепость — теперь уже на европейском берегу пролива, напротив Анадолухисары, близ местечка Асоматы, где располагались византийские тюрьмы (Башни Лета и Забвения), разрушенные по приказу османского правителя[5]. Согнанные с разных концов мастера по строительству крепостных сооружений и 5—6 тыс. работных людей под руководством великого везира Халил-паши и под личным наблюдением султана в апреле 1452 г. начали и через четыре с половиной месяца закончили сооружение крепости[6]. Византийский император Константин XI, узнав о ее строительстве, предлагал Мехмеду II мир на любых

условиях, но тот требовал сдать столицу; послы Константина, протестовавшие против строительства, были обезглавлены.

Первоначально крепость получила характерное название Богазкесен — «Перерезающая пролив», или «Перерезающая горло»[7]. Впоследствии ее стали называть Румелихисары (Румели-хисар), т.е. «Румелийской крепостью (Румелийским замком)»[8]. Кроме того, укрепление именовали по-гречески Неон-Кастро-ном и по-турецки Енихисары — «Новой крепостью», какой она являлась в сравнении с расположенной напротив нее[9].

Ендасей Тарановский, коморник польского короля, ездивший в Стамбул в 1569 г., называл крепость Карауссаром (Карахисаром) — «Черным замком», т.е. использовал то же название, что применялось к Анадолухисары, и замечал, что в этом замке находились в заключении видные христианские пленники. О Румелихисары как тюрьме говорят и другие источни ки, например «Книга путешествия» Эвлии Челеби. В эту Крепость бросали и там казнили мятежных янычар, и там же в 1638 г. задушили, а затем сбросили в море патриарха Кирилла Лукариса[10].

«Это была, — пишет Джелал Эссад-бей, — одна из самых грозных крепостей своего времени». Она располагалась на мысу, на высоких скалах (по словам П.А. Толстого, «на двух горах»), имела форму неправильного пятиугольника, окружность, согласно Эвлии Челеби, в 6 тыс. шагов, в XVII в. внутри 180 домов, прилепившихся к скалам «подобно ласточкиным гнездам», и изначально крепчайшие стены толщиной почти в 10 м и высотой в 40 локтей[11], снабженные бойницами. Ворот было трое: северные (верхние), нижние, открывавшиеся к Стамбулу, и третьи, всегда закрытые, с окованным железом окном.

Стены увенчивались тремя огромными высокими круглыми башнями, которые, по Эвлии, имели в высоту 80 локтей. Всего же башен вместе с малыми насчитывалось 60. На сооружение башен и стен пошел камень из окрестных христианских церкви и монастырей, которые приказал разрушить Мехмед II. Ближайшая к проливу башня получила название «Башни Халил-паши», и на нее водрузили пушки очень большого калибра, способные стрелять каменными ядрами весом в 600 фунтов. П.А. Толстой отмечал, что в его время в крепости «было 10 пушек, ныне прибавлено 8». А вообще, как писал русский пленник второй половины XVII в., в Румелихисары и Анадолухисары имелось орудий «великих и малых зело многа». Эвлия указывал, что на стенах румелийского замка стояло 105 пушек, не считая больших орудий. «Диздар (комендант. — В.К.) и триста человек гарнизона, — свидетельствовал этот современник, — несут стражу днем и ночью»[12].

С завершением строительства Румелихисары обе босфорские крепости, которые в Турции, а затем и за рубежом стали называть «Башнями Черного моря», перекрыли пролив и, совершенно прекратив подвоз с названного моря хлеба и другого продовольствия в Константинополь, блокировали великий город. Это и явилось одной из главных предпосылок его падения в 1453 г,

В Османском государстве долго считали, что две крепости надежно защищают Стамбул от вторжения любого гипотетического неприятеля с Черною моря и прочно закрывают выход в Средиземное море. Также полагали и в Западной Европе, о чем говорит приводившееся нами утверждение Л. де Курменена, что не будь этих замков, казаки дошли бы до константинопольского порта. Однако печальный для османского командования опыт показал, что Румелихисары и Анадолухисары не имели возможности удержать казаков, которые приходили и в Золотой Рог.

Оба замка, «грозные когда-то... командовавшие Босфором и метавшие... каменные ядра целым дождем», страшные для кораблей XV в. и, может быть, для крупных судов даже и XVII в., оказались гораздо менее опасны для меньших по размерам, быстроходных и увертливых казачьих чаек и стругов. Замки имели и еще один кардинальный недостаток с точки зрения обороны Босфора: расположенные даже не в его центре, если иметь в виду длину пролива, а ближе к столице, они, естественно, оставляли абсолютно беззащитными всю северную и вообще наибольшую часть этой водной артерии и соответствующие поселения на ее берегах. Что же касается прохождения казачьих судов мимо крепостей, то причина заключалась в состоянии и возможностях артиллерии того времени. Хотя Эвлия Челеби уверял, что каждая пушка сооруженного позже замка Анадолукавагы стреляла на 10 миль, это совершенно не отвечало действительности. Дальность стрельбы из корабельных орудий большого калибра, бывшая в XVI в. очень небольшой и не превышавшей 150 или даже 120 м, к середине XVII в. увеличилась до 300 м, а из пушек береговых батарей — и несколько больше. Но при этом эффективная дальность была меньше общей приблизительно на треть, а подчас и на две трети. Кроме того, крайне малой

была и меткость пушечной стрельбы: попадания в цель на пределе дальности являлись редкими или вовсе случайными.

Таким образом, учитывая расстояния между Румелихисары и Анадолухисары в 857,7 м и между позднейшими Румеликавагы и Анадолукавагы в 842,8 м, мы заключаем, что орудия этих крепостей едва перекрывали всю ширину пролива со слабой результативностью выстрелов по судам, которые проходили его серединой. Босфор стал перекрываться выстрелами по всей его длине только в XIX в., после устройства многих современных береговых батарей.

К тому же крепостные пушки рассматриваемого времени очень медленно заряжались (порох засыпался в дуло совками) и так же медленно стреляли. В XVI в. скорострельность крупных орудий составляла всего два выстрела в час, небольших — 4 выстрела; в следующем столетии из крупных и средних пушек делали один выстрел за 5—10 минут, а в середине века — за пять минут. Наконец, крепостные орудия не могли поворачиваться и «следовать» за проходившим судном.

Сами турецкие пушки, по свидетельству П. Рикоута, были «так велики, хороши и добре вылиты», что могли сравниться «с лучшими на свете», но «в фортециях, которые построены в гирле черноморском», стреляли устаревшими каменными ядрами. Главная же беда османской артиллерии, согласно цитируемому современнику, заключалась в другом: немногие из ее пушкарей были «искусны в своем ремесле» и знали «секреты артилерийские», почему и приходилось всячески привечать и «обрабатывать» пушкарей-христиан, которые попадали в плен. Ручное огнестрельное оружие, имевшее, как и орудия, недостаточные дальность и скорострельность, тем более было не в состоянии помешать прохождению по Босфору неприятельских судов.

Пользуясь всеми этими обстоятельствами, а также быстроходностью чаек и стругов, внезапностью нападения, растерянностью и паникой врага, казаки и «проскакивали» мимо босфорских крепостей.

Поэтому важнейшую роль в предотвращении казачьих нападений и разгроме вошедших в пролив казаков должен был играть османский военно-морской флот, тем более, что его главнокомандующий одновременно состоял и начальником прибосфорских замков, поселений и земель. Во время обострения ситуации соединения галер, иногда весьма значительные, часто охраняли вход в пролив, а в нем самом было достаточно мест, удобных для стоянок эскадр и отрядов кораблей, которые можно было бы использовать в качестве «сил быстрого реагирования».

Однако специальные учения по борьбе с возможными прорывами казаков на Босфор флот не проводил, ограничиваясь «триумфальным» приведением в Золотой Рог захваченных казачьих судов или игровыми зрелищами «боя» с «казаками» для султана и двора. Корабли в «засадах» отсутствовали, поскольку их остро не хватало на проведение других операций и для защиты чрезвычайно протяженного средиземноморского и азово-черноморского побережья Османской империи: длина береговой линии только одного Черного моря составляет 2171 — 2214 мили, или 4020—4100 км.

Военно-морские силы были вынуждены делиться на флоты Средиземного и Черного морей, причем последний из-за непрерывных внезапных нападений казаков на различные приморские пункты Крыма, Анатолии, Румелии, Кавказа и азовского побережья должен был все их прикрывать, а также защищать морскую торговлю. Разумеется, эффективно это сделать было невозможно, но флот тем не менее разбрасывался в виде отдельных больших и малых отрядов по всей акватории моря, теряя при этом свою грозную мощь и военно-технические преимущества и резко ослабляя оборону Босфора и самой столицы. Как выражался Т. Роу, «народ казаков» разъединял и раздроблял «морское войско» турок.

Порой дело доходило до полного отсутствия в проливе и Касымпаше снаряженных и готовых к бою галер, и тогда в случае казачьего нападения приходилось спешно мобилизовывать подвернувшиеся под руку мелкие гражданские суда и лодки, которые, даже имея очень большую численность, совершенно не могли противостоять вторгшимся казакам — как отмечалось, им вообще осмеливались давать отпор даже не все корабли военного флота, а только самые сильные.

Османское военно-морское командование пыталось приме нять различные способы защиты Босфора, не останавливавшие, впрочем, казаков: выносило охрану его устья на дальние подступы (в частности, держало отряд кораблей в Мидье), старалось перехватить и разгромить казачьи флотилии еще в Черном море, использовало цепи для перекрытия водного пространства и др. В угрожающие моменты к поселениям Босфора подтягивались войска, которых, однако, также недоставало из-за военных действий Турции против ее неприятелей и мятежников в разных концах империи. В некоторых из этих поселений учреждались постоянные гарнизоны и

устанавливались орудия. Согласно Эвлии Челеби, в Еникёе по указанию султана после казачьего нападения была размещена рота янычар. Русский пленник сообщал, что в Бешикташе у переправы «всем воиньским людем... у моря... есть... колька пушак».

К охране Босфора привлекалось местное население. Жители Юруса при появлении опасности с Черного моря зажигали на замке огни, предупреждавшие, очевидно, гарнизоны Румелихисары и Анадолухисары, но делать это, как замечал Эвлия, позволялось только днем, чтобы суда, находившиеся в море, не могли принять ночной огонь Юруса за огонь маяка Анадолуфенери и направиться прямо на скалы. Уже шла речь о неудачной попытке жителей Тарабьи воспротивиться нападению казаков.

Мы цитировали английские посольские известия 1624 г. о холодной встрече, которая ожидала капудан-пашу, в частности за то, что он имел мало сведений о казаках, пришедших на Босфор. Это была еще одна беда османского командования: оказывалось совершенно невозможно узнать, куда и когда ударят казаки, придут ли они в данную кампанию в Прибосфорский район, кустью пролива или в самый пролив, и если придут, то когда именно и в каких силах.

Турецкая разведка здесь была бессильна, и приходил ось делать выводы, зачастую ошибочные, основываясь на общих наблюдениях и известиях о выходах казачьих флотилий из Днепра и Дона, на сообщениях о нападениях казакой на различные города и селения. Но панические слухи, многократно преувеличивавшие силы казачьих флотилий и отрядов или даже «изобретавшие» казаков, когда их совсем не было на море, и медленное прохождение донесений из далеких концов Азово-Черноморья мешали верному и точному анализу стекавшейся в Стамбул информации.

В этих условиях приходилось усиливать бдительность в крестях и поселениях Босфора, что не всегда удавалось из-за цдения дисциплины в армии. Стража босфорских гарнизонов обязана была нести охрану днем и ночью, при угрозе нападения усиливались караулы, к действиям которых иногда из-за нехватки сил привлекались даже иностранцы, проживавшие в Стамбуле.

Хотя на Босфоре нет точки, с которой просматривался бы весь пролив, тем не менее с отдельных возвышенных мест можно было наблюдать за его обширными участками. По свидетельству одного из морских офицеров, с горы Бугурлу близ Ускюдара Босфор просматривается до Румелихисары, адапее воды пролива видны в двух-трех местах и кажутся озерами. С горы Малтепеси открывается чрезвычайно обширная панорама: просматривается значительная часть Босфора, видны Черное море за 30 миль от берега, почти половина Мраморного моря и весь Измитский залив. Русский путешественник утверждает, что с самой высокой точки скутарийских холмов пролив виден «почти до последнего заворота к Черному морю», вплоть до Тарабьи и Бююкдере.

Однако служба наблюдения на возвышенностях либо не была поставлена, либо мало что давала при общей неподготовленности к обороне, неповоротливости вооруженных сил и остром недостатке необходимых сил и средств. Сказанное относится и к наблюдениям с маяков Румелифенери и Анадолуфенери и со сторожевых вышек, которые упоминал Иов.

В правящих кругах Османской империи понимали, что радикальным средством прекращения казачьих набегов на Босфор было бы уничтожение казачества или его флота, или полная изоляция казачьих сообществ, или по крайней мере закрытие казакам выходов в море. Все это Турция пыталась сделать и собственными силами, и привлекая силы Крымского ханства и других вассалов, и оказывая сильное давление на Польшу и Россию, но безрезультатно.

Основой казачьей тактики в XVII в. являлись внезапное нападение мощным, энергичным ударом и быстрота действий[13]. При этом нападение оказывалось неожиданным лишь для противника. «Внезапное нападение, — пишет С.Ф. Номикосов, — только по наружности казалось таковым; в действительности оно было плодом глубоких и серьезных размышлений, основанных на точных сведениях о положении противника». Не подлежит сомнению, что набеги казаков на Босфор и Прибосфорский район отнюдь не являлись стихийными, неорганизован ными, сумбурными налетами, но, напротив, тщательно продумывались казачьим командованием, которое учитывало текущие обстоятельства, собственные и неприятельские силы, условия местности и состояние моря[14].

Тактика действий во многом зависела от состава нападавших флотилий, которые бывали разными — от нескольких судов до многих десятков. В первом случае казаки поочередно обрушивались единым отрядом на селения, во втором случае делились на группы и нападали на несколько населенных пунктов сразу и таким образом создавали широкий фронт разгрома, охватывавший значительную часть побережья.

Под угрозой казачьего нападения находились вообще все поселения района, и, очевидно, абсолютное большинство из них на всем протяжении пролива, вплоть до гавани Стамбула, испытало удары казаков. Но больше всего в силу объективных обстоятельств — близости к Черному морю и структуры неприятельской оборонительной системы — страдали селения, располагавшиеся выше замков Румелихисары и Анадолухисары. Из берегов пролива чаще подвергался нападениям европейский как более населенный и богатый; он имел также большее стратегическое значение по близости к главнейшим частям имперской столицы.

Несомненно, казачье командование в ходе набегов предусматривало возможность разных осложнений и способы взаимодействия и взаимовыручки отдельных отрядов, о чем ясно говорит участие во втором набеге на Босфор 1624 г. своеобразной «резервной», «засадной» флотилии.

Совершив морской переход, казачьи суда, замечает В.Д. Су-хоруков, «пристают к берегу для нападения на город или селение. Вы подумаете, что там уже проведали о казаках и приготовились к обороне: нет, удальцы останавливаются в местах самых скрытых и почти неприступных[15] и, вышед из судов, бегут опрометью до назначенного места, застают неприятеля в беспечности и побеждают его». Обычная тактика нападений донцов, подтверждает С.З. Щелкунов, «заключалась в том, что в сумерки казаки приставали в пустынном месте недалеко от намеченного города и, высадившись, "бежали наспех пеши", чтобы ночью ударить на город "безвестно"». Тот же автор говорит, что когда в походе 1646 г. они оказались в виду крымских берегов до сумерек, то, чтобы не быть замеченными раньше времени, донским судам пришлось стать вдали в море на якоря и дожидаться ночи.

В Босфорском проливе долго стоять на якоре было нельзя из-за опасности неминуемого обнаружения, и поэтому приходилось точно рассчитывать время захода в пролив и продвижения по нему. Но и там казаки стремились появиться у селения внезапно, может быть, иной раз из-за характера берегов подходили «в лоб», прямо к пристани, а может быть, приставали на своих мелкосидевших чайках и стругах в каком-либо укромном месте и появлялись с неожиданной стороны, казавшейся неудобной для нападения. Во всяком случае, в других районах, в Частности в Крыму, казаки перед налетом успешно преодолевали горные кручи и лесные массивы. В. Мясковский утверждал, что запорожцы, часто нападая на Провадию, даже спускались в город «на веревках со скалы».

По свидетельству Эвлии Челеби, «неверные» атаковали побережье Черного моря по ночам, Синоп взяли в результате внезапного налета ночью, в Балчик, как увидим далее, ворвались сразу после полуночи. Согласно Э. Дортелли, Мангуп подвергся запорожскому нападению на рассвете. Эта обычная практика казаков нашла отражение в донской поговорке «месяц — казачье солнышко»[16]. Поэтому неудивительно, что и для разгрома босфорских селений нападавшие также использовали темное и пограничное время суток, хотя ночной вход в пролив представлял большие, но преодолевавшиеся казаками трудности[17]. В частности, в первом набеге на Босфор 1624 г. казаки вошли в пролив на рассвете.

Сонные жители и даже солдаты, внезапно разбуженные и растерянные, оказывались в крайне невыгодном положении перед лицом организованного неприятеля, хорошо продумавшего атаку. Приведем здесь мнение М.А. Алекберли относительно «особенностей поведения турок в ночное время», даже в походе. «После вечерней молитвы — пятого намаза, очень плотно поев-ши,они, — говорит этот историк об османских воинах, — ложились спать, как в обычное время. В Турции... издавна принято днем довольствоваться легкой пищей, а вечером есть тяжелые блюда. После вечерней еды мусульмане погружались в крепкий сон. Эта привычка из поколения в поколение превратилась в традицию». И, видимо, бывало так, что сонный турецкий караул вырезался раньше, чем успевал схватиться за оружие.

В десанте и атаке населенного пункта участвовало абсолютное большинство казаков, поскольку на судах оставлялась лишь небольшая охрана. Г. де Боплан сообщал, что казаки, достигнув Анатолии, «высаживаются с ружьями в руках на землю, оставляя при каждой лодке в качестве стражи по два взрослых и по два мальчика», после чего «нападают врасплох». Мы увидим, что Эвлия Челеби дает другую информацию о взятии Балчика, когда на казачьих судах оставалось по 5—10 человек. Со гласно И.Ф. Абелину, в 1620 г. при высадке в Азии из приблизительно 4,5 тыс. казаков на судах осталось 500 человек, т.е. девятая часть[18].

По-видимому, численность охраны варьировалась в зависи -мости от конкретной ситуации и возможных опасений относительно действий неприятеля, но всегда была допустимо минимальной. Именно поэтому в 1629 г. янычары с подошедшей эскадры захватят у берега близ Сизеболы шесть казачьих судов, которые будут почти пустыми в связи с нахождением казаков на суше. Мы

рассказывали, что в 1621 г. турецкая флотилия не осмелилась напасть на 16 лодок, хотя половина их казаков еще находилась на берегу, — без сомнения, дело было уже во время завершения казачьей операции, когда участники налета возвращались на свои суда.

Казаки атаковали селения, применяясь к конкретным условиям, не допуская шаблона, всегда неукротимо и яростно, и остановить этот порыв было почти невозможно[19]. По характеристике В.Д. Сухорукова, донцы, привязанные друг к другу «союзом братской любви», гнушавшиеся «воровством у своего брата», проводившие «каждый день в битве и страхе» и оттого приобретшие «силу нечеловеческую», развившие «какую-то дикую гордость души» и закалившие сердца, считавшие «первейшими добродетелями целомудрие, храбрость и мужественное презрение опасностей», в то же время были людьми «жестокими в набегах на земли неприятельские» и «страстными к добычам». «Самый образ жизни казаков долженствовал соделать их каменными, ужасом для современников...»

Эту характеристику почти повторяет и даже усиливает Д.И. Эварницкий применительно к запорожцам, которые, по мнению историка, являлись «добрыми друзьями, верными товарищами, истинными братьями в отношениях друг к другу, мирными соседями к своим соратникам по ремеслу» и одновременно «жестокими, дикими и беспощадными в отношении своих врагов», «хищными, кровожадными, невоздержными на руку, попирающими всякие права чужой собственности на земле... презренного бусурмена».

Впрочем, неуважение к человеческой жизни и жестокость были характерной чертой эпохи, равно как грабеж и разорение неприятельской страны, в том числе ее мирного населения, везде считались совершенно естественным и законным делом в соответствии с принципом «война обязана питать войну», т.е. добыча должна покрывать все военные расходы. Более того, как говорит Н.М. Карамзин, законным полагали и «всякое злодейство в неприятельской стране». Даже такой образованный и много повидавший человек, как Эвлия Челеби, считал страшную жестокость турок и татар проявлением воинской доблести [20]. К тому же казаки, которые, по их выражению, «секли» многих турок, рассматривали свои действия и как отмщение за турецкие жестокости и злодеяния на запорожской и донской земле, а также как средство устрашения противника.

Разумеется, злодейства не могли смягчаться в набегах на центральные районы Османской империи. В поселениях Босфора и прилегающих местностей казаки в первую очередь уничтожали неприятельских воинов, однако крепко доставалось и обыкновенным жителям: как высказывался, правда, по другому поводу, Б. Хмельницкий, «при сухих дровах и сырым должно было достаться». Вспомним казачий погром Кандыры и окрестных селений в 1622 г., вызвавший «побитие» многихлюдей. При этом уничтожение врагов часто сопровождалось и сожжением мпс поселений, что также было общепринятой практикой тогдашнего времени: по выражению одного дипломата, воевали «саблею, огнем и полоном»[21].

Д.И. Эварницкий записал рассказ старого казака Ивана Россолоды (Недоступа), ссылавшегося, в свою очередь, на своего отца, об обычной практике запорожцев в набегах: «Вот как вскочут запорожцы в какой турецкий город, то немедленно его с трех концов зажгут, а на четвертом постановятся да и выжидают турков, да как бегут какие, то немедленно их тут же и покладают. Таким манером как перебьют мужиков, тогда уже по хатам...» Речь здесь идет о XVIII в., хотя нечто подобное, вероятно, случалось и в предшествующем столетии. Мустафа Найма говорит, что в 1614 г. казаки зажгли Синоп «со всех концов». Далее мы приведем рассказ Эвлии Челеби о том, как казаки при нападении на Балчик подожгли его с четырех сторон, ворвались в город и среди поднявшейся паники приступили к грабежу.

Но есть сведения и о поджогах поселений уже после их разграбления. В 1613 г. Ахтеболы был сожжен «напоследок», и в 1624 г. босфорское селение казаки сожгли после опустошения. Напомним, что М. Бодье, повествующий о последнем случае, сообщает также, что казаки, ограбившие крымский город, сначала вывезли из него добычу, увели пленников и уже затем предали огню. В 1633 г. «лучшая часть» Гёзлева была подожжена после грабежа.

Н.И. Краснов полагает, что донцы еще до начала похода за готовляли «из высушенной на солнце пакли, селитры и пороху как можно более зажигательных веществ». Согласно А. Кузьми ну, запорожцы «с пучками просмоленной пакли в руках» по сигналу поджигали «все подгородние постройки, чтобы осветить город во время предстоящей резни». Если разгром происходил ночью, то необходимость «освещения» могла играть какую-то роль, но совершенно отпадала в случаях сожжения поселений по окончании грабежа.

Точно так же вряд ли стоит соглашаться с тем, что поселения уничтожались из-за «ярости пиратства», которая охватывала казаков. В целом, очевидно, имелись другие и более важные мотивы: стремление вызвать панику и сумятицу у противника, запугать и деморализовать его, лишить способности к сопротивлению и преследованию отходивших казаков. Панику усиливал и леденивший кровь, громкий, завывающий боевой казачий клич, который Эвлия Челеби передает как «ю-ю» (впоследствии донцы в атаках будут применять знаменитый «гик»). Как указывалось, Тарабья была сожжена дотла за попытку оказать сопротивление, из чего можно заключить, что в других случаях сожжение селений не носило тотального характера. Было и еще одно обстоятельство, отмеченное Я. Собеским: казаки жгли босфорские селения с целью навести ужас на османскую столицу, т.е. и здесь присутствовал психологический фактор.

Так или иначе, «картина казацкого мщения» была ужасной: потрясенное, пылающее селение, отчаянные крики, вопли раненых и умирающих, плач женщин и детей, треск рушившихся зданий.

В ходе набегов уничтожались сооружения османской обороны и инфраструктуры флота, а также корабли. В первом известном набеге на Босфор казаки сожгли два порта, в 1624 г. — маяк при входе в пролив; если верить Е. Вороцкому, разрушили замок Едикуле. В 1620-х гг. в руки казаков у Кандыры попали карамюрсели, в Еникёе пять судов и др.

Жители пытались убегать от казачьих погромов в горы, прятаться по лесам, спасаться в отдаленных от моря селениях или в самой столице, унося с собой наиболее ценные вещи. В результате этого некоторые селения на черноморском побережье ока зывались пустыми. В 1621 г. даже жители Перы и Касымпаши спасали свое имущество в Стамбуле. Мы помним, что в следующем году люди с турецких судов, едва увидев русское посольство и посчитав его за казаков, устремились на берег и дальше по селам.

Однако всем жителям прибосфорских «жилых мест» укрыться от внезапных казачьих нападений было невозможно. Прятались часто уже после разгрома, в ожидании нового прихода казаков, а еще чаще до их прихода, по распространявшимся слухам о появлении на море «злодеев». Как бы то ни было, казаки могли брать значительный полон, увозя с собой в первую очередь богатых мусульман, предназначавшихся для последующего выкупа («окупа»), но не только их. На захваченных у Кандыры карамюрселях нападавшие увезли более тысячи пленников, в Еникёе в 1624 г. взяли тысячу человек.

Если бы не значительная удаленность района от казачьих земель и не опасное соседство имперской столицы, то Босфор представлял бы благодатное место для захвата ценнейшей добычи. Казаки громили прибрежные дворцы и виллы султанов и османской знати, поражавшие европейцев чрезмерной роскошью, богатые дома и торговые заведения — магазины, лавки и склады, как это было в 1624 г.

Напрасно А. Кузьмин считает, что «запорожцы, обезумевшие от крови и выпитого тут же на пожарище вина, врывались во все дома»: дело не только в строгом казачьем запрете употреблять спиртные напитки в походе, но и в бессмысленности попыток грабить жилища бедняков. Напротив, и на берегах Турции в известной мере сохранялась своеобразная «социальная направленность», присущая походам казаков во время «внутренних» антифеодальных движений: грабежу подвергались дома феодалов и других богатых жителей. Как замечал в 1628 г. Ш. Старовольский, «даже в самой близости от Константинополя» казаки «взяли за обычай жечь или грабить поместья». Другое дело, что и бедные хижины страдали от пожаров, что могли уничтожаться независимо от принадлежности гумна, стога сена и т.п., как это происходило в Северном Причерноморье.

О разгроме казаками именно богатых домов говорит и сам характер «погромной рухляди». В «Поэтической» повести об Азове казаки напоминают туркам, что у них, «сабак», за морем берут «злата и сребра, и платья цветнова, и жемчюга белова, и каменя драгова... всякие диковины». Запорожцы, писал Г. де Боплан, «привозят богатую добычу, как например: испанские реалы, арабские секины (цехины. — В. К.), ковры, золотую парчу, бумажные и шелковые материи и другие ценные товары»". Что касается монет, то казаки могли захватывать обращавшиеся в Турции в период босфорских походов золотые алтуны, крупные серебряные онлыки, мелкие серебряные акче и пары, а также ходившие в империи западноевропейские монеты: золотые дукаты, преимущественно венецианские, и крупные серебряные монеты; иногда на Запорожье и Дон могли попадать турецкие квадратные серебряные харрубы и крупные серебряные монеты восточных имперских провинций23. В руки казаков попадали золото, серебро и драгоценные камни в виде браслетов, перстней, колец, ожерелий, брошей и цепочек, драгоценные металлы в слитках и камни отдельно, дорогие ковры, одежда, посуда, оружие, «всякие узорчатые вещи» и

т.п. Вывозились и небольшие пушки; разумеется, захватывалось продовольствие для текущих нужд[24].

Особенно значительными были трофеи во дворцах и виллах. К сожалению, мы не можем привести конкретные примеры по Босфору, но сохранились сведения об аналогичном разгроме казаками дворца персидского шаха в Фаррахабаде, которые помогают представить богатства и босфорских султанских дворцов. По словам Ж. Шардена, в шахском дворце «хранилась сокровищница фарфора, китайских ваз, чаш из сердолика, агата, коралла, янтаря, посуды из горного хрусталя и других бесчисленных редкостей, которые эти варвары сломали или похитили. Они разрушили и находившийся в этом здании... большой бассейн, выложенный золотыми пластинами».

Внешний вид казаков С. Разина, вернувшихся из персидского похода в Астрахань, описал голландский парусный мастер Ян Янсен Стрёйс. Наверное, похожую картину можно было видеть и по возвращении донцов из успешного набега на Босфор и разделе добычи. Согласно наблюдениям голландца, «простые казаки были одеты, как короли, в шелк, бархат и другие одежды, затканные золотом. Некоторые носили на шапках короны из жемчуга и драгоценных камней... Они продавали фунт шелку за три стейвера (голландская мелкая разменная монета. — В.К.)... Я купил у казака большую цепь длиной в 1 клафт (1,75 м. — В.К.), состоящую из звеньев, как браслет, и между каждой долей было вплавлено пять драгоценных камней. За эту цепь я отдал не более 40 рублей, или 70 гульденов». Когда С. Разин «проходил по улицам Астрахани и видел следовавшую за ним большую толпу, то разбрасывал дукаты и другие золотые монеты».

К Павел Алеппский свидетельствовал, что в 1656 г., после на-Ю5ега на Малую Азию, донцы продавали в Москве захваченную добычу — «одежды, вещи, серебро, золото и османие» (турецкие монеты) — «не по цене их, а на фунты». Так что Т.Г. Шевченко, может быть, и не очень преувеличивал, когда в стихотворении «Гамалия» писал о стамбульском набеге, что шапки казаков были «до верху... полны» золотыми и что золото попросту ссыпали в челны.

Любопытна сохранившаяся опись имущества станицы, которая была задержана в 1630 г. в Москве и которую возглавлял известный донской атаман Наум Васильев (Шелудяк), участвовавший во многих морских походах, втом числе, несомненно, к Анатолии и на Босфор. В походном сундуке у атамана находились «ожерелье муское (мужское. — В. К.) жемчюжное», «серьги золотыезжемчюги... золотников с пять (21,3 г. — В.К.) жемчюгу», «перстни золоты со вставками (камнями. — В.К.)», «ковш серебрен», «чарка винная серебрена», «калитка (сумка. — В.К.) серебрена», «яблоко серебреное» (шар), дорогая шелковая одежда, атласная и камчатная, в частности атласная чуга (кафтан) с серебряными пуговицами, атласный кафтан с частыми серебряными нашивками, шуба на куньем меху, три шелковые фаты, куски бархата и атласа, «боболев хвост», два горностайных «лоскута», «часы путные» и др.

Среди имущества членов станицы были вещи турецкого происхождения: попоны, зипун, сковорода, котлы, полазы (ковры), полотенце, кушак и кафтан с золотыми пуговицами, крымская и персидская сабли, венгерские ножи, волошские попоны, атакже огнестрельное оружие, шахматы, зерновые кости и пр. Значительная, если не подавляющая часть этой «рухляди», без сомнения, была добыта в походах[25].

Разгром казаками неприятельских поселений обыкновенно осуществлялся быстро, в короткий срок, исходя из необходимости безопасного отхода. Н.-Л. Писсо писал, что «грабят и разоряют они с присущей им поспешностью не столько из-за наживы , которую они получают, сколько из-за безопасности отступления, которую они себе обеспечивают: это быстрота грома, предупреждаемого вспышками молнии, которые, когда затихнут, дают картину полного разгрома». В самом деле, налет на босфорские селения в первом походе 1624 г. продолжался всего лишь несколько часов.

Исчезали казаки в большинстве случаев так же внезапно, как и появлялись, до того как неприятель успевал опомниться, подтянуть силы из близлежащих мест и организовать преследование. Современники указывали, что быстрота проведения операций мешала туркам настичь казаков или отрезать им путь отхода. Попытки «схватить» их обычно не удавались потому, что, согласно замечанию Т. Роу, они «убегали». В. Мясковский, сообщая об одном из казачьих набегов, употребил точное выражение: казаки «отскочили и ушли морем». Г. де Боплан также указывал, что, разгромив город, казаки «тотчас же возвращаются и, севши на суда вместе с добычею, плывут в другое место». Некоторые авторы утверждают, что для ускорения и облегчения отхода к берегу казаки даже использовали захваченных лошадей. При отходе с преследованием казаки могли применять различные хитрости вроде той, что была отмечена у Мангупа: Э. Дортелли

свидетельствовал, что казаки «по примеру предусмотрительных охотников на тигров», отходя, бросали добычу, в результате чего «многие из преследовавших разбогатели», а отступавшим удалось уйти в леса.

Если не удавалось оторваться от преследования на суше или на море, то казаки решительно принимали бой даже с превосходившими силами. Иногда оплошность или несчастливое стечение обстоятельств приводили казаков к окружению, и тогда они, умело используя реальные возможности, выбирали какое-либо более или менее укрепленное или удобное место, «садились в осаду» и мужественно защищались до последнего. Так произойдет в 1629 г. в монастыре на острове близ Сизеболы, а в Балчике для обороны будут использованы хлебные амбары.

Обычный успех в набегах подчас приводил казаков к излишней самоуверенности и увеличению срока пребывания в захваченных селениях и у вражеских берегов. Здесь достаточно напомнить, как в течение целого дня казачья флотилия стояла на Босфоре против турецкой лодочной «армады», как во втором набеге 1624 г. казаки находились в устье пролива на берегу или поблизости от него в продолжение трех дней или как двумя годами раньше турки три дня «манили окупом» казаков, все это время самоуверенно пребывавших в захваченном босфорском селении. В последнем случае это привело к казачьему «расплоху» с соответствующими потерями, но было «исключением из правил».

Чаще всего набеги казаков к Босфору и на Босфор, равно как и в других направлениях, завершались успехом казачьего оружия[26]. «Внезапность и быстрота в нападениях, — согласно В.Д. Сухорукову, — были главными причинами их счастливых успехов». В более широком плане, конечно, следует говорить о сазачьей тактике вообще: она была чрезвычайно эффективной 41 дала примеры высокого военного и военно-морского искусства, образцы сухопутного и морского боя, взятия с моря крепостей и населенных пунктов. Многие историки отмечают, что «эти подвижные и смелые каперы» могли успешно сражаться с гораздо более многочисленным неприятелем и одерживать победы над ним благодаря умелому сочетанию внезапных массированных ударов с исключительной маневренностью своих флотилий.

Казачьи удары задумывались в такой тайне, что «только Бог святый» знал о планах атаманов, но даже если бы турецкие агенты каким-либо образом выведали намерения казаков, то из-за быстроходности их судов предупреждение попало бы в находившийся под угрозой приморский город уже после свершившегося разгрома[27]. При появлении казаков на море, отмечалось в их описаниях XVII в., «тревога распространяется по всей стране и доходит до самого Константинополя. Султан рассылает гонцов во все концы Анатолии, Болгарии и Румелии, чтобы известить жителей, что казаки в море, и чтобы каждый держался настороже. Но все эти меры бывают напрасными, ибо казаки гребут не переставая...» Скорость же их судов «такова, что они часто опережают всех гонцов, которые везут весть об их появлении». Даже к самому Стамбулу казаки подходили, по цитировавшемуся выражению С. Твардовского, с неслыханной скоростью.

Не имея возможности узнать и предвидеть конкретные направления и время очередных казачьих нападений, османские вооруженные силы, в том числе флот, как сказано, рассредоточивались на огромной площади Азово-Черноморского бассейна и тем самым давали казакам возможность ударять «массой» по отдельным поселениям, отрядам и кораблям.

Однако сама по себе большая ширина фронта действия еще не гарантировала внезапность и успех, поскольку необходимы были и многие другие условия. Для казачьих набегов требовалось иметь вполне отвечавшие их целям суда, в частности обладавшие высокой скоростью и не нуждавшиеся в специальных десантно-высадочных плавучих средствах, отлично поставленную разведку, знание особенностей неприятельских местностей, хорошо налаженное взаимодействие отдельных судов, отрядов и флотилий, способность к применению приемов военной хитрости и пр.

Значительную роль играло умелое командование флотилиями, для осуществления которого у казаков находились талантли- вые флотоводцы, совершенно не страшившиеся грозных эскадр очень сильной морской державы и способные побеждать ее адмиралов. Неприятель запорожцев Шимон Окульский свидетельство вал, что от них не дождешься доброго слова в адрес своей старшины, но каждый, кто обратит на нее внимание, должен признать, что казаки не выберут себе в предводители какого-нибудь «олуха» и не вверят свою судьбу в руки какого-нибудь «завалящего человека». По словам этого польского современника, хотя между казаками не было «ни единого князя, сенатора, воеводы», но, однако, были «такие хлопы, что если бы не препятствовали составленные contra plebejos (против плебеев. — В. К.) законы... то нашлись бы достойные называться et Quinctio Cincinato, qui ab aratro ad dictatorium (и Квинкцием Цинциннатом, который

из пахарей в диктаторы. — В. К.) был призван, atque Themistocli virtute par (и равным по храбрости Фемистоклу. — В.К.)».

Война, ставшая главным делом жизни казачества и каждого казака и заключавшаяся в борьбе с весьма многочисленным и сильным противником, выработала не только высокое и глубоко своеобразное военное искусство казаков, но и их высокие воинские качества. Как замечал летописец, казаки были «воинскому промыслу... зело искусни паче иных».

«Универсальных воинов»-казаков один из старых авторов неслучайно называл «земноводными ратниками». С молодых лет воины-профессионалы, запорожцы и донцы равно успешно могли действовать в наступлении и обороне, на суше и на море, на лошади и на борту судна, при том что такая «смена военного профиля» являлась совершенно не характерной для вооруженных сил тогдашнего времени.

Это были великолепные мореходы, имевшие в своих рядах «морского ходу знатных людей», умевшие «работать» у берега и в открытом море, в кратковременных «кинжальных» набегах и в длительном плавании, в условиях штиля и шторма, в любое более или менее теплое время года. «Никогда еще не было, как, возможно, никогда и не будет, — считает Х. Красиньский, — более славного племени мореплавателей на Черном море, чем были прежде казаки... они никогда не были превзойдены, и для того, чтобы иметь подобную категорию людей, необходимо, чтобы возродились условия, существовавшие тогда, что совершенно невозможно»[28].

Для экипажей казачьих судов весьма примечательными были умение каждого участника набега выполнять все необходимые в нем работы и умело отработанная взаимозаменяемость. П. делла Балле писал о казаках как об «отборных солдатах, которые выполняют обязанности не только солдат, но еще и кормчих и матросов», в результате чего на борту казачьего судна не оказывалось «ни одного человека, который бы не был готов исполнять разные обязанности»[29]. Казаки были очень сильны в абордаже, но также и в штурме крепостей и укреплений противника, или, как выражается П.А. Кулиш, не останавливались «даже перед нидерландскими батареями, парапетами, валами и шанцами».

Запорожцы и донцы получили известность своей удивительной отвагой, мужеством и дерзостью, и даже враги характеризовали их как «исключительно храбрых кяфиров («неверных». — *Прим. ред*.)». Нередко буйные в проявлении «казацкой вольности», они соблюдали строгую дисциплину в походной обстановке («куда атаман кинет взглядом, туда мы кинем головы»)[30], отличались находчивостью, самостоятельностью и инициативностью в ходе боевых действий. Воспитанные в чувствах преданности «казацкому товариществу», они высоко ставили взаимоподдержку и взаимовыручку. Экипажи казачьих судов заранее морально «переигрывали» турецкие команды, поскольку в резком отличии от них были едины, сплочены и целеустремленны.

Физически крепкие и выносливые, вытягивавшие своей мускульной силой всю тяжесть длинных морских переходов, казаки отличались неутомимостью и привыкли «переносить жажду и голод, зной и стужу». Запорожцам и донцам был присущ высокий боевой дух, так как они считали, что их борьба справедлива, что их экспедиции, говоря современным языком, являются формой активной обороны на дальних подступах к собственным рубежам и что даже вдали от Днепра и Дона они защищают ценности и устои своих- вольных сообществ. Их демократическое устройство и великолепная военная организация лежали в основе казачьих доблестей и успехов[31].

«Можно с уверенностью сказать, — замечает Д.И. Эварниц-кий, — что у запорожцев (добавим: и у донцов. — В.К.) имелись ъ распоряжении все типы боевого оружия, какие только были в употреблении в свое время у поляков, турок, татар, москалей, волохов, сербов, черногорцев». Это оружие, как и некоторые не упомянутые историком типы западноевропейского оружия, блестяще осваивалось казаками, для которых весьма характерным было замечательное индивидуальное боевое мастерство. Они, утверждает одна из летописей, в применении оружия «тако суть искусни, яко и наилучший полский гусарин и немецкий райтарин (рейтар. — В.К.) примерен быти им не может».

Таков был страшный враг Турции, приходивший с Черною моря, и успешно противостоять ему было неимоверно трудно, особенно в условиях начинавшегося упадка и кризиса Осман ской империи.

2. Источники информации

Нападая на Босфор, казаки освобождали рабов в захвачен ных селениях и на судах, и недавние невольники, особенно запорожцы и донцы, по мере возможности помогали

освободителям, делились информацией, выступали проводниками, указывали объекты для разгрома и т.п.

Переменчивая судьба войны бросала часть казаков в татарский и турецкий плен. Из Азова и портов Крыма, которые являлись сборными пунктами и крупными центрами работорговли, пленников вывозили в разные земли Османской империи. В 1646 г. донской войсковой атаман Осип Петров (Калуженин) писал, что азовцы «полон посылают за моря во Царьгород и в Крым, и в Темрюк черкесом, и в Ногаи, и по иным городом продают».

Согласно свидетельству одного из пленников, составившего в XVII в. описание поселений Босфора, «руских людей невольных в неволе на земле их (турок. — В.К.) и на море, и на каторгах» было «зело много множествам без числа». Польский посол, прибывший к султанскому двору в 1640 г., сообщал, что, по подсчетам самих турок, пленных только из земель Речи Посполитой в Стамбуле, на галерах и во Фракии насчитывалось тогда 150 тыс. Известное число этого «многого множества» приходилось на долю украинских и донских казаков.

Крупнейшим сосредоточием рабов был Стамбул. Пленные трудились в арсеналах Касымпаше и Топхане, на различных предприятиях, обслуживали султанские дворцы, поместья и сады (в старинной донской песне один раб-казак «султанского коня водит», а другой «султанский кисет носит»), обеспечивали благоденствие тысяч владельцев османской столицы, ее пригородов и всех босфорских поселений. Главные силы имперского флота базировались в Стамбуле, и там находилось огромное число пленников, состоявших галерными гребцами. Большинство галер, в том числе и входивших в средиземноморские эскадры, после кампаний на зиму возвращалось в Стамбул, и, таким образом, можно полагать, что подавляющая часть галерных рабов так или иначе бывала в «столице мира». Это, разумеется, относится и к казакам.

В источниках отложилось немало материалов о пребывании пленных казаков в рассматриваемом районе. Приведем некоторые из этих сведений.

Донской казак, сын боярский по происхождению, Андрей Клепиков, когда-то в детстве попавший в ногайский плен и пробывший в нем «лет с пятнатцать и больши», а затем около 30 лет Пуживший казачью службу, в 1642 или 1643 г. снова оказался в плену, на этот раз у азовских татар, которые отослали его в Крым. Оттуда казака направили в Стамбул, где он и находился, пока не удалось «выйти из полона». «А шел я, — сообщал А. Клепиков, — на Волохи, а из Волох на Литовскую землю...» Из Литвы через Севск в 1647 г. он добрался до Москвы.

Донец Андрей Елисеев Шейдеев в 1646 г. участвовал в совместном морском походе казаков и русских ратных людей Ждана Кондырева. С Кривой косы Азовского моря казак вместе с еще одним участником экспедиции был послан «с отписками» степью в Черкасск. «На поле у урочища меж Тузлова и Миюса» на гонцов напали азовские татары. А. Шейдеева, «ранена, замертва», взяли в плен и «привели в Азов, и... хотели казнить». Возможно, казака спасли захваченные у него бумаги. «И азовский воевода, — рассказывал впоследствии бывший пленник, — казнить меня не дал и послал меня к турскому царю, и в роспросе перед турским царем я... был; и с роспроса... велел турской царь меня казнить, и от казни упрасил меня у турскова царя везерь, и держал меня везерь две недели у себя и прельщал всякою лестью, чтоб я... басурманился». Поскольку полоняник «ни на какия прелести не прельстился», его бросили «в царьскую тюрьму», где держали «от крещенье ва дни господня да вербнова воскресенья», а затем по приказу везира отправили на галеру.

После двухлетнего плена, видимо, во время сумятицы «в те поры, как били на турок французжи», А. Шейдееву в Стамбуле удалось покинуть свой корабль. Через Мутьянскую и Волошскую земли, «Яси и... литовские городы» казак «вышел в Киев, а ис Киева... в Путивль, а ис Путивля... прислан... к Москве».

Лубенский казак Иван Вергуненок около 1640 г., будучи среди донцов и охотясь на диких кабанов на Миусс, был схвачен татарами и увезен в Крым, где стал выдавать себя за московского царевича Дмитрия, сына Лжедмитрия II. Крымский хан держал его у себя в железах, затем отослал в Стамбул. Там самозванца посадили в Семибашенный замок (Едикуле), потом освободили, но «царевич» начал пить и драться с турками, за что был посажен в Кожаный городок на Босфоре[32].

В начале 1649 г. подали челобитные московскому царю дон ские казаки Михаил Липовской и Федор Иванов, вышедшие из плена. Оба попали в руки крымцев в бою под Азовом в 1646 г. и были проданы в Стамбул, где находились три года, пока им не удалось бежать.

В плену в османской столице случалось бывать и некоторым видным деятелям казачества, старшинам и атаманам. Полагаем, что в период галерного рабства не мог миновать Стамбул Иван

Болотников, будущий руководитель известного восстания. По-видимому, там же, будучи пленником, побывал Б. Хмельницкий.

Прибывший в 1641 г. в Москву во главе донской станицы атаман Денис Григорьев рассказал в Посольском приказе, что два с лишним года назад «посылали ево атаманы и казаки в верховые городки х казаком з грамоты, чтоб они ехали в Азов, и грамоты... он все по городком роздал, и как... он поехал назад, и ево в Голубых взяли в полон крымские и нагайские, и азовские люди». Доставленный в Крым, Д. Григорьев был допрошен самим ханом и затем отослан в Стамбул. Там атамана тоже допрашивали, особенно интересуясь, каким образом казаки в 1637 г. взяли Азов и «государевы люди с ними под Азовом были ли». Д. Григорьев отвечал, что крепость донцы взяли «собою», без повеления и помощи Москвы.

«А возил... их, полонеников донских казаков, в Царь-город крымского царя казначей Ислям-ага, и он... Денис, посулил ему за себя окуп большой, и он ево на катаргу не отдал и взял ево с собою опять в Крым, и в Крыму... царь ево хотел казнить или на катаргу отдать; и царю... били челом крымцы и азовцы, и тем-рюченя (жители Темрюка. — Прим. ред.), чтоб ево... велел отдать в Азов на окуп для их полону». Хан согласился, после чего Д. Григорьева переправили в Темрюк, откуда в 1641 г. отдали в Азов на окуп: Войско Донское заплатило за пленника огромную по тем временам сумму — 500 рублей.

В 1644 г. в турецкий плен, вероятно из-за своей беспечности, попал атаман Родион Карагич, лишившийся затем жизни. Казак Петр Кузьмин рассказал, что когда «шли донские казаки с моря», «их... турские люди на реке на Донце, от Азова за днища, побили, а иных в полон поймали; а было... донских казаков полтораста человек. И их... побито десять человек, а в полон взято сто сорок человек. И привели их в Озов, а из Озову продали в розные турские городы, а атамана... их... из Озову отослали к турскому царю. И турской... царь велел ево казнить. А ево... Петрушку, продали в Царьгород...» Через год П. Кузьмину по-Настливилось «ис турские земли и ис полону» уйти.

В плену побывал и атаман Андрей Семенов Шумейко, донской мастер морского дела и судостроитель, черкашенин по происхождению. В его челобитной 1662 г. сказано, что в свое время он был «на бою... взят в полон в Озоев (Азов. — В.К.) и был в полону в Царе городе, живот свой мучил лет с шесть, а ис Царя-города ис полону... окупился собою, дал за себя триста тарелей (талеров. — В.К.) и вышел после окупу на Дон и на Дону служил... и струги свои держал, и на Черное море ходил».

Источник сохранил подробный рассказ войскового дьяка Войска Донского Михаила Петрова о его пребывании в плену, в Частности и в Стамбуле. В 1646 г. произошло сражение казаков и русских ратных людей с войском трех крымских царевичей на Кагальнике. «А я, — сообщал М. Петров, —... на бою, обливаючися кровию, тут же...был... И на том... бою лошедь подо мною убили наповал, а меня... взяли в полон Тугай-мурза з братьеми и с татары, исстрелена и изрублена, замертва. А ран на мне... правоя рука в трех местех пробита из луков, да тож правое плечо отрублено саблею, да левое нога пробита из лука ж».

«И... привезли меня в Азов перед крымских двух царевичей и перед азовсково воеводу, перед Мустафу, —продолжал дьяк, — и поставили на меня знатцов азовских и кафимских мужиков, которые... преж сево бывали в Войске в ясырстве и отдаваны... «а обмену на казаков. И те... люди, узнав меня... сказали, что я... дьячишко войсковой и всякие де московские вести и войсковую думу бутто все... ведал. И крымские царевичи и азовской Мустафа-бей велели меня ж, бедново и израненова замертва, бить и пытать по подошвам, и всяких... московских вестей и войсковой думы учели у меня спрашивать. И я... замертва пролежал, а вестей им за собою никаких не сказывал. И муча... меня, повезли из Азова в Крым, а в Крыму... отдали меня паше кафимскому».

Как раз в то время в Кафу пришли из Стамбула, Трабзона и Северной Африки пять галер и восемь «караблей боевых» с людскими подкреплениями для Азова. Кафинский паша поставил дьяка перед стамбульским, трабзонским и «барбарейским» пашами. Его снова пытали, бив по подошвам, посадили на одну из галер и, прикованного к веслу, держали там 18 дней.

О последующих событиях М. Петров рассказал так: «И видя... оне, паши и Тугай-мурза, что я им никаких вестей за собою не сказал, и, сняв с каторги, бив же меня еще и муча, и всякими соромными делы соромотя, учел у меня Тугай-мурза просить окупу дву тысечь золотых червонных, трех невольников крымских и кафимских... да трех пансырей царевичевых, погрому из Войска (захваченных казаками. — В.К.). А мне было... таким великим окупом окупитца нечем. И муча... меня и держав в Крыму, по селом своим возя полтора годы, и привел было меня в Азов на

окуп и на обмену, и азовцы... с Войским Донским миру и окупу в те поры не учинили, и меня им на окуп... отдовать не велели и продали меня за моря в Царь-город, а ис Царягорода завезли меня в горы в турскую ж землю, в город Суваз» (Сивас).

В конце концов дьяку удалось уйти из плена. В 1649 г. череч Персию, Табаксанскую и Кумыцкую земли М. Петров вышел на Терек, оттуда по Каспию на русской бусе (судне) добрался до Астрахани, из которой и вернулся на Дон, где казаки снова «учинили» его войсковым дьяком. Вместе с ним из турецкого плена вышли восемь донцов и русских служилых людей, а в Кумыцкой земле беглец еще сумел «выкупить у кумыченина невольника, а дал за нево десять абас, и вывел ево... с собою ж наТеряк».

Далеко не все казаки могли сравнительно быстро «окупиться» или бежать из плена. Иным приходилось находиться в рабстве по многу лет, а то и десятилетий.

Казак Конон Нестеров был схвачен турками в ходе Азовского осадного сидения 1641 г., на вылазке, привезен в Стамбул и состоял гребцом на галере «в Царегороде и по иным горадам турскова царя» до 1649 г., когда ему удалось бежать через Персию в русские земли.

Донца Степана Молинского захватили в плен в пятидневном морском бою в Керченском проливе после азовского взятия 1637 г. — казачья флотилия столкнулась там с шедшими к Азову турецкими галерами и «мелкими судами». Казак «был в полону в Цареграде, живот свой мучил» долгое время, пока не смог в 1648 г. бежать «уходом» и через Мутьйнскую и Волош-скую земли и Польшу добраться до Путивля и затем Москвы.

Еще один казак Прохор Федоров Старого после двадцатилетней службы на Дону прибыл в Воронеж «Богу помолитца и юртишко (земельный участок. — Прим. ред.) принять», женился там, около 10 лет числился воронежским казаком, потом в 1636 или 1637 г. направился «на вечное житье служить в Козлов-город з донскими казаки», но по дороге встретился «с крымскими и с нагайскими людьми». «И меня, — писал казак, — … те... люди ранили и взяли в полон... с сынишком с Антипком, и привели в Крым, в город Кафу, а ис Кафы меня... продали во Царьгород, и в Царегороде я... живот свой мучил адиннатцать лет. И как был... государев посол Степан Васильевич Телепнев во Царегороде... а сынишко мой Ивашко с тем попом был во Царегороде. И окобался (окабалился. — В.К.) сынишко мой свою голову великим кабальным долгом и меня... с турской земли окупил. А окупу дал за меня... пятьдесят рублев. И вышел я... к Москве з греченином з Ываном Петровым». Произошло это в 1649 г.

Украинский казак из гетманского полка Иван Наумов Бакулин был захвачен в плен на Украине в 1660 г., продан в Стамбул .а галеру, где и находился свыше 20 лет, до счастливого случая, о котором еще будет речь[33].

Больше всего конкретных сведений о пребывании казаков в плену содержится в документах 1630—1640-х гг., но это вовсе не означает, что подобных случаев было мало в более ранний период. И в 1610—1620-х гг. у казаков случались поражения, при которых десятки, а иногда и больше запорожцев и донцов оказывались в плену. Но тогда среди казаков еще не распространился Обычай подавать челобитные о царском жалованье «за полонное терпение», из которых мы в основном и узнаем подробности плена. В наших примерах не фигурируют казаки, спасенные и вывезенные на родину в ходе босфорских и черноморских набегов, и в первую очередь именно потому, что эти бывшие пленники возвращались прямо в казачьи земли, а не через Москву, где и подавались челобитные.

Следует заметить, что все казаки, чье полонное местонахождение источники фиксируют в османской столице, были знакомы не только с нею, но и с Босфором, хотя бы уже потому, что пленники доставлялись в Стамбул на судах по этому проливу.

Английский современник писал, что «есть едина вещь жалостная видети множество шаек (шаик. — В.К.), которые приходят (из Крыма. — В.К.) по Фраческому (Фракийскому. — В. К.) Босфору, нагруженные бедными христиан ы мужеского и женского полу, неся кождый бастимент (корабль. — В.К.) на великой шогле (мачте. — В.К.)... знамя... для показания качества товару, которой приносит. Есть зело трудно познати число совершенное неводников... понеже иногда болшее, иногда мен-шее по щастию татар... в их войне; но толко по выписям тамож- ни константинополской может знатися, что бывают приведены по всякой год болши дватцати тысящь, из которых болшая часть жен и младенцев...»

О том же свидетельствовал и доминиканский патер Арканджело Ламберти: «Почти каждый день можно видеть в Констаи тинополе, что с Черного моря прибывает масса кораблей, нагруженных невольниками-христианами. По особенным флагам узнают, что на этих кораблях везут невольников».

Пленники, попадавшие гребцами на галеры, затем вместе со своими кораблями тем же Босфорским проливом весьма часто выходили в Черное море, а потом по Босфору возвращались и Стамбул.

Крайне небольшая часть казаков-невольников «басурманилась», переходя в ислам[34], но абсолютное их большинство стремилось вернуться на родину. Это стремление нашло яркое отражение в старинных казачьих песнях. Одна из них рассказывает о том, как «во Цареграде» в «белокаменных палатушках» перед султаном стоят трое невольников — поляк, прусак и донской казак, и последний просит владыку отпустить их на волю, домой. Другая песня повествует о тех же царьградских палатах, но здесь уже один донец сидит между турецкими «князьями», а стоящая рядом «девочка-турчаночка» уговаривает казака забыть тихий Дон, родителей и молодую жену и взять ее, турчанку, замуж. Пленник, плача, отказывается и замечает, что ее отец с него «хотел снять головушку»[35].

Возвращаясь на Дон и Днепр, пленники приносили с собой разнообразные знания о Турции, ее столице и Босфоре. Вполне понятно, что некоторые из таких казаков, будучи профессионалами мореходного дела, участниками морских походов, атаманами и грамотными людьми, делали и профессиональные наблюдения относительно течений и ветров в проливе, характера береговой линии, расположения и особенностей прибрежных населенных пунктов и укреплений, количества и качества местных воинских подразделений и т.п. Многие казаки еще до плена владели тюркскими наречиями, а иные осваивали разные языки в полону, и их знание, в особенности турецкого и греческого, разумеется, помогало приобретению важной информации о регионе. Казак И. Бакулин, оказавшись по возвращении из Турции в Москве, даже просил определить его толмачом в Посольский приказ на том основании, что знал турецкий, арабский, итальянский и греческий языки. Переводчики приказа провели соответствующие испытания и пришли к заключению, что И. Бакулину, действительно, «в Посолском приказе в толмачах быть... мочно».

Турецкие власти понимали, что освобожденные, бежавшие и отданные на выкуп и обмен казачьи «ясыри» располагали «вредной» информацией, но могли только усиливать строгости по части передвижения пленников, их изолированного содержания, охраны и т.п.

В Турции подозревали в сборе такой информации и последующей передаче ее казакам вообще всех «неверных», в том числе российских и польских дипломатов. В конце 1622 или начале 1623 г. на совещании у великого везира один из крупных сипахи гневно говорил о переговорах властей с польским послом С. Збараским: «... совещаетесь о мире и войне, а нас, которым кровь проливать придется, не спрашиваете!.. Какие гарантии есть у вас... что казаки не совершат набег в этом году?.. Если надеетесь на слово этого гяура, знайте, что он человек переменчивый, хитрый, посланный шпионить. Вы хотите его отпустить на свою голову, когда он все наши дела и беспорядки знает, разведал все важные места, под властью его и его брата (Е. Збараского. — В. К.) больше всего казаков».

В 1633 г. судно с русским послом Афанасием Прончищевым штормом прибило к Синопу, и его обитатели кричали, что жители всей анатолийской стороны идут в Стамбул жаловаться султану: от донских казаков в тех местах жить нельзя, нападают ежегодно, а из Москвы послы беспрестанно ходят в османскую столицу будто бы для доброго дела, в действительности же рассматривают всякие крепости и потом рассказывают казакам, и те потому и на море ходят.

Войско Донское и Войско Запорожское имели свою агентуру в Стамбуле, однако по условиям ее деятельности в источниках сохранились лишь намеки на этот счет. Приведем их.

Сын боярский Семен Мальцев был направлен московским царем к наследнику ногайского князя, но по дороге схвачен азовцами и враждебными Москве ногайцами, продан в рабство, в Кафе посажен гребцом на галеру, на которой участвовал в Астраханском походе 1569 г. По возвращении в Азов С. Мальцев, согласно его позднейшему докладу, уговорил перейти в будущем «на государьское имя» «Магмета-еныченина (янычара. — В. К.) и Микулу-грека (сказываетца митрополита сын Трепизонского)», которые «тайны дела многие... сказывали». Магмет затем поехал в Стамбул, где должен был собрать разведывательную информацию, а Микула намеревался зимовать в Кафе, а на вес- ну быть в Азове, и предполагалось, что оба из этого города свя -жутся с донскими казаками атамана Савостьяна Попа.

В 1642 г., когда в оставленный казаками Азов уже вошел пе редовой отряд татар, последние схватили нескольких русских «лазутчиков», прибывших из Стамбула с запоздалым предуп реждением казакам о движении к Азову огромной османской армии. Всего таких лазутчиков в турецкой столице тогда насчитывалось будто бы 40 человек. Схваченные «шпионы» были до

ставлены к крымскому хану, допрошены, сознались, что специально «посланы в эту крепость», и подвергнуты казни.

Казачьи сообщества могли при необходимости засылать своих разведчиков на вражескую территорию[36]. Возможно, намек на некоего казачьего «резидента» в Стамбуле содержится в сообщении великого везира Мере Хюсейн-паши польскому послу 1623 г.: в прошлом году турки захватили три донских судна, и плененные при этом казаки «утверждали, что имеют там (в османской столице. — В.К.) своего посла».

В принципе казаки имели основания рассчитывать на сочувствие и помощь определенной части православного населения региона, прежде всего греков[37], о чем скажем в следующем параграфе. Но вовсе не обязательно казачьими агентами должны были быть единоверцы. Во всяком случае, известно, что в Азове и Крыму у казаков имелись так называемые «прикормленные» мусульмане, снабжавшие их ценной информацией, в частности и о делах в Стамбуле. В ответ на царскую просьбу разузнать о положении в Турции московского посла Солового Протасьева Войско Донское сообщало в 1614 г.: «... у нас... ежедневные вести из заморья во Азов, а из Азова к нам на Дон, что божиею... милостиею... здоров Соловой Протасьев в Цареграде. и царь (султан. — В.К.)... его вельми любит и жалует паче всех послов инших государств; а отпуску... ему чают поздо под зиму, с последним корованом, которые суды зимуют в Азове; и турс-кой... чеуш с ним будет; а нам... сказывают те люди, которые у нас прикормлены... для всяких вестей».

В мае 1646 г. Войско Донское получило сведения о турецких делах за Босфором — войне с Испанией'и боевых действиях под Мальтой — от «мужика прикормленого», крымского татарина, известного «раденьем ево и правдой», поскольку «преж... сево лжи... от нево ни в каких делах не бывало». Видимо, от этого агента и из других источников казаки узнали, что в Азове распространяются слухи о движении на Дон русских ратных людей и что азовцы «поделали суды», «хотят Азов покинуть и бежать в Царьгород, потому что помочи себе ис Царягорода не чают, для того что у турсково царя ныне война с шпанским королем и посылает из Царягорода ратных людей на шпансково под Мальт».

Связь с подобными информаторами имела известные трудности, и поэтому зачастую более свежую информацию казаки получали во время своих походов, в том числе и специально разведывательных, от языков. В октябре 1625 г. атаман Алексей Старой говорил в Москве, что у донцов пока нет свежих новостей из-за границы: «А иных... вестей нет никаких, и что во Цареградороде и в Литве, и в Крыме делаетца, того они не ведают, потому что еще с моря казаки не бывали. А как казаки с моря придут, и тогды у них вести будут».

Среди захватывавшихся языков попадались и разного рода служители, хорошо информированные о турецких делах. Так, в 1646 г., когда донцы у «Азовского устья» напали на конвой в составе пяти «подвозков» и пяти кораблей, шедший из Стамбула в Азов, и овладели тремя «подвозками», в числе пленных оказались не только моряки и янычары, но и чавуш и судья, причем грамоты, которые первый из них вез в Азовскую крепость, «казаки взяли ж». Несомненно, этот пленник был внимательно допрошен.

Языки могли давать конкретные сведения об укреплениях того или иного поселения, их слабых местах, составе и расположении гарнизона и пр. В песне о взятии Варны рассказывается, что казаки, раздумывая, «отколь Варны доставаты» — «з поля», «з моря» или из протекавшей близ крепости «рички-невелычкы», — «поймалы турка старейного», допросили его и в соответствии с полученной информацией о слабом месте в варненской фортификации напали с речки, которую затем турки проклинали, убегая из крепости.

Разнообразные сведения о положении в Турции, обстановке в Стамбуле, географических и военных особенностях Прибосфорского района и т.п. поступали к казакам от всевозможных неказачьих «выходцев», среди которых особенно много было русских и украинцев. «Русский полон» казаки «отграм-ливали» постоянно, и, кроме того, земля казаков служила притяжением для самостоятельно выбиравшихся из плена, в частности и «цареградского». К примеру, в 1668 г. в Царицын пришел терский стрелец Андрей Дербышев, а в расспросе сказал, что был в плену в Стамбуле, затем попал в Азов и из него вышел в Черкасск.

Иногда к казакам попадали ренегаты, очень долго жившие н Турции и даже занимавшие там видные должности. «Один знаменитый ага по имени Рыдван, происходивший из рабов, — рассказывает Эвлия Челеби, — продвинулся на службе в Османском государстве и стал капуджибаши (сановником, обеспечивавшим охрану дверей султанского дворца, представлявшим падишаху и Дивану послов и выполнявшим ряддругих важных обязанностей. — В.К.). Через сорок лет этот

рус, вспомнив жирную свинину своей настоящей родины, улучил удобный момент, бежал к мятежным казакам...»

В ряды казачества вливались отдельные турки и представители других народов Османской империи и интересующего нас региона. Эти люди появлялись на Дону и в Сечи преимущественно в результате пленения и бегства к казакам, совершавшегося по самым разным причинам. Отмечая один из источников информированности запорожцев о делах в Крыму и Стамбуле, П.А. Кулиш пишет, что невольники, которые спасались бегством из турецкого плена, «возвращались в сечевые курени вместе с турками, греками, армянами и всякими иными разноверцами, уходившими к днепровским добычникам в видах казацкого отмщения за претерпенные ими обиды в хаосе турецкой администрации».

Полагаем, что прозвище известного казачьего полковника времен украинской освободительной войны 1648— 1654 гг. Филона Джалалии неслучайно напоминает «джелялийскую смуту» в Анатолии конца XVI — начала XVII в. Далее мы увидим, что в этой смуте участвовал среди прочих казак «Ивашка». Крещеным турком был запорожский гетман Павлюк (Карп Гудзан), который в свое время служил у крымского хана.

Причины бегства к казакам были не всегда благородными: как замечает немецкий автор, в XVII в. на Дон из морских портов стекались «всевозможные авантюристы всяких национальностей, особенно греки и итальянцы».

В качестве примера весьма своеобразных людей, попадавших к казакам, упомянем некоего Богдана, ареста и выдачи которого в 1607 г. требовал Ахмед I от польского короля. Этот Богдан, сын валашского воеводы, не раз бывавший в Стамбуле, на Босфоре и в Дарданеллах, подлежал казни за совершенные преступления, но получил прощение из-за намерения принять ислам, после чего бежал, разбойничал на море, был пойман, сидел в замке Богаз-Кипар (бывший Абидос) «над Геллеспонтом», стал-таки мусульманином под именем Мустафы, был выпущен на свободу и наконец убежал на Украину. Там, по сведениям османских властей, он собирал казаков для похода на Турцию.

Приведем еще один пример. В 1651 г. зарайский казачий сын Антон Михайлов, торговавший в Крыму, рассказал русским послам, что «был... во Царегороде у турского салтана вор русской человек, назывался воровски Московского государства царевичем. А видел... он того вора в турском городке у Чернова моря у гирла от Царягорода 10 верст, посажен был в башню, и тому... ныне другой год. Ис турские земли тот вор ушол морем в запорожские черкасы к гетману к Богдану Хмельницкому, да с тем же... вором побежал турченин Бустанчей, которому приказано было того вора беречь. И ныне... тот вор и турченин Бустанчей запорожских черкас у гетмана Богдана Хмельницкого».

Особенно многонациональны были команды гребцов на османских судах, оказывавшихся в руках казаков. Когда в 1639 г. на Дон пришла турецкая галера, 140 гребцов которой подняли бунт на Черном море «у Белагорода на усть реки Видовы» и одержали победу, Войско сразу пополнилось не только вернувшимися на родину донцами (они попали в плен, были проданы в Стамбул, «а из Царягорода посожены на каторгу»), но и представителями многих национальностей. Из этого экипажа несколько человек отправились в Москву «ко государской милости», и это были два донских казака, четверо русских (один из них, воронежский беломестный (на царской службе. — Прим. ред.) казак Ермол Алексеев показал, что из Кафы попал в Стамбул, а оттуда на галеру, где находился 13 лет), два грека, турок из города Сакиза «на Белом море» (с эгейского острова Хиоса) и три араба — из Магриба, Испании и «Хабежского государства» («за Египтом, ходу... 5 месяц»).

В общем вполне понятно, почему Исаак Масса отмечал среди казаков людей из Татарии и Турции, а само Войско Донское упоминало в своих рядах турок, татар, греков и «иных розных земель людей». Такая же и даже еще более пестрая картина наблюдалась и на Днепре. По именам реестра 1649 г. Ф.П. Шевченко приходит к выводу о тогдашнем присутствии в составе украинского казачества греков, татар, турок, черкесов, молдаван и румын, сербов, болгар, албанца и др.[38]

Не стоит удивляться тому, что в числе казаков встречались и уроженцы Стамбула и босфорских селений. Например, среди разбойных донцов, схваченных на Каспийском море и доставленных в 1650 г. в Москву, трое объявили себя «царегородцами». Упомянем и казачьих жен-турчанок, в том числе и из интересующего нас района. «А жены себе красныя и любимыя, - говорят казаки в азовской "Поэтической" повести, — водим и выбираем от вас же из Царяграда, а с женами детей с вами вместе приживаем»[39]. Часть турецких «ясырей» как бы транзитом сле-

довала через Дон к Москве, где также можно было встретить и бывших стамбульцев, и босфорских жителей. В записках о пребывании в Москве в 1655—1656 гг. Павел Алеппский писал, что видел у москвичей «пленников из восточных земель: из Требизонда, Синопа и их округов, из Еникёя, из татар; всех их захватывают в плен... донские казаки».

Особо следует сказать о вливавшихся в ряды казачества иноземных мореходах, среди которых находились и лица, знавшие Босфор. «Да козаки-то, — говорил в 1602 г. османским представителям польский посол Лаврин Лясечиньский, — и моря не знали, пока ваши же турки-райзы (рейсы, штурманы. — В. К.) не показали себя и не научили их мореплаванию, а потом с ними заодно вас воюют. Сами виноваты, что таких учителей им дали»[40]. Это заявление, конечно, грешило сильным преувеличением — посол отбивался от обвинений Польши в «потворстве» Сечи, но определенное рациональное зерно в словах Л. Пясечиньского присутствовало.

Моряки с торговых и военных судов Османской империи, рейсы, владельцы судов, морские офицеры не раз попадали к казакам. К примеру, в 1646 г. донцы пленили на Азовском море среди прочих «корабельщика Иреиза», посаженного, правда, на окуп. Рейсы, упоминавшиеся послом, по мнению П.А. Кулиша, были «греческими майнотами, пиратами, вообще приморскими греками, потомками Перикла и Эпаминонда, готовыми служить службу за деньги тому, чье могущество они презирали (т.е. речь идет о греках на службе султана. — В.К.)». Заметное число именно греков отмечено в Войске Донском, где они занимали первое место среди «выходцев», представлявших западноевропейские народы.

В 1655 г. перебежал к казакам из Азова грек Николай Юрьев, который затем вместе с донцами «на моря на Азовское под Крым... ходил». Родоначальником одного из донских родов Грековых являлся Савелий, грек с острова Патмоса, захваченный казаками вместе с тремя своими судами и товарами в «Азовском гирле». В XVII в. попал на Дон и затем стал видным казачьим деятелем грек Венедикт Ян, родоначальник одного из донских родов Яновых. По разным версиям, греком, турком или татарином был родоначальник казачьей фамилии Машлыкиных[41]. Не •исключено, что еще в XVII в. могли появиться на Дону основатели некоторых из казачьих родов Грековых (других, помимо упомянутого), Грекосариановых, Греченковых, Греченовских (Гречановских) и Гречиных[42].

3. Отношения с немусульманами

По иронии истории, казаки, атакуя Босфор и Стамбул, были вынуждены действовать не только против турок-мусульман, но и против проживавшего там немусульманского населения, в том числе и своих единоверцев.

В результате переселенческой политики османских султанов, заселявших бывший византийский Константинополь разнородным торгово-ремесленным людом из Малой Азии, со Средиземноморья и Балкан, а затем и в силу естественного притяжения Стамбула как столицы многонациональной империи в городском населении оказались представлены все ее этносы. Преобладали, разумеется, «титульные» мусульмане, главным образом турки (из мусульман-нетурок немалое число насчитывали арабы, преимущественно из Египта и Сирии, и албанцы), но и немусульман было очень много, причем больше, чем в любом другом городе государства.

По официальным турецким данным, в 1638 г. в Стамбуле насчитывалось 9990 мусульманских кварталов и 1005 кварталов «неверных», в том числе 657 еврейских, 304 греческих, 27 армянских и 17 «франкских» (западноевропейских)[43]. Согласно сведениям французского коммерсанта Фабра, в 1689 г. в городе было 2 тыс. турецких хане (единиц податного обложения), 1200 еврейских, 120 армянских и 77 греческих, или около 59 % турецких и свыше 41 % прочих, что, по Р. Мантрану, повторяет пропорцию, характерную и для XVI в.[44] Полагают, что в первой трети XVI в. в Стамбуле жило 58 % мусульманского населения и 42 % немусульманского и что в целом в Средневековье эта пропорция выражалась цифрами около 60 и около 40 %[45]. Ш. Старовольский сообщал, что в 1640-х гг. в городе помимо мечетей насчитывалось около 40 греческих церквей, 4 армянских, 2 католических костела и 38 синагог[46].

Самой значительной немусульманской общиной столицы была греческая, которую составили не потомки греков-византийцев, очень немногочисленные, а переселенцы из Морей, с островов Эгейского моря и из Малой Азии. Затем по численности шли армяне, а после них евреи — потомки византийских евреев, сефарды из Испании и Португалии, ашкенази из Центральной Европы и выходцы из Италии. В Стамбуле, кроме того, жили валахи, сербы, грузины и др., а также «франки» — в большинстве своем итальянцы, французы, голландцы и англичане.

Греческие, армянские и еврейские кварталы возникли вокруг соответствующих церквей и резиденций глав конфессий — греческого и армянского патриархов и главного раввина. С 1601 г. местопребыванием греческого патриарха являлся упоминавшийся квартал Фанар, где и обосновались наиболее зажиточные греки. Основными районами проживания греков были Галата, побережье Золотого Рога и мраморноморское побережье Стамбула, армян — западная часть города, побережье Мраморного моря и Золотого Рога, Галата и Ускюдар, евреев — побережье названного залива и Галата. Греки и армяне составляли господствующее население Перы, армян было много в Ускюдаре. Колония «франков» сложилась в Галате. Иностранные посольства до середины XVII в. размещались в специальном «Посольском Дворе» (Эльчихане), а с этого времени, как говорилось, — в Пере и Галате.

Что касается поселений, располагавшихся в XVII в. на Босфоре и формально не входивших в черту столичного города, то, согласно?. Мантрану, чисто турецкими являлись агломерации, которые размещались вокруг крепостей Румеликавагы, Анадолукавагы, Румелихисары и Анадолухисары, мусульманским было население Бейкоза и Канлыджи, а в остальных поселениях жили по большей части христиане или евреи. По мнению названного историка, основанному, впрочем, как он сам отмечает, на «довольно неточных сведениях», большинство населения берегов Босфора состояло из «неверных» — греков и евреев. В черноморских поселениях Прибосфорского района, особенно европейской его части, также жило много греков47. Некоторые сведения об этом населении уже приводились в главе П.

Греки, как и подавляющее большинство казаков, исповедовали православие и являлись их прямыми единоверцами, армяне были христианами монофизитского толка (принадлежали к армяно-григорианской церкви, отделившейся от византийской в начале VI в.), евреи исповедовали иудаизм. Нас интересуют, конечно, прежде всего отношения между казаками и босфор-ско-стамбульскими христианами, в первую очередь «братьями по вере» — греками и затем уже армянами. По этому вопросу в литературе высказаны прямо противоположные точки зрения, вторых мыв свое время уже касались и на которых остановимся еперь с привлечением нового материала.

Одна из позиций изложена П.А. Кулишом и заключается в следующем. Запорожские казаки, враги государства и порядка, были в основе своей беспринципными грабителями и грабили всех, кого удавалось, «без различия званий, религий и племен», в том числе и своих единоверцев. «Казацкая добыча... носила общее название "турецкого добра"... хотя каждому было извес тно, что значительная часть ее в своем первоначальном виде составляла добро христианское...» «Берега Румелии и Анатолии были населены почти исключительно одними христианами» и «пустели от казацких набегов»: «вожаки запорожских флотилий» постоянно «опустошали славяно-турецкие поселения береговой Румелии и греко-турецкие приморской Анатолии». «Если б у наших пиратов было на уме християнство, то они, овладевая турецкими кораблями, щадили бы хоть греческих купцов...»

«Мы, — заключает П.А. Кулиш, — не только не отрицаем в казаках религиозности, но думаем, что добычники не могли обойтись без веры; только вера у них, называясь христианскою, была в сущности темным язычеством».

Другое мнение об отношении казаков к грекам высказывают С.И. Мышецкий, говоря о запорожцах, и В.Д. Сухорукое, повествуя о донцах. Сечевики, утверждает первый, вообще «людей с судном топили и никакого им пардону не давали, и в плен не брали», но «ежели кто будет на тех судах из християн, таких брали в полон». «В поисках своих, — замечает второй автор, — казаки брали все, что лучше, ценнее и нужнее для них, в особенности они привозили весьма много пленных и освобожденных ими из неволи разных наций и звания людей. Пленных неприятелей умерщвляли только тогда, когда не было возможности поместить их на своих лодьях. Греков щадили во всяком случае».

Рассматривая этот вопрос, надо для начала сказать, что П.А. Кулиш приводит единственный и неудачный пример беспощадности казаков по отношению к грекам при овладении неприятельскими судами. В 1602 г. в руки запорожцев попало купеческое судно, шедшее с товарами из Кафы. Историк, цитируя польского посла Л. Пясечиньского, говорит, что казаки по захвате судна истребили турок, а грекам «явили opus misericordiae (образец милосердия. — В.К.), то есть обобрали донага и даровали жизнь».

Автор, «зашоренный» своей концепцией, при этом не замечает, что запорожцы, как вытекает из его же слов, все-таки отнеслись к грекам по-иному, чем к туркам, и в самом прямом смысле пощадили единоверцев, но, разумеется, в пределах возможного. Кстати, в более ранней работе

П.А. Кулиша приводится цитата Л. Пясечиньского, из которой следует, что турок постиг менее жестокий конец, чем сказано в поздней работе того же историка, а греки получили не только жизнь, но и свободу: «Турки успели бежать, а грекам-христианам казаки показали opus misericordiae: обобрали и дали свободу».

Добавим, что практика ограбления христиан, служивших туркам или каким-то образом содействовавших им, в том числе в сфере морской торговли, была обычной для противников Османской империи и в Средиземноморском бассейне. М. Нечаев, который шел на французском судне с Кипра в Яффу, рассказывая о встрече с мальтийскими христианскими рыцарями, замечал, что они обычно «турков берут в полон, а у христиан все отнявша имение, самих отпускают на волю». Возмущение же П.А. Кулиша относительно казачьих нападений на поселения, в которых жили христиане, носит несколько искусственный характер, словно бы до казаков и при них христиане никогда не воевали с христианами.

Если отрешиться от абстрактно-теоретических рассуждений, то нельзя не видеть, что возможности казаков по части misericordiae были ограничены. Они вели ожесточенную войну в неприятельских водах и на вражеской территории. Местное христианское и единоверное население уже давно было интегрировано в Османское государство и, несомненно, воспринималось казаками хотя как угнетавшееся в массе, но в большинстве же и покорное турецким властям, в значительной степени пособничавшее им и отчасти даже враждебное к врагам султана. Ведь и К. Збараский, вернувшись из Стамбула, в 1624 г. писал: «Христиане, которые естественно должны бы были быть враждебны вере турок, как своих тиранов и захватчиков, забыв Бога и свою веру... мучают и терзают собственных отцов и родичей, когда они попадают в неволю... душой и телом срастаются с их (турок. — В.К.) законами и порядками. И не турки, но христиане и их потомки являются основой и опорой империи и ее господами... Наследники честных семей, попав в неволю или по собственному желанию там очутившись... являются наихудшими и неистовыми [слугами султана]. Как и все другие, и я с изумлением отмечаю это».

Греков-мореходов всегда было много среди командного и нового состава как торгового, так и военного флота Турции, и они играли в нем важную роль. По выражению одного из современников, в плавании по Черному и Средиземному морям никого не было «искуснее греков», которые служили на кораблях «поганцев»-турок и на венецианских судах. Даже в ранний османский флот, создававшийся на европейский лад после завое-юния Константинополя, набирались прежде всего греческие матросы. Приморские селения в дальнейшем обязаны были оставлять моряков на военную службу, причем предпочтение вдавалось опять-таки грекам, и уже во вторую очередь, при острой необходимости, набирали представителей других этносов — евреев, армян и прочих христиан. Почти все мореходные и рыболовные термины турецкого языка имеют греческое происхождение.

После сказанного вряд ли стоит удивляться тому, что в 1638 г. на Босфоре в ходе инсценировки «победоносного» сражения османских кораблей с казачьими чайками, при буксировке «захваченных» неприятельских судов, турецкие моряки пели «Айя мола, тира мола» — «песню греческих матросов, когда они что-нибудь тянут».

Греки, атакже находившиеся на службе султана генуэзцы и венецианцы считались первыми и лучшими судостроителями Турции. Многие османские корабли, действовавшие против казаков, были построены именно греками, как, например, оба галеона из флота, вышедшего в апреле 1640 г. на казаков к Азову и Очакову, что специально подчеркивал польский посол. В XVII в. греческие мастера играли важную роль в работе крупнейшего морского арсенала империи — Касымпаши и других верфей, в изготовлении орудий для флота и армии на «фабрике пушек» Топхане. Среди мастеров-пушкарей последней насчитывалось и немало грузин. Часть греческих и прочих приморских селений освобождалась от всех податей, но взамен была обязана рубить лес и изготовлять различные материалы для нужд судостроения.

Немусульманское население Босфора занималось обслуживанием османского флота — людьми, проводкой и ремонтом судов, снабжением их припасами и специальным изготовлением этих припасов, в частности сухарей (среди пекарей в Стамбуле и районе было много армян), сушеной рыбы, мяса и пр. Значительная часть выращивавшихся на берегах Босфора овощей и фруктов тоже поставлялась флоту. Наконец, из-за разделения водным пространством Стамбула на три агломерации и Босфорского района на европейскую и азиатскую части весьма важную роль в перевалке грузов, перевозке людей и транспортировке войск, в частности во время операций против казаков, играли большие и малые суда, специализировавшиеся на этих работах, а около 15

тыс. стамбульских лодочников-перевозчиков составляли влиятельную корпорацию, в которой доминирующее положение, по всей видимости, занимали греки.

В качестве объектов для получения добычи на Босфоре и в Причерноморье вообще казакам были интересны богатые дома, магазины, лавки, склады товаров и т.п. В связи с этим надо сказать, что вся торговля Стамбула и пролива находилась в руках греков, армян и евреев, которые занимали важнейшее место также в черноморской и международной торговле Османской империи. Грекам принадлежало большинство питейных заведений и таверн столицы. Греки, армяне и евреи имели чрезвычайный вес в банковском деле и преобладали в ростовщичестве. Греки составляли большинство ювелиров Стамбула, в том числе и весьма богатых.

Преобладание греков в «специфическом бизнесе», позволявшем обогащаться и вызывавшем зависть, формировало настороженное и подозрительное отношение к ним самих стамбульцев и других жителей Турции, и не только мусульман. Во многих греках тогда и позже видели «пауков», «пенкоснимателей» или даже «героев большой дороги»[48]. Нередко и на Руси в XVII в. считали, что «греки — токмо именем християне, а благочестия и следу в них несть».

Представители немусульманских народов в Стамбуле, на Босфоре и в Причерноморье не гнушались заниматься работорговлей. Ее крымская часть, главенствовавшая вдоставлении рабов в османскую столицу, сосредоточилась у евреев, армян, турок и греков. Богатые греки и армяне сами держали рабов, большинство которых составляли люди, исповедовавшие христианскую же религию. Характерную историю рассказывает источник об одной украинке Тетяне, которая в 1649 г. была захвачена татарами и уведена в Крым, где ее купил богатый грек из Стамбула. 11 лет она работала на единоверца-хозяина, пока наконец не получила «вольную», но затем еще почти четверть века не могла выбраться из турецкой столицы, таким образом вынужденно прожив на чужбине 35 лет.

«Греки, желая сказать о холопе, рабе, невольнике или морском гребце, — замечал в 1660-х гг. Ю. Крижанич, — называют его по имени нашего народа "склавос», [то есть] славянин: "это мой славянин", то есть "это — мой невольник". Вместо "поработить" говорят "склавонин", то есть "ославянить"».

К сожалению, мы не располагаем цифровыми данными о рабах у христиан-рабовладельцев Стамбула и босфорских селений, но для параллели можно привести свидетельство Павла Алеппского, который в 1650-х гг. писал о греках Синопа, что «в этом месте живет свыше тысячи христианских семейств, и в каждом семействе есть пять-шесть пленных мужчин и женщин, ато и больше». Вряд ли в столице и ее предместьях дело обстояло «хуже», чем в Синопе.

Христиане и иудеи не могли сделать в Турции военную или административную карьеру, поскольку на государственной службе находились только мусульмане. Исключение делалось лишь для богатых греков-фанариотов, часто служивших драгоманами-переводчиками и даже ставших видными дипломатами. Так, убитый донцами посол Ф. Кантакузин, о котором еще будет речь, являлся христианином. Принятие же ислама открывало дорогу служебному продвижению, улучшению имущественного положения и т.п., и многие немусульмане ее выбирали.

Бывшие христиане — потурнаки, как называли их запорожцы, или ахрияны, как именовали их донцы, испытывали ненависть со стороны казаков, которые считали, что они «отпали... окаянные, от... православные християнския веры самоволством — ни прелестью, ни мукою турских людей», «для панства великого, для лакомства нещастного». Вероотступники не могли надеяться на казачье снисхождение: ахриян, попавших в плен, донцы обычно вешали на якоре.

Верхушка Османского государства имела космополитический характер, и в XVI—XVII вв. везиры и прочие сановники в большинстве случаев были по происхождению греками, южными славянами и албанцами. Упоминавшийся выше великий везир Насух-паша родился в семье греческого священника. Султаны Осман II, Мурад IV и Ибрахим I имели матерей-гречанок.

Из вероотступников вышли многие турецкие адмиралы, в том числе воевавшие с казаками. Эрмени Халил-паша по крови принадлежал к армянам. Знаменитые флотоводцы XVI в. Хайраддин Барбаросса и Тургут Рейс были греками, как и известные корсарские адмиралы и капитаны на османской службе XVI— XVII вв. Дели Рейс, Мемми Дели Рейс, Мурад Рейс, Салих Рейс, Хасанико Рейс, Азан Валефат, Али Миникшали Рейс, Бекир Рейс, Ивас Рейс, Мустафа Рейс, выдающийся мореплаватель и картограф Пири Рейс и др. С.М. Тральич приводит весьма внушительный список турецких адмиралов, в частности ВС многих капудан-пашей XVII в., имевших южнославянское происхождение.

Однако «турки по профессии», как называли ренегатов, да леко не составляли большинство своих народов, у которых была иная участь. Об ущемленном, неравноправием и унизительном

положении христиан в империи и Стамбуле хорошо известно. «Наличие в столице... больших групп подвластных народов, — отмечает Ю.А. Петросян, — было утверждено законами империи. Султаны в первые века существования Османской державы как бы демонстрировали на примере столицы возможность сосуществования завоевателей и покоренных. Впрочем, это никогда не заслоняло огромную разницу в их правовом статусе». Немусульмане, считавшиеся «кяфирами» (неверными), принадлежали к «реайе» — податному сословию империи, а именно к той его части, которая называлась «зимми» (иноверцы), платили тяжелую подать «джизье», испытывали многие ограничения и отчуждение со стороны господствовавших турок. Последние, к примеру, почти никогда не селились в Галате и Пере, поскольку те являлись обиталищем кяфиров.

Неудивительно, что в христианских массах Турции постоянно присутствовало недовольство своим положением, витали воспоминания о прошлом и мечты о будущем, которое связывалось с грядущим освобождением от османского ига[49]. Отсюда возникали симпатии к казакам — ярым врагам Турецкого государства и его правившей элиты, постоянно и мужественно воевавшим с османской армией и флотом, крепостями и гарнизонами. Именно под влиянием казачьих набегов среди греков распространились упорные слухи, о которых мы уже говорили и которые утверждали существование турецкого пророчества относительно грядущего освобождения Константинополя и падения мусульманского господства. Греки, констатировал П. Рикоут, очень почитают московского царя, и у них есть пророчество, что «оный имеет быти возобновитель их, церкви и их вольности». В.В. Макушев отмечает, что в XVI—XVII вв. христианские народы империи связывали свои надежды на освобождение с Россией, которая была обязана «таким их доверием... преимущественно козакам».

Это христианское население если и не являлось своеобразной «пятой колонной», то рассматривалось в качестве таковой правящими кругами Стамбула. По определению П.А. Толстого, турки всегда имели христиан «за внутренних врагов», и мы уже указывали, что султан и его двор даже опасались их восстания в столице под влиянием набегов казаков и в соединении с ними. Даже П.А. Кулиш не сомневается, что если бы во время сильного мусульманско-христианского столкновения в Стамбуле туда пришли казаки, то они и столичные христиане оказались бы вместе[50].

Массовая работорговля с ее отвратительными наглядными проявлениями, особенно заметными именно в Стамбуле, вызывала человеческое сочувствие крусским, украинцам и казакам, по крайней мере у части «турецкоподданных» греков. С.М. Соловьев замечает, что константинопольские греки сочувствовали войне русских с татарами, поскольку «к их городу (Стамбулу. — В. К.) ежедневно приставали по три и по четыре корабля, наполненные русскими пленниками; на торговых площадях стояли священники, девицы, монахи, юноши; толпами отвозили их в Египет на продажу; некоторые добровольно отрекались от христианства, другие принуждаемы были к тому насилием».

Известны и конкретные проявления упомянутых симпатий к казакам и иным «русским». Так, по свидетельству архимандрита Иоанникия (Галятовского), ученого XVII в., некоторые греки и армяне, не страшась лютых казней и конфискации имущества, помогали христианским невольникам, бежавшим от своих хозяев и тайно пробиравшимся по турецкой территории на родину. Упоминавшийся ранее С. Корецкий, с именем которого связывается выход казаков в 1621 г. в Мраморное море, во время своего предпоследнего пленения, в 1617 г., с помощью греческих монахов и львовских армян сумел сбежать от турок, добраться до Венеции, а затем вернуться в Польшу. Армяне и греки часто посредничали в выкупе пленных у турок и татар. Например, в 1628 г. армянин Якуб, сын Ивана, выкупил в Стамбуле нескольких пленных украинцев [51].

Христианское население Причерноморья иногда снабжало казачьи суда припасами, о чем нам известно, в частности, в отношении жителей грузинского побережья. Не исключаем мы и подобных случаев, связанных с греками, на что намекает эпизод, который относится к плаванию в 1627 г. по Средиземному морю восставшей галеры: дальше увидим, что освободившиеся невольники, набрав на одном из островов воды, сделают подарок находящимся там греческим монахам, очевидно, за оказанную помощь. Кое-кто из босфорцев мог служить проводниками во время казачьих нападений, а о немусульманах, вступивших в ряды казачества, и говорить не приходится: они вместе с другими казаками воевали не только на Азовском и Черном морях, но и на Босфоре.

Разумеется, отношение различных представителей немусульман Турции к казакам и их набегам было неоднозначным и зависело от социального положения и имущественных интересов, вовлеченности во власть, верноподданнических или противоположных настроений и т.п. Весомую

роль в этом играл и район проживания: действия казаков воспринимались теми же греками по-разному, скажем, в Греции, до которой не доходили казачьи набеги, и на Босфоре, куда казаки являлись реальной и страшной силой, или в центре собственно Стамбула, где можно было не беспокоиться о приходе казаков, и в пригородах столицы, обращенных к проливу и находившихся под непосредственной угрозой казачьего удара.

Казаки во время набегов, по-видимому, вообще стремились без крайней необходимости «простой народ» не трогать и, может быть, как-то минимизировать причинявшийся ему урон, что и способствовало «приставанию» к казачьему «товариществу» представителей зарубежных «низов». Надо полагать, что и приходя на Босфор, казаки не намеревались специально причинять ущерб босфорским ремесленникам, рыбакам, садоводам и крестьянам христианского вероисповедания или даже отчасти испытывали потребность в завоевании их симпатий.

Во всяком случае, в домах рядовых жителей нельзя было найти сколько-нибудь привлекательную добычу, и эти жилища были вполне отличимы. Казаки имели возможность обходить стороной и все немусульманские дома: в поселениях на Босфоре традиционно султанские дворцы сияли белизной, турецкие жилища имели красную окраску, греческие — черную, а армянские — зеленую. Самих немусульман легко было отличить по одежде: согласно законодательству Мехмеда II, они не могли носить тюрбаны и надевали обувь особых цветов: греки — черного, армяне — фиолетового, а евреи — голубого.

Но если даже в более поздние времена щадящее отношение к мирному населению отходило на задний план перед военной необходимостью, то и на Босфоре в XVII в. суровая реальность выстраивала свои закономерности. Нападения сопровождались жертвами среди мирного населения, пожары затрагивали не только богачей, погромы работодателей отзывались на простых работниках, равно как и блокада пролива в конечном счете касалась всех. Многие немусульмане босфорских поселений, даже те, кто негативно относился к османскому режиму, попав между двух огней, начинали испытывать нечто вроде «стокгольмского синдрома» (синдрома заложников), и привычные «плохие» власти и порядки оказывались милее тех беспорядков и ущерба, которые приходили вместе с казаками.

Заметка Павла Алеппского, связанная с казачьим «сидением» в монастыре близ Сезеболы, позволяет думать, что иноки этой обители сочувствовали казакам, однако более ранняя запись монаха того же монастыря Митрофана недоброжелательна к предшествовавшим набегам запорожцев. Он, между прочим, сообщает, что при нападении казаков на Варну в 1606 г. многие из них были убиты «ромеями» (греками). «Возможно, — считает публикатор записи Е.Э. Гранстрем, — что в этом случае под "ромеями" следует понимать гарнизон крепости Варны, — вряд ли местные жители были в состоянии противостоять хорошо вооруженному казачьему отряду». Из-за отсутствия дополнительных сведений остается неясным, кто конкретно были эти ромеи, но случаи, когда представители местного немусульманского населения участвовали в сопротивлении казакам, иногда все же происходили.

Эвлия Челеби, рассказывая с известными преувеличениями об отражении другого, более позднего казачьего набега на ту же Варну, утверждает, что «местные жители предприняли ряд нападений на казаков», а когда те из них, кто не успел уйти, закрылись в складах около пристани, «жители города, райяты и свободные, собрали много щепок, разложили их на крышах и перед воротами складов и зажгли их. Казаки были вынуждены выбраться наружу, их хватали в плен и связывали».

Вместе с тем сопротивляться казачьим налетам населению, действительно, было крайне тяжело, и на Босфоре мы знаем только один такой, уже упомянутый случай: в 1624 г. попытались сопротивляться жители Тарабьи, за что и поплатились. Это селение, напомним, состояло из семи кварталов греков и одного квартала мусульман. Конечно, возможно предположение, что сопротивлялись только мусульмане, но с еще большей вероятностью можно видеть в сопротивлявшихся и греков. Кстати, ранее фигурировавшая греческая запись о первом казачьем набеге на Босфор 1624 г. относится к казакам не слишком доброжелательно и, как мы видели, фальсифицирует результат экспедиции в пользу турок.

Уже говорилось, что стамбульцев буквально сгоняли для зашиты столицы и пролива от казаков, и среди этих невольных защитников обязательно должны были быть и немусульмане. Иногда значительные отряды из немусульманских подданных Османской империи, включенные в состав турецкой армии, принимали участие в боевых действиях с казаками на их терри -тории. Достаточно вспомнить казачий перечень разноэтнич-ных групп османского войска под Азовом в

1641 г.: «А было с пашами под нами всяких воинских собранных людей всяких розных земель и вер царя турского, его земли и розных земель:

I — турки, 2 — крымцы, 3 — греки, 4 — серби, 5 — арапы, 6 — можары, 7 — буданы, 8 — олшаны, 9 — арнауты, 10 — волохи, 11 — мутьяня, 12 — черкасы, 13 — немцы». Греки здесь поставлены на третье место, а большинство последующих групп — так же христиане.

В силу сказанного отношение казаков к грекам и другим христианам Причерноморья и Босфора было гораздо более сложным, чем представлялось П.А. Кулишу, С.И. Мышецкому и В.Д. Сухорукову. Это отношение в реальной ситуации объективно не могло быть всегда одинаковым, раз и навсегда установленным и, несомненно, сильно зависело от конкретных обстоятельств.

В один ряд выстраиваются сообщения источников о грабеже и насилиях, которым подвергались турецкие христиане вместе с турецкими мусульманами.

В 1606 г., говорит Митрофан, запорожцы «дошли до Варны... и сожгли и разграбили... большинство христиан». Мы увидим, что в 1630 г. казаки будут громить греческие селения «блиско Крыму». По Эвлии Челеби, в 1656 г., когда казаки снова приблизились к Варне, «в городе остались только греки, а другие бежали в горы, унося с собой самые ценные вещи», но во время начавшегося разгрома среди этих греков «слышались такие вопли и плач, что кровь стыла в жилах человека». Уже отмечалось, что в 1623 г. казаки, кажется, пленили монахов православного монастыря близ Сизеболы. Согласно Э. Дортелли, в Карасубазаре казаки «разграбили и сожгли множество лавок, убивая всех им попадавшихся; такая участь постигла даже некоего армянского священника». Однажды, говорит П. делла Балле, ссылаясь на информацию армян, «чтобы избежать ярости казаков, которые производили невероятные опустошения на всех реках Черного моря», «все жители Трабзона покинули город и отправились в Эрзирум» (Эрзурум). В Трабзоне, как и в разорявшихся казаками селениях Босфора, проживало много немусульман.

Можно здесь снова упомянуть убийство донцами турецкого посла грека Ф. Кантакузина, который по дороге в Москву в 1637 г. находился на Дону и тайно посылал своих сотрудников-греков, перехваченных казаками, предупредить азовцев о казачьих планах [52]. Турки обвиняли донцов в том, что они, не ограничившись цодним послом, побили и «всех армен и гречан», находившихся при нем, будто бы «для их сребра и злата»; при этом погибли и греки-монахи. Переводчик Ф. Кантакузина ахриян Осанко, казненный казаками, к тому же позволил себе дерзкую насмешку над ними.

Есть, однако, и другой ряд известий, свидетельствующих об особом, щадящем отношении казаков к единоверцам, проживавшим в османских владениях. В 1651 г. в Имеретин стало известно о набеге донцов «к Царюграду», и как раз в этом году имеретинский правитель Александр утверждал, что донские казаки «ходят на Черное море и бусурман воюют, а православным христианам никакого вреда не делают». В ходе разгрома греческих сел 1630 г. казаки отказались брать греков в плен. Э. Дортелли уже после своего сообщения о расправах казаков в Карасубазаре и убийстве армянского священника замечает, что они при захвате неприятельских судов турок убивают, тогда как «христианам предоставляется выкупиться, если только они сами не покупали рабов; в таком случае их убивают беспощадно, как и было в прошлом году (1633. — В.К.) со многими армянами».

В 1656 г. греки перед приходом казаков к Варне не ушли из города и, если верить Эвлии Челеби, просчитались. Что там конкретно произошло, неизвестно, но вообще христиане могли надеяться на пощаду. Мы еще скажем о взятии казаками Трабзона в 1625 г. — местные греки, спасавшиеся тогда в городских церквах и осенявшие себя крестным знамением, «были спасены». Подобным же, щадящим образом вели себя даже гораздо менее дисциплинированные разницы во время их персидской экспедиции. При набеге на Фаррахабад, писал Ж. Шарден, местные христиане (это были армяне), «чтобы спастись от их ярости и избавить от грабежа свои дома... кричали им: "Христос, Христос!", и, чтобы скорее дать знать о своем христианстве, осеняли себя большими крестами с головы до ног». Казаки, слыша и видя это, «щадили их и сохраняли их дома».

Турецкий парламентер на переговорах с донцами утверждал, что они, «неправие убийцы и разбойницы непощадны», взяв в 1637 г. Азов, «не пощадили... в нем никакова мужеска возраста, ни стара ни мала... посекли всех до единова». Но это было вовсе не так: греков и прочих христиан, как и их имуще- ство, казаки не тронули и предоставили им возможность по-прежнему вести торговлю или идти кто куда хочет. Вскоре же греки, нанятые Войском, заделали разбитое взрывом место городовой стены. Известны и некоторые другие случаи «делового сотрудничества» казаков

с греками, вроде того, что произошел и 1628 г., когда на Черном море казаки «два корабля встретили и принудили дать выкуп: все у них забрали и продали грекам в Козлове»[53].

Эти два приведенных ряда сообщений, как и все другие известия, показывают, что прямолинейные суждения об отношениях казаков и немусульман Босфора ошибочны и далеки от того, что происходило в действительности.

Сделаем выводы:

1. Турция оказалась не готовой к отражению казачьих набегов на Босфор. Крепости Анадолухисары и Румелихисары, считавшиеся надежной преградой для любого неприятеля с севера, из-за слабой эффективности их артиллерии и быстроходности чаек и стругов не могли сдержать казаков, оставляя к тому же совершенно беззащитной наибольшую часть пролива, расположенную севернее крепостей.

2. Османское командование пыталось использовать в борьбе с казаками многие другие способы и средства, но они не приносили желаемого успеха. Турецкий флот, стремившийся защитить огромное морское побережье и разбрасывавшийся по акватории моря, терял свои преимущества и в силу нехватки кораблей зачастую не мог эффективно оборонять Босфор и даже саму столицу империи. Османская разведка и служба наблюдения не справлялись со своими обязанностями.

3. Казаки прибегали к внезапным мощным и скоротечным нападениям, используя фактор неожиданности и максимально применяясь к условиям местности и другим реальным обстоятельствам. Успеху казаков способствовали особенности их судов, умелое командование, своеобразное казачье военное искусство и высокие воинские качества участников экспедиций.

4. Разгром казаками босфорских поселений носил жестокий характер, сопровождался уничтожением живой силы и сооружений врага, погромом дворцов, богатых домов и торговых заведений, приносившим ценные трофеи.

5. Казачьи сообщества тщательно готовились к набегам и использовали разнообразную информацию о районе и объектах нападения, которую получали от казаков, находившихся в плену в османской столице, всевозможных «выходцев» и «доброхотов», в том числе от турок и даже бывших жителей Стамбула и мореходов, хорошо знавших регион.

6. Значительную часть населения Стамбула и босфорских селений составляли немусульмане, среди которых первое место занимали единоверные казакам греки. Нападавшие были вынуждены сталкиваться с ними, и в литературе высказаны противоположные мнения об отношении казаков к христианам Османской империи: с одной стороны, казаки грабили всех, в частности и христиан, а с другой — щадили своих единоверцев.

7. Стамбульские и босфорские греки были интегрированы в сманскую систему, являлись лучшими моряками и судостроителями Турции, обслуживали османский флот, играли важнейшую роль в экономике государства. В то же время немусульманское население империи находилось в неравноправном, ущемленном положении в сравнении с мусульманами, что вызывало мечты об освобождении, симпатии к казакам и даже случаи оказания им помощи.

8. Казаки в ходе своих набегов имели возможность отличать богатые дома от бедных, мусульман от немусульман, однако страдали все босфорцы, которые, как и прочие христиане Османского государства, вовлекались в борьбу с казаками. Отношение нападавших к местному немусульманскому населению было неоднозначным, сочетавшим и действия против него, и его пощаду, и зависело от конкретных обстоятельств.

Примечания

' Иногда переводят и как «Восточная, или Азиатская крепость».

[2] Основание Анадолухисары приписывают также Мехмеду I, Мураду II и Мехмеду II.

[3] Многие считают так и в настоящее время. Согласно одному из описаний Босфора XIX в., между Анадолухисары и Румелихисары 402 русских сажени (857,7 м), между Румеликавагы и Анадолукавагы 395 саженей (842,8 м), а самое узкое место между Делитальяном и Юхой — 281 сажень (599,5 м).

[4] Тимариоты — владельцы военных ленов (тимаров), служившие со своими джебели («латниками»), воинами ополчения, которые находились на обеспечении владельцев.

[5] Согласно Джелалу Эссад-бею, там стояла генуэзская крепость,

[6] У И. фон Хаммера ошибочно указано, что крепость построена в 1451 г. за три месяца.

[7] Название переводят также как «Разрезающая пролив», «Закрывающая пролив», «Преграждающая пролив»; эти определения даются и в мужском роде, если имеется в виду замок, а не крепость.

[8] Иногда переводят как «Греческая, или Европейская крепость».

[9] К.М. Кортепетер ошибается, считая, что Енихисары — это Анадолу хисары и что последнюю крепость построил Мурад П.

[10] Вообще все четыре крепости Босфора — Анадолухисары, Румелихи сэры и позднее Анадолукавагы и Румеликавагы — использовались в качестве мест заточения. «Эти укрепления, — отмечал в 1672 г. Ж. Шарден, - служат тюрьмами для военнопленных и для знатных людей, которых хотя! принудить к каким-либо услугам».

" Локоть (зира) в Стамбуле равнялся 68,6см.

[12] Подробнее о Румелихисары см.: 202; 591.

" У М.Я. Попова есть верное замечание: «Казаки очень широко приме няли правило, которое впоследствии сформулировал и практически приме нил в крупных сражениях гениальный полководец А.В. Суворов: "быстрота и внезапность заменяют число"». Ср. с замечанием А.Л. Бертье-Делагарда, которое мы цитируем в главе VIII.

[14] См. для сравнения позднейшие рекомендации русского военного агента в Стамбуле В.П. Филиппова о выборе времени для осуществления десанта у Босфора и в проливе: «На выбор времени года для отправления десанта имеют решительное влияние господствующие северные и севере восточные ветры, производящие по всему южному берегу Черного моря огромный прибой, затрудняющий высадку даже на Верх(нем) Босфоре». Наиболее благоприятными для высадки автор признавал май и июнь. Эти месяцы занимали особое место и в босфорских набегах казаков.

[15] По мнению Н.-Л. Писсо, казаки специально выбирали для высадки такие места, где берег «меньше всего подходит для этого» или считается просто невозможным для десантирования.

[16] «Время, выбранное для этих жестоких атак, — полагает Хенрык Кра синьский, — обычно было на рассвете или изредка под прикрытием самой темной полуночи».

" Впоследствии В.П. Филиппов рекомендовал в случае русской высадки у Босфора, если возникнет необходимость ночных действий, для избежания обычного замешательства собственных сил выбрать полнолуние, при котором легче ориентироваться на местности.

[18] У Н.-Л. Писсо находим указание на оставление обычно двух или трех человек на каждом судне, у некоторых других авторов — двух человек.

" Казачья атака города, подробно описываемая А. Кузьминым и преподносимая им как типичная (с засылкой «шпионов», тайным открыванием доброхотами калитки в крепостной стене и т.п.), может быть, когда-то и имела место в действительности, но явно не случалась постоянно. Во всяком случае, селения Босфора не имели крепостных стен, а Румелихисары, Анадолухисары, Румеликавагы и Анадолукавагы казаки не атаковали, не видя особого смысла в захвате крепостей и не желая терять многих своих товарищей. В этом отношении к набегам на Босфор не подходит и утверждение указанного автора, что «нападение производилось обыкновенно од повременно как на самый город и крепость, так и на суда, стоявшие н гавани», хотя суда в босфорских походах захватывались нередко.

А.Л. Сокульский, говоря о набегах на Босфор 1615 и 1624 гг., замечает, что казаки «обложили и сожгли предместье (предместья? — *В.К.)* Стамбу ла», но если имеется в виду окружение поселений со всех сторон, то его явно не было.

. [20] В качестве примера турецких злодейств приведем рассказ Мустафы иаймы о том, как в 1621 г. османское войско поступило с пленными казака-Ми: «... часть их на цели для стрельбы из луков обратило, а из тех несколько сам султан собственными пронзил стрелами; других разорвало слонами; некоторых на растерзание крюками либо на полурастягивание и на дальнейшее ужасное обрекло мучение; одного из них только, отступника от Исламской веры, на мелкие части разрубили». Сообщая Людовику XIII об этой же расправе, Ф. де Сези писал, что некоторые казаки «были раздавлены слонами, иные разорваны на части четырьмя галерами, и оставшиеся погребены совершенно живыми».

Французы, впрочем, вели себя не гуманнее. Тот же Найма, говоря о нескольких сотнях французских солдат, находившихся на службе у Османа II, замечает: «Эти французы, или франки, не убивали обычным способом. Тех из русских и казаков (т.е. донцов и запорожцев. — *В.К.),* кто попадал в руки мусульман, выдавали этим франкам, которые сначала заживо сажали на вертела, а затем сжигали на костре, поворачивая вокруг до тех пор, ка они не погибали от этого». Может быть, гак проявлялась своеобразная реакция на поражения со стороны казаков (о неудаче французских солдат в устье Дуная в 1607 г. см.: 193)?

. «Самое слово "воевать", — говорит Д.И. Эварницкий, — в недавнем прошлом значило жечь, палить и уничтожать».

[22] Согласно этому же автору, на захваченных судах казаки «грабят все •найденные деньги и товары малого объема, которые не портятся от воды, пушки и все, что, по их мнению, может им пригодиться». В.Д. Сухорукой [^справедливо добавляет к предметам казачьей добычи оружие.

[23] О находках монетных кладов интересующего нас времени на Дону известно мало. В 1940г. в станице Мелеховской найден клад, в котором, кроме русских серебряных монет, находились золотые: венгерский червонец 1570г., турецкий алтун 1574г. и голландский червонец 1597 г,

24 В XIX в. на соборной площади Черкасска, бывшем майдане, располагались «солнечные часы, вырезанные на белом цареградском камне». Н.Ф. Погодин в 1920-х гг. упоминал, что перед собором «клыком белым торчит цареградский камень, остаток солнечных часов». Старожилы XIX в. считали, что это старинное сооружение, почему мы ранее относили его к эпохе казачьего мореплавания. Но в книге-перечне малороссиян Дурнов-ской станицы Черкасска, отправлявших станичные тягости в 1795г., есть запись о том, что «Дорофей Власов июня 1-го был в работе в делании войсковых солнечных часов... пробыл 1 неделю». Если речь идет именно о тех часах, то получается, что они изготовлены в конце XVIII в. Может быть, сам камень привезен в XVII в.?

[25] Ср. с более поздней описью имущества, оставшегося после казни в 1688г. атамана Кирея (Кирилла) Чюрносова, участника и руководителя ряда морских походов.

[26] Ср.: В.А. Брехуненко указывает, что из выявленных им 34 совместных запорожско-донских морских походов первой половины XVII в. 26 закончились успешно, а из 9 сражений с турецкими эскадрами, состоявшихся в ходе этих экспедиций, казаки выиграли 7. Иными словами, согласно приведенным цифрам, победоносно для казаков завершились более трех четвертей походов и сражений. При этом надо еще иметь в виду, что «неуспех» ряда набегов может быть оспорен.

[27] В.Д. Сухорукое считает, что только выйдя в море, донцы решали, «кула предпринять поход — в Крым ли, к румелийским ли или анадолийским берс гам. В войсковом же кругу назначалось просто: итти на море; сим средством пресекали казаки перебежчикам возможность открывать истинное намерс ние свое». Мнение в первой своей части

ошибочно и основано на расспрос ных речах одного из воронежцев, который в 1651 г. говорил, однако, не о решении, принимавшемся в море, а об объявлении этого решения: «... А ни которые места итти им, того неведомо, потому что казаки про поход свой, куды им итти, сказывают, вышед на море, а покаместа на море не выдут, и до тех мест мысли своей, куды им итти, никому не объявляют». Если не считан. «поисковых» походов, то цели экспедиций определялись заранее, еше на бо регу, где ставились также и общие задачи «поисковых» экспедиций.

[28] Приведем оценку польского хрониста XVII в. П. Пясецкого: казаки во время черноморских походов своими «неисчислимыми преимуществами» «угнетают оттоманскую мощь и далеко превосходят любые европейские войска, даже по собственному свидетельству турок, которым нет ничего страшнее имени казаков, хотя другие военные христианские ордена наполняются громкими титулами и знатными фамилиями». По мнению адмирала К. Крюйса, казаки его времени были «паче других народов хитры и остро умны в воинском искустве» и имели в этом отношении «многие чрезвычайные дарования и качества». Позже, при описании Карахарманского сраже ния, мы еще процитируем отзыв Мустафы Наймы о военно-морском искус стве казаков.

[29] См. о казачьей морской культуре: 371.

[30] Мы привели донскую поговорку. У запорожцев в лагере, указывал Ш. Старовольский, была «дисциплина древних римлян», а проступки пре секались по-спартански «или еше строже». Э. Дортелли писал, что в походе казаки «оказывают невероятное послушание» своему предводителю.

[31] Приведем еще мнение новейшего историка о казачьей пехоте. Ю.М. Еф ремов пишет, что она состояла «из стрелков, умевших лопатой и киркой действовать так же хорошо, как и мушкетом... быстро окапываться на от крытой местности, вести огневой бой под прикрытием возового укрепления, использовать естественные препятствия как огневые позиции... В общем это была хорошая нелинейная, иррегулярная легкая пехота, в этом своем качестве заметно превосходившая своих соседей: кварцянную пехоту, польских жолнеров... стрельцов Российской державы и ближе всего по выучке, вооружению и тактическим приемам стоявшая к турецкой пехоте — знаменитому корпусу янычар». Согласимся с этой характеристикой, добавив, что в XVII в. и янычары не однажды уступали казакам.

[32] Жизнь И. Вергуненка, как и большинства самозванцев, закончилась трагически. В конце концов он был выдан волошским господарем Москве и казнен.

[33] Бывали редчайшие случаи возвращения в Польшу невольников, пробывших в турецком плену и по 50 и более лет, но о таких случаях, относящихся к казакам, неизвестно.

[34] Мы не знаем казаков-ренегатов, сделавших в Османской Империи XVI—XVII вв. большую карьеру, в отличие от некоторых бывших русских и украинских пленников вроде наместника Йемена Хасан-паши, евнуха Сулеймана I Джафер-паши, правителя Эрзурума, Сиваса, Боснии и Очакова адмирала Абаза-паши и др.

[35] В «Гамалии» Т.Г. Шевченко рассказывается, как «в Скутари казаки онали, / Стонали бедняги, а слезы лились, / Казацкие слезы тоску разжи-ли»; как Босфор, не привыкший «к казацкому плачу», «задрожал» и «вски-л» и как «море отгрянуло голос Босфора» и «в Днепр этот голос волной Внесло». Героя поэмы того же автора «Слепой (Невольник)» куренного атамана Степана «В кандалы ковали, / В Царьградскую башню заключали, /тяжелой работой отягчали... / Кандалы по три пуда, / Атаманам по четыре». Степан попал в плен во время морского похода, мечтал об освобождении и совершил неудачный побег, за что турки ему «Глаза вырывали, /Горячим железом выжигали».

[36] По крайней мере, известен случай посылки украинского казака Ива-Нечаева на четыре года в Крым для изучения крымско-татарского язы-По возвращении на родину этот человек сообщил интересные сведения о крымских делах.

[37] Многие греки тайно помогали русским посольствам в Стамбуле. Любопытно, что в историческом романе В.А. Бахревского «Свадьбы» известный донской деятель Ф. Порошин по заданию войскового атамана под видом инока вместе с паломниками отправляется в турецкую столицу, где через одного христианского священника должен связаться с нужными людьми в Серале и от них узнать время прихода османских войск к захва-ченному казаками Азову. Для возвращения домой агенту надо обратиться в Чеелении в 30 милях от Стамбула к некоему греку-рыбаку, который отвезет его в определенное место в море, где Ф. Порошина первые три дня каждого месяца будет ожидать казачье судно.

[38] См. также работу З. Любер, основанную на материалах того же реестра: 605.

39 В другой азовской повести сказано, что после взятия Азова «многая казаки турецких жен в крещеную веру приведоша и на них поженились».

40 Ср. перевод П.А. Кулиша: «Ведь и морских разбоев казацких никогда не бывало, пока ваши турки-райзы не пристали к казакам и не научили их воевать, как люди, хорошо знающие море и опытные в мореплавании». Тот же Л. Пясечиньский годом раньше заявлял крымскому хану, что между запорожцами есть турки и татары, не говоря уже о многих людях из разных христианских народов.

[41] См. родословные Грековых, Яновых и Машлыкиных: 147; 146.

[42] То же можно предположить в отношении родов Туркеничевых, Туркиных, Турсковых, Турчаниновых, Турчановых, Турченковых, Турченско-вых и Турчиновых, а также многих семей, фамилии которых «скрывают» этническое происхождение предков.

[43] Р. Мантран ссылается на данные, приведенные Эвлией Челеби. Его английский перевод приводит другие цифры мусульманских и греческих кварталов — 999 и 354.

[44] У этого автора небольшая погрешность в подсчетах: 58,82 и 41,18 % вместо 58,88 и 41,12.

[45] Чрезвычайно большое немусульманское население столицы отмечали все побывавшие в ней, даже, вероятно, с преувеличением в отношении немусульман. Один из таких путешественников в начале XVII в. утверждал, что в городе живет половина турок, а половина — евреев и христиан, в основном греков. «В Цареграде, — писал в начале 1710-х гг. И. Лукьянов, — турок прямых разве четвертая часть, а то все потурнаки, русские да греки».

46 Ю.А. Петросян считает, что в XVII в. в городе сохранилось около 30 греческих церквей. Трансильванец Вейс, описавший Стамбул в конце XVI в., говорил о 494 христианских церквах города. См. карту расположе ния церквей второй половины XVII в. у Р. Мантрана: 607, карта 4.

47 Согласно первой русской лоции Черного моря, прибрежное насело ние от устья Босфора до мыса Эмине составляли преимущественно греки.

48 Используем здесь позднейшие выражения путешественника и бел летриста С.Н. Филиппова. По его словам, греческая община Перы и Галаты была «вся пропитана разбойно-торгашескими наклонностями,

лукавством, низменными инстинктами и развращена до корня». Оценка в целом, ко нечно, несправедлива, но характерно замечание автора: «Все в Константи нополе в один голос говорят так».

49 О положении стран и народов Юго-Восточной Европы под осман ским владычеством и их освободительной борьбе в XVI в.. к началу казачь их походов на Босфор, см.: 472. О том же в XVII в. см.: 473.

50 О турецких опасениях, связанных с ожидавшимся греко-казачьим союзом, мы еще скажем в главе XII.

51 См. там же и другие примеры.

ЧФ. Кантакузин, пословам войсковой отписки московскому царю, «вы ведав... к Озову умышления и думу приступную (планы приступа. — В.К.) и подкопы... велел.,, в город на колодах нощию приплыть, из града... велел азовским людем посылати в Крым и в Томань, и в Керчь для ратных людей на выручку к Озову». Но посольских людей, отправленных с этим тайным поручением, «пронесло мимо града на низ», где они попали в руки казаков. По решению Войска Ф. Кантакузин и его люди были «побиты до смерти».

52 М.С. Грушевский считает, что это была Балаклава, хотя речь идет о Гёзлеве.

Глава VII

«КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ» ПОХОД ЯХЬИ

1. «Царевич» и его замыслы

В конце 1624 г. в Запорожской Сечи появился человек, сыгравший необычную роль в Босфорской войне казачества наступавшего года. Это был «царевич Александр», он же «светлейший ултан Яхья, христианский принц Оттоманского дома», он же граф Александр Черногорский (Alessandro comte di Montenegro)[1] ютечественных источниках и литературе упоминающийся как Александр Ахия, Александр Ахайя, Александр Оттоманус, Иахия, Якия, Ягья и Яхия.

По определению В.В. Макушева, «отважный самозванец», он выдавал себя за одного из представителей турецкого султанского дома Османов. Согласно записке Яхьи, адресованной в октябре 1624 г. митрополиту Киевскому Иову, и рассказам «царевича», тогдашний султан Мурад IV и бывший султан Осман II были его племянниками, султаны Ахмед I и Мустафа I соответственно старшим и младшим братьями, султан Мехмед III — отцом и султан Мурад III — дедом[2]. Своей матерью Яхья называл Ляльпаре, в действительности Елену, тайную христианку и гречанку, которая родилась в Трабзоне и происходила из рода трапезундских императоров Великих Комнинов, в свою очередь являвшихся потомками византийской императорской династии Комнинов (XI—XП вв.).

Когда отец Яхьи Мехмед III в 1595 г. взошел на престол, Елена с ребенком будто бы бежала «с турецких рук», т.е. из Турции, после чего у матери с сыном были многолетние и самые разнообразные приключения в различных странах. Еще в детстве Яхья был крешен митрополитом Солунским Козьмой в христианскую православную веру, получил имя Александр и, как писал Иов, «в православной воспитан вере».

ПА. Кулиш считает Яхью, по-видимому, «змеенышем» Рима и замечает, что «нравственное зачатие» турецкого самозванца «покрыто такою же неизвестностью, как и зачатие высиженного казаками для Москвы» Лжедмитрия. Как бы то ни было, уже и 1610-х гг. Яхья титуловал себя «султаном Яхьей, великим князем Оттоманским». «Такой титул, — сообщает В.В. Макушев, мы находим во множестве его писем, хранящихся в архивах Венеции, Турина и Флоренции, и на его печати с изображением двуглавого орла и под ним лисицы».

Мечтой Яхьи было поднять против турок христианские на роды Османской империи, установить в государстве христиан ское господство, по сути дела восстановить Византийскую дер жаву и завоевать себе константинопольский престол, «закон ным наследником» которого он представлялся. «Царевич» обращался за помощью ко многим монархам Западной и Вое точной Европы, переписывался с испанским и другими враж дебными Стамбулу дворами, посылал в Турцию манифесты, и которых призывал князей и клир православной церкви, «воевод, графов и бояр» восстать против «незаконного» османскою правительства и обещал вскоре появиться в пределах империи с сильной европейской армией.

«В 1615—1616 годах, — по разысканиям В.В. Макушева, — он проживал в Париже на счет герцога Неверского, который так ему доверился, что не только платил его долги (60 000 скудов и

Голландии), но и снабжал его агентов паспортами и рекомендательными письмами. Из Франции Якия перебрался в Италию, сначала в Савойю, потом во Флоренцию, Рим и Венецию; встречая повсюду радушный прием, он не стеснялся забирать в долг большие суммы денег, обещая сторицей уплатить, когда воссядет на султанском престоле».

Будучи впоследствии в Сечи, на Украине и в России, Яхья называл своим шурином великого герцога Тосканского Кози-мо II, который «сговорил» за него сестру. Н. Йорга отмечает, что Яхья женился на принцессе Анне-Катарине из албанского рода Скандербегов и имел от нее детей Маурицио, Алессандро и Елену.

В 1622 г. «царевич» гостил у знатных краковских панов Вольского и Зебжидовского, а летом 1624 г. оказался в Германии, где, как говорит итальянский документ XVII в., впервые встретился с несколькими казаками, которые были полковниками, уволившимися со службы у императора Священной Римской империи германской нации Фердинанда II. Согласно П.А. Кулишу, Яхья очутился в числе ротмистров «казацкого войска лисовчиков». «По старому знакомству своему с днепровскими и донскими казаками, — добавляет историк, — лисовчики давали в своих рядах зарабатывать казацкий хлеб предводителям обеих вольниц и в случае беды или выгоды сами находили готовое место как у запорожцев, так и у донцов».

После знакомства и разговоров с Яхьей казачьи полковники предложили ему поехать с ними на Днепр и встретиться там с казаками, которых на этой реке и на Дону имеется большое число и которые «все без труда последовали бы за ним и, используя Черное море, могли бы совершить выдающееся дело под его покровительством и во вред Великому Турку (султану. — В. К.)». Итальянский документ, излагающий это приглашение, утверждает, что доводы полковников убедили «царевича», который и отправился вместе с ними на Украину.

Яхья был введен к митрополиту Иову и произвел на него большое впечатление рассказом о своей необыкновенной биографии и отличным знанием православных обрядов. Цитированный документ говорит, что «казачий митрополит» «так его (Яхью. — В. К.) оценил и полюбил, что в короткий срок послал к нему все множество казаков как с Борисфена, так и с Танаиса (Дона. — В.К.)... численностью во много и много тысяч». Граф Лука Фаброни в 1646 г. писал первому секретарю тосканского великого герцога Гонди, что именно благодаря авторитету Иова за Яхьей «последовали казаки с Борисфена и Танаиса».

Хотя влияние киевского духовенства и его главы на руководителей казачества в самом деле было велико, но все же не в такой степени, как это представлялось итальянским наблюдателям. Тем не менее, судя по всему, митрополит поверил в высокое происхождение «царевича» и его способности и затем помог «клонить на его сторону Запорожскую Сечь и заинтересовать им Москву.

«После Дмитриева дни вскоре» Яхья из Киева отправился в Сечь, куда прибыл в Филиппов пост, т.е. после 15 ноября 1624 г., и где находился до 20 января 1625 г. Затем «царевич» опять пребывал на Украине и с весны, теперь уже надолго, снова среди сечевиков.

Цель появления Яхьи в Сечи путивльские воеводы справедливо видели в том, чтобы «поднять Запорозское Войска Турской земли воевать и достовать с ними (казаками. — В.К.) турсково государства». Прекрасно осведомленный о славе казачества в Причерноморье и на Балканах, уважении к казакам и надеждах на их помощь со стороны подвластных Стамбулу христианских народов, «царевич» был уверен, что его появление с казаками во владениях Османской империи получит мощную поддержку греков, славян и вообще всех немусульман.

По всей видимости, уверения в будущей великой роли казачества по свержении османского ига, в полной поддержке великого дела христианами Турции и в огромном значении собствен ной личности среди этих христиан лежали в основе агитации Яхьи, развернутой в среде запорожских казаков. Несомненно, здесь пригодились и наличие в массе сечевиков представителей балканских народов — «и волохов, и болгар, и сербских гайду ков, и греческих майлотов», и личные способности «царевича», в том числе его дар убеждения, и, как уверяет итальянский источник XVII в., отличное знание Яхьей «рутенского языка» (lingua Rutena) — «языка казачьего края»[3].

По мнению П.А. Кулиша, Сечь вполне созрела для принятия турецкого самозванца и совместных «ужасных» действий У этого историка было крайне своеобразное представление о казаках как товариществе грабителей-«чужеядников», комплектовавшемся не иначе как «большею частью путем дурного вое питания, пьяного разгула и мотовства, уличных драк и всякого рода преступлений». И, естественно, в этой среде «для каждого предприятия, каково бы оно ни было», хотя бы и «для войны за христианскую веру», «находились подходящие личности, понимавшие

рыцарство и христианство не лучше и не хуже воинственных и христолюбивых демагогов своего железного века» — представителей римского конклава.

По своему составу, «характеру отчуждения... от гражданских интересов христианского общества» и «отсутствию правил чести и долга», свойственных только «корпорациям оседлым», запорожцы, согласно П.А. Кулишу, «были именно таким гнездом, в котором макиавеллевская и иезуитская политика (Ватикана. — В.К.) могла класть свои змеиные яйца. Змееныши, предназначенные отравить жизнь целому народу, высиживались казаками весьма скоро и охранялись весьма усердно». Так-де обстояло дело и с Яхьей.

«Когда это новое порождение темных сил появилось в Малороссии, днепровское казачество находилось в периоде широкого развития своего грабительского промысла». «Оставалось, — по П. А. Кулишу, —только двинуть массу искателей боевого счастья в Задунайскую Славянщину. Закипела бы тогда работа ловли рыбы в мутной воде. Днепровцы под предводительством Ахии были бы за Дунаем представителями Польши, а донцы представителями России». «Появление чубатых рыцарей среди подготовленных латинцами к восстанию славян и греков могло бы не только произвести множество революционных вспышек, но сделаться началом и таких событий, какими ознаменовано смутное время Московского государства. Но появление вместе с «чупрунами-запорожцами» донских бородачей, этих лангобардов приазовской Туреччины, значило бы в Задунайской Славянщине еще более. Они разыграли бы роль московского знамени, выставленного среди раздраженных турецкими грабежами христиан».

Вследствие всего этого П.А. Кулиш теоретически допускал даже крушение Османской империи, но рассматривал его как совершенно катастрофическое событие, в котором «радости... для людей порядка и благоустройства было бы мало», а «победоносная вольница» стала бы, «пожалуй, опаснее» для России, чем «сами мусульмане».

В этой «охранительно-российской» и одновременно «охранительно-турецкой» позиции П.А. Кулиша, естественно, не отводилось места чаяниям и интересам порабощенных османами нетурецких и немусульманских народов, а их освободительное движение выглядело как зло, провоцируемое «зловредным» Ватиканом и подрывавшее устои государства и межгосударственных отношений. Собственно, и казаки выступали у П.А. Кулиша «врагами общества» потому, что противостояли «порядку и благоустройству» тогдашнего феодального государства. При таких представлениях получалась и довольно искаженная картина взаимоотношений казаков с Яхьей.

Дело же, в общем, обстояло одновременно и проще, и сложнее, чем представлял его себе историк. Для «исправления» нарисованной им картины надо просто допустить, что у казачества были и иные интересы, помимо излюбленного П.А. Кулишом грабежа. Что именно могли получить от Яхьи казаки? Лишний раз опустошить турецкие владения вполне можно было и не вступая в связь с «царевичем» — это у казаков неплохо получалось и без самозванца. Хотя среди казачества витали идеи освобождения Царьграда, вряд ли в Войске Запорожском всерьез надеялись на возможность воцарения Яхьи и восстановления с его помощью Византии и едва ли преувеличивали его действительное место и значение в Турции. Но поскольку в Сечи, как и на Дону, охотно принимали самых разных противников Османской империи, почему было не принять и этого, к тому же столь необычного и яркого борца, тем более что он мог послужить и своеобразным знаменем в антиосманской борьбе?

«Царевич» пригодился бы в качестве раздражителя и, может быть, пугала для османских правящих кругов, а все что могло лишний раз напугать хозяев Стамбула, было в казачьих им - тересах, к пользе и выгоде Сечи и Дона. Казачеству требовалась моральная поддержка определенных групп населения Османского государства, и если Яхья не мог ее существенно усилить, то во всяком случае совместные с ним акции должн м были работать в этом направлении. Казаки и до «царевича» реально помогали освободительному движению в империи, и в этой связи представлялась возможность еще раз сделать что-либо в том же плане.

Что же касается «смуты» в Турции, то она действительно была в интересах казачества, но не сама по себе и не для увеличе ния только добычи, а для ослабления империи. В этом смысле все что ослабляло Турцию, усиливало казачество и было ему политически выгодно. Понятно, что даже одно присутствие м Сечи претендента на стамбульский престол открывало перел ней новые возможности для политических движений. Видимо, с таких позиций подходили сечевики к переговорам с явившим ся к ним «царевичем Александром».

В ходе этих переговоров, согласно П.А. Кулишу, запорожцы обещали Яхье выступить вместе с ним зимой, а весной прийти флотилией по Черному морю и Дунаю в Болгарию. Зимний по ход не состоялся из-за угрозы польских властей расправиться с казачеством, однако она не

помешала начаться морскому походу. Итальянский документ XVII в. подает итог переговоров еле -дующим образом: посоветовавшись, казаки решили, что «под ходящее время пойти на Константинополь — это месяц сен тябрь, но чтобы не терять три или четыре месяца, которых ешс надо было ждать, решили сесть в свои чайки и пойти покамест вдоль берегов Черного моря и совершить какое-нибудь другое дело».

Нам предстоит далее говорить о роли Яхьи в морском походе казаков, которая, разумеется, была тесно связана с интересами сторон, упомянутыми переговорами и принятыми на них решениями. Но сначала следует уточнить вопрос о самом участии «царевича» в казачьей экспедиции. Если В. Катуальди нисколько не сомневается в этом участии, а Богдан Барановский полагает его возможным[4], то отечественные авторы, так или иначе касавшиеся похода 1625 г., вовсе не упоминаютЯхью среди участников плавания, а С. Рудницкий считает, что запорожцы уже вышли в море, когда Яхья вернулся в Сечь из поездки на Украину.

«Царевич», попав позже в Россию и будучи допрошен в Мценске царскими следователями Дмитрием Лодыгиным и Григорием Нечаевым, на этом допросе не сказал ни слова об участии в походе, однако затем, находясь в Западной Европе, рассказывал о своем плавании разным лицам, среди которых был глава францисканского ордена в Боснии и Хорватии Р. Левакович, общавшийся с самозванцем в Пьемонте, что и отразилось последствии в сочинении францисканца «Жизнь светлейшего ултана Яхьи, христианского принца Оттоманского дома».

Говоря об участии «царевича» в походе, Р. Левакович ссылался и на рассказ участника той же экспедиции, являвшегося в ней «капитаном одного казачьего отряда», Ивана. Этот казак вскоре по завершении похода попал вместе с сыном в татарский плен, был продан в рабство туркам и далее отпущен ими для сбора выкупа, назначенного за него самого и за сына. Оказавшись в 1634 г. в итальянском городе Мондови, Иван обратился к аббату Альберто Сольдати, главному викарию местного епископа, за разрешением собирать милостыню для выкупа. Р. Леваковича попросили быть переводчиком в этой беседе, в ходе которой казак и рассказал об экспедиции 1625 г. и участии Яхьи, даметил, что «очень хорошо знает особу царевича Александра, и описал его подробно, с указанием роста, кожи и некоторых подробностей, мало кем отмеченных».

По отечественным источникам получается, что Яхья находился у запорожцев с весны по август 1625 г., и как раз на это время приходится интересующий нас поход. Если «царевич» не ходил с казаками в море, то непонятно, что он делал несколько месяцев в полупустой Сечи. На основании изложенного мы полагаем его участие в морской экспедиции 1625 г. вполне реальным.

Согласно В. Катуальди, запорожцы провозгласили Яхью «константинопольским императором», а по сведениям итальянского источника, кричали, что Александр — их король и что они готовы следовать за ним до смерти. Р. Левакович и В. Катуальди подают Яхью как действительного, подлинного предводителя казаков, их настоящего вождя, которого они беспрекословно слушались, и т.п. Реальная же картина, вне сомнения, была совершенно иной. Среди тысяч казаков, закаленных в плаваниях и боях, организованных и сплоченных казацким товари- ществом и имевших своих весьма авторитетных командиром, турецкий самозванец с несколькими прибывшими с ним сорат никами конечно же не мог играть приписываемую ему роль Скорее это была роль фактической марионетки, которой, однако, «из политесу» вполне могли оказывать все наружные при знаки почтения.

На самом деле казачьей флотилией и походным войском руководили собственные начальники. Это проскачьзывает во многих местах и сквозь тексты Р. Леваковича и В. Катуальди. Приведем несколько примеров. Флотилия направилась к Трабзону по решению казаков и приказу, «который по команде султана (Яхьи. — В.К.) отдал казачий генерал». Яхья предоставил «генералу с некоторыми избранными» разделить между казаками трабзонскую добычу. Получив от греческих торговцев сведения об обороне Кафы, «царевич» тут же «перевел... казачьему генералу все, что греки говорили по-гречески». Яхья выступил «со 130 парусами вместе с казачьим генералом» и т.д. Этому не раз упоминаемому «генералу» (гетману), полковникам и есаулам и принадлежало действительное командование.

Не совсем самостоятельную роль Яхьи среди казачества и возможность выдвижения на место «царевича» другой фигуры, пусть и не столь «легитимной», как первая, подчеркивает предложение, которое сделал претендент уже во время экспедиции: в случае моей гибели, «чтобы не осталось незавершенным это дело, если у вас не будет вождя», изберите на мое место македонца Марко Пилато[5], «вашего храброго капитана и моего верного слугу», который «имеет опыт с моими корреспондентами».

Приведя мнение П.А. Кулиша о том, что на морской поход 1625 г. запорожцы возлагали все свои надежды, С. Рудницкий выражает большое сомнение в этом и пишет: «Какой был мотив сего похода, трудно сказать, кажется, не следует ему придавать какого-нибудь большого значения при всех его больших размерах... Было это обычное грабительское нападение, каких было перед тем и потом очень много». Разумеется, ни о каких «всех надеждах», будто бы связывавшихся казаками с данным походом, говорить не приходится, однако и приуменьшать его значение в духе цитированного автора, на наш взгляд, также не сто ит. Это все-таки был необычный поход и, может быть, не только из-за Яхьи (хотя не каждый раз вместе с казаками к берегам Турции ходил претендент на стамбульский престол), но и из-зи очень значительного состава действовавшей флотилии, которая объединила запорожские и донские суда.

На допросе в.Мценске Яхье были заданы вопросы: «... как он в Запорогех был, и он с донскими казаками ссылался ли или у них и на Дону в юртех был, или они к нему в Запороги приезжали, и хто приезжал, и договор с ними у нево какой бывал ли, и на чом договорились?»

Яхья отвечал: «На Дону он не бывал, а кои донские и запорожские казаки ходили морем на турсково (царя. — В.К.) города, запорожских сто шездесят полкок (челнов. — В.К.), а донских шездесят или семдесят чолнов, и как те донские казаки после тово были в Запорогех триста человек, и те донские казаки с ним виделися и говорили ему: будет запорожские казаки с ним пойдут на турсково, и они, донские казаки, пойдут с ним все. А атаман в те поры у них был, Алексеем зовут, молодец добр, а чей словет, тово не помнит. И слово свое ему на том дали, и по рукам с ним били».

П.А. Кулиш считает, что Алексей выражал взгляды всего донского казачества, и пишет, что «таким образом три вольницы, ливонская (лисовчиков? — В.К.), запорожская и донская, готовы были возобновить с Турцией войну». Согласно Р. Леваковичу, дело не ограничилось случайными переговорами — запорожцы специально «послали своих послов к казакам Танаиса, прося, чтобы те весной прибыли со 160 лодками и объединились с ними ради православного принца, который борется за свободу христиан, их братьев, находящихся под турецким игом». В. Катуальди говорит, что этих посланцев было двое. Реакция донцов, как видно из последовавших действий, оказалась положительной.

Около 18 декабря 1624 г., находясь в Сечи, крымский калга Шахин-Гирей заключил с запорожцами соглашение о прекращении военных действий между Крымом и Войском Запорожским и о совместных действиях против Турции. Р. Левакович, преувеличивая роль Яхьи в установлении татарско-запорожского союза, сообщает, что на берегу Днепра состоялась восьмидневная встреча «царевича», «казачьего генерала» и Шахин-Гирея, на которой и быладостигнута договоренность о совместных акциях[6].

Среди прочего договорились, что калга-султан со своим войском «этой зимой появится у самых ворот Константинополя». По Р. Леваковичу, татарская армия в самом деле перешла Днепр и направилась к Аккерману, чтобы там подождать замерзания Дуная, после чего перейти во Фракию. «Была ли это случайность, — пишет францисканец, — или настоящее счастье для турок, или воля благословенного Бога, который отложил надру- гое время намерения султана (Яхьи. — В.К.), но в эту зиму река не замерзла, как обычно в другие годы, и так, прождав тщетно 40 дней, Шенджери (Шахин-Гирей. — В.К.) со своим войском [вернулся] в Татарию. Это был год 1625».

Яхья просил о помощи царя Михаила Федоровича, уверяя, что получит поддержку болгар, сербов, албанцев и греков, но тот, как указывает С.М. Соловьев, отделался соболями, лисицами и бархатами на 1 тыс. рублей. Р. Левакович же утверждает, что запорожцы направили послов к Михаилу, «извещая его о личности султана (Яхьи. — В.К.) и армии, образованной ему на служение», и что эта новость будто бы «обрадовала московита, и он послал казакам порох и свинец и 80 тысяч скуди, призывая их помогать царевичу Александру, послав ему также королевс- кие подарки». В рассказе Ивана мы также встречаем упоминание о денежной помощи, полученной Яхьей от московского царя и, кроме того, от валашского господаря[7].

Подготовка казаков к морскому походу и их «союзничество» с крымцами вызывали чрезвычайную озабоченность в Стамбуле, порождая страшные цифры ожидавшегося казачьего флота. Еще 11 февраля Т. Роу сообщал Э. Конвею о совместных татарско-казачьих действиях против Польши, характеризовал это взаимодействие как «опасный союз собратий во зле» и писал о распространившемся в турецкой столице слухе, согласно которому казаки «готовят для моря 600 лодок и окажутся очень беспокойными». «Армада, которой здесь предписано охранять берега, — добавлял посол, — я думаю, не готова встретиться с ними...»

Османское правительство в ожидании небывалого нашествия приняло решение направить на Черное море большинство своих военно-морских сил. «Большая часть галер великого сеньора, — говорилось в сообщении Ф. де Сези из Стамбула от 23 (13) марта, — будет использована для охраны с тем, чтобы казаки перестали быть хозяевами Черного моря и не являлись в предместья Константинополя, как в прошлом году...» Согласно Р. Леваковичу, Мурад IV в предвидении казачьих вторжений велел изготовить на Дунае 300 фуст для борьбы с казаками, вывести на Черное море 60 галер и построить укрепления у входа в Босфор. В голландском сообщении от 13 марта говорилось о намерении султана в принудительном порядке стянуть в Стамбул население «окрестной провинции» — несомненно, в целях обороны и, видимо, еще до распространения того страха, который и без насильственных мер заставлял жителей Босфора устремляться в столицу.

О мероприятиях турок по отражению ожидавшегося набега пишет И.В, Цинкайзен, допуская, однако, грубую фактическую ошибку. По словам тюрколога, «в столице все, что только было боеспособного, было снабжено оружием — предусмотрительность, которая казалась отнюдь не излишней», поскольку «уже в марте показались казаки, на этот раз силой в 300 парусов, вблизи Босфора, где они вызвали такой ужас, что все население обратилось в бегство и искало безопасности в столице». Далее в подтверждение сказанного цитируется сообщение Т. Роу о том, что казаки, по слухам, имели свыше 300 судов, а самих слухов было так много, что жители Босфора ежедневно бежали в город.

Ш И.В. Цинкайзен указывает, что сообщение относится к 12 марта 1625 г., но в действительности оно датировано 12 марта 1624 г., и следовательно, приведенная ученым информация относится к предшествующему времени. Ссылаясь на И.В. Цинкайзена, ее повторяют С. Рудницкий, М.С. Грушевский и затем М.А. Алекберли [8]. Тем не менее слухи о грядущем в 1625 г. новом приходе казаков в совокупности с еще свежими впечатлениями от набегов 1624 г., конечно, не могли не тревожить жителей босфорских селений.

А.Л. Бертье-Делагард верно замечает, что «сведения о происшествиях этих лет... на Черном море очень сбивчивы»[9]. Сказанное вполне относится к 1625 г., замечательному, по выражению В.М. Пудавова, «усилением наездов казацких». Нам неизвестно число даже крупных морских походов этого года. Польский король утверждал, что со стороны Сечи их было три. «Морская кампания, — по мнению М.С. Грушевского, — наполнила собой весну, лето и начало осени 1625 г. и, очевидно, состояла из трех походов, как это определенно говорит король... хотя в ходячих известиях все это сливается обыкновенно в один поход. Кн. Збаражский, писавший об этой кампании в сентябре 1625 г., тоже разбивает ее на несколько походов».

Новейший автор указывает, что за этот год в источниках упоминаются по крайней мере четыре совместные запорожско-донские экспедиции. Не исключено, что выходов запорожцев и донцов в море в 1625 г. было и больше указанного числа, причем для этой кампании характерны крупные по составу судов и участников экспедиции. Согласно сообщению русских послов в Крыму, уже в марте запорожцы вышли в море двумя флотилиями, состоявшими из 150 и 120 чаек10.

Интересующий нас поход был весьма длительным, многомесячным. По словам Яхьи, запорожцы вышли в море на турецкие города весной, «там измешкали многое время» и вернулись домой только перед осенью. Обрисовать эту экспедицию мы можем только в общих чертах, да и то доверяя значительной части информации Р. Леваковича и В. Катуальди. Будут приведены и детали, но они при нынешнем состоянии источников почти или совсем не проверяемы, если, разумеется, не брать во внимание логику событий.

Казачий «капитан» Иван утверждал, что запорожцы по приезде к ним Яхьи «быстро вооружились» и, готовясь к походу, построили якобы 660 «барок» (лодок), «а казаки с Танаиса 200». Согласно Р. Леваковичу, 10 мая (30 апреля) запорожцы вышли на этих 660 судах из Днепра в Черное море. Итальянский документ XVII в., не называя конкретный состав флотилии, говорит, что казаки выступили «в очень большом числе». «Большое число» участвовавших в походе «казаков с Борисфена и Танаиса» фигурирует и в письме Л. Фаброни 1646 г.

Очень значительный состав флотилии несомненен, но цифра в 660 судов, приблизительно совпадающая с тогдашними ожиданиями турок в отношении готового случиться кошмарного, баснословного нашествия казаков, представляется совершенно нереальной, как и число участников похода, указанное Иваном: он сказал, что в поход отправились будто бы 88 тыс. человек. В письме графа Джакомо Дзаббареллы 1657 г. названо 80 тыс. То же число фигурирует у В. Катуальди даже после трабзонских потерь. Мы пока не будем рассматривать приведенные цифры

и проанализируем их позже, определяя состав казачьей флотилии, участвовавшей в Карахарманском сражении.

По утверждению П.А. Кулиша, относящемуся, очевидно, к рассматриваемому походу, запорожцы «с первою весеннею водой 1625 года пустились... на море», и это были лишь молодые казаки и представители казачьих низов. Думаем, что здесь содержатся две ошибки: во-первых, если запорожцы выходили в море еще в марте, то в апреле была уже не первая вода, а во-вторых, историка, кажется, снова подводит заметное стремление оторвать очень плохие казачьи низы от несколько менее плохих казачьих верхов.

Весьма значительный состав флотилии заставляет крепко усомниться в том, что она действовала без «старших» — опытных, заматерелых в боях сечевиков. Кроме того, Р. Левакович, сказав о встрече «казачьего генерала», Яхьи и Шахин-Гирея, далее не раз отмечает руководящее участие в походе опять-таки казачьего генерала». Полагаем, что в обоих случаях речь идет о запорожском гетмане.

Здесь же попутно отметим, что Ю.П. Тушин совершенно неверно излагает обстоятельства выхода запорожской флотилии. Относительная легкость выхода казаков в море в 1625 г., — пишет этот автор, — объяснялась тем, что вся турецкая эскадра во главе с капудан-пашой стояла у Кафы. В Крыму в это время шла борьба за ханский престол, в которой приняли участие и запорожские казаки. От этих казаков или перебежчиков отправлявшиеся в морской поход запорожцы могли узнать о том, что турецкая эскадра под командованием Реджеб-паши еще весной справилась из Стамбула в Кафу». Нетрудно понять, что Ю.П. Тушин переносит в «наш» год события, которые уже упоминались и происходили в Крыму в 1624 г.

Что касается донцов, участвовавших в рассматриваемых событиях, то на сей раз известно точное число этих казаков. «А нынешнего... лета, — сообщал в октябре в Посольском приказе в Москве атаман донской станицы А. Старой, — ходили на море атаманов и казаков 2030 человек...» В данном случае под «летом» атаман имел в виду не календарный год, начинавшийся ; тогда на Руси и Дону с 1 сентября, а теплое время, потому что выход в море состоялся весной. Хотя В.М. Пудавов указывает, что донская флотилия покинула Монастырский городок «с самым первым проявлением весенних дней», вряд ли это произошло в марте.

Войско Запорожское и Войско Донское договорились о совместных действиях своих флотилий против турок. У В. Катуальди сказано, что запорожская флотилия пошла на соединение с донцами к острову Змеиному, лежащему напротив дунайской дельты, и что донские казаки пришли на 200 судах; Р. Левакович говорит, что соединение произошло «на неких островах».

Затем объединенные силы направились к устью Дуная и вошли в него Китайским рукавом. По Р. Леваковичу, казаки «опустошили Измаил, Килию и Констанцу. В селение Килию... прибыли 11 июня (1 июня старого стиля. — В.К.) и пошли на дунайский остров поднимать сети болгарских рыбаков, чтобы, как они и прежде имели обыкновение делать, захватить рыбу...» Порядок нападений в приведенном тексте, по-видимому, спутан, поскольку на Килийском рукаве, если заходить в него с моря, сначала расположена Килия и уже потом Измаил, а Констанца(у турок Кюстенджа) не имеет прямого отношения к Дунаю и располагается южнее его устья, на черноморском побережье.

Может показаться странным, что казаки, намеревавшиеся способствовать развитию освободительного движения христи -анских народов Турции, в самом начале похода прибегли к антиболгарской акции. Но, очевидно, конкретная необходимость запастись провизией, которая требовалась в немалом количестве для дальнейших действий, оказалась важнее общих соображений.

С упомянутой датой прихода казаков к Килии получается заметная «неувязка», поскольку, как увидим, уже в конце 10-х или начале 20-х чисел мая они действовали у Трабзона. Кроме этого несоответствия, непонятно, чем занималась запорожская флотилия целый месяц с момента выхода в море и до 1 июня: для перехода к острову Змеиному и ожидания донцов это, кажется, слишком долгий срок.

О сожжении казаками Килии в кампанию 1625 г. говорит Е. Збараский в письме Сигизмунду III от 22 (12) сентября того же года. Можно было бы предположить, что действия на Дунае относятся не к «нашему» походу, тем более что по И.В. Цинкай-зену получается, что запорожцы, выйдя из Днепра, пошли сначала к Босфору, а затем повернули восточнее и направились к Трабзону. Хотя С. Рудницкий относит дунайские действия к рассматриваемой экспедиции, М.С. Грушевский полагает, что дело было в конце кампании 1625 г. Однако, если исключить набег на Дунай из «нашего» похода, то между выходом запорожской флотилии в море и действиями у

Трабзона получается временной «зазор» приблизительно в 20 дней, который как будто бы великоват для перехода от Днепра к Трабзону, хотя в конце концов с учетом возможного ожидания донской флотилии может быть приемлем.

Тем не менее наиболее простым выходом из положения было бы признать дату 11(1) июня ошибочной.

2. План в действии

Действия в Румелии, если они имели место, были своеобразной «разминкой». Теперь же начинался поход собственно на Турцию.

Запорожцы и донцы условились о совместном нападении на Трабзон, хотя по вопросу об объекте удара у казаков выявились явные разногласия. Очевидно, многим руководителям экспедиции казалась странной и нелогичной мысль идти не к Стамбулу, а подальше от него, имея с собой претендента на османсккий престол. «Среди казаков, — говорит Р. Левакович, — не было единого мнения в отношении направления похода: некоторые хотели направиться прямо на Константинополь; но султан (Яхья. — В.К.), который знал, что не время двигаться в эту сторону, выдвинул много причин, которые привели к заключению, что это надо отложить на другое время, которое он сам им укажет, и убедил их пока что направиться грабить Трапезунд, где они найдут хорошую добычу, на которую войско сможет сущществовать, а в это же время он пошлет шпионов и сообщит куда он знает. С таким решением все направились к городу Трапезунд по приказу, который по команде султана отдал казачий генерал».

В. Катуальди добавляет, что желание идти на Стамбул выражали «некоторые казацкие полковники», что трабзонская добыча, по мнению Яхьи, была бы достаточна «для содержания войска в течение долгого времени», что «царевич» говорил о посылке им «извещений куда следует, т.е., вероятно, в Болгарию, в Македонию, в Албанию, к воеводам и князьям, его приятелям, а также, быть может, и в Тоскану, с тем чтобы галеры герцога принудили турецкие суда сделать диверсию (неудачный перевод: имелось в виду отвлечь турецкие корабли диверсией флорентийских галер. — В. К.)», и, наконец, что «весь отряд двинулся по направлению к Трапезунду в порядке, указанном Яхиею».

По В. Д. Сухорукову, который совершенно не упоминает действия на Дунае, казаки «пустились в море, разделясь как бы на две эскадры: донские казаки особливо, а запорожцы особо, но согласились пристать к берегам анатолийским и действовать совокупно». Д.И. Эварницкий замечает, что запорожские и донские казаки пошли по направлению к Синопу и Трабзону. Если флотилии двигались от Дуная и Кюстенджи, то, действительно, с учетом черноморских течений удобнее всего было бы идти вдоль берегов Румелии, а затем Малой Азии, мимо Синопа. Но р тогда казаки должны были пройти и Прибосфорский район, о появлении в котором казачьих судов не очень удачно пишет И.В. Цинкайзен.

М.С. Грушевский на основании даты сообщения Ф. де Сези от 5 июня (26 мая), где говорилось о разгроме Трабзона, относит «эти козацкие подвиги» к апрелю или маю нового стиля. Но если бы дело было в апреле, то получался бы слишком долгий срок для прихода соответствующих известий в Стамбул. А если мы признаем в качестве даты выхода запорожской флотилии в море 30 апреля, то апрель должен быть совершенно исключен. Впрочем, у нас есть возможность датировать событие гораздо более точно. НА Мининков, ссылаясь на архивный источник, указывает, что столкновение запорожцев и донцов, случившееся по завершении боевых действий в Трабзоне, произошло 24 мая. Мы знаем, что эти действия продолжались, по большинству указаний, четыре дня, а по сведениям русских послов в Стамбуле — свыше четырех дней (сами указания будут приведены далее). Следовательно, бои за город начались около 19—20 мая.

По каким-то причинам донская флотилия подошла к Трабзону раньше запорожской. В.М. Пудавов думает, что донские казаки, плывя впереди, «прежде и причалили к берегу». С.З. Щелкунов же считает, что не донцы опередили запорожцев, а те почему-то опоздали. Не дожидаясь подхода главных, запорожских сил, донские казаки начали штурм города.

Эту поспешность, имевшую затем весьма неприятные последствия, осведомитель русских послов объяснял «алчностью» донцов и их жаждой богатой добычи. «Взору их, — пишет соглашающийся с этим объяснением В.Д. Сухорукое, — представился город Трапезонт, и алчные к добыче, не дождавшись товарищей своих запорожцев, пристали к берегу, вышли на сушу, стали приступать к городу сему...» Полагаем, однако, что дело было вовсе не в пресловутой алчности и

что в данном случае прав Ю.П. Тушин, считающий, что донцы решили штурмовать Трабзон, «боясь потерять внезапность». По всей вероятности, подход флотилии к городу не остался незамеченным, и, по мнению донцов, любое промедление привело бы лишь к усилению обороноспособности противника. Вполне возможно также, что, начиная атаку, донское командование с минуты на минуту ожидало прибытия сечевиков, которые сходу могли бы вступить в дело и развить успех. Так или иначе, «несостыковка», крайне редкая в совместных походах, произошла, и штурм начался.

О его ходе и результатах есть известия сразу в нескольких источниках:

1. Участник похода «капитан» Иван вспоминал в 1634 г., что казаки «в четыре дня взяли и разрушили Трапезунд».

2. Атаман А. Старой в октябре 1625 г. говорил в Москве, что казаки «были под турсково (султана. — В. К.) городом под Тряпизоном и первой город взяли, а в другом (турки. — В. К.) отсиделись»[12].

3. Сын боярский Неустрой Торарыков с товарищами, посылавшиеся воронежским воеводой Иваном Волынским на Дон за вестями и вернувшиеся 23 августа 1625 г., узнали от донцов, что те «сее весны на море ходили и, сойдяся... на море з запороскими черкасы... взяли... турской городок Трапизон».

4. Ф. де Сези сообщал в Париж из Стамбула 5 июня (26 мая), что Пияле-бей, капитан галеры, посылавшейся султаном в Кафу, чтобы доставить крымскому хану высочайшие пожалования, «вернулся с новостями, что казаки разгромили Трацезунд с двумястами пятьюдесятью местечками[13]; замок так хорошо защищался, что они оставили предприятие».

5. В «Известиях о турецких делах» английского посольства в Стамбуле от 12 июня сказано: «Казаки с 300 фрегатами пересекли Черное море, разграбили и сожгли предместья Трапезунда и все прилегающее побережье...»

6. В вестовом списке русского посла в Крыму Осипа Прончищева 1625 г. говорится: «Черкасы... запорожские и казаки дон-; ские приступали к турсково (султана. — В. К.) городу к Трапизону четыре дни и больши и город взяли; а в малом городе (турки. — В. К.) отсиделись...»

7. У М. Бодье читаем, что «сто пятьдесят лодок казаков, обычного бича для турок на Черном море, напали на город Трапезунд, ограбили его, но не смогли овладеть замком, оказавшим сопротивление...»

8. В итальянском документе XVII в. говорится, что казаки «захватили штурмом, как они это делали обычно, Трапезунд, императорский город, Синоп, Кафу и все их опустошили».

9. Письмо Л. Фаброни от 14 (4) марта 1646 г. утверждает, что Яхья с казаками «взял приступом Трапезунд, Кафу и Синоп... все города ограбил».

10. В письме Д. Дзаббареллы 1657 г. сказано, что Яхья «взял Трапезунд, Хринизунд, Синоп и весь этот край»[14].

11. Наконец, очень подробно рассказывает о взятии Трабзона Р. Левакович, который, однако, вовсе не упоминает о «нестыковке» действий донцов и запорожцев и ее последствиях. «Когда войско высадилось на землю (казаки. — В. К.), — читаем у францисканского автора, — подожгли этот город со всех четырех сторон, крепко штурмовали и сражались три дня, поскольку турки, бывшие в нем, мужественно защищались. На четвертый день все отряды пошли на общий приступ, и поскольку турки не смогли устоять перед шквалом аркебузного огня[15], они покинули стены и артиллерию и отступили в крепость, где раньше был дворец императора. Казаки, взобравшись на стены при помощи лестниц и войдя в город, убили всех, кто им попадался на глаза, и учинили такую резню, что весь город казался озером крови. Греки, которые зашли в городские церкви, осеняли себя крестным знамением и были спасены. Весь город был разграблен, кроме крепости, упомянутой выше, куда отступили самые богатые турки вместе с самыми ценными вещами...»[16]

Таким образом, казаки в течение четырех или, может быть, пяти дней упорных боев взяли город и разгромили его (похоже, что особенно пострадали предместья[17]), как и прилегающую к Трабзону местность, но не смогли взять стойко оборонявшийся городской замок (цитадель). В боевых действиях участвовал и и подоспевшие запорожцы, однако их участие не помогло сломить сопротивление турок, засевших в замке. Из источников видна ошибка В.Д. Сухорукова, который считает, что донцы «по четвередневной упорной битве овладели первыми укреплениями» города и что затем с донцами соединились и запорожцы, «но уже не могли войти в самый город». Эту ошибку повторяет С.З. Щелкунов и усиливает Ю.П. Тушин, утверждающий, что казаки «смогли

овладеть лишь внешними укреплениями»: почему нельзя было, овладев внешними укреплениями, войти в город?

У «трабзонскогорассказа» Р. Левакович имеется продолжение, но оно резко противоречит информации других источников: францисканец утверждает, что и замок Трабзона был взят казаками. По словам этого автора, турки бросили на городских стенах «артиллерию с железными ядрами, но без пороха», и тогда Яхья «приказал, чтобы все войско прошло там, где находится артиллерия , и чтобы каждый отсыпал немного пороху из своей фляги (пороховницы. — Б, К.) в специально установленные бочки. Не прошла и половина войска, как бочки были полны пороха, и было приказано заряжать пушки, чтобы напасть на крепость».

Далее, по Р. Леваковичу, нападавшие «повернули орудия к воротам последней, и час спустя они были разбиты вдребезги[18], и казаки пошли на штурм, то есть ворвались внутрь и убили столько турок, сколько их там было, и нашли огртэмную и богатейшую добычу. Так в течение 4 дней был завоеван и взят императорский город Трапезунд благодаря мужеству моего султана (Яхьи. — В.К.), откуда он происходил по линии матери...» Р. Левакович при этом подчеркивает, что в свое время Тралезунд попал в руки Мехмеда II лишь «после долгой осады и благодаря огромному упорству».

Несмотря на подробности, приведенные францисканцем в отношении штурма и взятия замка, остается полагать, что эта часть рассказа не соответствует действительности. Кажется, на выдумку намекает и сама история с отсыпанием пороха.

При штурме Трабзона казаки понесли значительные потери. Информатор русских послов в Крыму татарин Аталык приводил слова запорожцев о том, что у них «приезжих многих людей побили». То же относилось и к донцам: в вестовом списке О. Прончищева сказано, что «у приступов... и черкас, и казаков лобили многих». Р. Левакович даже приводит «точные» цифры потерь: Яхья-де «установил, что при захвате города погибло, кроме трех генералов, шесть тысяч казаков, не считая смертельно раненных». В. Катуальди с полным основанием сомневается В верности такого огромного числа погибших, — оно, конечно, сильно преувеличено[20].

Однако гибель трех атаманов в казачьем морском походе упоминается в отписке рыльского воеводы Михаила Гагарина в Разрядный приказ, полученной 31 июля 1625 г. Если совпадение этих атаманов с тремя «генералами» не случайно, то в отписке идет речь о потерях в Трабзоне. По сообщению воеводы, 21 июля вернувшиеся из Литовской земли лазутчики Константин Якимов с товарищами передали разговоры запорожцев о том, что «хадили на моря 4 етманы», и их «на мори турсково (султана. — В. К.) люди побили, и убили 3-х етманов да Козаков побили тысечи с три», после чего запорожцы, «собрався, последние люди, пошли на моря 500 челнов, а в челну по 50 человек и больши». Совершенно нереальная численность «последних людей» (25 тыс.) и их судов вызывает сомнения и в верности числа побитых казаков, но все же оно в два раза меньше 6 тыс. Р. Леваковича.

«Султан (Яхья. — В.К.), — говорит далее францисканец, — проявил и действительно имел величайшую скорбь по погибшим и жаловался на судьбу, которая ценой крови его последователей оказала ему такую честь (взятия Трабзона. — В. К.). Заметив это, казаки ему сказали по местному обычаю, что нет войны без мертвых и крови и что это было хорошее предзнаменование — добиться победы, омытой кровью неприятеля».

Многие современники отмечали присущее казакам презрение к смерти. Г. де Боплан, например, свидетельствовал, что запорожцы «мужественны, смелы и часто столь дерзки, что не дорожат своею жизнью», а К. Крюйс писал, что большая часть донцов умирает не от болезней, а «против неприятеля», и что они «храбры и готовы нескучливо претерпевать голод, жажду и всякие случающиеся в войне трудности». Вместе с тем, разумеется, нельзя представлять казаков равнодушными к смерти и собственным потерям. Как раз обстоятельства трабзонского штурма и, в частности, гибель многих его участников вызвали большое недовольство казаков.

По словам упомянутого Аталыка, возвращавшиеся на родину запорожцы были раздражены событиями в Трабзоне, винили в них среди прочих Шахин-Гирея, который, будучи в союзе с Сечью, якобы тайно посылал предупреждение султану, и в результате многих казаков побили потому, что ждали их в Трабзоне «наготове».

Однако в первую очередь запорожцы были недовольны союзниками-донцами, что вылилось по окончании сражения в ссору, а затем и кровавую стычку, произошедшую, как считают, на море. В вестовом списке О. Прончищева говорится, что, «отшедчи дале от города, у черкас с донскими казаки был бой меж себя за то, что казаки... донские поспешили притти под город преже их; и атамана... донсково лутчего убили». Как отмечалось, по Н.А. Мининкову, это произошло 24 мая.

С.З. Щелкунов предполагает, что погиб Исай Мартемьянов — один из замечательных донских деятелей первой четверти XVII в., перед рассматриваемым походом войсковой атаман Войска Донского. Руководитель ряда морских экспедиций, он, по всей вероятности, и в данном случае возглавлял донскую флотилию.

Н.А. Мининков замечает, что гибель этого выдающегося и боевого предводителя явилась тяжелой утратой для донских казаков, но она в конечном счете не повлияла на характер взаимоотношений Войска Донского с Запорожской Сечью, сутью которых оставалось боевое братство. Никаких подробностей об обстоятельствах смерти атамана мы не знаем, и, видимо, нельзя исключать элемент случайности, непреднамеренности и т.п.

Тем не менее несогласованность действий донцов и запорожцев, неудача со взятием трабзонского замка, людские потери и столкновение между казаками, безусловнр, должны были оставить у участников похода неприятный осадок, впечатление незавершенности дела и невыполнения замысла. А ошибочное мнение, что и город не удалось взять, привело В.Д. Сухорукова к утверждению, что казаки в Трабзоне не сделали «ничего важного»[21]. Это вовсе не так: взятие и разгром Трабзона, одного из важнейших центров Турции на Черном море, в целом все же можно рассматривать как успех казачьего оружия.

По уверению Р. Леваковича, Яхья, взяв и опустошив город, пробыл там двенадцать дней», произвел смотр войску, «велел с почестями похоронить погибших и отослал в лодках раненых, чтобы их лечили на Танаисе, удивляясь, что казаки, которые были ранены, мало придавали значения смерти»; наконец, среди войска была разделена «вся добыча, найденная в Трапезунде».

Р. Левакович утверждает, что и далее запорожцы и донцы действовали вместе, однако, по документальным источникам, на Дон отправились не только раненые, но и сама донская флотилия. Сведения русского посольства в Крыму говорят о том, что 25 мая, после запорожско-донской стычки, обе флотилии «розошлись». О том же слышали на Дону и Н. Торарыков с товарищами: по взятии Трабзона «донские атаманы и казаки з запороскими черкасы разошлись, запорозские... черкасы пошли в Запороги, а донские... атаманы и казаки пришли на Дон».

А. Старой рассказывал в Посольском приказе, что когда донцы были на море, «без них приходили азовские люди и пожгли 5 казачьих городков безвестно, что людей в них не было». Казакам это «стало досадно», как и то, что «людей, которые были на (кораблех, побили» и что турки ранее «на Каланче поставили башню и ход у них на море помешали». В отместку донцы напали на Азов и Каланчу:«А нынешнего... лета, как первые атаманы и казаки пришли с моря[22], ходили они к Азову с приступом,а бьшо их у приступа с пол-5000 чел[овек] (около 4,5 тыс. — В. К.), и приступали к городу дважды и башню было наугольную взяли, и на город люди взошли, и в те... поры башня завалилась и им помешала; а атамана их Епиху Радилова ранили, и азовцы их в то время от города отбили. А назавтрее... того дни приступали к башне, что на Каланче, и тое башню взяли и наряд 9 пушек поймали, а людей, которые на той башне сидели, побили, а башню роскопали всю до основания и камень в воду потопили, и иные пушки поймали розбиты, и они тое медь послали по убогим монастырем... 117 пуд... а ныне они ход на море опростали»[23].

По итальянским источникам, умалчивающим разделение флотилий, казаки после Трабзона пересекли Черное море и объявились в Крыму. «Капитан» Иван утверждал, что они «военной хитростью взяли Кафу и разграбили ее».

Подробный рассказ об этом имеется у Р. Леваковича. Согласно ему, Яхья будто бы «тщательно допросил четырех кафинских купцов-греков, обещав им большое вознаграждение, если они ему скажут правду, как можно легче всего ограбить Кафу, и, с другой стороны, пригрозил им самой жестокой смертью, если они его обманут. Узнав от них то, что хотел... взял 100 лодок и, отдав войску приказ следовать за ним, отправился ночью[24], высадился там, где ему сказали греки, и поскольку и они присутствовали, они сказали, где штурмовать город — с той стороны, где слабее всего; он был ранен в правую ногу первым же выстрелом из мушкета, который ударил из города. Возбужденный ранением, он приказал генералу идти вперед, и так без особых трудностей они вошли и взяли город Кафу; казаки учинили избиение и резню как возмездие за ранение султана и опустошили город так же, как и Трапезунд».

По прибытии остального войска Яхья «дал ему освежиться и в присутствии всех одарил богатыми подарками тех греков, которые ему открыли способ, как ограбить Кафу».

Несмотря на сообщение Ивана и обстоятельное повествование Р. Леваковича, а также известия о взятии и разграблении Яхьей этого горойа, которые содержатся в итальянском документе XVII в. и письме Л. Фаброни, возникают большие сомнения в достоверности приведенной информации. Впрочем, Кафа фигурирует и у М. Бодье и Ф. де Сези, но совершенно по-иному.

Согласно первому, крымский хан в разговоре с турецким представителем заявил, что мало ценит дружбу османов, и «результат последовал немного времени спустя», так как казаки ограбили Трабзон и затем «ушли с богатой добычей к татарину в Кафу». В депеше Ф. де Сези королю от 5 июня (26 мая) со ссылкой на капитана галеры, вернувшейся из Кафы, также сообщается о мирном прибытии казаков в этот порт после разгрома Трабзона. «Хорошая встреча, которую им сделал король Татарии (хан. — В.К.) в Кафе, куда они никогда не входили, — замечал посол, — убедили этих людей (турок, посылавшихся в Крым. — В.К.) в том, что татары и казаки едины: обстоятельство, правда о котором откроется в скором времени».

Удивляет дата депеши Ф. де Сези: если казачьи флотилии разошлись 25 мая, то уже на следующий день люди, вернувшиеся в Стамбул из Кафы, рассказали о приходе туда казаков. Получается, что часть казачьих судов ушла из-под Трабзона раньше 25 мая? Похоже, именно на это намекает упоминание Р. Лева-ковичем передового отряда, отправившегося к Кафе, и остального войска, подошедшего туда позже. Не совсем ясно, кроме того, каким образом власти Крыма могли «хорошо» встречать казаков в городе, не принадлежавшем ханству, разве что Стам-ул на время полностью терял контроль над Кафой.

Английские же посольские материалы говорят о заходе казаков вовсе не в Кафу, а в Гёзлев, и это выглядит вполне логичным. Согласно «Известиям о турецких делах» от 12 июня, казаКи после нападения на Трабзон «удалились и вошли в порт Гёзлев, принадлежащий татарам, что увеличивает опасение, что они объединятся». Уже после возвращения из Крыма упоминавшейся галеры в Стамбуле получили сообщение, что «татары и казаки строят некоторые планы относительно Кафы, важнейшего места и порта Эвксина»[25].

До обнаружения новых источников остается полагать, что изложенные события и слухи вокруг них трансформировались с известными искажениями в сообщениях Ивана, Р. Леваковича и других современников о захвате казаками Кафы.

Те же самые сообщения утверждают, что от нее казачья флотилия снова вернулась к анатолийским берегам. По Р. Левако-,- «ичу, она сначала зачем-то заходила в Азовское море («Меотидское болото»), а затем, «огибая Малую Азию», направилась к Синопу, «городу древнему, известному и, как пишут, построен-ному Милезием, на полуострове недалеко от пролива, с обеих v сторон которого находятся весьма замечательные порты, пригодные для какого угодно войска».

Синоп «без особого труда» попал в руки казаков. Как говорит Р. Левакович, Яхья «тут задержался несколько дней, сжег 11 галионов, которые там строятся, и 14 галер, которые также делаются там из-за удобства доставки различных сортов древесины, необходимой для изготовления кораблей». Цифры и типы сожженных судов францисканец взял из рассказа Ивана. О захвате и ограблении Синопа Яхьей сообщают также итальянский документ XVII в., письма Л. Фаброни 1646 г. и Д. Дзаббареллы 1657 г., причем в предпоследнем источнике упомянуто сожжение казаками синопского арсенала, а последний документ относит захват города к 1627 г.

Вместе с тем, как и в случае с Кафой, есть сомнения в реальности взятия Синопа в рассматриваемой экспедиции. По крайней мере, Т. Роу и Ф. де Сези молчат об этом предприятии. Пока известно, что осенью 1625 г. запорожские чайки (утверждают, что их было 300) и 27 донских стругов совершили набег на Трабзон, Самсун и Синоп[26] и что этот поход не имеет отношения к рассматриваемому. Он, однако, мог повлиять на рассказы о приключениях Яхьи. Впрочем, в конце концов нельзя полностью исключить и двукратное нападение казаков на один и тот же пункт в течение одной кампании, так что и здесь для устранения сомнений требуются новые источники.

Далее Р. Левакович пишет: «Находясь в том же порту (в Синопе. — В.К.), 16 августа, вдень, который был очень благоприятным для султана (Яхьи. — В.К.), все войско вышло на берег, чтобы слушать службу в церкви, поскольку это был праздник Преображения, и султан с обычной охраной, которая была бдительна, дал возможность воинам поразвлечься в этот день и повеселиться». Мы наблюдаем здесь резкое несоответствие последующим датам, приводимым тем же францисканцем: 8 августа флотилия выступила из Синопа, а затем 6 августа состоялось морское сражение. Получается сбой сразу целого ряда датировок, причем в одну «обратную» сторону.

В. Катуальди после даты 8 августа ставит знак вопроса, а относительно даты 16 августа делает следующее замечание: «Автор считает... что это описка, поскольку эта дата не вяжется с двумя другими, которые упоминаются немного дальше; он (автор. — В. К.) думает, следовательно, что вместо 16 августа надо читать 16 июля»[27]. Предложенное объяснение, однако, невозможно принять по той простой причине, что православные отмечают день Преображения именно 16 (6) августа, и Р. Левакович, придерживаясь григорианского календаря, датировал этот праздничный

день совершенно верно. Но и дата морского сражения 6 августа (27 июля) в принципе, как это будет показано ниже, вполне может соответствовать реалиям. Таким образом, еще раз складывается впечатление о выдуманности обстоятельств, связанных с захватом Синопа.

Это впечатление еще усиливается, когда Р. Левакович подробнейшим образом начинает рассказывать о том, что якобы последовало дальше. После праздничного обеда некоторые «самые осторожные» казачьи полковники, «будучи навеселе», завели с Яхьей разговор о дальнейшем ходе экспедиции, «потому что приближалось время отправиться на Константинополь». Они заверили «царевича» в своей верности, преданности, любви и желании следовать за ним, но предупредили, что в их многочисленном войске существует «великое различие настроений».

«Мы, — сказали они, — хорошо знаем, что хотя большая часть казаков, которые находятся здесь, имеет желание пролить кровь за православную веру и служа в[ашему] в[ысочеству], все же имеются еще и такие, которые больше думают о своих собственных интересах, чем о служении и усердии к христианской вере. Значит, чтобы не появилось никаких неприятностей и особенно когда будем штурмовать Константинополь, чтобы в то же самое время злонамеренные не стали грабить предместья и, захватив добычу, не убежали, уложив ее в лодки и бросив дело и отряд, пусть в[аше] в[ысочество] велит собрать всех казаков, указав, в который час, а мы их предупредим, и попросит, чтобы сразу как только мы достигнем Босфора Фракийского и сойдем на берег, где вам понравится, они сожгли бы все лодки, чтобы кто-нибудь не подумал покинуть предпринятое дело».

«Султан (Яхья. — В.К.), — по Р. Леваковичу, — очень похвалил за эти предупреждения и приказал полковникам и капитанам лодок[28] собрать все войско в поле, потому что ему надо изложить им много важных вопросов. Они сразу же собрались на Синопском поле, и султан вышел на средину и сказал громким голосом по-рутенски следующие слова». Далее Р. Левакович приводит полный текст речи «царевича». Извинившись перед читателем за длинные цитаты, воспроизведем основные положения этой речи и мы.

«Господа полковники и славное войско, еще свежо в памяти обещание, которое вы мне дали на Запорожье, и живет в вашей груди ваше героическое решение; я уверен, что вы не нарушите обещания, более того, уверен, что вы будете мужественно сражаться и умрете (если потребуется) вместе со мной за веру христианскую православную; также совершенно не сомневаюсь в том, что мы с благословения и помощью божией одержим славно победу. Итак, поскольку подошло время, когда нам надо высадиться на Босфоре Фракийском, чтобы напасть на императорский город Константинополь и храбро драться, будучи смелы духом и непоколебимы намерением, и либо победить, либо умереть.

Раз мы приняли это твердое решение, я как главное орудие этого святого дела, видя впереди некоторые неприятности, которые могли бы возникнуть в войне и легко привести к нашему концу, хочу, чтобы мы по общему согласию избежали этого, чтобы мы, руководя этим очень героическим делом, могли заслужить у всемогущего Бога бессмертную славу, а в мировой истории оставили потомкам вечную память о себе. Будьте же последовательны, о уважаемые поборники своего слова, и еще до того, как я вам объясню, чего я от вас желаю, подтвердите еще раз клятву следовать за мной до самой смерти».

После этих слов все войско будто бы закричало: «Да, да, повелевай нами, о король Александр, приказывай все, что хочешь, чтобы мы сделали, так как мы здесь для того, чтобы слушаться тебя». Яхья поблагодарил казаков и продолжал:

«Я хочу от этого славного войска и от каждого из вас, чтобы, когда наше войско высадится в Топхане (отсюда мы впервые узнаем место предполагавшейся высадки. — В.К.), вы сразу сожгли свои лодки, и это ради того, чтобы всем вместе сражаться и быть твердыми в намерении либо победить, либо отдать свою жизнь и чтобы ни у кого не было причины потерять мужество или покинуть дело и спастись бегством. Но поскольку с общего согласия мы намерены воевать за веру православную и [хотим], чтобы понравилось Богу выполнение наших желаний и использование наших сил против наших врагов, я вас уверяю, что когда турки увидят нашу твердую решимость, нашу сплоченность и упорство [в намерении] либо победить, либо умереть, многие из них побегут как женщины, а многие сочтут за величайшую милость сдаться».

Далее Яхья предложил в случае своей гибели в сражении избрать «вождем» М. Пилато и завершил речь следующим образом: «Потом, еслинашему Господу Богу будет угодно, чтобы мы, как я надеюсь, победили наших противников и взяли город Константинополь, не будет недостатка в лодках для тех, кто за -хочет вернуться на родину. Все же я вас прошу до поры, не только ради завоевания, но также и ради защиты города, держаться меня, пока не объединятся с нами наши

братья болгары, сербы, албанцы и все другие воинственные люди, последователи православной веры, и пока я им не дам возможность вооружиться, чтобы увеличить наше войско, защищающееся от азиатских армий, выступающих против нас[29]. Ибо, если поступить по-другому, без сомнения, будет постыдно и с ущербом утрачено то, что было завоевано нами с такой славой и такой ценой».

«Не успел Яхия закончить речь этими словами, — говорит В. Катуальди, — как 80 000 сабель заблестели на солнце и были потрясены при одном могучем крике: "Бог тебе в помощь; да здравствует царь Александр!"» Так было получено единодушное согласие запорожцев на предложение Яхьи.

Эта речь самозванца и обстоятельства её произнесения вызывают немало подозрений в том, что она имеет литературное происхождение. В пользу этого говорит хотя бы совершенная полнота ее воспроизведения при том, что вряд ли выступление Яхьи на Синопском поле кем-либо синхронно записывалось. Несколько удивляют казачьи полковники «навеселе», начавшие разговор с «царевичем» о судьбе экспедиции, поскольку и в Сечи, и на Дону категорически запрещалось брать в морские походы спиртные напитки и, соответственно, употреблять их во время походов, а полковники как раз должны были следить за выполнением этого правила и подавать пример походной трезвости[30]. Еще больше удивляет, что именно они, а не особо заинтересованный «царевич», предложили сжечь суда. Это предложение пглядит вообще совершенным нонсенсом для казаков, участвовавших в морском походе, и предполагает такое необыкновенное казачье единство в стремлении посадить Яхью на престол, которое на самом деле в источниках не просматривается. Полное единодушие войска в восприятии идеи сжечь суда выглядит весьма странным при существовании отмеченного «великого различия настроений», а также «взрывного характера» многих казаков, который ранее привел к запорожско-донскому столкновению. Странно, что казаки и особенно их руководители, которые обычно тщательно продумывали операцию, определяли места высадки десанта и т.п., теперь соглашались высадиться в любом месте Босфора, которое понравится Яхье. Наконец, возгласы типа «повелевай нами, о король» и обещания слепо повиноваться любым приказам «царевича» не кажутся характерными для вольнолюбивых, самолюбивых, самостоятельных и инициативных казаков.

Пожалуй, едва ли не единственное, во что можно поверить, читая речь Яхьи, так это то, что он обладал красноречием. Сама же речь, если она хотя бы очень приблизительно отражала действительно сказанное, может показывать, каким образом, с помощью каких словесных формул претендент «обрабатывал» казаков в Сечи, склоняя их на свою сторону.

«Восьмого дня того же месяца августа, — читаем у Р. Леваковича, — поднял (Яхья. — В.К.) паруса и направился вместе со всем флотом (из Синопа. — В.К.) по направлению к Босфору Фракийскому...» В. Катуальди, считающий дату 8 августа {29 июля) ошибочной, об отплытии говорит следующим образом: «Спустя несколько дней, т.е. в самом начале августа 1625 года, Яхия со всем своим отрядом поплыл по направлению к Босфору. Великолепный Стамбул не выходил у него из головы, и уже ему снилось, что он вступает на престол своих предков». Исполнению мечты, однако, помешал османский флот.

В. Катуальди полагает, что появление казаков на Босфоре на этот раз «не могло быть неожиданным, так как со всею поспешностью отправленный из Малой Азии в Константинополь гонец нес султану известие о том, что столице грозит большая опасность».

Итальянский автор так описывает настроения в Стамбуле: «Весть о том, быстро распространившаяся в городе, навела на всех неописуемое уныние, "в роде того (пишет современник этих событий, английский консул в Смирне Пол Рикоут), какое охватило бы Лондон при известии, что германцы вошли в реку Гаттам"[31]. Кто мог, бежал в Малую Азию и в другие места. Сам султан был в сильнейшем страхе, ибо народ, озлобленный против визирей за их бездействие, принимал против правителей, по меньшей мере, угрожающее положение.

Взятие Трапезунда и резня, произведенная там над мужчинами и женщинами, над старым и малым, все еще волновала умы; было также известно, что в Азии бунтовщики все больше и больше подымали голову и что янычары уже не были настроены так воинственно, как в первое время их существования, а, напротив, роптали на постоянные войны и на отсутствие безопасности в государстве».

«Страх, — по В. Катуальди, — с каждым мгновением увеличивался в такой степени, что даже некоторые визири из опасения потерять все свое имущество в случае осады города казаками отправили все свои драгоценности, уложенные в сундуки, к представителям иностранныхдержав,

как, напр., к Лустриери[32], тогдашнему интернунцию императора Фердинанда 11-го, в надежде, что в домах этих представителей будет безопаснее».

Возможно, впрочем, что в эту яркую картину стамбульской паники 1625 г. добавлены краски предшествовавшего года, о чем может говорить следующее замечание Р. Леваковича, которое использовал В. Катуальди: «Таков был страх жителей Константинополя в эти дни, что многие, даже сами министры оттоманского двора, относили сундуки с самыми ценными своими вещами в дом синьора Люстриера, резидента императора при турецком дворе, думая, что в его доме они должны были быть в безопасности, как это упомянутый синьор Люстриер неоднократно говорил и может еще сказать, а это было в 1624 или 1625 году, и он еще жив...» Спутать события вообще было немудрено, поскольку панические настроения охватывали тогда османскую столицу практически ежегодно.

Согласно Р. Леваковичу, турки были оповещены о движении казаков к Босфору и в связи с этим построили у входа в пролив две новые крепости, о чем подробнее пойдет речь в следующей главе. У В. Катуальди читаем, что, помимо этого, «с целью загородить казацкому отряду путь... вход в пролив был загорожен бревнами и плотами, связанными между собой цепями. Но и это казалось недостаточным: из Арсенала вытащили ту большую цепь, при помощи которой... византийцы запирали Босфор». Если приведенная информация верна, то мы имеем второй подряд случай применения знаменитой цепи против казаков для защиты пролива и столицы.

Р. Левакович утверждает, что турецкий черноморский флот в составе 70 галер стоял «для охраны этого устья» (Босфора) в порту Мидии»[33]. Речь идет о Мидье, порте, находившемся на румелийском побережье, посередине между Сизеболы и устьем Босфорского пролива. В. Катуальди исправляет 70 галер на 60, приводя состав флота в соответствие с начальным сообщением Р.Леваковича же о выведении в Черное море в 1625 г. 60 галер в предчувствии приготовлений казаков. По Р. Леваковичу и В. Катуальди, флот получил приказ идти из Мидье навстречу флотилии Яхьи.

Английские, французские и турецкие источники по-другому рассказывают о черноморском крейсировании османского флота перед решающей встречей с казачьей флотилией. Командовал им лично первый адмирал империи Реджеб-паша[34], который, по замечанию С. Рудницкого, будучи побит в 1624 г. Шахин-Гиреем, в эту кампанию «сподвигся... на великую энергию».

Как сообщали «Известия о турецких делах», составленные посольством Т. Роу 12 июня, обеспокоенность казачье-крымским союзом и враждебными планами относительно Кафы заставила капудан-пашу стянуть к Стамбулу «все галеры Архипелага, которых было разных типов 60», и отдать им приказ выйти в Черное море «со всеми силами, которые может собрать этот город». Английское посольство, не слишком веря в результативность предстоявших действий, отмечало, что «всякое можно ожидать от его (капудан-паши. — В.К.) плана, и успех этого сомнителен».

М. Бодье исчисляет флот, направленный против казаков, в 55 галер и приводит подробности его выхода в море. Реджеб-паша с 43 галерами уже покинул стамбульский порт, чтобы присоединиться к 12 галерам, которые еще раньше отправились в плавание, но «султан узнал, что двести лодок казаков находятся на Черном море, намереваясь подойти поближе к городу (Стамбулу. — В.К.)... и велел не выходить из Босфора». Капудан-паша, воспользовавшись случаем, построил в проливе новый форт, после чего «вышел на поиски казаков, которые опустошали берега этого моря. Он направил вперед на разведку двенадцать галер, за которыми следовал сам с теми сорока тремя, которые привел...»

Согласно Мустафе Найме, Реджеб-паша был направлен на Черное море с эскадрой, составленной из 43 галер и галиотон. Последние представляли собой тоже галеры, но меньших размеров, с 19—25 парами весел, грот-мачтой и съемной фок-мачтой[35].

О действиях турецкого флота говорилось в сообщении Ф. де Сези, адресованном дела Вий-о-Клеру 13 (3) июля: «В течение прошедших дней казаки взяли несколько турецких лодок, спустившихся по Дунаю для усиления галер вел[икого] сеньора, но их (казаков. — В.К.) радость была недолгой — встретились с пашой моря (капудан-пашой. — В.К.) с 40 галерами, которые их разбили наголову, хотя у них было почти триста лодок». По мнению В.М. Пудавова, добавляющего к известию посла, что на захваченных османских судах казаки «отняли несколько пленных литовцев», здесь действовала та самая запорожская флота лия, что ушла от берегов Анатолии после трабзонского столкно вения с донскими казаками. Этому мнению, однако, противо речит хронология похода, и, надо полагать, у Ф. де Сези говорилось о другой флотилии. Т. Роу и Мустафа Найма поче му-то молчат об этом успехе турок[36].

В английских посольских «Известиях из Константинополя» от 14 июля сообщалось, что «армада», вышедшая в Черное море, остановилась в Варне, где между янычарами с галер и джебеджи («оружейниками») местного гарнизона произошла ссора, перешедшая затем в кровавое столкновение. Джебеджи разрушили качели, которыми забавлялись прибывшие солдаты, стреляли по янычарам из ружей и пушек, убили нескольких человек и т.д. Капудан-паша, пытаясь прекратить столкновение, велел обезглавить «двух виновнейших джебеджи», но лишь озлобил их товарищей и не успокоил янычар, которые покинули галеры. Что будут делать янычары, говорилось в «известиях», неизвестно, «но пока что армада оставлена без охраны солдат, под угрозой со стороны татар или казаков»[37]. Мятеж удалось подавить с определенными трудностями.

О том, что произошло дальше, рассказывают английские известия из Стамбула от 30 июля. Успокаивая мятежных янычар, капудан-паша «отправил Шакшаки-пашу подготовить флот из 180 фрегатов (фыркат. — В.К.) и, вооружив его, послать охра нятьреки вблизи Озю (Днепра. — В. К.), которыми казаки спус каются (в море. — В. К.). Шакшаки, прибыв к Озю и найдя вес-спокойным, в день байрама высадился на берег и во время обедн был неожиданно поражен казаками, и едва унес ноги, потеряв весь свой флот и многих из своих людей. Капитан-паша, получив сообщение об этом поражении, поспешил к Озю...»

Эскадра шла «вдоль западных берегов» — по И. фон Хаммеру, мимо Кильграда, Балчика, Мангалии, Карахирмена, Сулу и Аккермана. Порядок расположения этих пунктов, впрочем, нарушен: Балчик эскадра должна была пройти раньше Гюльграда (Кильграда)[38].

Реджеб-паша около устья Днепра «следов врага» не нашел, но, согласно Мустафе Найме, «там узнал от жителей, что триста казацких чаек вышли на новые грабежи, как гласила молва, к Требизонду и Синоду. Думая высмотреть их при возвращении, в течение полутора месяцев стерег устье помянутой реки...»

Й. фон Хаммер пишет о тех же событиях несколько по-другому. По его информации, в Кильбуруне, против Очакова, Реджеб-паша «услышал, что триста лодок казаков, которые видели вдоль берега, повернули в Трабезуну (Трабзону. — В. К.). Капудан-паша хотел двинуться с флотом вслед за последними, но жители Очакова просили, чтобы он не уходил, и ночью в нескольких милях от берега стали в море». Так стояли в продолжение шести недель «без особых происшествий».

«Надодумать, —замечает, касаясь этого сообщения, АЛ. Бертье-Делагард, — так все и изложено в турецких источниках (которыми пользовался И. фон Хаммер. — В.К.), хотя у Сенковского тоже турецкий источник (имеется в виду Мустафа Найма. — В.К.) излагает дело иначе и гораздо вероятнее; но не могу не удивиться, как могли наши историки во всем этом не заметить совершенно невероятного сплетения небылиц и молча проглотить все это баснословие». А.Л. Бертье-Делагард с иронией пишет, что «турецкий рассказчик», на сообщение которого опирался И. фон Хаммер, «знает... такое, чего, казалось бы, никак не увидишь из Очакова, а именно, куда пошли чайки, — будто к Трапезунту».

По А.Л. Бертье-Делагарду, сомнительно утверждение о том, что «капудан-паша по просьбе жителей, ничем не объяснимой, простоял в бездействии шесть недель; и не только необъяснимо, но уже и просто невозможно, чтобы он все это время простоит в открытом море; в осеннее время (согласно И. фон Хаммеру, дело было осенью. — В.К.) никто этого не сможет сделать. Капудан-паша остался под Очаковом именно потому, что решил ждать возвращения Козаков, так как гоняться за ними было то же, что искать ветра в поле; так именно и рассказывает источник Сенковского»[39].

Согласно английским известиям от 30 июля, Реджеб-паша вознамерился «идти по направлению к Кафе, но в эту ночь казаки спустились (по Днепру в море. — В. К.) со своими лодкам» большим выходом; паша Озю[40] послал к нему, чтобы он быстро возвращался и поспешил к Константинополю... неприятель, воодушевленный своей недавней победой и не ожидая какой-либо другой силы, пошел прямо к Босфору и решил атаковать имперский город или, по крайней мере, как они (казаки. — В. К.) похвалялись, сжечь Арсенал. По этому сообщению капитан-паша пустился в плавание...»

Тоже, в сущности, говорит и Мустафа Найма: после полуторамесячного «стереженья» днепровского устья Реджеб-паша,; «наконец-то, руководимый заботой о том, чтобы смельчаки но ударили снова на цареградскую теснину (Босфор. — В. К.), не имеющую морской охраны, поплыл вдоль берегов к югу, не теряя земли из виду»[41]. Впереди был Карахарман.

Сделаем выводы:

1. В 1624 г. Войско Запорожское вступило в контакт с Яхье и («царевичем Александром»), который выдавал себя за сына султана Мехмеда III и тайной христианки-гречанки Елены, происходившей из рода Великих Комнинов. Воспитанный в православной вере, Яхья мечтал о воссоздании на месте Османской империи христианской державы и завоевании для себя константинопольского престола. Запорожские и донские казаки, привечавшие всех противников Турции, поддержали Яхыо в его борьбе с османами и договорились с ним о совместном походе к Стамбулу после предварительного разгрома ряда мест в Анатолии.

2. В походе 1625 г., очень значительном по составу казачьих морских сил, был взят и разгромлен Трабзон; возможно, пострадали и некоторые другие пункты турецкого побережья. Взятие Трабзона, однако, сопровождалось большими казачьими потерями и запорожско-донским столкновением, после чего донская флотилия вернулась на родину.

3. Запорожская флотилия двинулась вдоль Малой Азии на запад для выполнения главной цели похода. Перед движением к Стамбулу запорожцы, как утверждает непроверенный источник, будто бы приняли решение сразу после босфорской высадки сжечь свои суда, чтобы укрепиться в решимости победить или умереть.

4. На Черное море была направлена крупная османская эскадра, возглавлявшаяся капудан-пашой. Она крейсировала по морю, ища встречи с казачьей флотилией.

Примечания

' Его называют и князем Черногорским.

[2] В письме Иова путивльскому воеводе Алексею Головину от 24 января 1625. г. сказано, что Яхья будто бы являлся «сыном царя турсково Ахмета». В.В. Макушев утверждает, что самозванец выдавал себя за сына Магомета IV, чего Яхья не мог делать: Мехмед IV правил в 1648—1687 гг.

[3] Я.Р. Дашкевич считает, что это украинский язык. Но П. делла Балле укаазывает, что по-рутенски говорят в Московии. Далее мы увидим, что, согласно последнему автору, запорожский посол в Персии в 1618 г. помимо родного языка знал и рутенский.

[4] Он ссылается на В. Катуальди, хотя, очевидно, детально не познакомился с его работой, поскольку относит экспедицию к 1624 г., а появление у Яхьи интереса к возможностям запорожцев для осуществления константинопольского плана датирует 1623 или 1624 г.

[5] В русском переводе части текста В. Катуальди — Марк Пилат.

6 См. замечание «капитана» Ивана о том, что Яхья «завоевал уважение» Шахин-Гирея: 579, с. 462. В. Катуальди приписывает Ивану утверждение, что Яхья «убедил Шахин-Гирея... перейти на его сторону». Рассказ В. Катуальди о встрече и братании Яхьи и крымского царевича см.: 356, с. 801—802.

7 Р. Левакович говорит, что господарь Валахии и Молдавии «воевода Радул» был большим другом Яхьи и во время пребывания последнего в Сечи трижды посылал ему деньги, турецких лошадей и иные дары.

8 М.С. Грушевский усугубляет ошибку И.В. Цинкайзена, утверждая, что в 1625 г. казаки «навели такой страх», что будто бы и «все население столицы искало спасения в бегстве». К. Осипов повторяет М.С. Грушевского относительно бегства столичных жителей и утверждает, что в 1625 г. казаки «трижды навещали Константинополь», а всего за 1624—1625 гг. «столица пять раз подвергалась нашествию Козаков» (кроме трех в 1625 г., два раза в 1624г.). Все эти разы «от лукавого». Ю.П. Тушин на основе сообщения Ф. де Сези говорит, что в Стамбуле стали готовиться к встрече казаков Ьше с марта, хотя, как мы видели, об этой подготовке Т. Роу писал уже в феврале.

9 Далее он добавляет: «и ошибочны», и это добавление уже не совсем верно, так как имеются и данные, в точности которых можно не сомневаться.

[10] А.А. Новосельский полагает, что они отправились оберегать от турок крымские улусы и воевать турецкие владения и что с этими выходами вступил в действие союзный договор Крыма и Сечи.

" По В.М. Пудавову, донская флотилия перед нападением на Трабзон, о чем будет сказано ниже, совершила жестокий набег на Гёзлев и его окрестности. Однако это произошло с другой донской флотилией в осеннем походе 1625 г.

[12] В.А. Брехуненко, ссылаясь, в частности, на расспросные речи А. Старого, пишет, что донцы скрыли от Москвы совместные с запорожцами действия в Малой Азии. Речь идет о сокрытии не всех этих действий, а того обстоятельства, что они осуществлялись вместе с сечевиками.

[13] Bourgs — местечками, городками. А.В. Висковатов перевел «с 250 городами». У М.С. Грушевского «250 городов и местечек». Конечно, это преувеличение.

[14] После непонятного Хринизунда [Chrinisonda] В. Катуальди постани вопросительный знак. Д. Дзаббарелла ошибочно пишет, что события происходили в 1627 г.

[15] Archibuggiate. У В. Катуальди «мушкетный огонь».

[16] Д.И. Эварницкий предполагает, что к рассматриваемому походу от» носятся также показания о взятии Трабзона, данные запорожско-донским деятелем Алексеем Шафраном. А.Л. Бертье-Делагард считает, что А. Шафран участвовал в набеге 1625г., но не в рассматриваемом нами. Однако поход А. Шафрана датируется 1626 г.

" И.В. Цинкайзен говорит, что казаки «сожгли дотла предместья этою города».

'* У В. Катуальди: «была пробита широкая брешь».

[19] Буквально, но с цифровой ошибкой сказано так: «163 года тому назад, то есть в 1441 году». В. Катуальди внес поправку, однако ошибку но устранил: «сто шестьдесят четыре года перед тем (1441 г.)». Трапезунд стал турецким в 1461 г.

[20] Попутно заметим неточность в утверждении Ю.П. Тушина, что казаки, понеся значительные потери, будто бы «вынуждены были отказаться от штурма цитадели». Как мы видели, они ее штурмовали.

[21] В.А. Брехуненко говорит, что приступ к Трабзону окончился неуда чей.

[22] Первые потому, что, согласно сообщению А. Старого, во второй ра.) в море вышли 27 стругов с 1300 казаками на борту.

[23] Ю.П. Тушин пишет, что казаки «овладели одной из Каланчинских башен», но знаменитых впоследствии двух Каланчинских башен тогда еще не существовало: была одна башня.

[24] Ранее у Р. Леваковича сказано: «Оставив разоренным родной город, отплыл в Кафу...»

[25] С. Рудницкий, отталкиваясь от замечания И.В. Цинкайзена об ожидавшемся намерении казаков ударить по Кафе, «догадывается», что поход 1625г. «совершен в согласии с Шагин Гераем (Шахин-Гиреем. — *В.К.),* а может быть, и в его интересах, чтобы занять турецкий флот. Может, это была диверсия к выгоде Шагина, которая и достигла своей цели — в этом году ничего не предпринято с турецкой стороны против Шагин Герая». См. замечание И.В. Цинкайзена: 632, ч. 4, с. 496. Конечно, речь должна идти не о походе казаков только в интересах Крыма, а, возможно, о сочетании интересов. Еще скажем, что у некоторых авторов заметна тенденция к преувеличению влияния Шахин-Гирея на крупные решения Запорожской Сечи. Б. Барановский, например, ошибочно полагает, что и казачья морская экспедиция 1624г., возможно, «была организована предусмотрительным кал-гой, который таким способом хотел обезопасить себя перед турками».

[26] В.А. Брехуненко ошибочно разделяет осенний поход на две экспедиции и одну из них относит к весне.

[27] В русском переводе части текста В. Катуальди уже без оговорок сказано: «16-го июля 1625 года, в день Преображения, казаки сошли на берег для слушания обедни...».

[28] В русском переводе: «полковникам и есаулам».

[29] В русском переводе: «... увеличение ими нашего войска даст нам возможность защититься от турецкой милиции, которая, даже если мы и победим, не преминет придти из Азии на помощь к своим».

30 Пьянство в походах разинцев и прочих — не образец, потому что то были «разбойные», а не войсковые походы.

[31] Гаттам, отсутствующий на картах Южной Англии, и германцы, которые могли угрожать Лондону в XVII в., оставались загадкой, пока Е.К. Блохин не высказал нам предположение, что речь может идти о Чэтэме, а «Г» в русском переводе появилось из-за неверного прочтения английского «Ch», принятого как «Х» («Г»). И действительно, обращение к итальянскому тексту В. Катуальди все расставило на свои места, фигурирующие там Chatham и tedeschi [579, с. 139] переводчик передал как Гаттам и германцы, не обратив внимания на ту же фразу П. Рикоута в английском оригинале, приведенную в примечаниях, где значатся Chatham и Dutch. Гавань (залив) Чэтэм располагается южнее устья Темзы, а в городе Чэтэме с 1588 г. размещался крупнейший морской арсенал королевства. Dutch имеет значение «нидерландцы, голландцы», а также историческое «немецкий (немецкий язык)», и при переводе неудачно выбраны «германцы». В 1667 г. знаменитый голландский адмирал Михиел Андрианзон де Рюйтер вошел в Чэтэм и разрубил несколько его портовых сооружений. Именно это событие имел в виду П. Рикоут, что подтверждается содержанием и временем издания его сочинения, из которого взята рассматриваемая фраза. Оно посвящено истории Турции 1620—1670-х гг. и опубликовано в Лондоне в 1687 г.

[32] У Р. Леваковича — Люстриер (Lustrier).

[33] Midia. В русском переводе текста из В. Катуальди: «мидийский порт».

[34] Н.И. Костомаров почему-то именует его Реджид-пашой, а Д.И. Эварницкий Редшид-пашой.

35 П.А. Кулиш ошибается, говоря, что Реджеб-паша имел в своем распоряжении «43 галеры с мелкими галеонами, или, как их называли казаки, ушкалами». Галеон был парусным кораблем, распространенным в Англии, Испании и Франции и имевшимся также у турок, а ушкол (ушкал, ушкул) — легким одномачтовым парусно-гребным судном, которое турки использовали для охраны торговых караванов и перевозки грузов.

[36] М.С. Грушевский упоминает по рукописи «письмо каймакана Махмет-Джурджи», согласно которому у казаков было 205 запорожских и донских чаек, а под Синопом погибло свыше 1 тыс. казаков. Далее сказано: «Затем встретились (казаки. — *В.К..) с* дунайскими чайками (шайками. — *В.К.),* захватившими семь лодок и старшину, — отослали их к царю». По М.С. Грушевскому, каймакам имел в виду Карахарманское сражение. Но не идет ли здесь речь о том сражении, о котором писал Ф. де Сези? Ю.А. Мыцык, говоря, кажется, об этом же письме, относит упомянутые в нем события к 1626 г.

[37] И. фон Хаммер пишет, что «заволновались в Варне янычары и дже-беджи, которые были посажены на сорок три галеры», но «известия» не К упоминают посадку джебеджи на корабли. Последний же источник говорит о поступлении сведений, согласно которым в столкновении погибло с обеих сторон около 1 тыс. челоцек, что оказалось неверным слухом.

[38] Гюлырад — это турецко-болгарское название мыса Калиакры на северо-восток от Варны. 3. Абрахамович определяет Балчик в 50 км к югу от Варны, тогда как надо было сказать: к северу.

[39] Н.И. Костомаров утверждает, что «начальник турецких морских сил... плавал вдоль европейского берега, поджидая Козаков, в чаянии, что они опять направятся к Босфору». Если бы адмирал ждал их из Днепра, то надо было сторожить устье реки, а не плавать вдоль берегов Румелии, а если казаки ожидались к Босфору со стороны Трабзона, то упомянутое крейси» рование вовсе становится бессмысленным.

[40] Эйялет Озю называли также Очаковским и Силистрийским.

[41] Согласно И.В. Цинкайзену, поскольку казаки после Трабзона намеревались нанести удар по Кафе, Реджеб-паша, после того как увеличил свой флот до 60 парусов, должен был также отправиться туда, однако восстание янычар на кораблях и слухи, что казаки, которых он думал найти в Кафе, приблизились от Очакова, чтобы напасть на Стамбул и поджечь Арсенал, задержали адмирала, и он повернул обратно. УС. Рудницкого, следующего за И.В. Цинкайзеном, говорится: «Он (капудан-паша. — *В.К.)* стянул 60 кораблей к Стамбулу и хотел плыть в Крым, но взбунтовались янычары да пришла весть, что казаки уже стоят под Очаковом и Варною и хотят в его отсутствие напасть на саму столицу. Капудан свернул с дороги...»

У Ю.П. Тушина Реджеб-паша, будто бы находившийся с эскадрой в Кафе, «тщательно следил за действиями казаков. С этой целью он отправился из Кафы с большим количеством кораблей к Очакову, но опоздал. Казаки уже успели выйти в море». В дальнейшем эскадра капудан-паши, по Ю.П. Тушину, «крейсировала между Стамбулом и Варной. Прождав н а прасно здесь чуть ли не полтора месяца, Реджеб-паша направился вдоль побережья Черного моря на север, к Очакову, в надежде перехватить каза ков, которые в это время действовали уже у дунайского устья». Как указывалось, полтора месяца капудан-паша стерег устье Днепра, а не плавал меж ду Стамбулом и Варной. Кроме того, если казаки действовали у Дуная, то зачем Реджеб-паша пошел мимо дунайского устья к Днепровскому лиману (к Очакову)?

Глава VIII

КАРАХАРМАНСКОЕ СРАЖЕНИЕ

1. Датировка, место и участники

Историк А.Л. Бертье-Делагард справедливо отмечает, что Карахарманский морской бой «известен... весьма мало и плохо», а «все писанное доселе об этом бое очень мало точно и неопределенно». После 1902 г., когда было высказано приведенное суждение, не произошло сколько-нибудь заметного продвижения в изучении этого сражения. Между тем еще И.В. Цинкайзен характеризовал его как «одно из замечательнейших морских сражений, которые, пожалуй, когда-либо давались в этих водах».

Яркую, но, как выясняется, неточную характеристику битвы дает А.Л. Бертье-Делагард. «По отчаянному мужеству, безграничной отваге и вероятной гибели большей части участников боя — Козаков, — полагает историк, — он не имеет не только равного, но и сколько:нибудь подобного себе во всей истории русских морских сражений, с нашими днями включительно. Козаки сделали неслыханное усилие, собрали более 15 000 товарищей на 300—350 челнах, такой посуде, на которой современные герои-моряки, пожалуй, не решились бы и Днепр переплыть; а козаки вышли на этих челнах в открытое море и там ударили на целую эскадру военных каторг падишаха, бывшую под начальством самого капудан-паши; отчаянно сражались целый день и, почти вырвав победу у турок, погибли от стихийной силы».

«Подвиги безвестных героев в этом изумительном бою, истинных рыцарей без страха, если и не без упрека, — по мнению АЛ. Бертье-Делагарда, — заслуживают не то что возможно подробного описания, но и увековечения. Второе мне недоступно, а первому я желал бы положить начало... Поэтому да позволено мне будет рассмотреть... известное нам об основательно забытом, но великом бое русских людей на море».

А.Л. Бертье-Делагарду принадлежит единственное более или менее подробное описание Карахарманскогосражения, испра вившее ряд ошибок историков-предшественников, но, ксожалению, содержащее новые ошибки.

Что касается собственно оценки сражения, то она получилась весьма искаженной в силу недостаточного знакомства автора с казачьей морской историей и вытекавшей отсюда чрезвычайной примитивизацией запорожских морских судов и вообще флота Войска Запорожского. Представление о чайках как «челнах, сколоченных на живую нитку», в глазах А.Л. Бертье-Делагарда усиливало героизм казаков, но было крайне далеко от действительности. Автор не использовал некоторые, уже опубликованные тогда источники, в первую очередь документы английского и французского посольств в Турции, и пришел к ошибочному выводу о результате сражения, в частности о вероятной гибели большинства казаков. Это, однако, не может послужить причиной для отрицания того, что Карахарманское сражение в самом деле было «великим боем».

В новейшее время Ю. П. Тушин замечает, что в 1625 г. состоялись «один из крупнейших морских походов казаков и сражение более чем 350 чаек со всем турецким флотом», но не дает более точного определения исторического места данного сражения. Изучение же казачьих черноморских походов показывает, что это была самая крупная морская битва на протяжении всей истории запорожского и вообще казачьего мореплавания, а также крупнейшее морское сражение на Черном море в продолжение XVI—XVII вв. и, можетбыть, еще более значительного времени. А.Л. Бертье-Делагард подверг в общем справедливой критике освещение хода сражения у предшествующих историков. И. фон Хаммер писал о нем «по турецким или идущим через турок источникам», спутанным и малоточным. «Рассказ Гаммера, — отмечает А.Л. Бертье-Делагард, — видимо, писан со слов людей, имевших слабое представление о морском деле, почему и обстоятельства боя изложены в таком невероятном освещении, что и он сам может казаться недостоверным и даже едва ли статочным». Н.И. Костомаров привлек сведения Мустафы Наймы, но в целом «повторил Гаммера, местами произвольно изменив его просто по соображению и значительно пополнив цветами красноречия, а всем этим немало ухудшив». Д.И. Эварниц-кий же, в свою очередь, «повторил Костомарова».

Сам А.Л. Бертье-Делагард, констатировав, что «о великом бое и гибели Козаков в наших источниках ничего не найдено», добавил информацию Э. Дортелли д'Асколи, которую высоко оценил. Согласно А.Л. Бертье-Делагарду, «несколько слов об этом бое д'Асколи, умного человека, хорошо знакомого с морем, бывшего в Крыму в те именно времена и, вероятно, слышавшего, как было дело, от самих участников, значат очень много, тем более что сказанное им имеет вид совершенной точности и достоверности, ибо по существу повторяет вполне турецкие рассказы, но

только с тем оттенком, который выдумку обращает недостоверность; жаль, что он недостаточно подробен». Кроме того, А.Л. Бертье-Делагард разыскал два упоминания о сражении, «хотя в общих чертах», у Эвлии Челеби. В настоящей главе использован гораздо более широкий круг источников, чем у названных историков, а также у других, не упомянутых авторов, так или иначе касавшихся сражения (по ходу изложения будут отмечены их верные и ошибочные суждения).

Прежде всего попытаемся установить, когда произошло Карахарманское сражение.

И. фон Хаммер считает, что столкновение янычар и джебеджи в Варне случилось в праздникжертвоприношения, т.е. в Курбан-байрам, — 13 (3) сентября 1625 г., или 10 зу-л-хиджжа 1034 г. Хиджры. Эта дата оказывается ключевой: после нее флот Реджеб-паши отправился к Очакову, крейсировал и встретился с казаками в рассматриваемом сражении, которое, следовательно, произошло поздней осенью.

Тюрколог, пишет -АЛ. Бертье-Делагард, «дает время (некоторых событий. — В.К.)... даже и в числах месяца, но насколько можно доверять такой мелочной точности, можно судить по следующему примеру... он замечает, что капудан-паша 13-го сентября пошел из Варны к Очакову, заходя по пути во все порты; в Очакове он пробыл шесть недель, потом, идя обратно, вступил вбой с козаками, после которого, значит, никак не ранее начала ноября, возвращаясь в Константинополь, был застигнут бурей... На следующей... странице он же указывает, что эта самая буря была 2-го сентября (12 нов. стиля), а следовательно, предшествовавший ей бой с козаками был не позже конца августа».

А.Л. Бертье-Делагард не ограничивается указанием на противоречие у И. фон Хаммера, но пытается доказать, что казаки не могли находиться в плавании в указанное им время: «В Черном море выработалось искони общее правило, которого держа- лись все и всегда, — быть в море только летнюю часть года; турки, заимствовав у греков, это выражали, говоря: от Хедерлеза (св. Георгия 23-го апреля) до Хасима (св. Димитрия 26-го октября) (имеются в виду день Хызырильяса, отмечавшийся 23 апреля, и день Касыма, приходившийся на 26 октября. — В.К.)... Но и оно касалось только больших судов, а не козачьих челнов». Историк ссылается на Г. де Боплана, согласно которому казаки выходили в море после дня св. Иоанна, т.е. 24 июня (4 июля), и возвращались не позже начала августа нового стиля, или 20-х чисел июля старого стиля, и продолжает: «Такое козачье правило неслучайно и даже не козаками выдумано или кем -либо единолично, оно является последствием глубокого и исконного знания свойств Черного моря — знания, наследованного преемственно от времен греков и римлян, дополненного опытом походов варваров и Руси, переданного козакам прибрежным населением и в особенности самими же турецкими капитанами (рейсами)...»

Процитировав известное изречение генуэзского адмирала Андреа Дориа о том, что лучшими «портами» Средиземного моря являются июнь, июль и Маон (балеарский порт, имеющий великолепную бухту)1, А.Л. Бертье-Делагард замечает, что «козаки этого наречия не слышали, носвое море понимали очень хорошо, твердо зная, что в нем надежны только те же месяцы и что... пускаться в море в иную пору года, а особенно в осенние равноденственные бури, уже не отвага, а простое безумие. Как же после этого возможно поверить турецкому рассказу, по которому козаки будто бы вышли в море только в начале сентября (автор отталкивается от упоминавшейся даты 13 сентября нового стиля. — В.К.) и пробыли там вместо обычного одного месяца почти два самых бурных осенних?»

«Вообще, — по А.Л. Бертье-Делагарду, — все морские козачьи походы были делом высокоотважным, но они не были безумною нелепостью, что доказывается и их частыми, даже чрезвычайными успехами, возможными только при вполне благоприятном состоянии моря и чрезвычайной быстроте и неожиданности походов: в три, четыре дня чайки уже достигали дальнего края Анатолии, разносили, что было возможно, и с такою же быстротою спешили назад, чтобы не дать много времени туркам приготовить им встречу на обратном пути. Натиск и быстрота сказаны Суворовым, но не им выдуманы; они-то и лежали в основе всех козачьих морских походов, давая козакам главное орудие победы — неожиданность нападения».

Многие из этих тезисов историка при их видимой убедительности, увы, далеки от истины и еще раз обличают в нем плохое знание морской истории казаков. Вопреки ошибочному суждению Г. де Боплана о сроках казачьих плаваний, и запорожцы, и донцы весьма часто выходили в море ранней весной и действовали там не только летом, но и осенью, в том числе и глубокой, в зависимости не от каких-либо «догматических» правил и дней, а от погодных условий конкретной кампании. Известны плавания казаков, правда, не слишком дальние, даже и в ноябре — декабре.

А.Л. Бертье-Делагарду было знакомо несколько сообщений пребывании казаков в море в осеннее время, но он отверг все эти известия как недостоверные[2]. И, к сожалению, историк не ведал, что, помимо скоротечных и стремительных, «кинжальных» набегов, было немало и длительных казачьих плаваний, продолжавшихся не один месяц[3].

Тем не менее, невзирая на сказанное, принять даты Й. фон Хаммера действительно невозможно, поскольку они противоречат имеющимся документальным свидетельствам о крейсировании турецкого флота и Карахарманском сражении. Упомянутый тюркологом праздник фигурирует, как мы видели, и в «.английских посольских известиях от 30 июля, согласно кото-.-рым «в день байрама» Шакшаки-паша высадился у Днепра. Сама дата известий свидетельствует, что здесь имелся в виду вовсе не Курбан-байрам, как полагает И. фон Хаммер, а Ураза-байрам, отмечавшийся в том году, по нашему пересчету, 27 июня. В результате вся «осенняя» хронология тюрколога оказывается несостоятельной, что подтверждает, как увидим далее, и возвращение в Стамбул турецкого флота, завершившего кампанию на Черном море, перед 24 сентября.

Для «соглашения противоречий, впредь до нахождения каких-либо новых источников» А.Л. Бертье-Делагард предлагает считать, что Карахарманское сражение произошло не в 1625, а в 1624 г. Доказательства историка сводятся к следующим обстоятельствам.

Во-первых, И. фон Хаммер, датировав сражение 1625 г., далее говорит, что «на следующий год», т.е., получается, в 1626 г., была жестокая чума, Египет прислал только половину дани, назначались общественные молитвы об избавлении от эпидемии и об успехе в осаде Багдада. Но все это, по донесениям Т. Роу и венецианским реляциям, происходило не в 1626-м, а в 1625 г., «и, следовательно, сражение было в 1624 г.».

Во-вторых, согласно Эвлии Челеби, в 1625 г. капудан-пашой был уже Хасан-паша, а не Реджеб-паша, «значит, и по этому показанию сражение было в 1624 году».

В-третьих, Э. Дортелли, «достаточно точный в своих хронологических показаниях», в 1634 г. писал, что сражение состоялось«10-тьлеттому назад», т.е., выходит, в 1624 г. «Конечно, он мог обмолвиться или ошибиться, но видимости все в его пользу, и не только вышеуказанные недоразумения турецких источников, но и самые козачьи дела на Украине в особенности».

В-четвертых, «1625 год был вовсе не таков, чтобы там (на Украине. — В. К.) в то время нашлось около 15 000 лучших, храбрейших, свободных Козаков, готовых и могших идти позднею осенью искать добычи и славы в отважном заморском походе. С июля 1625 года тридцатитысячное польское войско тронулось на Украину для усмирения и наказания Козаков. Частью в переговорах, а частью в мелких стычках прошло все лето; сам гетман козачий Жмайло был все время в Запорогах, а в октябре стоял перед польскими войсками с самыми видными козачьими полковниками (Дорошенко, Олифер), когда козаки были разбиты у Курюкова озера. Едва ли в такой год впору было думать о морских походах, из-за которых по преимуществу шла польская гроза...»

«Вероятность такого соображения, — пишет А.Л. Бертье-Делагард, — подтверждается документально, как мне кажется: посланный киевским митрополитом луцкий епископ говорил в Москве в начале февраля 1625 года, что весною запорожцы собираются идти морем на турок, а воевода из Путивля доносил, что на Запорожье собралось было до 30 000 Козаков около какого-то темного проходимца, будто бы турецкого царька Александра Ахии (Ягья, будто бы брат падишаха Ахмета), но, узнав, что гетман Конецпольский с польским войском идет к Киеву, разошлось, чтобы собираться по городам для сопротивления полякам, а 1 -го сентября оттуда уехал и Ахия, объявившийся потом через Киев в том же Путивле. Кажется, отсюда ясно, что в 1625 году никакого козачьего похода в море с Д неп -ра не предпринималось именно вследствие нашествия поляков на Украину».

Наконец, в-пятых: «За такое объяснение, а не против него говорит и рассказ козачьего полковника Алексея Шафрана, который ходил с донскими и запорожскими козаками, будучи их старшиной, к Трапезунту в этом самом 1625 году. Г. Эварниц-кий видит в его словах как бы указание на тот же поход, который закончился нашим боем; но поход Шафрана, без сомнения, был совсем иной, маленький, вышедший вовсе не с Днепра, как наш, а с Дона... и, конечно, это не была та армада, о которой мы говорим, иначе тот же Шафран не преминул бы на то указать, на ее поражение в особенности, да и никак не мог бы Шафран, если он спасся после боя, успеть до конца того же года проделать все свои похождения от устьев Дуная на Дон, к Киеву и, наконец... к Москве... если бы он участвовал в самом конце октября или начале ноября в нашем бое...»

Посчитав, таким образом, что поход и сражение состоялись в 1624 г., А.Л. Бертье-Делагард попытался «встроить» их в события указанного года, связав с первым и вторым набегами на

Босфор, с походом капудан-паши для смены крымского хана и т.д. Это фантастическое построение мы рассматривать не будем[4]. Что же касается «доказательств» в пользу 1624 г., казавшихся А.Л. Бертье-Делагарду весомыми, то на самом деле они ничего не доказывают.

Ю.П. Тушин уже раскритиковал одно из этих «доказательств», относящееся к обстановке на Украине в 1625 г., заместив, что «вступление на ее территорию коронного войска во главе со Станиславом Конецпольским относится лишь к сентябрю», тогда как Карахарманское сражение произошло гораздо раньше, и что это «выступление Конецпольского с коронным войском и посполитым рушением украинских воевод как раз и было обусловлено тем, что большая часть казаков находилась в море».

Обратим внимание на следующее обстоятельство: кажется, доказав, что сражение не могло быть осенью, А.Л. Бертье-Делагард далее ломится в открытую дверь, рассказывая о тяжелой обстановке на Украине в конце лета и осенью 1625 г., об отъезде Яхъи из Сечи 1 сентября и о том, что А. Шафран не мог участвовать в сражении в конце октября или начале ноября.

Касаясь других «доказательств», скажем, что И. фон Хаммер ошибся с датировкой чумной эпидемии, что Эвлия Челеби, судя по иным сообщениям, ошибся с капудан-пашой 1625 г., что Э. Дортелли отсчитывал от 1634 г. 10 лет не с буквальной точностью и что набег А. Шафрана, как сказано выше, не имеет отношения к рассматриваемому времени и датируется 1626 г.

Забавно видеть, как автор, считающий, что все казачьи экспедиции были стремительными налетами, и обнаруживший у И. фон Хаммера с его хронологией двухмесячный период удивительного бездействия казаков, ничего не разграбивших и неизвестно чем питавшихся, при перенесении событий из 1625 в1624 г. и у себя самого замечает хронологическую лакуну и «при - чет» огромную казачью флотилию на довольно продолжительный срок в плавни Дуная.

Казаки-де, «возвращаясь из пролива Царьградского (в 1624 г. — В.К.)со славой и большой добычей... конечно, уже знали, что турецкий флот стережет их у Очакова, а потому и зашли на время скрыться в дунайских плавнях и камышах — [в] места, столь им знакомые и любезные. Отсюда они следили за флотом, здесьже, вероятно, были усилены отдельными партиями, в особенности тех Козаков, которые были в Крыму (в борьбе на стороне хана, которого пытался сместить капудан-паша. — В.К.). Выжидая в плавнях, козаки опоздниились значительно, быть может, до половины августа, но, сберегая добычу и себя самих, сидели смирно, никому не показываясь на глаза, в самых глухих протоках Дуная, пока, наконец, не приметили эскадру, возвращавшуюся мимо них...» В результате будто бы и произошло Карахарманское сражение.

Вообще рассуждения А.Л. Бертье-Делагарда являются примером грубой ошибки историка, основанной на нехватке источников, которая, в свою очередь, провоцирует некоторую излишнюю «вольность» в построениях. Эти соображения в дальнейшем должны представлять чисто историографический интерес (и, быть может, еще методологический, но «со знаком минус»), поскольку материалы английского и французского посольств в Стамбуле ясно, четко и недвусмысленно говорят, что сражение состоялось в 1625 г.[5]

Теперь укажем датировки Карахарманского сражения у тех историков, помимо И. фон Хаммера, которые не сомневаются в упомянутом годе.

М.С. Грушевский относит битву к последним дням июня или началу июля нового стиля. «Дата, — пишет автор, — определяется тем, что об этой битве читаем в депеше (Ф. де Сези. — В.К.) от 13 июля как о событии последних дней». Но французский посол говорит здесь вовсе не о Карахарманском сражении и, как мы уже указывали, не о «нашей» флотилии. Ю.П. Тушин полагает, что сражение произошло около месяца спустя после штурма Трабзона. Если донская и запорожская флотилии разошлись у этого порта 25 мая, то, следовательно, речь идет приблизительно о 25 июня (5 июля). Иными словами, Ю.П. Тушин следует за ошибочной датировкой М.С. Грушевского.

В. М. Пудавов относит сражение к осени, так как совершенно путает рассматриваемый поход с уже упоминавшейся отдельной осенней экспедицией запорожцев, которых исчисляли в 10 тыс. человек на 300 чайках, и донцов, которых было 1300 человек на 27 стругах. У Н.А. Смирнова, ссылающегося на Й. фон Хаммера, сражение произошло вскоре после того, как капудан-паша в сентябре прибыл к устью Днепра. И.В. Цинкайзен думает, что битва состоялась в июле, и за ним следуют С. Рудницкий и М.А. Алекберли, не уточняющие, однако, стиль летосчисления и, естественно, не указывающие чисел месяца.

Между тем, на наш взгляд, дата сражения поддается точному определению. Ф. де Сези сообщает о битве с запозданием, уже по возвращении турецкого флота в Стамбул, в письме от 5 октября (25 сентября) 1625 г., но о сражении рассказано в известиях английского посольства от 30

июля (9 августа) того же года. Следовательно, битва при Карахармане произошла перед 30 июля и, видимо, незадолго до этого числа, учитывая обычную оперативность информации Т. Роу.

Совершенно точно дату сражения называет Р. Левакович — 6 августа 1625 г., и поскольку она дана по григорианскому календарю, это, соответственно, будет 27 июля старого стиля. Полагаем, что названную дату можно принять за действительную на основании следующих соображений.

Во-первых, она не только не противоречит, но и согласуется с информацией известий посольства Т. Роу от 30 июля.

Во-вторых, она в принципе соответствует информации Мустафы Наймы. Турецкий хронист говорит, что капудан-паша поджидал в устье Днепра возвращения казаков, ушедших к Трабзону, полтора месяца. Если к 12 июня, когда Т. Роу сообщал об отданном флоту приказе выйти в Черное море, прибавить полтора месяца, то получится приблизительно 27 июля, как раз дата сражения по Р. Леваковичу.

В-третьих, у И. фон Хаммера в связи с тем, что он посчитал Ураза-байрам за Курбан-байрам, события сдвинуты по времени примерно натри месяца. Если, согласно хаммеровскому тексту, сражение произошло около начала ноября, то, отняв от этой даты три месяца, мы снова получаем приблизительно 27 июля (6 августа).

Посмотрим теперь, где случилось сражение, и начнем с информации группы источников, связанной с деятельностью «царевича» Яхьи.

«Капитан» Иван утверждал, что казаки встретились с турецким флотом, «направляясь (по контексту — из Синопа. — В. К.) на осаду Константинополя», т.е. где-то между Синопом и входом в Босфор. В письме Л. Фаброни 1646 г. сказано несколько неопределенно, но в том же смысле: Яхья из Синопа «отправился на Константинополь, где сразился с флотом» турок.

У Р. Леваковича находим больше подробностей. Претендент с авангардом флотилии направился к месту, отстоящему на 25 миль от Босфора, и там стал ждать остальную часть флотилии. Когда Яхья, «казачий генерал» и авангард «шли вдоль берега, поджидая свой флот», со стороны Мидье показались корабли османской эскадры («вот со стороны порта Мидии ясно вы - деляются турецкие галеры»). Указание на появление неприятельских кораблей со стороны Мидье, а не со стороны Босфора, несколько странно, но, очевидно, возникло потому, что перед тем было сказано о турецком флоте, стоявшем в Мидье.

Впрочем, контекст В. Катуальди, следовавшего за Р. Лева-ковичем, можно понять и так, что дело происходило совсем рядом с Мидье (галеры «вышли из индийского порта. Снявшись с якоря... пошли... прямо на ладьи отряда Яхьи»), однако этого не должно было быть, поскольку Мидье расположено уже за Босфором, а сражение трактуется в качестве причины, помешавшей казакам зайти в пролив. Остается предположить недостаточное знакомство автора с географией района. Неизвестно, какие именно мили имел в виду Р. Левакович, но если морские, то 25 миль от Босфора — это 46,3 км, и дело, стало быть, происходило восточнее Шиле.

Информация «прояхьяевских» источников выглядит недостоверной, так как резко противоречит английскому и турецким источникам, единогласно утверждающим, что сражение состоялось у берегов Румелии, т.е. уже после того, как казачья флотилия прошла мимо босфорского устья. Получается, что казаки не захотели не только штурмовать Стамбул, но даже и зайти в пролив.

Почему они этого не сделали, что произошло между ними и Яхьей, неизвестно. Здесь могут быть высказаны лишь предположения. Возможно, сыграло роль ослабление казачьих сил в результате ссоры с донцами. На казаков могло повлиять отсутствие поддержки Яхьи со стороны малоазийского христианского населения. «Недовольные правительством (османские подданные. — В.К.), — говорится у В. Миньо, —...с радостью внемлют (разглашениям о праве «царевича» на престол. — В. К.); ни один, однако же, подкреплять Якаию (Яхью. — В.К.) не отваживается. ..»6 Нельзя исключить и появление среди местных христиан негативного отношения к самозванцу, вызванного разгромом не чужого для Яхьи Трабзона. Возможно, среди казачьего командования усугубились разногласия по поводу атаки турецкой столицы. Но факт остается фактом: флотилия миновала Босфор и пошла на север. У авторов, рассказывавших о претенденте и расписывавших его «огромное» влияние на казаков, получился своеобразный конфуз. Вследствие этого возникает вопрос: не в попытке ли скрыть «казачий провал» Яхьи и отсюда — его стамбульских планов появилось утверждение, что сражение состоялось не доходя до Босфора и что отказ зайти в пролив явился следствием этого сражения?

Т. Роу и Ф. де Сези не называют точно место, где случился морской бой, однако в английских известиях от 30 июля сказано, что это произошло во время движения эскадры капудан-паши от северочерноморских берегов к Босфору. Турецкие же источники прямо говорят о месте сражения. Мустафа Найма сообщает, что Реджеб-паша от устья Днепра «поплыл вдоль берегов к югу» и встретился с казачьей флотилией «на высоте местечка, называемого Карахарман». По И. фон Хаммеру, который пользовался и другими османскими известиями помимо Наймы, турецкий флот шел из Очакова вдоль европейского берега и наткнулся на казаков у того же самого населенного пункта.

Карахарман, изображавшийся на картах иногда и как Кара-керман (Кара-Керман), — это нынешнее местечко Караорман в румынской Добрудже, в 30 км к северу от Констанцы[7]. В XVII в. Карахарман и его округа составляли нахие (административно-территориальную единицу) Бабадагской казы Силистрийского эйялета. По словам Эвлии Челеби, посетившего эту местность в 1652 г., когда-то там стоял генуэзский замок, захваченный и сравненный с землей Баезидом I. В 1620-х гг. для защиты «этих окрестностей от атак своевольных казаков» капудан-паше Реджеб-паше пришлось построить новый замок. Он был «прекрасным», каменным, четырехугольным, возвышался на зеленой равнине, на берегу моря[8].

На каком расстоянии от Карахармана происходило сражение? Мустафа Найма, мы помним, отмечал, что флот капудан-паши шел вдоль берегов, «не теряя земли из виду». Совсем близко к берегу, до двух-пяти миль, идти не имело смысла, поскольку в заливах румелийского побережья наблюдаются круговороты, направленные почасовой стрелке, и корабли могли попадать во встречное течение. И. фон Хаммер на основании турецких источников указывает, что в момент встречи с казаками галеры шли на расстоянии семи-восьми миль от Карахармана. Отсюда, как видим, не вытекает утверждение Н.И. Костомарова, что названные корабли «отступили на семь или восемь миль» от Карахармана.

А.Л. Бертье-Делагард, пользовавшийся французским изданием труда И. фон Хаммера, где показаны не мили, а лье, считает, что, «галерам не было никакого повода идти далеко от берега, верстах в 30—40, как выходит, если считать здесь меру в фран -цузских лье или морских милях», и что указание Наймы верно, так как флот «занимался поисками Козаков». По мнению А.Л. Бертье-Делагарда, у И. фон Хаммера фигурируют турецкие мили, «и тогда это будет около 10 верст (5,8 морской мили, или 10,7 км. — В. К.) от берега». Заметим, что капудан-паша не столько искал казаков, сколько стремился к Босфору, и что А.Л. Бертье-Делагард ошибся в пересчете: семь-восемь морских миль составляют не 30—40, а 13—14,8 км[9].

Историки по-разному определяют состав эскадры Реджеб-паши, участвовавшей в Карахарманском сражении. По Д.И. Эвар-ницкому, в ней насчитывалось 43 галеры, по В.М. Пудавову — 50, по «Всеобщей истории о мореходстве» — 55. Как будет видно из дальнейшего изложения, у ряда авторов фигурирует 21 галера. Посмотрим, какую информацию на этот счет предоставляют источники.

Итальянский документ XVII в. утверждает, что с казачьими чайками встретились 70 галер. Эту же цифру видим и у Р. Лева-ковича. В письме Л. Фаброни 1646 г. читаем, чтоЯхья «сразился с флотом из 72 галер». Эти источники «крута Яхьи», несомненно, допускают сильное преувеличение, так как эскадра оказывается больше, чем весь тогдашний турецкий флот на Черном море. В. Катуальди, в данном случае отступая от «основополагающего» для него Р. Леваковича, не верит его информации и пишет, что из 60 галер мидийского порта в сражении принимали участие 20. Эту же цифру встречаем и у Н.И. Смирнова. Она близка к той, что называет Мустафа Найма.

Хронист сообщает, что к началу сражения, «из сорока трех галер, которые составляли ту экспедицию, только двадцать одна находилась в сборе около корабля адмирала, поскольку другие из-за отсутствия ветра и изнурения гребцов оставались далеко позади». Всего, следовательно, согласно хронике Наймы, в сражение вступили 22 галеры. И. фон Хаммер утверждает, что у капудан-паши была 21 галера, а также называет другие причины отставания прочих кораблей. «Из сорока трех галер флота, — пишет тюрколог, —с капудан-пашой была только двадцать одна, другие, с течью или плохими парусами, отстали, девять из этой двадцати одной галеры были янычарскими судами». К сожалению, мы не знаем, кто здесь, в отношении 21 или 22 галер, неточен — Найма или, может быть, его переводчик, или И. фон Хам-мер. Вслед за последним состав передового отряда из 21 галеры всей эскадры из 43 галер показывают П.А. Кулиш и М.С. Грушевский. То же затем делает и Ю.П. Тушин, но в другом месте тем не менее говорит, что казаки сразились «со всем турецким флотом»[10].

Нам остается полагать, что в сражении при Карахармане участвовали 21—22 галеры, и это было по тогдашним временам очень мощное соединение с лучшими кораблями, экипажами и адмиралами из тех, что находились под начальством главнокомандующего военно-морским флотом Османской империи. Достаточно сказать, что при Реджеб-паше были второй и, воз¬можно, третий адмиралы флота (терсане кетхудасы и терсане агасы) с их персональными галерами.

В английских посольских известиях из Стамбула от 30 июля казачья флотилия, с которой встретилась эскадра капудан-паши, определялась в 350 «фрегатов». Но здесь же, однако, говорилось, что на одну галеру пришлось по три-четыре лодки казаков, и, следовательно, если галер было 21 или 22, то вся флотилия должна была состоять из 63—88 судов. Даже если имелись в виду 43 галеры, то получается 129—172 судна, а не 350. По возвращении турецкого флота с Черного моря Т. Роу, очевидно, получил информацию о рассказах участников сражения, в частности о том, что на одну галеру нападало почти по 20 чаек (как сказано и у Мустафы Наймы). В сообщении посла Э. Конвею от 24 сентября уже говорилось, что казаки имели свыше 400 «фрегатов», — получается по 18—19 чаек на каждую из 21—22 галер.

Ф. де Сези в письме дела Вий-о-Клеру, написанном на следующий день после названного сообщения Т. Роу, указывал, что у казаков в сражении было 380 лодок.

Мустафа Найма при описании боя вначале говорит, что каждую галеру атаковали «почти по двадцать чаек», и всего, значит, на 22 галеры, если взять по 18—19 судов, их должно было быть 396—418. Но далее, указывая, сколько лодок спаслось к концу боя, Найма исходит из общего их числа 350 (хотя, может быть, он не включил в это число чайки, потопленные ранее?).

И. фон Хаммер, пользуясь сведениями Наймы и исчисляя казачью флотилию в 350 судов, однако, указывает, что он берет эту цифру из материалов Т. Роу. Каждую галеру из 21, по И. фон Хаммеру, атаковали уже от 20 до 30 чаек, что должно было в целом составить 420—630 судов. Те же 350 чаек и по 20—30 на галеру находим и у И.В. Цинкайзена [11].

Посольство Т. Роу, как мы видели, сообщало, что Трабзон разгромили казаки с 300 чаек. Потом запорожская и донская флотилии разошлись, однако при Карахармане у Т. Роу вместо уменьшения казачьих сил появляются уже 350 и даже свыше 400 чаек. Т. Роу и Ф. де Сези при описании сражения явно доверились «турецким» цифрам, но они, без сомнения, преувеличены (И. фон Хаммер неслучайно взял у Т. Роу цифру 350, а не более 400) и, разнясь между собой, могут быть скорректированы в меньшую сторону.

У Э. Дортелли, который также писал о сражении по рассказам турок, фигурируют уже не свыше 400, 380 или 350 лодок, а заметно меньше — «300 слишком челнов». А.Л. Бертье-Делагард, относящийся к этому современнику с большим доверием, в общем принимает указанный им состав флотилии, колеблясь между цифрами 300 и 350, хотя в другом месте говорит, что казаки были «в исключительно больших силах, вдвое — втрое превышавших обыкновенные (80—100 чаек)», а это должно означать от 160 до 300 судов[12].

У Эвлии Челеби находим число казачьих судов несколько меньше, чему Э. Дортелли, а именно ровно 300.0 техже 300 чайках, отправившихся к Трабзону, как помним, говорит и Найма. П.А. Кулиш и к этой последней цифре относится недоверчиво, но принимает ее с учетом сообщения митрополита Иова. «Хотя турки, — замечает историк, — и любили преувеличивать силу побежденного неприятеля, но как предыдущее показание турецкой летописи относительно числа казацких чаек согласно с письмом Борецкого Радивилу (Иова К. Радзивиллу. — В. К.), то я принимаю здесь цифру 300 как вероятную, тем более что вывезенная из Золотого Рога добыча давал а казакам возможность увеличить свою флотилию вдвое». Далее, говоря, по Найме, о числе чаек при Карахармане, П.А. Кулиш исправляет 350 на 300 [13]. Согласно Н.И. Костомарову и Д.И. Эварнищкому, как при Трабзоне и Синопе, так и в Карахарманском сражении у казаков было 300 судов[14].

Наконец, М.С. Грушевский, цитируя Мустафу Найму с его 350 чайками, добавляет: «Скромнее описывает эту битву несколько более позднее письмо каймакана Махмет-Джурджи. Чаек казацких, запорожских и донских, по его словам, было около 205...»[15] Таким образом, состав казачьей флотилии, приводимый турецким современником, причем весьма осведомленным по должности, уменьшается ровно в два раза по сравнению с упоминавшимися ранее более чем 400 судами.

Очень близкие к цифре каймакама сведения находим у М. Бодье, который утверждает, что к Стамбулу намеревались подойти и участвовали в сражении 200 лодок. И еще меньшее число

казачьих судов называет Р. Левакович. По его словам, Яхья отправился из Синопа к Босфору «со 130 парусами», составлявшими передовой отряд флотилии и вступившими затем в сражение[16].

Нам кажется, что есть способ произвести некоторую «проверку» последнего числа. Уже указывалось, что, согласно Р. Леваковичу, в начале похода у запорожцев было будто бы 660 судов, а у донцов 200. Эти цифры исходят от «капитана» Ивана, который их очень сильно преувеличивал, видимо, исходя из «пропагандистских» соображений возвеличения казачьей силы в глазах западноевропейцев. Представить себе приблизительную степень этого преувеличения можно исходя из сообщенного атаманом А. Старым в Посольском приказе числа донских участников набега на Трабзон, а именно 2030 человек.

Если предположить, что на струг приходилось по 50 казаков, то тогда в донской флотилии окажется примерно 40 судов, т.е. в пять раз меньше, чем указывал Иван. Соответствующее пятикратное уменьшение цифры 660 дает нам 132 судна — число, практически равное составу отряда, который, по Р. Леваковичу, участвовал в рассматриваемом сражении. Думаем, что около 130 чаек, а не 200—400 и более, и находилось в действительности при Карахармане.

«Полагают, — пишет А.Л. Бертье-Делагард, —что на челнах (участвовавших в сражении. — В.К.) было около 15 000 Козаков; но эта цифра определяется только соображением, считая, что на каждой чайке обыкновенно бывало около 50 человек; прямого показания о числе Козаков не имеется». В последнем историк заблуждается. Приведем имеющиеся сведения о численности личного состава казачьей флотилии.

Английские известия от 30 июля утверждают, что в Карахарманском сражении на каждом казачьем «фрегате» насчитывалось «от 40 до 80 мушкетеров» (казаков, вооруженных мушкетами)[17]. Поскольку судов по этому сообщению было 350, то, взяв среднее число 60 человек на судно, получим всего 21 тыс. казаков. Несколько меньшая цифра содержится в письме Ф. де Сези от 5 октября (25 сентября): «Их армия была чуть меньше двадцати тысяч человек...»

Согласно Мустафе Найме, во время сражения «каждая... чайка насчитывала пятьдесят вооруженных ружьями казаков», и, следовательно, если чаек было 350, то всего казаков должно было быть 17,5 тыс. (если 396—418 судов, то 19,8—20,9 тыс.). 50 казаков на судне видим и у И. фон Хаммера, и, значит, всего также 17,5 тыс. Отечественные историки, действительно принимая по 50 человек на каждые из 300 судов, определяют число казаков, участвовавших в походе и сражении, в 15 тыс. человек.

Это очень большое число, и потому А.Л. Бертье-Делагард, согласно которому казаков должно было быть даже больше 15 тыс., подчеркивает: «Козаки сделали неслыханное усилие, собрали более 15 000 товарищей на 300—350 челнах...»

Исключением служит Ю.П. Тушин, утверждающий, что, по свидетельству русских источников, весной 1625 г., перед штурмом Трабзона, запорожцев было 10 тыс. на 300 судах, а присоединившихся к ним донцов 2030 человек, всего, стало быть, 12 030 казаков. Потом, после Трабзона, флотилии разошлись, и получается, что в Карахарманском сражении участвовало 10 тыс. запорожцев. На самом же деле Ю.П. Тушин объединяет нескладываемые цифры: допустив небрежность, он путает рассматриваемую экспедицию с осенним походом того же года, когда, согласно отписке астраханских воевод, совместно действовали 10 тыс. запорожцев и «тысечи с две» донцов; по расспросным речам А. Старого, донских казаков было при этом осенью не около 2 тыс., а 1300 человек.

Источники «круга Яхьи», как отмечалось, определяют численность всего казачьего походного войска в 80—88 тыс. человек. Если и к этим цифрам применить пятикратное «урезание», то получится 16—17,6 тыс., что близко к приводившимся сведениям. Но если мы принимаем состав флотилии приблизительно в 130 судов, то тогда экипаж одной чайки оказывается состоящим из 123—135 человек, и это, конечно, слишком много. Положив 50 казаков на судно, мы получим на 130 судах 6,5 тыс. человек, что, видимо, в общем соответствовало действительности и не требовало для сбора «неслыханных усилий».

Участвовали ли в Карахарманском сражении донские казаки? Хотя казачьи флотилии после Трабзона прекратили совместные операции, известное столкновение не имело катастрофических последствий, и разрыва между Войском Донским и Войском Запорожским не последовало; вообще похоже, что взаимное ожесточение быстро прошло. В принципе мы не можем исключить возможность того, что к запорожской флотилии, ушедшей из-под Трабзона, в ходе ее крейсирования по морю могли присоединиться и какие-то донские суда. Как знать, не это ли Обстоятельство, помимо рассказов перепуганных турок, также лежит в основе странных «увеличивающихся» указаний посольства Т. Роу о присутствии 300 казачьих судов у Трабзона и

350 и Свыше 400 при Карахармане и М. Бодье о 150 судах у Трабзона и 200 судах, угрожавших Стамбулу?

Напомним, что в число примерно 205 казачьих чаек, участвовавших в сражении, каймакам включал не только запорожские, но и донские суда. Но даже если последних не было при Карахармане, то донские казаки, без сомнения, там должны были быть: мы имеем в виду тех донцов, которые постоянно находились в Сечи и ходили в походы вместе с сечевиками.

Р. Левакович говорит, что на борту казачьих судов в рассматриваемом походе не было орудий. М. Бодье же отмечает в Карахарманском сражении превосходство турок в пушках и, следовательно, уверен в их наличии у казаков. К этому времени они, очевидно, уже использовали в морских походах фальконеты, и было бы удивительно, если бы их не взяли в такую большую экспедицию. Вместе с тем вряд ли в этом походе на каждой чайке находилось потри-четыре Фальконета, как считает Д.И. Эварницкий [18].

2. Ход и результаты

В литературе встречаются разные версии начала сражения. По А.Л. Бертье-Делагарду, турецкий флот, приближаясь к Карахарману, «вероятно, шел очень медленно, к тому же растянулся и расстроился... так что из 43 галер... только 21 оказалась в решительную минуту под руками». Казаки, скрывавшиеся в плавнях, «все это видели», «не стерпели и неожиданно ударили на турок». Впрочем, автор далее утверждает, что казаки «по своему обыкновению подошли как можно ближе, чтобы, не будучи примеченными, начать бой неожиданно; но это не совсем удалось, и флот встретил их в готовности. Козаки, пользуясь совершенной тишиной моря, бросились на рассыпанные галеры...»

«Всеобщая история о мореходстве» подает дело так, что капудан-паша искал казаков и наконец «нашел морских разбойников и вступил с ними в сражение». Один из авторов уверяет, что османский флот даже «настиг» казаков, возвращавшихся от Константинополя. Согласно И.В. Цинкайзену, капудан-паша «встретился... с пиратским флотом» и «ни на миг не поколебался» принять в открытом море предложенный бой с мощным неприятелем. М.А. Алекберли, наоборот, утверждает, что казачий флот, «не колеблясь, принял бой, навязанный ему сильным неприятелем в открытом море».

По большинству источников, события развивались совсем не так. В известиях посольства Т. Роу от 30 июля рассказано, что капудан-паша отправился с флотом в сторону Босфора «и на следующее утро, на рассвете и в густом тумане, столкнулся с флотом казаков... и так смешался с ними, что не мог ни воспользоваться своим строем из-за опасности для своих собственных галер, ни уклониться от них (казаков. — В.К.) без боя. Таким образом вовлеченные в бой, казаки неистово начали атаку...» В письме Ф. де Сези от 5 октября (25 сентября) также говорится, что казаки «храбро атаковали» турецкий флот.

Мустафа Найма сообщает, что когда флот Реджеб-паши находился у Карахармана, «показались казацкие чайки; сделано затем приготовление к бою», но с капудан-пашой была только часть флота. «Пользуясь этими обстоятельствами, проклятые смело ударили на галеры...» Сражение началось «с самого утра». И. фон Хаммер, основываясь на османских же источниках, пишет, что галеры турок шли в семи-восьми милях от Карахармана, «когда раздался крик с мачты: "Козлиные бороды" (так называли они казаков)[19]. Все было приготовлено для их встречи... Казаки, увидев рассеянный флот и штиль, стремительно погребли в атаку...»

Как видим, источники недвусмысленно говорят о том, что казачья флотилия не находилась в засаде и что турки ее не нашли и не догоняли — они просто столкнулись с нею. В этих условиях «великий адмирал», конечно, не мог ни навязать бой, ни уклониться от него: пришлось вступить в сражение, так как не оставалось ничего другого. У Реджеб-паши не было времени «все приготовить для встречи», в первую очередь — собрать галеры; можно было только сделать поспешные и самые элементарные приготовления перед тем, как казаки начнут жестокий абордажный бой[20].

Для последних встреча также явилась неожиданной, но, лучше организованные и управляемые, более стремительные, решительные и смелые, а может быть, и шедшие более компактно, казаки первыми кинулись в атаку.

Резко противоречат изложенным известиям замечание Эвлии Челеби, что Реджеб-паша атаковал 300 казачьих судов на Черном море, и утверждение М. Бодье, что капудан-паша «несколько дней спустя (после того как вышел из Босфора в Черное море. — В.К.)... встретил

казаков, окружил их своими многочисленными галерами, и поскольку у него было превосходство в судах, людях, пушках, он напал на них». Однако Эвлия говорит кратко и в общем плане обо всем сражении, а М. Бодье, который ошибается с «несколькими днями», вряд ли имел более точную информацию, чем посол его страны в Стамбуле.

Теперь рассмотрим изложение начального периода сражения в «прояхьяевских» источниках. «Капитан» Иван говорит только, что казаки, «направляясь на осаду Константинополя, встретились с турецкими галерами и сходу сразились», и это не противоречит известиям английского и французского посольств и турецким сообщениям. Но Р. Левакович и за ним В. Катуальди рисуют другую картину.

Первый пишет, что 6 августа «ветер стал более свежим и появилась зыбь, очень неблагоприятная» для Яхьи и казачьей флотилии, а «вместе с зыбью и ветром, который становился все сильнее и был встречным для казаков», появились и галеры, «которые с попутным ветром и надутыми парусами пришли захватить 130 лодок» Яхьи. При этом адмиральская галера пошла прямо на судно, в котором находился претендент. По В. Катуальди, галеры «пошли под полными парусами прямо на ладьи» казаков, причем адмиральский корабль направился на ладью Яхьи. Далее мы увидим, что ветер сыграл решающую роль не в начале сражения, а уже по его ходу, и что не галера капудан-паши атаковала лодку Яхьи, а наоборот, казаки атаковали эту галеру. Возникающая «зеркальность отражения» заставляет полагать, что Р. Левакович имел в своем распоряжении известие о действительном ходе сражения, но намеренно исказил первоначальный источник, приспосабливая его показания «под Яхью» и выпячивая самозванца на первый план.

По сведениям английского посольства, казаки бросились на абордаж, «имея по 3—4 лодки на каждую галеру». Мустафа Найма же во много раз увеличивает это соотношение и заявляет, что каждая галера «имела против себя... почти по двадцать чаек». Сообщение Наймы принимают на веру П.А. Кулиш, М.С. Грушевский и Ю.П. Тушин.

Впрочем, И. фон Хаммеру и И.В. Цинкайзену и этого числа показалось мало. «От двадцати до тридцати судов, каждое с пятьюдесятью казаками, — пишет первый ученый, — погребло против каждой галеры...» «Как фурии, — читаем у второго, — ринулись их малые лодки по 20—30 сразу на каждую из тяжелых галер...» С этими цифрами согласны Н.И. Костомаров («двадцать и даже тридцать чаек возились около одной галеры»), Н.А. Смирнов и М.А. Алекберли. Только А.Л. Бертье-Делагард несколько уменьшает цифры, полагая, что на галеру «пришлось по десяти и даже по двадцати и более челнов».

На наш взгляд, все эти большие соотношения не заслуживают никакого доверия. Затем мы увидим, что, по турецкому источнику, на главную адмиральскую галеру ворвалось 200 казаков. Мы уже упоминали свидетельство Г. де Боплана об обычном участии в абордаже половины экипажа чайки. Если предположить, что в данном сражении в абордаже участвовало даже две трети экипажа каждого казачьего судна (приблизительно 33 человека из 50), то для образования упомянутого десанта в 200 человек потребовалось бы не более 6 чаек. И наоборот, 200 участников десанта с 10—20 чаек составляли бы только от двух пятых до одной пятой их экипажей, что кажется нереальным хотя бы из-за ожесточенности боя. Кроме того, 20—30 казачьим судам было бы очень непросто пришвартоваться к одной галере.

Наконец, если мы принимаем общий состав флотилии в 130 судов, то на каждую из 21—22 галер должно было приходиться примерно по шесть чаек. Это немало: Мустафа Найма подчеркивал, что при благоприятном ветре «двадцати (чаек. — В. К.) мало против галеры», тогда как во время совершенного штиля, который как раз и был в начале сражения, с ней может успешно бороться и одна чайка. Так что, полагаем, гораздо ближе к истине сведения посольства Т. Роу, а отнюдь не сообщение Наймы.

Последний источник замечает, что «ужасный штиль... не допуская подать взаимную помощь, каждую галеру оставлял собственной участи» и что только на девяти галерах находились янычары[22]. По мнению Наймы, соотношение числа галер и чаек, янычар и казаков было опасным для османской эскадры. Но в целом, учитывая разные классы сражавшихся судов и галерную артиллерию, превосходство сил находилось на стороне турок. «Что казакам недоставало из других средств борьбы, — впрочем, замечает, касаясь этого сражения, И.В. Цин-кайзен, — то возмещали они отвагой атаки и преимуществом личной храбрости»[23].

Описывая ту же битву, Мустафа Найма дал казакам и их военно-морской деятельности самую высокую оценку: «Смело можно сказать, что более дерзкого народа, чем казаки, менее аботящегося о жизни, менее питающего страх к смерти, найти на земле невозможно. По свидетельству лиц, понимающих толк в морском деле, сволочь эта ловкостью и мужеством в

подобных на воде сражениях более страшна, чем другой какой-либо народ...» Это эмоциональное признание весьма знаменательно для официального хрониста Османской империи, особенно если учесть, что тогдашними главными врагами Турции на море, кроме казачества, были Венеция с ее великолепным, «эталонным» флотом и великая Испания — владычица Атлантики и Америки, обладавшая громадными океанскими военно-морскими силами.

Отвагу казаков при Карахармане А.Л. Бертье-Делагард определяет как «отчаянное мужество» («лезли на абордаж с отчаянным мужеством»), подумаем, что здесь подобрано не слишком удачное выражение. Казаки, вовсе не считая свое положение безнадежным, первыми атаковали и надеялись победить, а отчаянно сопротивлялись оборонявшиеся турки. Точнее выражается П.А. Кулиш: «Мусульмане бились отчаянно, казаки бешено». Собственно, об этом прямо говорит Найма: «Началась ужасная битва, в которой мусульмане сражались с несказанным мужеством и крайним отчаянием...»

Сильнейшей атаке подверглась капудана — флагманский корабль главнокомандующего флотом, великолепно украшенная галера, несшая на грот-мачте особый красный флаге изображением серебряного меча и арабесок и на корме три роскошных фонаря и имевшая больше обычного матросов, солдат, гребцов (7 рядов) и пушек[24].

По словам Мустафы Наймы, «корабль капудан-паши оказался в страшнейшей опасности и едва не стал добычей разъяренной сволочи, ибо проклятые, узнав его по трем фонарям, украшающим корму, бросились на него с яростью с боков и спереди, потому что сзади [он] был обсажен орудиями и многочисленным ручным оружием[25]. Несмотря на густо падающие трупы, двести негодяев взобрались на корабль[26], ожесточеннейший бой начался на палубе, и от носа корабля до мачты все пространство так было завалено телами неверных, что пробраться уже было невозможно».

Незавидное положение флагманской галеры заметно усугубилось тем, что, согласно последнему источнику, ее гребцы, «все собранные из казацких пленников[27], перестали работать веслами и, наверное, ударили бы с неприятелем на мусульман, если бы им прежде не заковали ноги в железо».

Д.И. Эварницкий замечает, что атаковавшим казакам «помогали гребцы-невольники тем, что, бросив весла, перестали управлять галерами». Это, конечно, сказано неточно, потому что гребцы и до того не управляли кораблями. А.Л. Бертье-Делагард отмечает «для ясности дела, что мужество Козаков и нечаянность их нападения (в морских боях. — В.К.) имели огромное значение, но не меньшее имело также и то обстоятельство, что невольники, большею частью те же козаки, как только начинался абордаж галеры, бросали весла, переставали грести и тем лишали галеры возможности управляться и двигаться; так и было на капитане, да, вероятно, и на других (галерах. — В.К.)». С автором в целом можно согласиться, добавив только, что источники не подтверждают обычное большинство пленных казаков среди рабов-галерников и что Найма прямо не говорит об отказе работать веслами на прочих кораблях эскадры, однако предполагать это можно по замечанию об отсутствии при штиле взаимопомощи между галерами, т.е. об их обездвижении.

Известия английского посольства от 30 июля и письмо французского посла от 5 октября (25 сентября) сообщают о бое на капудане короче, но в том же смысле и с дополнительными подробностями. «Дважды они (казаки. — В.К.), — говорится в известиях, — подступали к грот-матче адмирала турок, убив 3 (людей. — В.К.) у штурвала и разбив руль, который опять был прикреплен 4 христианскими невольниками...» Казаки, читаем в письме, «были уже на реале, обрубая снасти[28] и снимая румпель, поставив пашу моря в бедственное положение».

Наконец, Э. Дортелли, ссылаясь на очевидцев сражения, сообщает, что казаки «уже было завладели рулем реалы»[29]. Правда, под воздействием А.Л. Бертье-Делагарда, понимавшего эту фразу как фигуральное выражение, переводчик Н.Н. Пименов в полной русской публикации Э. Дортелли «руль реалы» заменил «кормовой частью адмиральской галеры». Сам же А.Л. Бертье-Делагард замечает, что в публикации дан хотя и не дословный, но зато-де более точный перевод. На этом примере видна необходимость, по крайней мере во многих случаях, дословного, а не художественного перевода источников: из сравнения текстов Э. Дортелли, английских известий и Ф. де Сези ясно видно, что итальянец писал о конкретном руле галеры, а не о фигуральной корме[30].

Вместе с тем вся палуба капуданы стала ареной ожесточений схватки. Казаки действительно были уже на корме и почти овладели ею, поскольку для турок речь шла о потере руля. В этом отношении неточен И. фон Хаммер, который, также прибегая к фигуральному обороту, говорит,

что 200 казаков («пара сотен») взяли свои души, как сабли, в зубы и ринулись сломя голову на судно; они пошли на абордаж и прорвались до средней мачты»[31]. А.Л. Бертье-Делагард замечает, что эта фраза тюрколога «в военно-морском смысле... ничего не поясняет, а добраться до большой мачты не особенно много значит». Другое дело — овладеть кормой.

«На галерах, — пишет историк, — рули делались весьма простого устройства: большего размера, конечно, но по существу такие же точно, как на современных морских шлюпках; таким образом, самый руль, дерево, наложенное на его вершину, которым руль вращают (румпель), и рулевые... находились на корме. Частью поэтому, а частью и по многим иным, еще более важным причинам на корме же, великолепно убранной резьбой, роскошными тентами, коврами и флагами, помещался на троне (буквально) сам капитан, окруженный своими главнейшими подначальными благородными и свободными рыцарями и лучшими воинами, которые составляли главную оборону галеры; тут же на корме был склад провизии, стояли крупнейшие орудия для боя и мелкие для удержания в повиновении прикованных к галерным скамьям невольников или наемников, и тут же, наконец, поднимался флаг (знамя) галеры».

«Таким образом, — заключает А.Л. Бертье-Делагард, — на корме сосредоточивалось, оттуда исходило все управление и вся защита галеры... Из сказанного можно видеть, что корма галеры по своему значению была отчасти тем же, что капитанские мостик и рубка на теперешних кораблях, но еще важнее и существеннее для жизни и действия галеры, — это была ее голова и сердце, ее святое место. Теперь будет понятно... выражение д'Асколи: овладели рулем, — что значит, в сущности, овладели жизненным узлом галеры, ее кормою, без чего нельзя овладеть рулем»[32].

Повторим, что, по Э. Дортелли, казаки «было завладели рулем». Последующая роковая роль кормовых орудий показывает, что полностью завладеть кормой не удалось.

Согласно хронике Мустафы Наймы, «когда другие корабли полагали, что адмиральский уже тонет, опустошенный казаками, почти сверхчеловеческое мужество доблестной его команды одержало тогда превосходнейшую победу, ибо как только освободили палубу от приступа проклятых, выстрел, данный с одного и с другого борта, отправил множество чаек в морскую пучину». Иными словами, янычарам и морякам капуданы крайним напряжением сил все-таки удалось отбить абордаж, а вслед за тем турецкие пушкари произвели по удачному выстрелу из бортовых орудий.

И. фон Хаммер, ссылаясь на разные источники и ничего не говоря одействии упомянутых орудий, утверждает, что это «пушки кормы потопили подступавшие с обоих бортов суда»[33]. Так или иначе, корабельные орудия помешали продолжению абордажа, который мог возобновиться с новой силой. И.В. Цинкай-зен полагает, что адмиральский корабль, «вероятно, был бы потерян, если бы не был спасен применением своей тяжелой артиллерии».

Р. Левакович и на его основе В. Катуальди рисуют эти драматические события иначе. «Турецкая реала, — уверяет францисканец, — шла прямо, чтобы захватить лодку, в которой находился султан (Яхья. — В.К.), и до того потопила две казачьи лодки, и, проходя над второй, повредила свой руль таким образом, что ею нельзя было управлять и преследовать султана. Когда казаки увидели это, они напали на нее, и если бы не подоспел ей на помощь отряд галер, то ей бы пришлось плохо, поскольку казаки уже начали взбираться на нее. Началась рукопашная и продолжалась несколько часов; султан находился все время впереди, чтобы могли его видеть...»

В. Катуальди пишет, что неизвестно, почему адмиральское судно направилось на лодку Яхьи: «потому ли, что узнало в ней ту, которая вела отряд, или случайно», — и продолжает: «Еше немного и оно было бы захвачено казаками, которые, узнав его по трем фонарям, окружили со всех сторон и полезли на него с саблями и дубинами. Они уже были на палубе у средней мачты, и гребцы... побросали уже весла, как выстрелами из кормовых орудий были потоплены ладьи, находившиеся с одной стороны судна, с другой — к нему подошли на помощь другие две галеры, открывшие по ладьям сильный артиллерийский огонь. Казаки, однако, были отброшены лишь после больших усилий...»

Как видим, у Р. Леваковичатакже были сведения о повреж дении руля капуданы, но причина поломки приведена другая. Освещение же событий в целом повернуто «с прицелом» на Яхью. Кстати сказать, претендент во время схватки едва ли мог находиться впереди с той целью, чтобы его могли видеть: у него не было казачьего опыта абордажного боя, а сам этот бой существенно отличался от битвы в поле с полководцем впереди войска.

В. Катуальди заметил некоторую конкретную нелепость, относящуюся к «поворачиванию» событий в сторону Яхьи, и попытался исправить положение объяснением курса капуданы. Почти вся остальная информация итальянского автора основана на труде И. фон Хаммера. Похоже, и две

галеры, подошедшие на выручку к капудане, появились потому, что тюрколог при описании сражения кроме капуданы упоминает еще две галеры, говоря, однако, об их помощи флагману. Казаки яростно атаковали и патрону — корабль второго адмиралатурецкого флота[34], несший на грот-мачте флаг с изображением серебряных пушек и, как и капудана, вооруженный сильнее рядовой галеры[35]. Должность терсане кетхудасы тогда занимал Мемибег. «Галера кетхуды адмиралтейства, — сообщает Мустафа Найма, — находилась в неменьшей опасности и с равным же мужеством одолела своих налетчиков».

Й. фон Хаммер тоже говорит, что галера Мемибега «была близка к взятию», и, кроме того, добавляет, что «и галера Пияле выдержала очень жаркий бой». Тюрколог не указывает должность Пияле, а А.Л. Бертье-Делагард по упоминанию в сражении реалы полагает, что он был третьим адмиралом османского флота, т.е. терсане агасы. Не можем в точности сказать, так ли это, учитывая, что обычно терсане агасы оставался «наместником» капудан-паши во время его отсутствия в Стамбуле. Турецкая риала, галера третьего адмирала, несла на грот-мачте флаг с изображением трех серебряных пушек в красном поле[36].

Казаки абордировали и прочие суда эскадры, и Найма отмечает, что «много других кораблей уже становилось добычей разгоряченного иноверства».

Турецкую эскадру, находившуюся на краю гибели, спасло резкое изменение погоды. Согласно депешам английского посла от 30 июля, 11—12 августа и 24 сентября, в ходе сражения, проходившего сначала в тумане, «появилось солнце, так что галеры могли применить свои большие ядра, и поднялся ветер», который был сильным. В письме Ф. де Сези от 5 октября (25 сентября) также говорилось, что когда казаки «были уже на реале», поднялся «в высшей степени свежий северный ветер». Собственно говоря, начинался шторм, и Э. Дортелли прямо указывал на «поднявшуюся сильную бурю»[37].

По Т. Роу и Ф. де Сези, ветер оказался «слишком сильным для фрегатов» казаков: «дурная погода затопляла их лодки»[38]; турецкие же галеры, как сообщает Э. Дортелли, напротив, «могли двинуться против неприятеля на всех парусах». У Мустафы Наймы читаем, что «уже мусульмане, видя неминуемую гибель, падали налицо, прося о помощи Бога, когда ужасная тишина... с приближением сильного ветра счастливо развеялась. Наполняются паруса, жизнь и надежда возвращаются в сердца отчаяв-шихся воинов...»[39]

Сильный ветер и начавшееся волнение, с одной стороны, не только чрезвычайно затруднили действия казаков, но и стали угрожать серьезной опасностью их судам, а с другой — оказал и огромную помощь галерам, которые теперь могли свободно дви гаться и маневрировать. Произошел решительный перелом н ходе сражения.

Источники единодушны в оценке той роли, которую сыграла перемена погоды. Участник сражения Иван говорил, что «если бы не судьба и море не разбросало бы казачьи лодки, то туркам бы не уйти». Э. Дортелли, имевший информацию от противо положной стороны, замечал: «По словам всех очевидцев, если бы вдень битвы была тихая погода, то ни одна галера не верну лась бы обратно...»

В «известии» от 11 августа, приложенном к письму Т. Роу Э. Конвею от 12 августа, говорилось, что «если бы не поднялся ветер, то под угрозой оказался бы весь его (капудан-паши. — В.К.) флот». Английский посол повторил и даже усилил свое замечание в письме Э. Конвею от 24 сентября: «...несомненно, что если бы не поднялся ветер... то весь флот оказался бы в опасности быть отбуксированным к северу». Аналогичного мнения придерживался и Ф. де Сези, в письме которого на имя де ла Вий-о-Клера от 5 октября (25 сентября) читаем, что «если бы не поднялся к счастью для паши... ветер, то казаки разбили бы наголову его армию (имеется в виду флот. — В.К.)». Наконец, и письме Л. Фаброни 1646 г. сказано, что «из-за бури, плохой по годы» казачьи суда «были рассеяны и не смогда завершить сражение».

Также считают и тюркологи И. фон Хаммер и И.В. Цинкай зен, работавшие с османскими источниками. У первого нахо дим предположение, что «победа, вероятно, осталась бы за ка заками, если бы не помощь ветра, который поднялся во время сражения, надул паруса галер, и последние отбили абордаж» Второй пишет о сильном турецком отпоре: казаки, ворвавшие-«а корабль капудан-паши, «сражались там как львы, человек угив человека, часто до последнего из них находили смерть из-за перевеса сил врага отбрасывались в лодки», — однако полагает, что «судьбу дня к счастью османов решили» успешное применение ими тяжелой артиллерии и «противный ветер, который чрезвычайно затруднил казакам бой». Что ветер был именно противным для казачьих судов[40], в. Цинкайзен, видимо, выводит из указания Ф. де Сези о управлении ветра с севера: турецкая эскадра шла на юг, а казачья флотилия — на север. Но

поскольку, по Т. Роу, галеры при встрече с противником сильно смешались с его судами, а погода ленилась в разгар сражения, вряд ли направление ветра сыграло какую-то особую роль.

Мнение Д. И. Эварницкого о решающем значении «противного ветра, под конец подувшего в глаза козакам», подверг критике А.Л. Бертье-Делагард, который заметил, что «дело совсем не в том, откуда подул ветер, да и козачьи глаза отвыкли бояться чего-либо, не то что ветра». Историк связывает «пояснение всех, что не поднимись свежий ветер, победа досталась бы козакам», с отказом рабов-гребцов выполнять свою работу: «На веслах галеры двигаться не могли, а ветер давал им возможность поставить паруса (силами матросов, а не рабов. — В. К.), от чего у них получалась такая скорость хода, при которой они не только могли уходить от Козаков, но и топить их челны просто своим ходом». Критика в основном справедлива, за исключением, может быть, последнего замечания: потопить чайку «тараном» для галеры было не так просто.

По английским известиям от 30 июля, из-за ветра «казаки были вынуждены прекратить сражение и вернуться к своим веслам». Французский посол также говорит, что дурная погода «заставила (казаков. — В.К.) удалиться» с палуб галер. Вероятно, прав В.М. Пудавов, считающий, что казаки «поспешили прекратить битву, удалиться от турок и спасать себя от бури». Отход с галер и возвращение на свои суда в условиях шторма и при сильном артиллерийском огне турок, согласно цитированным известиям, сопровождались «беспорядком». «Наступившие с этого момента замешательство и суета, — считает В. Катуальди, —продолжались несколько часов».

Итальянский автор приписывает Яхье доблестное поведение при отступлении (как Р. Левакович при абордаже): «Яхья отважно пробивался сквозь толпу, становясь впереди своих и одушевляя их возгласами и примером, в расчете, что быстрота и сила ударов умалят значение помехи, причиняемой ветром и морем. С своей стороны, турки отчаянно бомбардировали не приятельские суда... Яхия ждал с минуты на минуту прибытия главного отряда; но последний, встретив противный ветер и не погоду, был рассеян по морю».

Согласно Мустафе Найме, сражение продолжалось «с самого утра почти до четвертого часа». По И. фон Хаммеру, битва длилась «весь день напролет», по И.В. Цинкайзену — «с ранне» го утра до позднего вечера». Р. Левакович сообщает, что одна рукопашная схватка на галерах заняла несколько часов. На основании этих указаний полагаем ошибочным утверждение французской истории морского флота и Ю.П. Тушина, что бой продолжался шесть часов.

Закончился он, как говорят турецкие источники, полным поражением казаков. Если верить Эвлии Челеби, то Реджеб-паша «опрокинул кресты» флагов всех 300 казачьих судов и захватил буквально все чайки. Сведения Мустафы Наймы, несколько менее фантастические, тоже весьма впечатляюще рисуют сокрушительное поражение казачьей флотилии.

С прекращением штиля и появлением сильного ветра, рассказывает хроника Наймы, «в несколько минут множество опрокинутых и разбитых лодок покрывает море тысячами неприя тельских трупов, а из трехсот пятидесяти чаек едва лишь тридцать достигают берега, где горстка проклятых спасается бегством». В ходе сражения (как сказано, почти до четвертого часа), по Найме, турки смогли потопить «только» 70 судов и «не иначе, как собрав все силы (43 галеры? — В. К.)[41], сумели уничтожить их остаток. По достижении такой прекрасной победы ночь проведена (эскадрой. — В.К.) в техже водах; наследующий же день, кроме ста семидесяти забранных чаек, насчитано семь сот восемьдесят живых неверных, взятых в плен»[42].

Результат сражения преподносился в Турции в качестве неве -роятной и огромной победы султанского флота. М.С. Грушевский уверен, что начало такому освещению было положено реля - днями самого капудан-паши. В них, а затем и в известных осман -ских источниках Карахарманская битва изображается «как огромный триумф турецкого оружия над козачеством, тоже, дескать, показавшим чудеса отваги, но все-таки разбитым турками.

Мустафа Найма утверждает, что описанный им бой, по мнению разбирающихся в морском деле, «не может идти в сравнение ни с каким на свете». Хронисту вторят тюркологи. «Это была, — уверяет И. фон Хаммер, — самая блистательная победа, какую до сих пор одерживала над казаками османская морская мощь». И.В. Цинкайзен пишет, что «эта морская победа, одно из немногих светлых пятен в те мрачные времена, чествована как одно из самых ярких военных дел. Не усомнились даже бесцеремонно поставить это сражение с пиратами в один ряд с битвой при Лепанто».

Как известно, более чем за полвека до Карахармана, в 1571 г., близ Лепанто, у побережья Греции, встретились османский флот, насчитывавший до 230 галер и 66 галиотов под командованием Мудэзин-заде Али-паши, и флот «Священной лиги» (Испания, Венеция, Генуя и Ватикан), состоявший из более чем 200 галер под начальством принца Хуана Австрийского.

Великое сражение закончилось разгромом турок, потерявших свыше 200 кораблей, в том числе 117 захваченных неприятелем, при потере союзниками только 15 галер. Следствием поражения для Турции явилась утрата гегемонии на Средиземном море.

Казалось бы, османы не должны были сравнивать поражение при Лепанто с победой при Карахармане, но именно о таком сравнении сообщал 24 сентября Т. Роу, известие которого И.В. Цинкайзен использовал как источник: «Этот морской бой ставят в один ряд с Лепанто и даже как еще более благоприятный по своему исходу...» И далее посол, поясняя причину более благоприятного результата, писал об опасности, в которой находился турецкий флот, и спасшем его ветре. Кажется, в Стамбуле сравнивали скорее не результаты двух сражений, а их величину и размах[43], что, разумеется, было бы лестно для казаков, если бы не утверждения об их разгроме.

Реджеб-паше была приготовлена торжественная встреча в столице империи. «Галеры, — писал 24 сентября Т. Роу, — вернулись с Черного моря... Капитан-паша с триумфом доставил 270 несчастных казаков...»[44] Куда подевались более 500 других пленников, неизвестно. В Золотой Рог триумфально привели и захваченные казачьи суда. Правда, их было не 300, как уверяет Эвлия Челеби, и даже не 170, а значительно меньше. Капудан-паша, по сообщению М. Бодье, «чтобы еще больше отметить в Константинополе свою победу... велел отбуксировать до самого порта семнадцать... небольших лодок». Главнокомандующий, согласно Т. Роу, «был принят так, как если бы Помпей снова закончил войну с пиратами, которые почти истощили Рим»[45]. Если Реджеб-пашу сравнивали с Гнеем Помпеем Великим, то это сравнение было неправомерным, хотя и показывало силу и значение казачества. В 67 г. до н.э. Помпеи усилиями римского военно-морского флота (13 эскадр и собственного подвижного отряда, состоявшего из 60 кораблей) и сухопутных сил разгромил пиратов Киликии, которые многие годы терроризировали Восточное Средиземноморье. При этом было убито 10 тыс. пиратов, примерно 20 тыс. пленено, в руки римлян попали 120 пиратских крепостей и баз, 98 кораблей и сотни небольших судов. Разумеется, Карахарманское сражение и близко не имело таких последствий, которые можно было бы сравнить с последствиями победы Помпея. Но на Реджеб-пашу посыпались награды падишаха, и одной из них, как говорит М. Бодье, стало «повышение морского паши в должность каймакама».

Характеристика казачьих потерь, которую дает Мустафа Найма, содержит внутренние противоречия. Первое из них заключается в том, что хронист сообщает о множестве потопленных судов и при этом сам же подчеркивает присущее им мореходное качество — значительную непотопляемость: «Чайки их (казаков. — В.К.), искусно оплетенные камышом[46] и прутьями, при сильном волнении не тонут, но почти заполняются водой, в которой погруженные по шею[47] негодяи бьются до упаду».

В. Катуальди, обращая внимание на другое свойство казачьих судов — маневренность, именно в связи с Карахарманским сражением утверждает, что «турки отчаянно бомбардировали неприятельские суда, но вреда им не наносили; построенные легко и снабженные двумя рулями, один на носу, другой на корме, казацкие ладьи ускользали от выстрелов и, наоборот, быстро подступали как раз в то время, как прекращалась стрельба из орудий». Впрочем, контекст сообщения Наймы таков, что если бы не известные особенности чаек, то их при Карахармане потопили бы гораздо больше, хотя и 70 реально потопленных судов были бы огромным числом для казачьего флота[48].

Второе противоречие возникает собственно из цифр, приводимых Наимой. Если было потоплено 70 судов и захвачено 170, а всего, значит, потеряно казаками 240 судов, то, спрашивается, куда подевались еще 110 судов из названного хронистом общего их числа 350? До берега, говорит он, добрались 30 судов, и если турки эти брошенные суда захватили, то они должны быть в числе 170. Если допустить, что турки 30 судов не нашли, то тогда их следует прибавить к казачьим потерям, которые будут исчисляться уже в 270 чаек, но при этом целыми все-таки остаются 80 судов. Найма же рисует полный, абсолютный разгром казачьей флотилии и не ведет речь ни о каких 80 непотопленных и невзятых судах[49].

Невзирая на это противоречие и имея под рукой гораздо вньшие цифры казачьих потерь, приводимые Т. Роу (о них скажем ниже), И. фон Хаммер принимает сторону Наймы, повторяет его «разгромные» сведения и даже увеличивает число захваченных судов со 170 до 172 [50]. Н.И. Костомаров также повторяет цифры Наймы и вслед за И. фон Хаммером пишет о самой блистательной победе, «какую когда-либо одерживали мусульмане над своими непримиримыми врагами козаками». В общем верит Найме и Д.И. Эварницкий, который говорит о 780 пленниках, но неизвестно как определяет, что в сражении «было разбито» будто бы 270 чаек. Французская история морского флота в соответствии со сведениями Наймы указывает, что турки захватили

половину казачьей флотилии. Во французской же «Всеобщей истории о мореходстве», сообщающей о «великом числе» потопленных судов, вместе с тем встречаем иронический отзыв о триумфе «великого адмирала»: «Паша привел в Константинополь 17 барок и 300 пленных с такою пышностию, как будто одержал одну из самых знаменитейших побед. Впрочем, сие торжество служило больше постыдным титлом слабодушия турков, нежели признаком их могущества». И.В. Цинкайзен полагает, что «османские источники у Хаммера», «естественно, скорее несколько преувеличивают потери казаков», но приводит тс же цифры И. фон Хаммера, разве что уменьшая число пленных с 780 до «около 700». Однако далее ученый говорит о значительной потере в людях и у турок, о просьбе капудан-паши к Стамбулу прислать помощь и отправке ее, о чем расскажем в дальнейшем.

У П.А. Кулиша воспроизведены цифры Наймы со следующим мнением историка: «В самом ли деле так много погибло казаков... или число захваченных в плен и уничтоженных чаек турецкими вестниками преувеличено, — во всяком случае казаки понесли здесь тяжкие утраты...»

Наиболее противоречив в оценке результатов сражения, пожалуй, А.Л. Бертье-Делагард. С одной стороны, он уверен, что «список козачьих потерь — одно из самых сомнительных мест в... реляции, написанной турками, у которых обычны самые нелепые преувеличения, как только дело доходит до русских проклятников». Мы уже отмечали, что историк не верит, что смогли уцелеть лишь 30 чаек. Кроме того, он полагает, что 786 пленных — «это далеко меньше, чем можно было бы ожидать по счету взятых челнов — 172», и что 786 могли снять только с 30 судов[51], а это «дает возможность думать, что остальные спаслись». У Э. Дортелли, продолжает А.Л. Бертье-Делагард, потеря казачьих судов показана минимальной (и об этих сведениях см. ниже), и «едва ли он мог не знать, если бы погибли все или почти все».

С другой стороны, историк заявляет о «вероятной гибели большей части участников боя — Козаков»; они «отчаянно сражались целый день и, почти вырвав победу у турок, погибли от стихийной силы». Далее читаем у этого противоречивого автора: «Сколько бы ни ушло челнов из-под выстрелов, но вполне возможно, что и на оставшихся немногие добрались до берега; да и те легко могли погибнуть в дунайских плавнях или еще более в степях Буджака и Дикого Поля, когда тщились сухим путем пробраться в Сечь. Не невозможно, однако, что спаслось немалой, выждав несколько, на уцелевших челнах пробралось домой. Как бы то ни было, потери были громадны, и, может, именно потому и не находим сведений об этом деле в южнорусских источниках»..

«Уцелевший клочок козачьей думы: " По синему морю хвиля грае, / Козацькі корабличек разбивав... / Сорок тысяч війска витопляе, / Гей, сорок тысяч війска ще й чотире", — предполагает А.Л. Бертье-Делагард, —быть может, след этого страшного, беспримерного боя».

Полагаем, что цитированная дума с ее поэтически преувеличенными потерями не имеет прямого отношения к Карахар-манскому сражению. С А.Л. Бертье-Делагардомже произошел казус: выразив недоверие турецким источникам, он в конце концов полностью поверил в трактуемый ими сокрушительный разгром казаков[52].

Из историков новейшего времени М.А. Алекберли вслед за И. В. Цинкайзено.м указывает на преувеличение казачьих потерь османскими источниками и И. фон Хаммером, но вслед за Наимой говорит об уничтожении 70 и захвате 170 чаек, а также, по И.В. Цинкайзену, о пленении около 700 казаков. Ю.П. Тушин, упоминая 172 захваченных судна, 786 пленных и 100 потопленных чаек (к 70 потопленным присоединил 30 добравшихся до берега?), пишет: «Но эти цифры сомнительны, так как если считать, что в каждой чайке находилось 40 казаков, то на захваченных челнах должно было быть 5—6 тыс. казаков, даже учитывая значительные потери в сражении (всего на 172 судах при экипажах в 40 человек должно было находиться 6880 казаков. — В. К.). Нам кажутся более вероятными сведения о 70 унич тоженных чайках и 786 пленных».

Первым по-настоящему не поверил в османскую «цифирь» и вообще усомнился в карахарманской победе турок В.М. Пудавов, ссылавшийся на изображение конца боя у Ф. де Сези, которое мы приведем далее. Историк посчитал, что в сражении «от турок и бури погибло до 500 донцов и до 800 запорожцев», но, запутавшись в походах 1625 г., взял эти цифры из сообщения о совсем другом, осеннем походе. Затем недоверие известиям османских источников о сокрушительном поражении казаков и безоговорочной победе турок выразили В. Катуальди, С. Рудницкий и М.С. Грушевский, опиравшиеся на западноевропейские сообщения.

Рассмотрим эти последние более полно, учитывая соображения названных авторов и имея в виду, что западноевропейские источники в силу их относительной нейтральности в основном более точны, чем турецкие.

Известия английского посольства в Стамбуле от 30 июля называют казачьи потери, совершенно отличные от тех, что дает хроника Мустафы Наймы: по рассказам, во время упоминавшегося беспорядка при отходе казаков с галер было потоплено 30 лодок [53]. Р. Левакович называет еще меньшее число потопленных в сражении казачьихлодок — 18. Э. Дортелли же, ссылаясь на турецких очевидцев, вообще говорит, что галеры с появлением ветра смогли двинуться «и тем потопить нескольких» (ne soifondarno alcune), — имеются в виду несколько судов [54].

Так или иначе, но получается, что казаки потеряли при Карахармане во много раз меньше судов, чем указывают турецкие сведения. Из сравнения же 17 чаек, участвовавших в стамбульском триумфе, и 170, которые будто бы были захвачены, невольно возникает подозрение, что реальное число подверглось десятикратному увеличению[55].

Английское и французское посольства сообщали другие данные и о людских потерях казаков. В известиях Т. Роу от 30 июля сказано, что в плен попало «600 или 700 человек», а из письма Ф. де Сези от 5 октября (25 сентября) вытекает, что казаки потеряли лишь около 200—300 «своих товарищей»[56]. У М. Бодье читаем, что «некоторые (казаки. — В.К.) спаслись бегством, многие были убиты, многие утонули», но конкретная цифра приведена только в отношении попавших в плен: «обращены в рабство» 300 человек.

По выводу М.С. Грушевского, «потери Козаков совсем не были велики — погибло лишь несколько сот человек». Вообще-то подобные потери не назовешь и малыми, однако историк исходил из общего большого числа участников похода. Похоже, впрочем, что потери оказались еще меньше, чем думает М.С. Грушевский. Во всяком случае, ни о тысячах казачьих трупов, плававших в воде, ни о спасении лишь «кучки» казаков говорить не приходится.

Разумеется, не обошлась без людских потерь и османская эскадра, особенно во время абордажа. Согласно Ф. де Сези, турок погибло приблизительно столько же, сколько и казакон. Последние, замечает посол, отступили с галер, «убив две или три сотни человек». «Столкновение, — говорится в английских посольских известиях, — было кровопролитным для обеих сторон, когда вступили в рукопашную схватку, и янычары едва небыли полностью истреблены»[57].

Л. Фаброни отмечал, что в ходе сражения галеры получили повреждения, а о ситуации с рулем на капудане говорилось выше. Уже после Карахармана, 2 сентября, от шторма постра дала и эскадра Реджеб-паши, потерявшая у Балчика четыре корабля.

Вопреки турецкому известию о бегстве «горстки» оставшихся казаков Р. Левакович утверждает, что первой место сражения покинула османская эскадра: «... поскольку трудно было устоять против ветра, моря и врагов, первыми отошли турецкие галеры... то же самое сделал и султан (Яхья. — В.К.) с оставшимися 112 парусами»[58]. Ф. де Сези и вовсе сообщает, что казачья флотилия состояла из «таких решительных и таких отважных» людей, что «они имели славу гнаться за турецкой армией (эскадрой. — В. К.), когда к вечеру ветер немного успокоился»[59]. М.С. Грушевский даже полагает, что при этом турки убегали от казаков.

К сожалению, мы не знаем, так ли это, но французский посол писал после возвращения эскадры в Стамбул и мог иметь информацию с вернувшихся кораблей; возможно, морякам и солдатам только казалось, что их преследуют. В любом случае, поскольку Т. Роу молчит о преследовании, надо думать, что если оно и имело место, то догнать галеры казакам не удалось. Кроме того, возникает подозрение, не должно ли было сообщение о ночевке эскадры «в тех же водах», подчеркнутое Мустафой Наймой, как-то «прикрыть» поспешный отход Реджеб-паши с места сражения.

И.В. Цинкайзен утверждает, что капудан-паша был вынужден на случай возобновления битвы просить как можно скорее подкрепления60. «Все, что тут (в Стамбуле. — В.К.) разве еше могло держать оружие, поэтому было поспешно собрано и отправлено к флоту». Прямое указание такого рода в бумагах Т. Роу, на которые ссылается тюрколог, нам не встретилось, однако в известии посла от 11 августа сказано, что семь галер «посылаютсядля подкрепления капитан-паши на Черное море против казаков, которые в последней схватке очень ослабили его».

Сразу по окончании сражения, но уже по приходе сообщения об османской победе, английское посольство извещало Лондон, что в Стамбуле «все наполнено тревогой и страхом». В «Рассуждении о договоре Испании с великим синьором», которое помечено 2 октября и было вручено великому везиру, Т. Роу, игнорируя «знаменитую победу», отмечал «из опыта», что запорожцев «невозможно обуздать», разве что полякам удастся застать их врасплох зимой и сжечь их лодки, но Польша этого никогда не сделает, пока турки не удержат от набегов татар. А весной следующего года, как увидим, посол будет сообщать о великом страхе на Босфоре и в столице в

связи с новыми слухами об ожидавшемся очень большом приходе казаков. Следовательно, карахарманская победа и триумф Реджеб-паши совсем не впечатлили и не успокоили турецкие власти и население.

Об этом свидетельствует и итальянский документ XVII в., утверждающий, что османские галеры так пострадали при Карахармане, что султан «впал в тревогу... опасаясь, что это великое множество казаков высадится вблизи Константинополя, как они это делали прежде, а его министры не нашли лучшего средства, чем послать срочного курьера к королю и Республике Польской, грозя им от имени Великого Турка сиюминутной войной, если они тотчас же не пошлют польскую армию на Борисфен, где находились жены и дети казаков, чтобы произвести отвлекающее нападение». То же говорит и Л. Фаброни: султан «был в большей тревоге и боялся, как бы этот казачий флот не приблизился к Константинополю», почему и послал упомянутое требование польскому королю.

В письме Ф. де Сези от 5 октября (25 сентября) находим мнение посла о карахарманской победе, сводящееся к тому, что у капудан-паши «не было так много преимущества над казаками, как было объявлено в этой Порте». М. Бодье же характеризует победу и вовсе как «незначительную в военном отношении, но важную для Константинополя». В общем изучение европейских источников показывает правоту М.С. Грушевского в том, что «более точные известия значительно ослабляют картину этой победы».

В. Катуальди, ссылаясь на замечания Т. Роу и великий страх в Стамбуле, заставивший турецкое правительство спешить с окончанием работы по дополнительному укреплению входа н Босфор, даже считает, что османы старались «придать характер победы тому, что в действительности было поражением». С этим последним мнением согласиться нельзя, потому что поражение турок должно было означать победу казаков. Ее они, однако, не добились, хотя были близки к ней, на равных сражались с самой мощной эскадрой имперского флота и впервые в казачьей воен -но-морской истории едва не взяли флагманский корабль капудан-паши.

Пожалуй, наиболее точно результат сражения для турецкой стороны определил Т. Роу, который в письме Э. Конвею от 24 сентября, иронически отзываясь о триумфальном возвращении Реджеб-паши, привел латинскую фразу: «Non de victoria, sed de non victo triumphavit» — «Не победу славят, а непоражение».

3. После Карахармана

Р. Левакович утверждает, что после сражения Яхья повернул к устью Днепра, «чтобы соединиться с оставшимся (казачьим. — *В.К.)* флотом, [который] исчез из-за плохой погоды, и с намерением потом пристать в другом месте, чтобы отправиться на осаду Константинополя». Яснее о том же сказано у В. Катуальди: «Яхия в виду непогоды не мог и не хотел преследовать турецкого отряда и повернул с оставшимися казаками к устью Днепра, спеша соединиться с главным отрядом, который, сначала разбросанный, кончил все-таки тем, что собрался и направился к устью той же реки».

Согласно Р. Леваковичу, решение о возвращении в Сечь было принято только после соединения авангарда с основной флотилией. Причины решения объясняются так: «Когда весь флот объединился, казаки захотели вернуться на Запорожье, чтобы отдохнуть и взять новые боезапасы с намерением вернуться, снабженные как должно, на осаду Константинополя...». О возвращении в Сечь «за военными запасами» говорит и «капитан» Иван.

Приведенные утверждения вызывают большие сомнения. Почему надо было соединяться непременно около днепровского устья, так далеко от Босфора, а не в каком-то более близком к нему месте? Подобное могло произойти, если бы казачье командование не договорилось заранее о возможном пункте встречи на случай разделения флотилии. Однако соединение разбросанных штормом отрядов в ходе других экспедиций свидетельствует о том, что такая возможность обычно предусматривалась. Поскольку флотилия, на которой находился Яхья, давно прошла Босфор (что игнорирует Р. Левакович), полагаем, что и решение возвращаться домой казаки приняли еще до сражения. После Карахармана же они просто продолжили свой путь.

Иван рассказывал, что «в устье Борисфена» им удалось взять и сжечь якобы 300 турецких лодок. У Р. Леваковича находим подробное описание этого дела, произошедшего 23 (13) августа, через 17 дней после Карахармана. «Войдя за два часа до рассвета в устье Борисфена, (претендент. — *В.К.)* нашел там 300 турецких лодок, и, обнаружив их, [казаки] напали на них внезапно и убили всех подошедших турок». По мнению францисканца, Яхья, произведя немедленное нападение,

проявил предусмотрительность, «поскольку, как он сказал, под покровом ночи турки могли бы убежать и оставить лодки, а если бы это было днем, то ему бы пришлось либо убежать, либо сражаться с риском, так как число Яурок было значительно больше, и у них были [пушки]».

Среди прочих, продолжает Р. Левакович, в своей палатке был убит и темишварский паша, спавший в рубашке и не успевший даже одеться. Он «привел силой 3 тысячи христиан этого пашалыка и разных краев Болгарии, которые, приблизившись к казачьему войску, кричали громким голосом, что они все христиане и хотят служить султану» (Яхье)[61]. По освобождении «им дали оружие и распределили по флоту». Эти христиане и пленные османы показали, что «при захвате лодок погибло около 7 тысяч турок». По Р. Леваковичу, казаки «захватили большую добычу, нашли много съестного и боевых запасов» и 300 пушек, «которые были специально изготовлены в Константинополе, чтобы использовать их против казаков». Последние погрузили орудия на чайки, а взятые лодки сожгли.

Видимо, в основе приведенного повествования лежало реальное событие, но указанные цифры слишком велики: и 300 захваченных лодок, и 300 пушек, и 3 тыс. освобожденных христиан, не говоря уже о 7 тыс. убитых турок, — после этого числа В. Катуальди поставил знак вопроса.

Затем, согласно Р. Леваковичу, казаки «отошли на 3 мили от форта Очакова, чтобы подождать отряд своего флота... На тре-тий день (т.е. 26 (16) августа. — *В.К.)* прибыл весь флот, сильно потрепанный морем, и проявил большую печаль оттого, что не пришлось участвовать в вышеуказанном сражении. Султан (Яхья. — *В.К.),* утешив свой флот, приказал распределить добычу с вышеупомянутых лодок поровну между теми, кто присутствовал, и теми, кто отсутствовал». Разместив по судам 300 орудий, казаки «стреляли в воздух в знак радости»[62].

По словам самого Яхьи, запорожцы, ходившие, как мы полагаем, в рассматриваемый поход, «пришли с моря в Успеньев день», т.е. 15 августа. Эта дата вполне соотносится со временем разгрома турецких лодок, который Р. Левакович относит к 13 августа, и на один день отстает от гипотетического воссоединения отрядов флотилии. Поход, таким образом, продолжался 3,5 месяца.

П.А. Кулиш думает, что запорожцы вернулись в Сечь «в жалком виде», так как «в этом году казакам не "пофортунило", как в прошлом[63]... Казацкие tirones (ученики ратного дела. — *В.К.)* вернулись... на Запорожье, растеряв по Черному морю свои собственные и взятые на прокат... чайки... погубив множество отважного народа, издержавшись попусту на "добычную дорогу" и очутясь в неоплатных долгах у армян и жидов». Этой трагической картине можно не верить, зная, что на самом деле потери казаков не были столь ужасными, что в поход ходили не одни несмышленые «ученики» и что безысходные долги автор, собственно, додумал от себя[61].

Но все же, как справедливо говорит С. Рудницкий, экспеди -ция в целом оказалась «неудачей казаков, хотя и не великой». Дело заключалось в несоответствии размеров экспедиции и ее результатов. Тот же автор замечает, что и раньше случались неудачные меньшие набеги, «но это было первый раз, когда поход, снаряженный в таких размерах, окончился неудачею». Подобного же мнения придерживается и М.С. Грушевский. Добавим, что безрезультатной оказалась и вся затея с претендентом на царьградский престол.

Итальянский документ XVII в. утверждает, что поскольку поляки, запуганные угрозой Турции начать войну, послали свои войска на Днепр, казаки, находившиеся с Яхьей, «были вынуждены вернуться и защищать свои дома и семьи». Так же излагают события Л. Фаброни и Д. Дзаббарелла, а «капитан» Иван даже говорит, что когда запорожцы вернулись домой за военными запасами, то «нашли поляков, которые напали на казаков». Этого не могло быть, так как вторжение польской армии произошло уже после возвращения казаков с моря.

В. Катуальди поправляет приведенные сведения: «Получив после сражения в устье Днепра. — *В.К.)* известие, что поляки, побуждаемые и угрожаемые турками, готовились к походу против казаков, люди Яхии спросили у него позволения отправиться домой, клятвенно обещая как можно скорее вернуться к затеянному делу». Разумеется, в действительности не могло быть и речи о такой просьбе со стороны запорожцев, никак не зависевших от «царевича», который, напротив, весьма зависел от них. Упомянутый итальянский документ рассказывает, что сечевики будто бы приглашали Яхью возглавить их в войне с поляками и обещали, справившись с ними, вновь последовать за претендентом на Стамбул. Яхья же не внял мольбам казаков и отвечал, что «он не хочет поднимать оружие против христианских

государей». В письме Д. Дзаббареллы, более того, сказано, что запорожцы якобы «хотели сделать его (Яхью. — *В.К.)* королем России, если он согласится повести их на поляков, но он положил свою саблю на землю и сказал, что он христианин и предпочитает скорее лишиться жизни, чем воевать с христианами». Эти известия нельзя расценить иначе, как явную и довольно нелепую выдумку, призванную возвысить самозванца. Она выглядит несуразно в отношении запорожских «лыцарей», предводители которых на порядок превосходили Яхью и по боевому опыту, и по авторитету среди сечевиков и украинского населения.

Военные действия с поляками закончились подписанием осенью того же года Куруковского соглашения. Одним из его условий являлся полный запрет совершать морские походы против Турции, для чего запорожцы должны были сжечь свои суда. Вскоре же выяснилось, что выполнять это обязательство в полном объеме Сечь не намеревалась.

Московское правительство не имело возможности равным образом наказать Войско Донское, но обрушило гнев на прибывшую в Москву донскую станицу. За казачьи набеги на Крым и Турцию, в том числе взятие Трабзона в рассматриваемом походе, и совместные боевые действия с запорожцами атаман А. Старой и несколько членов его станицы 21 октября были сосланы на Белоозеро, где находились два года.

В грамоте царя Михаила Федоровича, обращенной к донским казакам, выражалось острое недовольство действиями Войска: «А преже того писано к вам во многих наших грамотах... чтоб вы под турского (султана. — *В.К.)* городы не ходили и на море судов и катарг не громили... и вы то наше царское повеле-нье поставили ни во что... и нам то в великие подивленье, что вы так делаете... и тем меж нас и турского салтана и крымского царя делаете ссору и нелюбье...» Напомнив о репрессиях в отношении казаков при прежних государях и в последнее время при Борисе Годунове, царь требовал объяснений и угрожал блокадой Дона.

«Чем отозвались на сие казаки и какое действие имела грамота, — замечает В.Д. Сухорукое, — мы не знаем, известно только, что они и в следующем 1626 году ходили на море...» Из царской грамоты на Дон от 27 сентября 1627 г., однако, видно, что донцы обещали на море не ходить и «судов... и турского салтана городов и мест» не воевать. Обещание давалось в «дипломатических целях» и, конечно, не было сдержано.

1 сентября 1625 г. Яхья покинул Сечь. По словам «капитана» Ивана, «царевич Александр хотел от них (запорожцев. — *В.К.)* уйти, и... они ему дали бумагу и клятву, что каждый раз, как он вернется или же пошлет кого-нибудь из своих слуг с вышеупомянутой бумагой и определенным знаком, они пойдут со всеми силами куда он прикажет, чтобы служить его делу». Р. Левакович рассказывает, что он в Пьемонте спросил у Яхьи об этой бумаге, и тогда претендент достал ее из шкатулки и дал в руки автору; документ был написан «на рутенском языке». Об обязательстве запорожцев перед Яхьей сообщают также Л. Фаб-рони и Д. Дзаббарелла.

Иван уверял, что «царевич», «чтобы избежать гнева поляков, поехал на Танаис ко всеобщему большому неудовольствию (запорожцев. — *В.К.)* и... с Танаиса... поехал в порт Св. Николая» (Архангельск). Согласно Р. Леваковичу, претендент при расставании говорил сечевикам: «... если вы меня любите, то прошу вас проводить меня... к вашим союзникам, а моим друзьям — казакам Танаиса... Там я подожду, пока вы не придете к соглашению (с королем. — *В. К.),* и тогда мы начнем наш поход (на Стамбул. — *В.К.)».*

Видя, что Яхью не отговорить, запорожцы «дали ему 120 коней, с которыми он через степи направился клевому берегу Днепра и несколько дней спустя прибыл к донским казакам, которые его приняли очень хорошо». О том, что «царевич» «удалился с другими казаками на Танаис», пишет и Л. Фаброни.

В действительности же Яхья из Сечи направился на Украину и 17 сентября прибыл в Киев к митрополиту Иову, а оттуда по совету владыки и в сопровождении его представителя попа Филиппа поехал в Россию в надежде перетянуть на свою сторону Москву. 2 декабря самозванец прибыл в Путивль и вскоре затем был перемещен в Мценск. Согласно Л. Фаброни, царь принял гостя «с великими почестями» и сделал ему богатые подарки. Это, безусловно, большое преувеличение, но приняли Яхью вежливо.

В январе 1626 г. он обратился к Михаилу Федоровичу и его отцу, патриарху Московскому и всея Руси Филарету, с просьбой, «чтоб они... велели ему итти через свое государьство на Дон и казаком, которые тут на Дону, позволили б с ним итти; и он бы прошол с ними рекою Доном да Чорным морем в реку Дунай и Дунаем-рекою в Болгарскую землю, а болгары -- ево государьства люди и учнут збиратца тотчас. А будет государь того не пожалует, донским казаком итти с ним не

поволит, и государи б пожаловали ево, велели дати мушкетов, сколько они, государи, пожалуют, и пропустить ево Доном же рекою, чтоб ему проехать Черным морем в Болгары».

«А будет казаком помочи учинить и мушкетов дать не велят, — заключал Яхья, — и они б, государи, пожаловали ево, велели пропустить через свои государьства на Великий Новгород или на Архангельской город, чтоб ему проехать к шюрину своему, ко князю Флоренскому (Флорентийскому. — *В.К.)...»* В том же месяце Яхья повторил свою просьбу, добавив, что если царь повелит донцам идти с ним через Черное море, то и «казаки запорожские с ним пойдут же».

Царское правительство, придя к официальному выводу, что претендент на царьградский престол является самозванцем, и не желая вступать в открытое столкновение с Турцией, поколебавшись, отказало Яхье в поддержке.

Ему было объявлено следующее царское решение: «И тово учинить, что ево на Дон отпустить, немочно, потому что на Дону живут казаки, вольные люди, и государева повеленья мало слушают, и воровство от них чинитца многое, и зато на них бывает его государьской гнев, а люди они немногие, большие войны им турскому (султану. — *В.К.)* учинити нельзе; а с турскими прежними салтаны было у великого государя [друже]ство и любовь, и ссылка, а с крымским царем потому ж ссылка и любовь, а недружбы меж царьского величества и турсково салтана по ся место не бывало и с крымским царем нелюбья нет...»

Яхье также было сказано, что он не может вернуться в Польшу и Литву или выехать за границу через Новгород и что, «кроме Архангельского города, в немецкие государьства проехать ему некуды».

Не дослушав толком от царских следователей это решение, Яхья, по их словам, «стал ужасен и учал плакать», и успокоился только после четких разъяснений, что его выпустят за рубеж через Архангельск. В 1627 г. претендент отбыл оттуда в Гамбург[65].

Из Западной Европы, как указывал Р. Левакович, Яхья послал болгарских «капитанов» с письмами к Иову и казакам, чтобы уведомить их о своем благополучном путешествии, а также направил М. Пилато к господарю Валахии и Молдавии Радулу. Оказалось, что последний умер, а из Киева посланцы вернулись с очень любезным ответом митрополита и запорожцев.

Согласно В.В. Макушеву и П.А. Кулишу, похождения Яхьи в Западной Европе продолжались до 1635 г., после которого пропадает всякий след самозванца. Это не так, и последние известные его контакты с казаками относятся к 1637 г. Русский представитель Степан Чириков, приехавший в Азов 24 июня указанного года, сообщал оттуда в Москву, что в Войске Донском получен лист от Яхьи с предложением собираться в Чернигов, что донцы в поддержке претенденту отказали, но что после того у запорожцев, которые находились во взятом казаками Азове, был свой круг, где читали тоже письмо, и сечевики стали собираться в дорогу[66]. Донские казаки в то время занимались Азовом, и им было не до поддержки притязаний «царевича Александра».

Теперь посмотрим, отразилась ли карахарманская неудача на босфорских действиях казаков в ближайшие за ней годы.

8 марта (26 февраля) 1626 г.Ф.деСезидоносилЛюдовикуХШ, что султан хотел бы весной идти на персов, но муфтий и везиры предостерегают его от этого шага: падишах не может покинуть Стамбул, чтобы «не оставить важнейшую часть своей империи во власти короля Татарии (хана. — *В.К.},* который объединен с казаками» и может попытаться, придя по суше или через Черное море, взять столицу. Разумеется, морским путем к Стамбулу могли подойти только казаки.

Той же весной английский посол отправил из османской столицы целую серию депеш, рассказывавших о слухах относительно нового прихода казаков, начинавшейся панике на Босфоре и в Стамбуле и турецких приготовлениях. «Казаки подготовили лодки, чтобы заполонить море», — писал Т. Роу своему коллеге в Гааге Д. Карлтону 25 марта, добавляя, что англичане в Стамбуле желают казакам «небольшой удачи, если они придут сюда». «Армада, — сообщал посол, — приготовлена для охраны Босфора...» О том же Т. Роу докладывал 8 апреля герцогу Джорджу Вильерсу Бэкингему: «Казаки приготовились заполонить море, а армада здесь — охранять побережье и канал».

Однако подробнее всего обстановка тех месяцев охарактеризована в депеше посла Э. Конвею от 6 мая[67]. Т. Роу передавал ..слухи о том, что казаки «готовы с 700 фрегатами[68] напасть на какое-нибудь место возле этого города[69]; снаряжение предоставлено им от короля

(Польши. — *В.К.)* и польский капитан на каждую лодку. Они угрожают сражаться с армадой великого синъора[70] и поклялись окружить и взять приступом адмиральскую галеру. Все селения на Босфоре до ворот Константинополя дрожат, и город не без страха, ослабевши некими предсказаниями и астрологами, которые предрекают великое несчастье от северного народа»[71].

«Двадцать галер, — сообщал посол, — охраняют устье канала; капитан-паша еще примерно с 40 галерами выйдет в течение десяти дней, почти уже побежденный своим собственным и всеобщим страхом».

Через день, 8 мая, Т. Роу еще раз писал Д. Бэкингему, что слухи о казаках наполнили турок «суеверным страхом» и заодно новыми подозрениями в отношении самого дипломата.

Депеши посла хорошо передают нервозную атмосферу в правящих кругах и среди населения османской столицы, хотя и с некоторыми неточными представлениями о казачьих реалиях. Ни о каких польских капитанах на запорожских чайках не могло идти и речи даже при гипотетическом желании Речи Посполитой непосредственно руководить казачьими действиями на море. У поляков просто не было людей, способных командовать чайками, да и казаки никогда бы не допустили к командованию своими судами посторонних и совершенно неопытных лиц. Впрочем, и в XIX в. это не понял И.В. Цинкайзен, который при пересказе депеши Т. Роу упоминал даже «искусных» польских капитанов. Но еще удивительнее читать утверждение современного историка о том, что король Сигизмунд «снабдил казаков значительным запасом боевых припасов, а их суда... вооружением и искусными водителями».

Донесения английского и французского послов подтверждаются голландским сообщением 1626 г. Известный купец И. Масса прислал из Голландии царю Михаилу Федоровичу вестовой печатный лист, где излагался слух из Стамбула, что янычары и сипахи «волнуют и не хотят против персидцкого (шаха. — *В.К.)* итти, покаместа им денег не дадут, а для того, что казаки на Черном море турскому (султану. — *В.К.)* великую шкоду учинили, и турскои посылает на тех казаков пятдесят караблей». Состав флота по этому сообщению точно совпадал с общим числом галер, названным Т. Роу.

О панике в Стамбуле сообщал также С. Конецлольский в письме киевскому воеводе Т. Замойскому от 25 (15) июля. Согласно этому известию, она была вызвана слухами о выходе в Черное море уже 1 тыс. чаек.

Паническим слухам о громадном числе казачьих судов поверили не только тогдашние жители Босфора, но и некоторые позднейшие историки. М.А. Алекберли полагает, что запорожцы в самом деле «собрали значительную силу, около 700 чаек», но «ограничились действиями в районе Очакова и Босфора, потеряв при этом 25 чаек». Автор, не поясняя, что это за «ограничение», при котором действия происходят в самом центре Османской империи, рядом с ее столицей, приводит и другие сведения: в экспедиции участвовали не 700, а только 400 чаек, и из них было потоплено до 20.

Ю.П. Тушин называет утверждения М.А. Алекберли о 400— 700 судах предположением и выражает сомнение в том, что «после тяжелых потерь во время морского похода 1625 г. и жестокой борьбы с поляками... запорожские казаки смогли выставить такое число чаек, которого они не собирали даже в наиболее благоприятные для себя годы»[72]. Историк предлагает свой вариант: в 1626 г. 70 запорожских судов предприняли поход к Босфору, закончившийся неудачей, — было потеряно 25 чаек[71].

Нам трудно поверить обоим авторам, некритически использующим предшествующую литературу и неточно ее понимающим. Так, И.Х. фон Энгель, на сведениях которого основывается М.А. Алекберли, вовсе не говорит, что поход был на Босфор. Согласно немецкому автору, ссылающемуся в свою очередь на Ф. де ла Круа, в 1626 г. казаков на Черном море преследовало несчастье: турецкий адмирал пустил ко дну от 15 до 20 чаек. У И.В. Цинкайзена, ссылку на которого также дает М.А. Алекберли, мы не нашли сведений о босфорском походе 1626 г.[74]

М.С. Грушевский пишет о некоторых действиях запорожцев на море в 1626 г., но считает, что тревога турок, связанная с ожиданием мощного набега, «на этот раз была напрасна» и что против такого набега были верхи казачества, заключившие соглашение с польскими властями[75].

Вместе с тем в этом году казачьи суда, видимо, все же побывали поблизости от Босфора. В голландском сообщении от мая 1626 г. сказано, что казаки грабили до стамбульского пригорода Фанара. Т. Роу о таком дальнем заходе в пролив молчит, и поэтому возникает вопрос, не путает ли источник пригород столицы с босфорским маяком. Для нашей темы еще интересно, что, согласно

голландским же сообщениям от 29 июля и 12 августа, казаки взяли и разгромили Карахарман. В связи с неудачей в Карахарманском сражении это действие выглядит вполне оправданным в психологическом отношении.

1627 г. на Босфоре также прошел относительно спокойно[76], хотя снова поднималась волна страха, связанная со слухами о подготовке казаков к очередному набегу. Е. Збараский в письме от 13 (3) июня указанного года сообщал Сигизмунду III известие, полученное из Стамбула: «... пришла из Очакова в Порту весть, что шестьсот челнов казаков вышло на Черное море, отчего тревога была великая и задержались с посылкой галер на Черное море для строительства... замка под нами (в устье Днепра. - *В. К.)*»[77].

Некоторый сбой Босфорской войны и известное ослабление казачьих ударов по черноморскому побережью можно было бы объяснить последствиями Карахарманского сражения. С. Рудницкий как раз замечает, что тогдашняя неудача «должна была повлиять пагубно на отвагу и уверенность» казаков. Но, как мы видели, в это не верили сами турки, и скорее всего в первую очередь сказалось давление запорожско-польского соглашения и московской опалы, наложенной на Дон, и, можетбыть, усиление оборонительных мер со стороны Турции.

Не исключено, что это подметил шляхетский писатель Ш. Старовольский. В 1628 г. он опубликовал свою книгу «Рыцарь польский», в последней главе которой «О запорожских казаках», упомянув предыдущие казачьи «набеги в Азию вплоть до Трапезунта» на захваченных турецких галерах, утверждал: «Но так обычно случалось прежде; теперь же турок, поставив все свои корабли на охрану моря, значительно затруднил предприятия тех, кто взял за обычай жечь или грабить поместья даже в самой близости от Константинополя. И они не могут поживиться иначе, как применив какую-либо уловку или военную хитрость».

Однако именно в 1628 г. пауза закончилась, и казаки снова появились на Босфоре. Сведения о новом нападении приводит грамота московского царя на Дон, которую публикаторы «Донских дел» датируют 2 сентября 1627 г. Эту хронологическую ошибку, повторенную затем Н.А. Смирновым и М.Н. Тихомировым, заметил В.П. Загоровский. Можно добавить, что грамо-ту и соответственно набег ошибочно датируют 1627 г. также А.А. Новосельский, Б.В.Лунин, Ю.П.Тушин, Н.А. Мининков и другие историки.

В.П. Загоровский обратил внимание на то, что упоминаемое в грамоте посольство Семена Яковлева отправилось из Москвы в Турцию весной 1628 г. и что отсюда и документ следует датировать 2 сентября 1628 г. Собственно говоря, ошибка видна из логики самого текста грамоты. Здесь сообщается, что турецкий посол Ф. Кантакузин в «нынешнем» 136 г. приезжал в Москву и был отпущен из нее на родину, но 7136 г. начался лишь днем раньше, 1 сентября, и, следовательно, надо было сказать: в прошлом 136 г. Ф. Кантакузин же прибыл в Москву 11 декабря 1627 г. и на обратном пути вместе с С. Яковлевым был передан из Войска Донского в Азов около 13 июля 1628 г.

О набеге к Стамбулу грамота говорит следующее: «И ныне нам... учинилося ведомо, что вы, атаманы и казаки, сложась с запорожскими черкасы, на море ходили и городы турского (султана. — *В. К.)* воевали, и приходили близко самого Царьгорода, и многие городы взяли, и села и деревни пожгли, алюдей побили, исАзовомвоевалисьпотовремя, как пришли на Дон послы наши и турской посол, и то все турской посол и капычеи (капуджи — дворцовые привратники. — *В.К.),* и турчаня, которые с ними, видели, как вы с моря пришли и полон с собою привезли; и за тем послом нашим и турскому послу на Дону было долгое мешканье».

Причина последнего, несомненно, заключалась в том, что казаки, как и в других случаях, не передавали послов *в* Азов, пока не вернулась с моря действовавшая там флотилия[78]. По-видимому, это произошло незадолго до 13 июля. Поход, судя по документу, был вполне успешным.

Далее в грамоте прописывался выговор Войску Донскому и одновременно содержалось «прощение», сопровождавшееся, впрочем, очередными угрозами. «А вы, атаманы и казаки, — говорилось в послании, — нашего царского указу и повеленья не слушаете и наше государског жалованье ставите ни во что, делаете так, забыв свои головы; меж нас, великих государей, ссору делаете, сложились з запорожскими черкасы, а сами ведаете, что запорожские черкасы служат польскому королю, а польской король нам неприятель и всякое зло на наше государство умышляет, и хочет того, чтоб нас со всеми государи ссорить...»

После риторического вопроса, не думают ли казаки, что великий государь не может с ними «управитца», следовало утверждение, что если бы «не заступленье и милость» к ним

патриарха Филарета, то он, царь, учинил бы «указ». Однако по совету патриарха же, продолжала грамота, «положили есмя то на милость, наказанья вам ныне учинить не велели, ожидая от вас в ваших винах исправленья». Если же походы на море продолжатся, то «мы вперед терпеть не учнем, и милости нашей к вам вперед не будет: велим за то ваше непослушанье казнити смертью. И вы б, атаманы и казаки, такова дурна вперед отстали... искали б естя к себе нашие милости, а не опалы».

Ю.П. Тушин почему-то рассматривает изложенную информацию о походе как «сообщение турецкого посла в Москве», хотя, как мы видели, казаки вернулись с моря, когда Ф. Кантакузин уже находился на пути домой. Скорее всего, о походе сообщил с Дона в Москву С. Яковлев. Османскому же послу было особенно оскорбительно ожидать и наблюдать возвращение донской флотилии из-под своей столицы. Неприятность усугублялась тем, что он привозил в Москву предложение о турецко-русском союзе против Польши с соответствующими взаимными обязательствами удерживать от набегов татар и казаков, а московское посольство везло послание Мураду IV, в котором царь заверял падишаха, что донцы на море не ходят, с турками «ничем не зацепляются» и впредь не будут, и просил султана, чтобы «в том... верил слову... государскому».

Турецкие источники подтверждают, что в 1628 г. донцы действительно совершили массированное нападение на Босфор. «Опустошительный набег на стамбульские окрестности 150-ти шаек (чаек. — *В. К.)* донских казаков, когда они между прочим разграбили местечко Новую деревню, — пишет тюрколог В.Д. Смирнов, —...упоминается всеми современными историками (автор ссылается на «Фезлеке» Кятиба Челеби, хронику Мустафы Наймы и «Ревзетуль-эбрар». — *В.К.)* под 14 шевваля 1037 (1628) года». 14 шаввала, по нашему пересчету, соответствует 8 июня[79]. Мы видим, что Еникёй снова, как и в 1624 г., стал объектом атаки и разгрома. Можно предположить, что были также атакованы какие-то пункты севернее Еникёя — Сарыер, Бююк-дере, Тарабья или Бейкоз. Состав флотилии, совершавшей этот набег, явно преувеличен османскими современниками[80].

Казачьи нападения 1610—1620-х гг. показали, что замки Румелихисары и Анадолухисары оказались не в состоянии прикрыть имперскую столицу, не говоря уже о том, что они не играли никакой роли в обороне северной части Босфора. Стала оче-видной необходимость предпринять какие-то кардинальные меры, способные предотвратить появление казаков в проливе и их угрозу Стамбулу. По мнению правящих кругов и командования вооруженных сил Турции, лучше всего было возвести новые сильные крепости на Босфоре, но гораздо севернее прежних, при самом входе в пролив из Черного моря.

Мощным толчком к принятию такого решения послужил сокрушительный набег казаков 9 июля 1624 г., о чем свидетельствуют современники. Приближенный Мурада IV Кучибей, говоря о побудительном мотиве сооружения новых фортов на Босфоре, имеет в виду разгром 1624 г.« После того как в год вступления на престол султана Мурада IV[81] днепровские казаки... совершили нападение, — читаем у Эвлии Челеби, — в ответ на это вышеназванный султан приказал воздвигнуть у входа в Босфор крепость Кавак, а напротив нее — крепость Юрус»[82]. «Вследствие этого (разгрома босфорских селений 1624 г. — *В. К.),* — говорится в греческой записи на рукописи афонского монастыря, — построили две новых башни... одну на европейском берегу, другую на азиатском».

Согласно Эвлии, конкретное решение о строительстве крепостей было принято на совещании у султана, обсуждавшем грабежи и сожжение Тарабьи и Еникёя, а также Бююкдере и Сарыера. Мурад IV обменивался мнениями со своими везирами и по совету Реджеб-паши и Кузу Али-аги приказал соорудитьдва сильных замка на обеих сторонах пролива, чтобы закрыть вход казакам из Черного моря. Кучибей говорит, что форты «понадобилось построить в проливе» для «отражения... разбоев и злодейств» казаков и «для защиты стамбульской стороны» (в другом варианте сочинения того же автора: «для защиты стамбульских окрестностей»).

Цель строительства прекрасно понимали и европейские современники. В итальянском источнике фигурирует задача удержания казаков перед Босфором, а Ж. Шарден писал, что крепости возводились, «чтобы преградить вход в пролив казакам, московитам и полякам, приходившим прежде на своих судах и совершавшим набеги в виду самого Константинополя»[83].

В начале Босфора, в местности, которая при византийцах называлась Гиерон, на мысу с одноименным названием, когда-то[84] уже существовали два замка. Древнейшим из них являлся располагавшийся на азиатском берегу пролива, севернее позднейшего Анадолукавагы, и

именовавшийся Гиероном, или Генуэзским замком, а при турках — Юрусом. В свое время это был замок-храм халкедонцев, а под конец византийской эпохи — замок генуэзцев, которые собирали там пошлину. Он был захвачен Баезидом I при движении на Балканы и переходе Босфора и затем большей частью сохранен. В XV в., при Мехмеде II, в замке стоял турецкий гарнизон, которого в [XVII в. уже не было, но местные жители, как уже говорилось, при появлении казачьей опасности зажигали на замке огни.

Эвлии Челеби Юрус представился в виде старого потемневшего замка прямоугольной формы, располагавшегося на вершине высокой горы, имевшего в окружности 200 шагов и со всех сторон окруженного каштановым лесом. Эта вершина, по позднейшим исчислениям, имела 120 м высоты[85].

На европейском берегу Босфора, рядом с местом, где впоследствии соорудили турецкую крепость, находился замок-храм византийцев, называвшийся Леоматон (Бестелесный)[86]. Впоследствии его также именовали Генуэзским замком, хотя генуэзцам он не принадлежал.

Замок был завоеван Мехмедом II весной 1452 г. и в отличие от азиатского не пощажен. И. фон Хаммер считает, что, возможно, оттуда султан брал камень для сооружения Румелихисары; оставшийся камень уже в XVII в. послужил для строительства Румеликавагы, а прочее было разрушено временем[87].

История сооружения двух новых османских замков у входа в Босфор не изучена (по крайней мере, в известной нам литературе), и в этой истории много неясностей.

И. фон Хаммер, ссылаясь на итальянский источник, замечает, что в 1626 г. было «завершено укрепление замка, расположенного в устье Черного моря для удержания казаков перед Босфором выше Бююкдере»[88]. Согласно Эвлии Челеби, обе крепости — Румеликавагы и Анадолукавагы — были окончены за год. В сочинении современника строительства Р. Леваковича сказано, что в 1625 г. султан «построил кое-какие деревянные укрепления у входа во Фракийский Босфор», затем, что в том же году турки «у входа в Босфор... построили две новые крепости, как было указано выше, задерживая много судов и лодок, чтобы они помешали пройти (в пролив. — *В. К.)* казачьему флоту».

У В. Катуальди, базирующегося на указанном сочинении, находим упоминания о том, что в 1625 г. вход в Босфор был укреплен несколькими деревянными фортами, что в том же году были сооружены две новые крепости в проливе и что тогда же под впечатлением Карахарманского сражения османское правительство распорядилось срочно завершить строительство кре-пости у входа в Босфор: «Несомненно то, что страх турок был очень велик, если их правительство немедленно приказало окончить работы по сооружению крепости близ входа в Босфор в Буюкдере».

М. Бодье, имея в виду 1625 г., говорит, что капудан-паша перед выходом в море с 43 галерами против казаков «бросил якорь на Босфоре, и, чтобы воины, бывшие с ним, не были бесполезными, он использовал их для возведения форта в канале, чтобы остановить казаков без другой защиты; построив его, он снабдил его людьми, пушками и всем, что было необходимо для обороны...»

Создается впечатление, что деревянные укрепления возводились временно, пока сооружались каменные замки. Где располагались деревянные форты, в самом ли деле близ Бююкдере или, может быть, на месте будущих Румеликавагы и Анадолука-вагы (и тогда Бююкдере упоминалось в качестве ориентира потому, что было более значительным поселением, чем Сарыер, выше которого строились каменные замки), сказать затрудняемся. По всей видимости, сооружение и доделка двух новых крепостей продолжались не один год. В литературе встречается утверждение, что они построены в 1628 г.[89]. Ж. Шарден же в 1672 г. утверждал, что замки «возведены только 40 лет тому назад», т.е. около 1632 г.

Новые крепости размещались при устье пролива — по выражению русского пленника XVII *в.,* в «дверях Черного моря подле воды», а по словам Е. Украинцева, «въехав в гирло версты с 2 или 3... у самой воды»[90], — одна против другой, и так близко, что «люди, говоря громким голосом, слышали друг друга на обеих сторонах пролива». Эвлия Челеби определял это расстояние в полмили; последующие определения дали 395 саженей, или 843 м, т.е. на 15 м меньше расстояния между Румелихисары и Анадолухисары.

В описании, составленном русским пленником, сказано, что новые замки, которые он называл малыми городками, «крепостью... тверды, а пушак в них великих и малых зело многа». В сочинении иеромонахов Макария и Селиверста, побывавших на Босфоре в 1704 г.,

новые и старые замки пролива, сделанные «для ради сторохи, чтоб с Черного моря до Царягорода никто не прошел без ведома», характеризовались как «четыре города мурованные», в которых «гармат (орудий. — *В. К.)* велми много стоят, а все по-над водою поприправлено». Через несколько лет И. Лукьянов также напишет, что в новых босфорских крепостях «пушек зело много», а сами «городки для воинского опасу сделаны зело крепко». Е. Украинцев, проходя мимо замков, «городков небольших», в которых «живут янычаре», отметил: «И видно, что стоят у воды под теми городками пушек небольших по 10 и больше...»

Европейский замок, известный как Румеликавагы (Руме-ликавак), в переводе «Румелийский тополь», Эвлия Челеби называет Богазхисаром («Крепостью пролива») и Каваком". П.А. Толстой в описании Османской империи дал замку странное на первый взгляд наименование Исарчикин Дирумелия. Комментируя это название и не поняв, о чем идет речь, М.Р. Ару-нова и С.Ф. Орешкова высказали предположение, что посол имел в виду, «возможно, крепость Румелифенери на Босфоре либо крепость Юрус, о которой пишет Эвлия Челеби», хотя Юрус размещался не на румелийской, а на анатолийской стороне пролива. П.А. Сырку указывает, что в XVII в. Румеликавагы называли еще «Второй греческой крепостью» (Isar Eschi Rumeli)[92], и, по всей вероятности, у П.А. Толстого мы видим именно это, но искаженное название[93].

Замок располагался на вершине прибрежных скал Карабаша и, согласно Эвлии, имел прямоугольную форму, окружность в 1 тыс. шагов, железные ворота, выходившие в сторону кыблы (на юг), арсенал, два зернохранилища и мечеть. Гарнизон состоял из 300 воинов во главе с диздаром, который вместе с бостанджибаши осуществлял исполнительную власть. Уже отмечалось, чтр бостанджибаши возглавлял охрану султанских дворцов и садов, и его властные полномочия в этом месте как бы подчеркивали значение замка для падишаха. Если верить Эвлии, то Румеликавагы имел 200 больших и малых пушек. П.А. Толстой в 1704 г. указывал, что в замке ранее «было 12 пушек и ныне прибавлено 10», но, возможно, не считал малые орудия[94].

Противолежащий замок Анадолукавагы (Анадолукавак), в переводе «Анатолийский тополь», Эвлия именует «Азиатским замком» и, как и соседний древний замок, Юрусом, что порождает некоторую путаницу[95]. У П.А. Толстого он называется так же, как называли и европейскую крепость, — Кавак. Наконец, в XVII в. употреблялось название «Вторая восточная крепость» (Eschi Isar Anadol)[96].

Анадолукавагы построили у подножия мыса Гиерона, или, согласно описанию Е. Украинцева, над «лиманцем», под горой, на которой стоял «немалый город каменный древнего строения». По Эвлии, замок был крепкой прямоугольной в плане постройкой, с меньшей окружностью, чем Румеликавагы, — в 800 шагов, с высотой стен в 20 локтей, воротами, открывавшимися на юг, гарнизоном из 300 человек и 80 домами для них. Число пушек турецкий автор определял в 100, замечая, что все они были направлены в сторону противоположного босфорского замка и входа из моря в пролив. П.А. Толстой в отличие от Эвлии указывал, что артиллерийское вооружение Анадолукавагы являлось более сильным, чем у его европейского соседа, поскольку «было в нем 18 пушек, а ныне прибавлено еще столко ж»[97].

Наблюдатели XVII — начала XVIII в. отмечали, что две старые и две новые босфорские крепости, «города большие», стояли «в местах крепких» и что Румеликавагы и Анадолукавагы было «мудро пройти», а Эвлия Челеби прямо утверждал, что новые замки «предотвратили опустошения казаков». Однако тогда же высказывались и другие мнения. «Все те каштели, — писал П.А. Толстой о четырех крепостях, — были худы, а ныне их покрепили и... аще... и прибавили в них пушек для всякого подозрения и опасения, которое турки имеют от Азова, но суть те каштели — слабая крепость и малая защита тому гирлу...»

Дипломат, конечно, имел в виду защиту Босфора от создававшегося флота Петра!, но и казачий флот, как показали события, новые замки не остановили, хотя, по-видимому, и несколько затруднили его действия. Оказалось, что создание целой системы обороны Босфора из четырех крепостей не принесло Стамбулу ожидавшуюся полную защищенность от вторжений казаков.

Сделаем выводы:

1. Карахарманское сражение, одно из самых замечательных на Черном море, до последнего времени оставалось крайне слабоизученным. На основе различных источников устанавливаются дата сражения (по всей вероятности, 6 августа 1625 г.), место сражения (не перед Босфором, как в источниках «круга Яхьи», а у Карахармана, на побережье современной румынской Добруджи), состав турецкой эскадры (21—22 галеры) и казачьей флотилии (не от 200 до более чем 400 чаек, как считалось ранее, а, видимо, около 130). Причины отказа казаков от атаки Стамбула, возможно, связаны с ослаблением казачьих сил из-за разделения запорожской и донской флотилий и отсутствием поддержки Яхьи со стороны немусульманского населения Турции.

2. Казаки в сражении атаковали первыми и едва не взяли на абордаж флагманский корабль капудан-паши и многие другие галеры. Однако резкая перемена погоды, вызвавшая шторм, поставила казаков в чрезвычайно невыгодное положение, тогда как гале-(ры смогли использовать паруса, что и вызвало перелом в ходе сражения. Туркам с огромным трудом удалось отбиться от казаков.

3. В Стамбуле результат сражения подавался как выдающаяся победа над казаками, сражение сравнивали с битвой при Лепанто, а главнокомандующего Реджеб-пашу — с Помпеем. На самом же деле казачья флотилия отнюдь не погибла целиком, потери у казаков были гораздо меньше, чем представляют турецкие источники, сильно пострадааа и османская эскадра. В целом все же это была неудача казаков, хотя и не слишком большая. При возвращении на родину запорожская флотилия нанесла удар по турецким силам в устье Днепра.

4. Яхья по возвращении в Сечь пытался привлечь на свою сторону московское правительство, перебрался в Россию и просил разрешения отправиться на Дон, чтобы вместе с донскими казаками продолжить «константинопольское дело». Получив отказ, «царевич» вернулся в Западную Европу и в дальнейшем снова пытался установить контакты с казачеством.

5. Карахарманская «победа» не успокоила население Босфора и Стамбула. В 1626—1627 гг. там ожидали новое массированное нападение казаков, в связи с чем наблюдались очередные волны паники. В 1626 г. казаки, очевидно, побывали поблизости от Босфора, но в Босфорской войне произошел кратковременный сбой, связанный, по-видимому, не столько с карахарманской неудачей, сколько с запорожско-польским соглашением.

6. В 1628 г. донская флотилия совершила мощный набег на Босфор, сопровождавшийся разгромом Еникёя и, возможно, других населенных пунктов северной части пролива.

7. Османское правительство, видя, что замки Румелихисары и Анадолухисары не могут удержать казаков, приняло решение построить две новые крепости на Босфоре, недалеко от его черноморского устья, которые должны были стать преградой для проникновения казаков в пролив. Во второй половине 1620-х гг. были сооружены замки Румеликавагы и Анадолукавагы, являвшиеся сильными, хорошо вооруженными укреплениями.

Примечания

[1] В оригинальном выражении игра слов.

[2] У Ю.П. Тушина читаем: «Вряд ли следует исключить (как делает А.Л. Бертье-Делагард. — *В.К.)* возможность боевых действий казаков в бур-мое осеннее время. Действительно, все имеющиеся в нашем распоряжении материалы... говорят о летних месяцах как наиболее благоприятном времени для плавания по Черному морю. Но ведь речь идет о наиболее благоприятном времени, а не о возможности плавания вообще. Как мы видели, казаки нередко выходили в море и осенью». Автор далее ссылается на замечание Эвлии Челеби о том, что казаки возвращались с моря после дня Касыма.

[3] А.Л. Бертье-Делагард приводит и еще один аргумент: «В разбираемом походе дело не только в необычайном времени: оказывается, что козаки, будучи в исключительно больших силах... выйдя в море и пробыв там более двух месяцев (ранее автор упоминал почти два. — *В.К.),* за это время нигде и ни в чем себя не проявили, так что об этом никто и ничего не говорит... хотя всегда где-нибудь да отмечены козаикие набеги, даже и небольшие... Как же могло случиться, что в течение двух месяцев такое огромное воинство ничего не разграбило и даже неизвестно где пребывало?., и если они (казаки. — *В.К.)* никуда не показывались, то чем же два месяца кормились 15 000 человек, да и где они могли так бесследно прятаться, чтобы их никто не заметил в течение такого долгого времени?»

Ю.П. Тушин не принимает этот аргумент, основываясь, однако, на ложных посылках, не относящихся к делу, и замечая, что «пассивность, которую приписывает казакам А. Бертье-Делагард, не находит подтверждения в источниках. Так, в королевской инструкции сеймикам указывалось, что казаки, не считаясь с королевским запрещением, три раза ходили в 1625 г. на море». Но источники в самом деле молчат о действиях «нашей» флотилии в течение осенних месяцев, и аргумент А.Л. Бертье-Делагарда можно было бы принять, если бы молчание источников не объяснялось той простой причиной, что флотилия еще до осени вернулась в Сечь. Отметим и наивное представление упомянутого автора о том, что источники будто бы фиксируют все набеги казаков, даже и малые, тогда как о большом их числе не сохранилось никаких сведений.

[4] Ю.П. Тушин считает, что «попытка перенести события 1625 г. в 1624 г. ошибочна, потому что в марте — октябре 1624 г. состоялись три больших похода запорожских и донских казаков, о которых хорошо известно. Если бы в том же 1624 г. была и битва 350 казацких челнов с турецким флотом, то о ней стало бы известно не менее точно, чем о трех больших походах». Мы бы несколько поубавили оптимизм автора в отношении состояния источников о казачьих военно-морских действиях в 1624г.

[5] К числу иных курьезных датировок сражения относится еще утверждение одной из французских «Историй морского флота», что битва произошла 14 июня 1626г. А.Л. Бертье-Делагард, наткнувшийся на эту «заметку», говорит, что она «очень короткая и неизвестно по каким источникам составленная, но не по одному Гаммеру», и предлагаемую дату считает «явно невозможной». К 1626 г. относит сражение и А. фон Б.

[6] Автор пишет о недовольстве правительством Ахмеда 1, хотя на престоле тогда находился Мурад IV.

[7] Кара — турецкое «черный», харман — персидские «молотьба, гумно, ток»; керман — турецкие «замок, крепость». По М.С. Грушевскому получается, что Карахарман будто бы располагался у Днепровского лимана. В тексте книги Ю.П. Тушина этот населенный пункт, называемый автором Кара-Керменом, как будто бы указан у дунайского устья, но на приводимой карте есть лишь один Кара-Кермен — он же Очаков. В.М. Пудавов не называет место сражения, а пишет, что казаки из района Синопа пошли в море и «среди моря» встретились с турецкими галерами, «крейсировавшими от северного берега». У Н.А. Смирнова сражение происходит «недалеко от Босфора». По А. фон Б., казаки нападают на османский флот, стоявший у Очакова.

Э. Дортелли Карахарман именует Кара-Арманом (Кара-арманом). У историков царит совершенный разнобой в наименовании этого поселения, что лишний раз подчеркивает крайне слабую изученность сражения. И. фон Хаммер и И.В. Цинкайзен называют поселение Кара-Хирменом, П.А. Кулиш, Н.И. Костомаров и С. Рудницкий — Карагарманом (первый еще и Лагараманом, но это, надо полагать, опечатка), А.Л. Бертье-Делагард — Кара-Ирманом. Есть и «экзотические» наименования: Карагман у Д.И. Эварницкого и Кара-Кермене у М.А. Алекберли.

[8] О строительстве замка, о нем самом и прилегавшем поселении см.: 203, с. 67—68; 57, с. 677. А.Л. Бертье-Делагард в связи со своей идеей об укрывавшихся в том районе казаках пишет, что Карахарман «находится у самой южной оконечности дунайской дельты и представляет прекраснейшее место для нечаянного нападения челнами, спрятавшимися в камышах дельты; сам по себе это высокий берег, ограничивающий дельту с юга; на ием, вдали от берега, есть довольно большое селение». Касаясь же утверждения Э. Дортелли, что Карахарман является единственной очень удобной стоянкой на румелийском побережье, историк замечает, что это место «не представляет никакого укрытия судам, и автор, надо думать, имел в виду возможность для мелких судов войти... в оз(ero) Разине (ныне Разим. — *В.К.),* куда, вероятно, тогда шел проток, теперь уже не существующий; такое соображение объясняет, где прятались и откуда нападали козаки в... сражении».

Согласно Эвлии Челеби, в давнее время в Карахармане был большой порт, засыпанный затем разным мусором, однако зимой все суда находили укрытие в рукаве Дуная. «Рукав этот, который течет близ Карахармана, — это одно из ответвлений Дуная, самое меньшее из всех. Можно отсюда думать, что во времена, когда здесь господствовали неверные, это русло было выкопано людьми». Эвлия несколько раз говорит о расположении замка у устья дунайского рукава, но З. Абрахамович утверждает, что турецкий современник ошибается: в окрестностях Карахармана нет ни одного, естественного или искусственного, рукава Дуная, а небольшие речки, впадающие там в Черное море, не находятся ни в какой связи с Дунаем.

[9] Семь-восемь морских лье — это 38,9—44,4 км.

[10] Ю.П. Тушин заимствовал это утверждение из сочинения Э. Дортелли, но у него мы видим другой смысл. Казаки, писал доминиканец, от захвата маленьких судов в конце концов «дошли до того, что... сразились с целым флотом падишаха». 21 галеру находим у А. фон Б. Безветрие и усталость гребцов как причины отставания значительного числа галер, не успевших к сражению, называют П.А. Кулиш, Н.И. Костомаров, М.С. Грушевский, А.Л. Бертье-Делагард и Ю.П. Тушин. По В. Катуальди, прочие корабли «остались позади, так как давали течь и плохо двигались».

" Ю.П. Тушин указывает, что в походе участвовало 350 чаек, а в Кара-харманском сражении уже «более чем 350», причем на каждую из 21 галеры нападало почти по 20 чаек. При умножении 18—19 на 21 получаем 378— 399 судов, но это уже скорее около 400, а не более 350.

[12] Заметим, что и 80—100 чаек — это отнюдь не рядовые, а весьма значительные силы. А.Л. Бертье-Делагард ссылается на Г. де Боплана, но тот, собственно говоря, пишет не о составе обычной флотилии, а о темпах строительства судов у запорожцев, которые «в две или три недели изготовляют от 80 до 100 судов».

[13] Не знаем письмо Иова о походе 1625 г. Письмо митрополита К. Рад-зивиллу об экспедициях 1624г. с упоминанием 102 и 150 казачьих челнов и 300 турецких ушколов фигурировало ранее.

14 В это число Д. И. Эварницкий включает и донские суда. До конкретного исследования истории Карачарманского сражения мы также полагали, что в нем участвовала запорожско-донская флотилия из 300судов. О.И. При-цак, заявляя, что 350 лодок — преувеличение, не указывает, сколько же, по его мнению, на самом деле было судов; возможно, имеется в виду цифра 300. Ее же встречаем у А. фон Б.

[!5] М.С. Грушевский ссылается на рукопись Публичной библиотеки.

[16] Ср.: «Он (Яхья. — *В.К.)* шел впереди с 130 судами, вместе *с* атаманом; позади, разделенный на эскадры, шел остальной отряд». М. Бизаччони в своем сочинении «Жизнь Ахмеда Первого» пишет, что претендент, «желая продолжить поход на Константинополь, был встречен флотом Ахмеда, не имея всех казачьих судов». Мы уже замечали, что Ахмед I правил ранее 1625г.

[17] И. фон Хаммер ошибается, когда говорит, что у Т. Роу упоминаются от 40 до 50 «мушкетеров» на судне.

[18] Наличие малых пушек у запорожцев отмечено еще А. Гваньини в его хронике, опубликованной в 1578 г., и в составленной в XVI в. «Хронике польской» М. Вольского, который был племянником запорожского гетмана Яна Орышовского и получал от него информацию. Впрочем, в первой половине XVII в. пушки находились не на каждом казачьем судне, по крайней мере донском: в 1640г. донская флотилия из 37 стругов имела только 6 орудий. Судя по приводившемуся сообщению Г. де Боплана, чайка в среднем несла больше фальконетов, чем струг.

" У И. фон Хаммера: 5р11гЬаг1е. Н.И. Костомаров излагает сообщение следующим образом: «... как вдруг с высоты мачт увидали приближающиеся чайки с "чубатыми"». У В. Катуальди галеры снялись с якоря, «лишь только на грот-мачте адмиральского судна был поднят сигнал о приближении "клинобородых" (как турки называли казаков)».

[20] По турецким морским уставам второй половины XVII в., во время движения флота впереди него «в трех верстах мерных» (1,7 мили, или 3,2 км) должна была идти «передняя сторожа», а позади в одной версте «задняя сторожа». Верхняя и нижняя стража на борту обязана была круглосуточно следить за морем, чтобы неожиданно не подошел неприятель. Перед сражением кораблям надлежало по возможности стать «сверху ветра», чтобы враг оказался «под ветром», чем выигрывалась «половина бою». Сигнал к бою подавался одновременно ударами в барабан и звуками труб, а днем еше и вывешиванием особого знака на мачте.

[21] Ср. у Н.А. Смирнова: 20 галер «пошли прямо на казачьи лодки. Казаки немедленно бросились на веслах вперед».

[22] А.Л. Бертье-Делагард пишет, что «янычары и джебеджи неизвестно в каком, но, вероятно, в большом количестве были на эскадре как боевая сила против Козаков; их было настолько много, что в Варне они произвели бунт, с трудом подавленный... Обыкновенно на галере бывало около: «матросов 30—40, янычар и пушкарей 40—60». Автор ошибается в отношении джебеджи: морскими солдатами были янычары и азабы. Число же матросов и солдат А.Л. Бертье-Делагард взял применительно к простой галере первой половины XVI в. И.В. Цинкайзен утверждает, что в первой четверти XVII в. на османской галере, кроме команды моряков, обычно находились 180—200 солдат и 20 пушкарей. К концу XVII в. наиболее распространенная турецкая галера типа закале имела 31 моряка и 100 солдат. 'Так или иначе, на эскадре Реджеб-паши солдат должно было быть больше обычного, поскольку она с самого начала предназначалась для борьбы с казаками.

[23] И. фон Хаммер также говорит, что казаки «атаковали с неистовой отвагой».

[24] В конце XVII в. на капудане было 106 орудий, тогда как на обычной галере их насчитывалось 12. И. фон Хаммер и И.В. Цинкайзен, а за ними и некоторые другие авторы называют капудану баштардой. А.Л. Бертье-Делагард считает это неверным, поскольку баштардой «называлась всякая галера, но особой конструкции, с широкой впалой посредине кормой; такие галеры лучше держались в море и ходили под парусами, чем узкие... а потому и вошли в обшее употребление с XVI века». Капудана же в самом деле принадлежала к типу баштард, самых больших из османских галер. В XVI — XVII вв. баштарда имела 26—36 банок (часто 32), по пять-семь гребцов на весло, экипаж до 900 человек, в том числе примерно 170 моряков, 214 солдат и свыше 500 гребиов, три пушки впереди и по четыре-пять с обоих бортов, А.Л. Бертье-Делагард упоминает «великолепное изображение» капуданы на картине боя при Лепанто во дворце дожей в Венеции.

Европейцы называли капудану капитаной, а также реалой (как первый корабль ряда средиземноморских флотов), хотя у турок риалой именовалась галера третьего адмирала флота. А.Л. Бертье-Делагард предполагает, что Э. Дортелли, упоминая реалу в Карахарманском сражении, имел в виду как раз галеру третьего адмирала, однако это не так, что явствует из контекста сообщения и из того, что капудану называют реалой и Ф. де Сези, и Р. Левакович. Заметим еще, что у В.М. Пудавова капудана почему-то превращается в «султанскую галеру». Таковая существовала, но не участвовала в Карахарманском сражении.

[25] М.С. Грушевский последнюю фразу переводит так: «ибо сзади его защищали пушки и частая ручная стрельба».

[26] И.В. Цинкайзен в соответствии с предлагаемым им соотношением числа чаек и галер «подправляет» здесь Найму, утверждая, что на капудану поднялись многие сотни казаков.

[27] И. фон Хаммер и В. Катуальди думают, что преимущественно из казаков.

[28] У В.М. Пудавова слишком «сухопутно»: «обрезали на ней веревки».

[29] Н.П. Дашкевич не смог перевести оборот и поставил в тексте: «пробрались до тимона della reale». На эту несуразицу обратил внимание А.Л. Бертье-Делагард. «Очевидцев» Н.П. Дашкевич переводит как «бывших там» (в сражении).

[30] М.С. Грушевский утверждает, что казаки на капудане еще «разбили каюты». Не знаем, откуда это взято.

[31] У Н.И. Костомарова казаки «уже достигали главной мачты».

[32] О важнейшем значении кормы и о том, что там находилось (среди прочего и мореходные инструменты), см. также: 204, с. 30—31.

[33] «От капитаны, — считает А.Л. Бертье-Делагард, — Козаков удалось отразить с большим трудом, действуя кормовыми орудиями, выстрелы которых топили челны, а в особенности очищая палубу своей же галеры, не различая гребцов-невольников от Козаков». Источники в данном случае не говорят о пушечной стрельбе по палубе, хотя в принципе она была возможна. На корме галеры могли устанавливать два «органа» (по несколько мелких орудий на двух станках) для стрельбы вдоль корабля.

[34] А.Л. Бертье-Делагард напрасно сомневается, что глава адмиралтейства мог находиться в море. Ю. (О.И.) Сенковский называет кетхуду «смотрителем, наместником» адмиралтейства. Отсюда у П.А. Кулиша и М.С. Грушевского появился «адмиральский наместник», что не совсем точно.

[35] В начале XVIII в. патрона имела 106 пушек. См. о ней: 113, т. 2, с. 465.

[36] В начале XVIII в. имела 102 пушки. См. о риале: 113, т. 3, с. 53.

[37] Н.П. Дашкевич неверно понял в итальянском тексте значение слова «fortuna» (буря, шторм, откуда и казачья «хуртина»), посчитав его за «счастье», и передал фразу доминиканца так: «если бы посчастливилось» (казакам), — вместо того, чтобы написать: «если бы не сильная буря». Ошибку заметил А.Л. Бертье-Делагард.

[38] А.В. Висковатов последнюю фразу перевел следующим образом: «но погода помешала им (казакам. — *В.К.)* — волны стали заливать лодки».

[39] «Падали на лицо» — переводим дословно. М.С. Грушевский дает перевод: «падали на землю, моля помощи у Бога». У Н.И. Костомарова также сказано, что «мусульмане падали в отчаянии на землю и взывали раздирающими криками к Аллаху о помощи свыше». Но о какой земле можно говорить, когда речь идет о людях на кораблях? Вместо нашего «возвращаются в сердца» в тексте дословно сказано «в груди».

Фразу об окончании штиля М.С. Грушевский переводит следующим образом: «как вдруг эту страшную тишину... счастливо развеял налетевший шквал». Не можем согласиться с таким переводом, поскольку шквал — это внезапное, резкое, но непродолжительное усиление ветра, а источники вовсе не говорят о его кратковременности в рассматриваемом случае.

[40] М.А Алекберли практически дословно повторяет замечания И.В. Цин-кайзена, но ветер обозначает как «неблагоприятный».

[41] П.А. Кулиш переводит: «с напряжением всех сил».

[42] Согласно М.С. Грушевскому, какое-то сообщение о сражении есть еще в письме «Магмет-Дяка, сердара (начальника) войск черноморских», С. Конецпольскому. Историк дает «глухую» отсылку: «см. в украин. изд.». Возможно, имеется в виду сборник материалов по истории украинского казачества, однако мы не нашли там этого письма. Сведений из него М.С. Грушевский не приводит, и, следовательно, они вряд ли добавляют что-то существенное к подробно излагаемому Найме.

[43] С. Рудницкий, удивленный сравнением, объясняет его так: османские летописцы «ставят эту победу над казаками рядом с битвой Лепантийской и считают ее (победу при Карахармане. — *В.К.)* возмещением той». Вряд ли это верное объяснение.

[44] И. фон Хаммер непонятно почему датирует возвращение флота апрелем 1626г. У М. Бодье указаны 300 пленников, обращенных в рабство, а во «Всеобщей истории о мореходстве» —300 пленников, доставленных в Стамбул, но, видимо, дело здесь в округлении цифры.

[45] По М.С. Грушевскому, капудан-паша сам устроил триумфальное шествие, «превознося до небес свою победу и сравнивая ее с триумфами 'Помпея». Из источников, однако, это не видно. А. фон Б. совершенно ошибочно утверждает, что английский посол «сравнивал эту морскую победу с битвой при Лепанто и с победами Помпея над морскими разбойниками Средиземного моря». Т. Роу как раз иронизировал над такими сравнениями.

[46] П.А. Кулиш переводит: «ситником».

[47] Ю. (О.И.) Сенковский в польском переводе поставил «по пояс», сделав следующее примечание: «Автор сообщает: "погруженные по шею", но это только оборот речи, выражающий ничуть не более, как "отчасти погруженные в воду"». У П.А. Кулиша также «по пояс».

[48] Противоречие находим и во «Всеобщей истории о мореходстве». «Многочисленность и малосложение сих лодий, — сказано там, — делали их непобедимыми. Они устремлялись грудью на неприятельскую галеру, охватывая оную со всех сторон, а сами, напротив того, почти не подвергались опасности. Все их удары обращаемы были на неприятеля, сами же получали их разве очень малое число, подобно тем мелким

и почти невидимым тварям, которые вредили самому сильному животному, так что сие последнее не в силах было им отметить». Затем, однако, читаем о Карахармане: «Турецкая артиллерия имела великое действие над козаками, которых множество погибло, и барок (казачьих. — *В.К.)* великое число потоплено».

То же и у И. фон Хаммера. Сказав: «Суда (казачьи. — *В.К.)* были так легко построены, и если казаки сражались внутри их и по шею в воде, то зато было очень трудно их потопить», — тюрколог, как увидим, «топит» большое их-число.

[49] А.Л. Бертье-Делагард делает подобный расчет, исходя из общего состава флотилии в 300 чаек, и приходит к выводу, что 30 уцелевших судов Наймы — это маловероятное число и «соображения самого автора» (турецкого). Поскольку А.Л. Бертье-Делагард принимает число захваченных судов за 172 (см. ниже), получается, что уцелеть должно было 58. А. фон Б., полагающий, что казаки при Карахармане потерпели полное поражение, считает, что спаслось едва 60 чаек.

[50] А.Л. Бертье-Делагард по французскому изданию И. фон Хаммера указывает не 780, а 786 пленных. Н.А. Смирнов, утверждающий, что это была «самая блестящая победа турецкого флота над казаками» и что будто бы эпидемия чумы помешала устроить торжественную встречу победителей, ошибочно пишет, что у И. фон. Хаммера говорится о захвате 72 судов.

[51] В самом деле, если допустить, что на каждую из 172 взятых чаек приходилось хотя бы по 10—15 пленников, то их общее число должно было составить не 786, а 1720—2580 человек. Если бы 786 пленников сняли с 30 судов, то тогда на каждое приходилось бы примерно по 26 человек.

[52] Что касается ветра, сыгравшего в сражении решающую роль, то А.Л. Бертье-Делагард развил целую гипотезу: «По-видимому, этот свежий ветер перешел к вечеру или ночью в настоящую бурю, как говорит д'Аско-ли, и говорит верно, потому что и по турецким источникам в течение целого боя едва удалось истребить 70 челнов, а на другой день насчитывали взятых 172. Когда же и как их взяли? Наиболее вероятно предположить, что флотв следующий день или дни подобрал как трофеи брошенные челны: те, на которых было перебито много Козаков, или поврежденные выстрелами были покидаемы самими козаками, пересаживавшимися на более целые; выбравшиеся на берег бросали там челны; многие переворачивались в бурю, что не мешало им плавать пустыми и тоже быть выброшенными на берег; все это было подобрано галерами на другой день по берегам. Отсюда же можно заключить, что буря продолжалась недолго и была не особенно сильна, но имела направление в берег, а не в открытое море. Такое объяснение необходимо допустить, судя по числу пленных (которых было меньше, чем находилось людей на 172 взятых судах. — *В.К.)...»*

Эти построения, однако, могут иметь смысл только при полном доверии к цифрам потерь, исходящим от турок, и становятся бессмысленными в обратном случае. Гипотезе А.Л. Вертье-Делагарда противоречит указание источника на то, что ветер был северный, а не в берег. Наконец, Э. Дортел-ли говорит о буре в день битвы, но не утверждает, что она началась именно к вечеру или ночью, а по Ф. де Сези, ветер к вечеру, напротив, немного стих.

[53] Непонятно, правда, о чьих рассказах идет речь. В тексте дословно сказано: «как они рассказывают», — и слово «они» вроде бы относится к упомянутым перед тем казакам. Но каким образом посольство могло столь быстро получить информацию от участвовавших в сражении казаков? Видимо, все же в тексте имеет место стилистическая погрешность, и под «они» следует понимать турок.

54 Ср. у В. Катуальди: турецкий флот «несколько лодок потопил или взял в плен вместе с людьми». Если бы в письме каймакама, которое цитирует М.С. Грушевский (см. примечание 36 к главе VII), говорилось о Кара-харманском сражении, то тогда казачьи потери исчислялись бы семью захваченными лодками.

[55] П.А. Кулиш считает показания попа Филиппа, который сопровождал Яхью из Киева в Россию, о том, что на море турки побили казаков «в дву местех, да... ветром потопило 22 или 23 чолна», относящимися к походу, который закончился на Успеньев день, т.е. к рассматриваемой нами экспедиции. Однако определенных оснований для такого утверждения источники не дают. Филипп говорил об упоминавшемся ранее походе 160 запорожских чаек и 60—70 донских стругов, после которого в Сечь прибыл атаман Алексей с 300 доннами, а у П.А. Кулиша они появились там, когда Яхья еще договаривался с сечевиками о походе, иными словами — весной.

Если бы речь шла действительно о «нашем» походе, то тогда в Карахарманском сражении должны были участвовать не 130 казачьих судов, а 160; 2030 донцов имели не 40, как мы условно считаем, а 60—70 стругов, т.е. на один струг приходилось бы по 29—34 человека, что не слишком много для черноморской экспедиции, но все же приемлемо. Р. Левакович мог приуменьшить силы своего героя, как турки их преувеличивали. Однако признанию похода 160 чаек и 60—70 стругов за рассматриваемую экспедицию противоречит текст сообщения Яхьи о переговорах с Алексеем, создающий полное впечатление того, что дело было до ее начала. В ходе экспедиции «царевич» должен был видеть не 300 донцов, а свыше 2 тыс. Но, может быть, Яхья, хитривший с царскими следователями, намеренно давал искаженные сведения?

[56] Дословно: «христиан, своих товарищей». А. В. Висковатов неудачно перевел: «своих союзников-христиан».

57 И. фон Хаммер переводит: «янычары почти истреблены». У И.В. Цинкайзена: «Янычары были изрублены почти до последнего человека».

[58] Соответственно у В. Катуальди: турецкий флот, «потерпев аварии свыше меры, вынужден был отступить».

[59] В переводе А.В. Висковатова: «К чести казаков надо сказать, что к вечеру, когда ветер утих, они... отогнали прочь турецкую армию».

[60] По изложению Ю.П. Тушина получается, что Реджеб-паша будто бы отправил гонца в Стамбул за помощью еще в ходе сражения.

[61] В. Катуальди считает, что громкими криками они «немало содействовали поражению своих притеснителей-османов».

[62]У В. Катуальди говорится, что «пушки были расставлены на ладьи, а по прибытии домой казаки на радостях дали из них залп».

[6!] Автор повторяет замечание Е. Збараского в письме польскому королю от 22 (12) сентября 1625 г. о том, что в этом году запорожцам не очень посчастливилось на море.

64 У В.М. Пудавова читаем: «После этого (Карахарманского сражения. — *В.К.)* донцы и запорожцы доплыли до своих городков спокойно. К донцам на зимовку пришло с моря до 500 запорожцев». Однако это возвращение относится к другому походу.

[65] Согласно Р. Леваковичу, Яхья перед тем провел несколько месяцев в Астрахани. Тот же автор утверждает, что до Архангельска самозванца будто бы сопровождали 60 казаков из разных краев, в том числе с Дона, и что только в Архангельске претендент распрощался с казаками. По Л. Фабро-ни, Яхья с сопровождавшими его 60 казаками проехал через всю Московию до порта Св. Николая. В. Катуальди сомневается, что эти сопровождавшие являлись казаками. В итальянском документе XVII в. отмечено, что 60 казаков, которых Яхье дал Иов, сопровождали претендента из Киева в Россию.

[66] По С.М. Соловьеву получается, что Яхья в 1637 г. опять явился в Россию, но звал донцов и запорожцев к себе в Чернигов.

[67] В польском переводе и отсюда у В.И. Ламанского и М.С. Грушевского она неверно датирована 18 мая.

[68] В польском переводе: «до 700 чаек, то есть мелких судов»; в переводе В.И. Ламанского: «до 700 чаек».

[69] Дословно: «на какую-нибудь часть возле этого города». В польском переводе: «на здешние окрестности».

[70] И.В. Цинкайзен пишет о намерении казаков разгромить османский флот и ринуться на Константинополь. М.А. Алекберли же совсем неудачно передает цинкайзеновское «разгромить» как «взорвать».

[71] В польском переводе: «тем более, что есть здесь предсказание, что турецкое государство будет опрокинуто северным народом».

[72] «Добавим, — замечает Ю.П. Тушин, — что именно к этому времени относится восстановление крепостей в устье Днепра...».

[73] У Мустафы Наймы о 1626г. сказано, что несмотря на карахарманс-кую победу и истребление казаков ляхами «шестьдесят чаек вышло снова из устьев Днепра и начало забавляться грабежом», что из Стамбула против них выслали несколько галер, «которые захватили около тридцати лодок и привели к Высокому Порогу; прочие рассеялись по морю...»

[74] Ю.П. Тушин думает, что М.А. Алекберли пишет о 400—700 чайках по материалам зарубежных источников, но тот упоминает лишь литературу.

Сам Ю.П. Тушин цитирует отписку астраханских воевод П. Головина и А. Зубова о том, что донцы и запорожцы на Черном море «ничем не добы-лись» и что «иных... казаков и черкас турские люди, пришел на катаргах, побили», и утверждает, что речь идет о походе 70 запорожских чаек к Босфору. Однако отписка ничего не говорит о направлении похода, зато четко указывает, что он был с Дона и что в нем участвовали донские казаки и запорожцы, «которые на Дону зимовали».

[75] Согласно Ю.А. Мыцыку, черноморский поход донцов и запорожцев *1626г.* был «более крупным, нежели утверждалось ранее». Но он не имел отношения к Босфору.

[76] Утверждение одного из авторов о том, что в 1627 г. казаки совершили нападение на окрестности Константинополя, не подтверждается источниками.

[77] АМ. Лазаревский верит, что в самом деле выходило 600 судов: «В каком количестве челнов козаки пускались в море, об этом говорит письмо от 13 июня...»

[78] В.Д. Сухоруков ошибается, утверждая, что казаки «проводили посланников в Азов без малейшего задержания».

[79] Пересчет по методу Г.Д. Мамедбейли дает 7 июня 1628 г.

[80] В. К. Быкадоров говорит, что в 1628 г. донцы, соединясь с запорожцами, повторили набег на окрестности Стамбула, разорили их, но жестоко поплатились за свою удаль: высланный султаном сильный флот нагнал их и захватил семь лодок. Все пленные были доставлены к султану, а потом подвергнуты мучительной казни. Откуда автор взял эти сведения, неведомо. Последующее же его утверждение, что казаки, мстя за смерть своих товарищей, в 1630г. сделали морской набег и опустошили окрестности Ба-лаклавы, вызывает недоумение по поводу авторской затяжки отмщения: набег на Балаклаву произошел в 1628 г.

[81] Он правил, как мы знаем, с 1623 г., но по хиджре первый год его правления захватывал и 1624г. христианского летосчисления.

[82] В примечании к этому месту русского перевода Эвлии А. П. Григорьев и А.Д. Желтяков, сказав об июльском набеге 1624г., продолжают: «Тогда-то и был укреплен Босфор еще двумя крепостями». Ниже увидим, что крепости были построены отнюдь не в 1624г.

[83] Другой путешественник 1650-х гг. замечал, что босфорские замки вооружены артиллерией, охраняющей проход, чтобы препятствовать казакам — подданным польского короля — добираться «на своих лодках, или чайках», до Константинополя. Ср. у Жана Паллере: «А чтоб Константинополь был безопасен от разбойников Черного моря, то при устье сего моря построены две крепости, одна против другой: одна со стороны Европы, а другая со стороны Азии...». См. еще у И. фон Хаммера: 591, т. 2, с. 263.

[84] По выражению Эвлии Челеби, «во времена Янко, сына Мадияна» — в легендарные времена.

[85] И. фон Хаммер пишет, что замок еще довольно сохранился. К XX в. от него остались одни развалины.

[86] Имелся в виду архангел.

[87] При И. фон Хаммере от старого замка оставались руины.

[88] На сообщении И. фон Хаммера, понимая его по-разному, основываются последующие историки. С. Рудницкий пишет, что в 1626 г. турки окончили укрепления над Босфором около Бююкдере. Н.И. Костомаров утверждет, что в названном году «турки на узком месте Босфора... построили укрепление — замок Бююкдере», хотя в районе Бююкдере пролив совсем узкий, а у австрийского тюрколога нет «замка Бююкдере». П.А. Кулиш и вовсе непонятно излагает вопрос: «... при входе в Черное море, выше Буюкдара, достроена была соединенными дитанскими (султанскими? — *В. К.)* и ханскими средствами крепость, которая, как надеялись, не даст казакам посылать свои флотилии на добычничанье по Черному морю». Похоже,

Горик думал, что Бююкдере располагалось на Днепре.

[89] Впрочем, здесь же сказано, что Румеликавагы построен в 1620г. Мурадом IV. Это явная опечатка.

[90] Или, как выражался И. Лукьянов, «мало пошед» от маяков.

[91] Последнее название наряду с Румеликаваком употребляет и И. фон Хаммер.

[92] Первой крепостью был замок Румелихисары.

[93] Нам уже доводилось приводить такое объяснение. См.: 379.

[94] См. о Румеликавагы у И. фон Хаммера: 591, т. 2, с. 262—267.

[95] Об этом не знают А.П. Григорьев и А.Д. Желтяков.

[96] Первой крепостью именовали Анадолухисары. В 1639 г. эскадра Пиале-паши, покинув Касымпашу, стала на якорь в порту Каваке, чтобы оттуда отправиться в экспедицию против казаков на Черное море. Скорее всего, это был Анадолукавагы.

[97] См. об Анадолукавагы у И. фон Хаммера: 591, т. 2, с. 280—288. Оба замка в конце XVIII в. были перестроены французскими инженерами,

Глава IX
ВОЙНА ЗА БОСФОРОМ

1. Выходы в Средиземное море

Одним из «белых пятен», связанных с морскими набегами казаков, является вопрос об их возможных выходах из Черного моря в Средиземное, или точнее — из Босфора в Мраморное море и Дарданелльский пролив, а из него, может быть, в Эгейское море. Д. И. Эварницкий в конце XIX в., не ссылаясь на источники, утверждал, что запорожцы во время своих военных экспедиций «выбирались в Белое и Круглое моря, т.е. Архипелаги Мраморное море... проникали... в Египет ("Белую Аравию")». При этом подразумевалось не вообще пребывание казаков в водах Средиземного моря или на его побережье (далее мы увидим, что плен часто забрасывал туда и запорожцев, и донцов), а выходы сечевиков в названные моря на своих собственных судах. Географический порядок в высказывании Д. И. Эварницкого несколько нарушен, но явно имелось в виду движение казачьих чаек из Босфора через Мраморное море и Дарданеллы в Эгейское море, затем, видимо, между островами Критом и Кипром по собственно Средиземному морю к египетским берегам.

Из предыдущих глав нашей книги вытекает, что казаки во время набегов на Босфор бывали у самого Стамбула и даже врывались в его порт, в залив Золотой Рог, и тем самым нередкое казачье присутствие в южной части Босфора не подлежит сомнению. В те времена и позже считалось, что пролив заканчивается у мыса Сарайбурну (угла или оконечности Сераля), а водное пространство далее к югу уже является акваторией Мраморного моря[1]. С судна, находящегося между Галатой,

Ускюдаром и Сарайбурну, перед входом в Золотой Рог, видны силуэты расположенных в этом море Принцевых островов[2].

В то же море из Черного направлено очень сильное течение сфора. Мы помним, что от Сарайбурну оно частью идет в потой Рог, а большей частью в Мраморное море, причем ско-,сть течения, ударяющего на Сарайбурну, иногда доходит до ести узлов. В этих условиях вполне вероятно, что казакам слу-пось переходить ту невидимую грань, что отделяет Босфор-ий пролив от Мраморного моря, и оказываться уже в его акватории.

Имеются сведения и о целенаправленных выходах казачьих флотилий в Мраморное море. Мы приводили показания вышедшего из неволи шляхтича Е. Вороцкого о том, что в 1621 г. перед нападением на Галату казаки разрушили «вежи», где находился в заключении С. Корецкий, т.е. Едикуле. Чтобы достичь этого замка на северном берегу Мраморного моря, запорожцам, естественно, надо было выйти из Босфора. Но если заявление Е. Вороцкого не проверено, то показания плененного донцами азовского татарина о «повоевании» казаками в следующем 1622 г. «на Белом море... многих мест» подтверждаются тогдашним сообщением Т. Роу о том, что казаки были «вустье Геллеспонта», для чего им, разумеется, пришлось пройти все Мраморное море.

Заметим, что пересечь его и дойти до Дарданелльского пролива казачьим судам, в общем, не составляло особого труда. Это море, самое малое на земном шаре (по площади в 3,25 раза меньше Азовского), имеет наибольшую длину в 152 мили, тогда как донцам и запорожцам, чтобы появиться у Стамбула, приходилось преодолевать путь соответственно в пять и два с лишним раза более длинный, чем от Стамбула до Дарданелл-.

Что касается упомянутых азовцем многих разгромленных мест на Мраморном море, то за отсутствием сведений можем лишь высказать предположение, что если казаки пошли от южного конца Босфора прямо к Дарданеллам, то под их удар могли попасть остров Мармара и поселения, размещавшиеся по обеим сторонам мраморноморского устья Дарданелльского пролива. Если же такого прямого маршрута не было, то казаки могли - напасть на близлежащие к столице Бакыркёй и Ешилькёй на «стамбульском» берегу Мраморного моря, Кадикёй, Фейербахче и Картал на «ускюдарском» берегу и вообще на любые поселения северного и южного мраморноморского побережья и даже зайти в Измитский залив.

Весьма интересную для рассматриваемого вопроса информацию дает эпизод, произошедший в 1634 г. с послом Франции маркизом де Маршвилем. Он направлялся на французском же корабле в Стамбул[4] и отказался приветствовать верховного начальника османского флота: турецкий флагманский корабль требовал от французского спустить флаг. С османской эскадрой посол повстречался у острова Хиоса. Оказалось, что ею командовал, как писал французский историк XVIII в., сам капудан-паша, «очищавший море от разбойников-казаков, которые иногда делали набеги даже и по берегам пролива Дарданелльского».

Этот же эпизод упомянут в русском обзоре истории европейских представительств в Стамбуле, причем здесь фигурирует капудан-паша, «совершавший свои разъезды по морю особенно часто с того времени, как казаки стали в своих набегах доходить до Дарданелл».

Хиос расположен в Эгейском море и довольно далеко от южного входа вДарданелльский пролив, но неизвестно, означает ли пребывание эскадры капудан-паши у названного острова, что казаки выходили и в это море, или же эскадра оказалась близ Хиоса по каким-то причинам, не имевшим отношения к казачьим набегам. В наших источниках действия казаков ни у берегов Дарданелл, ни тем более в Эгейском море не фиксируются[5].

К сожалению, ничего больше о средиземноморских выходах казачьих судов и флотилий мы не знаем.

Имеющиеся же данные, рассмотренные в комплексе, свидетельствуют о том, что донцы и запорожцы бывали на своих судах в той части Босфора, где он переходит в Мраморное море, выходили в него и действовали в его акватории вплоть до Дарданелльского пролива. В этой связи, очевидно, следует сделать вывод, что хотя утверждение Д. И. Эварницкого о выходах казаков даже к Египту, вероятно, грешит преувеличением, мнение историка о том, что запорожцы «выбирались» в Белое море, можно считать доказанным.

Вместе с тем у казаков, как представляется, не было особых военных и экономических причин для систематических и регулярных выходов подобного рода. Против Войска Запорожского и Войска Донского действовали в первую очередь не средиземноморские, а черноморские военно-морские базы, многие города Причерноморья предстаатяли собой крупные торгово-экономические центры, дававшие значительные трофеи, а набеги на Босфор и Стамбул вызывали более чем достаточный политический и иной эффект в Европе и Азии.

Эвлия Челеби дает чрезвычайно интересную информацию о ««лачьей угрозе побережью Мраморного моря и с другой стороны, не с Босфора. Рассмотрим сведения этого турецкого современника.

Рассказывая в 1646 г. о районе малоазийской реки Сакарьи, Эвлия в полном соответствии с реальной ситуацией говорит, что река впадает в Черное море у касабы (селения с мечетью и караван-сараем, обычно резеденции кади) Урвы в санджаке Коджаэли и что Сакарья течет на расстоянии двух часов пути к востоку от озера Сапанджи, которое в свою очередь близко расположено — «всего около 3 часов» — к Измитскому заливу Мраморного моря, и воды озера «через протоку смешиваются с морем перед Измитской солеварней».

«Реку Сакарью, — утверждает Эвлия Челеби, — можно соединить с этим озером при очень небольших усилиях». Иными словами, имеется в виду, что, повернув течение, можно заставить ее впадать не в Черное море, а в Сапанджу. Более того, согласно Эвлии Челеби, ранее уже предпринимались попытки углубить протоку между названным озером и Измитским заливом, но замысел не был доведен до конца. Как повествует автор, «однажды, чтобы [навсегда] соединить это озеро с Измитским заливом, собрали сотни тысяч землекопов и поденщиков с кирками. Но жители Измита проявили равнодушие, сказав: "Для этого нужна огромная казна и жизнь Нуха (Ноя, который, по Библии, жил 950 лет. — *В. К.)",* — и помешали осуществлению [этого] дела». И, наконец, самое важное для нас место в описании Эвлии. «Вот если бы, — пишет он, — река Сакарья впадала в эту протоку, а она — в Измитский залив, то враг никак не смог бы с Черного моря пройти сюда через Сакарью. [И тогда] город Измит стал бы внутренней территорией и область [протяженностью] в пять стоянок вплоть до реки Болу превратилась бы в процветающую местность».

Под черноморским врагом Турции, вне всякого сомнения, понимались казаки. Только они тогда могли оказаться в районе устья Сакарьи. Однако, естественно, возникает вопрос, была ли реальной или мнимой угроза, живописуемая современником. Попытаемся в этом разобраться.

Упоминавшийся выше Измит был и остается крупнейшим городом и портом Мраморного моря. Турки овладели этим населенным пунктом (греческой Никомидией) в 1337 г. Первый османский флотоводец времени Орхан-бея, правившего в 1324— 1360 гг., Карамюрсель (Кара Мурсал) получил в области Измитского залива тимар с обязательством охранять тамошнее побережье от нападений врагов, содержать войско и строить галеры. Так на берегу залива неподалеку от Измита, в местечке, которое ныне является городом Карамюрселем, была основана верфь. В.П. Григорьев даже называет ее первой турецкой верфью, хотя таковая возникла в Гелиболу (Галлиполи). Считается, что по имени Карамюрселя получил название и один из типов османских парусно-гребных судов — уже фигурировавший ранее «карамюрсель». Значение Измитской верфи (морского арсенала) оценивается по-разному. Р. Мантран, отмечая, что главнейшая верфь империи располагалась в Стамбуле, и характеризуя морские арсеналы в Гилеболу, Суэце, Рущуке и Биреджике (на Евфрате) как небольшие верфи, указывает, что арсенал в Измите и соответствующие предприятия в Синопе и Инебаты (в Греции) являлись «скорее ремонтными мастерскими». Л. Подхородецкий полагает, что галеры турецкого военно-морского флота на рубеже 1610-х и 1620-х гг. были построены на верфях Стамбула, Гелиболу и Измита. П.А. Толстой сообщал, что в конце XVII — начале XVIII в. османские корабли строились в Стамбуле или у Синопа и иногда близ Измита. Но как бы то ни было, Измит-ская верфь входила в систему турецкого кораблестроения рассматриваемого времени и являлась ее заметной и важной составной частью.

Район между Стамбулом и Синопом в XVII в. изобиловал строевым лесом отличных сортов, включая самшит, ель, дуб, ореховое дерево и платан, а бассейн Сакарьи турки вообще окрестили «Морем Деревьев». Строевой лес Сакарьи через Измит поставлялся в Стамбул, в Касымпашу. Измитцы издавна поддерживали торговое судоходство со многими портами Средиземного и Черного морей, в частности с Кафой.

Защищенный с севера укреплениями Босфора и Стамбула, а с юга крепостями Дарданелл, богатый, процветавший и спокойный Измит в принципе должен был быть желанным объектом для нападения казаков, если бы туда можно было «дотянуться», и не мог не рассматриваться запорожцами и донцами как враждебный город: галеры, которые строились или ремонтировались там, и прочие корабли, создававшиеся из измитского леса, действовали против казаков на Черном и Азовском морях. Как уже отмечалось, в 1616 г. паша Измита неудачно сражался с донцами, попав вместе с четырьмя галерами в их руки.

Казаки неоднократно бывали в том районе анатолийского побережья, где расположено устье Сакарьи, и нападали на селения этого района. Река впадает в Черное море в местности между близко расположенным у берега островом Кефкеном и городом Акчашаром, в 20 милях (37 км) восточное мыса Кефкена. К западу от устья Сакарьи располагались населенные пункты Кандыра и Шиле, к востоку — Эрегли.

Мы уже цитировали замечание Эвлии Челеби о сожжении казаками Акчашара при Ахмеде I и рассказывали об их нападении на Кандыру и окрестные селения в 1622 г. и еще будем говорить о разгроме казаками селений близ «Легра» — по всей вероятности, Эрегли — в 1630 г., об опустошении Шиле в 1651 г., о приступе к Эрегли в 1654 г. и действиях у Кандыры в 1659 г., а также приведем свидетельство Павла Алеппского о казачьих погромах берегов Карамании (западной части черноморского побережья азиатской Турции), в том числе района Эрегли. Так что, полагаем, устье реки казакам было известно.

Могли ли они войти в Сакарью с моря? Вообще ответ на этот вопрос должен быть положительным. На своих морских судах казаки заходили во многие реки — в Дунай, Кубань, Рио-ни, Камчию, Куру и др. Напомним, что запорожцы иногда возвращались домой, поднимаясь из Азовского моря сложным речным путем до Днепра. В 1670 г. разницы за восемь суток прошли вверх по Волге 350 верст, продвигаясь, следовательно, со средней скоростью 43,75 версты (47,25 км) в сутки. В эту реку, как и в Яик (Урал), казаки свободно заходили с моря. В конце концов донцы из походов на Азовское и Черное моря возвращались по Дону в Раздорский, Монастырский, Черкасский и другие городки, равно как запорожцы по Днепру — в Сечь.

Возникает и другой вопрос: не имели ли казаки возможности добраться с черноморского побережья до Измита по суше? Известно, что практика продвижения казачьих десантов с моря в глубь вражеской территории в XVII в. была нередкой, и, как выражался польский современник Веспасиан Коховский, запорожцы не только опустошали берега Малой Фракии и Азии, но и приводили в трепет внутренние районы Османской империи. От черноморского побережья по прямой Измит расположен приблизительно в 40 км, т.е. примерно на таком же расстоянии, как Азов от Ростова. Учитывая отсутствие прямой дороги и условия местности, особенно обилие лесов, «измитское» расстояние, конечно, следует удлинить, скажем, на 10—15 км. Разберемся, реально ли для казаков было пройти такой путь.

Туристы обычно делают по четыре-шесть км в час, перемежая движение отдыхом в 10—20 минут, и опытный турист впол-е может преодолеть расстояние в 50 км за один день. Казачьи же марш-броски занимали и гораздо больше времени. «Иногда, — свидетельствовал Э. Дортелли, — они (казаки. — *В.К.)тлрут* днем и ночью, углубляясь внутрь страны, чтобы разграбить какое-нибудь богатое место...» При этом темпы их сухопутного передвижения были очень высоки: приходилось использовать ускоренную ходьбу и даже бег.

Как раз в том 1646 г., когда Эвлия Челеби писал об угрозе Измиту, Войско Донское, отказываясь идти в море с непривычным к казачьим походам русским дворянином Ж. Кондыревым, сообщало царю Алексею Михайловичу: «А х которым, государь, пристанем мы... на море преж сево приставывали и на крымские села на удары хаживали, и мы, государь, бежим наспех от пристани до села день и нощь пешие. А ево, государь. Ждана, с такую... службу нужную и пешую не будет».

На какое расстояние от берега можно было отойти при таких темпах? Г. де Боплан утверждал, что казаки иногда заходили «около мили в глубь страны», но это явная ошибка. М.А. Алек-берли, поправляя приведенное сообщение, говорит, что они «проникали в глубь Турции более чем на 10 миль». Но насколько более?

Сохранилось довольно много свидетельств казачьих нападений на внутренние области и селения Крыма. В 1631 г., по данным русского посольства в этой стране, казаки пристали к берегу под Саркерманом (древний Херсонес), между Гёзлевом и Балаклавой, и «почали воевать крымские улусы, отходя от моря верст по десяти и по пятнадцати». Запорожцы и донцы доходили до Эски-Крыма (приблизительно в 15 км от моря по прямой), ханской столицы Бахчисарая (примерно 24 км), Карасу-базара (около 27 км), Мангупа и иных селений, расположенных вдали от побережья.

Учитывая сложность пути от черноморского побережья к Измиту, специально отметим, что в Крыму при передвижениях у казаков также были свои трудности. Бахчисарай не имел прямой дороги к морю. Согласно Эвлии Челеби, от долины, где лежит этот город, вели четыре дороги к Эскисалачику, Эс-киюрту, Ак-Мечети и Гёзлеву, имелись и другие, недоступные только для пешего человека, который, направляясь ими, был вынужден «подниматься по горам, как серна, потому что там большие кручи». Мангуп же представлял собой замок между Бахчисараем и

Балаклавой, по словам Э. Дортелли, последним сдавшийся туркам при покорении Крыма, «сильнейший по неприступному положению на горе, края которой — высокие скалы в виде стен без уступов; на них можно взобраться только с одной стороны по извилистому пути, недоступному телегам». По мнению А.Л. Бертье-Делагарда, в утверждении итальянца содержится преувеличение, и дорога телегами в Мангуп все-таки была. Однако до города в самом деле было трудно добраться.

Тем не менее в 1629 г. казаки взяли Бахчисарай и Мангуп, куда были свезены «царевы животы» (ценное ханское имущество), и тогда же, как выражался Э. Дортелли, в Карасубазаре, «т.е. в самом центре Татарии... разграбили и сожгли множество лавок, убивая всех им попадавшихся».

Известны и конкретные случаи углубления казаков с моря на территорию Румелии. Например, они нападали на Бабадаг и Провадию, расположенные приблизительно в 15 и 40 км от моря по прямой. Наконец, укажем, что порой казаки забирались во вражескую землю и на более значительное расстояние. Рассказывая в 1659 г. в Посольском приказе в Москве о последнем казачьем походе на море, известный донской судостроитель Кирилл Петров отмечал, что донцы «ходили... от стругов на берег в Крым верст с 50», т.е. на 54 км.

Если верить Эвлии Челеби, то казаки однажды рискнули поохотиться в Карахисарских горах в Анатолии («за Трабзоном», в глубь Турции). «В этих обрывистых... горах, — пишет османский современник, — очень много тигров, зайцев, диких баранов, диких ланей, куниц, каменных куниц, гиен, волков, черных волков, лисиц, шакалов. Рассказывают, что однажды тигры и волки разорвали на части казаков, которые, подойдя с Черного моря, словно птицы, слетелись в эти горы; когда проклятые сказали: "Давайте поохотимся", — от хищных зверей никто не мог спастись. Так сказывают». Чтобы добраться с моря до Карахисарских гор, казакам надо было преодолеть примерно 70 км по прямой.

Если летом 1630 г. казаки нападали на болгарский Ямбол (об этом у нас еще будет идти речь), то он расположен по прямой примерно в 75 км от морского побережья.

Таким образом, поставленный вопрос требует положительного ответа: казаки могли попытаться достичь Измита по суше, и это у них могло получиться. Известные на сегодня источники не сохранили сведений о конкретных действиях такого рода, как и о заходах казаков в реку Сакарью. Однако на эти действия, возможно, намекают приведенные слова Эвлии, которые мож-но понять и так, что враг не только мог прийти, но уже и приходил в обозначенный район.

Во всяком случае возможность казачьих нападений на внутренний район Турции, включавший в себя бассейн Сакарьи, Измит и восточное побережье Мраморного моря, была вполне *реальной.* Она явно держала в напряжении османские власти и нашла отражение в сообщении Эвлии Челеби.

2. Галерные рабы

Независимо от выходов казачьих судов в Средиземное море, для части казаков война продолжалась и за Босфором. Казаки-пленники, обращенные врабство, находились не только в Стамбуле и на Босфоре, но были разбросаны по всей громадной территории Османской империи, прилегавшей к морям Черному, Белому, Красному, Зеленому (Каспийскому), обоим Синим (Персидскому заливу и Азовскому морю)[6]. Запорожцев и донцов можно было встретить в Киликии, Сирии, Египте, Ливии, Тунисе, Алжире, Греции, Хиджазе, Йемене, Месопотамии и иных странах. Среди городов, в которых довелось побывать казакам, называют Мекку и Медину, Иерусалим и Багдад, и многие другие.

Совершенно не случайно, а, напротив, на основе выстраданных и очень широких политико-географических представлений казачества в знаменитом письме сечевиков османского султана называют не только «турецким стряпчим», «каменец-ким палачом», «подольским ворюгой (злодиюкой)», «московским страшилищем», «татарским (казацким) сагайдаком», «цыганским чучелом», «армянской свиньей» или «лютеранским ремнем лошадиным», но и «македонским бражником (пивоваром, колесником)», «ерусалимским калмыком (броварником)», «вавилонским поваром», «александрийским козолупом», «Великого и Малого Египта свинарем».

Именно казакам в первую очередь грозила опасность попасть на турецкие галеры в качестве рабов-гребцов («пайзенов»). Для их работы требовались физическая сила и выносливость, а у османов, как и во всем Средиземноморье, сложилась своеобразная градация нужных качеств в отношении представителей различных народов — от «лучших» мавров до «худших» чернокожих

африканцев. Казаки же воспринимались турецкими властями как строптивые «проклятые гяуры», но одновременно и как очень сильные, крепкие и физически выносливые люди, закаленные в походах и к тому же имевшие навыки гребли на своих собственных судах. Возможно, какую-то роль играл и психологический момент, выражавшийся в желании заставить обслуживать флот империи ее непримиримых врагов.

Один из знаменитых донских войсковых атаманов XVII в. носил прозвище Каторжный (Иван Дмитриевич Каторжный), и из предложенного С.З. Щелкуновым двоякого объяснения этого прозвания: «... казаки под его руководством взяли не один десяток фомоздких турецких каторг[7], а может быть... самому ему пришлось томиться на одной из них», — предпочтение следует отдать второму предположению. Атаманам все же реже доводилось пребывать в рабстве на галере, чем участвовать в захвате турецких судов[8].

«На всех военных кораблях турок, —писала 1660-х гг. Ю. Крижанич, — не видно почти никаких других фебцов, кроме людей русского происхождения». Турецкий информатор 1670-х гг. также утверждал, что в Стамбуле «на каторгах все неводники руские и малоросийских городов жители». По словам П.А. Толстого, относящимся к самому началу XVIII в., «болшая половина во всей армаде (в имперском флоте. — *В. К.)* было преж сего наполнено гребцами русскими и казаками»[9]. Первых, конечно, насчитывалось там гораздо больше, но и вторые встречались нередко.

Жизнь галерных рабов характеризуется всеми современниками как ужасная, причем не на одном только османском флоте, но и на всех европейских. Прежде всего таких рабов ожидал тяжелейший и изнурительнейший труд. Ни один свободный человек, писал бывший галерный раб, не выдержал бы и часа пытки феблей, а «галерники-невольники продолжают эту работу иногда 10—12 часов без отдыха». Чешский дворянин Вацлав Вратислав, побывавший фебцом на турецкой галере, восклицал: «Невозможно представить себе и поверить нельзя, чтобы могла живая душа человеческая вынесть и вытерпеть такую ужасную страду...»

При этом османское военно-морское командование руководствовалось террористической системой управления и наказания, почему жесточайшее отношение к фебцам было нормой. В турецком морском уставе говорилось, что поскольку «невольники всегда хотят избежати от работы», следует «принуждати их к работе не токмо словом, но и жезлом, которым их страхом лутче может дело их управлено быть».

Гребцы группами по несколько человек сковывались между собой и за ноги приковывались к банкам или кольцам в палубе. Часто кандалы сковывали и руки, но так, чтобы не мешать гребле. Не покидая банок, рабы тянули паруса и по сменам ели и спали. Вовсе не преувеличением было описание страданий казаков-га-лерников в украинскихдумах: «Кайданы-зализо ногы поврывало, / Билэ тило козацькэ молодэцькэ коло жовтой кости пошмугляло»или «Кайданырукы-ногы позьидалы, /Сырая сырыця до жовтой кости /Тило козацькэ пройидала» (ноги и руки проедены до костей железными кандалами или сыромятным ремнем).

Галерный пристав и его помощники ударами ременных кнутов по рукам и плечам рабов «управляли» их работой. Бич же служил «единственным средством против болезни», а падавших от изнурения выбрасывали за борт.

После осмотра в 1640 г. у Стамбула кораблей турецкой эскадры, направлявшейся против донских казаков под Азов, польский посол В. Мясковский написал:«... сердце наше очень щемило, когда мы видели братью нашу, подданных е[го] к[оро-левской] м[илости], столь многих, на галерах и лодках прикованных к веслам и тяжко и нагишом работающих».

Позже московскому паломнику И. Лукьянову, выходившему на галерах из османской столицы «на Белое море и на Черное», удастся побеседовать с некоторыми соотечественниками-рабами, и его охватит ужас от их рассказов: «... как есть во аде сидят... Иной скажет: яде на катарге сорок лет, иной тридцать, иной двадцать... Уже на свете такой нужды нельзя больше быть!» А другой паломник, тоже поглядев на гребцов «наших русских и из других земель», запишет: «О, коль на тех каторгах многу нужду претерпевают, ее же описати не вем...»[10]

Нет ничего удивительного в том, что пребывание на турецкой галере, по выражению публикатора документов об одном из возмущений галерных рабов, доводило их «до крайнего предела возможных человеческих страданий, из которых не предвиделось никакого выхода до смерти», и стало «в представлении южнорусского народа... синонимом беспредельной скорби и безнадежного бедствия, хуже которого ничего не могло создать даже пылкое воображение». Более того, нечеловеческие условия существования галерников, жесточайшие наказания, страшное переутомление при гребле, отвратительная еда, жара и холод, худая одежда, паразиты — все это

привело к тому, что само название османской галеры «каторга» (по-турецки «кадырга», от греческого «катергон»), употреблявшееся у казаков, вошло ввосточнославянские языки уже в другом значении, не имеющем никакого отношения к флоту, — в качестве синонима отбывания наказания в особо суровых условиях.

«Свободны они или подневольны, — писал о казаках М. Бо-дье, — они не перестают... беспокоить турок». Действительно, казаки и другие галерные рабы, даже крепко скованные, непрестанно находились под подозрением. Опасаясь отчаянных невольничьих бунтов, командование имперского флота и капитаны галер предпринимали особые меры безопасности.

Гребцы круглосуточно находились под неусыпной охраной, распорядок которой определял морской устав. Капитаны, говорилось в нем, «должны смотрит, чтоб сторожа всегда была во дни и в ночи крепка, и ружья бы сторожа из рук не выпускали и стояли б с великим опасением, а в нужное время ставит сторожу вдвое и втрое или как належит по их рассмотрению». Ночью особо требовалось смотреть, «чтоб сторожа была добрая на корме». Капитаны обязывались иметь песочные часы прежде всего для того, «чтоб по них познават, когда переменять сторожу». «...И где порох стоит, чтоб там отнюд не ходил нихто». «Когда увидится флота неприятельская, тогда должно невольников-християн крепчее приковат...»

На галерах внимательно следили за состоянием кандалов и цепей у рабов, сурово наказывали их за отклонение от допустимого маршрута передвижения, в особенности за появление у мест содержания оружия и, разумеется, за невыполнение или медленное выполнение распоряжений, попытку оказать сопротивление и тем более попытку побега — били по пяткам, отрезали уши и носы и просто убивали. На случай общего возмущения устанавливались упоминавшиеся «органы», стрелявшие вдоль корабля.

Казаки-галерники, как и прочие рабы, но с еще большей страстью мечтали о свободе и, согласно украинской думе, «Господа мылосердого прохалы та благалы (умоляли. — *В.К.)...: /* Вызволь, Господы, всих бидных нэвольныкив / 3 тяжкой нэволи турэць-кой, / 3 каторга бусурманською...», — и просили, чтобы буря сорвала эти галеры с якорей. В донской песне казак-невольник «Богу молится, низко кланяется: / "Создай нам, Боже, буйного ветра, / Вынеси наш корабличек из синя моря!"». В некоторых вариантах известной донской песни казаки-пленники мечтают об освобождении, находясь на османских кораблях в водах Эгейского моря («Как по морю-морюшку, / Морю Эгейскому/ Плыли-восплывали / Три корабличка... / Все турецкие»)".

На Черном море, пишет П.А. Кулиш, «могли ежеминутно показаться козацкие чайки», что и являлось «самой поэтической надеждой на освобождение», но на Средиземном море казачьих судов не было. Оставалось надеяться на неудачное сражение кораблей Турции с ее тамошними неприятелями и на их победу.

Немецкий ландскнехт на московской службе Конрад Буссов сообщал, что руководитель восстания 1606— 1607 гг. казак И. Болотников в Диком Поле «был захвачен... татарами... и продан в Турцию, где он был прикован на галерах и несколько лет был принужден выполнять тяжелую и грубую работу, пока, наконец, его не освободили немецкие корабли, одолевшие турок на море, и не отвезли в Венецию, откуда он направился через Германию в Польшу (и затем в Россию. — *В.К.)...»*

В 1617 г. вице-король Королевства Обеих Сицилии герцог д'Оссуна передал представителю Речи Посполитой Т. Замой-скому рабов-галерников, освобожденных неаполитанской флотилией у берегов Греции. Упоминавшийся выше казак И. Баку-лин, состоявший гребцом на галере Исуп-паши, *в* 1681 г., вовремя похода турецкого флота на Флоренцию, в Тирренском или Лигурийском море был отбит флорентийцами в числе 250 других полонянников. «Грандука князь Флоренской» (великий герцог Тосканский) отпустил казака в «Цесарскую землю» (Австрию), откуда он через Польшу добрался до Москвы.

На освобождение можно было надеяться, попав в руки венецианцев, испанцев или ускоков — южнославянских корсаров Адриатики, которые, однако, потерпели разгром в 1616 г.[12], но обычно отбитые рабы становились собственностью «освободителей». Мальтийцы, воевавшие с турками, таких рабов превращали в собственных невольников. Во второй половине XVII в. бывшие турецкие рабы, попадая во Францию, в большинстве случаев также не могли рассчитывать на свободу. В правление Людовика XIV на французских галерах находилось большое число русских невольников. Жан-Батист Кольбер, увеличивая морские силы, приобретал множество рабов у Турции. «Неудачные набеги татар на Россию, — замечает в этой связи А.В. Фрейганг, — каждый раз отзывались крайне невыгодно для французского гребного флота». Заметим, что торговля рабами-славянами процветала в Марселе, Генуе, Венеции, Барселоне и

иных центрах Средиземноморья. Таким образом, венецианцы и испанцы, предоставляя свободу вырвавшимся из турецких рук невольникам, как бы делали исключение из правил для героев.

Галерника еще могло спасти чудо вроде того, что произошло с костромитянином Василием Полозовым. «А на каторге, — рассказывал он, — был я... девять лет, руки и ноги были скованы... И божиею милостью каторгу разбило, и наши братья, невольники, и бусурманскиелюди все потонули, и я... [к] которому бревну был прикован, и на том бревне меня... и другова моего брата-товарища, обоих прибило волной к берегу. И оттоле я... пошел в Иерусалим»[13]. Однако надежды на такое счастье было ничтожно мало.

Чудовищной формой так называемого пассивного сопротивления каторжному рабству являлись самоубийства рабов. М. Нечаев писал, что многие невольники «от горести плачут и вопиют: «Лучше бы нам не родиться!», и что «многие себя в море сами бы пометнути готовы, но того они (турки. — *В.К.)* стерегут крепко: невольников приковывают». Если же самоубийство на галере все-таки случалось, то жестоко карали товарищей ушедшего из жизни.

То же делали и в случае побега раба. В описанных условиях бежать с галеры было почти невозможно, но находились пленники, которые, не падая духом и не ограничиваясь надеждой на Всевышнего, упорно искали пути к свободе при малейшей оплошности «басурман». Два случая побегас галеры упоминает Д.И. Эвар-ницкий. Оба они относятся ко второй половине XVII в. и, к сожалению, не содержат подробностей. В одном из них удалось бежать украинскому казаку, в другом —дворянину из города Рыльска. Рассказ В.С. Моложавенко о том, как казак Михаил Самарин из Маноцкого городка, оказавшись в плену, был прикован «вместе с другими к галере... целых десять лет изнывал... на каторге», азатем «бежал в наручниках в Венецию, добрался оттуда в Запорожскую Сечь», предполагаем, сочинен самим автором.

Но Я.Я. Стрёйс подробно описал реальный случай, который произошел с ним самим и его русским товарищем. В 1656 г. голландец, находившийся на венецианской службе парусным мастером, у Дарданелл попал в плен к туркам. «Шесть недель, — писал он, — просидел я на галере не без тяжких наказаний плетью от надсмотрщика, который угощал ею мою голую шкуру... Мой товарищ, русский, часто уговаривал меня бежать... Этот русский уже несколько раз пытался бежать; но его каждый раз настигали, вследствие чего он потерял уже уши и нос. Это нагнало на меня страх, однако он придал мне бодрости следующими словами: "Что же, ты предпочитаешь навсегда остаться в дураках, чем отважиться потерять что-нибудь ради свободы? И ее-ли случится так, что нас сразу поймают, то вся вина падет на меня, а ты отделаешься ударами по пяткам; что же касается меня, то они поклялись, что сожгут меня в случае нового побега; но я скорее умру, чем позволю этим чертовым собакам мучать и пытать меня. Нужна большая решимость, если хочешь добиться чего-нибудь значительного, а разве существует более прекрасное и лучшее сокровище, нежели свобода?"»

Я.Я. Стрёйс поддался на уговоры, и счастливый случай представился: в том же 1656 г., накануне сражения турецкой эскадры с венецианской у входа в Дарданеллы, русский и голландец, причем первый — получив ранение, смогли выбраться со своей галеры и проплыть две мили до венецианского корабля «Авраамо-во жертвоприношение». Адмирал Лоренцо Марчелло пожаловал обоим 50 талеров и «велел приготовиться к бою», в котором голландец и принял затем участие. Я.Я. Стрёйс не говорит, что его товарищ был казаком, но он проявил силу воли, которая была присуща многим казакам, попавшим, казалось бы, в совершенно безвыходное положение[14].

«Сухопутным» рабам, находившимся в заморских странах, бежать было также непросто, но все-таки удавалось чаще, чем галерникам. Кроме того, рабовладельцы иногда отпускали одного из невольников для сбора выкупа за себя и за другого или других. Напомним, что казачий «капитан» Иван, сообщивший интересные сведения о походе с Яхьей, просил милостыню в Италии, чтобы собрать деньги на выкуп самого себя и сына, оставшегося у хозяина, — надо полагать, в каком-то из средиземноморских владений Турции.

Но так или иначе вырывавшимся из «беломорского» рабства приходилось покрывать громадные расстояния, чтобы вернуться на родину. Существовали две признанные «дороги свободы». Одна из них вела в Италию и из нее через земли Центральной Европы в польские владения и для сечевиков на Запорожье, а для донцов еще через Украину на Русь и далее на Дон. Другая дорога шла из Восточной Анатолии, Сирии и прочих восточных земель османов через Персию в русские кавказские владения или по Каспию в Астрахань, а затем уже домой. В первом варианте особую роль играла Венецианская республика, помогавшая беглецам и служившая для них своего рода сборным пунктом. К российскому послу Ивану Чемоданову, прибывшему в

Венецию в 1656 г., явилось более 50 русских, освободившихся из турецкого плена и сообщивших, что другие их товарищи уже пошли разными государствами на Москву.

Из конкретных примеров бегства казаков, которые находились в рабстве в средиземноморских владениях, приведем случай с донским атаманом Никифором Половневым. Это дело отложилось в источниках потому, что он, добравшись до Москвы, получил «за выход... и за раны... только пять рублев» государева жалованья и, «живучи на Москве, проел» его, в результате чего оказался «без пристанища» и без денег для возвращения на Дон, а прибывшая тем временем в Москву донская станица атамана Осипа Лосева обратилась к царю с просьбой о новом пожаловании бывшего пленника.

Оказалось, что Н. Половнев в 1636 г. был послан в качестве атамана на Азовское море для захвата языков, так как приехавшему к казакам «государеву дворянину» Федору Олябьеву требовалась информация о положении дел в Крыму. Н. По-ловневу не повезло: «... был бой стотары, и на том... боюево, Микифора, ранили и, ранив, взяли в полон», затем продали туркам, и атаман оказался «в полону в Турской земли на Белом море». Но в 1637 или 1638 г. пленнику удалось уйти «ис полону... в немецкую землю на Виницею (Венецию. — *В.К.)* и на многие разные земли». После долгих скитаний он и попал в Москву, откуда в 1638 г. вернулся домой с упомянутой станицей О. Лосева.

Помимо пассивных форм сопротивления рабы по возможности прибегали и к активным формам борьбы за свободу. Иногда невольникам-гребцам хватало решимости, договорившись между собой, прекращать греблю в ходе сражения, в котором участвовал их корабль. Мы помним, что такое случилось в Кара-харманском сражении на галере самого капудан-паши. Возможно, подобные случаи бывали, причем не однажды, и в многочисленных боях турок на Средиземном море.

Однако высшей формой сопротивления являлись прямые восстания, или, как часто говорят в морской истории, бунты рабов-гребцов на османских галерах. Б. Барановский утверждает, что такие восстания являлись редкими событиями. У Н.И. Костомарова же можно прочитать, что «не раз» казаки, «находясь в плену, успевали воспользоваться случаем, истребляли турок и, овладевши неприятельским судном, возвращались в отечество». Это действительно случалось не один раз, но все-таки из-за особенностей содержания рабов успешные восстания на турецких галерах были чрезвычайно редки, и их можно привести наперечет. При этом не исключается, что о некоторых возмущениях мы просто не имеем никаких сведений[5].

Известные же по источникам восстания с участием казаков и других представителей восточнославянских народов произошли в разных морях Средиземноморского бассейна, в том числе и за Босфором. Два из возмущений невольников вспыхнули на средиземноморских османских галерах, когда они сражались с неприятелем или когда неприятельский флот находился поблизости, а рабы, очевидно, могли надеяться на помощь врагов Турции.

Об одном из этих восстаний, самом раннем из всех, о которых сообщают источники, рассказал московский посол С. Протасьев, направленный в Стамбул в 1613 г. и находившийся там в апреле —июне 1614г. Будучи по пути на Дону, дипломат разговаривал с четырьмя донскими казаками, которые вернулись из османского плена. Г. Кудинов, А. Иванов, Степан Степанов и Д. Ильин пробыли в неволе от 10 до 20 лет и состояли галерными гребцами. По их словам, во время морского боя в Средиземном море между турецкой и испанской эскадрами 400 рабов-христиан из разных стран на двух османских галерах, в частности и они, казаки, взбунтовались, одержали победу и сдали свои корабли испанцам. Последние предоставили рабам свободу. Произошло это, видимо, в 1613 г.[16].

Вместе с товарищами-католикам и донцы прибыли в итальянский порт Мессину, а оттуда в Рим к папе. Казаки далее последовали в Венецию, через чешскую землю добрались до Кракова и затем Варшавы. В польской столице они пытались увидеться с митрополитом и будущим патриархом Филаретом, отцом царя Михаила Федоровича, находившимся в плену, но не смогли этого сделать, поскольку «стража оказалась зорка», а «запоры крепкие». Тем не менее казакам удалось получить от владыки «способие» (благословение). Выдав себя за запорожцев, они через Запорожье вернулись на Дон.

Может быть, это то же восстание, о котором известно из биографии Ивана Сулимы, бывшего впоследствии гетманом украинских реестровых казаков[17].

Князь А.С. Радзивилл сообщал, что И. Сулима, перейдя в католичество, перед казачьей морской экспедицией 1635 г. на Балтике против шведов обратился к папе Павлу IV с просьбой прислать его золотой портрет за значительную победу, одержанную им, просителем, над турками,

когда он взял османскую галеру, а 300 плененных турок подарил в Риме папе. Здесь содержится ошибка: Павел IVзанимал римский престол в 1555—1559 гг., а в 1630-х гг. папой был Урбан VIII. По-видимому, речь идет о Павле V, возглавлявшем католическую церковь с 1605 по 1621 г., и именно так понимают сообщение П.А. Кулиш и М.С. Грушевский. И. Сулима получил просимый портрет, с которым по желанию и был похоронен после казни, последовавшей в Варшаве за взятие казаками польской крепости Кодака на Днепре[18].

«Судя по временам папы Павла УБоргезе, — пишет М.С. Грушевский, —...это (взятие галеры. — *В. К.)* могло случиться в один из морских походов, таких сильных и частых в середине второго десятилетия XVII в.; правда, из-за того, что со своими невольниками Сулима оказался в Риме, можно думать, что это не было результатом морской победы, как выходило бы из слов Радиви-ла (Радзивилла. — *В.К.),* а восстание украинцев-невольников на некой галере...»

Но значительно раньше к выводу о том, что речь должна идти именно о восстании на корабле, пришел П.А. Кулиш. «Был он (И. Сулима. — *В.К.) в* плену у турок, — замечал этот историк, — и каким-то способом освободился от галерной каторги, овладел самой галерой... и положил триста турок[19]. Это случилось не на русском Черном, а на греческом Белом море — Архипелаге. Сулима направился с своей добычей в Рим и представил свой приз святому отцу Павлу V». «Не иначе можно объяснить подвиг Сулимы по ту сторону Босфора, как бунтом галерных невольников...»

В 1666 г. представитель московского правительства на Украине дворцовый дьяк Евстратий Фролов, излагая собранные им сведения, сообщал, что узнал о новом восстании на турецкой галере. По его словам, 27 апреля этого года вернулись на родину «турские полоненики, малоросийского города Кателвы (Котельвы, на Полтавщине. — *В.К.)* жители» Осип Михайлов и Роман Федоров. Они попали в плен «на Тору у соленого варенья тому пятой год», т.е. в 1662 г., были «проданы в турки» и оказались на галерах. Находясь в Средиземном море и улучив момент, украинцы вместе с невольниками «иных земель» «на дву каторгах турок повыкалали» (перекололи), после чего вышли в Венецию.

В «Theatrum Europaeum» приводятся сведения о восстании славянских невольников на османской галере в 1665 г. Гребцы под предводительством поляка Самуэля Чарнецкого побили турок, захватили корабль и выдержали неравный бой с турецким военным судном. Затем они сумели уйти от погони и соединиться с венецианским флотом, а несколько позже приняли участие в успешном сражении венецианцев против османской эскадры.

Ю.А. Мыцык считает, что среди восставших рабов были запорожские и донские казаки, и это вполне вероятно. По нашему мнению, немецкая хроника повествует о том же восстании, что и сообщение Е. Фролова[20].

Жители Котельвы О. Михайлов и Р. Федоров «по отпуску с проезжими грамотами шли (из Венеции. — *В.К.)...* на Краков, на Варшаву, на Лвов, на Киев». Е. Фролов излагал вести, которые «выходцы» слышали в Турции, Венеции и Польше, в частности о том, что «у венецыян с турки война по-прежнему».

Источники сообщают и о средиземноморских восстаниях рабов на османских галерах без упоминания о близости неприятельского флота, когда невольники могли рассчитывать только на свои силы и удачу.

Ю.А. Мыцык обнаружил в пятой части «Theatrum Europaeum» под 1644г. известие, согласно которому «христианские рабы освободились и захватили 5 турецких галер», убив при этом 400 турок, потом «затопили 4 галеры, а на 5-й приплыли к острову Кандии» (Криту) и далее благополучно пришли в Неаполь[21]. Историк полагает, что речь идет либо об отголоске рассматриваемого ниже восстания 1642 г., либо, возможно, об ином, неизвестном возмущении рабов. Мы склоняемся к тому, что это «новое» восстание, поскольку заход победивших невольников на Крит не отмечен ни в одном из других случаев, но допускаем, что рассказ о восстании передан с преувеличением.

О восстании 1655 г. известно от донского казака Фильки Исаева сына Новокрешенова, вышедшего 19 или 20 июля 1656 г. из турецкого плена в Путивль, а затем отправленного в Москву и там расспрошенного в Разряде. Казак был родом из «казанского пригородка Алат, толмачов сын», и около 1646 г. ушел на Дон. В декабре 1651 г. в бою с 200 азовцами «под Черкасским городком на реке на Дону», при отражении их нападения, Ф. Новокрешенова «взяли в полон и свезли в Азов, и продали его в Азове царьородскомужильцу, янычаруДелибаглиту. И янычар... свез его с собою в Царьгород и продал его в Царегороде на каторгу каторжному паше Касым-бею» (Касым-аге).

На галере Ф. Новокрещенов находился свыше трех лет, пока указом султана Касым-аги не было «ведено быть на Червонном (Красном. — *В. К.)* море, от Индии на границе... в городе в Се визе воеводою». Ага вознамерился взять с собой к новому месту службы одну из своих галер — «каторгу небольшую, на которой был он, Филька», а с ним еще «полоняники русские и белорусцы, литовские люди, всего 12 человек». Команда состояла из 35 турок.

Летом 1655 г.[22], когда эта галера шла Белым морем и находи-,. лась «под турским городом под Станковым», рабы восстали и , «тое каторги турских людей всех до одного человека побили». Ф. Новокрещенов без каких-либо подробностей о ходе дела и последующих действиях сообщает, что он «в то время ушел и пришел в Венецию, а из Венеции... шпанского короля немецкие торговые люди свезли его на корабле шпанского ж короля в город в Мальту», куда казак прибыл 15 августа 1655 г. В феврале следующего года «немецкие торговые люди взяли его с собою во Флорентскую землю», и таким образом Ф. Новокрещенов обогнул весь Апеннинский полуостров.

Но на этом странствия казака далеко не закончились. Весной из великого герцогства Тосканского он зачем-то пошел «один сухим путем папежа (папы. — *В.К.)* Римского землею», был в Болонье и, переправившись на остров Эльбу, в Портофер-райо, затем из папских владений направился на север, снова в Венецию, а оттуда в Австрию. В Вене видел римского посла, присланного папой склонить императора к оказанию помощи Польше в ее войне с Россией, и у этого дипломата «на дворе... для милостыни был».

Далее путешественник шел «на Венгры, а из Венгрии в Польшу, в город Стрый, именье Конецпольского. А из Стрыя на Соколов да на Сапегину маетность (владение. — *В.К.),* на Журавну... а из Журавны на Галич да на Подгальцы (Подгайцы. — *В.К.)...* маетность Миколая Потоцкого; на Теребовли (Теребовлю. — *В.К.),* на Старый Костантинов да на киевские города — на Поволочье, на Хвастово (Фастов. — *В.К.),* — да в Киев».

В Польше Ф. Новокрещенов обнаружил сильные антимосковские настроения и заметил, что черкасы правобережья Днепра доброжелательствуют Речи Посполитой, тогда как левобережные — российскому государю. «А русским... государевым лю-дем и полоняником, откуда кто ни придет, живота поляки не дают, побивают. Да и он... Филька, будучи в Польше, сказывался черкашенином, а только б... сказался русским человеком, и ему б... бытьубиту». Из Киева он пришел в Путивль, а в Москве рассказал о крупном сражении испанского и французского флотов 29 июня 1655 г. на Средиземном море, ватиканских, цесарских, польских и украинских новостях.

Далеко не все восстания, а может быть, и большинство из них заканчивались победой и прибытием освободившихся невольников к «берегам свободы», и о таких неудачах в историографин практически ничего не известно. Приведем редкое сообщение на этот счет М. Бодье, рассказывающего о событиях после «сидения» казаков в монастыре у Сизеболы (о самом «сидении» у нас пойдет речь ниже).

В 1629 г., после захвата османскими галерами на Черном море восьми казачьих судов, пишет французский современник, турки отправили часть пленников в рабство на свои корабли, а «остальные были отвезены в Негропонт (на остров Эвбею у восточного побережья Греции. — *В. К.)* с несколькими другими их соотечественниками... товарищами по несчастью. Первис, бей Андроса и Сиры (островов из Кикладского архипелага; последний ныне называется Сирое. — *В. К.),* имел таких в большом числе, его галера находилась в Наполи -ди-Романия (Неаполе. — *В. К.).* Здесь он обращался с несчастными русскими с той строгостью и суровостью, с какой турки обращаются с христианами, попадающими к ним в руки, и плохое обращение довело этих рабов до отчаяния и заставило их посягнуть на тиранию бея и благородно окончить свою жизнь и свои бедствия». По контексту изложения, это произошло в 1630 г.

«Бей, — продолжает рассказ М. Бодье, — повел их (рабов. — *В. К.)* в какой-то магазин, чтобы взять там продовольственные припасы и отнести их на галеру; тут они на него набрасываются и убивают. Приходят, чтобы взять их и покарать за убийство, они принимают бой, убивают нескольких нападающих и умирают с оружием в руках».

Французский автор вслед за тем говорит и о втором, параллельном восстании: «Другие русские рабы, бывшие в Негропон-те, берутся за оружие и стараются овладеть площадью, но, встретив более сильное сопротивление, чем ониожидали, они сражаются до последнего дыхания, так что на площади насчитали восемьсот человек убитых — какрусских, так и турок».

3. Восстания у Мидилпю и Стамбула

В силу счастливо сложившихся обстоятельна о двух восстаниях галерных рабов — 1627 и 1642 гг. — мы имеем довольно полные и обстоятельные сведения, что позволяет подробнее рассказать о подготовке, ходе, особенностях и окончании этих возмущений.

Первое из указанных и одно из самых выдающихся восстаний произошло у острова Мидиллю (Лесбоса).

В 1627 г. по повелению Мурада IV отряд из четырех галер египетского флота принимал участие в строительстве в устье Днепра нового замка, который должен был препятствовать выходам запорожцев в море. Командовал отрядом адмирал Касым-бей (в итальянском источнике — Касимбек), «губернатор Дамиаты и Розетты» — областей в дельте Нила, очень богатый вельможа, ведший вместе с братом Мехмедом значительную торговлю в Александрии и во всем Египте[23]. Закончив работы, галеры пошли домой, миновали Босфор с остановкой в Стамбуле, затем Мраморное море и Дарданеллы, вышли в Эгейское море и по пути вошли в гавань порта Мидиллю (у итальянцев Метеллино, теперь Митилини) в восточной части названного острова.

Там на флагманском корабле отряда и вспыхнуло яростное восстание рабов. Адмиральская трехрядная галера имела команду, состоявшую из 150 моряков и морских солдат и 242 рабов-гребцов. На корабле находились несколько невольниц и пассажиры: в Стамбуле на борт поднялись жена и семья адмирала и известный кади Юсуф, назначенный в Александрию, с женой Рахмет Радини и слугами[24].

В составе рабов были 214 славян — русские и украинцы, а также некоторое число белорусов и поляков, три грека, два англичанина, итальянец и, кроме того, 22 мусульманина, в основном, видимо, турки, осужденные за разные преступления[25]. Среди славянских рабов, несомненно, находились и казаки, причем Ю.А. Мыцык, изучавший это восстание, полагает, что они должны были сыграть в нем важную роль[26].

Инициатором возмущения был «человек хорошего происхождения», украинский шляхтич Марко Якимовский (Марек Якымовский), выходец «из королевства Польского, из Бара, земли Подольской» («подольский русин»), хорошо знавший военное дело и попавший в плен в 1620 г. в Цецорском сражении. Сподвижниками М. Якимовскогостали Стефан Сатановский и Иван Стольчина, о происхождении которых ничего не известно, и, очевидно, еще один безымянный невольник, потому что источник, рассказывая уже о времени после восстания, говорит о четырех его руководителях. Первые трое, скованные вместе, смогли войти в доверие к туркам, которые днем снимали с них кандалы для прислуживания на палубе.

По изысканиям Ю.А. Мыцыка, возмущение случилось 2 ноября 1627 г.[27]. Отряд галер, пополнив в Мидиллю запасы провизии и набрав пресной воды, намеревался продолжить свой путьи вышел из порта, но в море начался шторм. Не сумев перебороть стихию, Касым-бей приказал своим кораблям вернуться в гавань. Три галеры стали в так называемом «широком порту», а флагманская в «узком», в трети мили от первого[28]. Во второй половине дня адмирал с 70 своими людьми сошел на берег отдохнуть, оставив 80 других и всех рабов на галере[29]. Матросы и солдаты, находившиеся на борту и утомленные морем, решили подремать и ослабили бдительность по отношению к невольникам.

М. Якимовский и его ближайшие товарищи, рискнув попытать счастья, очень удачно использовали благоприятный момент. По испанскому варианту описания событий, инициатор восстания «вверил свою судьбу в божьи руки» и открыл свой план С. Сатановскому и И. Стольчине, которые поначалу пытались его отговорить, но в конце концов поддались его убеждениям. Все трое пробрались на камбуз, где вступили в схватку с коком-турком и греком-потурнаком и осилили их, хотя М. Якимовский получил ранения в голову и лопатку. В руки троицы попали тяжелые палки, а затем и настоящее оружие, и зачинщики начали расковывать остальных невольников. Турки, дремавшие на корме, услышали шум, но поленились выяснить его причину, полагая, что это, видимо, драка, которая иногда случалась среди гребцов. Группа рабов между тем, вооружившись палками, котлами и всем, что попалось под руку, ударила на корму. М. Якимовскому удалось при этом убить в поединке неаполитанца-потурнака Мустафу, особо жестоко издевавшегося ранее над невольниками.

Испанская версия излагает дело несколько по-другому. М. Якимовский с дубиной, сделанной им из полена, которое он прежде добыл на камбузе, пробрался в это же помещение, ударом по голове свалил замертво кока и взял тесак, после чего отважился прокрасться на корму, где хранилось оружие. Солдат-ренегат из греков попытался помешать М. Якимовскому, но был сражен тесаком. Заполучив на корме какое-то оружие, герой распределил его среди своих

товарищей, которые затем с железными брусьями, поленами и «всем, что только могли найти», атаковали врагов.

Потом, продолжает испанская версия, восставшие бросились на нос корабля, где под тентом возлежал начальник команды, не видевший, что происходит, и посчитавший возникший шум за обычный. Увидев рабов, турок схватил в обе руки по тесаку, но оказался недостаточно проворным: М. Якимовский ударил его в грудь, и он упал мертвым за борт. Турки попытались :рыть мятежников тентом, обрезав у него штерты, но без особого результата.

Рабы сражались отчаянно, и в конце концов все члены турецкой команды были перебиты, выброшены в море и частично взяты в плен. После этого победители перерубили якорные канаты, сели за привычные весла и направились в бурное море. Терять им было нечего, поскольку выбор ограничивался между верной смертью от турок позади и определенным шансом на спасение впереди. Орудия с берега и, согласно одному источнику, с других кораблей, стоявших в гавани, открыли по мятежной галере огонь, но он, оказавшись неточным, не причинил ей вреда. В это время на берег прибежал Касым-бей, в бессильной ярости бросился в море и, стоя по пояс в воде, рвал на себе бороду, сыпал проклятьями и умолял рабов вернуться.

В погоню за ними направились три другие галеры отряда и продолжали ее с трех часов пополудни на протяжении всей ночи И следующего утра. Однако шторм с дождем и грозой, особенно бушевавший в ночное время, вынудил турок прекратить преследование и вернуться к Мидиллю. Оторвавшуюся от погони галеру кидало по морю, пока сильный ветер не стал утихать и не подул в нужном направлении.

Освободившиеся рабы избрали М. Якимовского капитаном. Его авторитет был велик, но из-за неимения опыта судовождения корабль вели мореходы, оказавшиеся среди бывших рабов. Галера счастливо прошла через архипелаг многочисленных и разбросанных поперек всего Эгейского моря Кикладских островов, почему-то не пошла к ближайшему Криту, который принадлежал Венеции, а, обогнув Пелопонесский полуостров, направилась на запад и северо-запад, к берегам Италии. По пути не попался ни один турецкий корабль. К концу второй недели плавания восставшие остановились у небольшого острова Строфады в Ионическом море, набрали свежей воды и подарили местным греческим монахам 200 реалов из богатой добычи на борту галеры.

Пройдя упомянутое море, бывшие рабы подошли к калаб-рийскому побережью Апеннинского полуострова, вошли в Мессинский пролив и 27 ноября, после 15 дней плавания, бросили якорь в гавани Мессины. Это была территория Королевства Обеих Сицилии, часть владений испанских Габсбургов — врагов Османской империи, и это была свобода.

В конце декабря повстанцы получили разрешение вице-короля прибыть в столицу — в город Палермо. Мессинским проливом они вышли в Тирренское море и вдоль северного побережья Сицилии направились к этому городу. Там они были приняты вице-королем, высоко оценившим их героизм. По испанскому источнику, «храбрый и отныне знаменитый Марко» отказался принять в подарок от вице-короля 1500 экю. В честь спасения и освобождения прибывшие построили в Палермо на свои деньги часовню Св. Розалии, дали волю 22 мусульманским невольникам - гребцам, жене кади (хотя могли попытаться получить за нее богатый выкуп от мужа, оставшегося в Мидиллю), четырем ее служанкам-христианкам и красивой рабыне Катерине, которую турки купили в Стамбуле и везли на продажу в Александрию. Испанский источник говорит, что повстанцы «оставили у себя» четырех молодых христианок — Анну, еще Анну, другую Катерину и Маргариту и что М. Якимовский и трое его главных помощников женились на них.

В Палермо бывшие рабы расстались со своей галерой, обменяв ее на два небольших судна, на которых отправились к западному побережью Папской области, чтобы лопасть в Рим (по другому варианту, повстанцы оставили галеру вице-королю, а М. Якимовскому был предоставлен конный экипаж, на котором он выехал с 30 своими товарищами и 5 дамами).

Побывав по пути в Неаполе, герои 6 февраля 1628 г. прибыли в Рим[30] и там получили торжественную аудиенцию у папы Урбана VIII и кардиналов Карла и Тадея Барберини. Гости положили «к ногам его святейшества» захваченный на галере адмиральский штандарт из дорогого белого шелка с изображением четырех полумесяцев и галерный бронзовый фонарь в мавританском стиле, «инкрустированный золотом и удивительно чеканенный», а флаги с галеры подарили нескольким римским церквам, в том числе церкви Св. Станислава, «патрона польского» и «своего защитника», с условием, что эти подарки поместят в церкви Св. Кая по завершении ее строительства[31].

Внимание к освободившимся рабам было очень большим, и их приход в Италию на захваченной галере воспринимался как сенсация и свидетельство близкого падения Османской

империи. Невольники-гребцы получили свободу не в результате победоносного сражения с турками испанцев или венецианцев, а добыли ее сами, причем едва не в центре этой империи.

Немедленное 1628 г. в Риме в типографии Лодовико Гринь-яни была напечатана семистраничная брошюра под заглавием «Повествование о захвате флагманской галеры александрийской флотилии в порту Метеллино, при котором были освобождены 220 невольников-христиан, благодаря отваге капитана Марко Якимовского, что был невольником на этой же галере». Автором, очевидно, являлся итальянец Марко Томмазо Марнавизио, так как ему принадлежат предисловие и посвящение книжки Сципиону Дячетто д'Аквавиве, графу Кастельвилано. Брошюра написана со слов участников события, которых расспрашивали в Риме, и, возможно, даже самого М. Якимовского. Ю.А. Мыцык характеризует ее как исторический источник и памятник ргежславянских и итало-славянских связей, значение которого трудно переоценить.

Известие о восстании в Эгейском море разлетелось по всей Европе, и книжка пользовалась заметным успехом у читателей. В том же 1628 г. она была переиздана в Риме и Флоренции, издана в переводе на испанский язык (в Барселоне) и с сокращениями — на немецкий и польский языки[32].

Из Рима освободившиеся невольники отправились в свои страны. Основная группа путников в мае 1628 г. (по новому стилю) прибыла в Краков, где возложила галерный флаг на гроб св. Станислава, и из этого города они направились в родные места[33].

Через 15 лет, в 1643 г., в упомянутой типографии Л. Гринья-ни была выпущена небольшая книжка о новом возмущении галерных рабов с названием «Известие о замечательном происшествии, недавно случившемся: о том, как взята была лучшая турецкая галера, бывшая под начальством Анти-паши Мариоля, как получили свободу 207 человек невольников-христиан из польской Руси и 70 невольников из других христианских стран, как взяты были в плен 40 турок и 4 богатых еврейских купца, как убит был упомянутый Анти-паша со многими другими турками и какая богатая добыча найдена была на галере».

Об этом же восстании рассказывают челобитная, поданная в 1643 г. царю Михаилу Федоровичу руководителем восстания Иваном Мошкиным и содержащая приписки 20 других участников событий, и отдельная челобитная тому же монарху одного изэтихлюдей, москвичаЯкима Быкова. В результате мы имеем уникальный случай подробного и разностороннего описания восстания, которое в самом деле оказалось замечательным и получило международный отклик.

Оно случилось 29—30 октября 1642 г.[34] непосредственно у самого Стамбула и являлось самым крупным по числу участников из всех известных возмущений такого рода и единственным известным в Мраморном море.

Источник характеризует мятежный корабль как девятнад-цатипушечную вызолоченную, «изящную и отборную цареград-скую галеру», «принадлежавшую к цареградской дивизии флота», «лучшую и богатейшую во всем турецком флоте». Она была снабжена «пятнадцатью прекрасными парусами различной величины, восемью большими канатами, двенадцатью якорями». Командовал ею капитан, которого, как мы видели, итальянская брошюра называет Анти-пашой Мариолем; в публикации челобитной И. Мошкина это имя передано как Апты-паш Марьев, но мы предполагаем, что в рукописном тексте могло стоять и Анты-паш. Источник называет капитана «жестоким», и, следовательно, надо полагать, что на его галере была «обычная», иными словами, невыносимая обстановка.

На борту корабля находились 250 «турских людей», в том числе 40 янычар, и 277 невольников-христиан, *в* большинстве своем с Украины, среди которых, несомненно, было определенное число запорожских казаков[35]. Донцов на галере состояло четверо: Прон Герасимов, Григорий Никитин, Иван Игнатьев и Юрий Михайлов. В свое время вместе *с* другими донскими казаками они участвовали в попытке перехватить на перевозе через Северский Донец крымских татар, которые пошли «воевать Русь». Столкновение произошло, вероятно, в конце 1637 г.[36]. П. Герасимов получил в бою три раны стрелами и одну саблей, Г. Никитин потерял отсеченный палец левой руки, был ранен из лука «под титьку» и порублен саблей «по пояснице», Ю. Михайлов получил три раны, и в довершение четыре казака попали в плен и были проданы на галеру.

На галере также пребывали два русских городовых казака — верхнеломовец Тимофей Иванов и Кирюшка (Кирей или Кирилл) Кондраев, который еще в Смутное время был послан князем Дмитрием Пожарским из Москвы в Тулу, схвачен под этим городом ногайцами и находился у них в плену 13 лет, пока не стал галерным рабом. Среди невольников было еще 14 русских — жителей городов Белгорода, Валуек, Воронежа, Ельца, Москвы, Одоева, Орла, Чугуева, Шапка,

Комарицкого и Лебедянского уездов и других местностей, в том числе четыре сына боярских, три стрельца, стрелецкий сын и пашенные крестьяне. Всего на борту корабля числилось 20 невольников из России и с Дона[37]. Итальянский источник утверждает, что все рабы оказались «отборными, молодыми и храбрыми» людьми, но в отношении их поголовной молодости это замечание неверно, так как русские невольники, по их показаниям, провели в плену от 2 до 40 лет.

Восстание возглавил раб, прикованный к первой банке, Иван Семенович Мошкин. Итальянцы называли его «знатным офицером», «капитаном Иваном Симоновичем», но на самом деле это был калужский стрелец, служивший некогда в сторожевой станице на реке Усерде, схваченный крымскими татарами и проданный в Турцию на галеру. Он провел на ней семь лет, которых было вполне достаточно, чтобы воспылать жгучей ненавистью к капитану, его подручным и порядкам на корабле. Однако это еще не объясняет, почему именно бывший стрелец возглавил заговор многонациональной команды и довел его до успешного завершения, почему именно ему рабы вверили свою жизнь. Несомненно, это был опытный, закаленный солдат, и, вероятно, упоминание о его «офицерстве» не случайно. Но одной опытности было мало: и казаки, и некоторые рабы-европейцы, надо полагать, тоже участвовали в разных кампаниях.

«Атаман» до пленения явно не имел отношения к мореходству и военно-морской деятельности, и, может быть, это одно из обстоятельств, подвигших Ю.А. Мыцыка считать руководителем восстания украинского казака Р. Каторжного, впоследствии видного соратника Б. Хмельницкого[38]. Согласно дневнику галицкого стольника В. Мясковского, данный казак получил свое прозвище потому, что «галеру из Турции увел в 1643 г.,турок перебив при этом». Ю.А. Мыцык считает, что речь идет о восстании 1642 г., и это вполне возможно, как и то, что Р. Катиржный мог быть одним из предводителей мятежников.

Однако имеющиеся серьезные источники четко и недвусмысленно говорят, что инициатором и главным руководителем восстания являлся И. Мошкин. Это и итальянская брошюра, и челобитная самого героя, и приписки других участников мятежа, вполне согласных с его первой ролью, и челобитная Я. Быкова, где о возмущении на галере сказано, что «промысл был атамана нашего Ивана Семенова». Очевидно, «капитан Симонович» представлял собой человека с железным характером, сильной волей, талантом организатора и авторитетом в среде невольников, и это предопределило дальнейшие события и место в них бывшего стрельца.

Согласно итальянскому источнику, И. Мошкин «возымел твердое намерение освободить себя и земляков из тяжелой неволи и в течение трех лет обдумывал и подготовлял план избавления своего совместно с товарищами». Он «начал подготовлять средства для освобождения с большою осмотрительностью и в глубокой тайне, сообща с некоторыми более близкими иверными товарищами». Из последующего рассказа И. Мошкина следует, что эти товарищи сидели рядом с ним. Очень похоже, что это были казаки с их военным и морским опытом, решительностью и храбростью. Впоследствии царь наградит детей боярских, участвовавших в восстании, по «рангу» несколько щедрее, чем казаков (на деньгу каждого), но в челобитной, которую подаст И. Мошкин, донцы будут идти впереди всех, в том числе и детей боярских.

Постепенно в заговор стали вовлекаться и прочие гребцы. «Я, — вспоминал позже сам предводитель, — живот свой мучил на каторге... и веры христианские не забывал, и стал подговаривать своих товарыщей, всех невольников, чтоб как турок побить и в православную христианскую веру (т.е. на родину. — *В.К.)* нойтить. И те... мои товарыши слова моего не ослушались и в православную христианскую веру пошли... и втоммне... присягали, что слова моего слушать и ни в чем меня... не выдать, и... счастья исповедать (т.е. пойти на риск. — *В.К.)».*

Первые практические шаги невольники предприняли во время осады Азова турецко-татарской армией и османским флотом в 1641 г. ПодАзовом была и галера Анти-паши Мариоля, и когда с нее свозили на берег ружейный порох, гребцы исхитрились каким-то образом потихоньку его красть, завязывать в мешочки и отдавать на хранение участнику заговора, одному из капитанских помощников Микуле. Это был тоже раб, «русин», внешне вполне верный паше и исполнявший на корабле обязанности эконома. Капитан поручил ему «заведывать съестными припасами, назначенными как для его личного стола, так и для продовольствия турецких солдат и невольников; турки поэтому не наблюдали за поведением Микулы; он во всякое время расхаживал без цепей по галере, и только на ночь на него налагали оковы».

Рабам удалось выкрасть 40 фунтов (свыше 16 кг) пороха, мешок с которым Микула, пользуясь своим положением, спрятал среди мешков, наполненных сухарями. Укрытое «по милости божией... не заметили ни шпионы, ни сторожа турецкие».

На сторону невольников перешел и еще один приближенный паши — итальянский юноша-ренегат Сильвестр из Ливорно, тосканского порта на Лигурийском море. Этот молодой человек был известен даже тогдашнему султану Ибрахиму I в качестве «искреннего и убежденного ренегата, между тем как он оставался втайне христианином и состоял искренним пособником заговора».

И. Мошкин писал, что «турские люди доставали Озоев и его не достали, и много войска истеряли, и пошли от Озоева опять в Царьгород, и пришли... во Царьгород». Туда же вернулась и галера Анти-паши.

А по возвращении случилось нечто, заставившее капитана бежать со своим кораблем из столицы. Мы имеем две версии причин этого происшествия. По челобитной И. Мошкина, султан, «опалясь» на турецких командиров, не сумевших взять Азов, многих пашей четвертовал и вешал», и Анти-паша «убоялся и побежал». Согласно итальянской же брошюре, с галеры сбежал грек-невольник, который «донес султану, что несмотря на его Приказы и распоряжения, обеспечивающие безопасность грехов, Анти-паша захватил в плен на свою галеру 40 человек из этого народа. Султан сделал выговор Анти-паше и приказал ему отпустить греков на волю. Но паша не желал исполнить этого приказания и поэтому... отправился в путь...» Целью плавания был Неаполь, где капитан «предполагал провести зиму и вести выгодные торговые сделки с купцами этого города».

Так или иначе, «в ночи» корабль снялся с якоря и пошел в Мраморное море. Однако, отойдя на две мили от Стамбула, он снова стал на якорь, поскольку Анти-паша решил, прежде чем Продолжать движение, дождаться рассвета[39]. Моряки и солдаты, в том числе янычары, погрузились в сон. Бодрствовала только стража, но и она несла службу спустя рукава, не ожидая никаких неприятностей. Вообще дисциплина команды была слаба, что сильно помогло рабам.

И. Мошкин и «его товарищи-русины сочли, что им представился случай освободиться из плена раньше, чем они надея-глись; они решили ускорить исполнение своего предприятия, пока их не настигнут (корабли погони. — *В.К.)...* Переговоривши быстро между собою, они приготовились: каждый из них запасся камнем, лопатою или топором...» Каким образом это удалось сделать, источник не объясняет.

«В час добрый», по выражению руководителя восстания, в восьмом часу ночи по древнему счету времени, вынули спрятанный порох, и И. Мошкин подложил его под кормовой кубрик, где спали капитан и 37 (в челобитной 40) «лутших янычар», за-- тем, лежа под банкой, зажег фитиль и стал поджигать порох, в то время как один из товарищей старался закрыть собой зажигате-ля. Порох отсырел и не вспыхивал. «И зажегши я... фитиль... запаливал дважды...» — вспоминал И. Мошкин. Порох не загорался.

В эту драматическую минуту огонь заметили турки. Итальянская брошюра говорит, что на горящий фитиль в руках у «Симоновича» обратили внимание шесть солдат, расставленных на ночь на галере в качестве часовых. Сам же герой сообщает, что это были паша и янычары (вероятно, не успевшие крепко заснуть). Капитан стал браниться: «Что... ты, собака, делаешь?» — «И я, — писал И. Мошкин, —... ему сказал, что хочу пить табак дымной (курить кальян. — *В.К.)...»* — «И ты... пив и ляги спать», — отвечал удовлетворенный ответом паша. И. Мошкин перевел дух: капитан «мне.... потом поверил и... с теми янычары лег спать, и поставил сторожу. И в то время я. ..не мог ничего учинити». В самом деле, третий раз пытаться поджечь фитилем сырой порох было смертельно опасно.

Но предводитель все-таки нашел выход, велев итальянцу Сильвестру, лежавшему среди турок и притворявшемуся спавшим, «принесть головню огню и... увертеть в плат, чтобы не видали сторожа». Сильвестр незаметно прополз по палубе и принес головню (по итальянскому источнику, «горящие угли, обернутые в тряпку»). Этотже юноша раздобыл и 12 сабель, которые И. Мошкин раздал «ближним своим товарыщам, которые сидели подле». После этого он «тое головню подложил под порох» («бросил угли вниз в то место, где был заложен порох»), и раздался взрыв.

Зажигатель «обгорел... по пояс», а несколько гребцов, «сидевших в той стороне, где произошел взрыв, получили обжоги». Взрыв вышел «менее сильный, чем ожидали, по причине порчи пороха от сырости», но тем не менее достаточно внушительный. 28 спавших янычар взлетели на воздух, из них 20 выбросило в море. Некоторые другие турки сами бросились туда от огня, охватившего корабль: загорелись кубрики и паруса, огонь осыпал палубу. Часть турок метнулась к невольникам.

Оказалось, что место, где спал Анти-паша Мариоль, не затронуло взрывом, но капитан, разумеется, был разбужен и в страшной тревоге и ярости, с саблей в руке выбежал на палубу, «на

переднюю лаву», и закричал на рабов: «Ах, вы, христианские собаки! Не трогаться с места, изменники! Сидеть смирно!» И. Мошкин «с неотразимою отвагою» и криком: «То еси сабака, турча-нин неверный!» — бросился с саблей на пашу и нанес ему смертельный удар «в брюхо», а «ближние товарыщи» схватили капитана и швырнули его за борт. С камнями, лопатами, топорами, саблями и вовсе безоружные невольники кинулись на турок, воодушевляя себя возгласами: «Вот, вот сейчас овладеем галерою!». Впереди был зачинщик восстания.

Растерявшиеся османы не успели пустить в ход мушкеты (как эм оказалось, на галере их было 250 штук), но использовали сабли и несколько луков. Правда, по счастливому стечению обртоятельств тетивы многих луков «были уничтожены горящими глями, падавшими из пылавших кают, так что всего два или эй лука остались годными к употреблению».

Некоторые турки ожесточенно сопротивлялись, схватка была продолжительной, а расправа с командой суровой. «Вся задняя часть галеры покрыта была оторванными членами и отсеченными, окровавленными головами, которые русины сбрасывали в море». И. Мошкин получил ранение и вслед затем «подвергся большой опасности, ибо один старый, крепкий турецкий солдат бросился с желаньем доконать его, но товарищи вовремя пришли к нему на помощь; турок храбро и упорно сражался с дьявольскою неукротимостью: долго русины не могли одолеть его, пока наконец не пронзили его копьем; он пал с страшным пронзительным криком».

Матросы и солдаты бросались за борт, прятались и убегали, 3а ними гонялись по всему кораблю. Согласно итальянской брошюре, «человек восемь или десять, в том числе и сын Анти-паши, спрыгнули в шлюпку; с галеры видно было, как лодка эта, полузалитая водою, кружилась по морю; весьма вероятно, что потонула».

Всего в ходе боя «капитан Симонович» получил четыре равнения: турки его «из лука прострелили в голову, а другою стрелою в правую руку, и порубили... саблею в голову и в брюхо». Донец И. Игнатьев был ранен из лука «в стегно» (бедро). Я. Быков получил две раны саблей; бывший московский стрелец Иван Лукьянов был ранен саблей же; бывшего Чугуевского стрельца Догина Макарова «ранили саблею по левой руке да из лука дважды»; сын валуйского стрельца Родион Дементьев был посечен ; «саблею в левую руку да из лука по пояснице»; воронежца Григория Киреева дважды прострелили из лука. «И постреляли... те турские люди моих товарыщей, — писал И. Мошкин, — поранил и 20 человек, а до смерти... убили одного человека; и потом мы... божиею милостию... тех турских неверных людей побили».

Победа действительно была полной. 210 мусульман погибли или бросились в море. Восставшие наконец получили возможность снять цепи, в которых сражались. Гребцы «немедленно принялись разбивать свои оковы с большим грохотом и вслед за тем бросились к канатам, желая распустить паруса, но приэтом почувствовали необычную тяжесть; осмотрев паруса, они увидели, что многие турки укрылись туда, пользуясь смятением; последние просили о помиловании, и невольники согласились даровать им жизнь и объявили их пленниками». По словам И. Мошкина, рабы «с своих рук и ног железа посияли и им на руки и на ноги поклали».

Сведения о числе этих пленников несколько расходятся между собой. Руководитель восстания и Я. Быков говорят, что их было 40 человек, итальянский источник называет 40 турок и 4 еврейских купцов, а в другом месте указывает, что в плен попали «34 турка, две турчанки, 3 мальчика, 2 негра и 4 богатые купца-еврея, предложившие 10 000 скуди выкупа», — всего, таким образом, 45 человек[40].

Потом, в спокойной обстановке, победители найдут на галере богатые трофеи: кроме 60 мешков пшеницы, 250 деревянных брусьев и 150 больших полос железа, «предназначенных для постройки новой галеры», и прочего груза, еще 8 тыс. талеров, 600 венгерских червонцев, лом серебра, свыше 20 оправленных в золото и серебро сабель и «большой запас» обычных сабель, два набора конской сбруи с серебром, жемчугом и драгоценными камнями, золотую булаву с камнями, 40 кинжалов с серебряными рукоятями и камнями, 20 «прекрасных и богатых знамен», 20 подбитых соболем пурпурных кафтанов, мундирные костюмы для 250 солдат, 15 прекрасных ковров, 20 «одеял из златоглава», «цельный рог единорога, предмет весьма редкий и ценный» (зуб нарвала), множество богатого тонкого белья, много кусков дамасской ткани и др.

Победившие галерные невольники находились в опаснейшем центральном районе Османского государства, совсем рядом с его столицей и главной военно-морской базой, недалеко от выхода из Босфора. Существовала угроза погони (по итальянскому источнику, на следующий день после бегства Анти-паши вдогонку ему отправились шесть галер) и случайной встречи с другими турецкими кораблями. Надо было немедленно уходить из этого опасного района и идти быстро.

Среди невольников, несомненно, оказались знатоки Средиземноморья и мореходного дела, которые и избрали направление пути. Согласно брошюре 1643 г., было решено идти к итальянским берегам, к Калабрии, а далее «пристать к гавани в Чивита-Веккии, порте Орвиетской области, высадиться там, поклониться святым в Риме и оставить галеру в подарок святейшему папе Урбану VIII». Из челобитной же И. Мошкина вытекает, что, напротив, дарить корабль кому бы то ни было освободившиеся рабы не собирались и пошли к Италии не из-за папы, а потому, что там была «Шпанская земля» — владения Испании, которая вела затяжную борьбу с Турцией.

Почему избрали именно Чивитавеккью в качестве конечного пункта, неясно, но невольно рождается предположение, что кто-то из ведущих мореходов в числе победителей, а может быть, и несколько человек были родом из этого города[41]. Чивитавеккья — порт в Тирренском море, сравнительно недатеко от Рима, и чтобы попасть туда, надо было пройти Мраморное море, Дарданелльский пролив с османскими укреплениями по берегам, Эгейское море, обогнуть Грецию, входившую в состав Османской империи, пересечь Ионическое море, а затем, пройдя Мессинским проливом либо обогнув Сицилию, вступить в Тирренскоеморе.

«И пошли мы, — сказано у И. Мошкина, —... на Шпанскую землю, и дал нам Господь Бог доброй ветер, и чинили мы два паруса, и пошли... мы через Белое море, и шли мы... 7 дней и 8 нощей...» В итальянской брошюре этот путь описан более подробно, хотя и здесь не сказано ни слова о том, как повстанцы проходили опасные Дарданеллы. «Лишь только окончилась битва и водворился порядок, тотчас все бросились к веслам и принялись грести изо всех сил; они быстро помчались по морю, тем более что дул попутный ветер. Они непрерывно работали веслами...»

По пути встретили «турецкую фелюку, в которой плыли семь человек турок; последние, увидев одну из своих галер, приблизились к ней, спрашивая, нет ли на пути христианских кораблей. Один из русинов, выдавая себя за турецкого начальника, ответил им, что кораблей христианских в море нет, и ласково пригласил их к себе, предложив угощение. Но когда они взошли на галеру, то русины разразились громким хохотом, турки же с крайним прискорбием увидели себя неожиданно в плену». Очевидно, и Дарданелльский пролив корабль повстанцев прошел под видом обычного турецкого судна, нигде не останавливаясь. На восьмой день плавания разразился страшный шторм, на галере поломало 17 весел и раздробило руль, и «вследствие этого беглецы должны были сократить путь, они пристали к берегу в гавани Мессине».

Встретили их не особенно сердечно. «Шпанские земли иноземцы», писал И. Мошкин, «стали нас... призывать и призвали нас... в город, и зазвали нас в одну палату, и приставили к намсторожу, и воду нам... продавали. И я... не мог в том ничего учинити, потому что ранен и обгорел и два месяца лечился...» Галеру со всем содержимым («со всеми животы») и турецких пленников у бывших рабов отобрали, по выражению И. Мошкина, «совсем ограбив душею да телом», и прибывшие «не могли ничего учинити».

По выздоровлении руководитель восстания, какой сам замечал, «стал писать Шпанские земли до воеводы, чтобы нас... из своей земли отпустил в православную христианскую веру. И он нас пустить не хотел, и давал нам гроши и платья, и жалованья, чтобы мы служили шпанскому королю... мне... давал Шпанские земли король по 20 руб. на месяц, и мы ему служить не захотели». В конце концов власти отпустили большинство «русинов» на родину, дав им «лист вольной», но все-таки семь человек задержали силой, посадив в тюрьму.

И. Мошкин, казаки и русские люди переправились из Сицилии через Мессинский пролив на Апеннинский полуостров и по территории Калабрии и Кампании направились к Риму. «И шли... наги и босы, и голодны...» В Риме «у папы приимали сокрамент» (благословение), и там же ватиканские врачи сделали операцию Г. Кирееву, который до того «лежал... при смерти 2 месяца», — извлекли из раны наконечник стрелы.

Из Рима путники пошли на Венецию, а оттуда в Австрию. «Цесарь, — писал И. Мошкин, — ... был нам рад и звал нас на службу, и давал нам жалованье большое, а мне... поместье...» Из Австрии через Венгрию они пришли в Варшаву. Польский король, говорится в челобитной И. Мошкина, «велел нам дати пити и есть, дал нам пристава своего, королевского коморника Андрея Заклику и... подводы, мне... на дорогу дал 10 руб., а товарыщам моим всем по 2 руб., и вез на подводах до Вязьмы». По дороге к группе примкнул еще один русский, Степан Лукьянов, который сообщил, что взяли его «в полон литовские люди в московское разоренье маленька», что он трижды пытался бежать из Польши, но его настигали, и один из «литовских людей» при этом его «порубил топором, а другой саблею».

Уже на «государевых», царских подводах путешественники доехали из Вязьмы до Москвы, где и подали царю челобитную с описанием своего подвига и странствий. «И шел я... с товарыщи

своими, — писал И. Мошкин, — через многие земли наг и бос, и во всяких землях призывали нас на службу и давали жалованье большое, и мы... христианские веры не покинули и в иных землях служить не хотели, и шли мы... на твою государскую милость». «Милосердый государь царь и великий князь Михайла Федорович всея России! — просил герой. — Пожалуй меня... с моими товарыщи за нация службишка и за поденное нужное терпение своим царским жалованьем, чем тебе, праведному и милосердому государю, об нас, бедных, Бог известит».

21 июня 1643 г. царь «пожаловал» — повелел И. Мошкину и другим бывшим стрельцам «дать корму по 2 алтына, а достальным всем детям боярским по 8 денег, казакам по 7, пашенным крестьянам по 6 денег». Отмечено было лишь то, что они «свободились без окупу», а их героизм и мужество, необычные и тяжелые приключения были оставлены без внимания. Я. Быков, не нашедший в родной Москве ни одного своего «родимца» («всех побили литовские люди в московское разоренье, а иные померли») и вынужденный скитаться «меж двор без приюту, головы приклонить негде», просил, «чтоб... напрасною смертью не умереть», постричь его в монахи одного из монастырей «без Вкладу». Михаил Федорович удовлетворил просьбу человека, который провел 6 лет в литовском плену, 10 лет в крымском и еще 20 лет на турецкой галере. По государеву же указу бывших невольников отослали «под начало к патриарху для исправления для того, что у папы приимали сокрамент», и они затем «в монастырях под началом были».

Надо полагать, донские казаки из Москвы вернулись на Дон и запорожцы из Варшавы в Сечь. Но дальнейшая судьба никого из участников восстания неведома, кроме, может быть, Р. Каторжного. Около четырех лет он служил в Палермо (по Ю.А. Мыцыку, в 1642—1647 гг.), затем вернулся на Украину, принял активное участие в освободительной войне 1648—1654 гг., отличился на дипломатическом поприще[42], был наказным нежинским полковником.

«Автор рассказа, — пишет об итальянской брошюре 1643 г. В.Б. Антонович, — неизвестен, но можно догадываться по его содержанию, что он составлен... Сильвестром... которого деятельность во время подготовления восстания невольников особенно тщательно оттенена». Публикатор второго издания той же брошюры на русском языке также считает, что этот «отчет» составлен, «по всему вероятию, итальянцем Сильвестром». У М.А. Алекберли есть замечание, что брошюра и челобитная И. Мошкина — это «два документа, весьма вероятно, написанные двумя участниками одних и тех же событий».

Однако у нас есть сомнения в авторстве Сильвестра в связи с его юным возрастом и тем, что подобные сочинения обычносоставляли лица, имевшие отношение к литературе. Кроме того, мы не находим в тексте какой-либо особенно значительной «от-тененности» действий Сильвестра, а внимание, проявленное к нему как соотечественнику, участвовавшему в замечательном деле, вполне понятно. Брошюра составлена, может быть, на основании рассказа Сильвестра или кого-то другого, а скорее всего нескольких из участников восстания, среди которых могли быть и сам И. Мошкин, и казаки[43].

Вернемся здесь к вопросу, который уже затрагивался и имеет отношение к антиосманской борьбе казаков за Босфором. Невольникам, добившимся свободы и попавшим в Италию, перед возвращением на родину обычно предлагали службу на местных флотах и в армиях, особенно в Венеции и владениях испанского короля. И. Мошкин и его донские и русские товарищи, как мы видели, устремились на родину, но некоторые казаки по разным причинам принимали подобные предложения, как тот же Р. Каторжный, вернувшийся домой по известию о начале войны с поляками. Ю.А. Мыцык предполагает, что подобно украинскому казаку, возможно, остались на итальянской службе и еще некоторые участники восстания И. Мошкина.

Запорожцы и донцы могли появляться на флотах Австрии, великого герцогства Тосканского, Ордена мальтийских рыцарей, у ускоков[44]. Обратим внимание на сообщение М. Нечаева, правда, выходящее за рамки XVII в., о том, что когда французское судно, на котором паломник направлялся с Кипра в Яффу, было осмотрено мальтийскими корсарами, среди последних оказались «2 человека наших русских людей». В этой связи любопытно наблюдение, сделанное в 1980-х гг. одним украинским моряком на Мальте. В соборе Св. Иоанна он обнаружил поразительную скульптурную композицию — надгробие XVI— XVII вв., где изображены умерший господин и двое его слуг. Первый из них — «с угодливой ухмылкой раб, который покорно ожидает распоряжение от хозяина», а второй — запорожский казак. «На нас глядит волевое, гневное и одновременно исстрадавшееся неволею лицо. Оселедец на голове, напряженные мышцы тела, в глазах — тоска... Полоненный, проданный в рабство, но непокоренный»[45].

Некоторые ученые пытаются связать реальные восстания рабов на турецких галерах с замечательной украинской думой о бывшем запорожском гетмане Самийле Кишке (Самойле Кош-

ке), оказавшемся в плену на галере молодого трабзонского князя Алкан-паши. Гребцы этого корабля — запорожские казаки и, возможно, донцы (в конце произведения есть не мотивированная предыдущим описанием здравица в честь Войска Донского) — под руководством С. Кишки подняли восстание у крымского порта Гёзлева, в другом варианте — у Трабзона, одержали победу, «гуляли» на захваченном корабле по Черному морю вплоть до Стамбула, а затем пришли к острову Тендре, где встретили запорожскую заставу, сожгли галеру и благополучно вернулись в Сечь[46].

У П.А. Кулиша есть замечание о том, что «один из запорожских пиратов, черкасский козак Сулима» завладел галерой «подобно кобзарскому Самуилу Кишке». Позже этот историк, называя И. Сулиму, как в львовской летописи, Самуилом, уподобит бунт под его руководством «тому, который воспет в кобзарской думе о Кишке Самийле». М.С. Грушевский также считает, что восстание И. Сулимы было «в том роде, как описано в думе о Самийле Кишке», и добавляет: «Та подробность, что львовский летописец называет Сулиму Самийлом, могла бы показывать на то, что его путали с легендарным Самийлом Кишкою».

В. Науменко высказывает другое мнение: в итальянской брошюре о восстании 1642 г. «нельзя не видеть очень многих мест, совершенно сходных с рассказом думы», — и приводит эти общие мотивы. Ренегат Микула помогает бунтовщикам, и ренегат из думы Лях-Бутурлак после победы восставших помогает им в дальнейшем плавании, а в одном варианте, заведуя, как и Микула, провизией, оказывает помощь и в подготовке бунта. Победившие невольники одинаково обманывают встретившиеся турецкие суда, выдавая себя тоже за османское судно. Анти-паша сравнивается с Алкан-пашой из думы с учетом «естественного искажения имени». Сходны описания богатой галеры в брошюре и думе. Пашей в ходе обоих восстаний убивают, а тела их сбрасывают в воду. Заметим, что это еще не полный список «совпадений», и к наблюдениям автора можно добавить некоторые другие сходные моменты, например, восстания 1642 г. и С. Кишки происходят глубокой ночью, а в руках рабов в обоих случаях оказываются сабли.

Какже, по В. Науменко, могла возникнуть дума? С. Кишка находился в турецком плену, и в народе об этом «ходили толки... которые, может быть, облеклись даже в песенную формулу, впоследствии совершенно утратившую свой первоначальный вид». «Возвратившиеся из плена вместе с героем италианскогосказания Симоновичем, конечно, рассказывали об этом событии; рассказ переходил от одних к другим, с места на место, быть может, от одного поколения к другому; личность и имя малоизвестного Симоновича забыты, а в то же время жила в памяти народной личность героя Самуила Кошки, и ничего нет удивительного, если с течением времени рассказ о забытом Симоновиче приурочен кдолгопамятному Самуилу Кошке, также бывшему в плену...»

«В общем, — говорит В. Науменко, — факт остался тот же, но дополнен фантазией, а может быть, и еще какими-нибудь неведомыми нам историческими случаями, бывшими с другими лицами, и, таким образом, до известной степени пересоздался».

Иными словами, считает автор, восстание, описанное вдуме, имело место в действительности, однако это событие произошло не с С. Кишкой, а с другими лицами в 1642 г.; народная же фантазия приурочила реальное восстание к «своему герою» и перенесла время события. «В таком виде предания эти, видоизменяясь и пополняясь новыми подробностями — то как общетипическими приемами певцов, то как заимствованиями от других фактов однородных, распространились в целую думу...» Так бунт 1642 г. «подал повод к сложению думы о Кошке».

В.Б. Антонович согласно с В. Науменко полагает, что итальянский рассказ о восстании «Симоновича» имеет «много аналогичного с содержанием... думы» и потому предоставляет «некоторые данные для уяснения вопроса о происхождении оной». Публикатор второго русского издания итальянской брошюры также высказывает мнение, что события восстания 1642 г. послужили основой для создания думы, но она перенесла действие из XVII столетия в XVI и главную роль приписала С. Кишке.

С такой постановкой вопроса не согласен Ю.А. Мыцык. Он замечает, что фольклорист Б.П. Кирдан указал на отсутствие в повествовании о восстании 1642 г. ряда подробностей, которые встречаются вдуме. По Ю.А. Мыцыку, бросается в глаза родство данного произведения с рассказом итальянского же автора о другом восстании — 1627 г. Вполне совпадают главные сюжетные линии и даже немало подробностей. В обоих случаях восстание вспыхивает, когда паши с половиной команды или с целой командой сходят на берег. М. Якимовскому, как и С. Кишке, разрешается днем ходить без цепей. Первый убивает потурнака-итальянца Мустафу и

сбрасывает труп в море, а второй делает то же с Ляхом-Бутурлаком (т.е. потурнаком). Во время обоих восстаний часть турок убивают, а других выкидывают за борт.

Историк добавляет, что среди героев думы, как и в восстании 1627 г., действует Марко — бывший войсковой судья Марко Рудый (вариант: черкасский судья Марко Грач) и что М. Якимовский попал в плен в 1620 г. под Цецорой — там же, где и С. Кишка. «Есть даже основания считать, — пишет Ю.А. Мыцык, — что Марко Якимовский и Самийло Кишка были одним и тем же лицом». Согласно заключению историка, дума воспевает именно восстание 1627 г.

Выскажем наше отношение к изложенным мнениям. Что касается восстания И. Сулимы, то наименование последнего Самийлой, конечно, производит впечатление, но, не располагая подробностями этого возмущения, мы не имеем возможности сравнивать его с «думским» восстанием. Относительно же «схожести» восстания 1642 г. и событий думы следует сказать, что некоторые из общих элементов характерны и для других восстаний галерных рабов и что, главное, между сравниваемыми возмущениями есть существенные различия, о которых В. Науменко специально не говорит.

Это разное число невольников (по думе, их350 или420,ане 277) и экипажа (700 турок, а не 250, и 400 янычар, а не 40), разные места восстаний в разных морях по обе стороны Босфора, разное начало восстаний (в думе нет никакого взрыва, сыгравшего решающую роль в 1642 г., но С. Кишка достает из-под головы напившегося Ляха-Бутурлака ключи, рабы размыкают ими оковы, захватывают сабли и бросаются на турок) и разный конец (плавание победивших невольников по Черному морю, затем к Тендре и возвращение в Сечь совершенно не соответствуют путям возвращения на родину повстанцев И. Мошкина) и др. Добавим к тому же, что В. Науменко, не зная, кто такой «Симонович», считает его украинцем и поэтому в попытке выяснить происхождение думы «совмещает» слабую известность в народе этого человека с популярностью С. Кишки.

Мы видим также значительные различия многих деталей думы и восстания 1627 г. В думе опять-таки показано совершенно другое число рабов, не фигурируют женщины, бывшие на борту галеры во время восстания М. Якимовского, возмущение происходит не в Эгейском, а в Черном море, восстание начинается не так, как в 1627 г. (в частности, паша возвращается до бунта на галеру, а не остается на берегу), вдуме отсутствуют уход восставшего корабля из порта под огнем пушек и погоня, прекращенная штормом, события заканчиваются по-иному, чем у М. Якимовского, и др. Разумеется, дума ни словом не упоминает Италию, занимавшую важное место в странствиях невольников и в 1627, и в 1642 гг.

Если расхождения в численности людей, участвовавших в событиях реальных восстаний и восстания думы, легко объяснить поэтическим преувеличением фольклорного произведения, то с объяснением прочих «несхожестей» дело обстоит сложнее.

Ю.А. Мыцык предлагает следующий вариант. Итальянский автор писал о восстании М. Якимовского «по живым следам», основываясь на свидетельствах повстанцев в Риме, а дума, хотя и складывалась на основе их же свидетельств на Украине, но значительно позже. При этом трудно рассчитывать на то, что участники восстания одинаково излагали события. Кроме того, нельзя забывать и о влиянии песенных традиций. Именно под их воздействием Эгейское и Ионическое моря заменены в думе Черным морем, которое часто упоминается в украинских исторических песнях, а малоизвестный порт Метеллино — Трабзоном, на который в первой четверти XVII в. «казаки ходили походами чуть ли не каждые три года». Ю.А. Мыцык подчеркивает, что в фольклорных памятниках, где конкретные факты пропущены сквозь призму народного воображения, не следует искать абсолютной точности в изображении событий и хронологии.

Эти соображения резонны, однако, наш взгляд, не стоит забывать, что и в Черном море на турецких галерах случались восстания, и, как знать, не оказались бы они по сюжету и деталям ближе к событиям думы, чем средиземноморские возмущения, если бы мы располагали такими же подробными описаниями первых, какие имеем в отношении вторых. Между прочим, о восстании галерных рабов 1697 г. на пути из Гёзлева в Стамбул Н.И. Костомаров замечал, что оно «представляет такое сходство с тем, что описывается в думе о Самийле Кишке, что мы бы не затруднились признать тождество событий, если бы нас не удерживала хронологическая несообразность», т.е. значительный разрыв между временем С. Кишки и последнего восстания. Наша точка зрения заключается в том, что дума вобрала в себя много типического из черноморских и средиземноморских невольничьих бунтов, которые все в определенной степени были похожи друг на друга, как похожими были условия существования рабов на галерах. В.

Науменко полагал, что восстание 1642 г. являлось уникальным, но чем больше мы узнаем о возмущениях невольников, тем больше отмечаем схожих элементов, общего, типического.

Впрочем, слабая изученность этих восстаний заставляет нас не исключать в конце концов и другой вариант, при котором в основе типизированных событий думы мог оказаться неизвестный нам реальный случай, действительно произошедший с С. Кишкой. В реальности восстания, возглавленного им, уверен В.А. Сэрчик. Биография гетмана почти совершенно не известна, а источники содержат такие расходящиеся между собой известия, как смерть героя в 1602 г. и пленение в 1620 г.[47] Если последнее сообщение верно, то этот плен мог быть и не первым: В. Науменко замечает, что, согласно думе, С. Кишка вернулся из плена при гетмане Скалозубе, т.е. около 1599 г., и еще раньше В.Б. Антонович и М.П. Драгоманов относили события думы к этому году.

Однако и при таком варианте нет сомнений в том, что это «прекрасное произведение народного эпического творчества», «самая полная и художественная» из всех дум о судьбе невольников, является памятником казакам-галерникам, поднимавшим восстания и на Черном, и на Средиземном морях.

Подобные возмущения — чрезвычайно своеобразная форма решительной вооруженной борьбы против османских насильников и угнетателей. Казаки, русские люди, украинцы и представители других народов Европы в ходе восстаний проявили не сломленный страшными несчастьями дух и удивительный, доныне поражающий героизм. Поднимаясь на открытые выступления, рабы шли на верную и мучительную гибель, ожидавшую их в случае неудачи.

Подвиги восставших тем более изумительны, что особо суровые условия содержания невольничьих экипажей на турецких галерах фактически лишали рабов самой возможности прямого сопротивления. Тем не менее невольники, скованные цепями, находившиеся под круглосуточной бдительной охраной, изнуренные непосильной работой и постоянными истязаниями и, наконец, разноязыкие, использовали редкие счастливые случайности и одерживали победы.

Восстания казаков и других рабов на турецких галерах за Босфором дают яркие образцы международной солидарности людей разной этнической и религиозной принадлежности в яростной, смертельной антиосманской борьбе. Победы, одержанные невольниками в этой борьбе, имели важное морально-психологическое, воодушевляющее значение как для самих казаков, так и для народов Средиземноморско-Черноморского бассейна, противостоявших агрессии Османской империи.

Сделаем выводы:

1. Война казачества с Турцией продолжалась и за Босфором. Иногда казачьи флотилии выходили в Мраморное море и действовали вплоть до Дарданелльского пролива, хотя вряд ли такие выходы были систематическими. По утверждению Эвлии Челеби, со стороны реки Сакарьи существовала угроза главному порту Мраморного моря Измиту, и она подтверждается реальной обстановкой того времени.

2. Казаки, попадавшие в плен, превращались в рабов, положение которых, особенно гребцов на галерах, было невероятно тяжелым. Скованные цепями и находившиеся под непрерывной охраной, галерники тем не менее вели борьбу за свободу. Высшей формой этой борьбы являлись восстания на борту турецких кораблей. Начиная с 1610-х гг. известно несколько таких восстаний в морях Средиземноморского бассейна.

3. Источники дают возможность подробно рассмотреть подготовку, ход и особенности восстаний 1627 г. у острова Мидил-лю в Эгейском море и 1642 г. у Стамбула в Мраморном море. Не павшие духом рабы, воспользовавшись ослаблением бдительности турецкой охраны и счастливыми случайностями, проявили исключительный героизм и одержали победу, после чего привели свои корабли к испанским владениям в Италии.

4. Некоторые историки пытаются связать конкретные восстания галерных рабов со знаменитой украинской думой о восстании под руководством С. Кишки. Представляется, что дума вобрала в себя черты многих восстаний и является памятником всем казакам, принимавшим в них активное и героическое участие.

Примечания

[1] Сейчас моряки проводят границу Босфора южнее, между Ахыркапы и Кадикёем. В учебниках для мореходов и океанологов можно прочитать, что граница между Черным и Мраморным морями проходит по линии мыс Руме-ли — мыс Анадолу. Понятно, что подобные границы абсолютно условны и целиком зависят от представлений людей. Как указывалось, нынешнее турецкое географо-административное районирование относит к Мраморно-морскому, или Стамбульскому, району вообще весь западный черноморский район, расположенный на европейском черноморском побережье Турции и на западной части азиатского, от Босфора до устья реки Сакарьи.

[2] В главе II приводилось соответствующее замечание С.Н. Филиппова.

[3] Современный рейс Ростов — Керчь — Новороссийск — Стамбул покрывает расстояние 740 миль, рейс Одесса — Стамбул 342 мили.

[4] Когда в 1699 г. в османскую столицу на русском корабле «Крепость» прибыл посол Петра I Е. Украинцев, посол Франции заявил протест османским властям, указывая, что право присылать послов в Стамбул на своих судах имеет только его страна, а представители других государств должны прибывать туда на турецких судах.

([5]) {*В оригинале нумерация сноски была пропущена. - OCR*} Можно еще сказать, что Э. Шюц, публикатор изданного в 1968 г. английского перевода «Каменецкой хроники» Ахсента, видимо, также допускает казачьи плавания за пределами Босфора. Комментируя сообщение хрониста о бегстве в 1620 г. польского посла Х. Отвиновского из Стамбула морем в Венецию, историк полагает, что посол при этом мог воспользоваться услугами казаков, однако не приводит никаких фактов или рассуждений.

[6] О средневековом Средиземноморье см.: 577.

[7] И.Ф. Быкадоров предполагает, что И. Каторжный возглавлял казаков в победоносном сражении с турецкой эскадрой из 10 галер у Керчи в 1616 г. и «после этой блестящей победы над 3-мя турецкими пашами получил прозвище Катаржного».

[8]В подтверждение сказанному добавим, что современник и «однофамилец» донского атамана белгородский казачий атаман Иван Федорович Каторжный, в свое время схваченный татарами на Северском Донце и проданный в Стамбул, долго состоял гребцом на османской галере, но сумел вернуться на родину. Д.И. Багалей правомерно связывает прозвище этого человека, который, вероятно, не участвовал в морских набегах, с его пребыванием на каторге. Ниже мы увидим, что украинский казачий деятель Роман Катиржный получит свое прозвище за активное участие в восстании галерных рабов. Вряд ли верно мнение В.М. Пуда-вова, что прозвище Каторжный появилось у донского атамана потому, что он именно на каторгах «отличался... в морских казачьих поисках». Утверждалось, что И. Каторжный «в своих морских поисках доходил до самого Константинополя», и это вполне могло быть, однако является лишь предположением.

[9] В сражении при Лепанто в руки победителей попало 15,5 тыс. гребцов с турецких кораблей, в том числе 12 тыс. христиан, или 77 %. Надо полагать, многие из них являлись славянами. Впрочем, казаков среди этих рабов по условиям времени не должно было быть много.

[10] Подробнее о положении рабов на галерах см.: 594; 625; 324, с.257— 263; 68, с. 221-222; 587, с. 20-29; 571, с. 57-58; 611; 629 и др.; вообще о положении рабов в Османской империи: 551, с. 147—149, 157; 571, с. 48—61. О рисунке XVI в., изображающем украинского раба-галерника, см.: 505.

11 Донские песни с мечтой казаков-невольников об освобождении с галер см.: 150, с. 128; 96, с. 480-481, 484.

[12] Ускоки имели некоторые общие черты с казаками. О близости этих сообществ друг к другу писали М. Бельский, венецианский дипломат Пьет-ро Дуодо и другие современники. Об ускоках см.: 292.

[13] Обет сходить к гробу господню В. Полозов дал еще на галере, к Иерусалиму шел «чрез многия грады турския» в турецком платье, «что[б] негде... не задерживали», и после долгих странствий в конце концов сумел вернуться на родину.

[14] Упомянем здесь уникальный случай бегства пленника не с галеры, а с берега на галеру. И. фон Хаммер сообщает, что при отплытии турецкого флота для вторичной попытки отвоевать у донцов Азов «население Константинополя получило зрелище казни одного русского раба, который принадлежал к кладовой великого везира, бежал, смешался с галерными рабами флота, надеясь с флотом вернуться на свою родину», но был схвачен.

[15] Эта мысль уже высказывалась.

[16] Наша предыдущая датировка — около 1613г. И.Ф. Быкадоров не датирует точно это восстание.

[17] Ю.А. Мыцык предпочитает говорить о восстании И. Сулимы отдельно от восстания 1613г.

[18] О гетмане см.: 514.

[19] Во второй работе П.А. Кулиш исправляет 300 «положенных» турок на 300 захваченных.

[20] Это мнение уже излагалось. Ранее мы предполагали, что речь, возможно, идет об одном и том же восстании.

[21] Theatrum Euporaeum. Franckfurt am Mayn, 1707. 5. Theil. S. 490. Благодарим Ю.А. Мыцыка за предоставленную информацию.

[22] В литературе встречается неточная датировка восстания— 1654г.

[23] Согласно испанскому источнику, отряд возглавлял, напротив, Мех-мед, младший брат Касым-бея (Расимбека), губернатор «Дамиаты и Росеро»; четыре галеры имели назначение, крейсируя, охранять прибрежный район Александрии.

[24] У Ю.А. Мыцыка также Рахмет Радина, в испанском варианте Ramer Cadenne.

[25] Испанский вариант говорит о славянах, что это были русские, «обычно именуемые московитами». У Ю.А. Мыцыка в одной из работ фигурируют два итальянца и англичанин. В.А. Артамонов со ссылкой на польского автора ошибочно говорит всего о 221 рабе, добавляя, что в их числе были три поляка, три грека, два англичанина и итальянец. 192 украинца, русских и поляка, упомянутые в нашей с Ю.А. Мыцыком работе, — результат ошибки в подсчете.

[26] Историк замечает, что казаки играли первостепенную роль в восстаниях галерных рабов на Черном, Азовском, Эгейском и Средиземном морях. На Эгейском море известно только одно, рассматриваемое здесь восстание.

[27] Основной источник — рассказ М.Т. Марнавизио (см. далее) — не сообщает точной даты события, но по тексту получается, что вся «одиссея» восставших заняла время с ноября 1627 по февраль 1628 г. Согласно испанскому варианту этого рассказа, бунт произошел 18 (8) июля 1628 г. В часовне Св. Розалии в Палермо есть сообщение, что повстанцы прибыли в этот город 7 декабря (27 ноября) 1626г. Поэтому мы ранее датировали восстание 1626—1628гг.

[28] По другим сведениям, примерно в миле.

[29] Испанский вариант: Мехмед высадился приблизительно с 60 турками.

[30] В испанском варианте повстанцы выехали в Рим 25 (15) августа.

[31] Кай, понтифик в 283—296 гг., был по происхождению далматинцем. Не являлся ли кто-то из руководителей восстания выходцем из Далмации?

[32] Немецкий перевод Ю.А. Мыцык определяет не только как сокращенный, но и небрежный.

[33] Рассказ о восстании см. также у Ежи Пертека. Восстанию посвящена поэма Александра Грозы «Марко Якимовский». У В.А. Голобуцкого опечатка в фамилии руководителя — Сакмовский.

[34] По сообщению И. Мошкина, восстание произошло «на Дмитрову субботу в 8-м часу ноши нынешнего 151 (1642. — *В.К.)* г.», а но названной итальянской брошюре — в 1642 г. «9 ноября, накануне св. Мартина... в полночь». В русском сообщении речь идет о «второй Дмитровке» (сулени-ках), т.е. о 29 октября (8 ноября). Разницу в один день с датой второго сообщения можно объяснить тем, что И. Мошкин и автор итальянского известия начинали отсчет суток с разного времени: первый — с восхода солнца, а второй — скорее всего с полуночи. Подробнее об определении даты восстания см.: 314, с. 163,170.

[35] По челобитной И. Мошкина, с ним было 280 невольников «розных земель», однако это явно округленная цифра.

[36] Хотя в челобитной 1643 г. эти донцы указывали, что «живот свой мучали на каторге... 7 лет», т.е. с 1636 г., но, по их же словам, перед пленом они «были под Азоевым (Азовом. — *В.К.)* и в нем зимовали, и как крымской царь пошел в Русь... вышли из Азоева и пошли за крымскими людьми на перевоз», — следовательно, дело происходило после взятия казаками Азова в 1637г.

[37] Или 21, если русским был «русин» Микула, который не значится среди подавших челобитную и о котором см. ниже. К сожалению, в предыдущих наших работах, что касается числа русских людей и казаков, допущены в одном случае опечатка, в другом — ошибка при подсчете.

[38] В более ранней работе Ю.А. Мыцыка И. Мошкин — «один из повстанцев, благополучно вернувшихся в Москву», а Р. Катиржный — «один из активных участников восстания»; в одной из работ И. Мошкин раздваивается: восстание возглавили Р. Катиржный, донской казак (?) Иван Мошкин, запорожец (?) Иван Симонович и итальянец Сильвестр.

[34] В итальянском источнике время выхода галеры из Стамбула показано как полночь. Согласно И. Мошкину, на ночевку остановились в двух верстах от столицы.

[40] Ранее приводились неточные сведения о 220 убитых и выброшенных в море мусульманах и 34 пленных.

[41] Родина Сильвестра (Ливорно) расположена на том же западном побережье Италии, что и Чивитавеккья, но почти в 200 км севернее по прямой.

[42] Участвуя в переговорах послов Б. Хмельницкого с представителями Речи Посполитой, завершившихся подписанием Белоцерковского мира, и касаясь причин войны, между прочим указал на запрет казакам совершать морские походы против Турции и Крыма.

[43] Ю.А. Мыцык в одной из работ называет автором этой брошюры М.Т. Марнавизио, составителя книжки 1628 г. Полагаем, что это оговорка, возникшая из-за общего типографа обоих изданий.

[44] Вообще же казачьи отряды на австрийской службе появляются уже в середине XVI в. и на испанской — во второй половине XVI в.

[45] «Поразительная скульптура! — восклицает моряк. — К сожалению, на ней нет ни имени автора, ни даты создания. Гид тоже ничего не мог рассказать о скульптуре. Догадываемся сами: наверное, казак, который через турецкий полон попал на Мальту, не посрамил своей чести, и это отме-тил скульптор. Прошли столетия, а наш земляк и дальше живет в мраморе, удивляя красотой и силою своего непокоренного духа». Приложенная к заметке фотография подтверждает, что речь действительно идет о запорожце.

Скажем еще о том, что некоторым казакам-пленникам довелось побывать и в рядах турецких антиправительственных, повстанческих и разбойных отрядов. Казак русского происхождения «Ивашка» «служил у Кара-Язычея» — руководителя антифеодального восстания крестьян Анатолии Кары Языджи, умершего в 1602 г. В этом же году Ивашка вышел из Турции в Иверию, где дал ценные показания. При нем

Кара Языджи посылал грамоту персидскому шаху, в которой просил известить русского царя, австрийского императора, папу римского и других христианских государей, «что он против турского Магметь-салтана (Мехмеда III. — *В.К.)* стоит и с ним воюетца», и обращался с просьбой к шаху и христианским монархам выступить против султана. Персидский посол в Иверии подтвердил факт присылки этой грамоты и ее содержание, а Ивашка остался служить у иверийского царя Александра.

В 1697г. вернулся на родину украинский казак Петр Палий-Чеснок, двоюродный брат известного полковника Семена Палия, плененный татарами за семь лет до этого. Будучи невольником в турецком городе Касты-мулде, «выше Трапезона», он «ушел к разбойникам турецким, которые... были близко того города, и с ними он, Петр, ходил под... Багдат и под иные и на арапов черных, а было... их всех человек с 50, а разбивали по дорогам торговых людей и которые ходят к пропасти Магметевой» (в Мекку). В этом отряде П. Палий-Чеснок находился в течение четырех лет. Впрочем, был не равноправным членом, а «вместо челядника», и когда «от тех разбойников... ушел было, и они... поймали и продали его» в юрод Эрджиш, на побережье озера Вана, откуда казак бежал в Персию и через Ереван и Шемаху добрался до Астрахани.

Публикатор этих показаний Д.И. Эварницкий неточно понял их смысл и в своей «Истории запорожских Козаков» из П. Палия-Чеснока сделал двух братьев Семена Палия — родного Петра Палия и двоюродного Петра Чеснока, а также отправил Петра Палия в плен в 1697 г., когда тот уже вернулся домой.

[46] Текст думы см.: 68, с. 208-220; 404, т. 1, с. 342—355; 174, с. 31—44.

[47] См. о С. Кишке: 459, с. 218-222, 232; 320, с. 148.

Глава X

СПАД БОСФОРСКОЙ ВОЙНЫ

1. Изменение обстоятельств

Одной из основ ведения казаками Босфорской войны и достигавшихся в ней успехов являлось тесное запорожско-донское сотрудничество. Чрезвычайная близость двух казачьих сообществ, имевших сходное демократическое устройство, похожие условия экономической, политической и военной жизни, этническое родство и соседство территорий и противостоявших одним и тем же врагам, обусловила возникновение и существование постоянного боевого союза Войска Запорожского и Войска Донского. Как выражается С.М. Соловьев, запорожские и донские казаки «составляли почти одно общество», хотя и были самостоятельными образованиями. Если в 1600г. Сигизмунд III делал Борису Годунову предложение завести на Черном море общий польско-русский флот, то у запорожцев и донцов фактически существовал такой почти совместный флот.

При этом братский союз строился вопреки враждебным отношениям Польского и Московского государств, полагавших себя сюзеренами казачьих сообществ и постоянно пытавшихся натравить их одно на другое. Еще Э. Дортелли отмечал, что запорожские и донские казаки «очень дружны между собой, хотя их государи ожесточенно воюют друг с другом».

Принципы отношений Сечи и Дона излагались, в частности, в запорожской грамоте Донскому Войску 1685 г., в которой «писали... они, запорожцы, о своем совете и любви, чтоб река с рекою (Днепр с Доном. — *В. К.)* меж собою совет и любовь имели и о всяком деле ведомость чинили». По словам донского войскового атамана Фрола Минаева, комментировавшего это послание, «в прежние годы» донцы «с ними, запорожцы, списыва-лись и совет имели, и никогда с ними во вражде не бывали, и о воинских делах ведомости чинили». «А наперед сего, — заявляли донцы в 1651 г., — они, запорожские черкасы, с ними, донскими козаки, всегда были в дружбе и ссылке и зипун добывали сопча».

И о том же союзе напоминал в 1708 г. атаман Семен Драный в письме кошевому атаману и Войску Запорожскому, замечая, что донцы ожидают к себе с их стороны «общей казачей единобрацкой любви и споможения, чтоб наши казачьи реки были по-прежнему и нам бы быть казаками, как были искони казатьство и между ними, казаками, единомысленное братство».

Союз предусматривал взаимную помощь в обороне Запорожья и Дона. «А у нас, — говорили в 1632 г. донцы стрелецкому пятидесятнику Василию Угримову, —... з запороскими черкасы приговор учинен таков: как приходу откуды чаять каких [неприятельских][1] людей многих на Дон или в Запороги, и запороским черкасом на Дону нам, казаком, помогать, а нам, донским казаком, помогать запороским черкасом...» Теснейшие, всесторонние и регулярные связи Войска

Запорожского и Войска Донского предполагали и согласование усилий в наступательных действиях. Оба сообщества совместно, единым фронтом и активно участвовали в Босфорской войне.

Вместе с тем роль и место каждого из них в «атаковании» Босфора не были одинаковыми и постоянными. Военно-морские операции в этом районе первыми начали запорожцы, и это было логично и объяснимо. Сечевики раньше донцов приступили к военным действиям на Черном море и его побережье, включая и берега Румелии, которые прилегают к Босфору. Нижний Днепр расположен ближе к проливу, чем Нижний Дон, а Войско Запорожское обладало большей мощью, нежели донское сообщество. Кроме того, как отмечено в историографии, запорожцы в начале XVII в., несмотря на участие в российской Смуте, не прекращали морские походы, а донцы, слишком отвлеченные этими событиями, в 1610-х гг. по существу возобновляли свою боевую деятельность на море после некоторого перерыва.

В результате большинство казачьих походов, направлявшихся в сторону Босфора, в 1610—1620-х гг. начиналось из Сечи, по инициативе и при главенствующей роли Войска Запорожского, которую оно и играло вплоть до середины 1630-х гг. Вскоре после начала босфорских набегов, со второй половины второго десятилетия XVII в., активное участие в них стали принимать донские казаки, и затем значение донской составляющей в Босфорской войне постепенно усиливалось.

Это замечалось уже в 1630-х гг., но ослабление Войска Донского вследствие Азовской эпопеи привело к тому, что в 1640-х гг. Сечь снова являлась «главной» участницей войны. Однако затем последовала тяжелейшая освободительная война на Украине, и в конце Босфорской войны, в 1650-х гг., главенствующую роль играло Донское Войско, осуществлявшее все последние походы к Босфору и на Босфор. Подробнее об этом скажем ниже.

Войско Запорожское располагало гораздо более многочисленным населением, чем Войско Донское. Полагают, что в 1625 г. Дон имел около 5 тыс. казаков-воинов, в 1638 г. до 10 тыс., после Азовского осадного сидения это число сократилось до 4 тыс., в середине столетия достигло 10—14 тыс. и к началу восстания С. Рази на составляло около 20 тыс. человек. Численность же запорожского казачества была на порядок выше и уже для 20-х гг. XVII в. определяется не менее чем в 40—50 тыс. человек.

В силу этого обстоятельства запорожские флотилии, принимавшие участие в Босфорской войне, оказались значительно более мощными по числу судов, чем донские: состав первых доходил до 100 и даже более чаек, а вторых — до 40 стругов. Соответственно, отличалась и численность участников запорожских и донских экспедиций к Босфору: в первом случае в максимальном варианте она доходила до 8 тыс. казаков[2], во втором при максимуме приближалась к 4 тыс. Следовательно, если учитывать соотношение численности населения, то надо сделать вывод, что снаряжение крупных экспедиций требовало от донцов значительно больших усилий, чем от сечевиков. Это сказалось на развитии событий в дальнейшем, когда Войску Донскому пришлось продолжать Босфорскую войну без участия Сечи.

Обе стороны были заинтересованы в проведении совместных, «объединенных» акций, которые усиливали общий казачий натиск на Босфор и Стамбул и увеличивали силу наносившихся ударов. Для осуществления таких операций среди прочего была и совершенно реальная «людская» основа. Российские и польские представители неоднократно отмечали, что донские казаки постоянно «ездят к ним (сечевикам. — *В. К.)* в Запороги, а они к атаманом на Дон ездят».

Об этом в 1626 г. конкретно рассказывал в московском Посольском приказе запорожско-донской атаман А. Шафран: «Живет...он, Олеша, на Дону 18 лет; а иные его товарыщи живут летпо 5-ти ипо 6-ти, а всех... их на Дону есть с 1000 человек, А в Запо -рогах... донских казаков так же много: мало не в полы (половину. — *В. К.) того,* сколько их. Только живут, переходя: они ходят на Дон, а з Дону казаки к ним, и живут сколько где хто хочет. А повелось... у них то з донскими казаки изстари, что меж себя сходятца и живут вместе в одних куренях».

Численность запорожцев в Донском Войске колебалась в зависимости от ситуации на Дону и Днепре и иногда бывала очень большой. Атаман донской станицы в Москве, недавний глава Войска Михаил Татаринов в 1638 г. утверждал в Посольском приказе, что запорожцев тогда на Дону насчитывалось около 10 тыс., ровно столько же, сколько и самих донцов, и что многие сечевики еще идут в захваченный Азов. Часть запорожцев навсегда оставалась на Дону, полностью ассимилировалась и превращалась в донских казаков[3].

То же, но в меньших масштабах происходило с донцами на Запорожье. Уже в первой половине 1550-х гг. на Нижнем Днепре вместе с местными казаками действовали и «московские» казаки, о чем польский король Сигизмунд II Август извещал крымского хана, замечая, что крымцы ведают «то сами горазд». Потом донцы постоянно находились в рядах запорожцев. Один

из 38 куреней Запорожской Сечи даже назывался Донским («Динским») «от звания большинства казаков, составивших впервые курень».

Многие прозвища и фамилии украинских казаков свидетельствуют об их донском происхождении: в реестре Войска Запорожского 1649 г., куда занесены только заслуженные казаки, упомянуты 163 человека с прозвищем «Донец». У О.Ю. Гермайзе находим конкретные примеры таких лиц XVII в.: казацкий полковник 1649 г. Донец, сотник Чигиринского полка того же времени Жадан Донец, войсковой есаул 1663 г. Степан Донец, гадячский полковой сотник 1672 г. Фесько Донец, а также куренной атаман в Сечи Степан Донський. Назовем еще кошевого атамана Войска Запорожского 1660-х гг. Алексея Донца (Шкуру)[4].

О.Ю. Гермайзе считает, что в первой половине XVII в. редко когда морской поход донских казаков обходился без участия запорожцев. Это замечание, вообще справедливое, в связи со сказанным может быть резко усилено. На самом деле запорожцы или бывшие запорожцы участвовали во всех донских экспедициях. Но то же самое относится и к участию донцов в запорожских походах, так что донские казаки фактически были задействованы в Босфорской войне с самого ее начала. В этом смысле все набеги на берега пролива и прилегающего к нему района были совместными.

Историки, однако, употребляют понятие «совместные походы», имея в виду экспедиции с участием флотилий и судов обоих казачьих сообществ, отдельно из Сечи и отдельно с Дона, двумя группами в качестве организованных флотских единиц. Такого рода совместные запорожско-донские набеги к Босфору характерны для 1610—1630-х гг. В первой половине XVII в. мы насчитываем, по имеющимся источникам, как минимум восемь подобных набегов с разным числом участников, начиная от 300 человек, но чаще всего свыше 1 тыс. и до 7—8 тыс. казаков. В некотором большинстве совместных походов численно преобладали запорожцы, и это вполне согласуется с приведенными данными. Что касается руководителей таких экспедиций, то не всегда известны их имена, но, основываясь на имеющихся сведениях, можно предполагать, что большинство совместных походов к Босфору возглавляли запорожские атаманы[5].

В 1629—1646 гг. заметен определенный спад в Босфорской войне: набеги казаков затрагивают Прибосфорский район, а не побережье самого пролива, и являются менее масштабными, чем предыдущие. В первой половине 1630-х гг. источники вообще не фиксируют казачьих походов в сторону Босфора, а далее сообщают о них редко; в 1647—1650 гг. такие походы временно прекращаются. Даже допуская, что ряд экспедиций остается нам неизвестен, нельзя не видеть, что в обозначенное время война пошла «на убыль».

Каковы же причины снижения интенсивности военно-морских действий казаков в районе Босфора? О возможном влиянии их неудачи в Карахарманском сражении и сооружения двух новых крепостей на севере пролива мы уже говорили. Само продолжение и в последующем даже активизация Босфорской войны, однако, свидетельствуют о том, что воздействие названных обстоятельств вряд ли стоит преувеличивать. Главное заключалось отнюдь не в этом, а в очень значительных событиях, происходивших на Украине и Дону и весьма затронувших одну из сторон войны — казачество.

Социальные и национальные катаклизмы на Украине — антипольские восстания 1630—1631, 1635 и 1637—1638 гг. под руководством запорожских гетманов Тараса Федоровича (Трясила), И. Сулимы, Павла Бута (Павлкжа) и Якова Острянина (Остряницы) и с массовым участием запорожцев, затем начав-шаяся в 1648 г. и продолжавшаяся до 1654 г. освободительная война против Речи Посполитой, возглавленная гетманом Б. Хмельницким и украинской казацкой старшиной, — привели Войско Запорожское к резкому ослаблению, а с 1648 г. и к прекращению активности на Черном море вообще и у Босфора в частности.

Мы не можем отчасти согласиться с мнением Ю.М. Ефремова, согласно которому «восстание Богдана Хмельницкого и наступившие события в Украине заставляют запорожских казаков постепенно отказываться от ведущей роли в организации и проведении морских походов», вследствие чего инициатива в них переходит к донским казакам. О какой постепенности может идти речь применительно к войне, потребовавшей от украинского казачества всех его сил и средств?

В связи с этими событиями тяжесть босфорских операций ложится «на плечи» Войска Донского, которое со времени освободительной войны становится по сути единственным противником Османской империи на Черном море. Поскольку запорожцы не возобновили походы к Босфору и после 1654 г., заканчивать Босфорскую войну также пришлось одному Войску Донскому.

Оно же не только обладало меньшими ресурсами, чем Войско Запорожское, но и к тому же с конца 1630-х гг. было сосредоточено на борьбе с Азовом, которая, как тогда казалось, подходила к успешному финалу. Азовская эпопея 1637—1642 гг., принесшая донцам европейскую славу, однако «привязавшая» их к этой крепости, значительно обескровившая и приведшая к ослаблению Войска и его отступлению от Азовского моря по оставлении Азова, самым непосредственным и негативным образом сказалась на ведении Босфорской войны.

Отдельные историки связывают прекращение военно-морских действий запорожцев и, следовательно, их выход из названной войны с документом, который требуется рассмотреть особо.

В 1822 г. в «Собрании государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел» был опубликован по списку (копии) «Договор, заключенный турецким султаном с Войском Запорожским и народом руским, касательно торговли на Черном море».

Согласно О.И. Прицаку, документ сохранился в польской копии, которую сумела изготовить для себя дипломатия Речи Посполитой и которая затем, видимо, попала в русские руки, но оригинал был написан по-турецки. Указания на это исследователь усматривает в самом тексте договора: в одной из его статей упоминается «право сие, на турецком языке писанное», а Средиземное море дважды «натурецкий манер» названо Белым[6]. На наш взгляд, приведенные основания «турецкоязычности» документа неубедительны, поскольку, во-первых, договор говорит о предоставлении султанским наместником всем желающим украинцам права на свободное плавание в турецких водах и торговых привилегий в османской земле, и это «право», естественно, должно было излагаться на турецком языке, а во-вторых, Белое море — это не только турецкое, но и казачье название Средиземного моря.

Публикаторы датировали договор «около 1649 года», и эта датировка далее встречается у ряда авторов. Многие твердо указывают 1649 г. По мнению В.А. Голобуцкого, соглашение было достигнуто в результате переговоров с посланником Турции Осман-агой, прибывшим к Б. Хмельницкому в феврале 1649 г. У Ю.П.Тушина встречаем и дату «около 1649 г.», и точное указание на 1649 г.

В литературе наблюдаются и отклонения от датировки 1649 г. в обе стороны. Например, Л. Львов датирует договор 1650 г., а И.П. Крипьякевич — «очевидно», началом 1650-х гг. или даже, возможно, второй половиной XVII в., хотя последняя датировка непонятна: после 1654 г. Украина, вошедшая в состав России, не могла заключать самостоятельные договоры с Турцией[7]. О.И. Прицак полагает, что в 1649 г. документ не мог быть подписан, и, ссылаясь на анализ текста договора, сообщение Мустафы Наймы об обязательстве Б. Хмельницкого перед крымским ханом 1648 г. уничтожить казачий флот и на ситуацию того времени, относит документ к числу договоров, которые заключил с великим везиром Ахмедом Хезар-пашой украинский посол Ф. Джалалия, прибывший в Стамбул в июне 1648 г.[8]. Ю.А. Мы-цык дает датировку 1649 г., но замечает, что в последнее время документ стали относить к 1648 г.

Договор имеет 13 статей, содержание которых может быть сведено к следующему:

• Османский султан позволяет Украине и ее жителям («войску казаков и народу их») иметь свободное торговое плавание ко всем своим и иностранным портам и островам на Черном и Средиземном морях, а также по всем рекам Средиземноморско-Черноморского бассейна, «вторги икупеческиеделавходить... продавать, покупать и менять, по воле своей стоять в портах ивыезжать когда захотят, без всякого препятствия», со всем, что имеется на судах. Торговле казаков «затруднений и препятствий делать никогда и никто в государстве Турецком не будет».

• Украинские суда, их люди, товары и оружие не будут употребляться «ни на какие потребы, ни на какую службу» Турции, но капитаны этих судов перед отправлением в заграничный рейс обязаны принести присягу в том, что не сделают «никакой измены против государства султанова». В случае нарушения судном в чем-либо «права султана» будет наказываться капитан, а не само судно, которое «останется свободным» с товарами и работниками.

• Украине позволяется заложить «несколько городов портовых» на Нижнем Днепре и в Днепровско-Бугском лимане («ниже Порогов даже до устья реки Буга в Днепр»), откуда будет производиться торговля.

• «Для споспешествования» торговле украинские купцы и их товары, ввозимые в Турцию или вывозимые из нее, освобождаются на 100 лет от пошлин и сборов («от всякой пошлины, мыта и подати»), а по истечении этого срока будут установлены небольшие подати — с такой же «тягостью», какую несут и сами турки. В турецких городах и портах Черного и Средиземного морей украинцам разрешается заводить «домы для складки товаров» и торговать там

беспошлинно в продолжение упомянутых 100 лет. «По долгам купеческим» украинцам предоставляется такое же право, как и туркам, и «суд немедленный». Если украинский купец умрет в Турции или в ее водах, то все его имущество никем не будет удерживаться, «хотя бы что кому отказал или записал при смерти», но подлежит передаче его наследникам. В случае кораблекрушения украинского судна «при береге султанском» «вещи... кои могут сохраниться», будут спасены и также переданы наследникам.

• Украинское государство обязуется «само собою» обеспечить «безопасность на море против своевольства», используя порты, которые будут заложены на Нижнем Днепре и в лимане. Схваченные украинские морские разбойники подлежат суду, который «учинить должно Войско Запорожское при наместнике султанском». Украинские власти «вместе с турецкими галерами» будут ловить и наказывать донских казаков, вышедших в море для разбоя. Стороны обязуются «взаимно друг другу вспомоществовать, чтоб море было чисто и свободно».

• Украинским купцам позволяется свободно выкупать у турок христианских невольников, «как и турецких у христиан».

Если христианский невольник, находящийся в Турции, убежит на украинское судно, то его капитан обязан выдать беглеца и не понесет при этом вместе со своим судном «никакого убытка или обиды». В случае бегства с украинского судна «работника какого вольного или невольного» турецкая сторона также выдаст его хозяевам.

• В Стамбуле учреждается представительство Украины в лице «наместника Войска Запорожского», который «иметь будет свое пребывание с должным почтением и без всякой опасности и обязан ходатайствовать о правосудии обиженным казацким купцам». Турция в «портовом городе» Украины будет держать «наместника султанского», которому надлежит со взиманием не более червонца выдавать украинцам «пашпорты» для свободного плавания «куда захотят», принимать упоминавшуюся присягу от капитанов и выдавать каждому требующему «право сие, на турецком языке писанное... за своеручною подписью и с приложением печати».

Договор, чрезвычайно выгодный Украине, таким образом, обеспечивал ей свободу мореплавания и торговли — по замечанию одного из авторов, такую, какой Россия добьется на Черном море только по Кючюк-Кайнарджийскому трактату 1774 г. Украинский народ и Запорожское Войско достигали своей вековой цели. Украина обязывалась прекратить запорожские военно-морские походы против Турции, но они без того прекратились с началом антипольской освободительной войны, да и, по сути, исчерпывались с достижением свободы мореплавания и установлением дружественных украинско-турецких отношений.

Ю.П. Тушин обращает внимание на известное сходство ряда статей данного договора со статьями древнерусских договоров X в. и замечает, что эта параллель не случайна: «Как и семь веков назад, в Черноморском бассейне завоевывалось право народа на жизнь, обеспечивалась свобода русского и украинского мореплавания и торговли на Черном море на равных правах с Турцией. В этом была историческая заслуга казачьего морского войска в новый период русской истории. Тот факт, что договор 1649 г. должен был обеспечить населению Поднепровья свободу мореплавания, торговли и морских промыслов и положить конец боевым действиям запорожских казаков на море, — лучшее тому доказательство».

Одновременно Украина, по сути дела, заключала союз с Турцией, направленный против Дона, и обязывалась бороться с антиосманскими действиями Войска Донского. О разрыве украинско-донского союза при этом речи идти не может, поскольку его и не существовало за отсутствием на политической карте до 1640-х гг. самого Украинского государства. Однако Войско Запорожское входило теперь в состав независимой Украины, которая в целом также стала именовать себя Войском Запорожским, и получалось, что украинские власти, выступая как бы и от лица «настоящего» Войска Запорожского, разрывали вечный и братский запорожско-донской союз.

О.И. Прицак не совсем правомерно называет договор «военно-морской конвенцией», хотя в документе есть и военно-морской «момент». Из контекста до говора вытекает, что Украина, прекратив операции на море, все-таки должна была иметь хотя бы минимальный собственный военный флот: без военных судов было невозможно удерживать своих людей от разбоев на море и тем более ловить донских морских «своевольников».

Важнейшее значение содержания договора нельзя преувеличить, но возникает кардинальный вопрос: имел ли этот договор место в действительности? Еще в первой половине XIX в. некоторые историки считали документ недостоверным[9], а в XX в. М.С. Грушевский оставил его «незамеченным». И.П. Крипья-кевич рассматривает документ как проект, не осуществленный по

разным причинам, тогда как Ф.П. Шевченко — какдоговор, по неизвестным причинам не подписанный.

Вместе с тем группа историков полагает документ действовавшим, и, по их мнению, причины его подписания турецкой стороной очевидны. А.В. Висковатов утверждает, что «нападения запорожцев довели наконец Порту до того, что она вынужденной нашлась заключить около 1649 года с знаменитым Богданом Хмельницким формальный договор о торговле, предоставив казакам свободный проход ко всем своим гаваням и островам».

По мнению Ю.П.Тушина, условием для заключения договора послужили успешная казачья морская война первой половины XVI] в. и внешнеполитическая обстановка: воюя с Венецией, «турецкое правительство не могло позволить использовать свой флот еще и для борьбы с казаками и потому вынуждено было искать временного союза с ними». Этот же автор и В.А. Голобуцкий обращают внимание на желание Турции удержать украинцев от союза с антиосманской коалицией.

Что касается Украины, то *в* ходе освободительной войны, как отмечает Ю.А. Мыцык, «на первый план, естественно, выдвинулась борьба против магнатско-шляхетской Речи Посполитой, и поэтому руководство повстанцев было вынуждено не только прекратить морские походы, но и подписать весной 1648 г. военный союз с Крымским ханством, а в 1649 г. договоре Османской империей». Ю.П. Тушин, замечая, что Б. Хмельницкий предотвратил этим договором союз Турции и Крыма с Польшей и «показал себя выдающимся дипломатом», пишет еще, что договор «в таком виде... мог быть заключен только в том случае, если торговые связи (Украины. — *В.К.)* черномор-скими городами существовали раньше и нуждались в дальнейшем развитии»[10].

Многим историкам представляется, что украинско-турецкий договор вступил в силу, однако действовал не вполне. Л. Львов считает, что если он и «не приводился в исполнение во всех своих пунктах», то все-таки свидетельствовал «ожелании казаков, главным образом, несомненно, запорожцев, завести на Черном море другой флот, кроме чаек, и другое мореходство, кроме разбойнического». По О.И. Прицаку, первый, короткий союз Украины с Турцией существовал в июне — августе 1648 г., и Б. Хмельницкий выполнил свое обязательство уничтожить казачий военный флот, который «в самом деле после 1648 года... не играл больше никакой значительной роли».

Ю.П. Тушин пишет, что основные статьи договора не были выполнены, но он все-таки «привел к временному перемирию: украинскому народу в известной степени обеспечивалась безопасность на южных границах, и в то же время на некоторый срок прекратились морские походы запорожцев на турецкие и татарские селения и города». Б. Хмельницкий, вынужденный искать внешней поддержки и получивший помощь от крымского хана, «вследствие этого строго следил за соблюдением запорожцами мира с Крымом и его сюзереном — Османской империей». Вместе с тем, говорит историк, «запорожцы не собирались выступать против своих верных и давних союзников — донских казаков», т.е. выполнять один из пунктов договора, хотя и обращались к донцам с просьбами не нападать на Крым и Турцию».

На взгляд В.А. Сэрчика, договор действовал, оживил торговлю с Турцией, но постоянные войны второй половины XVII в. не позволили украинским казакам в полную силу воспользоваться привилегиями этого соглашения. Согласно В.А. Золотареву и И.А. Козлову, запорожцы получили свободу плавания по Черному и Эгейскому морям и право захода в турецкие порты, и это было «большим успехом длительной и упорной борьбы за право свободного плавания и торговли на Черном море», одна-ко данный успех «все же носил временный характер, так как проблема выхода Русского государства к Черному морю в целом решена не была».

Ю.А. Мыцык полагает, что Б. Хмельницкий в конце 1640-х и начале 1650-х гг. строго придерживался взятого по договору обязательства не совершать военно-морские походы против Османской империии и даже обращался к царю Алексею Михайловичу и Войску Донскому с просьбой воздержаться от соответствующих походов донцов, но отмечает, что часть повстанцев отказывалась принимать тяжелый союз с Крымом и запрет морских походов и выступала за возобновление военно-морских операций против Турции и Крыма.

Добавим еще, что, согласно Н.И. Костомарову, с договора 1649 г. начались даннические отношения Б. Хмельницкого к султану, утвердившиеся к 1650 г., и что советские авторы отвергали такую «невозможную» ситуацию. Один из них, например, писал, что Б. Хмельницкий, «заключая этот договор, ведя даже переговоры о некоторой политической зависимости от султана... не придавал всему этому серьезного значения», что это «была с его стороны лишь перестраховка да еще демонстрация перед другими державами, имевшая целью повысить его акции». Подлинное же

«стремление Хмельницкого заключалось, конечно, не в том, чтобы связать себя союзом с Турцией, а в том, чтобы добиться тесного союза с Москвой»[12].

Что касается нашей оценки договора, то мы приходим к выводу, что опубликованный текст — всего лишь проект договора. Это с очевидностью вытекает из его второй статьи, в которой имеется следующая фраза, совершенно невозможная для уже подписанного международного соглашения: «... султан турецкий освобождает купцов их (украинских. — *В. К.)* от всякой пошлины, мыта и подати, а также и товары их... сроком на сто лет (если не на сто лет, то хотя на пятьдесят или, по крайней мере, на тридцать), за чем должностные начальники повсюду смотреть будут...»

Кем и когда был составлен проект, с кем обсуждался, каковы результаты обсуждения, мы, к сожалению, не знаем. Известные по источникам факты говорят о том, что договор не действовал ни в главной своей основе, относящейся к свободе мореплавания, ни по части других статей.

Ю.П. Тушин, не ограничившись замечанием о существовании торговых связей Украины с черноморскими городами, утверждает, что статьи договора «дают основание предполагать наличие казачьего торгового мореплавания по Днепру (мореплавание на реке? — *В.К.)* и, может быть, далее в Крым» и показывают, что существовали «купцы казацкие — владельцы галер с невольниками». Последняя фраза приводится в кавычках и у Ю.П. Тушина, так что его читатель, не знакомый с текстом договора, должен полагать, что цитируется именно этот текст, хотя там вовсе нет приведенного выражения, а казацкие торговые «галеры или (и) корабли» несколько раз упоминаются только в плане имеющего начаться свободного мореплавания. Торговые же фуда, плававшие в то время под украинским или запорожским флагом, на Черном море, не говоря уже о Средиземном, не фиксируются ни в рассматриваемом документе, ни в других источниках.

Впрочем, в диссертации Ю.П. Тушин шел еще дальше, заявляя , что статьи договора будто бы «раскрывают и подтверждают наличие казачьего торгового мореплавания по Днепру и далее в Крым, на Кавказ и анатолийское побережье». Этого, конечно, не могло быть в условиях перманентной войны с Турцией и ее известного отношения к плаванию иностранных судов по «внутреннему» морю.

Удивительно, но в одной из своих работ, предшествовавших диссертации и монографии, Ю.П. Тушин особо останавливался на опровержении суждений о «наличии у запорожцев, кроме "чаек", и больших кораблей» и писал: «Ни один источник XVII в. не говорит о наличии у казаков такого рода кораблей. Они им были просто не нужны... Не располагая морскими базами, казаки не могли иметь морских кораблей, таких, как турецкие суда или корабли типа "Фридерик", "Орел"... базирующихся в низовьях рек или морских портах»[13].

Не приходится говорить и о создании тогда Украиной своих портов на Нижнем Днепре и в Днепровско-Бугском лимане. Хотя Л. Подхородецкий уверяет, что сечевики с 1649 г. имели в Стамбуле своего постоянного представителя, мы ничего не знаем об учреждении и функционировании украинского «постпредства» в османской столице. В.А. Голобуцкий думает, что рассматриваемое соглашение «обеспечивало Украине важные коммерческие выгоды», но уходит от ответа на вопрос, использовала ли она на самом деле эти выгоды и как именно.

Наконец, прекращение запорожских морских походов вовсе не обязательно связывать с подписанием этого договора, а относительно продолжавшихся донских набегов нам известно, что никакого реального противодействия им Б. Хмельницкий не оказал[14].

Все сказанное заставляет нас до обнаружения каких-либо новых источников отрицательно относиться к реальности договора. Не имеем ли мы дело с планом украинского руководства, точнее, его части, который не смог осуществиться? Может быть, как раз по причине прекращения военно-морской активности Сечи, произошедшего из-за войны с Речью Посполитой, когда казачья угроза с моря резко ослабла, а воевавшая Украина была слаба, правительство Турции не видело никакой необходимости предоставлять украинцам существенные льготы, не говоря уже о свободе плавания *в* своих морях.

2. Кампания 1629г.

Однако вернемся непосредственно к босфорским казачьим экспедициям, их конкретному ходу и особенностям.

Наиболее ярким событием войны в Прибосфорском районе в 1629 г. было дело у Сизеболы. В историографии этому событию явно не повезло с датировкой. Основываясь на заявлениях турецкого посла в Москве Ф. Кантакузина, И.Ф. Быкадоров относит бой к 1625 г., а С.М. Соловьев

к 1626 г., причем первый историк и сами заявления неверно датирует 1629 г., тогда как они относились к следующему 1630 г. В. Б. Броневский в первой части своей «Истории Донского Войска» указывает, что дело происходило в 1628 г., а в третьей называет 1620 г. За В.Б. Броневским 1628 г. появляется у А. В. Висковатова и других авторов. Ю.П. Тушин заметил, что В.А. Голобуцкий ошибочно датирует событие 1630 г. Однако впервые эта дата появиласьуС. Рудницкого и М.С. Грушевского, ссылавшихся на И. фон Хам-мера, у которого тем не менее четко указан 1629 г. Можно было бы подумать, что украинских авторов смутила отписка 1630 г., в которой рассказывалось о кампании предшествовавшего года, но этот документ, без сомнения, им был неизвестен. В.А. Голобуцкий и Л. Подхородецкий поверили М.С. Грушевскому. Б.В. Лунин само дело у Сизеболы относит к 1629 г., а казачьи действия в Румелии, частью которых оно являлось, — все-таки к 1630 г. Наконец, А.Л. Бертье-Делагарддатирует, кажется, «наше» дело («бой под Монастырем») даже 1640 г.[15].

Между тем упомянутая отписка русских послов Лаврентия Кологривова и Александра Дурова, ездивших в Крым, и турецкие источники, с которыми работал И. фон Хаммер, ясно и недвусмысленно говорят о том, что бой у Сизеболы произошел в 1629 г.

В.Д. Сухорукое попытался сузить хронологические рамки события и указал, что казаки достигли Сизеболы «около Петрова дня» и что турецкая эскадра была направлена против казаков, действовавших на Черном море, также «о Петрове дни». Однако это уточнение неприемлемо, так как строится на сообщении в статейном списке русских послов, что «во 137-м году о Петрове дни и Павлове» (29 июня 1629 г.) султан послал свою армию в Персию. Далее список упоминает и отправление эскадры, но без указания конкретной даты; из текста лишь вытекает, что дело было в том же 1629 г.[16].

С весны этого года и донцы, и запорожцы уже находились в море. В.Д. Сухорукой замечает, что угрозы московского царя наложить опалу на Войско Донское и патриарха Филарета отлучить его от церкви в случае продолжения походов на Турцию и Крым[17] «произвели между казаками распрю: одни страшились гнева государева и ужаснулись отлучения от церкви и потому советовали прекратить на время поиски; другие, напротив того, не столь рассудительные, не слушали первых. Сих последних собралось около двух тысяч человек, в числе коих была знатная часть черкас и татар; буйная вольница сия, поссорившись в кругу с старыми и лучшими казаками и пренебрегши советами их, выбрали из среды себя атамана, сели на струги, отправились в море...»[18].

М.С. Грушевский, указывая, что 18 мая в Польшу из Стамбула пришли известия о нахождении казаков в море, рассматривает этот поход как диверсию с целью удержать османский флот от посылки в Крым. Шахин-Гирей, выбитый к тому времени с полуострова, намеревался идти с запорожцами на Крым, и появление там имперского флота послужило бы поддержкой новому протурецкому хану.

Донские историки предлагают два варианта появления отряда донцов и запорожцев в 1629 г. у берегов Румелии и в При-босфорском районе.

Первый принадлежит В.Д. Сухорукову, который связывает действия в Румелии с предшествовавшим погромом крымских владений. «Непослушные» донцы, соединясь с запорожцами, 1 мая напали на Карасубазар, разграбили его и выжгли многие окрестные селения, потом направились к столице ханства Бахчисараю, жители которого, напуганные вторжением казаков в глубь полуострова, вывезли ценное имущество в соседний Ман-гуп, а ханши и «знаменитейших вельмож жены» спаслись бегством.

Казаки заняли Бахчисарай, а затем и Мангуп, где захватили богатую добычу. Наконец, собралось до 5 тыс. татар, с которыми казаки упорно сражались два дня, убили до 200 неприятелей и потеряли до 100 своих людей, но из-за превосходства сил врага были вынуждены отступить к берегу моря и вернуться на свои суда. Статейный список русских послов в Крыму, послуживший В.Д. Сухорукову источником, не совсем так излагает детали вторжения и, в частности, говорит, что все казаки были запорожцами в числе 500—700 человек.

«Отсюда (от Крымского полуострова. — *В. К.),* — продолжает В.Д. Сухорукое, — одна часть казаков возвратилась на Дон, а другая совокупно с черкасами запорожскими на 6 стругах вышла в Черное море и направила путь свой к румелийским берегам...»

Второй вариант находим у И.Ф. Быкадорова, который упоминает крымский погром 1629 г., однако полагает, что вовсе не с ним были связаны действия казаков у Румелии. Согласно этому историку, весной с Дона ушли в поход 33 струга под командованием атамана И. Каторжного, а 3 июня домой вернулись 19 стругов. «Казаки шли под Трапезунд по кавказской стороне. Поход был

неудачен. Казаки потеряли в бою 1 струг, причем 30 человек погибло, атаман Каторжный и 5 казаков были ранены. На море осталось 6 стругов с донцами, в числе которых были и запорожцы». Именно эти суда и действовали затем у берегов Румелии.

В отличие от В.Д. Сухорукова И.Ф. Быкадоров при последнем утверждении ссылается на архивные данные, но, как указывалось, относит события к 1625 г. и, кроме того, дает непонятный расчет состава отряда. Если из 33 стругов погиб 1 и вернулись на Дон 19, то в море должно было остаться не 6, а 13 стругов. К тому же далее автор говорит, что у Румелии действовали не 6, а «9 стругов, оставшихся в море из отряда атамана И.Д. Каторжного», чем окончательно запутывает вопрос.

По турецким данным, казачьи суда в эту кампанию беспокоили гавани Килии, Мидье, Измаила, Балчика, Варны и Сизе-болы. Обращает на себя внимание «неправильный» порядок их перечисления. Географически сначала должны бы называться Килия и Измаил на Дунае, затем к югу Балчик, Варна, Сизеболы и, наконец, Мидье. Очевидно, турки упоминали крайние северный и южный пункты казачьих нападений, а потом уже по порядку, за исключением разве что Измаила, с севера на юг перечисляли остальные порты данного побережья[19].

Возможно, к 1629 г. относится упоминание Сизеболы в грамоте царя Алексея Михайловича крымскому хану Селим-Гирею от 4 июня 1673 г., где говорилось, что донские казаки в свое время «преславной город Трапезой, Мисервию, Ахенло, Созополи (Трабзон, Мисиври, Анхиало, Сизеболы. — *В.К.)* и иные поймали и под самый царствующий град Константинополь многожды прихаживали».

Румелийское побережье в результате казачьих налетов 1629 г. . пострадало весьма заметно[20]. Главнокомандующий османским флотом Хасан-паша был в то время на Средиземном море, где потерял несколько кораблей, но правительству и командованию пришлось все-таки направить к Румелии против казаков эскадру из 14 галер под начальством везира Кенаан-паши[21]. В отписке русских послов в Крыму говорилось, что «салтан послал на Черное море янычен 15 каторг, а на всякой... каторге янычен по 300 человек (всего, таким образом, 4,5 тыс. воинов. — *В. К.),* для черкас и донских казаков, которые ходят по морю и карабли и каторги громят».

Именно эта эскадра встретилась с казачьим отрядом напротив Сизеболы у небольшого острова Манастыра (Мегало-Ниси, ныне Свети-Иван, остров Св. Ивана), на котором располагался известный тогда греческий православный «монастырь честного славного пророка и Предтечи и Крестителя Иоанна»[22].

Согласно отписке Л. Кологривова и А. Дурова, «турские янычене у моря на пристани у греческого монастыря у Сизе-бола, у самово берега нашли 3 струга черкас да 3 ж струги донских казаков, а... на тех стругех было 300 человек. И...янычаня у тех черкас и казаков отбили все струги да черкас и казаков на берегу поймали 150 человек, а другая половина тех черкас и казаков же 150 человек от них отошли боем пеши в тот греческой монастырь и сели в том монастыре в осаде. И те... янычаня к тому монастырю приступали, и был у них бой и приступ 8 день».

«И после... того, — продолжает отписка, — пришли под тот монастырь 80 стругов черкас, а на стругу... было по 40-у человек (всего получается 3,2 тыс. — *В.К.)*[1]. И как... те черкасы под тот монастырь пришли, и те... янычане от тех черкас от того монастыря побежали. И те... черкасы с теми турскими людьми билися и взяли... 2 каторги с янычены. А тех...черкас и казаков 150 человек, которых было те яныченя взяли с стругами, отбили, а 13... каторг турских янычен отошли от них боем и пришли во Царьгород».

По-видимому, этот источник весьма точно передает ход дела, поскольку и Павел Алеппский, побывавший в Сизеболы 29 лет спустя и, несомненно, слышавший рассказ местных жителей о случившемся там примечательном событии, рисует в основном примерно такую же картину. Путешественник говорит, что «в каком-то году несколько человек донских казаков, измученные бурей на море, нашли убежище на этом острове (Манастыре. — *В.К.).* Турки немедленно выступили, чтобы напасть на них; но казаки, собрав свои силы в названный монастырь, перебили большое число турок, которые не могли одолеть их. Потом казаки сели на свои суда и удалились».

Ряд подробностей, приводимых в литературе о деле у Сизеболы, не вытекает из информации посольской отписки. С.З. Щелкунов пишет, что казаков «настигла сильная турецкая эскадра и, прижав к берегу, заставила искать спасения в стенах греческого монастыря». Согласно Л. Подхородецкому, османский флот встретил у болгарского побережья шесть чаек и в неравном морском бою все их взял вместе с половиной казаков, а остальные сумели выскочить на берег и укрыться в спасительных стенах монастыря. Автор еще утверждает, что казачья флотилия пришла на помощь к осажденным на восьмой день, тогда как, по источнику, это произошло на девятый день. В.А. Голобуцкий говорит, что эскадра наткнулась на шесть чаек «у православного

монастыря Сизебола» и что казаки, причалив к берегу, стали с боем пробивать себе дорогу к морю, потеряв при этом 150 человек пленными.

Из отписки же ясно видно, что струги стояли у берега, видимо, с минимальной охраной, а казаки в это время находились на берегу и действовали в Сизеболы или его окрестностях; собственно, по этой причине суда и были легко захвачены. Именно так понимает развитие событий В.Д. Сухорукое: «Пристав к берегу, (казаки. — *В. К.)* немедленно рассеялись для грабежа, оставив струги у берега почти без всякого охранения». Затем вскоре (по мнению историка, через несколько часов) к тому же месту пришла турецкая эскадра и захватила струги и 150 казаков, которые, как считает В.Д. Сухорукое, возвращались с добычей. Другие 150 человек, «видя пред собою многочисленного и сильнейшего неприятеля, составили плотно соединенный строй и, защи-щаяся, отошли в... монастырь к единоверцам своим и заперлись в оном».

В восьмидневном геройском «сидении» казаки проявили мужество и доблесть, но силы сторон были столь неравны, что, по мнению С.З. Щелкунова, «если бы не подоспели 80 стругов из Сечи, устрашивших турок, донцам пришлось бы вскоре сложить свои головы». Отметим еще стремительный удар подошедшей флотилии и боевое искусство ее казаков: враг потерпел поражение, хотя только в янычарах имел почти полуторное превосходство над казаками.

По-другому передавал московским властям события у Сизеболы османский посол Ф. Кантакузин. Он утверждал, что донцы и запорожцы разгромили монастырь Иоанна Предтечи, расположенный на море, от Стамбула верст с 200[24], и взяли там много казны и что для охраны обители имелось турецкое войско в трех галерах, но их «воевода» бежал с ними от казаков, и за это султан повелел предать его казни.

Полагаем, что версия о разграблении казаками монастыря, возможно, отталкивалась от изложенных ранее событий 1623 г. и была запущена в пропагандистско-политических целях. Отнюдь не в пользу этой версии свидетельствует сообщение Павла Алеппского, заинтересованного представителя православной церкви, об отношении турецких властей к пострадавшей обители. Оказывается, после «сидения» «монастырь по повелению султана был перемещен (в иное место. — *В.К.),* чтобы казаки не могли в другой раз найти в нем убежище». Тем не менее в очередной царской грамоте на Дон последовали упреки за разорение монастыря, а многие историки и публицисты в последующем распространяли турецкую версию. С.А. Холмский даже утверждал, что казаки якобы «взяли приступом» эту обитель.

О событиях, происходивших по окончании «сидения» и боя у монастыря, рассказывают русские, османские и западноевропейские источники, но с различающимися деталями.

«И после...того, — говорит отписка Л. Кологривова и А. Дурова, — турской салтан послал за теми черкасы (за 80 чайками. — *В.К.)* другую посылку турских янычен 14 каторг. И те... яныченя у того монастыря тех черкас не нашли, а встретились... они на море меж города Варны и Неварны[25] (Коварны. — *В. К.) с* ыными черкасы, а черкас... было 8 стругов, а людей... втех стру-гехбыло 260 человек (по 32—33 казака на судне. — *В. К.).* И те... яныченя тех черкас всех поймали и побили, а иных живых привезли в Турскую землю, и тех... черкас турской (султан. — *В.К.)* взял всех на себя»[26].

И. фон Хаммер, основываясь на сообщении Мустафы Наймы, объединяет действия казаков и турок у Сизеболы и между Варной и Каварной и представляет следующее развитие собы-тий после отправки в море 14 галер Кенаан-паши: «Триста казачьих судов, каждое с пятюдесятью мужчинами (всего, следовательно, 15 тыс. — *В. К.),* были в виду острова Манастыра, но ушли назад в камыши, и только с восемью была стычка, в которой семь были взяты и с пленными триумфально привезены в Константинополь».

Согласно заявлениям Ф. Кантакузина, после бегства от монастыря трех галер против казаков направили новых «воевод» с новыми силами, «и те воеводы взяли 7 донских стругов и привели казаков в Цареград, и султан велел их расспросить, по чьему они повелению на то место войною ходили и турских людей громили; и донские казаки сказали: ходили воевать собою, а ни по чьему-либо повелению, а царского повеления на то нет; и Мурат-султан велел всех казаков казнить»[27].

У М. Бодье читаем, что казаки после взятия двух галер у Сизеболы «продолжали бы побеждать, так что из четырнадцати галер... ни одна не вернулась бы в Константинополь, если бы не крепчавший ветер, ограничивший их успех такими небольшими трофеями. Со своей стороны они потеряли восемь лодок, которые неосторожно отдалились от основной части суденышек, чтобы ограбить несколько сел; двенадцать турецких галер атаковали и захватили их, и турки, чтобы прикрыть свои потери присущей им пышностью, увели их в Константинополь с тремястами

пятьюдесятью пленными и седьмого числа октября месяца (27 сентября старого стиля. — *В.К.)* триумфально вошли в порт, ведя на буксире эти небольшие лодки».

Мы видим, что и французский современник не различает бой у Сизеболы и последующие действия, атакже увеличивает потери казаков на одно судно и приводит число пленных, значительно превышающее общую численность казаков в сражавшемся отряде, как ее дает посольская отписка. В предыдущей главе уже говорилось об участии этих пленников в восстании рабов в Неаполе.

Далее М. Бодье утверждает, что «русские намеревались продолжить свои набеги», но «узнали, что двадцать пять тысяч татарской конницы вошли в Польшу, чтобы уничтожить огнем и мечом все, что им попадется под руку. Это заставило их (казаков. — *В. К.)* покинуть море и отправиться в Польшу, чтобы защищать свои очаги и спасать жизнь и свободу своих жен и детей» [28]. По М. Бодье, правителя Боснии Абаза-пашу направили с «неисчислимым количеством лодок» на Черное море, но паше «на сей раз не пришлось действовать за отсутствием врагов, и его вояж был скорее прогулкой, чем военным походом».

Н.И. Костомаров, Д.И. Эварницкий и Б.В. Лунин верят в то, что у казаков в самом деле насчитывалось 300 судов, и допускают при освещении событий разные неточности и даже нелепости. Согласно первому историку, Кенаан-паша будто бы «с сорока галерами следил за ними (казаками. — *В. К.),* когда триста козацких чаек сидели близ острова Монастыря»; по второму автору, Кенаан-паша «открыл» казаков «близ какого-то острова Монастыря», где они «стояли со своими чайками и с добычей». Согласно третьему историку, казаки на 300 чайках якобы «заняли принадлежавшие туркам местности возле Измаила, Килии, Варны». По Н.И. Костомарову и Д.И. Эварнникому, такая огромная флотилия (по семь-восемь чаек на галеру, даже если бы турецких кораблей было 40) будто бы уклонилась от боя, и в сражение вступили только восемь чаек, а остальные «счастливо избежали опасности» и «благополучно вернулись в Сечь».

Сомнение относительно верности «турецкого» числа казачьих лодок находим у М.С. Грушевского, согласно которому «это число, вероятно, сильно преувеличено» в реляции Кенаан-паши. Контекст событий позволяет без всяких оговорок говорить о значительном преувеличении[29].

В распоряжении историков имеется источник, рассказывающий о набеге казаков в 1629 г. непосредственно на Стамбул, но являющийся апокрифом. Речь идет об известном письме кошевого атамана Войска Запорожского И. Сирко крымскому хану от 23 сентября 1675 г.

«Потом, — говорится в письме после упоминания некоторых предыдущих походов, — року 1629 братья наши запорожь-ци, с певним (испытанным. — *В.К.)* вождем своим воюючи в чолнах по Евксинопонту, коснулися мужественно и самих стен константинопольских и, оные довольно окуривши дымом муш-кетним, превеликий султанов и всем мешканцам (жителям. — *В.К.)* цареградским сотворили страх и смятение, и, некоторые оглейшии селении константинопольские запаливши, тожь (как и в предшествовавших набегах. — *В.К.)* щасливе и с многими добычами до Коша (в Сечь. — *В.К.)* повернули... чему, ваша ханская мусць (милость. — *В.К.),* ежели не поверишь, то изволь в своих крымских и константинопольских книгах писарям своим приказати поискати, — певне (наверняка. — *В.К.)* знайдеш»[30]. Ф. Устрялов, НА. Маркович и Ю.П. Тушин полагают, что письмо было адресовано Мурад-Гирею, а что касается атамана, возглавлявшего поход, то НА. Маркович замечает: «История не знает, кто был этот вождь. Может быть, Тарас (Трясило. —*В.К.)* булаву свою сдал другому кому-нибудь...» Однако в 1675 г. на крымском престоле находился Селим-Гирей (Мурад-Гирей займет трон в 1677 г.), а М.С. Грушевский говорит, что в 1629— 1630 гг. гетманом Запорожской Сечи был Г. Черный и только в 1630г. — Т.Трясило[31].

Последний упомянутый историк и авторы, следующие за ним, не веря апокрифу, игнорируют приведенные в нем сведения. Но есть и диаметрально противоположное мнение. На взгляд Д.И. Эварницкого, «участие запорожцев в походе 1629 года на Константинополь не подлежит сомнению». Письму доверяют многие историки первой половины XIX в., а из новейших Ю.П. Тушин, В.А. Золотарев, И.А. Козлов и, кажется, М.А. Алекберли.

Д.Н. Бантыш-Каменский, имея в виду набег 1629 г., утверждает, что запорожцы «дерзнули ночью войти в самый Канал Константинопольский, овладели двумя неприятельскими галерами, причинили значительный вред турецкому флоту, возвратились с богатою добычею». Затем автор цитирует письмо И. Сирко. Почти дословно сказанное Д.Н. Бантышом-Каменс-ким повторяет Н.А. Маркович. Первый из этих историков основывается на известии Ф. де ла Круа и, как видим, совмещает побег, охарактеризованный в письме, с боем у Сизеболы.

Еще дальше идет Ф. Устрялов, опирающийся на того же Ф. де ла Круа, а также на И.Х. фон Энгеля. «В 1629 году, — читаем у Ф. Устрялова, — казаки приблизились к Константинополю: 12 челнов их под покровом ночи вошли в канал и были вогнаны ветром в средину 14 турецких галер; тогда удальцы, окруженные неприятелем, поспешно сделали высадку на берег, овладели одним греческим монастырем и защищались там в продолжение четырех часов. Товарищи их, догадываясь по пушечным выстрелам о происходившем, спешили на помощь, вошли с 50 челнами в канал, овладели двумя галерами, выручили своих сподвижников и возвратились с победою и добычею. Кошевой атаман Серко писал о сем подвиге запорожцев к крымскому хану...»[32]

Таким образом, у Ф. Устрялова соединяются уже не только набег, охарактеризованный в письме И. Сирко, и морской бой при Сизеболы, но еще и монастырское «сидение» казаков. Не исключаем, что некоторые из приведенных деталей соответствовали действительности, однако применительно к действиям у Сизеболы. Например, подоспевшая на выручку «сидельцев» флотилия в самом деле могла состоять из 50 судов, а не из 80, как говорили в Крыму. В Стамбуле в XVII в. действительно существовал монастырь Иоанна Предтечи, но он не имел никако-,го отношения к «сидению» казаков[33]. У некоторых авторов набег 1629 г., как в письме кошевого \ атамана, сопровождается разорением предместий Стамбула: : казаки, грабя прибрежные города, дошли до османской столицы, навели тревогу на ее жителей и самого султана, сожгли ее [дальние предместья и возвратились на родину с богатой добычей.

Д.И. Эварницкий приписываетруководствонабегом Б. Хмель-' ницкому: «Выплыв... на 300 лодках в море под предводительством Богдана Хмельницкого, будущего гетмана, они (казаки. — *В.К.)* добрались до окрестностей Царьграда, мужественно коснулись самых стен константинопольских, зажгли несколько окрестных с Константинополем селений и, окуривши их мушкет-ным дымом, задали султану и всем обывателям столицы «превеликий страх и смятение»...»

Н.Д. Каллистов пишет, что в 1629 г. бой под Константинополем закончился победой запорожцев, которые «вернулись домой с богатейшею добычею», и даже перечисляет, с чем именно: «коврами, парчою, шелковыми тканями, посудою, драгоценным оружием».

Ю.П. Тушин цитирует письмо И. Сирко без комментариев и, следовательно, принимает содержащуюся там информацию, хотя в своей же «летописи» морских походов XVII в. почему-то обходит молчанием набег на Стамбул 1629 г. В.А. Золотарев и И.А. Козлов, говоря вообще «скороговоркой» о казачьих морских походах, конкретно упоминают лишь набег 1629 г. в интерпретации все того же письма. М.А. Алекберли утверждает, что в названном году «казаки добились значительных успехов в борьбе с турками, разрушая оборонительную систему неприятеля вплоть до столицы Османской империи»[34].

Наконец, скажем, что, по Д.И. Эварницкому, запорожцы «потом от турецкой столицы ударились на запад» и совершали известные уже нам набеги на поселения Румелии. Историк здесь следует за Н.И. Костомаровым, который, перечисляя казачьи действия, ставит стамбульский набег перед опустошением побережья Румелии. В таком же порядке перечислены события и у Ю.П. Тушина.

Увы, те версии, которые идут от письма И. Сирко, не находят подтверждения в известных источниках. И если С. Рудницкий, считающий рассказ письма очевидным преувеличением, слишком доверчиво обосновывает свое мнение тем, что турецкие источники, которые будто бы очень скрупулезно отмечают казачьи набеги вплоть до Стамбула, ничего о нем не сообщают, то ведь о босфорском набеге 1629 г. молчат и нетурецкие источники, а спутанное сообщение Ф. де ла Круа противоречит другим известиям.

Вместе с тем апокриф отражает представления украинцев более позднего времени, но, по-видимому, все же XVII в., о морской войне казачества. Что же мы в таком случае имеем в документе?

«Разумеется — считают В.Б. Антонович и М.П. Драгоманов, — годы (набегов. — *В.К.),* которые приводит Сирко, только приблизительно верны». Обращает на себя внимание, что в письме не упомянуты действительные нападения казаков на Босфор и даже не фигурирует мощный набег 1624 г. (хотя М.А. Алекбер-ли уверяет в обратном). Может быть, этот последний набег и имеется в виду, но только ошибочно датирован 1629 г.? Или же автор письма хотел сказать о ближайшем по времени набеге 1628 г., а «приблизительная верность» даты объясняется тем, что не запорожцы играли в нем ведущую роль? До обнаружения новых источников эти вопросы, очевидно, останутся без ответа.

3. Походы 1630—1640-х гг.

Инициаторами первого похода к Босфору в четвертом десятилетии XVII в. выступили запорожцы. 16 марта 1630 г. их отряд из 500 человек прибыл на Дон, «и учали... атаманом и ясаулом, и казаком те черкасы говорить, чтоб итти на море для добычи; и... атаман Епиха Радилов велел атаманом и ясаулом, и казаком сбиратца, и собралось... тысяча человек». 5 апреля 1,5 тыс. донцов и запорожцев на 28 стругах, приблизительно по 54 казака на судно, вышли в Азовское море.

Казаки наверняка «пошарпали» его побережье, а 29 апреля, войдя в Керченский пролив, приступали к городу Керчи, но были отбиты с потерями — «черкас и казаков побили и перераНили человек со ста и больши». Нападавшие отошли от Керчи, направились к выходу в Черное море, «шли... морем неделю и приходили... на крымские и греческие деревни», и вообще «воевали... крымские юрты... во все лето». Во время погрома названных «деревень» неприятелю удалось захватить двух участников похода, примкнувших к казакам белгородских крестьян, руских людей Ваську Иванова, Федьку Семенова», которые и дали крымским властям и московским послам в Крыму сведения об этой экспедиции.

31 мая с казачьей флотилией встретились две турецкие галеры, среди пассажиров которых находились и русские — послы дворянин Андрей Савин и дьяк Михаил Алфимов. Перед Кафой эти корабли предупредили с берега, чтобы они шли «бережно», так как «за горой за лиманом» стоят будто бы 46 донских стругов, пришедших из Керченского пролива и громивших суда и селения близ Кафы. «Каторжный бей» повернул назад, струги его преследовали, но не смогли догнать, «потому что на катаргах гребля большая» (на борту было 500 гребцов). И.Ф. Быкадоров, изложив этот эпизод по статейному списку послов, говорит, что, согласно словам взятого в плен казака, в казачьей флотилии насчитывалось 26 стругов с 1100 доннами и 500 запорожцами. Без сомнения, речь шла о той экспедиции, что началась 5 апреля. В.Д. Сухорукое поворачивает флотилию от крымских берегов домой, на Дон («били на крымские греческие деревни и потом со значительною добычею возвратились в жилища свои»), и одновременно замечает, что летом того же года еще одна партия донцов «разорила несколько других греческих деревень, подвластных турецкому султану, как то: Айсерее, Арпаты и Небола, за три дня езды от Царяграда отстоящие, и иные».

Однако историк ошибается относительно времени нападений на «другие» греческие селения, равно как неточен в определении их местоположения. В приводимом же в сочинении В.Д. Сухорукова, в примечаниях, статейном списке русских послов[35] сказано: «Да... казаки воевали в 138 году весною турскова салтана греческие села и деревни, которые живут блиско Крыму, село Айсерес (у Н.А. Мининкова Аскерень. — *В. К.),* село Арпаты и иные села и деревни, и имали у них войною животы их и животину, а в полон... гречен не имали; да втурской же земле... казаки повоевшш... село Небыла (у Н.А. Мининкова Инебала. — *В.К.)* и многих людей в полон и животы поймали, и издобылись они в той войне гораздо, и то... село (Инебала. — *В.К.)* сидит подле моря блиско города Си-няпы (Синопа — *В.К.),* от Царягорода в трех днищах».

Послы имели в виду Инеболу, заметный населенный пункт, а впоследствии немалый город, расположенный на черноморском побережье Малой Азии, между Синопом и Эрегли, ближе к первому.

Далее в списке говорится: «Да во 138 году поймали турские люди в Турской земле близко города Синяпы... восьм стругов, аказаков было в тех стругах триста человек, и привели тех казаков во Царьгород, и турской салтан тех казаков поймал на себя, на каторги». По Н.А. Мининкову, захват стругов и казаков случился именно возле Инебалы[36]. Похоже, что сведения об этих потерях преувеличены турками. Во всяком случае, жилец Тимофей Владычкин, побывавший в конце лета 1630 г. на Дону, слышал там, что «по лету донские казаки ходили на море и воевали тур-ского (султана. — *В.К.)* город... и которой юрод повоевали, то... он не ведает. А побили... на море казаков 130 человек, а они... привезли с собою огромного руского полону 240 человек».

Из приведенных материалов видно, что набег на греческие селения относится к весне, и, вероятно, там действовала та же самая флотилия, что нападала на Керчь. К Босфору же и Стамбулу она подходила, очевидно, гораздо ближе «трех днищ». 22 июня русский посол узнал в Кафе, что донские казаки громили села и деревни близ города Легра, «в днище и в двух от Царе града»[37]. Под «Легром», как уже говорилось, скорее всего, имеется в виду Эрегли.

На помощь селениям, подвергшимся нападению, прибыли сипахи, и в завязавшемся бою оказались «побиты немалые люди с обеих сторон». Но донцы разгромили два турецких корабля, пленили кади и предлагали затем выкупить его за 2 тыс. золотых[38].

К 1630 г., может быть, относятся действия казаков и в районе Бургаса. М. Бодье в одном из изданий своей книги, вышедшем в 1631 г., сообщал свежие новости на этот счет. «Русские (казаки. — *В.К.),* привыкшие совершать набеги, — читаем здесь, —продолжают их чинить летом...тысяча шестьсот тридцатого года... они вновь вышли в Черное море, чтобы, как обычно, нанести урон туркам, используя реку Танаис и Борисфен...» До М. Бодье дошли слухи, что в походе участвовали какие-то «несколько отрядов московитов-добровольцев», хотя султан «жил в мире с их народом».

«Русские, — утверждает французски и современник, — высадились в Анатолии, захватили там несколько удаленный от моря город Ямбол, ограбили его и увезли богатую добычу, состоявшую из разных вещей, но главным образом меди, которая производится в большом количестве в этом крае». Кафинский паша, «видя эти беспорядки», направил в Стамбул гонца с сообщением о них и советовал «паше моря» «ввести в Черное море не менее ста галер, если он намерен обуздать дерзость русских, их врагов».

Согласно М. Бодье, капудан-паша «смог собрать лишь шестьдесят пять парусов» — галер, галиотов и бригантин — и в июне (22 мая — 20 июня старого стиля) выступил, «чтобы выгнать русских из империи своего государя», но «не добился большого успеха».

Можем предположить, что, несмотря на упоминание Анатолии, разгрому подвергся болгарский город Ямбол, располагающийся на заметном расстоянии в глубь материка от Бургаса. В этом районе, между Бургасом и Ямболом, недалеко от морского побережья, как раз залегают месторождения медной руды. Однако все же не исключен и вариант с Анатолией: в XVI в. порт Инеболу вывозил медь, которую добывали в районе между Си-нопом и Кастамону; в XVII в. основными поставщиками меди в Стамбул являлись анатолийские города Синоп, Амасра, Эрзурум, Токат и Гюмюшхане (в районе Трабзона)[39]. Хотя, кажется, правителя Кафы больше должны были беспокоить «беспорядки» в Болгарии, чем в Анатолии.

23 мая, в разгар военных действий казаков на море, в Москву прибыл посол султана Фома Кантакузин — важная фигура османской дипломатии, потомок византийского аристократического рода, один из представителей которого, Иоанн VI, в XIV в. даже занимал константинопольский престол и, как считается, «привел османов в Европу». Провозгласив себя императором в противовес законному наследнику трона, Иоанн вступил, по определению болгарского царя, в «нечестивый союз» с турками, которые переправились из Малой Азии в Европу и, между прочим, осаждали Константинополь.

Ф. Кантакузин привез московскому царю удивительный план решения «казачьего вопроса» путем перевода донских казаков на службу не только Михаилу Федоровичу, но и Мураду IV. Н.А. Мининков полагает, что этот проект не случайно выдвинул именно в 1630 г. главнокомандующий османским флотом Дели Хюсейн-паша. Здесь следует уточнить, что капудан-пашой в названном году был не Дели Хюсейн-паша, который займет этот пост позже, а Фирари Хасан-паша, ярый недруг казаков[40], энергичный адмирал и администратор, прилагавший много усилий для улучшения и увеличения турецких военно-морских сил и опиравшийся на свою жену Фатиму, сестру Му-рада IV, и на тещу, султаншу-валиде (мать султана), однако все же отставленный в 1631 г.

Несмотря на то что, согласно вестям, пришедшим из Стамбула и распространившимся в Европе, турки в 1630 г. «претер-пели большой урон от казаков на Черном море», идея Фирари Хасан-паши не являлась следствием лишь одной этой кампании, только начинавшейся, когда посол с упомянутым планом отправлялся в Москву. Идея была результатом всех предшествующих кампаний, в первую очередь, конечно, казачьих операций третьего десятилетия XVII в., которые охватили весь Босфор вплоть до самой османской столицы, не говоря уже о других районах Причерноморья.

Капудан-паша с целью прекращения тяжелой войны предлагал совместную российско-турецкую выплату жалованья казакам, а в случае ее невозможности — организацию их переселения в османскую землю, на побережье Средиземного моря.

Излагая это предложение, Ф. Кантакузин сообщил отцу государя, патриарху Филарету, что имел беседу с Фирари Ха-сан-пашой, и тот спрашивал его, посла, как знатока России, «для чево царское величество не велит донских казаков побить или з Дону их збить, чтоб от тех донских казаков меж Мурат-салтанова величества и царскова величества ссоры и нелюбви не было». Дипломат, по его словам, отвечал адмиралу, что «царскому величеству на донских казаков ратных

людей послать немочно, потому что на Дону места крепкие и лесные, и как на них послать ратных людей, и они разбегутца врознь или пойдут к недругу, и учинить над ними никакова наказанья немочно».

Получив такой ответ, главнокомандующий «о том думал много и говорил, чтоб казаком донским давать жалованье обоим государем — Муратову б салтанову величеству давать им от себя, а царскому величеству тем казаком велеть давать от себя, чтоб от тех казаков войны не было... А будет де царское величество тем донским казаком своего государева жалованья давать не изволит, ино де казаком донским яз учну давать Мурат-салтанова жалованья из Мурат-салтановы казны, будет на то царсково величества изволенье».

И, наконец, план капудан-паши завершался следующими предложениями: «И перевесть бы их з Дону всех на Белое море на житье. А около де Белово моря Мурат-салтанову величеству многие недруги, и они б на тех недругов ходили и под ними добывались. И ныне б, дав им жалованье, послать их войною на полского короля вместе с сердаром (турецким главнокомандующим. — *В. К.)».*

Белым морем (Акдениз) турки и вслед за ними казаки назы-вачи Средиземное море и отдельные его части. В данном случае имелось в виду не ближайшее Мраморное море, которое было тогда внутренним османским «озером» без каких-либо врагов на его берегах, а Средиземное море вообще.

Хотя в принципе турецкие власти могли поселить казаков и на Мраморном море, из которого можно было Дарданелльским проливом выходить «добываться» в Эгейское море. Впоследствии османское правительство разместит казаков-некрасовцев сравнительно недалеко от Стамбула, на побережье именно Мраморного моря — у озера Майноса, в 25 км от южномраморномор-ского порта Бандырмы[41]. Однако гипотетическое поселение беспокойных донцов первой трети XVII в. на Эгейском море, на его турецком или греческом побережье или на многочисленных островах, пожалуй, имело бы больше удобств для Турции — подальше от столицы и поближе к «недругам».

Н.А. Смирнов предполагает, что частые поездки Ф. Канта-кузина в Москву через Дон (визит 1630г. был третьей такой поездкой) свидетельствуют об изучении послом казачьего вопроса и «изыскании средств к отвлечению донских казаков от набегов на турецкую землю».

«Хотя никаких прямых документов о деятельности в этом направлении Фомы Кантакузина не имеется, — пишет историк, — но сопоставление отдельных фактов и событий не оставляет сомнений в том, что Фома Кантакузин видел разрешение донской проблемы в натравливании московского правительства и его представителей на казаков с тем, чтобы вызвать между ними вооруженное столкновение. Он через своих агентов искусно пускал слухи о готовящемся погроме донских казаков со стороны Москвы; его же агенты спровоцировали убийство воеводы Карамышева, посланного с 50 стрельцами на Дон сопровождать турецкое посольство. В конце концов этот великий интриган пал жертвой собственных интриг».

На фоне сказанного явно неудачно выглядит мнение Н.А. Смирнова же о «наивности» предложения Фирари Хасан-паши: посол «высказал наивную мысль, которая якобы пришла в голову капудан-паше». Эту идею можно воспринимать как нереальную, даже фантастическую, но не наивную хотя бы с точки зрения упомянутого историком натравливания Москвы на Войско Донское. Не видим мы и основания характеризовать видного турецкого дипломата как интригана, поскольку он делал свое дело в интересах государства, которому служил (другой вопрос, что донцы считали такую активную службу «зазорной» для православного грека), равно как и отрицать принадлежность идеиФирари Хасан-паше. Почему бы «великому адмиралу» не могла прийти в голову мысль о прекращении войны «на два фронта» — умиротворении на Черном море и подключении казаков к войне против средиземноморских неприятелей Турции?

Между прочим, в том же 1630 г. дипломаты Шарль Талей-ран князь де Шале и Жак Руссель, прибывшие в Москву из Стамбула и вынужденные по пути на Черном море заплатить выкуп перехватившим их донским казакам, предлагали царю проект союза Турции, вассальной ей Венгрии, Швеции и России против Австрии, Испании и Польши.

Замысел перетянуть Войско Донское на свою сторону не оставлял османские власти и позже. Такой переход на службу султану, согласно «Поэтической» азовской повести, предлагал казакам в 1641 г., в первый день осады Азова, турецкий парламентер — «янычарский голова».

«А естьли вы, люди божий, — говорил парламентер, — служить похочете... государю нашему царю Ибрагиму-салтану, его величеству, принесите тако ему... винныя свои головы разбойничи в повиновение на службу вечную. Радость будет: отпустит вам государь наш... и паши

его всиваши казачи грубости прежние и нонешние и взятье азовское. Пожалует вас, казаков, он, государь наш турецкой царь, честию великою. Обогатит вас... он... многим и неисчетным богатством, учинит вам... у себя во Цареграде покои великий во веки, положит на вас, на всех казаков, плате свое златоглавое, печати подаст вам богатырские золоты с царевым клеймом своим. Всяк возраст вам... в государьстве его во Цареграде будет кла-нятся, станут вас всех... называти — Дону славного рыцари знатныя, казаки избранныя».

Донцы отвечали: «Как служить можем ему, царю турскому неверному, оставя пресветлой здешней свет и будущей? Во тму (в ад. — *В.К.)* итти не хощем! Будем впрямь мы ему, царю турскому, в слуги надобны, и как мы отсидимся от вас в Азове-городе, побываем мы у него, царя, за морем под ево Царемгоро-дом, посмотрим мы Царяграда строенье и красоты ево. Там с ним, царем турским, переговорим речь всякую, —лише бы ему... наша казачья речь полюбилась! Станем мы служить ему... пищалми казачими да своими сабелки вострыми».

Предложения перейти на службу Турции делались и запорожцам. В частности, в 1648 г. игумен Петроний Ласко, ездивший к Б. Хмельницкому с письмом от брацлавского воеводы Адама Киселя, сообщал, что «если бы казаки не хотели воевать с Польшей», то крымский хан мог бы обещать им «от имени турецкого царя хорошее жалованье с тем, чтобы они отправились из Запорожья на море в наибольшем количестве, хоть и сто тысяч, чтобы отплыли и помогли (туркам. — *В. К.)* воевать с венецианцами».

Действия казаков на море в 1630 г. вызвали отнюдь не совместный русско-турецкий патронаж, а царскую опалу на Войско Донское. Последовали арест и ссылка зимовой станицы во главе с атаманом Н. Васильевым и убийство на Дону упомянутого выше царского представителя, присланного к казакам с опальной грамотой и неприемлемыми требованиями. Утверждение Н.А. Смирнова о том, что агенты Ф. Кантакузина спровоцировали убийство Ивана Карамышева, — это лишь версия историка, но по крайней мере косвенно турецкий дипломат сыграл определенную роль в трагическом конце воеводы. Похоже, что именно посол склонил московское правительство выдвинуть требование к донцам идти вместе с турками на поляков.

Это было единственное предложение капудан-паши, которое приняла Москва, однако и оно оказалось невыполнимым. Долголетняя ожесточенная война донцов с Турцией и их настроения, хорошо видные из азовской повести, не позволяли никаких совместных казачье-турецкихдействий, не говоря уже о службе Войска Донского султану и тем более о переселении казаков в глубь Турции. Здесь не могли помочь и предпринимавшиеся, по-видимому, попытки Ф. Кантакузина склонить к «взаимопониманию» атамана Е. Родилова, который был давним знакомцем посла и сопровождал его в предыдущих поездках в Москву в 1622 и 1627 гг.

Московское же правительство, всячески открещивавшееся от «разбоев» донцов на море и враждебно относившееся к вольным порядкам на Дону, было заинтересовано в существовании Войска Донского — своего фактического защитника на юге и необходимого противовеса Османской империи и Крымскому ханству. И даже если бы в Москве вдруг приняли самоубийственное решение отказаться от этого противовеса, то для переселения казаков требовалось сначала «сбить» их с Дона. Как раз одну из причин невозможности этого Ф. Кантакузин объяснял Фирари Хасан-паше. Другая причина заключалась в том, что у Московского государства просто не было сил, способных произвести означенное «сбитие». Естественно, план капудан-паши и Ф. Кантакузина не был принят и остался в истории в качестве забавного, но характерного эпизода.

У В. Миньо говорится, что в 1634 г. главнокомандующий османским флотом боролся с казаками в Дарданеллах (о чем сказано в предыдущей главе), но мы не имеем никаких сведений о босфорском походе этого года.

Затем набег к Босфору совершили запорожцы. Весной 1635 г., несмотря на сопротивление властей Речи Посполитой и запорожских «старших», некоторое число сечевиков пошло в дальний морской поход. 17 июня османский каймакам Байрам-паша сообщал польскому королю Владиславу IV, что в месяце зилькаде, т.е. между 18 апреля и 17 мая[42], «разбойников казацких днепровских семь лодок, вышедши на Черное море, пришли даже сюда до устья морского (до входа в Босфор. — *В. К.),* потому что галеры и армата цесарская были на Белом море, а иные военные корабли по делам военным пошли в Трапезунт». Заходили ли запорожцы в сам пролив, неизвестно. Согласно каймакаму, они «много зла наделали несчастным подданным, немало забрали имущества; галеры, которые были на устье морском, вышли на них и погнались, и захватили две лодки, которые, убегаючи, были выброшены на берег, а другие темной ночью бежали и пошли в свои стороны».

М.С. Грушевский, ошибочно датируя само послание месяцем зилькаде, упоминает и письмо короля польному гетману Николаю Потоцкому от августа 1635 г. о том, что казаков, ходивших на море вопреки запрещению, надо поймать и покарать, и замечает: не знаем, о том же или о другом походе писал король, но таких походов *в* то время, вероятно, было несколько; Львовская летопись даже категорически говорит, что именно в 1635 г. казаки пять раз ходили на море, «хотя на достоверность этой цифры, разумеется, нельзя сильно полагаться».

В составленном в 1634 г. «Описании Черного моря и Татарии» Э. Дортелли сообщал о причинении запорожцами немалого вреда «прибрежным местам Татарии и проливу Черного моря» (Крыму и Босфору) и замечал, что казаки «наводяттакой страх не только в Татарии и всем Черном море, но и в Константинополе», и что «из-за них там вооружают ежегодно флот, частью или весь». С 1637 г., после взятия донскими казаками Азова и перехода в их руки господства на Азовском море, резко усилились опасения турок перед ожидавшимися донскими и доно-запорожскими набегами на Черное море, Босфор и, вполне возможно, сам Стамбул.

Образно эти опасения охарактеризовал А.И. Ригельман: «Как скоро Амурату (Мураду IV. — *В.К.)* о потере Азова весть дошла, вообразилось ему тотчас, что по этим обстоятельствам соединившиеся козаки (донцы и запорожцы. — *В.К.),* естьли похотят, то легко уже и в Серале посетить его могут». В самом деле, в Стамбуле говорили, что отныне туркам никогда не быть в покое и всегда ожидать погибели, а по умножении казаков и укреплении захваченной ими крепости, «не взяв Азова, и... во Царегороде не отсидетца», и что Азов поэтому стал «пуще и тошнее Багдада»[43].

Тревога в османской столице возросла в связи со слухами о возможном восстании греков, которые могли соединиться с казаками. В июне 1638 г. по подозрению в государственной измене и связях с казаками был умерщвлен константинопольский патриарх Кирилл Лукарис, о чем подробно расскажем в дальнейшем. В предшествовавшем месяце прибывший в Москву грек Петр Юрьев, гонец от сучавского митрополита, говорил в Посольском приказе, что султан «сам, остерегаяся от Запорог и от донских казаков, на проходе к Царюгороду с Черного моря 10 000 янычан поставил для обереганья».

Неудача азовской осады 1641 г. еще больше усилила панические настроения в Стамбуле. Весь город, сообщали находившиеся там русские дипломатические гонцы Богдан Лыков и Афанасий Буколов, состоит в «великом смятении», «и ни от которой стороны такого спасенья не имеют, как от Азова». Сведения о ходе осады засекретили: была «великая заповедь, чтоб нихто про Азов ничего не говорил». Великий везир приказал немедленно казнить двух гонцов, разгласивших «в миру» информацию о неудачной осаде. Пленники рассказывали московским представителям, что секретность поддерживалась, чтобы рабы «и всякие християне не взволновались на басурман», но великий везир скрывал информацию и от султана.

Молдавский гонец, будущий посол в России Атанасе Иоан поведал в Москве, как на его глазах 28 октября 1641 г. в Стамбул «пришли испод Азова 26 катарг с побитыми и с ранеными людьми, а иные порожжие, и в те поры... во Царегороде у турок добре было кручинно». «И салтан... велел было гречан во Царегороде всех побить. И то... отговорили салтану мать же ево салтанова да муфти, что у них по их турской вере в патриархово место».

По словам гонца, те воины, «которые были под Азовом, говорили: будет де салтан и с ним и везирь пойдут под Азов (в новый поход. — *В.К.)* сами, и они с ними будут готовы, а будет де они, салтан и везирь, сами под Азов не пойдут, и им никакие хаживать, лутче де им во Царегороде всем помереть, а под Азов без салтана и без везиря не хаживать, то де не богдатцкая (багдадская. — *В. К.)* служба, под Богдатом де было туркам гулянье, а под Азовом кончина бусурманская».

В общем, как замечал В.Д. Сухорукое, «в Константинополе проведали о состоянии дел азовских, и ужас объял всех жителей; твердили, что им не усидеть в Цареграде, и страх распространился на все окрестности».

Однако, к радости турок, ожидания массированных атак казаков на Анатолию и Босфор не оправдались. Сосредоточенность донцов на защите Азова, необходимость проведения в первую очередь разведывательных экспедиций, гибель донской флотилии в Адахунском сражении и блокада османским флотом Керченского пролива не позволили развернуть казачье наступление на Турцию. Дело ограничилось отдельными походами, усиливавшими, правда, тревогу в Анатолии и Стамбуле.

Набег 1638 г. на окрестности османской столицы, живописуемый В.Б. Броневским («самый Царьград освещаем был заревом пожаров») и за ним С.А. Холмским («зарево пожаров было видно в самом Константинополе»), не находит подтверждения в источниках. Первый известный поход

донцов в сторону Стамбула, относящийся к периоду казачьего Азова, датируется 1639 г. Атаман донской станицы в Москве Сидор Алфимов 3 ноября этого года сообщил в Посольском приказе, что «в прошлом... 147-м году (т.е. до 1 сентября 1639 г. — *В. К.)* из Озова ходили казаки на море судами для языков, и меж... Керчи и Темрюка взяли они полонеников русских людей 123 человека; а после... тово посылка послана из Озова другая, подале, к Царюгороду, для языков подлинных вестей, а при них... та посылка не бывала (не вернулась на Дон до отъезда станицы в Москву 7 октября. — *В. К.)».*

К сожалению, ничего больше об этом походе мы не знаем, если не считать, что к данной экспедиции относится сообщение в Посольском приказе атаманов двух других донских станиц И. Каторжного и Нефеда Есипова от 16 декабря. Из сообщения видно, что после 1 сентября «посылано из Озова на море казаков для языков 9 стругов; и с моря... пришло казаков 7 стругов, а два... струга потопило волною, а языков... не добыли».

Впрочем, скорее всего, эта неудачная экспедиция вовсе не была стамбульским походом. Последний же являлся своего рода исключением из казачьей практики тех лет по дальности маршрута: разведывательные операции, связанные с обороной Азова, обыкновенно проводились донцами в акватории Азовского моря и Керченского пролива.

В 1640г. казаки, но уже не донские, а запорожские, появи-[лись «супротив Константинополя и перед Трабзоном». В дорожном дневнике польского посольства в Турцию, возглавлявшегося В. Мясковским («Диариуше турецкой дороги»)[44], под 11 (1) мая этого года есть запись о полученном известии с Черного моря:«... запорожские казаки взяли город над морем недалеко от Константинополя».

Некоторые интересующие нас сведения о тогдашних действиях казаков имеются в записках Эвлии Челеби. В 1643 г. он вернулся в Стамбул из большого путешествия вокруг Черного моря. Последними пунктами его пути перед столицей были остров Игнеада и крепость Теркоз, располагавшаяся сравнительно недалеко от Стамбула. «Поблизости от этого места, — заметил Эвлия о Теркозе, — есть покрытый цветами луг и славное место Скумрыджаир, где располагаются лагерем янычары и куруджи (вид привилегированных войск, разновидность янычар. — *В.К.)* и отсюда следят за безопасностью близлежащих сел, так как несколько лет тому назад эти берега были наводнены казаками».

Трудно сказать, к какому из казачьих походов можно отнести эту информацию. Набег 1630 г. как будто бы не укладывается в рамки «нескольких лет», набег 1640 г. произошел, кажется, слишком недавно, а поход 1639 г. был разведывательным. Предположительно можно говорить об экспедиции 1635 г. и, вероятно, о неизвестном нам казачьем набеге к Босфору[45].

Несмотря на отступление Войска Донского 1642 и следующих лет турки продолжали строго охранять пролив и Стамбул. Тот же Эвлия Челеби, к примеру, описывая местность Мандру поблизости от Теркоза, упоминал находящуюся там роту адже-миогланов (из ленного ополчения) и замечал, что они охотятся за беглецами и русами, которые приходят с Черного моря. На месте оставались и другие части и подразделения османских войск.

Время от времени среди них и населения появлялись новые слухи о возможном приходе казаков. 25 мая 1644 г. русский агент грек И. Петров писал из Стамбула царю Михаилу Федоровичу: «А царствие ваше произволь оберегати накрепко от татар по всяко время, а от турского (султана. — *В.К.)* ни в чем не оберегайся. А турской сам боится и опасается от великого вашего царствия, и как услышит казаков на море, страсть свое емлет».

Не совсем понятные сведения имеются о морской экспедиции запорожцев 1646 г. В мае этого года король Владислав IV известил иностранных дипломатов о начале похода сечевиков на Черное море, затем о выходе в море второго отряда казаков и, наконец, об успехах, одержанных первым отрядом. 12 (2) мая и 6 июня (27 мая) австрийский посол в Польше Вальдероде и 4 июня (25 мая) венецианский посол Джованни Тьеполо доносили своим правительствам о королевском приказе выйти в море, полученном запорожцами, и о самом их выходе.

28 (18) мая Д. Тьеполо сообщал, что речь идет об экспедиции к Стамбулу, а в середине июля (начале месяца по старому стилю) французский посол де Брежи писал из Варшавы, что 8 тыс. казаков пустились на море, чтобы «потревожить Константинополь». Известны и донесения послов из Польши от августа и сентября (июля — сентября по старому стилю) и заявление короля, сделанное в сентябре (августе старого стиля), о том, что экспедиция осуществляется.

Однако польский историк Виктор Чермак, специально изучавший турецкую политику Владислава IV, не нашел подтверждения его заявлениям об этой экспедиции ни в каких других источниках, помимо посольских реляций, которые были основаны на тех же монарших

заявлениях. Августовско-сентябрьские (июльско-сентябрьские) депеши Д. Тьеполо хотя и содержат общие сведения о походе, но в то же время показывают и удивление посла, что до него не доходят вести, которые подтвердили бы слова короля. Более того, говорит В. Чермак, из письма гетмана Н. Потоцкого, писанного 31 (21) марта 1648 г., вытекает, что в 1646 г. казачьего морского предприятия не могло быть, ибо еще и в марте 1648 г. не окончились приготовления к походу. Получается, что Владислав обманывал европейских дипломатов?

Тем не менее у историка остаются сомнения в таком выводе. В 1646 г. запорожцы приходили на Дон посуше и вместе с донцами действовали против Азова. Но, продолжает В. Чермак, сообщение Н. Потоцкого на сей счет можно понять так, что при обложении этой крепости донскими и запорожскими казаками последние облегли ее с моря. Как это могло быть, если запорожцы пришли сушей? — спрашивает В. Чермак. Выходит, что в указанном году они все-таки выходили в море?

Добавим, что в «Вестях-Курантах» приводится письмо киевлянина Михаила Баки от мая 1646 г. из Литвы, неизвестно на чем основанное, но указывающее точную дату выхода запорожцев в море:«... корол послал казаков 20 000 на море на чолнах, а вышли они на море на Михаилов день 23 майя...» И еще скажем, что в послании Ибрахима I Владиславу IV от 20 ноября того же 1646 г. содержал ось требование укротить днепровских и) донских казаков и не пускать их чаек на Черное море. Но, может быть, это было «дежурное» требование? В итоге вопрос о «королевской» экспедиции к Стамбулу остается открытым[46].

В 1647 г. в Европе распространилось венецианское известие о взятии казаками бывшей османской столицы Эдирне (Адрианополя): «В последних грамотах пишут из Веницеи, что русские люди и казаки (т.е. запорожцы и донцы. — *В. К.)* на Чорном море взяли три именитые места: Трабусунду (Трабзон. — *В.К.)* да Адрианопел, да еще одно место, которому имяни неведомо...» Сообщение, однако, не находит подтверждения в других источниках.

В конце 1640-х гг. на Украине и в Крыму в связи с украинско-крымским союзом и стремлением хана Ислам-Гирея III добиться большей самостоятельности от Турции стала витать идея будущего совместного похода запорожцев и татар на османскую столицу. Крымский военачальник Тугай-бей в 1648 г. говорил стамбульскому греку Исаю Остафьеву, что после мира с Польшей татары и казаки «хотят итти войною, большим собраньем, к Царюгороду на турского султана». Источники не раз фиксируют и подобные высказывания Б. Хмельницкого. Иерусалимский патриарх Паисий после переговоров с ним, состоявшихся в декабре того же года, рассказывал в Москве, что гетман хочет «на весну итти с войском на турского, и струги... учали делать, а татаровя... крымские от турского поотложились и на турского с черкасы (украинцами. — *В.К.)* войною пойдут».

В апреле 1649 г. украинский лидер говорил русскому послу Григорию Унковскому: «А как за помощию божиею ту войну (против Польши. — *В.К.)* скончаем в добром счастье, и царь (хан. — *В. К.)* со всем Крымом также хочет свобожатца из неволи от турского царя, и меня и Войско Запорожское в помочь себе зовут... И мы за помощию божиею помогать им будем; да чаять того, что крымскому царю освободитца из неволи от турского царя Бог и поможет, что ныне у турского царя от немец (венецианцев. — *В. К.)* большие упадки, много у него людей немцы побили и на Белом море путь к Египту отнели».

Через несколько месяцев, в ноябре, в беседе с другим московским послом, Г. Нероновым, Б. Хмельницкий повторил подобные рассуждения, дополнив их сообщением о будто бы уже начавшемся массовом строительстве чаек для грядущего похода на Стамбул.

Если Польша заключит мир с Украиной, заявил гетман, то он намерен вместе «с крымским царем и с волохи, и с серби, и с мутьяны» воевать Турцию, и уже изготовлено на Днепре под Кодаком 300 стругов и, кроме того, ведено сделать еще 200. На этих судах запорожцы пойдут на турок морем, а он, Б. Хмельницкий, с запорожцами же пойдет сухим путем на Аккерман. Гетман, по его словам, «ведает подлинно, что турскому царю против их стоять будет неким потому, что многих ево ратных людей побили виницейские немцы».

Г. Неронов, будучи на Украине, слышал о таких планах не только от Б. Хмельницкого, но и «ото многих людей». Однако сбыться мечтам было не суждено. Освободительная война оказалась затяжной и изнурительной, союз с Крымским ханством — непрочным, и Украине, чья только что созданная государственность порой стояла на грани гибели, было не до похода на Стамбул.

Тем не менее информация о подобных настроениях и планах доходила до османских властей и вызывала в Турции серьезные опасения. Упомянутый патриарх Паисий сообщал, что «во Царегороде от черкас и от татар спасенье большое, потому что у них (турок. — *В. К.)* ныне

малолюдно, многие побиты от виницеян и меж себя в межусобье». В ноябре 1649 г. Б. Хмельницкий уверял Г. Неронова, что раньше крымские ханы были «страшны» от султана, «а ныне... и сам турской царь от крымского царя и от великого Войска Запорожского страшен».

В Турции опасались и нападения с Дона. Жилец Иван Ку-зовлев, приехавший в октябре того же года из Стамбула в Москву, свидетельствовал, что не только в Азове и Кафе «чают на себя приходу государевых ратных людей и донских казаков», но и в самой османской столице.

Сделаем выводы:

1. Между Войском Запорожским и Войском Донеким существовал постоянный боевой союз, благодаря которому удары казаков по Анатолии и Босфору приобрели мощный характер. При этом Сечь располагала более значительными возможностями для ведения военных действий, но оказалась вовлеченной в социальные и национальные катаклизмы на Украине и затем поглощенной освободительной войной против Речи Посполи-той. Ведущее положение в морских операциях постепенно переходило к Войску Донскому, которое, в свою очередь, оказалось «привязанным» к борьбе за Азов, а потом было вынуждено временно отступить от Азовского моря.

2. Украинско-турецкому договору 1649 г., якобы предоставлявшему Украине свободу мореплавания на Черном и Средиземном морях, приписывают большое значение в прекращении запорожцами войны на море. Однако нет доказательств фактического действия этого договора. Предствляется, что это был всего лишь нереализованный проект, а морские операции Сечь Прекратила независимо от него, в связи с началом украинско-польской войны.

3. С 1629 г. наблюдается спад Босфорской войны, хотя военные действия продолжались. В этом году казаки действовали вевропейской части Прибосфорского района, выдержав доблестное «сидение» в монастыре на острове близ Сизеболы. Набег на Стамбул 1629 г., описанный в письме И. Сирко 1675 г., не находит подтверждения в других источниках.

4. В 1630 г. был совершен доно-запорожский поход, в ходе которого разгрому подверглись селения азиатской части Прибосфорского района. Возможно, тогда же казаки действовали и у Бургаса. В 1635 г. запорожцы подходили к устью Босфора и разгромили окрестные места.

5. В 1630 г. Турция предложила Москве план решения «казачьего вопроса». Капудан-паша Фирари Хасан-паша предлагал совместную выплату жалованья донским казакам или их переселение на Средиземное море. План не был принят, поскольку противоречил интересам Московского государства и Войска Донского.

6. В результате взятия донцами Азова в 1637 г. и неудачи османской осады этой крепости в 1641 г. в Стамбуле весьма опасались массированного казачьего наступления на Черное море и Босфор. Однако необходимость обороны Азова не позволила казакам развернуть широкие военные действия. В этом периоде известен только один донской разведывательный поход к Стамбулу 1639 г.

7. В 1640 г. запорожская флотилия действовала поблизости от османской столицы. Реальность же стамбульского похода запорожцев, о котором в 1646 г. заявлял европейским послам Владислав IV, остается под вопросом.

8. В конце 1640-х гг. в связи с установлением союза между Украиной и Крымским ханством возникли планы совместного украинско-татарского похода на Турцию и Стамбул. Их осуществление связывалось с успешным окончанием войны против Польши и на практике не реализовалось.

Примечания

[1] В тексте стоит «донских», но это явная описка.

[2] По Г. де Боплану, максимальное число запорожцев в набеге составляло 6—10 тыс. человек. П. делла Балле для более раннего периода определял этот максимум в 7—8 тыс.

[3] Интересно, что Эвлия Челеби, описывая путешествие по Дону 1667 г., называл донских казаков «запорожцами». Не он один из тогдашних сторонних наблюдателей путал донцов и запорожцев.

[4] Из донских казаков в значительной степени состояла личная охрана Б. Хмельницкого в период освободительной войны, и это несмотря на сложные тогда украинско-донские отношения. В хрониках XVII—XVIII вв. описан подвиг «нового Геркулеса» этой войны, безымянного казака, геройски сражавшегося до последнего вздоха в лодке на озере у Берестечка и с презрением отвергнувшего королевское помилование, — согласно Иоганну-Георгу Шледеру, он был «москвитином».

[5] Попутно укажем здесь на довольно странный вывод В.А. Бреху-ненко, проистекающий из преобладания запорожцев и учитывающий, как говорит автор, «сопоставление качественных характеристик

морских вылазок, осуществляемых совместно и однолично донскими казаками». Согласно историку, в первой половине XVII в. «именно участие запорожцев в предпринимавшихся с территории Дона походах на Турцию и Крым обеспечивало этим походам мощь и разрушительную силу». Понятно, что чем больше участников похода, особенно опытных, тем значительнее сила их ударов. Но можно подумать, что донские удары без заметного участия запорожцев были вялыми и неэффективными. Добавим, что сопоставления именно качественных, а не количественных характеристик донских и совместных, донских и запорожских, походов и их результатов никто из историков, в том числе и В.А. Брехунен-ко, еще не проводил.

[6] «Было бы интересно, — пишет автор, — если бы в турецких архивах можно было установить турецкий оригинал этого документа».

[7] Автор, может быть, имел в виду «нероссийскую» часть Украины?

[8] УЭ. Хеша также фигурирует 1648 г. К сожалению, мы не смогли познакомиться с его статьей: *Hosch E.* Der türkisch-kosakische Vertrag von 1648 / / Forschungen zur osteuropaischen Geschichte. B., 1980.

[9] И. Срезневский ошибочно употребляет определение «неапокрифический» вместо «апокрифический».

[!0] Ю.П. Тушина в отношении сильных позиций украинского купечества на Черном море поддерживает В.П. Кривонос.

[11] В более ранней работе Ю.П. Тушина читаем: «Договор 1649 г., так по существу и не претворенный в реальность в своих основных статьях, все же имел известное практическое значение для обеих сторон. Вследствие договора прекращаются морские походы запорожцев. Правда, договор является не единственной и далеко не главной причиной подобного положения. Все силы Украины были вовлечены в освободительную борьбу против шляхетской Польши, что исключало возможность войны на море, столь характерной для первой половины XVII в.».

[12] Автор, кстати, не читал сам договор, поскольку утверждает, что он был заключен будто бы на 99 лет.

[13] Впрочем, еще задолго до Ю.П. Тушина некоторые авторы утверждали, что «запорожцы в то время на кораблях и галерах вели свою торговлю; следовательно, у запорожцев были корабли и галеры». В.В. Мавродин в предисловии к книге Ю.П. Тушина говорит только о торговле по Днепру на турецких судах и о том, что Сечь фактически контролировала эту днепровскую торговлю. Военное использование казаками захваченных турецких галер — это особый вопрос, которого мы здесь не касаемся.

[14] Некоторые авторы в свое время полагали, что рассматриваемый дот-вор будто бы существовал еще в конце XVI в. и был лишь подтвержден при Б. Хмельницком, а Н.П. Загоскин утверждал, что такого рода договор был не один: «Неожиданные набеги казаков на берега Турции и Крыма побуждали турецких султанов вступать с ними в мирные договоры, которыми запорожцам подобно тому, как некогда и южным руссам, константинопольские властители предоставляли за прекращение набегов свободу морского плавания и торговли, договаривались с ними относительно взаимного охранения товаров, взаимной помощи судам и их экипажам, — словом, входили в соглашения, близко напоминающие собою соответствующие определения старых русских договоров с греками».

Касаясь «договора» XVI в., Ю.П. Тушин пишет, что точка зрения Н.А. Марковича, А.А. Скальковского и др. «ничем не обоснована, кроме весьма шатких предположений», и добавляет, что в том столетии казачьи морские походы «еще не были ни регулярными, ни крупномасштабными» и что «казачество еще не получило решающего преобладания на море», иными словами, отсутствовали условия для заключения подобного договора.

Добавим, что рассуждения о нескольких казачье-турецких договорах совершенно умозрительны и не основаны на источниках. Любопытно еще, что авторы находят параллели у договора 1649 г. и древнерусско-византий-ских соглашений, не замечая определенного сходства этого договора с европейско-турецкими «капитуляциями» более близкого времени.

[15] Впрочем, историк говорит, что казаки при Карахармане и в бою 1640 г. нападали на турок из озера Разине, и после сказанного, учитывая, что Карахарман и Сизеболы расположены вовсе не рядом друг с другом, становится совсем непонятно, о чем идет речь.

[16] Посылку галер привязывает к Петрову дню и Н.А. Мининков. У него же сказано, что В.Д. Сухорукое ошибочно относит поход к 1628 г., однако это недоразумение: В.Д. Сухорукое четко говорит о 1629 г.

[17] Здесь автор в примечании дает грамоту на Дон, в которой царь угрожает от себя «великой опалой и... великим наказаньем», а от Филарета — «вечным запрещеньем». Но эта грамота датирована 2 июля 1629г., тогда как, по В.Д. Сухорукову же, события, о которых он далее рассказывает, происходили до 1 мая. Хотя, заметим, казаки, собираясь в походы, и без подобных грамот знали о будущем гневе царя.

[18] У автора нет отсылки на источник, в котором говорилось бы о «вольнице», ссоре в кругу и т.п. Поэтому возникает вопрос, не отредактирован ли этот текст, чтобы показать неповиновение царским требованиям именно «нерассудительной» и малой части казачества.

[19] Н.И. Костомаров, Д.И. Эварницкий и Ю.П. Тушин в этом списке почему-то опускают Мидье, и все говорят о «разорении» гаваней (у Д.И. Эвар-ницкого даже: «взяли и разорили гавани»), хотя, как отмечалось, гавани разорить нельзя.

[20] С. Рудницкий и М.С. Грушевский к 1629 г. относят письмо Мурада IV польскому королю Сигизмунду III с сообщением о том, что люди с берегов Черного моря, «как со стороны румелийской, так и ассирийской (малоазий-ской. — *В.К.),* приходили в Константинополь с жалобами, что казаки во множестве лодок пришли на море и причинили большие потери, грабили и разрушали города, села и поселения». В публикации документ помечен 1628г. См. также письмо каймакама королю о гом же: 249, с, 76—-*11.*

[21] М.С. Грушевский называет везира Кенан-пашой, Н.И. Костомаров и за ним Д. И. Эварницкий— Кеенан-пашой, Б.В. Лунин— Кинан-пашой. У Н.И. Костомарова и Д.И. Эварницкого он командует 40 галерами.

[22] По И.Ф. Быкадорову, монастырь «был расположен в большом поселении», по К.К. Абазе — «возле Цареграда», что неверно. Как увидим, некоторые авторы располагают обитель даже на Босфоре.

[21] Ю.П. Тушин на основании этих и ранее приведенных данных делает следующее, в целом неверное обобщение: «Более 3 тыс. запорожских и 2 тыс. донских казаков успешно действовали (в 1629г. — *В.К.) у* Килии, Измаила, Балчика, Варны, Сизополя, Кара-субазара и других приморских городов». Выходит, что всего казаков было свыше 5 тыс.

[24] От этого пункта до Стамбула по прямой примерно 180 км. У В.А. Бре-хуненко в одном месте фигурируют 200 верст, в другом 100.

[25] У Н.А. Мининкова — Инварны.

[26] Вопреки источнику С.А. Хол.мский уверяет, что эскадра настигла тех же казаков, что были в монастыре. По Л. Подхородецкому, эскадра, не найдя флотилию из 80 судов, на обратном пути случайно столкнулась с 8 запоздавшими чайками, обрушилась на них и, наконец, одержала победу. На основании чего автор говорит об обратном пути и запоздавших судах, неизвестно. С. Рудницкий утверждает, что Порта была вынуждена послать на Черное море капудан-пашу, который смог захватить лишь некоторое число чаек. Сведений о посылке главнокомандующего флотом в 1629г. на Черное море мы не имеем.

[27] В. Б. Броневский подчеркивает, что казаки на допросе не убоялись смерти, *заявляя,* что царь здесь не причем, и все были «преданы лютой казни».

[28] Осенью 1629г. татары действительно совершили крупное нападение на польские земли.

[29] В.А. Голобуцкий пишет, что после случая у монастыря султан категорически требовал от польского короля «черкас из Запорог свесть», угрожая в противном случае войной, но правительство Речи Посполитой отвечало, что ничего не может сделать, и, кроме того, ссылалось на сочувствие к казакам со стороны известной (христианской) части населения Турции.

[30] Отметим разночтения. У С.В. Величко: «превеликий султанове»; у Д.Н. Бантыша-Каменского: «при великом султанове»; у Н.А. Марковича, по-другому расставляющего запятые, получается, что казаки окурили стены Стамбула «при великом султане». Селения у С.В. Величко «отлеглейшии», у Д.Н. Бантыша-Каменского «одлеглейшие» (по-польски осИе§1е]$2у — отдаленный, далекий). Последний историк и Н.А Маркович пишут: «толь щасливе». УС.В. Величко: в «летописних книгах».

[31] В.И. Сергийчук считает, что, вполне возможно, вождем был И. Сулима.

[32] Версию Ф. Устрялова затем повторяет А. В. Висковатов. -" Речь идет о мужском монастыре Иоанна Предтечи, располагавшемся «блиско Болотцких ворот... за городовою стеною на самом море» (у ворот Балаткапусы в глубине Золотого Рога). В османской столице был тогда же и одноименный женский монастырь — «у Ядринских ворот». Обе обители имели связи с Россией.

[34] Конец фразы («вплоть... империи») у автора взят в кавычки, но сноска не приводится.

[53] Текст уточнен по Н.А. Мининкову.

[16] Ю.П. Тушин говорит об этом походе и захвате, ссылаясь на Э. Дор-телли, однако у него нет таких сведений.

[37] И.Ф. Быкадоров полагает, что это в 100 верстах от Стамбула.

[38] У А. Ситона говорится, что в 1630 г. запорожцы вместе с донцами снова штурмовали Константинополь, но источники это не подтверждают.

[39] На Черном море известен еще один Ямбол: польский автор XVI в. Мартин Броневский называет Ямбольдом и Ямболем Балаклаву.

[40] По Эвлии Челеби, именно он строил в 1625 г. замки на Днепре для непропуска запорожцев в море, что, впрочем, не согласуется со сведениями И. фон Хам.мера.

[41] Между прочим, некрасовцы были известны в Турции как отличные мореходы. В XVIII в. еще из Кубани они добирались до Стамбула и устьев Дуная, а в XIX в. из Мраморного моря ходили в Черное море к Дунаю, Синопу, Самсуну и Трабзону и в Средиземное к берегам Греции и арабских стран. «Недаром отважные предки нынешних майносцев, — замечал В.Ф. Минор-ский, — удивили некогда турецкого султана своим появлением на Босфоре...»

[42] А не ранней весной, как указывает В.И. Сергийчук.

[43] Ср. у В.Д. Сухорукова: «Турки и крымцы их (казаков после 1637 г. — *В.К.)* боялись; султан опасался, что не уцелеть ему в Царьграде, а двор его откровенно сознавался, что казачий Азов сделался для них "пуще и тошнее Багдада"». Н.А. Полевой утверждал, что «весною 1638 года тысячи лодок казацких рассеялись по Черному морю. Ужас распространился от них по берегам Анатолии: Трапезонт, Синоп, Риза, самый Царьград были угрожаемы опустошением и пожарами. Гарнизоны турецкие, заставаемые врасплох, перехитренные казаками, не могли защищать жителей. "Азов становится нам тошнее Багдада!" — говорили

турки». Упоминаемый здесь Багдад явился для турок камнем преткновения в войне с Персией, а «тысячи лодок» и т.п. — явное и сильное преувеличение. Впрочем, именно такого нашествия казаков и опасались в Турции.

На тесную зависимость положения османской столицы от обладания Азовом указывалось и впоследствии, уже в петровское время, в 1696 г. на совещании у великого везира: «Помилуй Бог, если враг веры овладеет Азовом! Тогда не только побережьям Черного моря, но и самому Стамбулу не будет покоя».

[44] Автор — член посольства Збигнев Любенецкий.

[43] У Константина Базили есть рассказ о набеге донцов на Босфор в 1641 г.: «... север послал на этот берег вместе с тучею Черного моря тучу своих буйных детей. Несколько тысяч Козаков на ладьях переплыли море и налетели на Босфор. Крепости их не удержали; удалые витязи Дона и Азовского моря успели ограбить берега Босфора до самого Неохори (Еникёя. — *В.К.),* прежде нежели султан Ибрагим выслал на них флот и войско (1641 г.)». Однако это чистая фантастика, являющаяся отголоском прежних набегов на Босфор.

[46] О посвященных ей переговорах Польши, Венеции и Ватикана см. главу XII.

Глава XI

ОКОНЧАНИЕ БОСФОРСКОЙ ВОЙНЫ

1. Последние набеги

Первый казачий набег последнего десятилетия Босфорской войны, видимо, состоялся в 1651 г. Весной этого года донцы, зная о тогдашней тяжелой войне Турции с Венецией и сокращении в связи с этим гарнизона Азовской крепости, где находилось всего 1200 воинов, разорили азовские предместья и погромили улусы, кочевавшие около города. Затем, через неделю после Пасхи, приходившейся в том году на 4 апреля[1], т.е. около 11 апреля, вышли в море флотилией из 12 стругов и 900 человек, по 75 казаков на судно.

Из расспросных речей воронежда Тимофея Мыхнева, посылавшегося на Дон за вестями, известно, что донцы, пройдя Таврический (Керченский) пролив[2], встретили на Черном море три турецких купеческих судна, которые шли «со пшеницею да с орехи в Царьгород». Казаки без особого труда и потерь захватили эти суда, забрали весь груз, перебили 70 турок, но находившихся на борту греков не тронули и даже отпустили их вместе с судами.

Далее, очутившись у берегов Анатолии, донцы внезапно напали на город, названный в источнике по-русски Каменным Базаром и располагавшийся «отСинопа-городаводнище». Разграбив этот Каменный Базар и взяв в плен 600 человек обоего пола, флотилия пошла на Дон. По дороге, однако, шторм занес ее к северо-восточному побережью Черного моря, к берегам, где обитали «горские черкасы» (черкесы), которым казаки и продали часть своих пленников'. Большинство же их было привезено в Черкасск, разделено «по себе», и потом ясырей продавали русским торговым людям. Поход оказался вполне успешным и обошелся без каких-либо потерь.

Местонахождение Каменного Базара не определено. Выскажем осторожное предположение: не о Капташбазар-Дива-не ли идет речь? Это поселение располагается в Прибосфорском районе, между Эрегли и Акчашаром, ближе к Эрегли и в некотором отдалении от побережья. Но, очевидно, действия казачьей флотилии были более обширными и захватили гораздо большую часть побережья, чем узнал и рассказал Т. Мыхнев.

Казаки, по сведениям И. фон Хаммера, в 1651 г. «пристали к Аккерману вблизи Синопа (может быть, к Аклиману западнее Синопа? — *В.К.),* захватили пленных, и когда они (нападавшие, — *В.К.*,) увидели приближавшийся большой корабль Шех-баз-паши с четырьмя галерами, умертвили всех пленных и при мысе Истефане (он же Стефанос, между Синопом и Инеболу. — *В.К.)* приготовились к сражению. Это были шестнадцать чаек, которые окружили брошенного судами янычар Шехбаз-пашу; тем не менее ему удалось пробиться, потопив две последние (чайки. - *В.К.)...»*

Добравшись до Синопа, адмирал хотел повесить «капитана сбежавших галер» янычара Мехмеда (Мухаммеда), но не смог этого сделать из-за противодействия «полковника янычар Синопа». История кончиласьтем, что когда Шехбаз-пашасо своими галерами, будто бы «разбив неприятеля», вернулся в Стамбул, великий везир велел все-таки повесить Мехмеда перед залом заседаний адмиралтейства. Паша же был посажен в тюрьму, но через некоторое время выпущен.

О сражении при Истефане мы имеем известие и у одного из немецких авторов. Казаки, говорит он, «грабили... в 1651 году азиатский берег недалеко от Синопа. Шетос-паша (так назван Шехбаз-паша. — *В. К.)* поспешил сюда с турецким флотом и атаковал их, но сопротивление было таким энергичным, что галеры янычар обратились в бегство, и паша сам только с трудом смог пробиться».

В том же году русское посольство в Крыму, возглавлявшееся Иваном Еляковым, в соответствии с обычной практикой собирало разнообразную политическую и военную информацию. 26 мая в посольский стан явился русский пленник, бывший пу-тивльский крестьянин Василий Бочков, и сообщил, что слышал в Гёзлеве о походе казаков к Стамбулу. Пленник сказал, что «донские казаки на море под Царемгородом розбили посад Гер-зу и товары поймали многие, и турских людей многих побили, и с того погрому прошли на Дон».

Сведения о том же набеге зафиксировало и посольство Ни-кифора Толочанова, находившееся тогда в Имеретин. В статейном списке посольства отмечена информация, сообщенная послу 19 июля приехавшим в Имеретию из Дадьянской земли азнауром (дворянином) царя Т'еймураза Рамазаном. «Да... Рамазан сказал: приходили донские казаки многие морем струги и тур-ского салтана многие городы разорили, Трепизон и ниже Тре-пизона к Царюгороду, и много в полон поймали... взято полону болши дву тысеч. Да казаки ж погромили на море тем же походом тридцать каторг, и в те каторги казаки, нагрузя животов и ясырь посажав, и пошли назад».

Кроме процитированного официального статейного списка, сохранился и его вариант, составленный вторым послом, дьяком Алексеем Иевлевым, который записал беседу Н. Толочанова с азнауром со слов посольского толмача. Здесь имеются некоторые отличия в отношении казачьего похода. «Да он же... Рамазан, сказывал: ходили... донские казаки к Царю-городу и многих... турчан побили, и в полон взяли больши тысячи человек. А живота... взяли бесчислено много. И тот... турский полон у казаков турские люди выкупали, молодых ребят и девок золотых подвести и больши, а старых мужиков и жонок золотых по сту. И богатейством... обогатились болшим».

В последнем случае направление похода указывается однозначно — «к Царюгороду», тогда как официальный вариант списка дает более растяжимое определение — к Трабзону и ниже его «к Царюгороду». Разбитый казаками город Герзе расположен между Самсуном и Синопом, ближе к последнему и довольно далеко от черноморского устья Босфора. В целом можно сделать вывод, что казачья флотилия в 1651 г., возможно, подходила к проливу с азиатской стороны, однако говорить о набеге собственно к Стамбулу нет оснований.

О следующем походе казаков, состоявшемся в 1652 г., известно от привозившего на Дон царское жалованье сына боярского Мины Прибыткова. Он сообщал в Посольском приказе, что за две недели до приезда в Войско, который случился 12 июня, следовательно около 29 мая, вышла в море и при нем же, М. Прибыткове, вернулась домой из далекого похода казачья флотилия под командованием атамана Ивана Богатого. Ее возвращение, видимо, можно датировать августом — сентябрем названного года, поскольку 30 сентября информатор «в однодеревом стругу» пришел от казаков в Воронеж.

В расспросных речах М. Прибытков сказал, что «ходили на море для добычи казаки, 15 стругов, а было их с 1000 человек (в среднем по 67 казаков на судно. — *В.К.)*... И морем подошли близко к Царюгороду под рюмельскую сторону, и на рюмель-ской стороне турские многие села и деревни повоевали и здо-бычь взяли большую. А как пошли здобычью назад, и на них... нашли 10 катарг турских, и с теми катарги был у них бой, и на бою... казаки на катаргах побили турских многих людей, а сами отошли; и на Дон пришли все 15 стругов здорово... Аясырю... турского привезли на Дон с полтораста человек».

На основании этих же показаний изложил ход экспедиции В.Д. Сухорукое, добавив от себя некоторые краски. По его мнению, маршрут похода пролегал мимо крымских берегов. Объект набега автор определил так: миновав Крым[4], казачий флот «направил путь свой прямо к Цареграду; пристав в окрестностях оного, казаки опустошали все соседние селы и деревни». В сухо-руковской черновой рукописи первоначально была фраза: «...не имея еще столько дерзости, чтобы предпринять против него (Стамбула. — *В.К.)* неприятельских действий, они *ограничились* разграблением большого количества близлежащих к Цареграду сел и деревень...»

Автор, таким образом, считал, что казаки подошли весьма близко к османской столице, в ее окрестности, что предполагает заход флотилии в Босфор. Но как понимать выражение единственного информатора, М. Прибыткова, «близко к Царюгороду под рюмельскую сторону», неясно. Румелия — это западное побережье Черного моря и область в глубь материка за этим по-

бережьем[5], норумелийским был и европейский берег Босфора, так что все зависит от степени близости разгромленного района к Стамбулу, которая нам неизвестна. В общем же действия казаков на Босфоре во время этой экспедиции, видимо, можно считать возможными.

Что касается столкновения с галерами, то В.Д. Сухорукое думает, что «донцы, не останавливаясь, вступили с ними в бой и, по кратковременном сражении побив большое число турок, разогнали суда их», при этом «турки, не в состоянии будучи вновь преследовать отступавших от них казаков, возвратились к берегам своим». Эти подробности — кратковременность боя, разгон и возвращение галер — не вытекают из источника и являются предположением автора.

К походам 1651 или 1652 гг. относится нападение казаков на Балчик. Неопределенность датировки вызвана нехваткойисточников. И. фон Хаммер, ссылаясь на Мустафу Найму и другие турецкие данные, говорит, что «казаки беспокоили восточный и западный берега Черного моря», что у Балчика 15 судов донских казаков пристали к берегу, громили и жгли эти места и что два османских корабля «дрались с ними (казачьими судами. — *В.К.),* будучи не в силах их взять». Тюрколог упоминает утверждение Эвлии Челеби о том, что Мелек Ахмед-паша в конце концов казаков отбил.

«Их опустошения в Мисиври, Теркозе, Шиле, — пишет И. фон Хаммер, — побудили великого везира послать отслуживших в устье Босфора янычар (куруджи и отураков[6]) для охраны побережья». Далее в книге следует рассказ о сражении при Истефа-не, и напротив этого текста на полях указан 1651 г. Выходит, что и предыдущие события автор, очевидно, относил к этому году и, во всяком случае, не к следующему.

Переводчик «болгарских» записей Эвлии Челеби Д.Г. Гад-жанов, отмечая отнесение у путешественника наблюдавшихся им балчикских событий к 1061 г. хиджры, вместе с тем указывает, что «в датах имеется ошибка», и сообщает, что Эвлия в другом месте называет иную дату своего пребывания в этой местности - 1062, т.е. 1652 г

3. Абрахамович, публикатор текстов Эвлии на польском языке, приводит сложенную этим современником хронограмму с указанием 1061 г., посвященную «несомненному триумфу» над гяурами в Балчике, но, считая дату ошибочной, относит сражение к 1062 г. «Описанная тут победоносная битва Мелека Ахмед-паши с казаками, — замечает 3. Абрахамович, —... увязывается с их нападением на черноморское побережье Анатолии, о котором пишет турецкий историк Найма. Найма сообщает лишь о 16 казацких чайках, об инциденте же в Балчике не знает».

Мы также, хотя и не совсем уверенно, относим балчикские события к 1652 г.: сведения источников создают впечатление, что поход 1651 г. был больше привязан к восточно-анатолийскому побережью, а набег 1652 г. — к румелийскому и западно-анатолийскому («рюмельская сторона» М. Прибыткова).

Само же дело при Балчике описано Эвлией Челеби следующим образом. Он, автор, находился при своем дяде Мелеке Ахмед-паше, который был тогда наместником эйялета Узи (Сили-стрийского) и получил приказ «защищать от вызывающих отвращение казаков портовый город Варну, а также лежащие на берегу моря городки Балчик, Каварну, Гюльград и Мангалию». Когда паша в сопровождении автора прибыл в Балчик, «один крестьянин, добрая душа», поздно вечером прибежал к приехав-(' шему вельможе и сообщил ему, что 36 казачьих чаек кружат по г морю и что можно ожидать их нападения на город. «В полночь . послал пашабёлюкбаши Зипира, Гарто, Чинто и Хюсейна[7] с сотней их пехотинцев, а также тысячу абхазских, черкесских и гру-, зинских юношей на благородных арабских конях и приказал им стать в одном укрытии».

Сразу же после полуночи казаки высадили десант, который поджег Балчик с четырех сторон. Там началась паника, а «неукротимые казаки» приступили к разграблению и опустошению города, сопровождая свои действия боевым кличем «ю-ю». На рассвете к Балчику пристали все 36 казачьих судов, экипажи которых также принялись за грабеж, оставив на борту лишь по пять — десять человек.

«Когда уже развиднелось, поставленное в укрытии наше пешее войско, сеймены и сарыджа[8], — говорит Эвлия, — с громким призывом "Аллах! Аллах!" ринулись с горы по склону и, бросившись на стоявшие у берега суда неприятеля и никому не давая пощады, в одно мгновение завладели семнадцатью из них. Вызволив затем находившихся на них мусульман, которые были взяты в неволю, велели им грести и начали погоню на море, а когда настигли также и те лодки, которые убегали, поставили их в открытом море на якорь.

Казаки, которые грабили город, видя это, вынуждены были уже остаться на берегу, и тогда, встревоженные за свои души, повлезали они в те хлебные амбары, что есть в Балчике, почему и

там разгорелась битва. Другие группами убегали в горы, но Мелек Ахмед-паша, примчавшийся во весь опор на помощь из Балчикбаши (района, где он ночевал. — *В. К.),* напал на убегавших неприятелей и одних побрал в ясырь, других же стер в порошок. Других еще взяли в неволю в горах отряды читаков».

«Держались, — по Эвлии, —лишь те казаки, которые в страхе за свои души закрылись в амбарах в окрестностях города Балчика. Паша выдал тогда немного денег своему войску, и начальники вскричали: "Живо, соколы! Вся добыча и ясырь принадлежат вам!"» «И так ринулось войско в огонь, те строения разнесло, и в семь часов вся окрестность была захвачена[9]. Триста казаков были захвачены в ясырь, четыреста же пропали там погибшими, взято также тридцать шесть их чаек...»

«Эта радостная новость, — сообщает Эвлия, — дошла до монаршего Дивана, и Гюрджи Мехмед-паша доложил об этом событии его султанскому величеству Мехмед-хану Четверто-му. Обрадовался счастливый падишах, и так Мелеку Ахмед-паше вскоре затем были привезены ценный хылат (почетный кафтан из дорогой материи. — *В.К.)* и добрая весть, что будет по-прежнему занимать свой пост. Капуджибаши Мустафа-аге, который это подтверждение привез, вручил паша семь румских кесе (румелийских кошельков, 3500 гурушей. — *В.К.)*[10]. Затем приступил он к восстановлению поврежденного пожаром города Балчика»". Все бёлюкбаши «за мужество» в сражении получили «прекрасные хылаты» и челенки — знаки отличия за храбрость, прикреплявшиеся к чалме, с драгоценными камнями.

Около 100 пленных казаков (автор добавляет: «как говорится в реляции о том») отправили на румелийских шайках в Стамбул, а остальных пленников разделили между агами. «Та часть трофеев, найденных на оных тридцати шести русских чайках, которая составляла имущество взятых в неволю мусульман, возвращена тем же, остальное же отдано на ремонт и восстановление замков в Килии и Аккермане»[12].

В обшем, если верить Эвлии Челеби, разгром казачьей флотилии был сокрушительным и полным: все казаки попали в плен или погибли, все их суда оказались в руках турок. «Никогда еще, — замечает автор, — не случалось мне присутствовать при такой прекрасной победе».

3. Абрахамович, несмотря на свою «увязку» набега на Бал-чик с действиями той же донской флотилии у Анатолии и на вытекающее отсюда мнение, что Эвлия «преувеличил опасность ситуации (ибо удвоил число нападавших[13])», тем не менее считает, что «в целом... сообщение его выглядит правдивым». И. фон Хаммер, видимо, не слишком доверяя Эвлии, не воспроизвел его красочных подробностей победы при Балчике.

Мы же полагаем, что в данном случае не может быть и речи ни о каком разгроме казаков, тем более сокрушительном и полном. М. Прибытков был очевидцем абсолютно «здорового» возвращения донской флотилии из похода, без потери хотя бы одного судна, и нет оснований не доверять этому информатору, постороннему для Войска Донского.

Правда, можно предположить, что у Балчика погибла другая, не известная нам флотилия, ходившая в поход, который также остался неизвестным. Хотя думается, что при всех пробелах в информации о том времени такое сокрушительное поражение казаков все же должно было оставить следы в других источниках, но они не обнаружены. Вообще нам известен только один случай гибели в бою донской флотилии целиком — в 1638 г. в Адахунском сражении. Однако там дело происходило не в открытом море, а в кубанском лимане, в который зашли казаки и выход из которого был прочно перекрыт турками и крымцами. И адахунское поражение оставило следы не только в нарративных источниках, но и в целом ряде документальных.

Кроме того, если бы все казаки при Балчике были пленены или погибли (всего, как мы видели, будто бы 700 человек), то на один струг должен был приходиться экипаж примерно из 19 казаков, что совершенно недостаточно для донских судов, отправлявшихся на Черное море. Обращает на себя внимание и то, что захваченные, по Эвлии, казачьи струги не были отправлены в Стамбул, а пленников отвезли на местных судах.

В целом приходится сделать вывод, что описанное, победоносное для дяди автора сражение является мифом, в основе которого, очевидно, находился обычный казачий внезапный и стремительный налет на Балчик, его разгром и такой же обычный быстрый отход, может быть, при определенном сопротивлении местных войск. Победная же реляция паши вполне могла иметь место, равно как и отправка в Стамбул 100 пленников, захваченных, возможно, при другом случае и в другом месте и не имевших отношения к данному набегу донцов. Не исключен, наконец, и вариант неведомого по отечественным источникам набега, в котором казаки могли понести

совершенно незначительные или сравнительно небольшие потери, раздутые Меле-ком Ахмед-пашой и его племянником, так хорошо владевшим пером.

Если все же речь идет о рассматриваемом нами походе, то донская флотилия после Балчика в полном составе пошла в сторону Босфора.

Н.И. Краснов касается этой экспедиции в двух своих работах и при ее характеристике допускает большие вольности. Прежде всего, он двояко определяет объект нападения: в одном и том же сочинении казаки атамана И. Богатого сжигают то «предме-стные села Царьграда», то одно «пригородное царьградское селение». В более ранней работе говорится об опустошении «в окрестностях Константинополя селений» и обращении в бегство турецких кораблей, в более поздней — казаки захватывают и затем топят 10 галер, что противоречит источнику.

Согласно Н.И. Краснову, экспедиция будто бы имела печальный конец: «По возвращении к Черкасску (имеется в виду движение от устья Дона к казачьей столице. — *В. К.),* нужно по-лагать, турки и ногаи окружили отряд, большею частью его уничтожили и отняли добычу. Конечный исход поиска Ивана Богатого, вероятно, и был причиною, что летописцы не с должным вниманием отнеслись к этому, если не ошибаемся, последнему проявлению самобытной отваги на Черном море». В другом месте историк замечает: «Если не ошибаемся, до 1696 года это была последняя блестящая экспедиция донских казаков».

Увы, в обоих случаях автор ошибается. Еще раз скажем, что М. Прибытков недвусмысленно сообщает о вполне благополучном возвращении флотилии на родину. И поход 1652 г. был далеко не последним успешным черноморским предприятием казаков. Впрочем, — и это еще одна ошибка Н.И. Краснова, — он почему-то полагает, что набег И. Богатого состоялся в конце царствования Алексея Михайловича, видимо, в 1670-х гг. (правление этого царя относится к 1645—1676 гг.). Источник заблуждений историка кроется в каком-то позднем и неизвестно кем составленном «перечне походов» донских казаков, на который он глухо ссылается[14].

Специально этой экспедиции Н.И. Краснов посвятил также цикл беллетризованных очерков, который можно назвать и одним большим очерком или даже повестью, — «Поиск донского казака Ивана Богатого под Царьград». Довольно сложно оценивать такое произведение с точки зрения историографии, но мы все же отметим несколько моментов в параллель с деталями, которые упоминаются в уже рассмотренных работах того же автора.

Согласно очерку, казаки И. Богатого как будто бы приходят на Босфор со стороны Мраморного моря и то громят и поджигают в предместьях Стамбула, «в разных местах», «загородные дворцы, фермы, дачи» и, более того, «заводы и фабрики» — пожар «распространился на десятки верст», то высаживаются «у берегов Золотого Рога» и зажигают «загородное царьградское селение с роскошными дворцами султана и турецких пашей», выжигают «одно из лучших царьградских пригородных селений». Морской бой происходит у побережья Крыма, вместо 10 галер действуют фрегат и девять коммерческих судов. Отряд, окруженный «татарами и ногаями», с боями пробивается кЧеркас-ску, теряя при этом большинство казаков и девять десятых добычи.

Автор приписывает походу весьма преувеличенное значение: «Оттоманская Порта изумилась столь дерзкому поиску, и как в начале XVII столетия, кроме жалоб на казаков Посольскому приказу и самому царю Алексею Михайловичу, все главные военные силы Турции по крайней мере в продолжение нескольких лет отвлекались сосредоточением значительного отряда в столице и ее окрестностях. На целое десятилетие приморские дачи и загородные дворцы на север от Царьграда оставались пусты, и можно сказать с некоторою достоверностью, что экспедиция Ивана Богатого столь же помогла царю Петру I одолеть Азов в 1696 году, как прежние экспедиции запорожских и донских казаков в Анатолию и Румелию помогли войсковому атаману Оси-пу Петрову взять эту же крепость одними силами донских казаков в 1636 году».

Десятилетие турецкого страха здесь упомянуто с несомненным преувеличением, набег искусственно притянут к Азовским походам Петра, дата взятия донцами совместно с запорожцами Азовской крепости и атаман, руководивший этим взятием, названы неверно. Впрочем, в том же произведении в некотором противоречии с приведенными оценками Н.И. Краснов заявляет, что в XVII в., «в ту героическую эпоху появления богатырей русского, самобытного закала, поиск Ивана Богатого не выходил из ряда блистательных военных предприятий, совершенных запорожцами и обитателями кормильца Дона».

Видимо, автор прав в определении цели босфорского набега: главное не грабеж, а наведение паники на окрестности Стамбула. Вообще психологическое воздействие на неприятеля при-

сутствовало в замыслах всех подобных набегов, а в данном случае добыть «зипун», похоже, можно было и в не столь отдаленном районе [15].

24 августа 1654 г. донцы, приехавшие к Б. Хмельницкому в составе станицы, рассказали русским представителям при гетмане дворянину Ивану Ржевскому и подьячему Григорию Богданову: «А как... они поехали с Дону тому шестая неделя (перед 21 июля. — *В.К.),* и на Дону... готовили казаки... к походу струги болшие и хотели после их итги на море вскоре; и после их казаки на море пошли ль и в колких стругах, и многие ль люди, и они про то не ведают».

Из других источников известно, что флотилия отправилась в путь, причем в дальний поход. В названный день, 24 августа, вернувшийся из Крыма на Украину казак И. Нечаев (ранее упоминалось, что он был послан изучать среди крымцев их язык) сообщил, что выехал на родину «тому четвертая неделя», т.е. около 1 августа. «И как... он из Крыму поехал, и ему... была весть, что донские казаки татарские юрты под Кафою громили, а роз-громили село Бокракой да село Кутлакой, и, погромя, пошли к Царюгороду; а пошло... их на море 37 стругов болших, в стругу человек по 90 и по 100, и болши...»

О нападении этой флотилии на Анатолию повествует рассказ одного из руководителей восстания сербов против османского господства «капитана Ивана Юрьева», приехавшего под город Фастов около того же 24 августа[16] просить помощи у Б. Хмельницкого. По словам этого представителя, сербским капитанам «ведомо учинилось, что донские казаки ходили на море в болших в 33 стругах, и было их в походе болши трех тысячь, и взяли у турского царя городов с сорок, и в тех городех добре много освободили неводников, и те казаки с неводниками были под самым Царем-городом в селе Новом (Еникёе. — *В.К.),* и Новое разоряли, и турков многих побили, а иных поймали в полон, и сами обогатились всякими узорочными вешми; и разоря Новое и пограбя животы, отошли вцеле. И турки... учиня с казаками перемирье, розменивались полоном, и казаки... турком давали за руского полоняника турских полоняников человек по два и по три».

«А как... казаки у турского (султана. — *В.К.)* городы громили, — добавил И. Юрьев, — и тому... недели с четыре, и им... сербом, про тот пофом учинилось ведомо из Царя-города в 6 день. А какой из Сербские земли выехал, тому третяя неделя».

Описанные действия донцов на море можно датировать двадцатыми числами июля — первыми числами августа 1654 г. Если во флотилии было 37 судов с экипажами по 90—100 человек, то число участников похода определяется примерно в 3300—3700 казаков, что в общем соответствует сербскому сообщению о более чем 3 тыс. участников экспедиции. По данным последнего сообщения, на струг должен был приходиться в среднем 91 человек. Разница в числе судов, приводимом в двух известиях, может быть объяснена неточностью информации и изменениями состава флотилии, в том числе потерями. Сообщение о взятии 40 городов, конечно, слишком преувеличено, но набег в целом, вне всякого сомнения, был весьма эффективным и угрожающим для турецкой столицы, учитывая, что Еникёй расположен чуть ли не посередине между Черным морем и Стамбулом.

Впрочем, сравнительно недавно Г.А. Санин пытался отрицать реальность похода к Анатолии. «В работах Хаммера... и Грушевского, составленных на основании польских и трансильванских источников, — замечает историк, ссылаясь, однако, только на М.С. Грушевского, — поход рисуется как весьма широкая морская акция. Во-первых, значительно смещены хронологические рамки похода — с июня — августа поход переносится на август — сентябрь. В сентябре предпринимать морские походы казаки не решались из-за начинающихся осенних штормов. Далее приводятся совершенно фантастические слухи о том, что казаки подходили под самый Царьград, взяли Варну, разгромили отряд силистрийского паши Сияуша (Си-явуша. — *В. К.),* который пришел было спасать город. Казацкие струги не дошли до Константинополя всего каких-нибудь 4 мили, разграбили северное и южное побережье Черного моря от Эрегли до Балчика, под Балчиком Сияушу удалось захватить один струг».

По мнению Г.А. Санина, донцы в 1654 г. действовали только в районе Таманского и Крымского полуостровов. «Истинную картину похода», утверждает автор, дает «официальный отчет войскового атамана (имеется в виду войсковая отписка в Москву от 18 ноября 1654 г. — *В.К.),* проверенный показаниями русских дипломатов, находившихся в Бахчисарае», а не слухи среди населения причерноморских областей, как всегда в подобных случаях значительно преувеличивающие и раскрашивающие реальный факт совершенно невероятными «подробностями». Согласно автору, эти слухи «могут свидетельствовать лишь о необычно сильной реакции среди населения Османской империи на казацкие походы, об эффективности этой меры, направленной на сдерживание агрессии против украинских и русских земель».

После изложения мнения Г.А. Санина посмотрим, что сообщает И. фон Хаммер. Основываясь на турецких источниках, он говорит, что пока османский флот летом 1654 г. крейсировал в Архипелаге, в Стамбул пришли сообщения о приступах казаков «на правом и левом берегах Черного моря к Эрегли и Балчи-ку». «За недостатком военных судов несколько судов из Скутари были наполнены янычарами и подчинены Сандуку Киайяси Махмуд-паше. Казаки, высадившиеся у Балчика, были отражены поспешившим на помощь правителям Силистрии Сиявуш-пашой, и одна чайка взята».

Далее тюрколог описывает характерные для тогдашней Турции события. Защитники-янычары, посланные на упомянутых скутарийских судах, высадились в Эрегли «с таким бесчинством, что жители с громкими воплями желали возвращения казаков. На обратном пути целая рота с судном, на котором находилась, пошла ко дну. Махмуд-паша при команде и мушкетном салюте явился на Босфор к оконечности Сераля, а несчастные ограбленные жители побережья, прибывшие в Константинополь подать свои жалобы, уже ничего не увидели из своего имущества, но лишь триумф наглого грабителя Махмуд-паши». В сноске И. фон Хаммер замечает, что Мустафа Найма, излагая эти события, приводит здесь арабское изречение, которое можно перевести приблизительно так: «Если у тебя совсем нет стыда, то делай что хочешь».

Свежие впечатления от казачьих набегов 1650-х гг. и особенно 1654 г. изложил Павел Алеппский, проходивший в ноябре 1658 г. на судне вдоль черноморского побережья Турции. «Проплыв... около трехсот миль (от Сизеболы. — *В.К.),* мы, — пишет этот современник, — пересекли пролив Константинопольский со стороны Румелии и, поравнявшись с берегом Карамании, приблизились к городу, называемому Понто Гераклея (Эрегли. — *В.К.)...* прошли расстояние во сто миль, имея по правую руку горы и леса Карамании, и достигли славного города Амастриса (Амасры. — *В.К.)...* В окрестностях его когда-то был небольшой замок, теперь разрушенный и разоренный; остается только колокольня, в самой верхней части его; на ней, говорят, до сих пор есть один колокол, в который звонят, держа караул в летние ночи, из страха пред русскими (казаками. — *В.К.)».*

«Все эти области, — продолжает Павел, имея в виду район Эрегли, Амасры и Инеболу, — находятся в более или менее разоренном состоянии, и главное несчастие — притеснения со стороны их правителей. Но из всего самое худшее для них — нападения русских на судах с Дона, которые производят крайние опустошения».

Разносторонние сведения подтверждают, что в 1654 г. казаки действовали у берегов Анатолии, хотя турецкие источники не «пускают» донцов в сам Босфор, ограничиваясь сравнительно близким к нему Эрегли. Не И. фон Хаммер и М.С. Грушевский смещают хронологию и район набега, а Г.А. Санин путает его с июньско-августовским крымским походом донцов, о котором рассказывает упомянутая отписка царю.

«И мы, — говорится в ней, —... по твоему указу и по грамотам и слышачи... хана... собранье и умышленье, и скорой ево подъем, и чтоб ему нам помешать и ис Крыму поднятца не дать, ходили... войском в тритцати стругах[17] Азовским морем под Крым, и стояли мы под Крымом на Чорном море и с сей стороны на Азовском море два месяца ждали его, крымского хана, ис Крыму подъему. И Господь Бог... того крымского хана на то его злое умышление не попустил, умер скоро (Ислам-Гирей III скончался 30 июня. — *В.К.)*[18]. И многих... мы языков крымских людей под Крымом брали, и полоняники к нам... многие к стругам ис Крыму прибегали... И мы... ис-под Крыму пришли стругами вЧеркаской город... дал Бог, поздорову августа в 18 день»[19].

Поход же к Анатолии — это другая экспедиция, и о ней, мы видели, сохранились не только записанные слухи. Мнение Г.А. Санина о том, что казаки в сентябре не ходили в море, почти типично для историков, специально не занимающихся изучением казачьего мореходства, и мы говорили об этом в одной из предыдущих глав. Наконец, заметим, что в принципе нет оснований слепо доверять войсковым отпискам в Москву по той причине, что Войско, не желая «нервировать» царское правительство и ухудшать с ним отношения, зачастую намеренно не сообщало ему о своих действиях против Османской империи. Ниже мы увидим дозированную информацию войсковой отписки о походе 1659 г. — только о набеге на Крым, но не на Турцию.

По источникам получается, что в походах, начавшихся в июне и июле 1654 г., действовали отчасти одновременно две донских флотилии из 30 и 33—37 больших стругов. Однако общая цифра — 63—67 таких судов — кажется излишне большой для Войска Донского. Здесь, возможно, имеет место и преувеличение состава второй флотилии, но, по-видимому, дело заключалось в том, что некоторые суда первой флотилии, а может быть, и большинство их, участвовали в походе на Анатолию[20].

Этот поход был последним известным набегом казаков непосредственно на Босфор[21]. Босфорская война подходила к концу, хотя, казалось бы, изменение турецкой политики России должно было подталкивать казаков к активизации набегов в «сердце империи». Обострение русско-османских отношений, наметившееся в 1640-х гг., стало реальным после воссоединения Украины с Россией, когда, борьба Москвы против Крыма переросла в борьбу с Турцией. В следующем параграфе мы коснемся причин окончания Босфорской войны.

Волна страха, однако, еще не раз охватывала Стамбул, ожидавший новых казачьих приходов. Такая тревога случилась и весной следующего 1655 г. Австрийский дипломатический представитель в Турции С. Редигер 24 (14) апреля сообщал в Вену о панике, возникшей в османской столице при известии о возможном появлении в море 100 казачьих чаек. Запорожцы и дон-цы действительно тогда громили «турецких и крымских, и других государств торговых людей» и разбивали галеры, но у северочерноморского побережья.

О последнем набеге казаков в район, близкий к Босфору, рассказывают сразу три источника. Это расспросные речи в Посольском приказе 27 июня 1659 г. Тимофея Иванова, атамана приехавшей в Москву донской станицы, расспросные речи в том же приказе 17 сентября известного донского судостроителя К. Петрова, присланного с Дона во главе группы казачьих «струговых мастеров», которые должны были консультировать строительство мореходных судов для Войска Донского, и, наконец, отписка войскового атамана Н. Васильева и всего Войска Донского царю Алексею Михайловичу от 28 ноября того же года.

Автор первого сообщения выехал с Дона на четвертый день после отправления флотилии в поход и потому повествует только о его начале. Остальные источники говорят обо всей экспедиции по ее завершении, при этом характерно, что войсковая отписка, рассказывая о крымской части похода, обходит молчанием его анатолийскую часть. Более того, получается нечто вроде намеренной дезинформации: согласно отписке, казаки сразу после погрома крымцев возвращаются домой («и, разоряя те крымские посады и села, и деревни... с моря пришли»).

По словам Н. Васильева, донцы, узнав, что крымский хан намеревается идти войной на русские украинные города, послали в Москву легкую станицу с извещением об этом замысле, а сами пошли морем на крымские места, «хотя... ему, крымскому хану, в том ево подъеме и походе мешать». Т. Иванов сказал, что казаки собирались «бить прежде на крымские места, под Тем-рюк или под Кафу и под Керчью». О последующей цели (после ивановского «прежде») атаман умолчал, но позже выяснилось, что она предусматривала гораздо более обширный маршрут.

6 июня флотилия, которой командовал походный атаман Корнилий Яковлев, крестный отец и будущий знаменитый противник С. Разина, вышла в Азовское море. В ее составе насчитывалось 30 стругов, «а в стругех в больших по 80, а в ыных 70, а в меньших по 60 (в тексте речей Т. Иванова зачеркнуто стоявшее ранее: "и по 50". — *В.К.)* человек». Если в среднем на струг посчитать 70 казаков, то в походе участвовало приблизительно 2100 человек[22].

Первый удар был нанесен по побережью между турецкими крепостями Темрюком и Таманью. В отписке говорится, что донцы, «прося у Бога милости, на Азовском море по черкеской стороне, меж Темрюка и Атамани, многие села и деревни пожгли и разорили». К. Петров также указывает, что первой жертвой похода оказались черкесы: казаки, «идучи... от Темрюка до Томани, улусы темрюцких черкас и томанских пожгли и многих людей побили». Донцы, кроме того, «выходили... из стругов на берег... под Керчью».

Миновав Керченский пролив, флотилия пошла к центру турецких владений в Северном Причерноморье городу Кафе. По словам Н. Васильева, участники похода «в Крыму от Кафы и до Булыклеи-города (Балаклавы. — *В. К.)* посады... и села, и деревни выжгли ж и запустошили, и многих крымских людей побили, и в полон жон и детей их поймали».

К. Петров рассказывал, что казаки «были под Кафою и под Булыклыею, и под иными многими местами... а выходили... из стругов на берег под Кафою и под Булыклыею... А ходили... от стругов на берег в Крым верст с 50». Таким образом, было потревожено все южное побережье Крыма[23]. Во время нападений на черкесские и крымские поселения донцам удалось освободить «человек с полтораста» русских и «литовских» (украинских и польских) пленников[24].

От крымского побережья флотилия направилась поперек Черного моря к берегам Турции. Об этом втором этапе экспедиции известно мало и только со слов К. Петрова. «А натурской... стороне, — сказал он об участниках похода, — были под городами блиско Синопа и Костянтинова острова (вероятно, острова Кефкена неподалеку от Канды-ры. — *В.К.)*[26], и города Кондры, и до Царягорода за судки».

Кандыра расположена довольно близко от Босфора, между городом Эрегли и устьем пролива, ближе к последнему. Е.М. Апано-вич указывает, что именно Кандыра находится в сутках пути от Стамбула[26], однако информатор, судя по обороту его фразы, под последним местом действий донцов, вероятно, имел в виду район, расположенный еще ближе к проливу и столице. Вместе с тем это, конечно, не район непосредственно Босфора и тем более не район Стамбула[27].

Командование флотилии, видимо, собиралось нанести и еще ряд ударов, может быть, и по Босфору, но помешали начавшиеся сильные штормы. Пробыв в море два месяца и десять дней, казаки «от хуртин великих с моря пришли стругами августа в 16 день, дал Бог, поздорову». Надо полагать, что обратный путь был нелегким, поскольку во время штормовой погоды суда были еще вдвое перегружены людьми. В ходе экспедиции удалось нетолько освободить пленников, но и взять «ясырю турского и крымского мужского и женского полу з 2000 человек».

По информации войсковой отписки, казаки «полону... рус-кого привезли с собою *с* моря... московских и литовских ук-райных городов. ..девяноста шесть душ. И... тот полон, давим суды и запасу, и одежду, и котлы, и топоры, отпустили их к Русе (на Русь. — *Б.К.)* своронежцем... с Савельем Фоминским (привозившим царское жалованье. — *В. К.)* рекою Доном и до Воронежа».

К. Петров в свою очередь говорил: «... и которых... полоняников из Войска отпустили в государевы городы, и о том... писано к великому государю в войсковой отписке (привезенной им, струговым мастером, и пока не найденной историками. — *В.К.)... А* в тех... полоняникех, которые отпущены на Русь, есть люди нарочитые и дети боярские...» Речи К. Петрова же объясняют, почему у войскового атамана говорится о 96, а не о 150 пленниках: дело в том, что «ины... остались служить., .в Войске». Таковых оказалось, следовательно, более 50 человек.

Экспедиция К. Яковлева проходила в сложной для России обстановке войны на Украине, где весьма заметную роль играли войска Крымского ханства. Конотопский поход русской армии воеводы князя Алексея Трубецкого против украинского гетмана Ивана Выговского, отложившегося от Москвы и вступившего в союз с Крымом, закончился полной неудачей. 27 июня 1659 г. пришлось снять более чем двухмесячную осаду города Конотопа, а на следующий день в сражении под Гадячем погиб цвет русской конницы; в результате последовало отступление армии, которая 10 июля пришла в Путивль.

«Российский государь, — отмечает В.Д. Сухорукое, — ...писал к донским казакам, чтоб они, коль скоро узнают о выступлении крымских войск противу верных малороссийских казаков или на российские украины, в то ж время морем внесли бы в Тавриду ужас и смерть. Грамота об этом была послана на Дон июня 3 дня 1659 года, но донские казаки еще до получения оной, узнав о выступлении крымских войск в Малороссию для соединения с гетманом Выговским, отправили в море... казаков...»

Этим набегом и следующим, начавшимся 21 августа, донцы, как выражался Н. Васильев, «крымскому хану в войне и в походе большую поруху и незамешканья учинили». Е.М. Апа-нович видит «поруху» в том, что набег К. Яковлева «произвел большое впечатление на крымского хана, заставив его почувствовать, что отправка войска в Россию или на Украину ведет к разорению его собственных владений, оставленных без защиты». Н.А. Мининков, подчеркивая весьма важное значение похода для русской армии, обращает внимание на то, что удар казаков по Крыму позволил несколько ослабить опасность последствий гадячского поражения и что действия донцов заставили хана уйти с «Украины, оставив у И. Выговского лишь небольшие силы, а это содействовало падению гетмана и замене его Юрием Хмельницким.

За крымскую часть похода К. Яковлева Войско Донское получило царскую благодарность («... и мы, великий государь, вас, атаманов и казаков, за вашу службу жалуем, милостиво похваля-ем»), а также значительное жалованье: 3 тыс. рублей, 3 тыс. четвертей муки, 100 поставов гамбургских сукон, 200 пудов пороха и 100 пудов свинца. Анатолийская часть и удар, нанесенный казаками по Турции, сюзерену Крымского ханства, остались официально не отмеченными[28], хотя действия донцов охватили огромное пространство побережья Анатолии, в том числе и в непосредственной близости от Босфора.

Поход 1659 г. оказался последним казачьим набегом в этот район[29]. В последующем лишь иногда возникали и обсуждались планы нанесения ударов по Босфору и Стамбулу и устрашения непосредственно османской столицы, появлялись и распространялись слухи о возможности и готовности казаков прийти под Стамбул и т.п. Особенно это относится к периоду резкого обо-стрения русско-турецких и польско-турецких отношений из-за Украины в конце 1660-х — начале 1680-х гг.

Летом 1670 г. в прибрежных поселениях Турции, в том числе, видимо, и на Босфоре, были «великие страхи» в связи с предполагавшейся в Азове и Стамбуле возможностью мощного выхода разинцев в Азовское и Черное моря. Один из греков рассказывал в Посольском приказе в Москве, что азовский правитель Сулейман-паша предупреждал везира: С. Разин «изготовил (число в источнике читается предположительно. — *В. К.)* стругов и хочет итить на Черное море к турским кра[ям]». Информатор добавлял, что в связи с этим в июле и августе «чинилась... на Черном море от вора... великое опасение и всполохи. И многие... турские городы, при море будучие, приказал везирь по-крепить и воинскими и всякими запасы пополнить».

Зимой 1670—1671 гг. на Украине и в Польше предполагали возможное нападение запорожцев на Стамбул. В найденном Ю.А. Мыцыком в польской Ягеллонской библиотеке аноним-ном письме из города Язловца от 15 (5) февраля 1671 г. говорилось, что кошевой атаман И. Сирко и руководитель казачье-старшинской группировки, ориентировавшейся на Речь Посполитую, Михаиле Ханенко готовят крупный набег на османскую столицу с участием якобы 3 тыс. чаек.

В следующем году царь Алексей Михайлович прислал на Дон повеление, формально открывшее для казаков возможность возобновления операций на море. Государь извещал Войско, что в Стамбул направлено предостережение относительно начала турками войны с Польшей и о соответствующих действиях России в этом случае. Султан, в частности, предупреждался, что «царское величество» укажет донским казакам «всякой воинской промысл чинить на Черном море». «А о случении с вами, атаманы и казаки, — говорилось в грамоте царя на имя Войска Донского, — запорожскому атаману и всему при нем посполь-ству (народу. — *В.К.)* наш... указ послан, ведено ему... для отвращения той турецкой войны, случась с вами... чайками на Черное море выходить и всякой воинской промысел... турского салтанаи крымского хана над жители чинить...»

В.Д. Сухорукое говорит, что донцы, удерживавшиеся ранее московским правительством от морских походов, были столь обрадованы этим повелением, что через пять дней после отъезда из Черкасска[30] российского представителя Василия Даудова, который вез упомянутое предостережение султану, открыли военные действия сначала против турецких Каланчинских башен в дельте Дона и Азова, а затем вышли в море на 34 стругах. Надо полагать, они действовали против Крыма[11].

«О успехе казаков... ничего не известно», — замечает историк, но «слух о походе оном вскоре достигло Константинополя, молва увеличила число казачьих судов до 700, везде распространился ужас, и никто не хотел записываться во флот, снаряженный для вспомоществования Азова и отражения казачьих судов, разъезжавших по Черному морю». В. Даудов стал очевидцем того, что «турки были в великом страху», что не помогали и 50 «ефимков»[32], которые власти обещали записывавшимся на службу, и что в Эдирне, где жил посол, «многие хлебом и всяким запасом готовились впред».

30 декабря 1672 г. на совещании в Москве о предстоявших военных действиях против Крыма и Турции атаман зимовой станицы Фрол Минаев, впоследствии прославленный атаман Войска Донского, заявил, что на Дону могут собраться 5 тыс. самых отважных казаков и что если к ним присоединить 8 тыс. русских ратных людей, то можно будет устрашить не только Азов, но и сам Стамбул, —«в то...время нетакмовАзове, но и в Царьграде страх был [бы] великой». По мысли Ф. Минаева, вследствие этого султан, оставив Польшу, обратился бы на защиту собственных владений.

В упоминавшейся ранее грамоте от 4 июня 1673 г., адресованной крымскому хану, Алексей Михайлович, предваряя открытие военных действий русских войск и казаков под Азовом, счел необходимым напомнить этому правителю о прежних нападениях донцов на турецкие черноморские порты и многократном «прихождении» казаков под Константинополь.

О возможности набега на Стамбул вспоминали и в 1675— 1676 гг. 30 декабря 1675 г. старшина Родион Калуженин, сын О. Петрова, предложил московским боярам план совершенного утеснения азовцев прорытием Казачьего ерика[33] и построением двух крепостей на его верхнем и нижнем устьях и третьей крепости на протоке Каланче с соответствующими сильными гарнизо-нами и артиллерией. По мнению старшины, эти крепости позволили бы донцам открыть свободное плавание по морю до самого Стамбула, держать в осаде не один Азов, но и османскую столицу.

Правительство одобрило замысел, однако попытка претворить его в жизнь встретила сильное сопротивление казаков, опасавшихся излишнего усиления российского влияния на Нижнем Дону, и потерпела неудачу.

Военно-морские действия донских казаков в 1660—1690-х гг. ограничивались преимущественно нападениями на неприятельские поселения азовского побережья и Керченского пролива, а в Черном море — на Крым; акции запорожских казаков практически не выходили за пределы Северного Причерноморья. Кроме того, в прилегающих акваториях казаки захватывали и уничтожали суда, принадлежавшие Турции и Крымскому ханству. Набеги на Анатолию совершались крайне редко, а затем прекратились вовсе.

2. Причины окончания

Итак, закончилась Босфорская война, оказавшаяся в отличие от казачьих атак, всегда стремительных и быстрых, совсем не скоротечной, а весьма длительной, занявшей целые десятилетия, многоэтапной, крайне тяжелой для Турции и нелегкой для казачьих сообществ.

Рассмотренный нами фактический материал, как представляется, дает основание вычленить в этой войне несколько периодов.

Первый охватывал 1613—1619 гг. и знаменовал собой начало морских походов казаков к Босфору и на сам Босфор. Второй, датируемый 1620—1628 гг., представлял собой апогей войны, когда на поселения этого района регулярно обрушивались самые мощные набеги очень крупных казачьих флотилий, действовавших по всему проливу вплоть до Мраморного моря, и когда османская столица фактически постоянно находилась в состоянии обороны. Третий период приходился на 1629— 1646 гг., и для него были более характерны действия в черноморском Прибосфорском районе; набеги казаков из-за событий на Украине и в связи с Азовом оказались менее масштабными, чем раньше, хотя и весьма активными. Четвертый период мы бы датировали 1647—1650 гг., когда опять-таки из-за украинских и донских событий временно прекращались босфорские походы, однако Турция, в частности и на Босфоре, продолжала находиться в оборонительном положении. Пятый период мы относим к 1651—1659 гг., и это последний период активных действий казаков у Босфора и на самом Босфоре (с последним походом в пролив в 1654 г.).

Наконец, к обозначенным периодам примыкают 1660— 1676 гг., когда казачьи набеги к Босфору уже не совершались, но они еще обсуждались и планировались, и Турция ожидала их возобновления; угроза прихода на Босфор казаков, все еще действовавших в северной части Черного моря, целиком исчезла только в конце 1670-х гг. Поэтому мы считаем, что период 1660—1676 гг. для османов психологически являлся завершающим аккордом Босфорской войны, реально закончившейся в 1659 г. В этой связи и всю войну можно датировать двояко: действительная война продолжалась около полувека, с 1613 по 1659 г., а с психологической «добавкой» — свыше 60 лет, по 1676 г.

Окончили Босфорскую войну, как и начинали, казаки (хотя начинали запорожцы, а заканчивали донцы), причем сделали это сами и без какого-либо решающего, переломного, завершающего события, будь то крупный разгром неприятеля или страшное поражение собственных сил. Казаки не достигли победы в Босфорской войне, но и не потерпели в ней поражение, равно как и Турция вышла из нее без победы или поражения.

Война закончилась как бы «вничью». С одной стороны, казачество добил ось поставленных целей: на протяжении долгого времени оно наносило мощные удары по самому центру Османской империи, и Стамбул, ее «голова и сердце», более полувека находился в состоянии страха на «передовом фронте» войны; систематически подрывалась военная и экономическая мощь государства, уничтожались и захватывались ценности его богатейшей провинции, дезорганизовывалось управление государством, вооруженными силами и хозяйством, парализовался и отвлекался военно-морской флот, и тем самым существенно ослаблялся османский натиск на Войско Запорожское и Войско Донское и оказывалась поддержка освободительному движению в империи. С другой стороны, и Турция, много терявшая и терпевшая в ходе Босфорской войны, в конце концов избавилась от систематических и ужасных казачьих нашествий на Босфор.

Но казаки закончили войну не потому, что полностью решили поставленные задачи, и даже вовсе не принимали решение о ее окончании. Война, постепенно «затухая», закончилась «плавно»,

словно естественным путем. Начавшись без официального объявления, она и завершилась без подписания соглашения о перемирии и тем более договора о мире.

Война на Босфоре и в прилегающем к нему районе являлась составной частью всей большой войны запорожских и донских казаков с Османской империей и Крымским ханством и, разумеется, в первую очередь морской войны. Ее размах во второй половине XVII в. постепенно сокращался, а театр военно-морских действий казаков, суживаясь с течением времени, все меньше и реже захватывал побережье Анатолии и все больше — северочерноморские и азовские берега. «Затухание» Босфорской войны прямо вытекало из сокращения и «сжимания» всей войны казачества в Азово-Черноморском бассейне. Последнее же вызывалось не одной, пусть и очень значительной причиной, а целым комплексом международных и внутриказачьих причин и обстоятельств.

Можно сказать, что первый удар по казакам, ведшим морскую войну, последовал со стороны Польши, правящие круги которой наконец-то, хотя неосознанно и косвенно, выполнили требование Турции прекратить морские походы запорожцев. Речь Посполитая, выполняя свои обязательства перед Стамбулом, оформленные рядом соглашений (в 1640 г. был подписан польско-турецкий трактат о дружбе, подтверждавший все прежние договоренности о недопущении королем выхода казаков в море), неоднократно и разными способами пыталась ограничить военно-морскую активность Сечи, но без заметного успеха. Однако политика Варшавы по отношению к Украине и Войску Запорожскому вызвала антипольские восстания 1630-х гг. с ведущим участием казачества, которое тем самым существенно отвлекалось от операций на море. Именно вследствие этого в указанное десятилетие стала падать активность запорожцев в Босфорской войне.

Затем Запорожской Сечи пришлось отдать все силы участию в труднейшей освободительной войне 1648—1654 гг., что привело к полному прекращению морских походов сечевиков. Таким образом, Войско Запорожское было вынуждено выйти из Босфорской войны и больше уже в ней не участвовало, даже и по завершении войны с Польшей. Как отмечает Ю.А. Мыцык, тяжелые войны, протекавшие на территории Украины во второй половине XVII в., и распри между различными группировками казацкой старшины значительно ограничили возможности совершения крупных военно-морских походов украинского казачества. После 1654 г. запорожские действия на море осуществлялись гораздо реже, чем до начала освободительной войны, и не имели своей целью нападения на Босфор.

Отдельные запорожцы и их группы, конечно, продолжали принимать участие в Босфорской войне, но уже исключительно в составе донских флотилий, выходивших в море из Черкасска. К донцам не просто перешла руководящая роль в войне — Войску Донскому пришлось продолжать ее одному, без своего сильного союзника, Войска Запорожского, которое, надо заметить, вообще оставалось союзником и не участвуя в набегах к Босфору. С учетом предшествующей роли, которую играло в Босфорской войне Запорожье — ее зачинатель, первоначальный организатор и гораздо более многочисленный участник, становятся понятными последствия такого развития событий для хода войны в целом, для мощи, разрушительности и регулярности ударов по Босфору.

Тем более что в 1640-х гг. Войско Донское оказалось в критическом положении. Великая Азовская эпопея привела к гибели подавляющей части донского флота, а также к уничтожению леса, приготовленного для строительства судов (Мустафа Найма замечал, что при осаде Азова турки это «заготовленное... дерево и предместья, которые были такими же деревянными, совсем сожгли... иначе казаки, сделав двести либо триста чаек... пришли бы на море и ограбили прибрежные края»).

Но самое трагическое для донцов заключалось в безвозвратной потере огромного числа товарищей. При взятии Азова в 1637 г. погибли 1,1 тыс. казаков из 5,5 тыс. участвовавших в штурме, т.е. пятая часть. В осадном сидении 1641 г., согласно сведениям Войска Донского, из 5367 казаков было полностью потеряно 3 тыс., или 56 % оборонявшихся; остальные оказались «все переранены», «увечные», неспособные к «промыслам и бою». Если считают, чтов 1638 г. донцов-воинов насчитывалось около 10 тыс., а после 1641 г. 4 тыс., то, следовательно, за время Азовской эпопеи Войско Донское утратило 60 % своего боевого состава. Главнейшее участие в этой эпопее принимали низовые казаки, составлявшие основу донского флота, и их потери оказались, соответственно, очень большими, что затем не могло не сказаться на военно-морских действиях казачества[34].

Приток беглых людей на Дон не мог немедленно исправить положение, так как, во-первых, он стал многочисленным только с конца 1650-х гг., а во-вторых, это была вовсе не адекватная замена. Пришлые не имели никакого морского опыта, и теперь, с сокращением выходов казачьего флота за пределы Азовского моря, приобрести новые навыки стало для новоявленных казаков затруднительно.

Воспользовавшись резким ослаблением Войска, Турция попыталась выбить казаков с Нижнего Дона, служившего исходным пунктом морских набегов. В 1643 г. «Главное войско», «сбитое с куреней» на Монастырском острове, было вынуждено отступить в Раздоры, и при этом, как отмечает П.П. Сахаров, «пал цвет старожилого казачества». В 1644 г. казакам удалось вернуться на Нижний Дон, восстановив «Главное войско» в Черкасске, но все это делалось на пределе сил, которые далее продолжали заметно истощаться в боях второй половины 1640-х гг.

Ослабевшее Войско Донское оказалось вынужденным обращаться за непосредственной военной помощью к Московскому государству, которое в 1646 и 1648 гг. впервые посылало на Дон свои воинские подразделения. С этого времени началось «все прогрессирующее подчинение» Войска царскому правительству. А оно, видя своего главного противника на западе в лице Польши, как и в предшествовавшие десятилетия, не желало осложнений на юге и потому пыталось мешать осуществлению казачьих морских походов, тем более к Стамбулу.

Донцов подстерегала еще одна беда «естественного» свойства. Казачьи морские суда имели в своем основании так называемую струговую трубу — цельнодеревое днище в виде выдолбленного ствола дерева, и уже к трубе с боков прибивались оши-вины. От размера трубы зависели длина судна и другие главныеразмерения. Для черноморских походов требовались большие струги и, соответственно, огромные, редко встречавшиеся, вековые деревья, которых к середине XVII в. на землях собственно Дона уже не находили. В поисках подходящих деревьев казакам приходилось ездить на Северский Донец и покупать трубы у русских торговых людей.

Войску Донскому пришлось просить трубы у Москвы. Хотя Ю.П. Тушин утверждает, что они нередко включались в царское жалованье казакам, в действительности московское правительство присылало трубы на Дон лишь три раза — 25 штук в 1673 г. и по 10 в 1692 и 1693 гг., т.е. во всех случаях уже после завершения Босфорской войны. Строительство казачьих больших морских стругов постепенно сокращалось, что наносило ощутимый ущерб донскому мореходству.

Это было тем более печально для казаков, что с 1640-х гг. они наблюдали усиление османского флота и на протяжении второй половины XVII в. не имели возможности угнаться за Турцией в развитии технических средств военно-морских сил[35]. Как уже говорилось, историки поразному оценивают тогдашнее состояние и силу османского флота, но для ослабевшего Войска Донского он стал гораздо более страшным врагом, чем раньше, и вместе с армией получил значительно большие возможности предотвратить широкомасштабные действия казаков против Анатолии.

В литературе указывается на «наличие определенных моментов стабилизации османского военно-феодального режима» в названное время, что и «позволило Порте... с 40-х годов XVII в. возобновить наступательные действия». В период Кандинской войны с Венецией 1645—1669 гг., отмечает «Всеобщая история о мореходстве», «турецкая морская сила столь была велика, что до того времени не бывало таковой», и венецианцы «теряли всегда много, хотя и гораздо менее, нежели неприятели, и ни одной победы не одерживали, которая бы не стоила им многих судов и солдат». Правда, во второй половине 1650-х и начале 1660-х гг. османский флот сильно ослаб, понеся особо тяжелые потери в сражении с венецианцами у входа в Дарданеллы в 1656 г. (81 корабль из 100), однако с середины 1660-х гг. опять усилился постройкой нескольких десятков галер.

Устояв перед османским натиском и воспользовавшись помощью Москвы и отвлечением сил и средств Турции на тяжелую и затяжную Кандийскую войну, донские казаки в 1650-х гг. заметно оправились. По мнению Н.А. Мининкова, в целом за это десятилетие Войско Донское не только восстановило свою боевую мощь и отбило наступление турок, но и стало совершать морские походы, по своим масштабам напоминавшие походы 1620-х гг.; Дон вновь стал играть роль значительной антиосманской силы[36]. Набеги казаков к Босфору 1651—1659 гг. подтверждают это мнение, хотя и уступают походам третьего десятилетия XVII в.

Однако в тех же 1650-х гг., а именно в 1656 г., произошли два события — одно у Азова, а другое в Стамбуле, которые самым существенным образом повлияли на ход казачьей морской войны и операции казаков на босфорском направлении.

В указанном году донцы вместе с запорожцами под руководством донского войскового атамана Н. Васильева попытались штурмом вновь взять Азов и тем «опростать» (очистить) выход в море, но потерпели сокрушительную неудачу. Из более чем 3 тыс. участников штурма, по сведениям находившегося тогда в Черкасске русского дворянина Савостьяна Протасьева, в ходе предпринятой турками неожиданной вылазки погибло около полутора тысяч, а 900 человек попали в плен. В руках неприятеля оказался и второй руководитель походного войска, бывший войсковой атаман, «знатный старшина» П. Федоров, которого, как сообщали русские послы в Крыму, азовцы казнили, «а голову его в Крым привезли, а из Крыму тое голову послали в Царьгород к турскому салтану».

Г.А. Санин полагает, что «казаки понесли небывалые потери. Ни в одном из походов столь значительных жертв не было. Войско Донское оказалось значительно ослабленным, и опасность вторжения неприятеля на территорию самих казаков резко возросла». Правда, В.Д. Сухорукое, исходя из соотношения численности азовского гарнизона и приступавших, сомневается в верности сообщения С. Протасьева. Вопрос этот до сих пор остается открытым, но в значительности тогдашних казачьих потерь, возможно, и меньших, чем у московского информатора, сомневаться не приходится, как и в том, что неудачный штурм унес в могилу вместе с руководителем многих морских экспедиций П. Федоровым и большое число других казаков-мореходов, и это после катастрофических потерь профессионалов морской войны в предшествовавшее время.

В том же 1656 г. в Турции начался знаменитый «период Кёп -рюлю» — время правления получивших огромную власть великих везиров Кёпрюлю Мехмед-паши и его сына Кёпрюлю Фазыла Ахмед-паши, которые рядом сильных реформ «обновили» Османское государство.

Материальные, военные, людские, финансовые и прочие ресурсы громадной империи были несопоставимо велики в сравнении с возможностями донского сообщества, и огромной угрозой для казаков являлось бы установление элементарного порядка в Турции и более разумное и целенапраштенное, чем прежде, использование названных ресурсов. И как раз этим занялись Кёпрюлю. В 1656—1676 гг. они упрочили совершенно расшатанную центральную власть, упорядочили государственный аппарат, привели в порядок финансы, но первое, что сделали, — укрепили флот, а за ним и армию. В результате Турция, которую многие наблюдатели уже обрекали на скорую гибель, не только сохранила свои границы, но и расширила их, завоевав в 1669 г. у Венеции Крит и в 1672 г. у Польши Подолье.

Действия донского флота 1650-хгг., в том числе не в последнюю очередь у Босфора, и, очевидно, набег на сам пролив 1654 г. подтолкнули Кёпрюлю Мехмед-пашу к необходимости предпринять решительные и эффективные меры по ликвидации казачьей угрозы. Усиление обороны Босфора он, несомненно, рассматривал как полумеру и выбрал более действенный вариант — закрытие устья Дона.

Сразу по возвращении Азова, отмечал К. Крюйс, султан не замедлил «не токмо опустошенное и разваленное паки исправить, но и новыми укреплениями по новому образцу крепостного строения укрепить». Крепость была снабжена большим гарнизоном и мощной артиллерией и затем продолжала укрепляться на протяжении многих лет. Однако этого даже в сочетании с турецким наступлением и крымскими нападениями на казачьи городки оказалось недостаточно, и надежды на то, что, как выражался в 1649 г. Ислам-Гирей III, «враги — да отправятся они в ад — испугаются и воздержатся от набегов» на морское побережье, не оправдались. Тогда, чтобы «з Дону на море стругов никаких не пропустить и тем струговой ход отнять», великий везир решил построить в донской дельте дополнительные и сильные укрепления, способные закрыть главные рукава реки[37].

В июне 1660 г., на следующий год после последнего казачьего похода к Босфору, рассказывал атаман донской станицы в Москве, «ис Царягорода морем под Азов пришло с ратными людьми и со всякими запасы и снарядом 33 катарги, а на них воинских людей з девять тысячь». Туда же прислали около 10 тыс. «работных людей — венгров и волох, и мутьян» и подошли примерно 40 тыс. татар и черкесов во главе с крымским ханом Мухаммед-Гиреем IV. В течение полутора месяцев прибывшие построили выше Азова три прочных каменных укрепления, которые были снабжены значительной артиллерией и гарнизонами из испытанных воинов.

Две башни — Шахи (Султанская башня) и Султанийе (Башня султанши), вместе называвшиеся у турок Сед-Исламом (Щитом Ислама), а у казаков Каланчами, — расположились по обе стороны главного рукава Дона, выше отделения от него второго важнейшего рукава Каланчи. Форт, также получивший название Сед-Ислам (Донецкий городок, Лютин, Лютик), разместился на берегу третьего из самых важных донских рукавов — Мертвого Донца[38].

Казаки из-за недостатка сил не смогли помешать строительству новых укреплений. «А как... делали крепости, — говорил Л. Семенов, — и они (донцы. — *В. К.)* ходили на них для языков трижды; а крепостей... делать мешать было им некем, потому что у них в Войске было малолюдно (в Черкасске всего "с 3000 человек". — *В.К.),* и опасались от них на себя приходу...» Крымцы для отвлечения внимания от сооружавшихся укреплений нападали на низовые городки и их «стада конские и животинные... все отогнали». Попытки донцов овладеть укреплениями в 1660—1670-х гг. не увенчались успехом, даже несмотря на помощь московских войск: не было тяжелой осадной артиллерии, а расположение крепостей низко к воде не давало возможности провести подкопы и взрывами проделать проходы в стенах.

Хотя Войско Запорожское понесло в ходе войны 1648— 1654 гг. значительные потери и затем было вовлечено во внутриукраинскую борьбу и войну на суше, османские власти все же опасались возможного возобновления военно-морской активности запорожцев, и Кёпрюлю в том же 1660 г. в дополнение к системе уже существовавших турецких укреплений на Нижнем Днепре построил там еще одно — Тоган Гечиди (Замок Соколиного Брода).

Из османских войск, прибывших в дельту Дона, был усилен гарнизон Азова. В 1665 г. у города поставили дополнительные каменные укрепления, а в 1670-х гг. он был укреплен еше больше и, по словам Готлиба Зигфрида Байера, «приведен... в такое состояние, в каком нашла оной Россия в 1695 году».

Меры, принятые Кёпрюлю в донской дельте, оказались для казаков судьбоносными. «Благодарение Богу, — писал в 1666 г. Эвлия Челеби, —... на берегу реки... построены... две славные крепости... и проклятым лодкам казаков стало невозможно вый-ти в Черное море». То же отмечали и европейские современники. Ж. Шарден, не совсем верно описав эти крепости под 1672 г., тем не менее справедливо замечал, что теперь в отличие от прежнего времени выход из Дона в Азовское море «закрыт для больших судов». В донесении одного из европейских представителей в Польше 1684 г. читаем, что если раньше казаки разоряли «турецкие города и поселки», то ныне «берега обеих рек, днепровские и донские, вооружены... крепостями и преграждаются от казацких нападений».

Собственно, немало свидетельств о сложившемся принципиально новом положении, о «сидении взаперти» оставили и сами донские казаки-современники. «Весно (известно. — *В.К.)* тебе, великому государю, — писало Войско Донское царю Алексею Михайловичу в 1666 г., — давно на море не ходим, морской ход у нас... отнят, и добычи нам... ниоткуда нет». Донцы жаловались, что «им учала быть скудость большая, на Черное море проходить им немочно, учинены от турских людей крепости». В свое время В.Д. Сухорукое, знакомый с такими оценками, очевидно, посчитал их преувеличенными. По его мнению, «все эти преграды (турецкие. — *В.К.)* не в состоянии были удержать казаков от любимого ими плавания по Азовскому и Черному морям». «Построение на Дону и на Мертвом Донце крепостей не принесло туркам и татарам тех выгод, каких они от этого ожи -дали. Казаки по-прежнему врывались в Азовское и Черное моря посредством реки Миуса и прокопанного ими Казачьего ерика...» Ту же мысль находим и у Н.И. Краснова: «Построив эти крепости, мусульмане надеялись, что заградят козакам путь в Азовское море, но весьма ошиблись...»

Конечно, в жалобах казаков имело место некоторое преувеличение тяжести их материального положения. Речь шла о необходимости увеличения царского жалованья, и донцы, что называется, прибеднялись — на это они вообще были мастера, что и отмечено историками. Но, без сомнения, прибеднялись не слишком сильно, о чем свидетельствует вскоре разразившийся разинский социально-политический катаклизм.

Сам В.Д. Сухоруков рассказывает о случаях, когда донцам не удавалось выходить в море по Казачьему ерику[39]. Последний вытекал из Дона выше Каланчинских башен и впадал в Каланчу ниже новых сооружений, и казаки могли обходить и Каланчи, и Азов: не доходя до Каланчей, суда попадали в Каланчу, не имевшую укреплений, и шли по ней в море. Но путь по Казачьему ерику представлял значительные сложности. Это был, в сущности, небольшой мелководный «ручей», который азовцы сравнительно легко перекрывали, засыпая его землей и камнями и сооружая там шанцы с артиллерией и солдатами. Казакам приходилось углублять ерик, прибегать к волоку и прорываться с боями.

Путь по Миусу также не мог заменить прежних путей, поскольку донцам нужно было из Черкасска подниматься вверх по Дону и затем по Северскому Донцу, из которого мелководными речками и с применением волока попадать в Миус, а уже из него в море.

Факты показывают, что Турции все-таки удалось перекрыть главные судоходные протоки Дона, прежде использовавшиеся казаками в азовских, черноморских и босфорских экспедициях. Новые пути выхода в море оказались более сложными и тяжелыми, в миусском варианте гораздо более длинными, в «еринском» варианте более опасными и во всех случаях мелководными.

Вследствие этого Войску Донскому теперь часто приходилось прибегать к отправке в море небольших отрядов и преимущественно малых судов, плохо пригодных для больших черноморских плаваний. Донцы продолжали вырываться в море, но в ближайшие после построения Каланчей и Лютика годы прекратили походы к побережью Малой Азии и стали редко действовать даже у северных берегов Черного моря; операции теперь охватывали почти одно Азовское море. После 1660 г. не состоялось ни единого донского набега к Босфору и тем более на Босфор.

Усиление московского наступления, крайне тяжелые условия развития на Дону сельского хозяйства и промыслов, обусловленные непрестанными набегами неприятелей, и падение доходности военного дела в сочетании с увеличением числа беглых, прибывавших на Дон, социальное расслоение казачества и другие причины вызвали восстание С. Разина. В 1667—1671 гг. Войско Донское вовсе не осуществляло никаких военных действий против Турции и Крыма.

Рассмотренные нами обстоятельства вели к значительному ослаблению силы казачьего флота, потере многими казаками прежних навыков мореходства, особенно большого черноморского, и к существенным утратам в когда-то замечательной военно-морской тактике.

После жестокого подавления разинского восстания в 1671 г. донские казаки впервые принесли присягу на верность царю иего наследникам. Московское правительство, находившееся в 1600—1660-х гг. в войнах и конфликтах с Польшей и потому желавшее мирных отношений с Турцией, как мы отмечали, пыталось ограничить черноморские походы казаков. Оно требовало от них, по их мнению, совершенно невозможного: с татарами воевать, а с их властителями Турцией и Крымом — нет; с Крымом воевать, а его сюзерена Турцию «не задирать»; Каланчи воевать, а на Азов, частью оборонительной системы которого они являлись, не нападать, и т.п. С русско-польского Андрусовского перемирия 1667 г. отношения Москвы со Стамбулом стали резко обостряться, пока дело не дошло до русско-турецкой войны 1677—1681 гг., за которой последовала и война 1686—1700 гг., когда правительству потребовались действия казаков против Османской империи.

Они совершили ряд успешных походов, в том числе и на Черное море, правда, не далее его северного побережья. Может быть, при сильной материальной поддержке Российского государства еще возможно было организовать и дальние набеги к Босфору, однако ни в Москве, ни у самих казаков такая идея, насколько известно, уже не возникала.

3. «Великая скудость живностей»

Казачья война против Стамбула велась даже в то время, когда ни запорожцы, ни донцы не совершали набеги на Босфор или к Босфору, и продолжалась по окончании собственно Босфорской войны. Дело в том, что, действуя и на большом удалении от османской столицы, казаки наносили ей хотя и не прямой, но громадный экономический вред.

Стамбул чрезвычайно зависел от подвоза продовольствия и иных грузов с Черного моря, о чем сохранились многочисленные свидетельства современных наблюдателей. П. делла Балле в 1618г. отмечал, что «это море снабжает его (город. — *В.К.)* зерном, хлебом, маслом, кожами, всем лесом, который необходим им (туркам. — *В.К.) для* отопления, для постройки их домов, их судов, и тысячей других подобных продуктов». В 1634 г. Э. Дортелли, перечисляя предметы черноморского ввоза в Стамбул, упоминал пшеницу из придунайской Руме-лии, масло из Тамани, рыбу из Азова, Керчи и Кафы, икру из Темрюка и Азова, соль и кожи из Крыма, рабов из Крыма и с кавказского побережья.

Главными предметами вывоза из Кафы были рабы, рыба, икра, соль, пшеница, ячмень, просо, масло и вино; кроме того, вывозилось много шерсти, шкур ягнят, бараньих кож, говяжьего мяса, сала, нефти, меда, воска и др. Соляные озера у Керчи и Гёзлева снабжали Стамбул и все черноморское побережье столовой и поваренной солью. Азов вывозил главным образом рыбу, икру, кожи и рабов. Ведущие потоки черноморских товаров направлялись в сторону Стамбула, но часть их следовала затем в османские провинции и за границу: рыба — в Венецию, икра — на острова Архипелага, кожи — в Италию, Фландрию, Англию и Францию и т.д.

Значение Черноморского региона для жизнеобеспечения османской столицы и всей империи не упало и к концу XVII— началу XVIII в. Посол Е. Украинцев писал Петру I в 1699 г., что в

Стамбул «многий хлеб и масло коровье, и хороменный лес, и дрова привозят с Черного моря из-под дунайских городов — из Браилова и Измаила, из Галации и из Килии, из Белогородчи-ны (района Аккермана. — *В. К.)* и из Очакова, и из Крыму — из Балаклавы и из Кафы, и из анатолийских городов, а масло коровье из Кубанской орды...» По сообщению другого посла в Турции, П. Толстого, в столицу с Черного моря завозили пшеницу, ячмень, овес, коровье масло, сало, коноплю, мед, сыр, соленое мясо, кожу, воск и шерсть.

Стамбульский морской арсенал Касымпашав XVII в. снабжался лесом из Причерноморья, железом из придунайских районов, медью из Анатолии, пенькой из Синопа и Трабзона, салом из Кафы и Варны. Лучшим корабельным лесом считался синопский. Османский автор XVII в. Хюсейн Хезарфен справедливо замечал, что в империи «добывают с черноморских гор такое большое количество леса для строительства домов и кораблей, что турки могут легче любого другого народа в очень короткое время снарядить могучий флот». Важное для стамбульского кораблестроения и османского флота судовое снаряжение и парусное пеньковое полотно поступали из Самсуна, славившегося местной коноплей. Знаменитый мелкий белый песок для корабельных и прочих часов добывался у Азова.

Канадский историк К.М. Кортепетер на основании турецких и западноевропейских материалов составил таблицу предметов экспорта черноморского побережья в XVII в. Приводим далее ее данные, видоизменив рубрики и порядок их расположения[40].

Значительная масса названных товаров перевозилась на судах через Босфорский пролив, который представлял собой очень важную, мощную и весьма загруженную транспортную артерию. Достаточно сказать, что генуэзский резидент в Стамбуле граф Синибальди Фиэски в начале] 670-х гг. «однажды вздумал сосчитать суда, проходившие перед его домом (на Босфоре. — *В. К.)* от полудня до захода солнца, и насчитал около 1300».

Предметы экспорта	Северное Причерноморье и Крым	Кавказ	Балканы	Малая
Продоволь ствие	Просо, пшеница, масло, сыр. соленая рыба, икра, оливковое масло, вино, фрукты, овощи, мед	Просо, рис, пшеница, масло, сыр рыба, вино, инжир, лесные орехи, мед, чай (?)	Ячмень, пшеница, рожь, рис, сушеная и соленая рыба, баранина, говядина, козлятина, вино, изюм, мед	Пшеница, рис, сушеная рыба, масло, сыр, фрукты. вино, гранатовый сок, орехи, овощи, специи
Животные	Кавалерий-ские лошади	Соколы	Упряжные и кавале-рийские лошади	Упряжные и кавале-рийские лошади, рогатый скот, ослы, верблюды
Волокно, меха, кожи, воск, жир	Шерсть, лен, пушнина, кожи, воск, жир	Пушнина, кожи, шерсть, хлопок, лен, шелк, воск	Кожи, пушнина, шерсть, воск, жир	Шерсть, хлопок, лен, шелк, кожи, жир
Металлы,	Соль	Нефть,	Железо,	Серебро,

минералы, химикалии		серебро, железо, золото, сурьма, свинец, красители, квасцы	золото, серебро, медь, свинец	медь, свинец, железо, селитра
Лесоматериалы, стройматериалы		Самшит	Дрова, древесный уголь, строевой строительный камень	Самшит, дуб, древесина грецкого ореха, платан, ель, древесный уголь
Готовые изделия		Металлоизделия, ковры	Суда, ткани, металлоизделия	Ковры, ткани, металлоизделия, суда
Рабы	От набегов	Главным образом от торговли	От («кровного налога»)	Специально отобранные, отдевширме.

Многие современники полагали, что подвоз продовольствия с Черного моря был для Стамбула важнее средиземноморского привоза. К. Збараский, ездивший послом в Турцию, в отчете сейму 1624 г. сообщал: «Из-за опустошения (разорения страны от безвластия, разбоев солдат и т.п. — *В.К.)...* земля почти не обрабатывается, мало сеют в окрестностях Константинополя. Все продовольствие для него доставляется по Черному морю и совсем немного (только рис и овощи из Египта) по Белому, но на всех этого не хватает».

Е. Украинцев писал царю, что если «запереть» Черное море, то «в Царьграде будет голод», ибо «с Белого моря только приходит пшено сарацинское (рис. — *В.К.),* сахар, кофе, бобы, горох, конопляное семя и сочевица, а иных хлебных запасов не приходит. Да и около... Царьграда и далее в иных местах хлебау них родится мало...» Иерусалимский патриарх Досифей, в свою очередь, в письме Е. Украинцеву замечал, что турки опасаются, как бы не вышло много русских кораблей и «не пошли бы в разные места Черного моря восточныя и западныя в загоны, и будет оттого причина, что не будут приходить в Царьград хлебные запасы и будут препону иметь службы их восточныя и западныя великия и многая, и неначаянныя зла могут случиться от сего туркам, а наипаче смущения и мятежи, и трудности во всячине».

Е. Украинцеву и Досифею позже вторил и П. Толстой. Перечислив ввозившиеся в столицу черноморские товары, он замечал, что «ежели того с Черного моря не будет хотя един год, оголодает Константинополь».

Положение имперского центра усугублялось во время войн с Венецией, когда, как выражались современники-доминиканцы Мариоди Сан-Джованни и Антониоди Сан-Назаро, подвоз съестных припасов в Стамбул становился «возможен только с этого (Черного. — *В. К.)* моря и ни с какой другой стороны». В 1646 г. венецианцы «одолели» несколько судов, шедших в столицу с запасами из Архипелага, вследствие чего «в Царегороде великая смута востала». Венецианская блокада летом 1656 г. вызвала дороговизну в Стамбуле и резкое недовольство его жителей.

Именно последнего, подчеркивает один из тюркологов, «султаны всегда боялись и поэтому заботились о том, чтобы население Стамбула не знало недостатка в продовольствии». С XVI в. строго регламентировались качество хлеба, который мог продаваться только свежим, цены на хлеб и мясо, сама торговля продовольствием и т.п.

После сказанного можно в общем понять, какую роль играли военно-морские действия казаков в подрыве снабжения турецкой столицы. Но, к сожалению, нет возможности воспользоваться какими-либо цифровыми данными, которые характеризовали бы ущерб, понесенный Стамбулом от запорожских и донских набегов. Приходится прибегать только к свидетельствам

сведущих и авторитетных современников. Они же единодушно оценивают этот урон как чрезвычайно большой.

К. Збараский указывал, что когда во время Хотинской войны 1621 г. и активных морских операций казаков Черное море и Дунай оказались закрыты для торговли, а на Средиземном море хозяйничали флорентийские и испанские галеры и «не было никакого подвоза продовольствия по морю», то крайне осложнилось продовольственное положение Стамбула: «Хлеб был столь дорог, что люди погибали от голода...» Папа римский Урбан VIII в инструкции своему нунцию в Польше в 1622 г. отмечал, что казаки уже не однажды умели «морить голодом» столицу Османского государства.

Об особом недовольстве турок тем, что казаки мешают подвозу провизии в Стамбул, писал Т. Роу. 3 мая 1623 г. он доносил в Лондон о многих убытках, понесенных в результате закрытия из-за казаков столичного порта, и о том, что «на защиту торговли» имперский флот вынужден отправить часть галер, а 30 мая извещал Д. Карлтона, что из-за тех же казаков продовольственное снабжение Стамбула «очень расстроено». Когда упомянутые выше М. ди Сан-Джованни и А. ди Сан-Назаро, говоря о времени Кандинской войны или более раннем периоде, констатировали, что казачьи чайки легко запирали вход судам в Босфор, «к великому страху турок», то имелся в виду прежде всего страх перед возможным голодом.

В 1680 г. русский священник Тимофей в письме из Стамбула в Москву излагал мнение иерусалимского и константинопольского патриархов, что царю Алексею Михайловичу следовало бы не воевать на Украине, а овладеть Крымом и Азовом и пустить по морю донских казаков для разорения турецких земель и непропуска запасов в Стамбул. В письме указывалось, что османы сильно боятся русских, поскольку не имеют ни казны, ни войска, и что «крепко дивятся все», почему царское величество не бьется с ослабевшими турками. А представитель Венеции в Стамбуле, вернувшийся в июле 1684 г. на родину, рассказывал «о великом тамошнем смятении великой ради скудости живностей, и зоне (потому что. — *В.К.)* от стороны Черного моря, от казаков множество осажены; а когда б к ним из Белого моря 60 чайки (шаик. — *В. К.)* не пришли с запасом, то б голод великой терпети».

В 1680— 1690-х гг. в Западной Европе не раз отмечали урон, который казачьи действия на Черном море наносили подвозу продовольствия в столицу Турции.

В связи с изложенным довольно странно видеть явную недооценку воздействия набегов казаков на положение Стамбула и империи у такого блестящего знатока истории османской столицы второй половины XVII в., как Р. Мантран. Мы уже говорили во введении, что, по мнению этого историка, казаки больше угрожали Крыму, чем Турции, и что их первое появление на Босфоре, датируемое к тому же неверно, вызвало только «неко-торое волнение». Р. Мантран считает, что при этом и причинили они лишь «известные убытки» (впрочем, «многим селениям»). Причину такой недооценки приходится видеть в том, что наиболее значительные казачьи набеги на Босфор и Анатолию осуществлялись за пределами любимого времени историка, а само это излюбленное время являлось периодом «угасания» и затем полного прекращения казачьих походов на Босфор и Анатолию[41].

Ущерб, причинявшийся казаками Стамбулу, не следует понимать только в узком смысле. Речь должна идти не об одних казачьих набегах на Босфор, вследствие которых происходило его прямое блокирование, или о вызывавшем такой же результат присутствии запорожских и донских судов перед Босфором, поблизости от его устья. Мы должны иметь в виду и нападения казаков на турецкие суда вообще в Азово-Черноморском бассейне, даже в отдаленных от Стамбула районах.

Можно привести несколько примеров подобных нападений, в том числе и перехватов грузов, предназначавшихся для столицы, хотя далеко не все такие случаи отложились в источниках. Уже излагалисьжштоба крымцев, сообщенная Т. Роу 1 мая 1624 г., о взятии казаками многих судов с провизией для Стамбула и известие 1651 г. о захвате донцами в одном из районов Черного моря трех торговых судов, которые везли в столицу пшеницу и орехи. Атаман донской станицы Федор Прокофьев 26 сентября 1662 г. рассказывал в Посольском приказе в Москве, что казаки «взяли на море карабль, а шол тот карабль ис Кафы в Царьгород со пшеницею и с ясырем... а тою... пшеницею (донцы. — *В.К.)...* кормились, варили и ели»[42].

Дело доходило до того, что из-за активных действий казаков крымский хан иногда не мог переправить в Стамбул регулярные подношения султану, великому везиру и другим высшим сановникам государства. Бахадыр-Гирей I в письме второму адмиралу империи Узуну Пияле-паше в Очаков, датируемом, по-видимому, летом 1639 г., приносил извинения за то, что не смог послать подарки падишаху в связи с присутствием казачьих судов на море, и просил прислать два или три

корабля османского флота, чтобы «поохотиться за казачьими чайками». Адмирал отвечал, что такое решение может быть принято только с позволения султана и капудан-паши.

Тем временем хан писал и великому везиру: «В соответствии с обычаями Чингизидов мы приготовили вам наши подарки и подношения, но между тем чайки казаков из Озю появились и проникли в гавани вплоть до пристаней. Мы сообщили вам через вашего слугу, нашего кетхуду Осман-агу, что нас охватили страх и растерянность и что мы ждали прибытия имперского флота, несущего победу. [За отсутствием такового] мы попросили прислать, по крайней мере, одну или две галеры, которых хватило бы, чтобы обеспечить перевозку подарков».

Перехват казаками судов, шедших с солдатами, боеприпасами и продовольствием в обратном направлении, из Стамбула и других портов Малой Азии в города и крепости Северного Причерноморья, косвенно в конечном счете также оказывал влияние на положение столицы и всего государства, так как ослаблял боеспособность османских сил и их возможности остановить выход казаков в море[43].

Еще большее воздействие на Стамбул производили непрестанные налеты казаков на черноморские порты, из которых в турецкую столицу доставлялись различные товары. Впечатляющую картину разрушений и страха в этих портах рисовал Эвлия Челеби в описании всех своих путешествий по побережью. Что касается Румелии, то он писал о сожжении казаками Балчика, о размещении «всех зданий» Каварны «близ горы» из-за страха перед казаками, о проживании торговцев Мангалии с ее большой пристанью, через которую «отправляют зерно в Царьград», в прочных домах, «поскольку... боятся казаков», о Кюстенджи, которая из-за того, что «находится на морском побережье», «не слишком богата и хороша, так как много раз подвергалась нападению, разорению и сожжению со стороны казаков», и т.д.

Припомним заявление П. делла Балле о том, что на Черном море уже нет мест, которые не попадали бы в руки казаков. Эта констатация относится к 1618 г., и еще предстояли казачьи действия 1620-х гг., сопровождавшиеся особенно большими убытками Турции.

Военно-морские операции Запорожской Сечи и Войска Донского разрушали внутреннюю торговлю Османской империи с крайне негативными последствиями для Стамбула. Турецкие требования к странам, поощрявшим, по мнению султанского правительства, казачьи действия, о прекращении урона черноморской торговле становятся постоянными с середины XVI в. Еще в 1585 г. турецкий сановник Осман-паша, беседуя с русским послом Борисом Благово в Кастамону (южнее Инебо-лу), требовал, чтобы московский царь, если он хочет дружбы султана, «с Дону от Азова казаков велел свести, чтоб... от донских бы казаков... Азову и на море торговым людем шкоты и тес-ноты никоторые не было». Результат этих «шкод» был самым разнообразным и подчас важным не только в экономическом, но и в политическом отношении, о чем скажем в главе XII.

На продовольственном и вообще экономическом положении Стамбула сказывались и дезорганизация, сокращение и даже прекращение турецкого торгового судоходства во время активных казачьих действий на море. Временами черноморское судоходство совершалось «только тайком, украдкой»: капитаны судов старались прижиматься к берегу, совершать лишь быстрые короткие переходы или просто не выходить в море. П. делла Балле в 1618 г. свидетельствовал, что «турецкие карамюрсели и другие их торговые суда почти не осмеливались этим летом плавать по морю».

Из-за казачьих набегов страдало и сельское хозяйство приморских областей, что, естественно, ухудшало снабжение продовольствием городов. К примеру, Эвлия Челеби, путешествуя в 1640 г. от Синопа к Самсуну и прибыв к устью реки Кызыл -Ирмака, отметил, что там «нет поблизости села, которое было бы возделано, из-за страха перед казаками».

Если верить этому автору, то четверть века спустя, в 1666 г., он слышал от волжских татар просьбы об усилении борьбы Турции против Москвы, казаков и калмыков с таким обоснованием последующих выгод: «Избавьте Азов и Крым от мучений, [претерпеваемых ими] от казаков и калмыков. И тогда мы заставим поток сала течь через Черное море [прямо] в ваш Стамбул. И каждый год мы станем отправлять несколько сотен тысяч баранов, а также сало на кухню цезаря-падишаха».

Надо заметить, что особый урон столице и всей Османской империи наносила борьба казаков с Азовом. По словам Ш. Ле-мерсье-Келькеже, в XVI в. «любая угроза, направленная против Азова, немедленно отражалась на продовольственном положении Стамбула, особенно в период крайнего недостатка в продовольствии, а также во время голода... поскольку Азов был портом довольно значительного сельскохозяйственного района, снабжавшего Стамбул

продовольствием. Эта территория в значительной степени была поставщиком зерновых культур (зерновой хлеб, ячмень), сухих овощей, растительного масла...»

В следующем веке в связи с казачьим натиском экономическое значение Азова для Османского государства резко уменьшилось, хотя он по-прежнему оставался «любимой вотчиной»[44] и «рыбнымдвором» султана. Азовское море, чрезвычайно обильное ценной рыбой, первое в мире по рыбным запасам (на единицу площади и объема воды), у турок так и называлось — Ба-лук-Денгизи (Рыбное море). Азов оказался единственным городом в Кафинском эйялете, имевшим специальное правительственное постановление о рыбе и рыбопродуктах: государство установило свою монополию на осетровых. Казачьи удары по Азову, нарушавшие снабжение красной рыбой и икрой Стамбула и империи, воспринимались турецкими властями крайне болезненно, а первые известные на сегодня выходы донских казаков в Азовское море связаны как раз с нападениями на азовских рыбаков.

«Хюсейн, эмин (управляющий. — *В.К.)* по снабжению империи продовольствием в богохранимой Кефе (Кафе. — *В.К.),* — говорилось в имперском приказе Сулеймана I крымскому хану Девлет-Гирею I от 2 июля 1552 г., — только что прислал письмо к моим стопам, убежищу блаженства, в котором он сообщает, что русы из края войны приходят во время лова рыбы имперскими сетями, находящимися в Азаке (Азове. — *В.К.),* уводят в плен рыбаков и захватывают сети и пойманную рыбу. Таким образом, своими действиями они наносят большой ущерб доходам фиска». Султан далее повелевал ввести в действие целую систему мер борьбы с казаками в районе Азова и на Азовском море.

В 1637—1642 гг., как известно, донцы не только владели Азовом, но и держали под полным контролем Азовское море. Экономический урон, понесенный вследствие этого Стамбулом и в целом империей, был колоссальным. «Поэтическая» азовская повесть приписывает турецкому «янычарскому голове» следующую оценку событий того времени: «Затворили вы тем Азо-вом-городом все море Синее: не дадите проходу по морю ни кораблем, ни катаргам царевым (султанским. — *В.К.)* ни в которые поморския городы».

Затронутые выше сюжеты «непрямого» воздействия казачьей морской войны на Стамбул вообще требуют подробного рассмотрения, но находятся за непосредственными рамками нашей темы. Однако не сказать о них хотя бы вкратце было бы неверно: эта война оказывала весьма значительное негативное влияние на экономическое положение османской столицы и многих других городов и районов, которые не раз прямо или косвенно попадали в казачье «затворение».

Сделаем выводы:

1. В 1650-х гг. Войско Донское осуществило последние операции Босфорской войны. В 1651 г. был совершен набег на ази-атскую часть Прибосфорского района, в 1652 г. — на европейскую часть того *же* района с возможным заходом казачьей флотилии в Босфор. В 1654 г. состоялось последнее известное нападение казаков на поселения самого пролива, а в 1659 г. — последний известный казачий поход в Прибосфорский район. Все эти операции завершились успехом донцов.

2. Босфорская война, нанесшая громадный урон Османскому государству и державшая в страхе его столицу, прошла несколько этапов, оказалась весьма продолжительной и захватила около полу века, с 1613 по 1659 г. Но, кроме того, до 1676 г. еще обсуждалась возможность нанесения казаками новых ударов по Босфору и Стамбулу, а Турция ожидала возобновления этих нападений.

3. Босфорская война, постепенно «затухая», закончилась словно сама собой, без какого-либо переломного события. Войну завершили, как и начинали, казаки, и произошло это по многим причинам. Отношения с Речью Посполитой вывели из войны Запорожскую Сечь, а Войско Донское, продолжавшее войну, с трудом, понеся огромные потери, вышло из критического положения, в которое его поставило наступление Турции на Дону. Негативно сказалось и сокращение донского судостроения. С 1656 г. у власти в Турции оказались сильные правители Кёп-рюлю, которые смогли укрепить османский режим. В 1660 г., построив три дополнительные крепости, турки сумели закрыть главные судоходные рукава Дона, вследствие чего казакам стало крайне трудно выводить в море большие струги, способные осуществлять черноморские походы.

4. Войну против Стамбула и до и после 1659 г. казаки вели и не действуя на Босфоре и у Босфора. Османская столица чрезвычайно зависела от поставок черноморских товаров, в первую очередь продовольствия, и военно-морские операции, проводившиеся казаками даже вдали от нее

и дезорганизовавшие судоходство, торговлю и хозяйство империи, резко ухудшали положение Стамбула.

Примечания

[1] У Н.А. Мининкова — 30 марта.

[2] А.Н. Скрипов превращает его в несуществующий Таврический залив.

[3] У Ю.П. Тушина переставлены события, и казаки захватывают суда с пшеницей и орехами после «торга» с черкесами.

[4] Это. похоже, не совсем верно. Молдавский боярин Исар Еустатие в письме царю Алексею Михайловичу от 18 декабря 1652г. из Молдавии указывал, что 20 донских стругов «ударили около Крыму на села и деревни и розорили их зело, и животов их много побрали, и полону Молдавские земли освободили, и тот полон про то нам россказывали».

[5] Интересно, что в XIX в. на Дону уже не помнили многое из черноморской географической номенклатуры, с которой казаки XVII в. были прекрасно знакомы. При составлении описи документов 1625 — 1670 и 1685— 1686 гг. рюмельская сторона была понята как «окрестности города Рю-мельска». Навсегда в памяти донцов остались само море и Царьград, который упоминается даже в лирических песнях, например, в песне о «ягодке-смородинке», «пораскиданной... до дворца... да до Царяграда».

[6] Старых воинов и инвалидов, получавших пенсию.

[7] В болгарском переводе: Запира, Грето, Ченто и Хюсейна.

[8] Здесь разновидности местных иррегулярных войск, как и упоминаемые ниже читаки.

[9] В болгарском переводе: «... наши воины подожгли амбары и после семичасового боя все захватили».

[10] В болгарском переводе Мустафа-ага получает награду от султана за добрую весть.

[11] Можно перевести с польского и как «уничтоженного». В болгарском переводе фигурирует «сгоревший Балчик».

[12] В болгарском переводе: «Сто пленников были отправлены в Царь-град с румелийскими шайками, а остальные в Килию и Александрию для поправки там крепостей».

[13] Более чем удвоил: 36 судов вместо 16 у Мустафы Наймы или 15 у М. Прибыткова.

[14] «Донская история и доселе столь мало разработана, что на Ивана Богатого, на эту выдающуюся личность и на преследуемые им, по-видимому, цели до сих пор обратили мало внимания сами потомки древних лыца-рей, и лишь в перечне походов приводится, что в конце царствования Алексея Михайловича отряд... Ивана Богатого выжег царьградское селение...»

[15] Любопытно, что П.Н. Краснов излагает события похода 1652 г. не по сочинениям своего отца, а по В.Д. Сухорукову. С.И. Тхоржевский и взявшие у него информацию Б.В. Лунин и И.В. Степанов неверно относят набег к 1650 г., причем второй автор в одной из своих работ утверждает, что поход был до Царьграда, а последний, что на Константинополь. Н.Л. Янчевский также говорит, что в 1650г. донские казаки «ходили под Царьград», но не ссылается на источник. Полагаем, что и этот историк позаимствовал сведения у С.И. Тхоржевского. Во всяком случае, мы не имеем никаких сообщений о каком-либо босфорском набеге 1650 г.

[16] По И.П. Крипьякевичу, в первых числах сентября (что и получается но новому стилю). Капитан именуется Иваном Юрьевичем.

[17] У Г.А. Санина фигурируют 39 судов. Цифра взята из показаний казаков, попавших в плен при штурме ими «земляного города» в Кафе («а во всяком стругу по семидесят человек, а в иных и больши»). Потом один из пленников уменьшил флотилию до 29 стругов. Кафинский правитель Мус-тафа-паша сообщал крымскому хану, что «объявились на море межи Кафы и Керчи... донских казаков тритцать воем стругов, а за ними... гребут иные струги, а сколко за ними стругов, того не усматрели».

[18] Новым ханом султан определил младшего брата покойного правителя, Мухаммед-Гирея, который уже царствовал под именем Мухаммед-Гирея IV, был низложен и находился в заточении на острове Родосе. 25 августа заключенного доставили в Стамбул, где и провозгласили ханом, а 30 августа посадили на галеру, чтобы отвезти в Крым. Далее последовал любопытный эпизод, связанный с военно-морскими действиями казаков. Как пишет В.Д. Смирнов, «пред отъездом таможенный управляющий задал хану пирушку в новом здании, которое он только что соорудил себе в Терапии (Тарабье. — *В.К.).* Вдруг получено было известие... что несколько русских шаек (чаек. — *В.К.)* и каиков вышло в Черное море затем, чтобы захватить нового хана на пути его в Крым. Мухаммед Герай (в таком написании передает его имя автор. — *В.К.)* испугался этой вести, вылез из галеры и, посоветовавшись, нашел, что лучше ему отправиться сухим путем, что он и исполнил немедленно...»

Трудно сказать, в самом ли деле донцы намеревались перехватить хана или «у страха были глаза велики», но персональную ненависть к этому правителю казаки могли испытывать, поскольку Мухаммед-Гирей первый раз царствовал в 1641—1644 гг., в тяжелейшее для Войска Донского время турецко-тагарского наступления. Во всяком случае, прибыв длинным и кружным путем в Крым, хан, несомненно, от всей души выразил свое отношение к казакам, поручив одному из своих придворных заявить русским послам следующее:

«Как его, хана, из Царягорода турской салтан на крымской юрт отпускал, и он ему приказал... вам, посланникам... говорить: воры де донские казаки ежегод приходять морем, землю его воюют и людей побивать, и в полон емлють, и разоряють, и досады большие чинят, и такие де ему обиды ни от которые земли не бывает... чтоб вам, посланникам, государю известить, а боярам и ближним людем говорить, что тех воров, донских казаков, от войны велели унять, а только де государь ваш тех донских казаков от той войны не уймет, и турской де салтан приказал ему, Мамет Гирею хану... в Царьгород отписать и к нему, хану, пришлет своих ратных людей 100 т[ы-сяч], и с теми его ратными людьми и с крымцы, и с нагайцы велить ему, хану, итти войною на тех донских казаков и их всех разорить, а разоря их, итти войною на Московское государство...»

Интересно, что когда Мухаммед-Гирей IV в 1666г. был вторично низложен и попытался оказать сопротивление османскому правительству, он обратился за помощью к «соседним гяурам», в том числе к казакам, но не получил ее.

[19] Попутно заметим, что войсковой атаман О. Петров, вопреки Г.А. Санину, не говорил о выходе казаков в море после получения 12 июля грамоты Б. Хмельницкого, а, как видим, ясно сообщал о двухмесячной продолжительности похода.

[20] По А.А. Новосельскому, летом 1654 г. донцы вышли в двухмесячный поход на 30 стругах, захватили два турецких судна с хлебом и товарами, штурмовали Кафу, откуда ходили к анатолийскому побережью, подвергли его опустошению, затем, вернувшись, высаживались на побережье Крыма, отдавали на окуп татарский полон и освобождали русских и украинских полоняников. Упомянутые два судна являлись частью каравана, шедшего из Стамбула. По сообщению Мустафа-паши, «шли ис Царягорода х Кафе шесть кораблен с хлебом и с тавары, и те... донские казаки к тем кораблям приступали и взяли два корабля, один с хлебом, а другой с тавары».

" В 1671 г. выяснилось, что среди личных вещей С. Разина, которые находились у одного из его «воровских» атаманов, бывшего стрельца Дружины Потапова, в Царицыне, имелся «город костяной» — макет, вырезанный из кости (видимо, слоновой). Младший брат С. Разина Фрол говорил, что, по словам Степана, «тот город зделан обрасцом как Царьгород», но не помнил происхождение этой вещи: то ли она была взята у товарища астраханского воеводы князя Семена Львова, то ли привезена из персидского похода.

Откуда С. Разин мог знать, что на макете был изображен Стамбул? От побывавших в этом городе? Сам Степан родился около 1629 г. и вполне мог участвовать в босфорском набеге 1654г. Источники ничего не сообщают о черноморских плаваниях казачьего предводителя, но, например, С.И. Тхор-жевский уверен, что он к началу своей каспийской экспедиции «много видел, во многих местах побывал, от Черного моря до Белого» на севере. УА.Н. Сахарова встречаем утверждение, что С. Разин ходил к турецким берегам. Для низового казака того времени в этом не было бы ничего удивительного.

[22] У Е.М. Апанович казаков было 2тыс. человек, у В.Д. Сухорукова — более 2 тыс.

[23] «Казаки, ворвавшись в крымские пределы, — пишет В.Д. Сухору-ков, — распространили ужас; все то, что только попадалось им между Керчью, Кафою и Балаклавою, жгли и истребляли, не находя нигде препятствия; нещастных жителей предавали смерти без различия пола и возраста...». Соглашаясь с этой оценкой воздействия набега на южнокрымское население, заметим, что источники вовсе не говорят о беспощадном отношении участников похода к жизни женщин, стариков и детей. Напротив, часть женщин и детей была захвачена в плен и, как увидим ниже, привезена в Черкасск. Крымский полон при этом проделал на казачьих стругах длинный путь через Черное море в оба конца и затем через Азовское море.

Кстати сказать, В.Д. Сухорукое своеобразно представляет себе и маршрут похода. По описанию историка получается, что донцы, пройдя Азовское море, вошли в Керченский пролив, разгромили побережье между Керчью, Кафой и Балаклавой, потом будто бы вернулись к Тамани и в Азовское море, «разорили кочевавшие там улусы до самого Темрюка», снова вышли в Черное море и наконец пошли к Анатолии. Такой маршрут представляется нереальным; ошибка произошла из-за того, что К. Петров, рассказывая о походе, не придерживался строго его последовательности.

[24] Н.А. Мининков полагает, что этот полон был освобожден на первом этапе, между Темрюком и Таманью. Но, судя по контексту сообщения К. Петрова, речь должна идти об освобождении пленников на азовских, керченских и южнокрымских берегах, а войсковая отписка и вовсе говорит, что полоняников «имали на посадах и по селам, и по деревням крымским».

[25] Небольшой скалистый остров Кефкен считается тем не менее одним из трех самых значительных островов Черного моря (вместе со Змеиным, или фидониси, и Березанью). Он расположен почти в 50 милях (92 км) от Босфора и в 7,5 кабельтова (1,4 км) от анатолийского берега. Играл важную роль в качестве ориентира при плавании вдоль побережья к Босфору. Сейчас является центром добычи редких черноморских омаров.

[26] О примерной дальности пути от Стамбула до Кандыры сказано в главе IV.

[27] Поэтому встречающееся в литературе утверждение о том, что казаки в 1659 г. ходили под Царьград, в узком смысле слова неверно. Ю.П. Тушинв одной из своих работ пишет, что донцы в этом набеге доходили до Царьг-рада, но в последующей работе снимает это утверждение, цитируя слова К. Петрова с упоминанием суток пути.

[28] Так что И.И. Ногин, указывающий, что царь Алексей Михайлович «щедро наградил казаков за их походы», в частности и близко к Константинополю, формально не прав.

[29] От 1675 г. мы имеем следующее известие, полученное в Эдирне представителями гетмана Правобережной Украины Петра Дорошенко: «Под Балою от Черного моря пограблено 2 села турецких; сказывали, что то учинили казаки из Запорожья или с Дону, и от того потревожились турки зело; а то было июля около 25 числа». О какой погромленной местности идет речь, неясно. Наиболее известный населенный пункт с названием Болу — это город южнее Эрегли, приблизительно в 60 км от него по прямой в глубь Малой Азии. Атака на этот район действительно должна была вызвать сильное беспокойство в правящих кругах Турции, но могли ли казаки в 1670-х гг. совершать такие нападения? Видимо, под «Болу» нередко понималось и Инеболу: у Павла Алеппского этот город именуется «Боли». Но вполне возможно, гетманские представители имели в виду какой-то пункт вовсе не в Анатолии.

[30] Ср. в другом месте: после приезда на Дон.

[31] Ю.П. Тушин утверждает, что донцы «действовали у берегов Турции» и «навели панику на турецкое население».

[*31*] Русифицированное название немецкой серебряной монеты «иоахим-сталер», весом в 29,3 г.

[33] Этот мелководный проток позволял казакам выходить из Дона в море, минуя и Каланчинские башни, и Азов. См. об этом ниже.

[34] И.Ф. Быкадоров считает, что в 1641 г. на Дону было всего 7—8 тыс. казаков, и, таким образом, получается гибель 37,5—43 %. Согласно С.З. Щелкунову, после сидения в живых осталось 3 тыс. казаков, и из них «едва ли... десятая часть вполне здоровых».

[35] Это, однако, вовсе не означало, что были исчерпаны все возможности активизации казачьей войны на море и использования самих казачьих судов. Даже в конце XVII в., уже после взятия Петром 1 Азова и создания российского флота, иерусалимский патриарх Досифей убеждал царя, что для борьбы с османами на Черном море «надобны мелкие морские многие суды, которые великий страх могут здесь (в Турции. — *В.К.)* учинить, нежели корабли, и тех кораблей турки так не боятца, как мелких судов, потому, что те мелкие суды могут по всему Черному морю во все стороны рассеятися и жилищам бусурманским чинить огнем и мечем разоренье и пленение».

Н.И. Краснов считает, что Петр I совершил стратегическую ошибку, уничтожив казачий флот: «Нет никакого сомнения, что если бы вместо создания тяжелого азовского флота царь... поддержал бы и усилил казачий легкий флот... то, не прибегая к сухопутному походу на Дунай, он мог бы нанести роковой удар Турции со стороны моря». Поражение Петра в Прутской войне выявило «полную бесполезность затраченных трудов и денежных средств, а равно испытанных всеми классами русского населения лишений на создание неуклюжих, дорогих кораблей, имевших своею задачею заменить мореходство на Черном море донских и запорожских казаков». Впрочем, по мнению Н.И. Краснова, в 1710-х гг. Петр «изменил свой прежний взгляд на морские силы казаков» и пытался воссоздать эти силы «после десятилетнего систематического преследования донского казачьего мореходства, рыболовства и судоходства».

[16] Согласно П.П. Сахарову, «старожилов Подонье» оправилось лишь к 1660-м гг. Во всяком случае этот процесс занял долгое время, и поэтому вряд ли правомерно считать, что казачество, ослабленное Азовским сидением, «очень быстро восстановило свои силы».

[37] Процитированы расспросные речи в Москве 7 декабря 1660г. донского атамана Логина Семенова. Эвлия Челеби приписывает изложенную мысль Мехмеду IV и Кёпрюлю, но в отношении султана это лишь дань верноподданнической вежливости.

Заметим здесь же, что В.П. Загоровский, критикуя историков, не сомневающихся в антиказачьей направленности сооружения новых укреплений, утверждает, что его главная причина состояла в нежелании турок пропустить в море русский флот. Речь идет о строительстве в 1660 г. на реке Воронеже морских стругов, как первоначально предполагалось, для донских казаков, а затем для перевозки в Приазовье русских войск и нанесения совместного русско-казачьего удара по Крыму. Всего было построено 502 струга, из которых 400 отправили вниз по Дону. В.П. Загоровскому эта флотилия представляется «грозной силой», появления которой на Азовском и Черном морях «очень испугались» турецкое и крымское правительства.

Мы имеем здесь пример излишнего увлечения историка своей темой, которое мешает непредвзято взглянуть «окрест», на анализируемые и сопутствующие события и факты. В действительности огромная русская флотилия 1660 г. не представляла для Турции никакой особой угрозы. Это был флот, почти не способный плавать по морю. Еще идя по Дону, суда часто ломались, на них не было опытных кормщиков и гребцов, а солдаты из посланных на Нижний Дон наименее боеспособных полков имели невысокие воинские качества и бежали сотнями. К «морскому ходу» оказались пригодны едва 40—50 пригнанных судов, да и то после некоторого ремонта. Разумеется, без участия казаков действовать на море они не могли.

Противореча собственной версии, В.П. Загоровский сообщает, что крымский хан по окончании сооружения новых укреплений (т.е. не дожидаясь прибытия «грозной силы») ушел со своим войском с Дона в Крым и что московское правительство, как выяснилось, не намеревалось воевать не только против будто бы испуганной Турции вообще, но даже и против Азова, а только против новых крепостей.

Сказанное, однако, не означает, что в Турции вовсе не могло появиться беспокойство, связанное с упомянутой «армадой», но тревога, которая вызывалась казачьими набегами, вне всякого сомнения, была гораздо весомее и основательнее.

[38] У И. фон Хаммера фигурирует донской замок с названием Седдул-Ислам, который получил наименование в параллель к названию одного из двух дарданелльских замков, сооруженных несколько ранее Кёпрюлю, — Седдул-Бахр (Плотина Моря). Султанийе напомнила Эвлии Челеби Галат-скую башню в Стамбуле

[39] См. также фразу историка: «Казаки, не имея почти возможности проходить в море по той причине, что главные рукава Дона были заняты турецкими крепостями...» и т.д.

[40] К этим данным можно добавить сведения Р. Мантрана: из Анатолии вывозились также квасцы, бура, такелаж, с Балкан пакля, из России меха и др. О черноморской торговле и ее значении для Турции см. также: 338, с. 180— 188. См. аналогичную таблицу К.М. Кортепетера по XVI в.: 597, с. 247.

[41] Ю.А. Петросян утверждает, что в XV—XVII вв. «столица практически не знала серьезных перебоев в снабжении, тогда как во многих провинциях голод был нередким явлением, особенно в конце XVI — начале XVII в.», но на следующей же странице говорит, что венецианская блокада 1656г. не замедлила сказаться на продовольственном снабжении Стамбула, вызвав рост цен и ропот народа. Автор, видимо, полагает серьезными перебоями в снабжении только те, что вызывали непосредственно голод. Впрочем, вопреки Ю.А. Петросяну Шанталь Лемерсье-Келькеже указывает, что по крайней мере в XVI в. султанская столица часто страдала от голода.

[42] Н.А. Мининков датирует этот случай 1661 г.

[43] Приведем один пример такого перехвата. В статейном списке русских послов, бывших в Крыму в 1655 г., Тимофея Хутынского и Ивана Фомина, отмечено: 22 июня приезжал к ним Багатырша-мурза Сулешов, который сообщил, что «тому... ныне 4 день шли из Царягорода к Кафе шесть кораблей с хлебом и с товары, и... донские казаки к тем кораблям приступали и взяли два корабля, один с хлебом, а другой с товары».

[44] Азов со времени Баезида II Вели (Святого), правившего в 1481 — 1512 гг., являлся султанским хассом — личным владением дома Османов.

Глава XII

ЭФФЕКТ БОСФОРА

1. Начальный резонанс

В XVI в. в политических, дипломатических и военных кругах различных стран Западной Европы строились многочисленные планы решительного прекращения османской агрессии и сокрушительного разгрома Османского государства. Т. Джувара в своей книге «Сто проектов раздела Турции» характеризует 16 таких проектов, относящихся к упомянутому столетию.

Первое известное западноевропейское сообщение о казаках и их войне с османами появилось во Франции в 1521 г. Затем поток подобных сообщений нарастал, и уже в последней четверти XVI в., еще до развертывания широкой казачьей войны на море, в Европе стали просчитывать возможности эффективного наступления казаков на Балканы. «Не сомневались, — пишет В.В. Макушев, — что при первом появлении наших казаков на Дунае присоединятся к ним волохи, молдаване, болгаре и сербы, которые не могут более сносить тяжелого ига турецкого»[1].

Согласно европейским представлениям, у казаков была уникальная возможность ударить по Турции «с тыла» —- не со стороны хорошо защищавшегося и укреплявшегося Средиземного моря, а со стороны мирного и спокойного Черного моря. По этой причине в Западной Европе задолго до начала казачьей Босфорской войны появились планы нанесения казаками мощного удара по турецкому побережью Малой Азии и непосредственно по Стамбулу.

Одним из первых среди западноевропейцев заговорил о возможности казачьих набегов на османскую столицу веронец Алес-сандро Гваньини, «граф Латеранского дворца» (до XIV в. являвшегося резиденцией римских первосвященников). При Сигиз-мунде II Августе он перебрался в Польшу, участвовал в ее войнах и заинтересовался ее историей.

В «Хронике Европейской Сарматии», впервые опубликованной на латинском языке в 1578 г. и затем изданной в расширенном польском варианте в 1611 г., А. Гваньини, характеризуя казачьи чайки, замечал: «В таких же точно лодках прежде Русь чинила шкоды греческим (византийским. — *В.К.)* императорам, заходя иногда даже под самый Константинополь, как о том Зонарас, греческий историк, пишет. Да и сегодня едва ли не то же делали бы казаки, если бы их было так много». Эти же фразы мы находим в «Хронике польской» И. Бельского, вышедшей в свет в 1597 г. и использованной при написании труда А. Гваньини.

В 1584 г., незадолго до смерти польского короля Стефана Батория, состоялись его переговоры с папским нунцием в Польше Альберто Болоньетто, на которых обсуждалась идея создания антиосманской лиги. Король предложил оригинальный вариант, показывавший, в чем заключались главные интересы монарха. В качестве первого этапа борьбы с Турцией должно было последовать завоевание Москвы, а уже потом предполагалось попытаться взять Стамбул общими силами Польши и Моско-вии, с помощью татар и казаков.

Польский историк Казимеж Доперала, рассказавший об этих переговорах, подвергся критике Н.С. Рашбы за то, что будто бы слишком доверчиво отнесся к турецкой части плана Стефана Батория, у которого в действительности не было никаких антиосманских замыслов. Вообще польский автор недвусмысленно показывает, что в течение всего своего правления король находился в дружественных отношениях с Турецким государством, но нас в данном случае интересует лишь сам факт обсуждения Стефаном и представителем Ватикана возможного участия казаков в будущем взятии Стамбула.

Наибольший интерес в Европе вызывало Войско Запорожское как более крупное и тогда более известное казачье образование, а главными интересующимися сторонами были Ватикан, организатор «сопротивления исламу», и Венецианская республика, соперница Турции в Средиземноморье.

«Уже во времена Стефана Батория, —говорит П. А Кулиш, — в Венеции и Риме составляли проекты "союза с казаками" на случай войны с Турцией. Казацкие становища за Порогами были предметом особенного любопытства людей, заинтересованных стратегическою обстановкою Турции. Италианцы знали такие подробности о казаках, которые не дошли до нас путем польской и русской письменности. Им было известно, что казаки, зимуя на днепровских островах, окружали себя ледяными крепостями, укрепляли острова дубовыми засеками, изрезывали траншеями и т.п. Казаков заискивали, казаков ласкали, казаков превозносили и католики, и протестанты; но все это делалось в том смысле, что их можно употребить как истребительное орудие против любого неприятеля».

В 1580-х гг. начались и прямые переговоры западноевропейских представителей с сечевиками. В 1585 г. Карло Гамберини, секретарь упомянутого выше нунция, подал венецианскому дожу «Записку о том, какую пользу можно извлечь из союза с казаками в случае войны с Турцией». Автор во время пребывания в Вильне, где находился тогда польский двор, познакомился и сблизился с гетманом украинских казаков, беспрестанно воевавших с турками, и теперь излагал содержание своих бесед с ним.

Отметив, что слава казаков — великолепных воинов — растет по мере их подвигов, а их имя наводит ужас на самого султана, К. Гамберини сообщал, что гетман среди прочего высказался за союз казаков с другими странами в борьбе против Турции и за нападение на нее, уверяя, что при первой надобности наберет до 15 тыс. казаков. «Что касается непосредственного нападения на турок, сказал гетман, то, пользуясь настоящею войною с Персиею, казаки в союзе с соседними народами легко могли бы проникнуть врасплох до самого Константинополя, ибо турки ныне столь ослаблены и истощены, что не могли бы оказать им надлежащего сопротивления». При этом гетман добавил, что когда Осман-пашу вызвали из Персии для низвержения и умерщвления крымского хана, бейлербей Греции при всех своих усилиях не мог доставить паше больше 14—15 тыс. «весьма плохой конницы», хотя и было объявлено, что османское войско якобы состоит из 50 тыс. человек.

Относительно народов, на помощь которых могли бы рассчитывать запорожцы, гетман заявил о своих дружественных сношениях с донскими казаками, а также с черкесами, «храбрейшими в тех странах воинами», о легкой возможности привлечь на свою сторону ту часть крымских татар, которая не расположена к туркам, и выразил несомненную уверенность в том, что при первом появлении сильного казацкого войска к нему примкнут волохи, молдаване, болгары и сербы. Наконец, по сло-вам гетмана, в самом Стамбуле постоянно находится от 4 до 5 тыс. христианских невольников, которые сразу же по освобождении станут отважными помощниками.

Гетман заметил, что означенное предприятие не будет тяжелым для казаков, если только им окажут помощь. На вопрос К. Гамберини о характере этой помощи собеседник ответил, что казакам было бы достаточно от 15 до 20 тыс. дукатов на приобретение оружия и военных припасов.

Тогдашняя Венеция после войны с Турцией, закончившейся в 1573 г., держала вооруженный нейтралитет и, хотя искала союзников, но не собиралась пока снова воевать с Османской

империей. Тем не менее, по замечанию В. В. Макушева, записка К. Гамберини обратила на себя внимание сената Венеции, который с тех пор стал внимательно следить за действиями казаков.

В 1593 г. произошел уникальный случай непосредственного обращения к украинскому казачеству главы католической церкви. В конце этого года папа Климент VIII направил патера Александра Комуловича (Алессандро Комулео), хорвата по происхождению, в страны Восточной Европы для привлечения их к антиосманской лиге. Он должен был в тайне от польского правительства, выступавшего против войны с Турцией, встретиться с представителями казаков, которым вез два папских письма от 8 ноября (29 октября). Первое из них адресовалось «избранному сыну и благородному мужу, генеральному капитану казаков»[2], а второе всем казакам — «избранным сыновьям казацким военным».

«Мы знаем, — говорилось в послании "капитану", — как славна твоя казацкая милиция, и поэтому она может быть очень полезной христианскому обществу в борьбе с общими врагами нашей веры. Тем более, что мы проинформированы о твоей смелости и знании военного дела, ибо ты не уступаешь храбрейшим людям в смелости и умении командовать войсками». «Услышь, поистине храбрейший муж, — призывал папа, — голос матери твоей, католической церкви, смелость свою и власть над воинствующим народом отдай Богу и святому Петру, выполни замыслы найти — будет тебе и твоему народу слава в веках, что в тяжелейшее время немало храбрости своей и любви уделили апостольской столице».

Во втором письме говорилось об «отцовской любви» автора к казакам, их храбрости и отваге и содержался призыв к «совместной защите христианского общества»: «Вы... покроете себя как надежные военные слуги господни бессмертным пальмовым венком, который никогда не увянет».

О конкретных направлениях необходимых казачьих военных действий речи не шло, и их, несомненно, должен был обсудить А. Комулович. Из другого источника видно, что патеру требовалось склонить казаков, в частности, к взятию Монкастро (Ак-кермана) и дальнейшему продвижению вдоль Черного моря. Т. Джувара отмечает, что план А. Комуловича заключатся в объединении против Турции западноевропейцев, персов, трансиль-ванцев, казаков, молдаван, валахов, болгар и других народов и свержении османского ига; казакам обещалось до 12 тыс. флоринов, но только при их вступлении во враждебные страны.

Не исключено, что в переговорах с казаками мог быть затронут и вопрос о нанесении удара по району, прилегающему к Босфору. О Стамбуле как цели борьбы в Ватикане помнили постоянно. Тот же А. Комулович должен был уговаривать московского царя направить свое войско в Молдавию, чтобы вести войну с турками во Фракии и через нее занять города на Средиземном море, позади Босфора. Что касается Черного моря, то московиты, как должен был говорить А. Комулович, без особенных затруднений могли бы овладеть рядом прибрежных городов, укрепиться там и открыть себе дорогу к завоеванию Константинополя.

Неизвестно, дошли ли послания Климента VIII до адресатов — очевидно, запорожцев. Узнав, что они во главе со своим кошевым атаманом Богданом Микошинским находятся в морском походе, папский представитель в 1594 г. вел переговоры с руководителем реестровых казаков Николаем Язловецким и главой показачившихся крестьян Северином Наливайко. Первый согласился возглавить поход против татар, а со вторым не удалось достичь согласия.

Сокрушительные походы на Анатолию и Босфор в первой четверти XVII в. принесли казакам гром кую извести ость и авторитет на европейском и азиатском континентах. «Казачество, — по справедливому замечанию А.А. Новосельского, — проявило себя силой, имевшей международное значение». Естественно, в странах, которые воевали или враждовали с Турцией, не могли не учитывать стремительно возраставшую роль казаков в антиосманской борьбе. Они заняли свое место и в составлявшихся планах сокрушения Османской империи. Т. Джувара насчитал их для XVII в. как раз 17, но на самом деле таких проектов было гораздо больше, и они разрабатывались не только в Европе.

Персидский шах Аббас I в 1602-1613, 1616—1618 и 1623— 1639 гг. вел тяжелейшие и затяжные войны с Турцией, и черноморские набеги казаков объективно облегчали его положение. Вот почему когда в 1617 г., в разгар очередной войны, этот правитель обратился с предложением об антиосманском союзе к польскому королю Сигизмунду III, считавшемуся сюзереном Войска Запорожского, то мог реально рассчитывать на усиление казачьих ударов по малоазийским и босфорским берегам Турции. Шах предлагал собственными средствами построить крепость на грузинском побережье Черного моря, сравнительно близко к Трабзону, и передать ее казакам для активизации их операций против турок, а королю обещал, что все грузины-христиане окажутся под его властью. О том же говорилось и в письме Аббаса римскому папе Павлу V.

Однако черноморским побережьем Персия не владела, и Я. Р. Дашкевич предполагает, что основной военной ударной силой при исполнении шахского замысла, касавшегося крепости, также должны были стать запорожцы, «поскольку при положении, которое сложилось в 1617г. (османская армия находилась у стен Тебриза. — *В. К.)* трудно было думать, чтобы сами персы могли пробиться к Черному морю или чтобы польские военные части... отважились принять участие в такой операции».

В том же 1617 г. независимо от шахского обращения к Польше казаки сами предложили свою помощь Персии. Их флотилия, оказавшаяся у берегов Мегрелии или Гурии, решила направить к шаху 40 своих «самых решительных и самых благородных» товарищей с предложением услуг в сухопутной войне с Турцией. Из Имеретии в летнюю резиденцию Аббаса в Фарра-хабаде отправился один из казаков, «поляк по происхождению, католик по религии», которого П. делла Балле называет Этье-ном, а украинские историки считаю г Степаном или Стефаном[3]. Входе этой миссии, как увидим, будет обсуждаться вопрос о перекрытии Босфора.

В конце февраля — начале марта 1618г. Этьен прибыл в Фар-рахабад и был принят шахом «с большим изъявлением благоволения» с его стороны, но не смог «изложить... мысли», так как «не знал местного говора», говорил, «кроме родного языка», только «на рутенском языке» и не имел толмача, которого не оказалось и при дворе. Будучи в неопределенном положении, казачий посол неожиданно узнал, что в этом же городе находится П. делла Балле, и, по словам последнего, полагая его как католик «ангелом, посланным ему Богом», немедленно направился к итальянцу и нашел среди его слуг переводчика, немного знавшего язык московитов.

Римский дворянин Пьетро делла Балле, путешествуя по странам Востока, в 1617—1619 гг. как раз пребывал в Персии, где схоронил жену-грузинку, говорил на фарси и чрезвычайно обрадовался Этьену. Итальянец интересовался казаками и, какой писал, «уже давно был вполне осведомлен о нынешнем положении их дел, об их политике и их обычаях... первоначально от христиан и гораздо лучше в Константинополе», общался с некоторыми представителями казачества.

В первую очередь П. делла Балле занимали казачьи военно-морские действия, и он был от них в восторге, отмечая «владычество» казаков на Черном море, непрерывные захваты ими приморских поселений и утеснение турок, которые «уже не внушают такой страх с тех пор как... казаки стали... хозяевами и преследуют их в любом случае», вплоть до того, что «турецкие корабли не осмеливаются там появляться».

Видя такие громадные казачьи успехи и задумываясь, «не имеют ли казаки право претендовать однажды на что-то более высокое», П. делла Балле приходил к убеждению, что со временем они «образуют очень сильную республику, поскольку... ни знаменитые спартанцы, или лакедемоняне, ни сицилианцы, карфагеняне, даже римляне, а в наше время голландцы не имели ни более прекрасных, ни более счастливых начал». «И если в истекшие тридцать с лишним лет... турки не смогли ни уничтожить их (казаков. — *В.К.),* ни даже добиться над ними какого-либо превосходства, но, напротив, они с каждым днем становятся все сильнее, то есть основание надеяться, что в дальнейшем их влияние беспредельно увеличится и что они станут непобедимыми». Наконец, с большой заинтересованностью П. делла Балле лично услышал от казаков, что они надеются в будущем освободить Константинополь.

Итальянец стал горячим сторонником установления союза двух боровшихся с османами сил — казачества и Персии — «на погибель туркам», «для чести и пользы христианства». «Бог, — писал П. делла Балле, — не преминет воздать однажды... мне за заботу и усердие о создании, насколько я мог, союза персов не только с казаками, но и с польским королем, если это возможно, зная хорошо о преимуществах, которые христиане могли бы извлечь из этого союза, и о потерях, которые турки, наши общие враги, могли бы понести».

Примечательно, что речь шла о связи Персии только с запорожцами, которые, по мнению итальянца, были «христианами и почти все католиками», но не с донцами. П. делла Балле, как он замечал, «никогда не мыслил об объединении этих (казаков. — *В.К.)...* с персами», потому что донцы были «все еретики, или схизматики», жили дальше от Турции, чем запорожцы, почему и не могли много беспокоить османов, и, кроме того, имели «не очень хорошие отношения с персами», иногда нападая на Каспии и Волге на персидские суда.

Автор плана предполагал, что союз украинских казаков и шаха будет легко осуществим и чрезвычайно выгоден участникам. Рассуждения на этот счет сводились к следующему. Аббас I «ничего так страстно не желает, как поражения и уничтожения турок», и не может не довериться П. делла Балле как рожденному римлянином, имеющему отношение к папе, который весьма

уважаем шахом, прекрасно информированному и умеющему «говорить о разных вещах глубоко и ясно». Для казаков нет «ничего более выгодного и полезного», чем принятие помощи от шаха, «хотя и владетеля другой религии», и они должны довериться автору «как христианину». Грузинские же владетели, без которых нельзя обойтись в союзе, — «все христиане», и в противостоянии с Турцией «для них дружба с казаками не может быть невыгодной».

П. делла Балле видел реальное проявление будущего союза в том, что шах «легко заставит» упомянутых владетелей «или дружбой, или силой, если понадобится, предоставить... казакам свободу передвижения и торговли и дать им у себя обеспеченное пристанище, чтобы казаки, имея в этом краю, по другую сторону моря, определенное и постоянное местопребывание, могли не только совершать набеги и наносить с большей легкостью и смелостью урон соседним государствам, находящимся в подчинении у турка, но и защитить и навсегда сохранить с помощью перса то, что они завоюют однажды у турок». При этом имелось в виду не только усиление обычных казачьих набегов, но и отвоевание и потом защита земли «главным образом в окрестностях Требизонда и на рубежах, которые отделяют территорию государств Персии».

Итальянец, как он писал, решил добиться создания персидско-казачьего союза «всеми возможными средствами», не жалея «ни сил, ни труда, даже если бы пришлось самому пересечь Черное море, чтобы договориться с казаками и вернуться обратно в Персию с их ответом на руках и подлинными мнениями». Но когда путешественник, «преисполненный всеми этими прекрасными проектами», направлялся в Фаррахабад, туда же «благодаря божьему провидению» с аналогичным предложением ехал и Этьен.

С большой радостью П. делла Балле встретил казака и предложил ему всяческую помощь, а Этьен, в свою очередь, просил собеседника «быть посредником, так сказать, консулом или агентом его народа». Вслед за энергичными действиями посредника последовала и его аудиенция у шаха. Монарх, беседуя, между прочим, не сделал даже намека на свое уже состоявшееся обращение к польскому королю, и П. делла Балле два следующих года, пока не узнал истину, думал, что он первый предложил шаху идею союза с казаками.

Беседа началась с упоминания о «восточном фронте». Аббас спросил, почему король Испании не желает с помощью своего флота, находящегося в Индии, закрыть туркам вход из Индийского океана в Красное море, что привело бы к гибели «от голода и нищеты» Каира и Египта. П. делла Балле воспользовался вопросом, чтобы развить свою мысль о союзе персов с казаками, и произнес «большую речь, которую... готовился произнести уже давно», детально обрисовав ситуацию и выгоды такого союза.

«Государь, — начал итальянец, — если не закрывают туркам Красное море, то не угодно ли будет вашему величеству повелеть, чтобы им закрыли Черное море? А это дело, которое можно очень легко осуществить, вследствие чего гибель и падение Константинополя станут неизбежными». И далее П. делла Балле заговорил о полной зависимости Стамбула от снабжения со стороны Черного моря.

Аббас стал «весьма тщательно» расспрашивать, каким образом можно было бы блокировать Босфорский пролив. «Я, — писал П. делла Балле, — сказал ему, что нет ничего легче и что он добьется успеха, если только призовет казаков Черного моря на свою службу, на которой они будут охотиться на турок со всеми выгодами, изложенными его величеству. Что если он окажет им некоторую помощь на суше, где море ближе всего подходит к его государству, и обеспечит им пристанище на берегу, что очень легко сделать, укрепив какую-либо гавань, если подходящая имеется, или устье какой-либо из рек, которых множество, — то тем более могущественными они станут. Что под таким добрым покровительством они добились бы очень значительных успехов, ездили бы таким образом по рекам Требизондаи всего этого берега, что они легко стали бы хозяевами этого моря, чтобы заставить турок никогда тут не появляться к их стыду. Поскольку Черное море не очень обширное, первый, кто приобрел бы на нем определенную славу, как уже начали делать казаки, господствовал бы там полностью и диктовал бы свои законы другим».

Посредник, обратив внимание шаха на то, что сами казаки первыми предлагают сотрудничество, убеждал собеседника не упустить «такой прекрасный и благоприятный случай, за который он в долгу перед пославшим его провидением». Аббас, отмечал П. делла Балле, «был очень внимателен, ни разу... не прервал» говорившего, а по окончании речи «ответил... с исключительным пылом, что если Бог позволит, то он сделает это»[4].

1 мая 1618г. Этьен был снова принят монархом, но, как писал П. делла Балле, не мог вести переговоры о союзе «не из-за отсутствия способностей, а из-за незнания языка», и особенно потому, что «не имел никакого специального и конкретного поручения» на этот счет. Шах

пожаловал казака «несколькими одеяниями золотого шитья» и «весьма значительной суммой денег» и вручил письмо, адресованное казачьему «генералу» (гетману). П. делла Балле снял с него копию и позже излагал его содержание. Аббас заявлял, что «хотел бы наладить обоюдную дружбу» с казаками, выражал сожаление, что Этьен «не умеет говорить на языке страны», и предлагал прислать других, полномочных представителей, «с которыми можно было бы вести переговоры... о важных государственных делах».

21 мая П. делла Балле имел беседу с персидским государственным секретарем Агамиром и убеждал его в необходимости заключения того же союза. Посредник доказывал «легкость, с которой можно было завладеть у турок Требизондом и многими другими местами, которые находятся поблизости от Черного моря и границ Персии», и замечал, что если бы шах «с армией со стороны суши поддержал это предприятие», то пункты, которые казаки захватили бы с моря, оказались в руках персидских гарнизонов: одни казаки не смогут сохранить завоеванное, так как их мало, их сила заключается в морском войске, а жилища находятся весьма далеко.

Но итальянец развивал свою идею перед Агамиром и с тор-гово-экономической стороны, предложив доставлять персидский шелк в Европу фактически под охраной казачьего флота через Черное море, а не по тогдашним путям — через турецкий Халеб (Алеппо), центральный шелковый рынок Османской империи, и затем по Средиземному морю или через португальскую факторию на острове Ормузе в Ормузском проливе, соединяющем Персидский залив с Индийским океаном, и далее по Индийскому и Атлантическому океанам.

П. делла Балле говорил, что океанская дорога занимает восемь — десять месяцев и больше, а средиземноморская как минимум два-три месяца, причем оба пути опасны из-за штормов, неизбежных во время столь долгого плавания, и из-за «огромного множества корсаров и пиратов», тогда как черноморский путь занимал бы 10—15 или максимум 20 дней «с легким попутным ветром», при опасениях только со стороны турок, которых ныне так «укротили» казаки. Шелк направлялся бы в Польшу, а оттуда в Германию, Московию и другие страны, ныне покупающие его по дорогой цене у англичан, фламандцев и прочих иноземных торговцев, которые получают большую при -быль. Государственный секретарь обещал передать все эти соображения шаху.

Заметим, что П. делла Балле значительно преувеличивал легкость установления казачье-персидского союза и осуществления предполагавшихся операций. Достаточно напомнить о принципиальной разнице в общественном устройстве Запорожья и Персии, об огромном расстоянии и сложностях сообщения между ними (особенно при исключении географически более близкого к Персии Войска Донского), о трудностях персидского прорыва к грузинскому побережью или Трабзону, а также о том, что на пути персидского шелка по Черному морю в Польшу лежали северочерноморские или румелийские владения Турции.

Впрочем, осложнения появились вскоре же после отпуска Этьена. В трех днях пути от Фаррахабада он получил повеление шаха вернуться ко двору. П. делла Балле терялся в догадках относительно причин возвращения и среди прочего предполагал, что Аббас, может быть, хотел лучше узнать о намерениях турок на этот год, чтобы отослать Этьена с более определенным ответом. Позже, однако, выяснилось, что правитель Имеретин Георгий III выдал Турции 39 казаков, дожидавшихся возвращения своего товарища из Персии, и что шах предотвратил такую же участь, уготованную Этьену.

Казачий посол далее следовал за двором в его передвижениях и сопровождал Аббаса «в войнах», не видя исполнения своего дела и не зная причин задержки. Восьмерым из 39 выданных казаков удалось бежать из турецкого плена в Персию и присоединиться к Этьену. Шах тянул время, пока 13 ноября1618 г. не было заключено перемирие с Турцией, очень выгодное персам, в результате чего Аббас утратил интерес к возможному созданию антиосманской коалиции и персидско-казачь-его союза[5].

Но и после этого казакам не удалось сразу уехать на родину. Шах не пожелал чем-либо вознаградить восьмерых беглецов и лишь «тешил их добрыми надеждами», и если бы европейская колония в Исфахане не взяла казаков под свою опеку, то им пришлось бы совсем худо. Этьену же Аббас перестал оказывать милости, однако не отпускал его домой. Было похоже, что казаков хотят обратить в ислам. Чтобы избежать этого, летом 1619 г. П. делла Балле и названная колония решили тайно, вопреки воле шаха отправить их через Индию в Европу. Дальнейшая судьба этих казаков неизвестна.

В отместку за выдачу 39 своих товарищей османам запорожцы затем опустошили грузинское побережье, но владетель Име-ретии, собственно виновник вероломства, не пострадал, поскольку его земля была «весьма удалена от моря».

Король Сигизмунд, получив упомянутое выше послание Аббаса, собрал совет с участием казачьего гетмана, французского посла и двух представителей Ватикана и в результате обсуждения согласился с «пропозицией» шаха. Перед 30 октября 1618 г. персидский дипломатический агент и разведчик армянин Яков через Венецию и Стамбул доставил Аббасу послание короля, австрийского эрцгерцога Фердинанда и других европейских властителей и письма Сигизмунда, казачьего гетмана и французского посла в Варшаве. Вся эта корреспонденция крайне запоздала, и персидский монарх, выслушав отчет Якова и не читая всех писем, передал их «на сохранение» Агамиру.

Уже накануне Хотинской войны, 6 апреля 1620 г., в Исфахан из Польши прибыли некие армяне с новыми письмами для шаха и генерального викария доминиканцев в Армении Паоло-Марии Читтадини. Письмо викарию было подписано «Оливарием де Марконесом, П.К.» (ОНуагшзйе Магсопез, Р.К.). П. делла Балле, скопировавший этот документ, предполагал, что он принадлежал перу одного из королевских тайных государственных советников, возможно, выступавшего представителем казаков, и что Р. К. означало Ра1а1шш Кюу1ае — воевода киевский. Н. Вахнянин видел в П.К. гетмана Петра Конашевича Сагайдачного, а Я. Р. Дашкевич полагает, что письмо написал Олифер Остапович Голуб, известный соратник П. Сагайдачного, руководитель первого набега на Босфор 1624 г., может быть, француз или итальянец по происхождению, подписавшийся своим подлинным именем и добавивший к подписи сокращенное «рЫкошпПс когасК!» (полковник казацкий)[6].

Содержание же письма О. де Марконеса 1620 г. таково. Поляки согласились с планом Аббаса захватить порт Яни на Черном море (согласно П. делла Балле, это порт на реке Трабзоне), с тем чтобы в дальнейшем он оставался персидским владением; поляки и казаки готовы действовать, если будет поддержка шаха; автор с нетерпением ожидает от него ответ на это и предыдущее письмо и готов лично прибыть в Персию для переговоров с ее властителем[7].

Теперь Аббасу 1 такие переговоры не требовались, и на этом дело закончилось. Анатолийское побережье Турции вместе с Трабзоном и Босфор с предместьями Стамбула вскоре затем подверглись сокрушительным ударам казаков, но, разумеется, без всякого участия и содействия Персии.

Итальянский историк И. Чампи и швейцарский исследователь П.-Г. Битенгольц рассматривают запорожско-персидские и польско-персидские переговоры как одно из звеньев в складывании антиосманской коалиции в первой половине XVII в. Н. Вахнянин пишет, что хотя сношения казаков с персами 1618 г. оказались безуспешными, они показывают большой политический разум П. Сагайдачного, который искал союзников против Турции в крымском хане, Грузии и Персии, а Я.Р. Дашкевич отмечает, что переговоры 1617—1620 гг., не доведенные до конца, тем не менее являются «одним из свидетельств большого удельного веса Запорожья, который оно получило уже до Хотинской войны 1621 г.».

2. Казаки в европейских планах

В результате казачьих морских набегов, которые один из историков называет «поистине фантастическими по их дерзости», и активного участия казаков в Хотинской войне их слава распространилась по всей Европе. П.А. Кулиш замечал, что «все соседние державы и даже отброшенная далеко Швеция старались воспользоваться козаками, как пользуются огнем для временных надобностей», хотя ни одна страна не принимала их идеал равноправия.

Союзные Войско Запорожское и Войско Донское, воевавшие с Турцией, находились в определенной зависимости отПольши и России, которые были враждебны друг другу, однако обе не желали войны с Турцией. Казачьи сообщества объективно являлись союзниками Венеции и Испании, боровшихся с османами, но одновременно и друг с другом. Испания, Венеция, Австрия и Персия были заинтересованы в том, чтобы казаки сковывали флот и армию Турции на Черном море, а Франция и Англия — в том, чтобы эти силы были высвобождены с черноморского театра и вовлечены в европейские дела. Англия, Франция и Голландия поставляли Турции вооружение и военное снаряжение, использовавшееся и против казаков.

Из-за разного отношения держав к Стамбулу и по причине раскола Европы на два враждебных лагеря — габсбургский, куда входили Испания, Австрия и Польша, и антигабсбургский с участием Франции, Голландии, Турции, Венеции, отчасти Англии и России, ни в 1620-х гг., ни позже не удавалось создать союз, направленный против Османской империи.

Однако многие представители правящих кругов и образованных слоев Западной Европы независимо от конкретных интересов своих правительств, даже и находившихся в «дружбе» с Турцией, выражали изумление и нередко восхищение дерзостью и поразительными успехами казаков на Черном море и особенно в Босфорском проливе. Уже приводились впечатляющие оценки западноевропейских современников Л. Лудовизио, Л. де Курменена, Т. Роу, Ф. де Сези, Ж. ле Лабурёраде Блеранваля, П. Рикоута и др. Известный французский писатель Теодор-Агриппа д'Обинье в 1620-х гг. видел в казаках — «христианских рыцарях» — аванпост всеевропейского фронта борьбы с турецко-татарской агрессией и утверждал, что без них татары «бывали бы гораздо чаще в Европе».

В непосредственной связи с казачьими набегами к Стамбулу рождались различные предположения, ожидания, опасения или сожаления о неиспользованных и упущенных возможностях.

По мнению Т. Роу, в его время Османское государство было так ослаблено, что европейская армия из 30 тыс. воинов, даже не прибегая к оружию, могла бы беспрепятственно дойти до самых стен Стамбула, однако недоставало «сильной руки, чтобы свалить эту расшатанную стену». Комментируя первый набег казаков на Босфор 1624 г. и поражаясь выявившимся при этом слабостям и неподготовленности турок, посольство Т. Роу отмечало, что их счастье иметь «слепых врагов».

«Белое море находилось без кораблей (османских. — *В. К.),* без охраны, без защиты, — писал вскоре после того же набега М. Бодье, — и тогда земля и море турка предоставляли христианам большие возможности вернуть обратно то, что он удерживал, если бы они сумели или захотели это сделать». Разве мог быть лучший случай напасть на европейские владения оттоманов, спрашиват автор, раз они были обессилены, запорожцы и донцы «вносили беспорядок», а «в Порте наблюдалось большое смятение»?

Рассказывая в одной из корреспонденции о том, как казаки едва не разбили капудан-пашу в Карахарманском сражении. Ф. де Сези рекомендовал Парижу: «Поразмыслите немного об этом и учтите, пожалуйста, что менее чем с пятьюдесятью тысячами экю в год, распределенными среди этих казаков, можно занимать основные силы турок на Черном море для защиты устья канала (Босфора. — *В.К.),* которое только в четырех лье отсюда (от Стамбула. — *В. К.)».*

Если у представителей «дружественных» Турции стран возникали такие мысли, то вполне естественно, что проекты усиления казачьего воздействия на Османскую империю и Стамбул и взаимодействия с казаками рождались и в государствах, пытавшихся сопротивляться турецкой экспансии.

Источники скупо повествуют о плане, связанном с запорожцами и принадлежавшем Ватикану, который уже начал «делить» Турцию. В 1623 г. в Варшаву от папы Урбана VIII прибыл новый нунций — епископ Джан Ланцелотти. Врученная ему инструкция от 14 (4) декабря 1622 г. (одну фразу из нее мы уже вкратце приводили) отмечала, что «теперь самое лучшее время сокрушения Турецкого государства, падению которого Польша больше всего может способствовать, если уж горстка казаков на небольших судах не раз могла морить голодом, грабить или стращать его столицу».

Среди прочего нунцию предлагалось внушать королю Си-гизмунду III, чтобы он позволил казакам и другим охотникам помочь его сыну, королевичу Владиславу, основать для себя отдельное королевство в распадающейся Турции.

Но вообще источники, относящиеся к 1620-м гг., сохранили довольно мало сведений о европейских планах, которые были связаны с казачьими набегами на побережье Малой Азии, и вытекавших отсюда контактах, что вступает в противоречие с сильнейшей военно-морской активностью казачества именно в то время. Соображения французского посла относительно 50 тыс. экю наводят на предположение, что прямые переговоры о сотрудничестве и согласовании действий с казаками могли тайновестись непосредственно с последними, в первую очередь с запорожцами, в обход «сюзеренов», и не оставили следов в источниках. Отмеченное историками усиление казачьих набегов на Турцию во время ее кампаний на Средиземном море может объясняться не только отвлечением османского флота с Черного моря и казачьей информированностью об этом, но также и соответствующими секретными договоренностями.

Одна такая попытка договориться с казаками в 1620-х гг. провалилась, однако наделала много шума в Стамбуле. В литературе ее упоминает А.А. Новосельский. «В начале 1626 г., — пишет он, — в турецких дипломатических кругах произвело настоящую сенсацию разоблачение сношений самого императора (Филиппа IV, императора Священной Римской империи германской

нации и одновременно короля Испании. — *В.К.)* с запорожскими казаками с целью побудить их к нападениям на Турцию. Французский посол видел в этом разоблачении важный козырь в пользу своего мирного между Турцией и Польшей посредничества и своей деятельности против императора». Заметим, что Т. Роу узнал об этой «сенсации» еще в 1625 г.

По информации Ф. де Сези, в этом году император и испанцы пытались подталкивать казаков кдействиям на Черном море, чтобы занять там все галеры султана и тем облегчить положение Неаполя и Сицилии. О том же сообщал Т. Роу из Стамбула архиепископу Кентерберийскому: Испания, обещая большую плату, пыталась убедить казаков продолжать нападения на османские владения в Причерноморье, чтобы туркам пришлось использовать для обороны все свои морские силы, а испанцы получили бы свободу рук в Средиземном море.

Султан, замечал английский посол в другом письме (Э. Кон-вею), «в связи с этим будет держать свои галеры, как это делалось в течение двух прошедших лет, на защите Босфора и Черного моря и не появится в Средиземном море... испанские берега освободятся от страха, а вся его (короля Испании. — *В.К.)* армада — для другого употребления».

В принципе казаков не требовалось подталкивать к продолжению их обычных действий, и, видимо, следовало говорить о направлениях, сроках, составе флотилий и других деталях будущих операций. Очевидно также, что казакам не помешала бы денежная помощь для организации набегов на турецкое побережье и Босфор.

Конкретно речь шла о тайной поездке к казакам некоего патера, который у Т. Роу фигурирует как Веп11 и ВепПиз, а у Ф. де Сези — как ВапНе; мы будем называть его Бериллем. Английский посол относился к нему крайне неприязненно и был наслышан о его предыдущей деятельности, поскольку после неудачи поездки замечал, что «если это божья кара настигла» падре, «то он заслужил ее десять раз, предав однажды жизнь французского джентльмена туркам и проведя всю свою жизнь в делах вероломства». Впрочем, английский историк начала XVIII в. характеризует Берилля как «иезуита проницательного и тонкого ума».

Согласно английскому посольскому известию из Стамбула 1627 г., этот патер был прислан в османскую столицу из Рима около февраля 1624 г. в качестве «особого агента» для «работы» с главой константинопольской православной церкви Кириллом Лукарисом, «чтобы поднять казаков авторитетом патриарха, если тот сможет согласиться» с таким призывом.

В 1625 г. Берилль по поручению императора в сопровождении одного поляка отправился к «польским казакам» с подарками и рекомендательными письмами к их атаманам («главам казаков») и с обещанием денег, если они «усилят свой лодочный флот и снова в будущем году вторгнутся в земли великого синьора». Но секретная миссия потерпела сокрушительную неудачу еще до прибытия в Запорожскую Сечь, где-то на границах Речи Посполитой, при загадочных обстоятельствах. Патер был убит в пути толи спутником-поляком, позарившимся на «добычу», то ли благодаря силистрийскому паше, а инструкции и письма были перехвачены, и таким образом «испанский замысел предотвращен».

В дальнейшем западноевропейские страны, даже и весьма удаленные от Средиземноморья, продолжали внимательно и заинтересованно наблюдать за действиями казаков. Для примера можно сказать, что в тогдашних германских газетах появилось несколько корреспонденции, посвященных взятию донцами Азова в 1637 г. и Азовскому осадному сидению 1641 г.

Характерно, что эти материалы были сообщены в основном из Венеции, что отнюдь не являлось случайностью. Венеция выдвинулась на первый план среди «интересантов», которых занимали казачьи дела. С середины же 1640-х гг. в связи с началом большой войны на Средиземном море внимание венецианцев к казакам многократно возросло.

Еще в том же XVII в. в венецианских поисках союзников некоторые усматривали «коварные козни» хитроумной республики св. Марка. Ю. Крижанич писал, что когда у чужеземцев*«есть* свои собственные причины войны с турками, они притворяются, будто ведут войну за веру Христову и втягивают нас в союзы, чтобы взвалить на нас тяжесть войны. Венецианцы — особенные хитрецы в таких делах. Они в свое время обманули испанского короля и папу, ибо, убедив их войти с ними в союз и одержав большую победу над турками (при Лепанто. — *В. К.),* тотчас оставили своих союзников, заключили мир с турками и повернули турецкое войско против испанцев».

Собственно, и в новейшей литературе можно найти обвинения правительства Венеции в том, что оно, ведя тонкую дипломатическую игру, умело прикрыть реальные торговые и политические интересы своего государства «пышными словами о защите интересов христианского мира от неверных». В этом свете и венецианские попытки активизировать участие украинских казаков в

войне против Турции, в принципе совпадавшие с появившимся желанием части правящих кругов Речи Посполитой занять казачество внешними, а не внутренними делами, выглядят как «провокационные замыслы».

Конечно, Венеция в первую очередь отстаивала собственные интересы и исходила при этом из конкретной обстановки, но здесь нет ничего необычного для практики международных отношений. Ведь и несостоявшегося контрагента венецианцев Б. Хмельницкого, как замечает С.М. Соловьев, обстоятельства заставляли «хитрить со всеми, давать всем обещания, не становя ни с кем ничего решительного».

Славянское и греческое население венецианских владений было крайне недовольно колониальной и антиправославной политикой метрополии, но казаки прекрасно понимали, что олигархическая Венецианская республика была устроена совсем не по казачьему образцу. Непрерывно воюя с Турцией, они знали также, что венецианцы «водою в крентах (кораблях. — *В.К.)* и на голерах промышленики великие и с турским... салтаном бьютца беспрестани» и что «николи... турки от них с потехою не отходят». Правда, по окончании военных действий Венеции приходилось, как говорили, «целовать руку, которую не удалось отрубить», однако сдаваться на милость падишаха республика не собиралась. После захвата Константинополя османами и до конца XVII в. Венеция вела пять больших войн с Турцией и, теряя территории, никак не могла остановить ее натиск.

В 1645 г. турки вторглись на венецианский Крит, с чего началась очередная многолетняя война двух государств, закончившаяся только в 1669 г. османским захватом названного острова.

Понятно, что в военные годы Венеция всюду искала помощи в борьбе против Османской империи и стремилась объединить всех ее врагов и недоброжелателей. Потенциальных союзников венецианцы уже как бы по традиции видели в казаках, которые представлялись им ярыми врагами турок по северную сторону Дарданелльского и Босфорского проливов, закаленными воинами с суровым воспитанием, равным спартанскому, пренебрежением к накоплению богатств и страстной любовью к свободе. Особенно важным было то, что казаки могли отвлечь со средиземноморского театра значительную часть османских военно-морских сил, наносить удары вплоть до Стамбула и перекрыть северный вход в Босфор.

Реализации венецианских планов помогал Ватикан, который в отношении казачества, помимо желания остановить турецкую экспансию, преследовал и специфические цели. С.Н. Плохий считает, что папская и польская дипломатия в 1640-х гг. и вообще с конца XVI в., во время крестьянско-казачьих восстаний на Украине, добивалась двух целей: «с одной стороны, убрать "горючий материал" стерритории Речи Посполитой, с другой — подключить казачество к очередной антитурецкой лиге, создававшейся под эгидой папства». Разумеется, католической, но светской Венеции внутренние межэтнические и конфессиональные заботы шляхетской Полыни были гораздо менее интересны, чем клерикалам римской курии,

6 августа 1645 г. в Варшаву прибыл венецианский посол Джан (Джованни) Тьеполо, который до 1647 г. включительно вел переговоры с королем Владиславом IV об общих планах войны с Османской империей и конкретно просил организовать сильную диверсию запорожских казаков на Черном море для сожжения строившихся там турецких галер и «близлежащих лесов» и для удара при благоприятной обстановке по направлению к Стамбулу. Посол предлагал 30 тыс. талеров, часть которыхдол-жна была пойти на упомянутую диверсию.

У короля в 1632— 1644 гг. постепенно вызревал план войны с Турцией, и значительное место в нем отводилось казакам, лично знакомым монарху со времени Хотинской войны. Он не возражал против подготовки такой диверсии и даже заметил, что 25 чаек стоят наготове, но затем отступил: государство было не готово к войне, и Владислав больше склонялся к военным действиям против Крыма, а не против его сюзерена.

Посол услышал, что требуются дополнительные средства на строительство новых чаек и что у монарха большие планы, согласно которым войну против татар должна взять на себя Москва с приданной частью польского войска, а он сам с главным корпусом и союзными молдаванами и валахами пойдет на Дунай и одновременно пошлет запорожцев на Черное море. Мы, говорил о них послу коронный канцлер Ежи Оссолинь-ский, «в то же время пихнем толпы Козаков к Царьграду». Король планировал привлечь к войне также Персию и западноевропейские страны и, соответственно, зондировал почву. Сумму, потребную Речи Посполитой от Западной Европы, он исчислял так: 300 тыс. талеров до начала войны и по 100 тыс. на каждый месяц военных действий, итого на первый год войны 1,5 млн талеров.

В том же 1645 г. Владислав вел переговоры о совместной антиосманской войне христиан и с нунцием в Варшаве, архиепископом Адрианопольским Джованни ди Торресом, но тот обещал всего лишь 2 тыс. скуди, да и то, кажется, без ведома папы. В первые месяцы 1646 г. проект морского похода казаков продолжал обсуждаться и конкретизироваться. В январе Д. Тьеполо соглашался предоставить 20 тыс. талеров на организацию диверсии (король просил 60 тыс.), добавив, что Венеция не замедлит вознаградить казаков по их возвращении из экспедиции с реальными результатами, после сожжения турецких галер и судов в портах и на верфях Черного моря.

В том же месяце договорились, что в первые дни весны, когда растает снег и значительно поднимется вода в Днепре, запорожцы на 40 чайках выйдут в море. «Е[го] м[илость] король, — говорилось в отчете Д. Тьеполо своему правительству, — обещал мне использовать все пружины, чтобы уничтожить леса и галеры, даже строющиеся в Стамбуле...» Иными словами, предусматривался набег в Золотой Рог, на арсенал Касымпашу.

В январе же сенат Венеции дат согласие Д. Тьеполо обещать Владиславу 500 тыс. талеров — по 250 тыс. в год, равно разложенные на кварталы, но только с началом военных действий Польши против Турции, тогда как королю требовались деньги до начала войны для организации армии. Впрочем, из донесений посла видно, что до конца 1646 г. он не продвинулся в своих обещаниях дальше суммы в 100 тыс. талеров, — очевидно, желая сэкономить средства республики, хотел заплатить за военную помощь как можно меньше.

Весной в Варшаве состоялись тайные переговоры Владислава и нескольких сенаторов с представителями Войска Запорожского. Последние поддержали замысел большого черноморского похода, и была достигнута договоренность о том, что Сечь приступает к строительству судов, а король выплатит ей на это 18 тыс. злотых. Тем временем и Ватикан увеличил размеры предполагавшейся субсидии — Д. ди Торрес получил согласие папы выделить Польше максимум 30 тыс. скуди, но опять-таки лишь в случае начата военных действий.

В том же году свой план сокрушения Османской империи предложил господарь Молдавии Василе Лупу, связанный близким родством с польско-литовскими аристократами Конецпольскими и Радзивиллами и с сыном украинского гетмана Тимофеем Хмельницким (зятем господаря). План предусматривал создание широкой антитурецкой лиги Востока и Запада, покорение Крыма, новое взятие Азова и в конце концов захват Стамбула.

В мае и последующих месяцах 1646 г. Владислав заявлял, что запорожцы уже пошли на море и активно там действуют, о чем говорилось в главе X. Согласно В. Чермаку, это была фальшивая информация, так как в том году дело до похода казаков не дошло, а маневр короля был призван вселить в Д. Тьеполо веру в возможность скорых военных действий с Турцией.

Монарх пытался организовать казачью морскую экспедицию ив 1647 г. Прибывший на Дон «из Запорог города Кодака черка-шенин» Дмитрий Мигалев в ноябре 1646 г. говорил в кругу в Черкасске, что король велит черкасам готовить к весне суда и идти затем на Крым и Турцию. «А прислал... х королю литовскому лист папа Римской, велел ему заступить Черное море войною, — а са мною де (папой. — *В.К.)* на них, поганцов, встали все франки (европейцы. — *В. К.)* з Белого моря, и влохи с можа-ры с ними ж вместе востали».

Великий коронный гетман С. Конецпольский еще в сентябре 1645 г. напоминал Д. Тьеполо, что на диверсию казаков, которая вовлечет Польшу в войну, требуется согласие всех сословий королевства. Переговоры посла лично с гетманом в 1646 г. ни к чему не привели: тот соглашался на диверсию, «если будет возможность», только после нападения татар на Польшу, которое должно было дать предлог для войны, и по получении из-за границы значительных субсидий, без которых считал ведение войны невозможным.

Планы Владислава начать войну с Турцией разбились о сопротивление представителей сословий Речи Посполитой и прежде всего магнатов, которые либо вообще не желали такого развития событий, либо по крайней мере высказывались против вступ-ления в войну до решения «казачьих дел», предельно обострившихся накануне мощного восстания на Украине. Сеймы 1646 и 1647 гг. не поддержали короля.

Миссия Д. Тьеполо, таким образом, закончилась неудачей, но даже одни военные приготовления в Польше вызвал и тревогу в Османской империи, а осенью — в начале зимы 1646 г. и панику в Стамбуле. Туркам пришлось усилить свои войска, стоявшие против Польши, и, следовательно, оттянуть силы, которые можно было бы использовать против Венеции.

На 21 марта 1648 г., по сведениям польного гетмана Н. Потоцкого, строившиеся запорожцами чайки были «одни еще не изготовлены, а другие хотя и готовы, но не т ео аррагаш

еС огйте (в том снаряжении и устройстве. — *В.К.),* чтобы годиться ас! ЬеНит пауа!е (для морской войны. — *В.К.)».* 10 мая умер Владислав ГУ, и к этому времени уже начались активные боевые действия освободительной войны на Украине.

Они не позволяли осуществить желательные для Венеции операции на Черном море. В надежде на польско-украинское примирение венецианская дипломатия поддерживала избрание на престол Яна II Казимира. Зборовский мир 1649 г. весьма оживил эту надежду, и стали предприниматься попытки включить в антиосманскую коалицию фактически независимую Украину. Осенью 1649 г. сенат Венеции, не имевший тогда своего представителя в Польше, поручил послу в Священной Римской империи германской нации (в Вене) Пикколо (Микеле) Сагре-до установить контакты с гетманом Украины и провести с ним переговоры об участии казаков в морской войне против Турции. Нунций Д. ди Торрес по просьбе посла рекомендовал использовать для этой цели своего сотрудника, венецианца по происхождению, священника Альберто Вимину да Ченеду (подлинное имя Никколо, или Микеле, Бьянки).

В марте 1650 г. сенат принял решение о миссии А. Вимины, который затем, заручившись поддержкой короля и польских верхов, отправился в Чигирин, где встретил благожелательный прием. Переговоры с гетманом состоялись 24 мая — 3 июня. Б. Хмельницкий в том же году говорил русскому послу Василию Унковскому, что представитель Венеции приезжал просить «помочи на турского царя морем», ибо «у них... с турским царем война великая».

Конкретно А. Вимина пытался уговорить гетмана послать казачью флотилию под Стамбул, который уже 22 месяца блокировался венецианским флотом со стороны Дарданелльского пролива, и хотя бы на несколько недель прекратить подвоз продовольствия в турецкую столицу с Черного моря. В сочетании с активными действиями венецианских военно-морских сил можно было бы добиться полной блокады Стамбула, что явилось бы большим ударом по Турции, вызвало там значительные беспорядки, за которыми неизбежно последовал бы и распад всего государства. Венеция была готова оказать запорожцам финансовую помощь «казной великой».

В советской литературе утверждалось, что Б. Хмельницкий, «разгадав провокационные замыслы своих врагов, отказался от предложения Венеции». Дело же заключалось в ином. Гетман, ничего не разгадывая, знал, что Украина находилась совершенно не в том положении, чтобы воевать на два фронта; Зборовский мир, не устраивавший обе стороны, был непрочен, а Речь Посполитая готовилась к новым военным действиям против Украины, и их возобновление было неизбежным; наконец, не приходилось особенно доверять союзному Крымскому ханству.

Б. Хмельницкий заявил А. Вимине, что казаки всегда воевали с Турцией, и сейчас у них на днепровском устье готовы к походу суда, но польские магнаты не дают возможности «подать руку помощи светлейшей Венецианской республике». Кроме того, когда «домашние дела» не улажены, большую роль играет позиция крымского хана, и если бы он вступил в войну с турками, то тогда сложилась бы совершенно другая ситуация. Гетман, по его словам, сказал гостю: «... будет крымской царь к вам... на помочь, и я к вам буду помогать; а только крымской царь к вам на помочь не будет, и мне помочь вам дать нельзе, потому мне крымской царь и орда с приязни, а они под рукою турского царя». Б. Хмельницкий «в людех отказал», так как «люди надобны ему себе».

Вместе с тем гетман не исключал полностью возможность оказания помощи венецианцам. А. Вимина, правда, оценивал ее как весьма сомнительную в сложившихся условиях, но добавлял, что остается надежда на какой-либо малый поход казаков против Турции и что даже он имел бы большое значение для республики. Только сама весть о запорожском набеге, по мнению венецианца, могла бы вызвать бунты среди подневольных народов Османской империи, подтолкнуть Молдавию, Валахию, Трансильванию и даже Москву к войне с османами, а турецкое правительство — к заключению мира с Венецией; следовательно, на это не надо жалеть денег.

Формальный итог переговорам был подведен в письме Б. Хмельницкого на имя Н. Сагредо от 3 июня 1650 г., где выступление Украины против Османской империи оговаривалось невыполнимыми в тот период требованиями. Это был фактический отказ, и миссия А. Вимины, как и перед тем Д. Тьеполо, таким образом, не удалась. Украинцы говорили, что «гетман венетцкого посла отпустил ни с чем»".

Реакция Турции на случившееся была весьма положительной: «И про то сведав, везирь великий... послал к гетману посла... благодаря ево, что он... венецкому послу людей в помочь на них не дал. И гетман... того посла турсково отправя, и с ним послал до царя турского своего посла, и царь... почитал вельми гетманова посла и жаловал, что никоим... послом такой чести не бывало...

и своево посла послал до гетмана... а даров к гетману турской посол вел 2 коня турских да нес саблю оправную да топор...»[9]

Впрочем, Венеция рассматривала поездку А. Вимины лишь как начало переговоров, и сенат собирался снова направить того же представителя на Украину, теперь уже в качестве официального посла. Однако украинско-польская война, показав, что пока нет особого смысла надеяться на помощь запорожцев, заставила сенаторов отказаться от этого намерения.

Венецианская дипломатия продолжала действовать через Варшаву. В конце 1650 г. и в следующем 1651 г. высокопоставленный представитель Венеции Джироламо Кавацца, по определению С.Н. Плохия, прилагал «титанические усилия для заключения украинско-венецианского союза». В январе 1651 г. этот сановник добился подписания договора с Польшей о совместной антиосманской борьбе, лично прибыл под Берестеч-ко, где в июне произошло неудачное для украинцев генеральное сражение, и безуспешно пытался уговорить Яна Казимира повернуть польские войска на Турцию.

И. В. Цинкайзен указывает, что Венеция предусматривала выплату Речи Посполитой во все время войны с Османской империей ежегодно по 250 тыс. дукатов, а та должна была бороться с турками на суше и особенно силами казаков на Черном море, однако помешали освободительная война украинцев и несогласие сторон касательно сроков выплаты субсидии. Согласно тому же автору, в 1652 г. Д. Кавацца вторично предпринял попытку бросить запорожцев на турецкое черноморское побережье, но их денежные требования для снаряжения судов оказались такими большими, а влияние короля на Украине даже после возобновления мира таким слабым, что венецианец должен был покинуть Варшаву совершенно безрезультатно.

О последующих усилиях Венеции, связанных с желательным нанесением казачьего удара по Босфору, имеется сообщение преемника Б. Хмельницкого, гетмана И. Выговского, московскому стольнику Василию Кикину, датируемое 31 августа 1657 г. Примерно два года назад, рассказывал новый руководитель Украины, «присылали к бывшему гетману, к Богдану Хмелницко-му... венецыяне послов своих говорить о том, чтоб нам... с войском своим итить с Запорожья стругами под Царьгород, а они... свестись с нами, хотели приходить от себя морем и промышлять над Царемгородом заодно, а обещались... нам венетове на войско наше дать милион червонных золотых».

Но, продолжил И. Выговский, «нам... в то время было от неприятелей наших, от ляхов и от хана, не до Царягорода — до себя. А как... всесилный Господь подаст помощи великому государю нашему (российскому царю. — *В.К.)*... на короля пол-ского, и тогда будет изволит великий государь наш сослатца с венецыяны и промышлять над бусурманы заодно, и мы... всем Войском Запорожским и с малыми детми на службу его царского величества, за избаву всего православия, на Крым и на гурков землею и водою вси радосно готовы».

Добавим, что в 1655 г. завершилась успехом поездка в Стамбул украинских представителей Романа и Якова: Мехмед IV запретил крымскому хану нападать на Украину. Среди причин благосклонности султана Г.А. Санин называет сильное нежелание Турции увидеть «казацкие отряды на черноморском побережье» в то время, когда османская эскадра в Мраморном море потерпела поражение от венецианцев и когда они никого не пропускали «на Белое море из Царьграда и с Белого моря в Царьград».

Дипломатия Венеции, сосредоточившись на Украине и запорожцах, гораздо меньше внимания уделяла Войску Донскому. Причины этого излагались П. делла Балле, но к ним надо прибавить долгое первенство Сечи в морских набегах, тревоживших малоазийское побережье и Босфор, и гораздо меньшее знакомство с донскими казаками, далекими от Польши и всего католического мира. Однако Запорожье было отвлечено освободительной войной, первенство в черноморских походах перешло к донцам, и с 1651 г. удары по Прибосфорскому району и самому Босфору наносились исключительно с Дона. Естественно, усилился и интерес Венеции к донским «схизматикам».

И.В. Цинкайзен говорит, что в 1652 г. «толпа донских казаков высадилась со своих лодок в окрестностях Варны и опустошила эту местность вдоль и поперек, что и понудило Порту крайне спешно оттянуть часть своего флота, находившегося в Дарданеллах, на Черное море». Это же побудило синьорию искать дружбы и помощи царя Алексея Михайловича, под чьей властью, как считали, находились названные казаки. Думаем, что врядли в Венеции не заметили также набегов донцов к Босфору 1651—1652 гг. Согласно И.В. Цинкайзену, в венецианских верхах, правда, были сомнения насчет полезности тратить деньги «для связи с этими удаленными варварскими

народами, которых венецианцы едва знали по имени». Но наконец решились направить посольство в Москву, которое было вверено упоминавшемуся А. Зимине.

С богатыми подарками царю от дожа Франческо Малины и полномочиями обещать донцам достаточную денежную помощь он и отправился в российскую столицу, где был принят очень дружески и с почетом. 11 ноября 1655 г. на приеме у Алексея Михайловича посол «домогался, чтоб послал государь... донское войско натурков и тем бы облегчил производящуюся между ими (венецианцами. — *В.К.)* и турками войну», однако, по существу, ничего не добился по причине известного состояния русско-польских отношений. В посланной с А. Виминой грамоте дожу от 23 ноября царь обещал прислать официальный ответ со своим дипломатическим представителем.

В июле следующего 1656 г. послы стольник Иван Чемоданов и дьяк Алексей Посников направились в Венецию[10], где 22 января 1657 г. имели аудиенцию у дожа. И. Чемоданов уверял, что его государь не только прежде посылал донцов против Турции, но и впредь употребит всю свою мощь на благо христианства, но именно теперь «посылать пожеланию его, дожа, про-тиву турков донских казаков для того нельзя, что Россия имеет руки, связанные войною с поляками, по замирении же учинен будет о сем договор». При этом посол просил у Венеции заем на военные действия против Швеции.

«Венециане, отказом помочи донцами противу турков быв оскорблены, — указывает Н.Н. Бантыш-Каменский, — равным образом отказали посланникам и в займе денег, извиняясь, что по бедности своей и по военному с турками времени ссудить оными не могут...» Такого же содержания была и ответная грамота дожа, в которой повторялась просьба о помощи против османов, «с коими 13 лет сражаяся, в изнурение пришла Венеция».

Если верить Ю. Крижаничу, то венецианцы все-таки извлекли из переговоров некоторую выгоду: убедив «своими хитрыми баснями... великого государя (московского. — *В. К.)* отправить к ним своих послов», «использовали это дело в своих целях, распустив слух, будто великий государь заключил с ними союз против крымцев. Из-за этого крымцы сильно разгневались на это царство (Россию. — *В. К.),* и турецкий царь приказал им ни за что не мириться, а воевать с Русью».

Не исключено, что Венеция обращалась и напрямую к донцам, но следы этих контактов, которые Войско Донское должно было скрывать от Москвы, в источниках не просматриваются.

Из последующего времени известен проект уничтожения Османской империи с определенной ролью казачества, который в 1663 г. разработал «Великий Тюренн» — маршал Франции Анри де Ла Тур д'Овернь виконт де Тюренн, считающийся самым блестящим полководцем Европы XVII в. По этому плану в разгроме Турции должны были принять участие западноевропейские государства, Россия, Польша, Персия и др., а со стороны Черного моря — казаки.

В начале 1670-х гг. доминиканцы М. ди Сан-Джованни и А. ди Сан-Назаро, посланные незадолго до окончания венецианско-турецкой войны в Персию для переговоров о совместных действиях и вернувшиеся в Италию через Россию и Польшу, излагали сенату Венеции свой антиосманский план, в котором важное место отводилось донцам и запорожцам с их предполагавшимися операциями непосредственно против Стамбула.

Союз московского и польского государей, говорилось в представленном документе, «может поставить султана в большое затруднение», а «экспедиции в Черное море при помощи казацких чаек, каждая в 70 или 80 вооруженных людей, сильно повредят» правителю в связи с зависимостью Стамбула от подвоза продовольствия с этого моря и «потребностями большого и населенного города». «Чайки легко запрут кораблям, идущим этим морем, вход в Константинопольский пролив, как случалось и в другие разы...»

Больше того, «атакуя их (турок. — *В.К.)* с Черного моря и тревожа на суше в провинциях Валахии, Молдавии и Трансиль-вании, нападающие легко могут проникнуть до Константинополя при отсутствии крепостей и укрепленных городов, которые помешали бы тому, в особенности если еще привлекут на свою сторону большую часть татар, которые не повинуются ве-ликому хану и руководятся единственно надеждой на хорошую добычу». А если, кроме того, полагали доминиканцы, одновременно русская и польская армии будут действовать против Турции в Европе, персидская в Азии и венецианский флот со стороны Средиземного моря, то тогда под соединенными ударами должна «неотразимо пасть эта сила, которая при помощи тирании владеет столькими царствами и с каждым днем завоевывает новые».

В 1672 г. знаменитый немецкий ученый Готфрид Вильгельм Лейбниц выступил с трактатом, где излагал свой план разгрома османов объединенными силами Европы во главе с французским

королем Людовиком XIV и уделял при этом значительное внимание предстоявшей роли казачества.

Интерес к казакам в европейских странах не уменьшался, однако менялось само казачество и изменялся характер его действий. Хотя в 1674 г. П. де Вансьен, повторяя замечания Л. де Курменена, относившиеся к 1624 г., еще писал, что турки «не считают невозможным» взятие Стамбула казаками, если у тех будет «побольше счастья», а в разных государствах еще долго выходили «отдельные сочинения, издававшиеся специально о козацких подвигах» и свидетельствовавшие о «важном значении козацких морских походов для своего времени», увы, время набегов казаков к Босфору и Стамбулу, а затем и вообще на Черное море неумолимо истекало и наконец совсем закончилось.

3. Помощь антиосманским силам

«Исследование истории морских походов казаков на Турцию, — по мнению Я.Р. Дашкевича, — дает возможность выявить своеобразную очередность: они усиливались в те годы, когда Турция впутывалась в новую войну на Востоке или на Западе. Очевидно, Запорожская Сечь имела в своем распоряжении сведения о внешнеполитическом положении Турции и использовала их в стратегическом плане». В главе VI мы уже частично касались этого вопроса. В самом деле, казаки, и не только запорожские, были хорошо информированы о международных делах Османской империи. Даже по отрывочным источникам, относящимся к Войску Донскому, можно увидеть, что оно постоянно собирало соответствующую информацию и, конечно, затем ее анализировало в целях использования.

Приведем примеры только по одному году и в отношении Средиземноморья. В 1646 г. казаки захватили на море турецкий «подвозок» (транспортное судно) вместе с чавушем, кади и другими людьми, направлявшимися из Стамбула в Азов, «а которые... грамоты с чеушем были, и те... грамоты казаки взяли ж». Пленных допросили о столичных «вестях». Один из взятых в плен, «побусурманенный» русский мужик Мартын Григорьев, присланный затем в Москву, показал, что все войско Турции и все служилые люди из Кафы пошли под Мальту, что там, как говорят, побито турок «с 60 000 человек» и что русским послам в Стамбуле чинится «теснота» за присылку Москвой на Дон «вольных людей».

В том же году из Азова к казакам перебежали три татарина, которые рассказали о военных действиях на Белом море в ходе войны Турции «с немецким фрянским королем». О той же войне и боевых действиях под Мальтой сообщил «прикормленный» крымский татарин, приезжавший к донцам, после чего атаман станицы, которая направлялась в Москву, Т. Иванов говорил, что Азов объят паникой, ибо «помочи себе ис Царягорода не чают, для того что у турсково царя ныне война с шпанским королем, и посылает из Царягорода ратных людей на шпансково под Мальт». Ранее мы уже говорили о показаниях черкашенина Д. Мигалева, относящихся к тому же году и посвященных тем же военным действиям на Средиземном море.

Нет сомнений, что в итоге в руки казаков попадали самые разнообразные сведения о делах в дальнем зарубежье. Касаясь показаний одной из групп «выходцев» из османского плена, И.Ф. Быкадоров даже считает возможным утверждать: «Их сведения о политических делах в государствах Зап[адной] Европы показывают несравненно больший кругозор, чем таковой обрисовывается в отписках московских послов своему государю».

И конечно, для казаков была важна прежде всего оперативная информация о флоте и армии Турции. В.П. Загоровский полагает, что когда в 1651 г. донцы вновь активизировали свою военно-морскую деятельность, османский флот, занятый венецианской войной, «не противодействовал казакам», и они добились больших успехов. Хотя утверждение о «непротиводействии» является значительным преувеличением, донцы явно учитывали положение на средиземноморском театре, а военные действия в том регионе облегчали казачьи набеги, в частности и в район Босфора.

Однако мы имеем дело со взаимосвязанными процессами и можем то же самое сказать об их средиземноморской составляющей: действия казаков на Черном море и Босфоре решительно способствовали усилению позиций западноевропейских противников Турции. Много сведений на этот счет содержится в материалах посольства Т. Роу. Прежде чем обратиться к ним, напомним, что если Испания, Австрия, Венеция и ряд других государств были заинтересованы в ослаблении Османской империи, смутах и мятежах на ее территории и казачьих набегах на ее земли, то французское и особенно английское правительства стремились направить силы Турции против своих европейских соперников — Испании и Австрии — и потому воспринимали действия

казаков на Черном море и Босфоре, отвлекавшие эти силы, как сильную помеху собственным стратегическим интересам.

Именно по этой причине Т. Роу писал: «Если бы казаки оставили нас (в Стамбуле. — *В.К.)* в покое, то это было бы все, что я желаю», — а позже желал им «небольшой удачи» в случае прихода на Босфор. Из-за того, что «нашествия казаков... удерживают армаду (турецкий флот. — *В. К.)* на Черном море к великой выгоде Испании», дипломат пытался содействовать правительствам Турции и Польши в урегулировании их отношений, а 2 октября 1625 г. вручил великому везиру свое «Рассуждение о договоре Испании с великим синьором», где, имея в виду заинтересованность Испании в казачьих набегах, прямо говорил об одном предполагавшемся пункте документа: «Что король Испании будет способствовать королю Польши удерживать казаков, более нелепо, чем сон».

Не удивляет в связи с этим, что в бумагах Т. Роу мы часто встречаем весьма недовольные реплики по поводу отвлечения османского флота из Средиземноморья. «Казаки, — писал дипломат Э. Конвею 21 февраля 1624 г., —... заставят нас пробудиться...» Поскольку капудан-паша готовит «армаду» против них, «Средиземное море будет два года без турецкого флота; до сих пор испанцы этого не замечают». Спустя год, в феврале 1625 г., посол информировал того же адресата о подготовке османской «армады» для обороны черноморского побережья от казаков и замечал, что «таким образом Средиземное море будет свободно (от присутствия султанского флота. — *В.К.)* и испанец свободен, который... использует эти неурядицы в своих собственных целях». Известно, что в 1625 г., когда состоялся поход казаков с Яхьей, капудан-паше, по сведениям Т. Роу, пришлось выйти в Черное море, собрав «все галеры Архипелага».

Еще через год, в апреле 1626 г., посол писал герцогу Д. Бэкингему, что поскольку турецкая «армада» приготовилась защищать черноморские берега и Босфор, «Средиземное море будет свободным к великому удовлетворению испанца». Наконец, 22 марта 1627 г. в письме Т. Роу Э. Конвею появляется приятное известие: «Капитан-паша кончает готовить два флота, один меньший, чтобы охранять Черное море, другой — чтобы навестить самолично Средиземное море, что весьма необходимо...» Выразив надежду, что он это сделает, посол, однако, далее сообщал, что татары недавно вторглись в Польшу и возвратились с добычей и 6 тыс. пленных, а казаки, «довольные поводом», готовят 200 «фрегатов» «для отмщения». «Если этот слух подтвердится, то вся сила этого города (Стамбула. — *В. К.)* будет обращена на защиту, и моря Леванта будут оставлены...»

Подобные отвлечения сил турецкого флота и армии наблюдались и до 1620-х гг., и в последующий период. В 1614г. в связи с казачьими нападениями на города Анатолии османское командование было вынуждено перебросить на Черное море свою «армаду» из Дарданелльского пролива. Мы уже отмечали, что только слухи 1646г. о приготовлении Польши к войне и намерении короля послать запорожцев вплоть до Стамбула заставили турецкое командование ослабить натиск на Венецию. Действия казаков у Румелии 1652 г. понудили Стамбул «крайне спешно оттянуть на Черное море» часть своего флота, находившегося в Дарданеллах, на венецианском театре военных действий.

Из-за казачьей угрозы султаны и их военачальники не раз отказывались от проведения средиземноморских операций, в том числе уже начинавшихся.

Капудан-паша, рассказывает «Всеобщая история о мореходстве», в 1611—1612 гг. «с нетерпением выдерживал... нещастия», связанные с успешными операциями против турок тосканского, мальтийского и неаполитанского флотов. «Для отвращения оных выступя из Константинополя (в 1612 г. — *В.К.) с* 33 галерами, он приказал всем архипелажским пашам собраться к нему со всеми галерами, какие можно было найти. Но между тем, как он таким образом готовился к освобождению городов (куда вторглись средиземноморские неприятели. — *В.К.)*[n], от ужаса принужден был оставить сей поход и итти против русских морских наездников, которые, вышед из всех устьев впадающих в Черное море рек, опустошали султанские области, простирающиеся по берегам сего моря».

В письме Мурада IV польскому королю Сигизмунду III от сентября 1628 г. (нового стиля), т.е. уже после летнего нападения донцов и запорожцев на Босфор и других казачьих набегов этой кампании, говорилось, что люди из османских владений, как румелийских, так и анатолийских[12], жалуются на большие «шкоды» и разграбление поселений со стороны казаков, вышедших в море с немалым числом лодок. По этой причине, заявлял султан, мы, отказавшись от отправки флота на Белое море, послали везира и капудан-пашу Хасан-пашу для ликвидации тех «негодяев» и охраны жителей от дальнейших «шкод». В письме королю от каймакама приводилась та же информация с

указанием на множество казачьих лодок и разграбление и сожжение казаками многих поселений и с добавлением, что флот уже был отправлен на Белое море, но властям пришлось снова послать корабли на Черное море[13].

Средиземноморские противники Османской империи использовали отвлечение ее сил на защиту от казаков для активизации собственных действий. В 1624 г., во время сильных казачьих набегов на Босфор и Прибосфорский район и борьбы капу-дан-паши с казаками и крымскими «мятежниками», «пришли в движение» мальтийцы, которые «взяли у корсаров Берберии пять больших кораблей», уведенных затем на Мальту вместе с командовавшим ими Османом Рейсом и 350 пленниками.

«В то время как все морские силы были заняты (действиями против казаков. — *В. К.),* — доносил 2 июня 1627 г. Т. Роу, — ... Архипелаг был оставлен без защиты, и шесть галер, как мы полагаем, великого герцога (Тосканского. — *В.К.)* пришли к устью Геллеспонта и взяли один галион и много меньших кораблей каирского флота... сообщают о добыче в миллионы. Эта тревога заставила великого синьора послать на Черное море, и немедленно из армады были выделены 12 галер и посланы искать христиан, которые, я не сомневаюсь, ушли со своими богатствами».

В 1620-х гг. турецкий корсар Азан Калефат, имея эскадру кораблей и «сделавшись страшилищем на море, перелетывал туда и сюда с такою быстротою, что, кажется, в самое короткое время везде получал новое бытие», но, оставшись без необходимой поддержки османского флота, в конце концов был разбит соединением из восьми неаполитанских, четырех тосканских и трех папских кораблей. «Во время сих неприятельских действий, происходивших на Средиземном море, — подчеркивают французские авторы, — Амурат (Мурад IV. — *В. К.)* терпел непрестанное беспокойство от Козаков и сколько ни старался их усмирить, но все усилия обращались всегда к собственному его вреду».

Под влиянием успешных казачьих набегов на Босфор ряд осведомленных западноевропейцев высказывал сожаление о не состоявшемся одновременном и мощном наступлении на Османскую империю с юга. Мы уже приводили высказывания на этот счет, сделанные М. Бодье после событий 1624 г.: Средиземное море находилось тогда без защиты, и был удобнейший случай для нападения христианских стран на Турцию. «В то время, — вторит названному автору " Всеобщая история о мореходстве", — конечно бы решилась судьба империи Оттоманской, естли бы христиане в толь благоприятных обстоятельствах учинили на нее нападение». Однако в рассматриваемое время политика Франции и Англии в отношении Турции и казаков, как мы знаем, была совершенно иной.

Казачья морская война оказывала также воздействие на события персидско-турецкого фронта, и ситуация в «связке» черноморских и босфорских набегов казаков с делами Персии была похожа на европейскую. Обычно считают, что донские войсковые власти выступали против казачьих разбоев на персидском побережье Каспия под давлением Москвы или из-за нежелания ссориться с нею. Но эта позиция имела и еще одну, не менее важную причину. Стратегические интересы Войска Донского требовали не ослабления Персии, а усиления ее действий против Турции. В свою очередь, операции казаков на Черном и Азовском морях и на Босфоре оттягивали на себя османские силы, предназначавшиеся для борьбы с персами.

Еще в 1590 г. венецианский посол в Стамбуле Джеронимо Липпомано сообщал дожу о послании Мурада III английской королеве Елизавете, из текста которого вытекало, что во время закончившейся в том году многолетней турецко-персидской войны казаки сильно беспокоили Османское государство нападениями на его территорию и что только теперь, по завершении войны, султан оказался способен и намеревался наказать казаков.

Точно так же в качестве отвлекающего фактора запорожцы и донцы выступали и в ходе войн Турции с Персией 1600— 1610-х гг., азатем затрудняли положение Османской империи в персидской войне, которая велась с 1623 г. «Турция, — пишет об этом времени и действиях запорожских казаков А.А. Новосельский, — не могла сосредоточить своего внимания и своихсил для борьбы с Персией». Английское посольство в Стамбуле в 1624 г., перед первым и самым мошным казачьим нападением этого года на Босфор, указывало, что туркам приходится вести войну не только на главном персидском направлении, но и на черноморском казачьем тоже.

В следующем году в связи с набегами запорожцев и донцов на Трабзон, Самсун и Синоп османскому правительству пришлось перенацелить часть армии Илез-паши, которая, по словам бежавшего из плена сапожковского казака Алексея Васильева, имела будто бы 100 тыс. человеки шла под Багдад, занятый персами, а теперь была вынуждена направить свои силы от То-ката и

Сиваса к побережью Черного моря. Это сильно осложнило для Турции обстановку на персидском фронте.

Н.Л. Янчевский, говоря об изложенных событиях, даже утверждает, что таким образом Москва руками казаков «оказала существенную услугу» своей союзнице Персии. Впрочем, у этого автора получается, что и Азов в 1637 г. был взят казаками по команде Москвы ради помощи персам.

Мы уже цитировали депешу Ф. де Сези Людовику XIII от 8 марта (26 февраля) 1626 г. о намерении султана лично идти на Персию и уговорах сановников не оставлять Стамбул из-за татарско-казачьей угрозы. Несколько позже, но в том же году Э. Конвей информировал Т. Роу, что князь Трансильвании и бывший венгерский король Бетлен Габор советует туркам заключить мир с персами, чтобы использовать все свои силы против Польши и для обеспечения собственной безопасности от казаков.

«Казачья карта» имела вес и на Кавказе. Приближенный имеретинского царя Александра III Рамазан, вернувшийся 19 июля 1651 г. из Мегрелии, говорил московскому послу Н. То-лочанову, что тамошний правитель, вассал Турции Леван II Да-диани, как только «послышал» о набеге донских казаков к Стамбулу, «почал быть от них в болшой боязни», а в Мегрелии вообще полагают, что «будет и он под государьскою высокою рукою (русского царя. — *В.К.),* только изволит царское величество на него... послать с Дону казаков, а царь (Имеретин. — *В.К.)* от себя своих ратных людей». Затем Александр прямо просил прислать донцов, чтобы «с неприятели своими управитца» и расширить пределы Российского государства.

9 октября 1651 г. правитель Имеретии подписал крестоцеловальную запись о переходе страны «под высокую руку» московского царя, а на следующий день направил в Москву послание, в котором буквально умолял ее оказать помощь донскими казаками против «врага христианства» Дадиани. «Если государь сжалится над нами и захочет, — говорилось в послании, — стоит ему только приказать донцам, и он овладеет Черным морем и этим устроит сообразно желанию своему константинопольские дела».

Уже отмечалось, что даже весьма далекие от Средиземно-морско-Черноморского бассейна государства пытались использовать в своих интересах отвлечение Турции на борьбу с казаками. У Т. Роу среди таких стран прямо называется Швеция.

«Угнетенному христианству, — заявлял в 1621 г. митрополит Иов, — несомненно, во всем мире никто после Бога не оказывает таких великих благодеяний, как греки окупами (выкупом пленных. — *В.К.),* испанский король своим сильным флотом, а Войско Запорожское своею храбростью и победами...» Казачьи набеги на Турцию и Стамбул оказывали влияние и на развитие освободительного движения различных народов многонациональной Османской империи, которая была вынуждена бросать вооруженные силы на его предотвращение и подавление.

«Успешные военные действия казачества на Черном море, — справедливо замечает Б.В. Лунин, — не могли не поднимать морального духа тяжко порабощенных турками балканских славян и вселяли в них чувство надежды на предстоящее освобождение от султанского ига». Это мнение разделяют и болгарские историки. Так, В. Гюзелев, сказав о набегах запорожцев и донцов «до самого Стамбула», добавляет, что они поддерживали в населении Болгарии «дух непокорности», а Иван Снегаров пишет об огромной популярности там русских, в частности в XVII в., чему способствовали казаки своими частыми нападениями на Царьград и черноморские города.

Мы говорили ранее о проявлении сочувствия казакам со стороны представителей греческого и армянского населения империи. В 1621 г. иерусалимский патриарх Феофан обратился к украинским казакам с призывом поддержать польского короля в предстоявшей войне с Турцией. «Ярмо турецкой неволи, — отмечалось в обращении, — грозит отчизне вашей от рук главного врага всего христианства. Станете в помощь отчизне и славу снис-каете Войску своему». Население и иногда даже правители подвластных османам стран, в частности Мегрелии и Гурии, вступали во взаимодействие с казаками.

Павел Алеппский, араб по происхождению, современник казачьих морских экспедиций и очевидец их последствий, в томчисле в Прибосфорском районе, рассказывавший о суровости и жертвах этих набегов, тем не менее замечал: «Татары трепещут перед ними (донцами. — *В.К.)...* Так как татары — наказание для христиан, живущих вокруг них, то Бог послал на них этих [казаков] в возмездие им (да увеличит Бог их силу над ними!). Также и турки на Черном море боятся казаков...»

Это была распространенная точка зрения среди христиан, поскольку и у митрополита Иова читаем: «Бог содержит их (казаков. — *В.К.)* и ими управляет; как некто написал, Бог татар положил на земле как некий молнии и громы и ими навещает и карает христиан, так и казаков низовых, запорожских и донских положил он другими молниями и громами живыми на море и на суше, чтобы ими страшить и громить неверных турок и татар».

И запорожцы, и западноевропейские дипломаты конца XVI в., как мы знаем, были уверены в присоединении к казакам, если их сильное войско появится на Дунае, тамошних христианских народов, которые «не в состоянии переносить долее тяжкое турецкое иго». Но также полагали и в более позднее время, и на этом, мы помним, строил свои планы Яхья, у которого, правда, целью являлся Стамбул. Сами турки на протяжении большей части XVII в. сильно опасались соединения с казаками христианского населения столицы и всего государства.

Отсюда проистекали подозрительное отношение властей к ряду предстоятелей православной церкви в Турции и отвлечение сил и средств на раскрытие соответствующих «враждебных заговоров».

В середине 1620-х гг. обвинению в заговоре подвергся константинопольский патриарх Кирилл Лукарис, оклеветанный, как считают, иезуитами, с которыми он вел борьбу.

Согласно Е.М. Овсянникову, ссылающемуся на книгу англичанина Смита, которая была издана в Лондоне в 1708 г., в феврале 1625 г. в Стамбул с тайными поручениями от Конгрегации пропаганды веры прибыли агенты-иезуиты. Первый из них, упоминавшийся выше Берилль, как писал Смит, должен был «внушить турецкому правительству, что благодаря содействию и убеждениям Кирилла были возбуждены к войне с турками казаки, подчиненные патриарху Константинопольскому в духовных делах», а второй обвинял Кирилла в том, что тот, имея тайные сношения с Испанией, препятствовал заключению турецко-испанского союза. Под войной подразумевался в первую очередь набег на Босфор, совершенный казаками в 1624 г., однако они подлежали духовному ведению московского, а вовсе не константинопольского патриарха, хотя он и имел авторитет в среде украинского казачества.

Т. Роу относит начало подрывной операции на год раньше и говорит, что для ее осуществления Рим прислал трех агентов: помимо названного Берилля, который должен был, как говорилось, поднять казаков именем патриарха, еще некоего мирянина, имевшего задачу пропагандировать «мир для испанца», и «иезуита-грека, практичного прозелита, обученного в Риме, по имени Канаки Росси».

«Отважные русские казаки, — излагает события Е.М. Овсянников, — приплыли на судах к Босфору, опустошили берега его и выжгли несколько селений в окрестностях самой столицы. Страх объял турок при виде столь грозного и неожиданного неприятеля. Пользуясь всеобщим смятением, иезуиты поспешили оклеветать Кирилла Л укариса как виновника этого государственного бедствия». По словам цитируемого автора, они «внушили правительству, что полчища казаков, угрожавшие столице, исповедуют греческую веру, что патриарх, глава православного народа, не раз посещал их земли (очевидно, этим клеветники намекали на пребывание Кирилла Лукариса в Юго-Западной Руси, в Молдавии и Валахии) и имел тайные сношения с их предводителями, что если они осмелились теперь явиться в виду самого Константинополя, то сделали это именно с тою целью, чтобы возмутить греков и побудить их к восстанию, о чем будто бы помышлял и патриарх».

Согласно сведениям Т. Роу, Кирилла и его окружение обвиняли в том, что они хотели втянуть греков в мятеж, а «многие из них посланы к казакам, чтобы побудить их к соединению по случаю экспедиции великого синьора в Азию и таким образом изгнать его навсегда из Европы».

Великий везир уже был готов поверить этим обвинениям и обрушить свой гнев на патриарха. Но скоро обстоятельства переменились не в пользу клеветников: казаки отступили, в Стамбуле все было спокойно, а в защиту Кирилла выступили послы двух протестантских стран, Англии и Голландии, с которыми он поддерживал связи, видя в протестантах союзников по борьбе с католицизмом.

Патриарху удалось оправдаться, однако, как считает Е. М. Овсянников, воспоминание о клевете, «по-видимому, глубоко запало в душу султана Амурата (Мурада IV. — *В, К.):* 15 лет спустя после этого, когда казаки стали снова угрожать Константинополю, жестокий султан велел предать Кирилла Лукарисасмерти». В действительности трагедия случилась через 14 лет после первого обвинения, и речь теперь шла не о конкретной угрозе именно османской столице, а об общей угрозе империи в целом в связи со взятием казаками Азова; впрочем, мы помним, что в Турции тогда ожидали массированного нападения на Стамбул.

По словам Е.М. Овсянникова, враги Кирилла подкупили «огромными подарками» везира Байрам-пашу, пользовавшегося особым благоволением падишаха. Когда последний отправился в Азию для завоевания Багдада, Байрам-паша «донес отсутствующему султану, что патриарх Кирилл Лукарис пользуется весьма большим авторитетом у греков, что по его наущению казаки недавно взяли приступом город Азов, что он человек злонамеренный, что в особенности должно опасаться, как бы он теперь, когда Константинополь не имеет войска, не возбудил греков к восстанию, что все эти опасения исчезнут, если Кирилл будет предан смерти. Султан, взбешенный гневом и подозрениями, уступил его советам и произнес роковой приговор о смерти, весьма скоро доставленный гонцом в Константинополь». Патриарх, схваченный янычарами, 27 июня 1638 г. был посажен в лодку, в ней удавлен и выброшен в море.

В 1657 г. обвинение в заговоре повторилось в отношении другого константинопольского патриарха, Паисия, но на этот раз оно сразу повлекло за собой убийство предстоятеля и, кроме того, резню стамбульских греков.

По рассказам ее очевидцев, сына боярского Никиты Псаре-ва, бывшего полоняника, и нескольких греков, бежавших из турецкой столицы, дело развивалось следующим образом. Патриарх и митрополит будто бы «писали грамоты... и печати приложили, и послали тайным обычаем самых худых людей, чтоб ни опознали их». Одного направили в Москву, адругого к венецианскому флоту и конкретно к патриаршему брату Антону, который в 1656 г. бежал из Стамбула в Венецию, стал военачальником у венецианцев и успел побить «многие тысячи» турок. Первому гонцу удалось выбраться из столицы, а второй был задержан на пристани армянскими купцами и вместе с найденной у него грамотой доставлен к везиру и султану.

В бумаге, написанной митрополитом, но подписанной Па-исием с приложением его печати, излагался план восстания в Стамбуле и вступления в город венецианцев. Антону предлагалось заключить союз с московским царем, вместе выступить против Турции и освободить Константинополь. «И вы, — говорилось в грамоте (в передаче Н. Псарева), —...пойдитя против турок не боясь, потому что... турок стало немного и многим... людем в собранье быть неоткуды». Достаточно будет появления венецианских кораблей на Босфоре и разгрома «людей первых, которые выйдут против вас навстречу», как христиане поднимут восстание в Стамбуле, и войска Венеции овладеют им без боя.

Содержание письма в Москву неизвестно, но если оно имело место, то можно не сомневаться, что в нем упоминались казаки, так как с российской стороны только они, ударив по Босфору, могли сыграть действенную и важную роль во взятии Стамбула.

Патриарх и митрополит, призванные к Мехмеду IV и везиру, признали, что перехваченная грамота принадлежала им, сказав при этом: «... видят... и сами (султан и везир. — *В.К.)* то, что так случилось». По повелению Мехмеда 25 марта Паисия закололи кинжалом и бросили в море, митрополита повесили, а греческому населению столицы, заперев городские ворота, устроили резню. Турки клялись вырезать греков всех до единого, не жалея и грудных детей. Везир приказал убивать греков и в других городах, и только опасение сильной смуты во всей стране и просьбы янычар греческого происхождения остановили эту вакханалию. Однако и после 25 марта, как говорили в Крыму греческие купцы, в Стамбуле думали «греков побить всех».

Г.А. Санин, изучавший эту историю, подозревает, что перехваченное письмо являлось подложным, и указывает, что буквально на следующий день после казни Паисия, 26 марта, «подкупался у царя и у визиря армейский патриарх (историк думает, что вряд ли речь идет о католикосе, но, вероятно, о стамбульском епископе армянской церкви. — *В.К.)*... чтоб не быть в Ца-регороде и в Еросалиме патриархам греческим для... того, что они ему, турскому царю, и всем турком не доброхоты», и предлагал везиру 400 тыс. талеров за получение иерусалимского патриаршества.

Само же дело Паисия Г. А. Санин расценивает как, «возможно, существовавший, но неудавшийся заговор православного населения Константинополя против османов», однако добавляет, что категорически говорить о подготовке восстания нельзя, так как для этого слишком мало фактов, и что константинопольские патриархи в XVII в. фактически не выступали против османского режима. Резня же могла быть и следствием реально существовавшего заговора, и «мерой безопасности» правительства, разрядившего таким способом обстановку.

Но в Османской империи нередки были и вполне реальные антиосманские выступления. Участники некоторых из них надеялись на помощь казаков и обращались за нею. Достаточно вспомнить просьбу восставших сербских «капитанов» 1654 г.: воодушевленные венецианскими победами над турками и сильным набегом донцов на Босфор, они просили о помощи украинских

казаков. В 1647 г. лазы на нескольких десятках лодок пытались соединиться с казаками, которые взяли крепость Го-нио, а затем были осаждены в ней турками. За эту попытку грузинские земли подверглись жестокому наказанию со стороны Османского государства.

Казачьи действия нередко способствовали усилению самостоятельности «мятежных вассалов» Турции и прямо отвлекали османские силы от их подавления.

Мы уже отмечали, что в 1621 г. Осман II из-за неопределенности польских дел и опасения набега казаков на Стамбул отказался от желания возглавить поход против эмира Сайды. Подписав в 1624 г. договор о союзе и взаимопомощи с Шахин-Гиреем, Войско Запорожское далее до конца 1620-х гг., действуя вместе с донскими казаками, связывало на Черном море и Босфоре значительные силы турок и хотя обеспечивало собственные интересы, но одновременно тем самым оказывало помощь «мятежной Татарии», не говоря уже о прямом участии казаков в военных действиях крымцев против османов на самом Крымском полуострове. Не случайно поэтому ряд историков расценивает казачий набег на Босфор 1624 г. как «очень эффективную» помощь Крыму.

В 1630-х гг. в результате военно-морских операций казаков отказалась от выплаты дани туркам Мегрелия. Османские суда, заявил в 1640 г. русскому послу Федоту Елчину представитель Левана II, «не бывали к нам... со ста четыредесят четвертого году (с 1635—1636 гг. — *В.К.),* а морем, говорят, потому... оне к нам не ходят караблями, что боятца казаков; с тех... мест мы им и дани не даем»[14].

По сведениям, исходившим от князя Трансильвании Ракоци Дьёрдя II, в 1658 г. татары, которые должны были по повелению султана напасть на эту «мятежную» страну, были разбиты «московитами и казаками», и вообще в названном году внешнеполитическое положение Трансильвании значительно улучшилось прежде всего потому, что «казаки выходили со многими челнами на Черное море не только для нападений на татарскую страну, но и на саму Турцию».

Власти и сановники Польши, равно как и Османской империи, обвиняли казаков в том, что их набеги вызывают ухудшение польско-турецких и польско-крымских отношений и ответные наступательные действия империи и ханства. Сами короли не раз утверждали, что причиной осложнений в отношениях Речи Посполитой и Турции являлось казачье «своеволие». С. Жолкевский заявлял, что набег крымцев на Подолье и Волынь в августе 1615 г. был ответом султана, разгневанного на запорожцев за босфорский поход.

Противостоять падишаху и бороться с ним невозможно, и потому остается лишь безропотно терпеть — такие настроения были широко распространены в правящих кругах Речи Посполитой.

«Стоять одной Польше против этого владыки Азии, Африки и большей части Европы, — говорил в сейме, упрекая казаков за сожжение Очакова, писатель Оржельский, — все равно, что одному человеку против сотни человек. Первая проигранная битва погубит нас, а он выдержит и пятнадцать. И то надобно помнить, как с ним обходятся другие потентаты (правители. — *В.К.).* Сколько он отнял у генуэзцев, сколько у венетов! Великому испанскому монарху разорил Гулету и разные другие делает досады, — все терпят! Молчали и наши предки, когда он отнял у них Молдавию: решились лучше рукавом заткнуть дыру, нежели целым жупаном».

Что касается московского правительства, то оно также постоянно и порой гневно высказывало свое недовольство в адрес донских казаков, обвинявшихся подобным же образом в ухудшении русско-турецких и русско-крымских отношений[15].

Тогдашние «сановные» обвинения казаков во втягивании Польши и Руси в конфликты с Турцией фактически находят поддержку и у некоторых историков. Запорожцы, всерьез уверяет П.А. Кулиш, «своими разбоями в турецких владениях не давали Польше обезопасить юго-восточную границу». По С.М. Соловьеву, «польза от козачества перевешивалась вредом, ибо козаки не ограничивались только делом пограничной стражи, но... нападали на соседей и тогда, когда государству это было вредно, нападали морем на турецкие владения и вовлекали оба государства, особенно Польское, в опасную вражду с Турциею»[16].

Между тем многие в Польше XVI—XVII вв. прекрасно понимали, кто начал агрессию и кто отвечал на разорительные турецко-крымские походы, какова роль казачества в противостоянии этому страшному натиску. Именно в том 1618 г.,когдаканцлер на заседании сейма «громил» запорожцев, Кшиштоф Пальчовский в брошюре с характерным названием «О казаках, ликвидировать их или нет: рассуждение» приводил интересные факты и соображения об османской экспансии и казаках.

«Не было у персов казаков, — писал он, — а все-таки [турок] у них Ассирию и Месопотамию силой отнял в году 1537 и до настоящего времени с ними воюет. Не было у греков

казаков, а все-таки, взяв от них вознаграждение и будучи призваны от них на помощь против болгар, [турки] изменнически ими овладели и до настоящего времени ими владеют. Не было у венетов казаков, а все-таки у них в году 1499 Метону и Корону (Модон и Корон в Греции. — *В.К.)* без всякого права взяли... А в недавние времена Кипр у них [султан] отнял. Не было у венгров казаков, а все-таки у них турки половину королевства отняли...

А с нами в какой же дружбе были? Начиная с того времени... как турки Константинополем овладели, вплоть до того времени, как казаки появились (по автору, в самом начале XVI в. — *В. К.),* почти каждый год если не турки, так татары по их подстрекательству, а иногда и жалованье от нас взявши, нам очень вредили».

Выше уже цитировался Б. Папроцкий, который еще раньше замечал, что «русские» — казаки и украинцы — без всякого участия и помощи шляхты защищают христианский мир и преграждают турецкую агрессию в польском направлении.

Собственно говоря, иные турецкие сановники и не считали нужным скрывать агрессивные замыслы и действия своего государства. «Мы виновники всех войн, — восклицал великий везир Мере Хюсейн-паша, обращаясь к Реджеб-паше на мюшавере в 1623 г., — а не они (поляки. — *В. К.),* всегда сохранявшие дружбу с нами. Мы же насылали татар, напрасно напал на них (поляков. — *В.К.)* Осман, которому я говорил, что не покорит их. Чего же ты хочешь? Чтобы они сидели сложа руки, когда татары на них будут нападать?»

«Если бы не гьяуры-казаки, — полагали в Стамбуле, — Турция могла бы вовсе не думать о защите поднестровских колоний своих, об обороне черноморских берегов и всею своею силою устремилась бы на крушение християнского мира. Тогда бы образовался калифат, вполне достойный наследников пророка: все короли платили бы харач (налог с немусульман. — *В.К.)* султану, и даже повелитель Сибири (московский царь — *В.К.)* вернулся бы под ярмо, из которого так ловко освободили шею свою его предки (имеется в виду ордынское иго — *В.К.)».*

В обстановке турецко-татарской агрессии казачество, даже по мнению П.А. Кулиша, считавшего его разрушительной, антигосударственной силой, которая вредила интересам Польши, все-таки «было своего рода нидерландскою плотиною, сдерживавшею опустошительную стихию». Будучи в глазах историка варварами, казаки не давали мусульманскому варварству «разлиться беспрепятственно по русской почве».

Тесную связь казачьих морских походов, в том числе и босфорских, с татарскими набегами, которые поощрялись и часто инициировались Стамбулом, видели многие современники. Тот же Т. Роу при всем его негативном отношении к действиям казаков признавал, что их нападения на Босфор можно рассматривать как месть татарам, и полагал, что Польша никогда не сможет обуздать казачество, «покататар... не удержат».

Несмотря на обвинения С. Жолкевского и других сановников в адрес казаков польские дипломаты на переговорах с турецкими властями, отбиваясь от гневных укоров в потакательстве казачьим «разбоям», должны были сравнивать набеги казаков и татар, и «счет» получался не в пользу последних.

В 1623г. польский дипломатический агент в Стамбуле Кшиштоф Серебкович заявлял везиру: «Как вам не стыдно жаловаться на то, что несколько тысяч казаков, о чем я не знаю наверняка, но, как вы говорите, ворвались в Крым и нанесли вам ущерб. Что же мы должны делать, когда ваши своевольные татары в прошлом году десять раз нападали и постоянно опустошали земли Речи Посполитой?» На заседание Дивана привели казаков, захваченных с несколькими чайками, и везир заметил агенту: «Попробуй скажи, что это не ваши», — но получил ответ, что это донские казаки, а «если и наши», то в пяти чайках по 40 человек в каждой всего было 200 казаков, тогда как «татары нападают по 20—30 тысяч человек»[17].

Речь Посполитая боролась с запорожцами всякими средствами вплоть до информирования Стамбула о выходах казаков в море, однако, как замечал в том же XVII в. П. де Вансьен, и пользовалась ими «для обработки берегов Большого моря, принадлежащих великому сеньору, чтобы заставить его сдерживать набеги татар, что часто, к счастью, и случалось». В тяжелые времена, в частности в период Хотинской войны, Польша обращалась к казакам за помощью. Сейм, заседавший в конце 1620 г., решил просить помощи против османов даже у Войска Донского. Точно так же поступала в случае необходимости и Москва в отношении донских и реже запорожских казаков.

Еще В.Д. Сухорукое, критиковавший утверждения о «бессмысленных делах казачьих», которые представлялись «одною только потехою удальства», считал, что они, занимая татар и турок, ограждали Россию «стеною крепости» и давали Русскому государству «возможность

укрепиться», и таким образом от этих дел «явственно и непосредственно текли существенные и важные выгоды в Москву... царю и царству». Но и до В.Д. Сухоруко-ва Ж.-Б. Шерер полагал, что «со времени основания казаков в краю, который они занимают, у турок не было более опасных врагов, а у Польши, как и у России, барьера более прочного и непреодолимого, чтобы противопоставить его набегам турок и татар». С. Бобров утверждал, что казаки «споспешествовали во славу и пользу России», а их мореплавание «было столь же нужно в нешастном и расстроенном тогда состоянии России, как и в щастливом и благоустроенном положении ее».

Борьба казачества с Крымом и Турцией на суше и на море, считает современный историк, «сыграла исторически прогрессивную роль в укреплении национальной независимости, территориальной целостности и международного авторитета России». В самом деле, за формальной стороной событий, в которой казачьи набеги, особенно к Стамбулу, действительно выступали в качестве раздражителя для османских властей в их сношениях с Польшей и Россией, нельзя забывать и другую, глубинную, стратегическую сторону. Военные действия Войска Запорожского и Войска Донского весьма заметно отвлекали силы Крымского ханства от набегов на Русь и Польшу, в которой больше всего страдала Украина, и этими же действиями казаки оттягивали на себя значительную часть вооруженных сил Турции, отвращая их тем самым от Речи Посполитой и Московского государства, мешая дальнейшему развитию турецкой агрессии и препятствуя далеко еще не остановившемуся тогда расширению Османской империи. Этим отвлечением, как замечает Б.В. Лунин, «казачество делало большое дело».

«При всяких условиях, даже в периоды мирных отношений между Москвой, Турцией и Крымом, — как полагает историк, — действия казаков шли в целом на пользу Русскому государству и объективно служили его интересам, так как татары и турки были опасными и вероломными противниками Руси на протяжении многих лет». Б.В. Лунин считает, что «Московское государство в целом только выигрывало от походов казаков на турок», в частности, не неся «по существу никаких тягот по организации и снабжению походов», за исключением жалованья казакам, и не испытывая материального ущерба. «Естественно... полагать, что русское правительство, категорически отрицая свою причастность к казачеству и даже прибегая к выговорам и угрозам по адресу Войска Донского... в действительности опасалось лишь крайностей со стороны казачества». М.Н. Тихомиров также высказывает мнение, согласно которому «московское правительство было заинтересовано в существовании постоянного казацкого флота на Дону, противостоявшего турецким морским силам».

Османские властители признавали и уважали только силу, и в этой связи набеги казаков на Босфор, Анатолию и Румелию волей-неволей прибавляли уважение османов к Польше и России, которые, как считали в Стамбуле, могли, не ограничиваясь «жалкой обороной», ответить в известной степени, хотя бы руками и головами казаков, ударами вплоть до Босфора. Ведь не случайно, например, в 1650-х гг., в период борьбы за Украину, турки «боялись вступить во враждебные отношения с царем», поскольку имели «сильное опасение со стороны Черного моря».

Казачьи набеги повышали авторитет Варшавы и особенно Москвы на Балканах и, наконец, пробуждали самосознание русского, украинского и польского народов, звали их от пассивного непротивления «турецко-татарскому злу» и часто неудачной и неэффективной обороны к активной, наступательной борьбе. Сильное влияние этих «героических походов», в том числе к Стамбулу, на «чувство народного самосознания» отметили некоторые ученые и общественные деятели прошлого, в частности Иван Франко[18].

В целом же Войско Запорожское и Войско Донское, вынудив армию и флот Турции, нередко весьма крупные ее сухопутные силы и почти всю морскую «армаду», вести в XVII в. отчаянную борьбу в Причерноморье и на Босфоре, объективно облегчали военное и политическое положение Венеции, Испании, Персии и других противников Османской империи, а также потенциальных жертв ее экспансии, существенно ослабляли турецкий натиск на европейские и азиатские страны и независимо от существования или отсутствия конкретных договоренностей оказывали этим странам и народам, боровшимся за свое освобождение, огромную помощь. Выступая в качестве мощной антиосманской силы, имевшей международное значение, казачьи сообщества играли выдающуюся роль в сдерживании и остановке турецкой агрессии в Восточной и Западной Европе, Средиземноморье, на Кавказе и Среднем Востоке.

Сделаем выводы:

1. Еще до начала Босфорской войны в Западной Европе стали обсуждать возможность вовлечения казаков в антиосманские союзы и нанесения казачьих ударов по Анатолии и Босфору. В первой четверти XVII в. имели место польско-персидские контакты и запорожско-персидские переговоры о совместной борьбе с Турцией, в частности о блокаде казаками Босфорского пролива. Они завершились неудачей в связи с заключением пер-сидско-османского перемирия.

2. Активизация казачьих военно-морских операций и Босфорская война вызвали огромный интерес к казачеству в Западной Европе, где рассматривалось несколько планов участия казаков в сокрушении Османской империи путем нападений на Анатолию и Стамбул. Главную роль в попытках осуществления этих планов играли Венеция и Ватикан. Контакты с запорожскими казаками пыталась установить Испания.

3. С середины 1640-х гг. в связи с началом венецианско-ту-рецкой войны Венеция провела серию переговоров с Польшей и казаками об ударах по Османской империи со стороны Черного моря. Главная надежда при этом возлагалась на Войско Запорожское, однако его действия были скованы борьбой с Речью Посполитой.

4. В 1650-х гг. Венеция проявляла заинтересованность в черноморских и босфорских операциях донских казаков. Планы участия казачества в наступлении на Турцию и ее столицу появлялись в Западной Европе и в 1660— 1670-х гг., но к тому времени Босфорская война уже закончилась.

5. Действия казаков на Черном море и Босфоре усиливали позиции противников Турции на Средиземном море. Отвлекая османские вооруженные силы со средиземноморского театра, казаки фактически оказывали помощь Венеции и Испании и мешали политике Англии и Франции.

6. Казачьи морские походы объективно помогали также Персии и «мятежным вассалам» Турции и способствовали развитию освободительного движения покоренных османами народов. Турецкие власти постоянно опасались восстания христиан в Стамбуле и их непосредственного сотрудничества с казаками, в силу чего обрушивали репрессии на константинопольских Иерархов православной церкви и греческое население.

7. Казачьи набеги на Черное море и Босфор, формально ухудшая отношения Польши и России с Турцией, объективно и исторически были на пользу первым государствам, поскольку значительно ослабляли османскую экспансию. В сдерживании ее [1]казаки сыграли большую международную роль.

Примечания

[1] Историк повторяет здесь слова запорожского гетмана из разговоров с представителем папского нунция, о чем см. ниже.

[2] С.Н. Плохий в своем более позднем переводе заменил «капитана» «гетманом».

[3] Степаном называет его и В. И. Ламанский.

[4] Таким образом, Н. Вахнянин не прав в утверждении, что шах ответил очень неопределенно. По Я.Р. Дашкевичу, Аббас «не дал конкретного ответа».

[5] Н. Вахнянин в одном месте замечает, что отсутствие у Этьена широких полномочий на заключение союза «было, кажется, и причиной, почему все дело не было доведено до конца», если не допустить, что эта причина заключалась в одной и той же вере шаха с султаном, которая удерживала первого от дружбы с христианскими государствами. Но далее читаем у автора, что главную причину несостоявшегося союза следует искать в международных отношениях и подписании персидско-турецкого мира, а также в нежелании шахского окружения идти на дружбу с казаками — «бурлаками, как говорили».

'Основанием для предположения служит сильное созвучие имен (Оли-фер — Оливарий). Я.Р. Дашкевич указывает, что не нашел среди высокопоставленных особ, близких к Сигизмунду III, ни одного Марконеса, а киевским воеводой тогда был великий коронный гетман С. Жолкевский, известный своей враждебностью к казачеству. В письме О. де Марконеса 1620 г. упоминается и его же письмо, доставленное в Персию в 1618 г. Яковом, и, надо полагать, безымянный казачий гетман 1618г. и О. де Марконес — одно лицо. О. Голуб избирался запорожским гетманом, но в последующем, и Я.Р. Дашкевич предполагает, что он мог им быть и в какой-то период в 1617—1618 гг., а в 1620 г. уже не занимал этот пост и потому подписался «казачьим полковником». Ю.А. Мыцык высказывает мнение, что Этьен и ездил к шаху по поручению О. Голуба.

[7] Согласно Я.Р. Дашкевичу, последнее замечание является еще одним аргументом в пользу идентичности О. Голуба и О. де Марконеса. Оба пути из Польши в Персию — через Россию и Турцию — были тогда перекрыты для польских дипломатов, и оставался только путь Этьена и его товарищей — на запорожской чайке через Черное море и затем через Кавказ. «Этот третий путь, — считает историк, — вполне приемлем для казацкого полковника и абсолютно нереален (хотя бы с точки зрения престижа Речи Посполитой) для королевского посольства».

[8] С.Н. Плохий считает, что миссия А. Зимины субъективно способствовала «отвлечению масс от народно-освободительной... борьбы на Украине». С учетом неудачи миссии это утверждение требует подкрепления фактами.

[9] Ю.А. Мыцык связывает уклонение Б. Хмельницкого от предложения венецианцев с соблюдением гетманом украинско-турецкого договора 1649 г.

[10] И.В. Цинкайзен неверно сообщает, что царь ответил посольством только через три года, после морской победы венецианцев в Дарданеллах.

[11] По С. Боброву, мальтийцы и неаполитанцы «опустошили остров Лан-го и город, взяв великое множество бесценных добычь и пленников».

[12] В тексте упоминаются румелийская и «ассирийская» стороны. " См. также письмо Мурада IV королю от 13 июля 1628 г.: казаки вышли в большом числе чаек в море, и когда пленники сообщили, что 2 тыс. запорожцев послала Польша на помощь Шахин-Гирею, султан оставил намерение отправить флот на Средиземное море и направил Хасан-пашу на Черное. Об этой посылке см. письма самого капудаи-паши. С. Рудницкий ошибочно относит упомянутые события к 1629 г.

[14] Впрочем, Н.Т. Накашидзе *в* этом шаге Мегрелии по пути к независимости видит «теневую сторону» казачьих набегов, поскольку-де прекратилась местная торговля с Турцией, но вынужден признать, что донцы и запорожцы играли «важную роль в борьбе против турецкой агрессии» и объективно «являлись естественными союзниками Западной Грузии в борьбе за независимость». Историк, ссылаясь на статейный список Ф. Елчина, ошибочно указывает «ста четыредесят год» и переводит его в 1636—1637 гг., тогда как 140г. соответствовал бы 1631 — 1632 гг. У Я. Р. Дашкевича также почему-то фигурирует 1637г. и еще неверно указана дата беседы посла с представителем Левана — 1639 г., в то время как она состоялась 4 января 1640г. Любопытно, что и сам публикатор статейного списка С.А. Белокуров неверно понял цитированный текст и утверждал, что со 144 г. мегрель-ии, боясь казаков, перестали ходить в Россию.

[15] Типичное требование Москвы содержится в грамоте царя Михаила Федоровича на Дон, войсковому атаману и «всему великому Войску», от 10 марта 1623г.: «И как к вам ся наша грамота придет, и вы б по прежнему и по сему нашему указу с азовцы однолично были в миру и на море для добычь под турского и под крымского (государей. — *В.К.)* городы и улусы не ходили, и катарг не громили, и никаких задоров им не чинили, и во всем с ними были мирны, тем бы есте нам службу свою показали и меж нас... ссоры однолично не учинили и в недружбу нас не вводили». Казаки объявлялись виновниками будущих вражеских нападений: если Турция и Крым, «видя от вас своим люлем и землям тесноту и войну, пошлют на наши украйны воинских людей, и та кровь и ссора будет от вас... а которая война нашим украйнам будет от турских и от крымских людей или посланником нашим во Царегороде учинитца задержаны; и теснота, и то будет от вас». «А то вам самим ведомо, — говорилось в грамоте, — что нашим посланником во Царегороде за то, что вы ходите под турские городы и карабли громите, бывает многое задержанье и неволя...»

Последнее в самом деле соответствовало действительности (в главе III уже упоминалось, что послы П. Мансуров и С. Самсонов были задержаны в Стамбуле за «воевание» донцами в 1616—1617гг. турецких городов и «волостей» и захват османских судов, а также — добавим здесь — за попутное доставление дипломатами царского жалованья Войску Донскому), поскольку в Турции рассматривали московского государя как верховного сюзерена донских казаков и знали об их тайной поддержке со стороны Москвы. С конца XVI в. цари особо требовали от казаков прекращения походов на период пребывания российских послов в Стамбуле и на турецкой земле.

16 Современные историки подходят к вопросу объективнее и, во всяком случае, осторожнее, хотя и у них встречаются, на наш взгляд, недостаточно выверенные оценки. «Казацкие морские походы того времени, — например, пишет о 1610-х гг. Я.Р. Дашкевич, — создали чрезвычайно напряженную обстановку в бассейне Черного моря, что осложнило международные отношения, в частности между Турцией и Польшей. С другой стороны, эти походы объективно облегчали положение Ирана...» Иными словами, получается, что запорожцы вредили интересам Польши, зато «работали» на интересы Персии? Но почему же надо начинать с казачьих походов, а не с предшествовавших действий Турции?

17 В 1630 г. польский посол Александр Пясечиньский, находясь на галере капудан-паши Фирари Хасан-паши, заявлял ему, что ущерб, наносимый татарскими набегами целым провинциям Речи Посполитой, несравним с тем, что «казак какое-либо судно разобьет или деревню вашу ограбит».

[18] Обратим внимание на то, что Н.И. Краснов при неверной характеристике похода И. Богатого «близко к Стамбулу» считает, что эта экспедиция независимо от ее результатов принесла «видимую пользу России своим нравственным влиянием».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Набеги на Босфор являлись апогеем морской войны, которую вело казачество на Азовском и Черном морях и в которой, по выражению Д.Л. Мордовцева, казачья речь раздавалась от Стамбула до Ингула и Азова, а янычары султана гибли от Тамани и Аккермана до Скутари. Действия запорожцев и донцов были необыкновенно смелы, а их успехи поражали воображение современников.

События разворачивались в закрытых для всех морском бассейне и проливе, принадлежавших могущественной мировой Османской империи. «Кто устоял когда-либо против меня? — спрашивал "именем султана" великий везир Синан-паша у польских послов в Стамбуле. — Персия ужасается меня, венеты дрожат передо мною, испанец молится, немец должен дать, что потребую... И вы смеете думать об отражении меня? Весь мир дрожит передо мною!» Это эмоциональное заявление было очень недалеко от реальности и отражало великую силу империи, с которой схватились казаки, наносившие ей крайне болезненные удары на ее собственной территории.

Многим современникам борьба казаков «казалась за пределами здравого смысла», поскольку с прихода османов в Переднюю Азию нога их врагов не ступала на анатолийское побережье. Более того, только казакам удалось «достать» турок в сердце их государства — на Босфоре и в самом «Пороге Благоденствия», Стамбуле, куда не могли прорваться через Дарданеллы эскадры Венеции и Испании или мальтийские корсары. Падишахам, «владыкам мира», пришлось опасаться уже за собственную столицу. И если, как замечал Мигель де Сервантес, участник битвы при Лепанто, в этом сражении «наконец рассеялось заблуждение, в коем пребывали весь мир и все народы, полагавшие, что турки на море непобедимы», то Босфорская война казаков развеяла незыблемое до того всеобщее представление о недоступности и неприступности «Царягорода».

В 1640 г. османский сановник Кучибей в меморандуме новому султану Ибрахиму I предлагал проект высочайшего указа капудан-паше, и этот документ должен был начинаться следующими фразами: «Ты, мой везир, морской капудан Мехмед-паша, когда прибудет сей мой, несущий справедливость, священный указ, да будет тебе известно, чтобы ты не давал себе покоя и отдавал все силы и все внимание охране Черного и Средиземного морей, чтобы военные суда кяфиров не причиняли в них никакого ущерба торговым кораблям и чтобы лодки казаков не приставали к берегам. Если же они, пристав, нападут на жителей, то отвечать будешь ты». И затем еще раз: «Ты должен как следует охранять Черное и Средиземное моря. Смотри, чтобы неверные казаки не совершили нападения на какое-либо место! Отвечать будешь ты».

К 1640 г. уже долгое время важнейшей заботой всех «великих адмиралов» османского флота являлась борьба с набегами казаков, которую еще Л. де Курменен характеризовал как главнейшую внешнеполитическую проблему Турции. «Начиная с 1574 г. — года их первого большого похода в Молдавию, — в оттоманских архивах, — отмечает современный французский тюрколог Александр Беннигсен, — мы находим упоминания о казаках как о главном враге империи». Примечательно, что документы дают им определения «неверные, окаянные, подлые, мерзкие, проклятые». Удивляться этому не приходится: справиться с набегами казаков решительно не удавалось, они действовали в Румелии и Анатолии, все ближе подходили к Босфору, стали входить в пролив, и их суда уже показывались не только в «Канале Черного моря», но и в пределах столицы и даже перед окнами султанского дворца. Как уже отмечалось, И.В. Цин-кайзен нашел точные слова для оценки этих набегов с турецкой точки зрения — «казачье бедствие».

Еще в 1580-х гг. К. Гамберини свидетельствовал, что казаки наводили ужас на своих неприятелей и самого властителя Османской империи. Однако то был легкий испуг по сравнению с паникой следующего XVII в. «Ужас, который распространили казаки своими морскими походами по всему поморью, — констатирует В.Д. Сухорукое, — едва вероятен: иногда по одному слуху о их приближении жители бросали домы, разбегались по лесам, и на несколько сот верст кругом нельзя было встретить человека ни в селениях, ни в городах».

При этом слухи многократно преувеличивали силы казаков, и турки ожидали появления у своих берегов, в том числе и наБосфоре, уже не десятков, а многих сотен казачьих судов. Этот страх, можно сказать, бежал впереди каждой чайки или струга и сам по себе готовил успех замечательного запорожского и донского оружия. Казаки, говорил современник их действий на море Ш. Старовольский, «очень часто одерживают победы, причем до такой степени, что страх распространился до Константинополя», который и сам, видя казаков, «несколько раз в нашем веке... был в тревоге». «Имя их, — писал другой современник Ж. ле Лабурёр де Блеранваль, — наводит ужас на все Турецкое государство; нет ничего, что было бы для них (турок. — *В.К.)* страшнее...»

Запорожцы и донцы во время Босфорской войны уничтожали воинов неприятельских войск и суда, громили и сжигали селения, захватывали ценные трофеи и ясырь, освобождали пленников и тем самым разрушали инфраструктуру и всю систему обороны Босфора и Стамбула, сковывали флот и армию Турции, нанося ей в целом весьма существенный и очень болезненный ущерб в военном, экономическом и моральном плане. Эффективные казачьи военные действия на Черном

море и Босфоре подтачивали основы Османской империи, способствовали сокрушению ее могущества, ослабляли ее агрессивные устремления в Европе и Азии и оказывали реальную помощь средиземноморским противникам Турции и антиосманскому освободительному движению.

Сковывая агрессивную инициативу Стамбула, казаки существенно влияли на военно-политическую ситуацию во всей Европе и внесли неоценимый вклад в многовековую общеевропейскую борьбу по прекращению, казалось, неостановимой османской экспансии. Вполне естественно, что борьба казаков с Турцией имела общеевропейское значение, их слава распространилась по всему континенту, а их морские походы заняли видное место в мировой истории.

Нельзя не сказать и еще об одной стороне рассмотренных событий. Н.И. Краснов утверждал, что казачьи морские набеги на Анатолию и Румелию помогли взятию казаками Азова. Это действительно было так, причем в более широком смысле можно полагать, что босфорские и иные операции казаков на далеких, «выносных» позициях укрепляли оборону и жизнестойкость Войска Запорожского и Войска Донского, упрочивали и усиливали их позиции в отношениях с близкими и дальними соседями.

«По странной случайности, — замечает Ф.Ф. Веселого, — в то время, когда Россия лишилась выхода в Балтийское море (имеются в виду условия Столбовского мира со Швецией 1617г.-— *В. К.),* русские в лице казаков сделались ужасом прибрежья Черного моря и самого Константинополя». Запорожцы и донцы сыграли важную роль в истории Польши и России. Как бы ни осложняли казачьи набеги отношения варшавских и московских правителей со Стамбулом и Бахчисараем, казаки оттягивали на себя значительные турецко-татарские силы и в конечном счете прикрывали собой Речь Посполитую и Московское государство. Морская война казачества объективно создавала предпосылки для выхода России к Азовскому и Черному морям, а совместные действия запорожских и донских казаков — предпосылки для объединения и союза Украины и России.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

1. Государственный архив Ростовской области (ГАРО), ф. 46, оп. 1, д. 1.
2. ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 4.
3. ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 13.
4. ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 789.
5. ГАРО, ф. 243, оп. 1,д. 28.
6. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 89, оп. I, 1615, № 3.
7. РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1617, № 1.
8. РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1622, № 1.
9. РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1630, № 1.
10. РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1640, №), ч. 1.
11. РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1654, № 1, стб. 3.
12. РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1626, № 1.
13. Акты Московского государства, изданные императорскою Акаде-миею наук. СПб., 1894. Т. 2.
14. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1869—1889. Т. 6, 8, 11, 12, 14.
15. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа. Вильна, 1870. Т. 7.
16. *Астафьев С.* Русские колонисты в Турции. Путевые странички // Природа и люди. 1898. №28.
17. *Б.В.* Константинополь // Военный журнал. 1829. № 1.
18. *Базили К.* Босфор // Сын отечества. 1836. Ч. 175.
19. *Базили К.* Босфор и новые очерки Константинополя. СПб., 1836. Ч. 1.
20. *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М., 1896. Ч. 2.
21. *Барт А.* Царьград и окрестности. Историко-художественное описание. Пг., 1915.
22. Берега Воспора. (Из выданных недавно в Париже «ЬеИгез зиг 1е Возрпог») // Исторический, статистический и географический журнал, или Современная история света. 1822. Ч. 2. Кн. 3. Июнь.

23. Боевая летопись русского флота. Хроника важнейших событий военной истории русского флота с IX в. по 1917 г. М., 1948.
24. *Бронёвский М.* Описание Крыма (ТаПапае Ве5спр1ю) Мартина Бро-невского // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса,
1867. Т. 6.
25. Бумаги Флорентийского центрального архива, касающиеся до России. Итальянские и латинские подлинники с русским переводом графа М.Д. Бутурлина. М., 1871. Ч. 2.
26. *Буссов К.* Московская хроника. 1584—1613. М.; Л., 1961.
27. [Бутаков Г.И., Шестаков И.А.]. Лоция Черного моря. Николаев, 1851.
28. *Величко С.* Летопись событий в Юго-Западной России в ХУП-м веке. Составил Самоил Величко, бывший канцелярист канцелярии Войска Запорожского. 1720. Киев, 1848—1864. Т. 1. Приложения. Т. 2. Т. 4. Приложения.
29. *Весела З.* Турецкий трактат об османских крепостях Северного Причерноморья в начале XVIII в. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1969, Вып. 2.
30. Вести-Куранты. 1600-1639 гг. М., 1972.
31. Вести-Куранты. 1645-1646, 1648гг. М., 1980.
32. Взгляд на Константинополь, Фракийский Босфор и Дарданеллы в топографическом, политическом и военном отношении. СПб., 1821.
33. *Византии С.* Очерки Константинополя // Вестник императорского Русского географического общества. 1857. Кн. 1.
34. *Вимина А.* Донесение венецианца Альберто Вимина о козаках и Б. Хмельницком (1656г.). Киев, 1900.
35. Военный энциклопедический словарь. М., 1983.
36. Воинские повести древней Руси. М.; Л., 1949.
37. Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. М., 1953. Т. 1-2.
38. Восстание И. Болотникова. Документы и материалы. М., 1959.
39. *Вратислав* [В.]. Приключения чешского дворянина Братислава в Константинополе и в тяжкой неволе у турок с австрийским посольством в
1591 г. М., 1904.
40. *Гамалея П.* Опыт морской практики. СПб., 1804. Ч. 1.
41. *Гнедич П.П.* Через Черное море на Босфор. Путевые заметки. СПб., 1896.
42. *Травянка Г.* Действия презельной и от начала поляков крававшой небывалой брани Богдана Хмелницкого, гетмана Запорожского, с поляки за найяснейших королей полских Владислава, потом и Каземира, в року 1648 отправоватися начатой и за лет десять по смерти Хмелницкого не оконченной, з розних летописцев и из диариуша, на той войне писанного, в граде Гадячу трудом Григория Грабянки собранная и самобитних старожилов сведительстви утвержденная. Року 1710. Киев, 1854.
43. *Гранжиэ Л.* Письмо, посланное с Востока отцом Луи Гранжиэ его. преподобию отцу Клод Аквавива, генералу иезуитского ордена. Написанное в Мокви (Мояш), в Мингрелии, 2-го марта 1615 года // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1915. Вып.
44. Отд. 3.
44. *Гранстрем Е.Э.* Заметка современника о набегах казаков на турецкие владения в начале XVII в. // Восточный сборник. М., 1972. Вып. 3.
45. *Гундулич И.* Осман, Минск, 1969.
46. *Гурьянов И.* Русский в Царьграде, или Историческое, топографическое и статистическое обозрение Константинополя и его окрестностей, с описанием Дивана, важнейших должностей, пышных восточных титулов как султана, так и первых его чиновников, различных празднеств и церемониалов Сераля, многих примечательных обыкновений турков и с кратким обозрением взятия Царырада Магомедом Вторым в 1453 году. Собранное Иваном Гурьяновым. М., 1828.
47. *Даркот Б.* География Турции. М., 1959.
48. *Даудов В.А.* Автобиография В.А. Даудова // Русский архив. 1889. Кн. 2. Вып. 5.
49. *Добровольский А.Д., Залогин Б.С.* Моря СССР. М., 1982.
50. Документи Богдана Хмельницького (1648—1657). КиУв, 1961.
51. Донские дела. СПб. [Пг.], 1898-1917. Кн. 1-5.
52. Донские казачьи песни. Собрал и издал А. Пивоваров. Новочеркасск, 1885. [Отд. I].

53. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1857—1872. Т. 6, 10—12.
54. *Дортелли д'Асколи Э.* Описание Черного моря и Татарии, составил доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи, префект Каффы, Татарии и проч. 1634// Записки императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1902. Т. 24. Отд. «Материалы».
55. *Дремджиев А.* По пути древних мореплавателей. М., 1982.
56. *Дюбуа де Монперэ Ф.* Путешествие вокруг Кавказа. У черкесов и абхазов, в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму. Сухуми, 1937. Т.1.
57. *Евлия Челеби.* Пътуване на Евлия Челеби из българските земи през средата на XVII век // Периодическо списание на Българското книжовно дружество в София. 1909. Кн. 52. Св. 9-10.
58. [Елагин С.И.]. История русского флота. Период азовский. Приложения. СПб., 1864. Ч. 1.
59. *Елисеев А.В.* Русские колонии в Турции. Майнос // Природа и люди. 1895. №1.
60. *Есаул* [Попко И.Д.]. Старый Черкасск // Военный сборник. 1861.
№ 12.
61. *Заика В.Е.* Черное море. Научно-популярный очерк. 2-е изд., пе-рераб. Симферополь, 1983.
62. *Зайцев Ю.П.* Это удивительное море. Очерк. Одесса, 1978.
63. Запорожская старина. Издание И. Срезневского. Харьков, 1833— 1835. Ч. 1. Кн. 2; Ч. 2. Кн. 2.
64. *Иванов-Желудков В.* [Кельсиев В.П.] Русское село в Малой Азии // Русский вестник. 1866. №6.
65. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. Собрал и издал А. Попов. М., 1869.
66. Иностранные известия о восстании Степана Разина. Материалы и исследования. Л., 1975.
67. *Иов Борецкий.* Протестация митрополита Иова Борецкого // Статьи по славяноведению. СПб., 1910. Вып. 3.
68. Исторические песни малорусского народа с объяснениями Вл. Антоновича и М. Драгоманова. Киев, 1874. Т. 1.
69. Исторические связи народов СССР и Румынии в XV— начале XVIII в. Документы и материалы в трех томах. М., 1965—1970. Т. 1—3.
70. *Кстрин В.* Греческая запись о набеге казаков на Константинополь в начале XVII века // Журнал Министерства народного просвещения. 1898. №7.
71. Капитуляция или трактаты между Оттоманскою Портою и Великобританией), заключенные в средних числах месяца гемазиела 1086 года егиры по турецкому счислению, а по християнскому в августе месяце 1675 года. Переведены на российский язык по высочайшему ея императорского величества повелению старанием Коммисии о коммерции в 1780 годе. [СПб., 1780].
72. Капитуляции или трактаты между Оттоманскою Портою и Голландскими Генеральными Штатами, возобновленные и утвержденные в начале месяца рамацана 1091 года по магометанскому счислению. Переведены на российский язык по высочайшему ея императорского величества повелению старанием Коммисии о коммерции в 1780 годе. [СПб., 1780].
73. *Кларк Р. де.* Завоевание Константинополя. М., 1986.
74. Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государствование короля Сигизмунда-Августа (с 1545 по 1572 год). М., 1843.
75. Константинополь и турки. СПб., 1841 — 1843. Ч. 1—2.
76. *Коркмас Д., Скоковская М.* Иллюстрированный путеводитель по Константинополю, окрестностям и провинции. 2-е изд., измен. Константинополь, 1919. Паг. 3.
77. *Костомаров Н.И.* Султан турецкий и запорожцы // Русская старина. 1872. № 10.
78. *Краснов А.Н.* Из колыбели цивилизации. Письма из кругосветного путешествия. СПб., 1898.
79. *Краснов* [Н.]. Военное обозрение Земли Донского Войска. СПб., 1870.
80. *Краснов Н,* Земля Войска Донского. СПб., 1863.
81. Краткая летопись Малыя России с 1506 по 1776 год с изъявлением настоящего образа тамошнего правления и с приобщением списка прежде-бывших гетманов, генеральных старшин, полковников и иерархов, також землеописания с показанием городов, рек, монастырей, церквей, числа людей, известий о почтах и других нужных сведений. Издана Васильем Григорьевичем Рубаном, господином коллежским ассессором и Вольного российского собрания при императорском Московском университете членом. СПб., 1777.
82. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. М., 1954т197б. Т. 1; Т. 2. Ч. 2; Т. 4.
83. *Кривобокое А., Печеник Е., Федоров В.* Спутник моряка. Одесса, 1977.

84. [Крижанич Ю.] О промысле. Сочинение того же автора, как и «Русское государство в половине XVII века». Сведения об открытой рукописи П. Безсонова. М., 1860.
85. *Крижанич Ю.* Политика. М., 1965.
86. [Крижанич Ю.] Русское государство в половине XVII века. Рукопись времен царя Алексея Михайловича. Открыл и издал П. Безсонов. М., 1859. Ч. 1.
87. [Крюйс К.]. Розыскания о Доне, Азовском море, Воронеже и Азове (с некоторыми сведениями о козаках). учиненные по повелению Петра Великого вице-адмиралом К. Крейсом в 1699 году и поднесенные царевичу Алексею Петровичу // Отечественные записки. 1824. № 10, 12.
88. *Кулиш П.А.* Материялы для истории воссоединения Руси. М., 1877. Т.1.
89. *Кучибей Гёмюрджинский.* Трактат покойного Кучибея, известного под именем Кучибея Гёмюрджинского, лица, приближенного к почившему в Бозе султану Мураду (IV), завоевателю Багдада, касательно государственного устройства и дел правительственных, который он написал в форме докладов и представил покойному падишаху и который, бывши причиною восстановления прежних законов, имел много прекрасных последствий // Смирнов В.Д. Кучибей Гёмюрджинский и другие османские писатели XVII века о причинах упадка Турции. СПб., 1873.
90. *Ламберты А.* Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией. С картою. 1654 года // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1913. Вып. 43.
91. *Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1947. №3; 1948. № 1, 4.
92. *Левассёр де Боплан Г.* Описание Украины от пределов Московии до границ Трансильвании, составленное Гильомом Левассёр де Боплан // Ляс-коронский В.Г. Гильом Левассёр де Боплан и его историке-географические труды относительно Южной России. I. Описание Украины. II, Карты Украины. Киев, 1901.
93. [Левассёр де] *Боплан* [Г.] Описание Украины. Сочинение Боплана. СПб., 1832.
94. Летописец, или Описание краткое знатнейших действ и случаев, что в котором году деялося в Украини малороссийской обеих сторон Днепра и кто именно когда гетманом был козацким // Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси, изданный Комиссиею для разбора древних актов, состоящей при киевском, подольском и волынском генерал-губернаторе. Киев, 1888.
95. Летопись Самовидца по новооткрытым спискам с приложением трех малороссийских хроник: Хмельницкой, «Краткого описания Малороссии» и «Собрания исторического». Издана Киевскою временною комис-сиею для разбора древних актов. Киев. 1878. Пат. 3.
96. *Листопадов А.* Песни донских казаков. М., 1950. Т. 2.
97. *Литвин М.* Извлечение из сочинения Михаила Литвина. (1550 г.) // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Киев, 1890. Вып. 1.
98. *Литвинов М.* Черное море. Роль моря в разные исторические эпохи. Современное экономическое и военное значение Черного моря. Военно-статистический обзор. СПб., 1881.
99. Лоция Азовского моря. Пг., 1916.
100. Лоция Черного моря. Л., 1968.
101. *Лукьянов* [И.]. Путешествие в Святую землю священника Лукьянова // Русский архив. 1863. № 1—2.
102. *Макарий, Селиверст.* Путь нам, иеромонахам Макарию и Сели-версту, из монастыря всемилостивого Спаса Новгородка Северского до святого града Иерусалима поклонитися гробу господню 1704 году// Паломники-писатели петровского и послепетровского времени, или Путники во святой град Иерусалим. М., 1874.
103. [Марсильи Л.Ф.] Военное состояние Оттоманской империи с ее приращением и упадком. Сочинено чрез графа де Марсильли, члена Парижский королевския академии наук и Монпельерския, также Лондонского королевского социэтета и основателя Болонского института. СПб., 1737. Ч. 1-2.
104. *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937.
105. Материалы для истории Войска Донского. Грамоты. Новочеркасск, 1864.
106. Матер1али до ютори укршнсько! козаччини, видан! пщ загальною редакшею Михаила Грушевського. Львов, 1908. Т. 1.
107. *Мацеёвскип.* Исторические огрывки г-на Мацеёвского. О казаках // Журнал Министерства народного просвещения. 1837. Кн. 15. Отд. 2.
108. Мебде-и канун-и йеничери оджагы тарихи (История происхождения законов янычарского корпуса). М., 1987.

109. *Минорский В.Ф.* У русских подданных султана. М., 1902.
110. Морские течения в Дарданеллах и Босфоре // Знание. 1873. № 10.
111. Морской атлас. М., 1958. Т. 3. Ч. 1.
112. Морской атлас. М., 1959. Т. 3. Ч. 1. Описания к картам.
ИЗ. Морской энциклопедический словарь. Л. (СПб.), 1991— 1994.
Т.1-3.
114. [Мышецкий С.И.) История о казаках запорожских, как оные издревле зачалися и откуда свое происхождение имеют, и в каком состоянии ныне находятца, сочиненная от инженерной команды. Издана со списка, хранящегося в библиотеке князя Михаила Семеновича Воронцова, Одесским обществом истории и древностей. Одесса, 1851.
115. Наказ, данный стольнику Илье Даниловичу Милославскому и дьяку Леонтию Лазоревскому при отправлении послами в Царьград. [М., 1851].
116. Народная память о казачестве. Запорожье, 1991.
117. Народное творчество Дона. Ростов н/Д, 1952. Кн. 1.
118. *Нечаев М.Г.* Путешествие посадского человека Матвея Гаврилова Нечаева в Иерусалим (1719—1720 года). Варшава, 1875.
119. Новый летописец, составленный в царствование Михаила Феодо-ровича, издан по списку князя Оболенского. М., 1853.
120. *Номикосов С.* Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1884.
121. Нынешнее состояние обороны Воспора и Дарданеллов. (Из австрийского военного журнала) // Военный журнал. 1837. №2.
122. О возмущении против турок. 280 русских, бывших в плену на каторге, и возвращении их в Москву чрез Мессину, Рим, Венецию, Вену и Варшаву в 1643 году // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1894. Кн. 2.
123. *Олешкевин Г.* Через проливы // Вокруг света. 1954. № 1.
124. Описание Турецкой империи, составленное русским, бывшим в плену у турок во второй половине XVII века. СПб., 1890.
125. *Орлов А.* Исторические и поэтические повести об Азове (взятие 1637г. и осадное сидение 1641 г.). Тексты. М., 1906.
126. *Орлов А.С.* Сказочные повести об Азове. «История» 7135 года. Исследование и текст. Варшава, 1906.
127. Османская империя в первой четверти XVII века. Сборник документов и материалов. М., 1984.
128. Отрывок из письма морского офицера. (Босфор, коней августа 1850 года) // Морской сборник. 1850. Л» 11.
129. *Павел Алеппский.* Путешествие антиохийского патриарха Мака-рия в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. М., 1896—1900. Вып. 1, 3—5.
130. *Паллере [УК.]* Сокращенное географическое описание Турецкой империи. Из географии г. Паллере. М., 1790.
131. Песни Тихого Дона. Донские казачьи песни, старинные и нынешние, собранные и записанные И.И. Малаховым. М., 1915.
132. *Петр Великий.* Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л., 1946. Т. 7. Вып. 2.
133. *Попов И.* В старом гнезде казачества. (Из очерков и набросков) // Дон. 1887. №2.
134. *Попов Н.Г.* Константинополь. Его прошлое и настоящее. (Исто-рико-топографический очерк). Сергиев Посад, 1915.
135. Посольство дьяка Федота Елчина и священника Павла Захарьева в Дадианскую землю (1639—1640 гг.) // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1887 год. М., 1887. Кн. 2.
136. Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию. 1650—1652. Документы издал и введением снабдил М. Полиевктов. Тифлис, 1926.
137. *Правденка С.* Козак з Мальти // Всесвгг. 1985. М» 11.
138. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. СПб., 1885-1889. Т. 1, 4.
139. [Прокопович Ф.]. Предисловие к доброхотному читателю // Книга устав морской о всем, что касается доброму управлению в бытности флота на море. СПб., 1720.
140. *Путник (Лендер Н.)* [Рейхельт Н.Н.]. Босфор и Константинополь. Анатолийское побережье. По русскому югу. Очерки и картинки с картою Черного моря. СПб., 1892.

141. Реестра всего Войска Запорожского после Зборовского договора с королем Польским Яном Казимиром, составленные 1649 года октября 16дня и изданные по подлиннику О.М. Бодянским. М., 1875.
142. [Рикоут П.]. Монархия турецкая, описанная чрез Рикота, бывшего аглинского секретаря посольства при Оттоманской Порте. СПб., 1741.
143. *Рогожинский Ж.* Энциклопедия пиратов. М., 1998.
144. *Рудовиц Л.* Черное и Азовское моря. Краткий физико-географический обзор. Пг., 1923.
145. Русский посол в Стамбуле. Петр Андреевич Толстой и его описание Османской империи начала XVIII в. М., 1985.
146. *Савелов Л.М.* Донские дворянские роды. М., 1902. Вып. I.
147. *Савелов Л.М.* Несколько родословий. Отд. отт. из Дворянского адрес-календаря за 1899г.
148. *Садиков ПА..* Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // Исторические записки. М., 1947. Вып. 22.
149. *Сафонов В.* Восьмое чудо // Вокруг света. 1957. № 10.
150. Сборник донских народных песен. Составил А. Савельев. СПб., 1866.
151. *Серапион.* Путник, или Путешествие во Святую землю Матронин-ского монастыря инока Серапиона 1749 года // Паломники-писатели петровского и нослепетровского времени, или Путники во святой град Иерусалим. М., 1874.
152. *Симеон Лехаци.* Путевые заметки. Перевод с армянского, предисловие и комментарии М.О. Дарбинян. М., 1965.
153. [Сирко И.Д.] Письмо к хану Крымскому Войска Запорожского низового кошевого атамана Ивана Серка. 1675г. // Русская старина. 1873. №7.
154. Сказание о невольниках, освободившихся из турецкой каторги. 1643// Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Киев, 1896. Вып. 2.
155. Смутное время Московского государства (1604—1613 гг.). Материалы, изданные Обществом истории и древностей российских при Московском университете. М., 1918. Вып. 1.
156. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского Главного архива Министерства иностранных дел Сергеем Ал. Белокуровым. М., 1889. Вьш 1.
157. *Собеский Я.* История Хотинского похода Якова Собеского. 1621 // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Киев, 1896. Вып. 2.
158. *Соболевский А.И.* Великорусские народные песни. СПб., 1900. Т. 6.
159. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1822. Ч. 3.
160. *Сорокин Ю.И.* Черное море. Природа, ресурсы. М., 1982.
161. *Старовольскии* [Ш.]. Двор цесаря Турецкого. Сочинение ксенза Симона Старовольского, так называемый «вольный перевод» с сокращениями, изменениями и дополнениями противу подлинника, на славянорусское наречие с польского печатного издания 1649 года сделанный в 1678 году, во время приготовления к войне с турками, для царя Феодора Алексеевича. СПб., 1883.
162. Статейный список о посольстве Ильи Даниловича Милославского и дьяка Леонтия Лазоревского в Царырад в 7150 году // Временник императорского Московского общества истории и древностей российских. М., 1850. Кн. 8.
163. Статистическое описание Прибосфорского района (1912г.) // Ежемесячник. 1914. №8.
164. Статьи из Енциклопедии, принадлежащие к Турции. СПб., 1769. Т. 1.
165. *Стебницкий И.И.* Заметка о Босфоре и Константинополе. Тифлис, 1881.
166. *Стрёйс Я.Я.* Три путешествия. М., 1935.
167. *Суханов А.* Сочинения // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.,1894. Кн. 2.
168. [Сухорукое В.Д.] Статистическое описание Земли донских казаков, составленное в 1822-32 годах. Новочеркасск, 1891.
169. *Тверитинова А.С.* Второй трактат Кочибея // Ученые записки Института востоковедения. М.; Л., 1953. Т. 6-
170. *Толстой ПА.* Состояние народа турецкого в 1703 году, описанное графом П.А. Толстым. Симферополь, 1914.
171. *Томилов.* Военный обзор Причерноморского театра Азиятской Турции. СПб., 1913.
172. Топографическое описание Константинополя и его окрестностей // Северный архив. 1826. № 14-15.
173. *Туманов П.А.* Лоция Азовского, Черного морей и Керченского пролива. Таганрог, 1890. Ч. 2.

174. Украинские народные думы в переводах Бориса Турганова. М.,!963.
175. *Фехер Г.* Турецкие миниатюры времен покорения Венгрии. Будапешт, 1980.
176. *Филиппов* [В.П.]. Стратегическое описание Босфора. Составил военный агент в Константинополе Генерального штаба генерал-майор Филиппов. СПб., 1886.
177. *Филиппов С.* Константинополь, его окрестности и Принцевы острова. 2-е изд., испр. Пг., 1915.
178. Француз в Константинополе, или Краткое и истинное историческое и географическое описание Турецкой империи, которое представляет ясное понятие о народе турецком, о нравах, о обычаях, о упражнениях, о науках, *о* религии, о законах, о образе судопроизводства, о войсках как морских, так и о сухопутных, о торговле, публичных церемониях, о доходах империи, о географии народов как древней, так и новейшей, наконец о всем том, что достойно примечания в сей империи. М., 1794.
179. *Хольмсен, Гудим-Левкович.* Турция. СПб., 1912. Ч. 2.
180. Цареградские письма о древних и нынешних турках и о состоянии их войск, о Цареграде и всех окрестностях оного, о султанском Серале, или хареме, о обхождении Порты с послами и посланниками иностранными, о любовных ухищрениях турков и турчанок, о нравах и образе жизни их, о Дарданеллах, проливах и проч.; о царедворцах, о султанах и их важных делах от самого начала монархии их поныне с обстоятельным известием о славных Кастриотовых подвигах; о державе их; о различных народах, порабощенных игу их, и о их вере, языке и проч.; о греческих патриархах и избрании их; о гражданских, духовных и воинских чинах и о многих иных нужных и любопытных предметах. СПб., 1789.
181. *Чайковский М.* Записки Михаила Чайковского (Мехмет-Садык паши) // Русская старина. 1898. № 5.
182. Чрезвычайное посольство думного советника Емельяна Украин-цова к Порте Оттоманской в 1699 и 1700 годах для заключения мирного договора на 30 лет // Отечественные записки. 1827. Кн. 82.
183. *Шарден* [Ж.] Путешествие Шардена по Закавказью в 1672—1673 гг. Тифлис, 1902.
184. *Шевалье П.* 1стор1я вшни козамв проти Полыщ з розвщкою про {хне похождения, крашу, звича!, спос!б правлшия та релтю \ другою розв1дкою про перекопських татар. Переклад з французького видання 1663 року. Кш'в, 1960.
185. *Эварницкий Д.* Жизнь запорожских Козаков по рассказу современника-очевидца // Киевская старина. 1883. № 11.
186. *Эварницкий Д.И.* Запорожье в остатках старины и преданиях народа. СПб., 1888. Ч. 2.
187. *Эварницкий Д.И.* Источники для истории запорожских Козаков. Владимир, 1903. Т. 1.
188. *Эвыия Челеби.* Книга путешествия. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Перевод и комментарии. М., 1961 — 1983. Вып. 1-З.
189. [Эвлия Челеби]. Неудачная осада Азова турками в 1641 году и занятие ими крепости по оставлении оной козаками // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1872. Т. 8.
190. *Юзефович Я.* Летопись событий в Южной Руси львовского каноника Яна Юзефовича. 1624—1700// Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси, изданный Комиссией для разбора древних актов, состоящей при киевском, подольском и волынском генерал-губернаторе. Киев, 1888.
191. *Abelinum J.P.* Theatri Europaei, das ist Historischer Chronick, Oder warhaffter Beschreibung aller fiirnehmen und denckwurdigen Geschichten, so sich hin und wider in der Welt, meisten theils aber in Europa, von Anno Christi 1629. biss auff das Jahr 1633. zugetragen. Franckfurt am Mayn, 1646. Th. 2.
192. *Abelinum J.P.* Theatrum Europaeum, Oder Aussfuhrliche und warhafftige Besohreibung aller und jeder denckwiirdiger Geschichten, so sich hin und wider in der Welt, furnamlich aber in Europa, und Teutschlanden, sowol im Religion, als Prophan-Wesen, vom Jahr Christi 1617. bis auff das Jahr 1629. exclus. Franckfurt am Mayn, 1643.
193. Ambassade en Turquie de Jean de Gontaut Biron baron de Salignac. 1605 a 1610. Correspondence diplomatique et documents inedits. Publics et annotes par le comte Theodore de Gontaut Biron. P., 1889.
194. *Aubigne* [A] *d'.* Histoire universelle du sieur d'Aubignd. 2 6d. Amsterdam, 1626.
195. *Babinger F.* Die Geschichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke. Leipzig, 1927.
196. *Baudier M.* Inventaire de 1'histoire g6n6ralle des Turcs. P., 1631.
197. *Bielski M.* Kronika Marcina Bielskiego. Sanok, 1856. T. 3.
198. *Chardin* [J.] Voyages du chevalier Chardin en Perse et autres lieux de I'Orient. P., 181 l.T. 10.
199. *Croix* [F.] *de la.* Abbre'ge' chronologique de Thistoire Ottomane. P., 1768. T. 2.

200. [Deshayes] d[e] C[ourmenin L.] Voiage de Levant fait par le commandement du roy en I'ann6e 1621 par le s-r D.C. P., 1624.
201. *Dilich W.* Eigendtliche kurze Beschreibung und Abriss dero weitt beriimbten keyserlichen Stadt Constantinopel. Cassel, 1606.
202. *Eviiya Efendi.* Narrative of Travels in Europe, Asia and Africa in the Seventeenth Century by Eviiya Efendi. L., 1834-1850. Vol. 1. P. 1-2; Vol. 2.
203. *Ewlija Czelebi.* Ksiega podrozy Ewliji Czelebiego. (Wybor). [Warszawa], 1969.
204. *Foumier G.* Hydrographie, contenant la theorie et la practique de toutes les parties de la navigation. Compost par le pere Georges Foumier de la Compagnie de Jesus. P., 1643.
205. *Gotland A.* Journal d'Antoine Galland pendant son sejour a Constantinople (1672-1673). P., 1881. T. 1.
206. *Gwagnin A.* Z kroniki Sarmacyi Europskiej Alexandra Gwagnina z Werony (hrabie palacu lateranskiego, zycerza pasowanego i rotmistrza j. k. m.).
Opisanie Polski, W. ks. Litewskiego, ziemie Intflantskiej, ziemie Zmudzkiej. Krakow, 1860.
207. *Haji Khaltfeh.* The History of the Maritime Wars of the Turks, translated from the Turkish of Haji Khalifeh by James Mitchell. Chapters I to IV. L., 1831.
208. [Harley] *de Cesy* [P. de]. Extraits des depeches de M. de Cesy, ambassadeur pour sa m. Louis XIII en Levant, depuis 1620jusqu'a 1627// Historica Russiae monumenta, ex antiquis exterarum centium archivis et bibliothecis deprompta, ab A I. Turgenevio, consiliar. stat. act. (nunc cons, priv.) et equ. Petropoli. 1842. T. 2.
209. *Heidenfeld A.* Asiatischer Schauplatz, das ist Aussfuhrliche Beschreibung der Tiirckischen, Persianischen, Mosscovischen und Chinischen Beherrscheren, sampt deren Innwohnern Sitten, Religion, Vermogen, Macht, Reiohthumb und Ordnung, wie auch deren denckwiirdigen Begebenheiten in Krieg und Schlachten, Leben und Absterben, saint deren in Kupffer gestochenen Conterfaiten, mit Fleiss beschrieben von Alberto Heidenfeld. Franckfurt, J678. 2. Pag.
210. [HuseynHezarfen]. Etatg6ne>alde 1 'empire Otoman, depuis safondation jusqu'a present. Et I'abregti des vies des empereurs. Par un solitaire Turc. Traduit par M. de la Croix. P., 1695. P. 1.
211. Katalog dokument6w tureckich. Dokumenty do dziej6w Polski i krajow osciennych w latach 1455—1672. Warszawa, 1959.
212. *Kochowski V.* Annalium Poloniae ab obitu Vladislai IV. Cracoviae, 1683. Cl. 1.
213. [Kocibegj. Das Nasihatname. Dritter Beitrag zur osmanischen Finanzgeschichte von Dr. W. F. A Behrnauer // Zeitschrift der Deutschen morgenlandischen Gesellschaft. Leipzig, 1864. Bd. 18.
214. *Lassota E., Beauplan W.* Eryka Lassoty i Wilhelma Beauplana opisy Ukrainy. Warszawa, 1972.
215. Le khanat de Crimee dans les Archives du Musee du Palais de Topkapi. P., 1978.
216. *Le Laboureur de Bleranval J.* Histoire et relation du voyage de la royne de Pologne. Et du retour de madame la mareschalle de Guebrian, ambassadrice extraordinaire, et sur-intendante de sa conduitte. Par la Hongrie, 1'Austriche, Styrie, Carinthe, le Frioul et 1'Italic. Avec un discours historique de toutes les villes et estats, par ou elle a passe. Et un traitte 1 'articulier du royaume de Pologne, de son gouvernement ancien et moderne, de ses provinces et de ses princes, avec plusieurs tables genealogiques de souverains. P., 1648.
217. L'evasion de Jachimosky // Gosse P. Histoire de la piraterie. P., 1933.
218. [Le Vasseur de Beauplan G.] Relation des Cosaques // Relations de divers voyages curieux, qui n'ont point este'publiees, qui ont este'traduitesd'Hacluyt, de Purchas et d'autres voyageurs Anglois, Hollandois, Portugais, Allemands, Arabes et autres auteurs orientaux. P., 1663. P 1.
219. *Linage de Vanciennes P.* L'origine veritable du soulevement des Cosaques contre la Pologne. P., 1674.
220. Marek Jakimowski. Opisanie kr6tkie zdobycia przedniejszej galery alexandrijskiej w porcie u Metelliny za sprawa dzielna i odwaga kapitana Marka Jakymowskiego, ktory byl wiezniem na tejze galerze, z oswobodzeniem 220 wiezni6w chrescian // Starozytnosci hystoryczne Polskie, czyli Pisma i pamietniki do dziejow dawnej Polski. listy krolow i znakomitych mezow, przypowiesci, przyslowia i t.p. Krakow, 1840. T. 1.
221. *Miaskowski* [W] Relacya legacii P.Miaskowskiego, podkomorzego Lwow., do Amuratha i Ibraima, cesarzbw Ottomanskich. 1641. roku // Zbior pamietnik6w historycznych o dawney Polscze z rekopismow, tudziez dziel w roznych jezykach o Polscze wydanych, oraz z listami oryginalnemi krolow i znakomitych ludzi w kraju naszym. Pulawy, 1830. T. 5.
222. *Mollems J.-J.* De Cosacis, dissertatio historica, quam in clytae Facultatis philosophicae permissu, publicae ventiiationi submittunt M. Godofredus Weissius, Thorunio-Borussus, praeses, et respondens

Johan-Joachimus Mollerus, Somerfeld. Siles. Phil. Bacc. Lipsiae, 1684. Teutschlanden, sowol im Religion, als Prophan-Wesen, vom Jahr Christi 1617. bis auff das Jahr 1629. exclus. Franckfurt am Mayn, 1643.
223. *Mustafa Ben Abdalla ffadschi Chalfa.* Rumeli und Bosna, geographisch beschreiben von Mustnfa Ben Abdalla Hadschi Chalfa Wien, 1812.
224. [Mustafa] *Naima.* Annals of the Turkish Empire, from 1591 to 1659 of the Christian Era By Naima L., 1832. Vol. 1.
225. [Mustafa] *Naima Efendi.* Zatargi z Otomanami z powodu Kozakow, I dziennik woyny Chocimskiey. Z rocznikow Naima Efendi // Collectanea z dziejopisow tureckich rzeczy do historyi polskiey sluzacych. Z dodatkiem objasnien potrzebnych i krytycznych uwag. Warszawa, 1824. T. 1.
226. Negociations de la France dans le Levant, ou Correspondances, memoires et actes diplomatiques des ambassadeurs de France a Constantinople et des ambassadeurs, envoyes ou residents a divers litres a Venise, Raguse, Rome, Malte et Jerusalem en Turquie, Perse, Georgie, Crim6e, Syrie, Egypte etc. et dans les etats de Tunis, d'Alger et de Maroc. P., 1850. T. 2.
227. Nuove vera e distinta relazione della segnalata vittoria riportata dal prencipe cosacco nel Mar Negro contro Turchi e Tartari. Venetia, 1690.
228. *Okolski* S. Dyaryusz transakcyi wojennej miedzy wojskiem koronnem i zaporoskiem w r. 1637. Krakow, 1858.
229. *Palczowski K.* 0 Kozakach, iesli ich zniesc czy nie: diskurs. Krakow,
1618.
230. Pargaminy, zawieraiace rys czynow i dziell Zygmunt III. K.P., zamkniete w gaice spizowey, na szczycie wiezy, zamku Warszawskiego wlozone dnia 4. lutego roku 1619// Zbi6r pamietnikow historycznych o dawney Polszcze z rekopismow, tudziez dziel w roznych jezykach o Polszcze wydanych oraz z listami oryginalnemi krolow i znakomitych ludzi w kraju naczym. Warszawa, 1822. T. 3.
231. *Piasecki P.* Kronika Pawla Piaseckiego, biskupa Przemyslskiego. Krakow, 1870.
232. *Quiclet.* Les voyages de M. Quiclet a Constantinople par Terre. Enrichis d'annotations. Par le sieur P. M. L. P., 1664.
233. *Radziwill* AS. Pamietniki Albrychta Stanislawa x. Radziwilla, kanclerza w. Litewskiego. Poznan, 1839. T. 1.
234. Relacye nuncyusz6w apostolskich i innych os6b o Polsce od roku 1548 do 1690. Berlin; Poznan, 1864. T. 2.
235. Relatione della ricca presa fatta nel corrente mese da Cosacchi nel Mar Negro, colla presa d'un ambasciatore spedita da Constantinopoli al Kam de Tartari. Venetia; Modona, 1688.
236. *Ricaut* [P.], Histoire des trois derniers Empereurs des Turcs. Depuis 1623 jusqu'a 1677. P., 1683. T. 1.
237. *Roe T.* Wyjatki z nedociacij kawalera sir Thomas Roe w czasie poselstwa jego do Forty Ottomanskiej od r. 1621 do r. 1628 inclusiwe // Zbior pamietnik6w
historycznych o dawn£y Polscze z rekopismow, tudziez dziel w roznych jezykach o Polscze wydanych, oraz z listami oryginalnemi krdlow i znakomitych ludzi w kraju naszym. Pulawy, 1830. T. 5.
238. S. C. *L.* La lettre d'un gentilhomme de monsieur le baron de Cesi, ambassadeur pour le roy en Levant. A un de ses amis. Touchant la prise de cinq galeres turques et autres grand exploicts. Guerre faicts par les Cosaques et Polonois sur les Turcs et les Tartares. A Paris chez Denis Langlois, au mont S. hilaire, a 1'enseigne du Pelican 1620. Aves permission // Archives des voyages, ou Collection d'anciennes relations inedites ou treVrares de lettres, memoires, itin6raires et autres documents relatifs a la geographic et aux voyages suivies d'analyses d'anciens voyages et d'anecdotes relatives aux voyageurs tirees des memoires du temps ouvrage destine a servir de complement a tous les recueils de voyages francais et etrangers. P., s.d. T. 2.
239. *Sagredo [L]* Histoire de 1'Empire Ottoman. P., 1730. T. 5.
240. *Starovolsci S.* Eques Polonus. Venetiis, 1628.
241. *Starovolsci S.* Simonis Starovolscii Poloniae. Siue status Regni Poloniae descriptio // Collectio, Historiarum Poloniae et Magni Ducatus Lithuaniae scriptorum, magna ordine chronologico digesta ob exemplarum raritatem iterum typis exscriptorum suppeditante celeberrima Bibliotheca Zaiusciana edidit Varias annotationes adjecit ac praefatus est, Laur. Mizlerus de Kolof. Varsaviae, 1761. Vol. 1.
242. *Starou'olski S.* Polska, albo Opisanie polozenia Kr6Iestwa Polskiego. Krakow, 1976.
243. *Taranowski J.* Krdtkie wypisanie drogi z Polski do Konstantynopola, a z tamtad zas do Astrachania, zamku moskiewskiego, kt6ry lezy na wschod slonca ku granicom perskim. Przytem jako wojsko tureckie, ktore jezdzilo pod Astrachan roku 1569, zginelo. K' temu sprawa tatarskiego wojska w ciagnieniu. To

wszystko przez P. Jedrzeja Taranowskiego, komornika krola j. m., ktory tarn wszedy zjezdzil, od j. krdlewskiej m. poslany bedac, wypisano // Podroze i poselstwa polskie do Turcyi, a mianowicie: Podr6z E. Otwinowskiego 1557, Jedrzeja Taranowskiego, komornika j. k. m., 1569 i Poselstwo Piotra Zborowskiego 1568. Krak6w, I860.
244. The Negotiations of Sir Thomas Roe in his Embassy to the Ottoman Porte, from the Year 1621 to 1628 inclusive. L, 1740.
245. *Tiepolo J.* Relacia Jana Tiepolo, posia nadzwyczajnego Pzplitej Weneckiej do najjasniejszego Wladyslawa IV. krola Polskiego i Szwedzkiego. R. 1647// Zbi6r pamietnikow historycznych o dawney Polscze z rekopismew, tudziez dziel w roznych jezykach o Polscze wydanych, oraz z listami oryginalnemi kroldw i znakomitych ludzi w kraju naszym. Puiawy, 1830. T. 5.
246. Transakcya jasniewielmoznego Stanislawa Zolkiewskiego, wojewody Kiiowskiego, kanclerza i hetmana koronnego, z Skinderbasza, hetmanem cesarza Tureckiego // Ibid. Lwow, 1833. T. 6.
247. Trzy relacje z polskich podr6zy na Wschod muzulmanski w pierwszej polowie XVII wieku. Krakow, 1980.
248. *Twardowski S.* Woyna domowa z Kozaki i Tatary, Moskwa, potym Szwedami i z Wegry. Calissii, 1681.
249. Ukrainne sprawy. Przyczynek do dziejow polskich, tatarskich i tureckich XVII wieku. Lwow, 1842.
250. *Voile P. delta.* Voyages de Pietro della Valie, gentilhomme Remain, dans la Turquie, 1'Egypte, la Palestine, la Perse, les Indes Orientales et autres lieux. Nouv. ed. P., 1745. T. 3-4.
EoccpopCKaa Boitaa
251. Wielka legacja Wojciecha Miaskowskiego do Turcji w 1640r. Warszawa;
Krakow, 1985.
252. *Witsen N.* Noord en Oost Tartarye, ofte bongigh ontwerp van eenige dier landen, en volken, zo als voormaels bekent zyn geweest. Amsterdam,
1692. D. 2.
253. *Zbaraski J.* Listy ksiecia Jerzego Zbaraskiego, kasztelana Krakowskiego, z lat 1621 — 1631 // Archiwum Komisyi historycznej. Krakow, 1880. T. 2.
254. *Zolhiewski S.* Pisma Stanislawa Zolkiewskiego, kanclerza koronnego i
hetmana Lwow, 1861.
255. *Zolkiewski S.* Punkta, o kt6rych pan Piotr Ozga, starosta Trebowelski, ma sie umawiac maiac zlecenie od jmp. Stanislawa Zolkiewskiego, wojewody Kiiowskiego, kanclerza i hetmana koronnego, z Skinderbasza, het. tureckim // Zbibr pamietnikdw historycznych o dawney Polscze z rekopismow, tudziez dziel w roznych jezykach o Polscze wydanych, oraz z listami oryginalnemi kr616w i znakomitych ludzi w kraju naszym. Lw6w, 1833. T. 6.
256. *Zolkiewski S.* Relacia jmci pana Stanislawa Zolkiewskiego, wojew. Kiiowsk., kanc. i het. koron. // Ibid.

Литература

257. *Абаза К.К.* Казаки. Донцы, уральцы, кубанцы, терцы. Очерки из истории и стародавнего казацкого быта в общедоступном изложении, для чтения в войсках, семье и школе. СПб., 1890.
258. Аз С. [Холмский С.А.] Племенной и общественный состав казачества. (Исторические наброски) //Донские областные ведомости. 1913. № 136,137.
259. *Алекберли М.А.* Борьба украинского казачества против турецко-татарской агрессии в 1600—1621 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1951.
260. *Алекберли М.А.* Борьба украинского народа против турецко-та-тарской агрессии во второй половине XVI — первой половине XVII веков. Саратов, 1961.
261. *Алекберли М.А.* Борьба украинского народа против турецко-татар-ской агрессии в период от Люблинской унии 1569 года до 30-х годов XVI1 в.: Автореф. дис.... д-ра ист. наук. Махачкала, 1966.
262. *Алекберли М.А.* Борьба украинского народа против турецко-та-тарской агрессии в период от Люблинской унии 1569 года до 30-х годов XVII в.: Дис. ... д-ра ист. наук. Махачкала, 1965.
263. *Алекберли М.А.* Хотинская война (1621 г.). Черновцы, 1957.
264. *Андриевский М.А.* Козацкая дума о трех азовских братьях в пересказе с объяснениями и раэбором ее. Публичная лекция преподавателя реального училища М.А. Андриевского, читанная в Екатерине-славе 20 марта 1883г. С картою. Одесса, 1884.

265. *Апанович О.М.* Запор1зька С1ч у боротьб! проти турецько-татарсь-ко! агресн. 50—70-1 роки XVII ст. КиТв, 1961.
266. *Апанович О.* [М.] Розповіді про запорозьких козаків. Київ, 1991.
267. *Артамонов В.А.* О русско-крымских отношениях конца XVII — начала XVIII вв. // Общественно-политическое развитие феодальной России. Сборник статей. М., 1985.
268. *Архангельский С.* Английская дипломатия и венецианско-турецкая война (40—50-е годы XVII в.) // Исторический журнал. 1944. №2-3.
269. *Арш Г.Л., Виноградов В.Н., Достян И.С., Наумов Е.П.* Балканы в международной жизни Европы (XV - начало XX века) // Вопросы истории. 1981. №4.
270. *Багаяей Д.И.* Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887.
271. [Байер Г.З.] Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения оного под российскую державу. 3-е изд. СПб., 1782.
272. *Бантыш-Каменский Д.Н.* История Малой России. М., 1830. Ч. 1.
273. *Беннигсен А.* Россия XVIII в. в архивах Оттоманской империи // La Russie et l`Europe XVI-e — XX-e siecles. Франко-русские экономические связи. Москва; Париж, 1970.
274. *Бережков М.Л.* Русские пленники и невольники в Крыму // Труды VI археологического съезда в Одессе (1884г.). Одесса, 1888. Т. 2.
275. *Беренбейм Д.Я.* О пути греков через Черное море // Советская археология. 1958. № 3.
276. *Бобров С.* Древний российский плаватель, или Опыт краткого дее-писания с присовокуплением инде критических замечаний на некоторые чужестранные повести о прежних морских походах россиян. Сочиненное на основании разных исторических свидетельств надворным советником Семеном Бобровым. СПб., 1812.
277. *Богословский М.М.* Петр I. Материалы для биографии. М., 1940— 1948. Т. 1, 5.
278. *Брехуненко В.А.* Источники о связях запорожского и донского казачества в первой половине XVII века: Дис. ... канд. ист. наук. Днепропетровск, 1990.
279. *Броневский В.* История Донского Войска. СПб., 1834. Ч. 1, 3.
280. *Быкадоров В.* Былое Дона. 2-е изд. СПб., 1908.
281. *Быкадоров И.Ф.* Донское Войско в борьбе за выход в море (1546— 1646 гг.). Париж, 1937.
282. *Быкадоров И.Ф.* История казачества. Прага, 1930. Кн. 1.
283. *Быков А.А.* Монеты Турции Х1У-ХУП веков. Л., 1939.
284. *Василенко Г.А.* Хотинська війна. (3 исторп боротьби українського народу проти турецько-татарської агресії кинця XVI I початку XVII ст.). Кит, 1960.
285. *Вахнянин Н.* Взаемини пром!ж козаччиною а Персією у литах 1618, 16191 1620// Правда. Льв1в, 1868. №43-45.
286. *Верлинден Ш.* Торговля на Черном море с начала византийской эпохи до завоевания Египта турками в 1517 году. М., 1970.
287. *Веселого Ф.* [Ф.] Краткая история русского флота. (С начала развития мореплавания до 1825 года). 2-е изд. М.; Л., 1939.
288. *Веселого Ф.Ф.* Очерк русской морской истории. СПб., 1875. Ч. 1.
289. *Веселовский А.* Несколько географических и этнографических сведений о древней России из рассказов италиянцев // Записки императорского Русского географического общества по отделению этнографии. СПб 1869. Т. 2.
290. *Висковатов А.* Краткий исторический обзор морских походов русских и мореходства их вообще до исхода XVII столетия. 2-е изд. М., 1946.
291. *Витол А.В.* Османская империя (начало XVIII в.). М., 1987.
292. *Воробьева И. Г.* Венецианская республика и югославянские земли в ХУ-ХУП веках. Калинин, 1987.
293. Всеобщая история о мореходстве, содержащая в себе начало оного у всех народов, успех, нынешнее состояние и морские как древние, так и новейшие походы. СПб., 1811. Ч. 3.
294. *Вылканов А., Петрова В., Рождественский А., Маринов Т., Найденов В.* Черноморские лиманы и лагуны // Черное море. Сборник. Л., 1983.
295. *Вылканов А., Рождественский А.* Гидрология и гидрохимия // Там же.
296. *Гагарин С.* Константинопольские проливы. Историко-политический очерк // Русская мысль. 1915. № 4.

297. *Гайдукевич В.Ф.* О путях прохождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии. М., 1969. Вып. 116.
298. *Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А.* Очерки истории Турции. М., 1983.
299. *Гермайзе О.* Україна та Дін у XVII ст. // Записки Кії'вського інституту народным освіти. Київ, 1928. Кн. 3.
300. *Герцберг Г.Ф.* История Византии. М., 1897.
301. *Глинка Ф.* Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия // Декабристы. Антология: В 2т. Л., 1975. Т. 2.
302. *Глищинский М.* Малороссийские гетманы и казаки до времен унии // Пантеон. 1856. №4.
303. *Голобуцкий В.* [А.] Дипломатическая история Освободительной войны украинского народа 1648—1654гг. Киев, 1962.
304. *Голобуцкий В.А.* Запорожская Сечь// Вопросы истории. 1971. № 1.
305. *Голобуцкий В.А.* Запорожское казачество. Киев, 1957.
306. *Головизнин К.* Русский флот на Черном море // Морской сбор-ник.1885. №9.
307. *Гордлевский В.А.* Греки в Османской империи // Гордлевский В.А. Избранные сочинения. М., 1962. Т. 3.
308. *Гордлевский В.А.* Стамбул в XVI веке. (Страницы из истории Турции) // Там же. М., 1968. Т. 4.
309. *Горшков С.Г.* Морская мошь государства. 2-е изд., доп. М.,1979.
310. *Грушевский М.* Иллюстрированная история Украины. Киев; Львов,
1911.
311. *Грушевский М.* История украинского козачества до соединения с Московским государством. Киев, 1913—1914. Т. 1—2.
312. *Грушевський М.* Історія України—Руси. Київш; Льв1в, 1913. Т. 8. Ч. 1. Київ, 1931. Т. 9. Ч. 1-2.
313. *Гюзелев В.* Болгарский народ и Россия в XV — первой половине XVIII в. // Россия и освобождение Болгарии. М., 1982.
314. *Данилевский И.Н., Королев В.Н.* К истории международной антиосманской борьбы в XVII в. (Восстание невольников на турецкой галере в Мраморном море) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Межвузовский сборник научных трудов. Ростов н/Д, 1986.
315. *Дашкевич Н.* Описание Черноморья, составленное Эмидием д'Ас-коли в 1634г. // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. Киев, 1891. Кн. 5.
316. *Дашкевич Я.Р.* УкраУнськочрансьи переговори напередодн! Хо-тинсько'1 вшни // УкраТнський !сторичний журнал. 1971. № 9.
317. *Дестунис С.* Изложение понятий разных народов о власти над морем // Журнал Министерства народного просвещения. 1846. № 6.
318. *Джелал Эссад.* Константинополь от Византии до Стамбула. М., 1919.
319. *Димитров Д.* Климат // Черное море. Сборник. Л., 1983.
320. *Доманицький В.* Козаччина на переломі ХУ1-ХУП в. (1591-1603) // Записки Наукового товариства імени Шевченка. Львів, 1905. Т. 64.
321. *Драгомиров М.* О высадках в древние и новейшие времена. СПб., 1857.
322. *Драное Б.А.* Черноморские проливы. Международно-правовой режим. М., 1948.
323. *Дшееский Н.* Рыльский монастырь и Россия в XVI и XVII веке. София, [1946].
324. *Елагин С.* История русского флота. Период азовский. СПб., 1864.
325. *Еремеев Д.Е.* На стыке Азии и Европы. Очерки о Турции и турках. М., 1980.
326. *Еремеев Д.Е., Мейер М.С.* История Турции в средние века и новое время. М., 1992.
327. [Ефремов Ю.М.] Лицом к лицу с огненным смерчем Востока. Борьба украинского казачества с Крымским ханством и Османской империей. Киев, 1992.
328. *Жигарев С.* Русская политика в восточном вопросе. (Ее история в XVI—XIX веках, критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки. М., 1896. [Т. I].
329. *Жюльен Ш.-А.* История Северной Африки. Тунис. Алжир. Марокко. От арабского завоевания до 1830 года. М., 1961.
330. *Забелин Н.Е.* Посольские путешествия в Турцию в XVII столетии // Русская старина. 1877. № 9.
331. *Загоровский В. П.* Донское казачество и размеры донских отпусков в XVII веке //Из истории Воронежского края. Воронеж, 1961.

332. *Загоровский В.П.* Судостроение на Дону в XVII веке и использование Россией донского парусно-гребного флота в борьбе против Крымского ханства и Турции: Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1961.
333. *Загоскин Н.П.* Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. Историко-географическое исследование. Казань, 1910.
334. *Зенкевич В.П.* Берега Черного и Азовского морей. *М.,* 1958.
335. *Золотарев В.А., Козлов И.А.* Российский военный флот на Черном море и в Восточном Средиземноморье. М., 1988.
336. *Золотарев М.И.* Новые данные о древних морских путях в Поите Эвксинском // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо — 1977. Тбилиси, 1979.
337. *Иванов Н.А.* Османское завоевание арабских стран. 1516—1574. М., 1984.
338. *Иналцик Х.* Османско царство. Класично доба 1300—1600. Беог-рад, 1974.
339. История Болгарии: В 2 т. М., 1954. Т. 1.
340. История военно-морского искусства. М., 1953. Т. 1.
341. История военно-морского искусства: Учебник для высших военно-морских училищ. М., 1969.
342. История Дона с древнейших времен до падения крепостного права. Ростов н/Д, 1973.
343. История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1963. Т. *2.*
344. История Турецкого государства от самого основания оного до новейших времен. М., 1828. Ч. 1.
345. История Турции. М., 1937. Т. 3.
346. История Украинской ССР. Киев, 1969. Т. 1.
347. История Украинской ССР. Киев, 1982. Т. 2.
348. История Украинской ССР. Краткий очерк. Киев, 1982.
349. 1стор1я Украшсько! РСР. Кшв, 1979. Т. 1.
350. *Каджая В.* Курбан-байрам, или мусульманская Пасха // Известия.16 марта 2000г.
351. *Каллистов Н.Д.* Значение мореходства и морской силы для России до Петра Великого. Очерк, составленный лейтенантом флота Н.Д. Калли-стовым // История русской армии и флота. М., 1912. Т. 7.
352. *Каманин И.* Очерк гетманства Петра Сагайдачного. Киев, 1901.
353. *Каптерев Н.Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. 2-е изд. Сергиев Посад, 1914.
354. *Карамзин* [Н.М.] Сочинения. История государства Российского. 6-е изд. СПб., 1852. Т. 6.
355. *Карпов С.П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII—XV вв.: проблемы торговли. М., 1990.
356. [Катуальди (Гассек) В.] Граф Александр Черногорский — султан Яхия в 1585—1625 гг. Страница из истории Запорожья // Русская старина. 1890. №3.
357. *Кинросс Л.* Расцвет и упадок Османской империи. М., 1999.
358. *Кищенко М.* Хортиця в герощ! 1 легендах. 2-е вид., доп. I перероб. Дншропетровськ, 1972.
359. *Клада* [Н.Л.]. История военно-морского искусства. СПб., 1900. Вып. 1.
360. *Ковалевский М.* О русских и других православных рабах в Испании // Юридический вестник. 1886. № 2.
361. *Ковальский Н.П., Мыцык ЮА.* Немецкое историческое сочинение «Тпеа1шт Еигораеит» об освободительном движении украинского народа в первой половине XVII века // Вопросы рабочего и национально-освободительного движения, Днепропетровск, 1975.
362. *Ковальский Н.П., Мыцык ЮА.* Украинские летописи // Вопросы истории. 1985. № 10.
363. *Кордуба М.* Венецьке посольство до Хмельницького (1650р.) // Записки Наукового товариства 1мени Шевченка. Львів, 1907. Т. 78.
364. *Корзухина Г.Ф.* Еще раз о Тмутараканском болване // Культура средневековой Руси. Посвящается 70-летию М.К. Каргера. Л.,1974.
365. *Королев В.Н.* Адахунское сражение // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1993. № 1-2.
366. *Королев В.Н.* Азовское сидение: действия турецкого и донского казачьего флотов // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Межвузовский сборник научных трудов. Ростов н/Д, 1986.
367. *Королев В.Н.* Бунты казаков-невольников на турецких кораблях как форма антиосманской борьбы (XVII в.) // Из истории международных отношений в Причерноморье. (Доклады I и II

межвузовских научных конференций «Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века». Ростов-на-Дону, 18 апреля 1984г., 17—18 апреля 1985 г.). Ростов н/Д, 1986. Деп. в ИНИОН АН СССР № 26 237 от 1.08.1986.
368. *Королев В.Н.* Выходили ли казаки в Средиземное море? // Исторические этюды. Ростов н/Д, 1993. Вып. 1.
369. *Королев В.Н.* «Затворение Стамбула» (из истории казачьей морской войны XVII в.) // Проблемы отечественной истории. Тезисы докладов научной конференции, посвященной памяти профессора Александра Павловича Пронштейна. Ростов н/Д, 2000.
370. *Королек В.Н.* Идея освобождения Царьграда и казаки // Восток. Запад. Россия. Тезисы Всероссийской конференции 14—15 октября 1993 г. Ростов н/Д, 1993. Вып. 2.
371. *Королев В.Н.* Казачья морская культура: традиции и инновации // История и культура народов степного Предкавказья и Северного Кавказа: проблемы межэтнических отношений. Сборник научных статей. Ростов н/ Д, 1999.
372. *Королев В.Н.* Морские кампании донских казаков 1637—1641 годов // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. 1986. № 1.
373. *Королев В.Н.* Морские походы донских казаков в середине XVI в. // Там же. 1987. № 1.
374. *Королев В.Н.* Морские походы казаков глазами Томаса Роу // Там же. 1987. №4.
375. *Королев В.Н.* Одиссея капитана Мошкина и его товарищей //Дон. 1985. № 9.
376. *Королев В.Н.* План переселения казаков на Средиземное море // Донской временник. Год 2000-й. Ростов н/Д, 1999.
377. *Королев В.Н.* «По край было моря синего...» Страница из морской истории казачества // Богатый колодезь. Историко-краеведческий альманах. Ростов н/Д, 1991. Вып. 1.
378. *Королев В.Н.* Разгром Синопа. (Морской набег казаков 1614 года) // Донской временник. Год 1999-й. Ростов н/Д, 1998.
379. *Королев В.Н.* [Рец. на кн.:] Русский посол в Стамбуле. Петр Андреевич Толстой и его описание Османской империи начала XVIII в. М., Глав, ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука», 1985, 161 с. // Народы Азии и Африки. 1988. № 1.
380. *Королев В.Н.* Технология донского казачьего мореплавания на Азовском и Черном морях в XVII в. (мореходные инструменты и карты) // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Межвузовский сборник научных трудов. Ростов н/Д, 1988.
381. *Королев В.Н.* Ускоки и казаки // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Тезисы VII международной научной конференции (17—21 мая 1994г.). Ростов н/Д,1994.
382. *Короленко П.П.* Некрасовские казаки // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. Екатеринодар, 1900. Вып. 2.
383. *Корольов В., Мицик Ю.* У святу недшю не сиз! орли заклекотали... // Лггопис Червоно! Калини. Львів, 1991. № 3.
384. *Костомаров Н.И.* Богдан Хмельницкий // Костомаров Н.И. Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования. СПб., 1904. Кн. 4.
385. *Костомаров Н.И.* Богдан Хмельницкий — данник Оттоманской Порты // Там же. СПб., 1905. Кн. 5.
386. *Костомаров Н.И.* Иван Свирговский, украинский козацкий гетман XVI века // Там же. СПб., 1903. Кн. 1.
387. *Костомаров Н.Л.* История козачества в памятниках южнорусского народного песенного товрчества // Там же. СПб., 1905. Кн. 8.
388. *Костомаров Н.И.* Окозаках. По поводу статьи П.А. Кулиша, напечатанной в 3-й и 6-й тетрадях «Русского архива», изд. 1877 года // Там же. Кн. 5.
389. *Краснов Н.И.* Донской казачий флот. (Сообщение 28 марта 1886 года). [СПб., 1886].
390. *Краснов Н.* [И.] Исторические очерки Дона. I. От Разина до Була-вина // Русская речь. 1881. № 1, 3.
391. *Краснов Н.* [И.] Исторический очерк Земли Войска Донского. Отд. отт. из ж-ла «Основа». 1862.
392. *Краснов Н.* [И.] Казачий флот. (По поводу привлечения донских низовых казаков к морской службе) // Военный сборник. 1885. № 10.
393. *Краснов Н.И.* Поиск донского казака Ивана Богатого под Царь-град. (Очерки нравов и обычаев из быта донцов в XVII столетии). Ежемес. прилож. к ж-лу «Живописное обозрение». 1884. №8—11.

394. *Краснов П.Н.* Казацкие думы о синем море // Донские областные ведомости. 1903. № 23.
395. [Краснов П.Н.] Картины былого тихого Дона. М., 1992. Т. 1.
396. *Кривонос В. П.* Роль черноморских путей в развитии торговых связей украинских земель с Балканами (XVI — первая половина XVII в.) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Межвузовский сборник научных трудов. Ростов н/Д, 1986.
397. *Кривонос В.П.* Транспортировка товаров в торговле Львова с Причерноморьем (XVI — первая половина XVII в.) // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Межвузовский сборник научных трудов. Ростов н/ Д, 1988.
398. *Крип'якевич 1.П.* Богдан Хмельницький. Кш'в, 1954.
399. *Крип'якевич І.* [П.] Козаччина в полггичних комбшашях 1620— 1630 рр. // Записки Наукового товариства 1мени Шевченка. Львів, 1914. Т. 117-118.
400. *Крип'якевич І.* [П.] Серби в украшсыам вшську 1650—1660рр. // Там же. Львів, 1920. Т. 129.
401. *Крылова Т.К.* Русско-турецкие отношения во время Северной войны // Исторические записки. М., 1941. Т. 10.
402. *Кузьмин А.* Запорожская Сечь. Исторический и бытовой очерк. М., 1902.
403. *Кулиш П.* [А.] Восточный вопрос и задунайская Славянщина перед глазами московского царя Михаила Федоровича. 1626// Журнал Министерства народного просвещения. 1878. №2—3.
404. *Кулиш ПА.* История воссоединения Руси. СПб., 1874. Т. 1—2.
405. *Кулиш* Я.[А.] Казаки по отношению к государству и обществу // Русский архив. 1877. №3, 6.
406. *Кулиш П.А.* Отпадение Малороссии от Польши (1340—1654). М.,1888-1889. Т.1-3.
407. *Кулиш П.* [А.] Польско-казацкая война 1638 года // Отечественные записки. 1864. №9
408. *Кулиш П.* [А.] Украинские казаки и паны в двадцатилетие перед бунтом Богдана Хмельницкого // Русское обозрение. 1895. № 1—5.
409. *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI — 30-е годы XVII века. М., 1963.
410. *Лазаревский А.* Украинские козаки в двадцатых годах XVII в. // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. Киев, 1902. Кн. 15. Вып. 4.
411. *Ламанский В. О* славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб., 1859.
412. *Латун А.И.* Морское искусство запорожских казаков при обороне южнорусских рубежей (по воспоминаниям современников-иностранцев) // Казачество в истории России. Тезисы докладов международной научной конференции «Казачество в истории России» (к 200-летию Екатеринодара-Краснодара и 43 кубанских станиц). Краснодар, 1993.
413. *Левшпский Г.* Старочеркасск и его достопримечательности // Донские епархиальные ведомости. 1870. № 6.
414. *Левченко М.* 3 поля фольклористики и етнографй. Статп та записи. Кит, 1927.
415. *Лемерсье-Келькеже Ш.* Литовский кондотьер XVI в. князь Дмитрий Вишневецкий и образование Запорожской Сечи по данным оттоманских архивов // 1_а Ки551е е1 ГЕигоре XVI-е — XX-е $1ес1е5. Франко-русские экономические связи. Москва; Париж, 1970,
416. *Лохвицкий А.* О пленных по древнему русскому праву (XV, XVI, XVII века). Исследование и. д. адъюнкта Ришельевского лицея кандидата А. Лохвицкого. М., 1855.
417. *Лунин Б.В.* Азовское сиденье. Страницы из истории донского казачества. Ростов н/Д, 1939.
418. *Лунин Б.В.* Боевое содружество донских и запорожских казаков в борьбе против турецко-татарской агрессии в первой половине XVII века // Из истории Дона (XVII—XX вв.). Сборник статей. Ростов н/Д, 1956. Вып. 1.
419. *Лунин Б.* [В.] Древний монетный клад из станицы Мелеховской // Памятники древности на Дону. Материалы к описанию и изучению археологических памятников Подонья — Приазовья. Ростов н/Д, 1940.
420. [Лунин Б.В.] К истории донского казачества. Ростов н/Д, 1939.
421. *Лунин Б.В.* Материалы к исторической хронологии Ростовской области // Хрестоматия по истории Подонья и Приазовья. Ростов н/Д, 1941. Кн. 1.
422. *Лунин Б.В.* Очерки истории Подонья — Приазовья. Ростов н/Д, 1951. Кн. 2.
423. *Лупач В.С.* Русский флот— колыбель величайших открытий и изобретений. М., 1952.
424. *Львов Л.* Отношения между Запорожьем и Крымом. Одесса, 1895.
425. *Мавроди» В.В.* Русское мореходство на южных морях (Черном, Азовском и Каспийском с древнейших времен и до XVI века включительно). Симферополь, 1955.
426. *Магаков Г.Ю., Королев В.Н.* Донские казаки и причерноморские греки в XVII в. // Очерки истории Азова. Азов, 1992. Вып. 1.

427. *Мазюкевич М.* Прибрежная война. Десантные экспедиции и атака приморских укреплений. Военно-исторический обзор. Публичные лекции, читанные в Морском училище и в Морском Кронштадтском собрании М. Мазюкевичем, военным инженер-полковником. СПб., 1874.
428. *Максимова М.И.* Краткий путь через Черное море и время его освоения греческими мореходами // Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1954. Ч. 2.
429. *Максимович МА.* Сказание о гетмане Петре Сагайдачном // Максимович М.А. Сочинения. Киев, 1876. Т. 1.
430. *Макушев В.* Болгария под турецким владычеством, преимущественно в XV и XVI веках. (Лекции, читанные в Варшавском университете в марте 1872 года) // Журнал Министерства народного просвещения. 1872. № 10.
431. *Макушев В.* Восточный вопрос в XVI и XVII веках. (По неизданным итальянским памятникам) // Славянский сборник. СПб., 1876. Т. 3.
432. *Малинйчев Г.* Бочка по морю плыла // Труд. 1991. № 53—54.
433. *Маркович Н.* История Малороссии. М., 1842. Т. 1.
434. *Марков К.В.* Крестьяне на Дону // Сборник Областного Войска Донского статистического комитета. Новочеркасск, 1915. Вып.13.
435. *Морковин Н.* Очерк истории запорожского казачества. СПб., 1878.
436. *Миллер Г.Ф.* О малороссийском народе и запорожцах // Миллер Г.Ф. Исторические сочинения о Малороссии и малороссиянах Г.Ф. Миллера, бывшего историографа российского, писанные на русском и немецком языках и хранящиеся в Московском Главном архиве Министерства иностранных дел. М., 1846.
437. *Мининков Н.А.* Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д, 1998.
438. *Мининков Н.А.* Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.): Дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д., 1995.
439. *Мининков Н.А.* Политика московского правительства на Дону в XVI—XVII вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1978.
440. *Мининков Н.А.* Сословно-правовое положение донского казачества в XVII веке // Известия Северо-Кавказского научного Центра высшей школы. Общественные науки. 1983. № 3.
441. [Миньо В.] История турецкая, начиная временами, как оная составилась, до замирения между султаном Магмутом, или Магометом Пятым, и римским императором Карлом Шестым в 1740-м году. Сочиненная аббатом Миньотом, настоятелем Селиерского монастыря, почтенным членом так называемого во Франции Великого совета. СПб., 1790. Ч. 2.
442. *Михаиловичева З.И.* Взаимоотношения Московского государства и Войска Донского во 11-ой четверти XVII в.: Дис. ... канд. ист. наук. Загорск, 1946.
443. *Мицик Ю.* [А.] Щнна 1сторико-л1тературна пам'ятка XVII
столптя // Всесвгт. 1980. № 10.
444. *Мицик Ю.А., Плохш С.М., Стороженко 1.С.* Як козаки воювали. Историчн! розповш про запор1зьких козак!в. Дншропетровськ, 1990.
445. *Мишев К., [Топов В.* Морфометрическая характеристика Черноморского бассейна // Черное море. Сборник. Л., 1983.
446. *Моложавенко В.* Гремучий Маныч. Путешествие от Дона до Каспия. М., 1977.
447. *Мордовцев М.* Казаки и море. Стихотворные отрывки из истории морских походов запорожского казачества в начале XVII века // Малорусский литературный сборник. Саратов, 1859.
448. *Мыцык Ю.А.*Записки иностранцев как источник по истории Освободительной войны украинского народа 1648—1654гг. Днепропетровск 1985.
449. *Мыцык Ю.А.* Записки иностранцев как источник по истории Украины (вторая половина XVI — середина XVII в.). Днепропетровск 1981. Ч. 1.
450. *Мыцык Ю.А* Из истории совместной борьбы славянских народов против турецких завоевателей в XVII в. // Формирование и развитие исторических связей и сотрудничества братских социалистических стран. Тезисы докладов и сообщений республиканской научной конференции. Львов, 28-30сентября 1983г. Львов, 1983.
451. *Мыцык Ю.А* Новые данные о черноморских походах донского и запорожского казачества против Османской империи и Крымского ханства (середина — третья четверть XVII в.) //

Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Межвузовский сборник научных трудов. Ростов н/Д, 1988.
452. *Мыцык Ю.А.* Новые данные о черноморских походах запорожского казачества против Османской империи и Крымского ханства в конце XVI— первой половине XVII в. (на материалах архивохранилищ ПНР) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Межвузовский сборник научных трудов. Ростов н/Д, 1986.
453. *Надхин Г.П.* Память о Запорожье и о последних днях Запорожской Сечи. М., 1877.
454. *Накашидзе Н.Т.* Грузино-русские политические отношения в первой половине XVII века. Тбилиси, 1968.
455. *Наливайко Д.С.* Вщгомш боротьби украшських козак!в з шля-хетсько-католицькою експаншею наприкшщ XVI 1 першш половин! XVII ст. у Захшпй Еврош // Середш вжи на Укрш'ш. Кшв, 1971. Вип.1.
456. *НшивайкоД.* [С.] Запорожш в Захщнш Еврош// Наука 1 суспшьство. 1969. № 1.
457. *Наливайко Д.С.* Захщноевропейсьи автори кшця XVI — початку XVII ст. про роль украшських козаюв у боротьб! з турецькою агреаею // Український історичний журнал. 1968. № 5—6.
458. *Наливайко Д.С.* Україна у французькій л!тератур1 XVII ст. // Ра-дянське лггературознавство. 1969. № 4.
459. *Науменко В.* Происхождение малорусской думы о Самуиле Кошке // Киевская старина. 1883. №6.
460. *Новичев А.Д.* История Турции. Л., 1963. Ч. 1.
461. *Новичев А.Д.* Население Османской империи в XV—XVI веках // Вестник Ленинградского университета. 1960. № 14. Серия истории, языка и литературы. Вып. 3.
462. *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948.
463. *Новосельский А.А.* [Рец. на кн.:] Смирнов Н.А. Россия и Турция в ХУ1-ХУПвв. Т. 1 — 11. М.: Изд. МГУ, 1946// Вопросы истории. 1948. № 2.
464. *Новосельский А.А.* Совместная борьба русского и украинского народов против турецко-татарских захватчиков // Доклады и сообщения Института истории. М., 1954. Вып. 2.
465. *Ногин И.* Краткий исторический очерк Донского края. Новочеркасск, 1914.
466. *Овсянников Е.* Константинопольский патриарх Кирилл Лукарис и его борьба с римско-католическою пропагандою на Востоке. Жизнь и деятельность патриарха Кирилла Лукариса. (Церковно-исторический очерк). Новочеркасск, 1903.
467. *Овчаров Н.* Корабоплаването по българското черноморско крайб-режие (Х1У-Х1Х). София, 1992.
468. *Овчинников И.* Проливы. [СПб., б/г.].
469. [Оржельский]. Первий период козацтва од его початку до ворогу-вання з ляхами // Правда. 1868. №25—26.
470. *Орловский* [П.Г.] Взгляд на мореходство и морские силы у всех народов в мире. Выбрано из разных авторов, с рисунками кораблей по эпохам. С присовокуплением описания мореходства украинских казаков, прославившихся на Черном море в XVI веке, рисунка их челнов и рисунков всех ныне употребляемых судов по внутренней навигации в России. СПб., 1836.
471. *Осиное К.* Богдан Хмельницкий. 2-е изд., перераб. М., 1948.
472. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV—XVI вв. Главные тенденции политических взаимоотношений. М., 1984.
473. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 1998. Ч. 1.
474. *Павлищев Н.И.* Польская анархия при Яне Казимире и война за Украину. 2-е изд. СПб., 1887. Т. 1.
475. *Первольр И.* Славяне, их взаимные отношения и связи. Варшава, 1886. Т. 2.
476. *Петросян И.Е.* Турецкий источник труда Марсильи «5Шо гшШаге (ЫПтрегю ОПотаппо» //Тюркологический сборник. 1979. Османская империя: проблемы истории и источниковедения. М., 1985.
477. *Петросян Ю.А.* Древний город на берегах Босфора. Исторические очерки. М., 1986.
478. *Петросян Ю.А.* Османская империя. Могущество и гибель. Исторические очерки. М., 1990.
479. *Петросян Ю.А.* Русские на берегах Босфора. Исторические очерки. СПб., 1998.

480. *Петросян Ю.А., Юсупов А.Р.* Город на двух континентах. Византии. Константинополь. Стамбул. М., 1977.
481. *Пивоваров А.Н.* Донские казаки. Сборник рассказов из боевой и домашней жизни донцов. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1909.
482. *Пингирян Г.П.* Роль польских дипломатов-армян втурецко-польских отношениях первой четверти XVII века // Историко-филологический журнал. Ереван, 1986. №4.
483. *Плохий С.Н.* Папские дипломаты о черноморских походах запорожцев накануне и в гаде Хотинской битвы // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Межвузовский сборник научных трудов. Ростов н/Д, 1988.
484. *Плохий С.Н.* Папство и Украина. Политика Римской курии на украинских землях в XVI—XVII вв. Киев, 1989.
485. *Плохий С.Н.* Политика Ватикана в Северном Причерноморье и украинское казачест»о в конце XVI в. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Межвузовский сборник научных трудов. Ростов н/Д, 1986.
486. *Погодин Н.* Казаки. М., 1926.
487. Я[олевой] Я. Завоевание Азова в 1637 году // Московский телеграф. 1827. № 5.
488. [Полетика Г.А.] История русов или Малой России. Сочинение Георгия Кониского, архиепископа Белорусского. М., 1846.
489. *Попов М.Я.* Хзовское сидение. М., 1961.
490. *Пр-ев В.* О казачьем флоте // Новое время. 1886. № 3622.
491. *Пронштейн А.П.* Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д, 1961.
492. *Пронштейн А.П., Мининков Н.А.* Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков и донское казачество. Ростов н/Д, 1983.
493. *Пудовое В.М.* История Войска Донского и старобытность начал казачества. Сочинение полковника Василия Михайловича Пудавова. Новочеркасск, 1898. Ч. 2. Вып. 1.
494. *Пудовое В.М.* Рассказы и письма из старинного донского казачьего быта. Из оставшихся рукописей 30-х годов, сочинения полковника Василия Михайловича Пудавова. Новочеркасск, 1895.
495. *Рамбо А.* Оттоманская империя. Первые признаки упадка (1566— 1648) // Всеобщая исгория с IV столетия до нашего времени. Составлена под руководством Эрнеста Лависса и Альфреда Рамбо. М., 1898. Т. 5.
496. *Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 году. М., 1983.
497. [Ревентлов] Босфор и Дарданеллы // Морской сборник. 1913. №4.
498. [Рец. на соч.:] Истрин В.М. Греческая запись о набеге казаков на Константинополь в начале XVII века. (Журн. М-ва нар. проев. 1898, № 7, стр. 42-48) // Киевская старина. 1898. №7-8.
499. *Ригельман А.* История или повествование о донских козаках, отколь и когда они начало свое имеют и в какое время и из каких людей на Дону поселились, какие их были дела и чем прославились и проч., собранная и составленная из многих вернейших российских и иностранных историев, летописей, древних дворцовых записок и из журнала Петра Великого чрез труды инженер-генерал-майора и кавалера Александра Ригельмана, 1778 года. М., 1846.
500. *Ригельман А.* Летописное повествование о Малой России. Собрано и составлено чрез труды Александра Ригельмана. М., 1848. 4.1.
501. *Родоная С.Э.* Борьба донского казачества с турецко-татарской агрессией в первой половине XVII в. и его взаимоотношения с Грузией: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1955.
502. *Рудницкий С.* Козацко-польска вшна р. 1625. 1сторична розвщка // Записки Наукового товариства 1мени Шевченка. Львiв, 1897. Т. 17.
503. *Рудницький* С. Украшсью козаки в 1625—30 рр. Критично-гсторичж розвщки // Там же. Кшв, 1899. Г. 31—32.
504. *Рябов С.И.* Донская земля в XVII веке. Волгоград, 1992.
505. *С.Н.* Изображение галерного раба XVI века // Киевская старина.
1891. №3.
506. *Савельев А.* Трехсотлетие Войска Донского. 1570—1870 гг. Очерки из истории донских казаков. СПб., 1870.
507. *Савельев П.С.* Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб., 1846. Ч. 1.
508. *Санин Г.А.* Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М., 1987.

509. *Сахаров А.М.* Очерки истории СССР. XVII век. М., 1958.
510. Сахаров А. [Н.] Степан Разин. (Хроника XVII века). М., 1973.
511. *Сахаров П.П.* Белое рабство на Дону. К пятидесятой годовщине освобождения донских крестьян // Донская церковная старина. Новочеркасск, 1911. Вып. 3.
512. *Сементовский Н.* Старина малороссийская, запорожская и донская. СПб., 1846.
513. *Сергиенко Г.Л.* Прогресивна роль Запор1зько'1 С1ч1 в 1сторЯ Украши // Вгсник Академ наук Украшсько! РСР. 1985. № 8.
514. *Сергшчук В. 1.* Козацький гетьман 1ван Сулима // Украшський юторичний журнал. 1987. № 5.
515. *Симоновский П.* Краткое описание о козацком малороссийском народе и военных его делах, собранное из разных историй иностранных, немецкой Бишинга, латинской Безольди, французской Шевалье, и рукописей русских чрез бунчукового товарища Петра Симоновского, 1765 года. М., 1847.
516. *Скрипов А.Н.* На просторах Дикого поля. 2-е изд., перераб. и доп.
Ростов н/Д, 1973.
517. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887.
518. *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в ХУ1-ХУП вв. М., 1946. Т.1-2.
519. *Снегаров И.* Културни и политически връзки между България и Русия през ХУ1-ХУШ в. София, 1953.
520. *Соловьев В.* Анатомия русского бунта. Степан Разин: мифы и реальность. М., 1994.
521. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1961. Кн.
5-7.
522. *Соловьев С.* [М.]. Малороссийское козачество до Хмельницкого // Русский вестник. 1859. Т. 23. Сентябрь. Кн. 1.
523. *Стеллецкий Б.* Польско-казацкая война с Турцией 1621 года // Военно-исторический вестник. 1909. № 7—8.
524. *Степанов Н.В.* Крестьянская война в России в 1670—1671 гг. Восстание Степана Разина. Л., 1966. Т. 1.
525. *Степанов Н.В.* Крестьянская война в России в 1670—1671 гг. Начальный период Крестьянской войны. Л., 1972. Т. 2. Ч. 1.
526. *Стороженко А. В.* Стефан Баторий и днепровские козаки. Киев,
1904.
527. *Сухорукое В.* Историческое описание Земли Войска Донского // Дон. 1988. №4-12; 1989. № 1-8, 10-12; 1990. № 1-12.
528. [Сухорукое В.] Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях // Русская старина. Карманная книжка для любителей отечественного на 1825 год. СПб., 1824.
529. С[ухоруков| *В.* О внутреннем состоянии донских Козаков в конце
XVI столетия // Соревнователь просвещения и благотворения. 1824. Ч. 26 Кн. 2. № 5.
530. *Сухорукое I.* Разбор книги: История Войска Донского В. Бронев-ского. 1836 года. С.-Петербург//Донской вестник. 1867. №27,29.
531. Сыны донских степей. Ростов н/Д, 1973.
532. *Таскаев В.И.* Известия древнегреческих авторов о морской торговле, торговом и военном флоте Северного Причерноморья // Социально-экономические проблемы истории древнего мира и средних веков. Сборник трудов. М., 1972.
533. *Теплое В.* Представители европейских держав в прежнем Константинополе. Исторический очерк. СПб., 1890.
534. *Тихомиров М.Н.* Борьба русского народа за выходы к морю в XIII—
XVII вв. // Русское военно-морское искусство. Сборник статей. М., 1951.
535. *Тихомиров М.Н., Дмитриев С.С.* История СССР. М., 1948. Т. 1.
536. «Тш слави козацькоТ повж не забудем...» Дншропетровськ, 1989.
537. *Тунманн* [С.) Крымское ханство. Симферополь, 1936.
538. *Тушин Ю.П.* Из истории морских походов донского и запорожского казачества во второй половине XVII века // Ученые записки [Курского государственного педагогического института]. Курск, 1969. Т. 60.
539. *Тушин Ю. П.* К вопросу о судах запорожских казаков в ХУ!—XVIII вв. (по поводу статей В.Г. Фоменко и Я.П. Супруненко) // Вестник Ленинградского университета. 1968. № 14. Серия истории, языка и литературы. Вып. 3.

540. *Тушин Ю.П.* Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях в XVII в. Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1970.
541. *Тушин Ю.П.* Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях (XVII век). М., 1978.
542. *Тхоржевский С.* [И.] Донское Войско в первой половине семнадцатого века // Русское прошлое. Исторические сборники. Пг., 1923. Сб. 3.
543. *Тхоржевский С.И.* Стенька Разин. Исторический очерк. Пг., 1923.
544. *Уляницкий В.А.* Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М., 1883.
545. *Успенский Ф.* Как возник и развивался в России восточный вопрос. СПб., 1887.
546. *Фехнер М.В.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. 2-е изд. М., 1956.
547. *Филиппов Д.М.* Циркуляция и структура вод Черного моря. М., 1968.
548. *Фирсов Л.В.* Исары. Очерки истории средневековых крепостей южного берега Крыма. Новосибирск, 1990.
549. *Флоря Б.Н.* Русское посольство в Стамбуле в 1613 г. и Речь Поспо-литая // Советское славяноведение. 1982. № 1.
550. Фр[ейганг] *А.* [Рец. на кн.:] Славянский сборник. Том первый. Санкт-Петербург, 1875г. // Морской сборник. 1875. № 11. Отд. библиографии.
551. *Хензель В.* Проблема ясыря в польско-турецких отношениях XVI— XVII вв. // Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв. М., 1979.
552. *Чемерзин А.* Турция. Ее могущество и распадение. Исторические и военные очерки. СПб., 1878. Т. 1.
553. *Четверухин Г.Н.* История развития корабельной и береговой артиллерии. М.; Л., 1942. Ч. 1.
554. *Чиперис А.М.* Борьба народов юго-востока Крыма против экспансии султанской Турции в 50—70-х годах XV века // Ученые записки [Туркменского государственного университета им. АМ. Горького]. Ашхабад, 1960. Вып. 17.
555. *Шамсутдинов А.М.* Проблемы становления Османского государства по турецким источникам XIV—XV вв. // Османская империя. Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. Сборник статей. М., 1986.
556. *Шевченко Ф.П.* Полггичш та економ!чш зв'язки Украши з Роаею в середин! XVII ст. Кшв, 1959.
557. *Шеремет В.* Босфор. Россия и Турция в эпоху первой мировой войны. По материалам русской военной разведки. М., 1995.
558. *Шершав А.Л.* К истории военного кораблестроения. М., 1952.
559. *Шолохов Л.Г.* Дон и Азовское море. Новочеркасск, 1993.
560. *Штенцель А.* История войны на море в ее важнейших проявлениях с точки зрения морской тактики. Пг., 1918. Ч. 2.
561. *Щелкунов С.* Вольные люди и их служба на Дону // Сборник Областного Войска Донского статистического комитета. Новочеркасск, 1914. Вып. 12.
562. *Щелкунов С.* Донские атаманы первой половины XVII века // Там же. Новочеркасск, 1915. Вып. 13.
563. *Эворницкий Д,И.* Гетман Петр Конашевич Сагайдачный //Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии. Екатеринослав, 1913. Вып. 9.
564. *Эварницкий Д.И.* Запорожцы в поэзии Т.Г. Шевченка // Там же. Екатеринослав, 1912. Вып. 8.
565. *Эварницкий Д.И.* История запорожских Козаков. М., 1900. Т. 1 (2-е изд., испр. и доп.); СПб., 1895. Т. 2.
566. *Эварницкий Д.* [И.] Очерки по истории малороссийских и запорожских казаков. Князь Димитрий Иванович Вишневецкий //Детское чтение. 1902. № 1.
567. *Яковлев И.И.* Корабли и верфи. 2-е изд. Л., 1973.
568. *Янчевский Н.* Колониальная политика на Дону торгового капитала Московского государства в XVI—XVII вв. Ростов н/Д, 1930.
569. *Alien W.E.D.* The Ukraine. Cambridge, 1940.
570. *B.A. van.* Die Kosaken in ihrer geschichtlichen Entwickelung und gegenwiirtigen Zustanden. B., 1860.
571. *Baranowski B.* Chlop polski w waice z Tatarami. Warszawa, 1952.
572. *Baranowski B.* Geneza sojuszu kozacko-tatarskiego z 1648 r. // Przegla.d historyczny. 1948. T. 37.
573. *Baranowski B.* Polska a Tatarszczyzna w latach 1624—1629. Lodz, 1948.

574. *Berindei M; Veinstein G.* La Tana-Azaq de la presence italienne a 1 'emprise ottomane (fin XHI-e — milieu XVI-e siecle) // Turcica Revue d'etudes turques. P., 1976. Vol. 2.
575. *Borschak E.* L'Ukraine dans la litterature de 1'Europe Qccidentale. P., 1935.
576. *Bratianu G.J.* Les Venetiens dans la Mer Noire aux XlV-e siecle. La politique du Senat en 1332—1333 et notion de latinite // Etudes et recherches. Bucarest, 1939. XL
577. *Braudel F.* La Mediterranee et le monde mediterraneen a 1'epoque de Philippe II. *5-etd.* P., 1982. T. 1.
578. *Breheret V.* Les Cosaques. P., 1972.
579. *Catualdi V.* Sultan Jahja deH'imperial casa Ottomana od altrimenti Alessandro conte di Montenegro ed i suoi discendenti in Italia Nuovi contributi alia storia delta questione orientale e delle relazioni politiche fra la Turchia e le potenze Cristiane nel secolo XVII. Trieste, 1889.
580. *Czarnowski J.* Ukraina i Zaporoze czyli historya Kozak6w od pojawienia sie ich w dziejach do czasu ostatecznego przylaczenia do Rossyi wedlug najlepszych zrodel napisana Warszawa, 1854. T. 1.
581. *Czermak W.* Plany wojny tureckiej Wladyslawa IV. Krakow, 1895.
582. *Djuvara T.G.* Cent projets de partage de la Turquie (1281 — 1913). P., 1914.
583. *Dopierala K.* Liga antyturecka w planach Stefana Batorego // Polska Niemcy. Europa Poznan, 1977.
584. *Dorosenko D., Rypka J.* Polsko, Ukrajina, Krym a Vysoka Porta v prvni pol. XVII. stol. // Casopis Narodniho Musea 1936. Oddil prirodovedny. Praha, 1936.
585. *Dzieduszycki M.H.* Krotki rys dziejow i spraw lisowczykow. Lwow, 1843. T. 1.
586. *Dziubinski A.* Handel niewolnikami polskimi i ruskimi w Turcji w XVI wieku i jego organizacja // Zeszyty historyczne. Warszawa, 1963. T. 3.
587. *Eck 0.* Seerauberei im Mittelmeer. Miinchen; Berlin, 1940.
588. *Engel J.C. van.* Geschichte der Ukraine und der ukrainischen Cosaken, wie auch der Konigreiche Halitsch und Wladimir. Halle, 1796.
589. *Ferko M.* Pod ciernou vlajkou. Zo zivota a dejin piratov. Bratislava, 1984.
590. *Golebiowski S.* Szahin Giraj i Kozacy // Biblioteka Warszaw-ska 1852. Kwiecien. T. 2.
591. *Hammer J. uon.* Constantinopolis und der Bosporos, ortlich und geschichtlich beschrieben von Jos. von Hammer. Pesth, 1822. Bd. 1—2.
592. *Hammer J. von.* Geschichte des Osmanischen Reiches, gros-sentheils aus bisher unbeniitzten Handschriften und Archiven durch Joseph von Hammer. Pest, 1829-1830. Bd. 4-6.
593. *Hess A.C.* The Battle of Lepanto and its Place in Mediterranean History // Past and Present. 1972. X° 57.
594. *JalA.* Archeologie navale. P., 1840. T. 1-2.
595. *Jorga N.* Geschichte des Osmanischen Reiches. Nach den Quellen dargestellt. Gotha, 1910-1911. Bd. 3-4.
596. *Jorga N.* Studii istorice asupra Chiliei si Cetatii — Albe. Bucuresci, 1900.
597. *Kortepeter C.M.* Ottoman Imperialism During the Reformation: Europe and the Caucasus. N.Y., 1972.
598. *Kortepeter C.M.* Ottoman imperial Policy and the Economy of the Black Sea Region in the Sixteenth Century // Journal of the American Oriental Society. 1966. Vol. 86. NO 2.
599. *Kosian E.* Bitwy na Baltyku. Warszawa, 1978.
600. *Krasinski H.* The Cossacks of the Ukraine: comprising Biographical Notices of the most celebrated Cossack Chiefs or Attamans, including Chmielnicki, Stenko Razin, Mazeppa, Sava, Zeiezniak, Gonta, Pugatchef, and a Description of the Ukraine. L., 1848.
601. *La Gravi£re J. de.* Les corsaires barbaresques et la marine de Soliman le Grand. P., 1887.
602. *Lamanine A. de.* Histoire de la Turquie. P., 1855. T. 6.
603. *LesurM.* Histoire des Kosaques, precedee d'une introduction ou coup — d'oeil sur les peuples qui ont habit£ les pays des Kosaques, avant 1'invasion des Tartares. P., 1814. T. 1.
604. *Longworth P.* The Cossacks. L., 1969.
605. *Luber S.* Die Herkunft von Zaporoger Kosaken des 17. Jahrhunderts nach Personennamen. B., 1983.
606. *Majewski W.* Plany wojny tureckiej Wladyslawa IV a rzekome przymierze kozacko-tatarskie z 1645 r. // Przeglad historyczny. 1973. T. 64. Z. 1.
607. *Mantran R.* Istanbul dans la seconde moitie du XVII-e siecle. Essai d'histoire institutionnelle, economique et sociale. P., 1962.
608. *Mantran K.* Istanbul, port de 1'Empire Ottoman // Le pouvoir central et les villes en Europe de 1'Est et du Sud-Est du XV-e siecle aux debuts de la revolution industrielle. Les villes portuaires. Sofia, 1985.
609. *Marx K.* Secret Diplomatic History of the 18th Century. L., 1899.

610. *Mi.tche.ll D.W.* A History of Russian and Soviet Sea Power. L, 1974.
611. Paris *E.* Die grosse Zeit der Galeeren und Galeassen. Rostock, 1973.
612. *Pertek J.* Poles on the High Seas. Wroclaw; Warszawa; Krakow; Gdansk, 1978.
613. *Pietrzak J.* Po Cecorze i podczas wojny Chocimskiej. Sejmy z lat 1620 i 1621. Wroclaw, 1983.
614. *Pissot N.-L.* Precis historique sur les Cosaques, nation sous la domination des Russes: leur origine, etablissement et accroissement; leur grandeur et-abaissement; leurs moeurs et usages. P., 1812.
615. *Podhorodecki L.* Sicz Zaporoska 3-e wyd., popr. i uzup. Warszawa, 1978.
616. *Podhorodecki L; Raszba N.* Wojna Chocimska 1621 roku. Krakow, 1979.
617. *Pollmann H.* Beitrag zur altesten Geschichte des Kosakentums. Munchen, 1888.
618. *Pritsak 0.* Das erste tiirkisch-ukrainische Bundnis (1648) // Oriens. Leiden, 1953. N° 6.
619. *Rawita-Gawronski F.* Kozaczyzna ukrainna w Rzeczypospolitej Polskiej do konca XVIII wieku. Zarys polityczno-historyczny. Warszawa; Krakow; Lublin; Lodz; Poznan; Wilno; Zakopane, [1922].
620. *Savant J.* Histoire mondiale de la marine. P., 1961.
621. *ScMrer J.-B.* Annales de la Petite-Russie, ou Histoire des Cosaques-Saporogues et des Cosaques de 1'Ukraine, ou de la Petite-Russie, depuis leur origine jusqu'a nos jours. P., 1788. T. 1—2.
622. *Schtrer J.-B.* Geschichte der ukrainischen und saporogischen Kasaken, nebst einigen Nachrichten von der Verfassung und den Sitten derselben. Nach J.-B. Scherers aus russischen Handschriften ubersetzten «Annales de la Petite-Russie eto bearbeitet von Karl Hammerdorfer. Leipzig, 1789.
623. *SeatonA.* The Horsemen of the Steppes. The Story of the Cossacks. L.. 1985.
624. *Serczyk WA.* Na dalekiej Ukrainie. Dzieje Kozaczyzny do 1648 roku Krakow; Wroclaw, 1984.
625. *Szajnocha K.* Powiesc o niewoli na Wschodzie // Szajnocha K Szkice historyczne. Lwow, 1861. T. 3.
626. *Todoroua E.* one of the Black Sea Routes, 13th-15th Centuries // Le pouvoir central et les villes en Europe de FEst et du Sud-Est du XV-e siecle aux debuts de la revolution industrielle. Les villes portuaires. Sofia, 1985.
627. *TraljicS.M.* Organizacija turske mornarice u XVI. stoljecu // Lepantska bitka Udio hrvatskih pomoraca u Lepantskoj bitki 1571. godine. Zadar, 1974.
628. *TretiakJ.* Historya wojny Chocimskiej 1621 r. Lwow, 1889.
629. *Unger R.W.* The Ship in the Medieval Economy. 600-1600 London-Montreal, 1980.
630. *Weike M.* Russland in der deutschen Publizistik des 17. Jahrhunderts (1613—1689) // Forschungen zur osteuropaischen Geschichte. B., 1976. Bd. 23.
631. *Wvjcik'l.* Dzikie Pola w ogniu. 0 Kozaczyznie w dawnej Rzeczypospolitej 3-e wyd., prz. i uzup. Warszawa, 1968.
632. *Zinkeisen J. W.* Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa. Hamburg, 1840. Th. 1; Gotha, 1854-1857. Th. 2-5.